3 1761 08106643 3

DUPLICATE
5902

05
-24

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

DUPL
ZVL,

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 4.

АПРѢЛЬ, 1912.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Lib 483

КНИГА 4-я.—АПРѢЛЬ. 1912.

СТРАН.

I.—СУХОДОЛЪ.—**Ив. Бунина** 3

II.—ТРИ ДНЯ.—**М. Горькаго** 61

III.—СВОБОДА. (Изъ воспоминаній бывшаго шлиссельбуржца).—**М. Фроленко** . . . 91

IV.—ВЪ ДВОРЯНСКОЙ БЕРЛОГѢ.—Очерки съ эпилогомъ.—(Окончаніе).—**Н. Тимковскаго** 123

V.—I.—НОЗАБЫТЫЕ БОГИ.—(Изъ Іосифа Маріа де-Хередіа).—II.—ИЗЪ «РЕКВІЕМА».—(Драммора). – Стихотворенія.—**Анатолія Доброхотова**. 181

VI.—КЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ МАТЕРІАЛАМЪ О ПОКОЙНОМЪ П. А. СТОЛЫПИНѢ—**П. А. Тверского** 183

VII.—ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ХАСИНТО БЕНАВЕНТЕ.—1. Взятіе Бастиліи.—2. Пѣвецъ Нищеты.—Перев. съ испанск. **Л. Б. Хавкиной**. 202

VIII.—НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ (Der Wetterwart).—(Продолженіе). — Переводъ съ нѣмецкаго **З Журавской** 206

IX.—ПАМЯТИ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.—**Д. Овсянико-Куликовскаго**. 247

X.—ФРЕЙДЪ И ФРЕЙДИСТЫ.—**Н. Костылева** 253

XI.—ХРОНИКА.—НАИВНЫЙ ЦИНИЗМЪ.—**Максима Ковалевскаго** 279

XII.—МУНИЦИПАЛИЗАЦІЯ И ЕЯ ПРОТИВНИКИ.—**Гр. Шрейдера** 285

XIII.—МАСОНЫ ВО ФРАНЦІИ.—Письмо изъ Парижа.—**Бѣлоруссова**. 305

XIV.—ТУБЕРКУЛЕЗЪ И СОВРЕМЕННАЯ БОЛЬНИЦА.—**Д-ра Мих. Юшкевича** . . . 322

XV.—ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ФРЕЙСИНЭ.—**Л. Слонимскаго**. 333

XVI.—СТАТЬЯ 175 УСТАВА О ЦЕНЗУРѢ И ПЕЧАТИ.—**С. Каменецкаго** 339

XVII.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Занесенные снѣгомъ хутора.—Отношеніе общинниковъ-крестьянъ къ хуторянамъ-малороссамъ.—Неудачи хуторянъ.—Крѣпкая ткань стараго общиннаго быта.—Тревога населенія передъ близящейся весной.—Путаница съ помощью для обсѣмененія полей.—Призракъ новой будущей голодовки.—**И. Жилкина** 346

XVIII.—КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. Адріанова** 355

XIX.—ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ФРАНЦІИ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.—**И. Иваюкова** 364

XX.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 376

XXI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Забастовка рабочихъ и ея послѣдствія въ Англіи.—Билль о минимальной платѣ въ парламентѣ.—Митинги и аресты.—Политика на ближнемъ Востокѣ.—Итальянскія дѣла.—Министерскія перемѣны въ Германіи 407

XXII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пренія о Холмщинѣ въ Государственной Думѣ.—Запросъ о преподаваніи Закона Божія инославнымъ учащимся въ начальныхъ школахъ.—Запросы, относящіеся къ дѣятельности министра народнаго просвѣщенія.—Законопроектъ о мѣстномъ судѣ въ Государственномъ Совѣтѣ.—Съѣздъ объединеннаго дворянства.—И. Н. Лебедевъ и А. И. Философова † 419

XXIII.—ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—Къ предстоящимъ выборамъ.—Характерный показатель общественнаго настроенія.—День «колоса ржи».—Правая и лѣвая половины русской общественности передъ выборами.—Воззваніе націоналистовъ.—Новая конституціонно-консервативная партія.—Выборные лозунги прогрессивныхъ избирателей.—Что можетъ и должно быть положено въ основу объединенія?—Партійные блоки 432

XXIV.—ОБЪЯВЛЕНІЯ 449

XXV.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

АПРѢЛЬ.

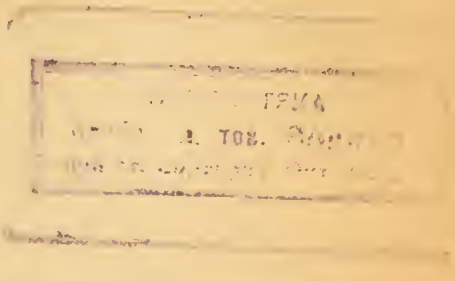
Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

AP
50
V5
g.47
kn. 4

Тип. т-ва „Общественная Польза“. Спб., Б. Подъяческая, 39.



СУХОДОЛЪ.

На морѣ, на окіянѣ, на островѣ
Буянѣ лежитъ сучнища...

I.

Въ Натальѣ всегда и больше всего поражала насъ ея привязанность къ Суходолу.

Молочная сестра нашего отца, выросшая съ нимъ въ одномъ домѣ, цѣлыхъ восемь лѣтъ прожила она у насъ въ Луневѣ, прожила какъ родная, а не какъ бывшая раба, простая дворовая. И цѣлыхъ восемь лѣтъ отдыхала, по ея же собственнымъ словамъ, отъ Суходола, отъ того, что заставилъ онъ ее выстрадать. Но недаромъ говорится, что, какъ волка ни корми, онъ все въ степь смотритъ. Выходивъ, вырастивъ насъ, снова воротилась она въ Суходолъ...

Помню отрывки нашихъ дѣтскихъ разговоровъ съ нею.

— Ты вѣдь сирота, Наталья?

— Сирота-съ. Вся въ господъ своихъ. Бабушка-то ваша Анна Григоревна куда какъ рано ручки бѣлыя сложила! Не хуже Агафь Афанасевны да Захаръ Прокофича.

— А кто это Агафь Афанасевна и Захаръ Прокофичъ?

— Мои батюшка и матушка.

— Отчего-жъ они померли?

— Смерть пришла, вотъ и померли-съ.

— Нѣтъ, отчего такъ рано?

— Такъ Богъ далъ. Батюшку господа въ солдаты отдали за провинности, матушка вѣку не дожила изъ-за индюшатъ гос-

нѣчто гораздо болѣе глубокое, гораздо болѣе сильное. Боже, какими страстными любителями воспоминаній, какими горячими приверженцами Суходола были и всѣ прочіе дворовые наши! А ужъ про тетю Тоню, про отца и говорить нечего.

Въ нищетѣ, въ избѣ обитала тетя Тоня. И счастья, и разума, и облика человѣческаго лишилъ ее Суходолъ. Но и она даже мысли не допускала никогда, не смотря на всѣ уговоры нашего отца, покинуть родное гнѣздо, поселиться въ Луневѣ.

— Да лучше камень въ горѣ бить!—со злобой вскрикивала она.

Отецъ былъ веселымъ, беззаботнымъ человѣкомъ; для него, казалось, не существовало никакихъ привязанностей. Но глубокая грусть слышалась и въ его разсказахъ о Суходолѣ. Уже давнымъ давно выселился онъ изъ Суходола въ Лунево, полевое помѣстье бабки нашей Ольги Кирилловны. Но жаловался онъ всю жизнь, чуть не до самой кончины своей.

— Одинъ, одинъ Хрущевъ остался теперь на свѣтѣ! Да и тотъ не въ Суходолѣ...

Правда, нерѣдко случалось и то, что, вслѣдъ за такими словами, на минуту задумывался онъ, глядя въ окна, въ поле, и вдругъ насмѣшливо улыбался, снимая со стѣны гитару:

— Впрочемъ, и Суходолъ хорошъ, пропади онъ пропадомъ!—прибавлялъ онъ съ тою же искренностью, съ какой говорилъ и за минуту передъ тѣмъ.

Но душа-то и въ немъ была суходольская, мужицкая,—душа, надъ которой такъ безмѣрно велика власть воспоминаній, власть степи, коснаго ея быта, той древней семейственности, что во едино сливала и деревню, и дворню, и домъ въ Суходолѣ. Правда, столбовые мы, Хрущевы, въ шестую книгу вписанные, и много было среди нашихъ легендарныхъ предковъ знатныхъ людей вѣковой литовской крови, да татарскихъ князьковъ, чья порода и сказалася въ насъ не однажды. А все же мы на дѣлѣ—мужики. Говорятъ, что составляли и составляемъ мы какое-то особое сословіе. А не проще ли дѣло? Были на Руси мужики богатые, были мужики нищіе, величали однихъ господишками, а другихъ холопами—вотъ, по моему, и разница вся. Исключенія не въ счетъ, и тѣмъ болѣе не въ счетъ, что вѣдь намъ, Хрущевымъ, степнякамъ, числа нѣтъ. Бытъ же нашъ съ мужицкимъ былъ почти что ровенъ, кровь мѣшалась съ кровью дворни и деревни спокон вѣку. Кто далъ жизнь Петру Кириллычу? Разно говорятъ о томъ преданія. Кто былъ родителемъ Герваськи, убійцы его? Съ раннихъ лѣтъ мы слышали, что Петръ Кирил-

лычъ. Откуда проистекало столь рѣзкое несходство въ характерахъ отца и дяди? Объ этомъ тоже разно говорятъ, нерѣдко связывая съ именемъ отца имя дворового Ткача. Молочной же сестрой отца была Наталья, съ Герваською онъ крестами мѣнялся... Давно, давно пора Хрущевымъ посчитаться родней съ своей дворней и деревней!

Въ тяготѣньи къ Суходолу, въ обольщеньи его стариною долго жили и мы съ сестрой. Дворня, деревня и домъ въ Суходолѣ составляли семью. Правили этой семьей еще наши пращуры. А вѣдь и въ потомствѣ это долго чувствуется. Жизнь семьи, рода, клана, глубока, узловата, таинственна, зачастую страшна. Но темной глубиной своей да вотъ еще преданіями, прошлымъ и сильна-то она. Письменными и прочими памятниками Суходолъ не богаче любого улуса въ башкирской степи. Ихъ на Руси замѣняетъ преданіе. А преданіе да пѣсня—отрава для славянской души! Бывшіе наши дворовые, страстные лѣнтяи, мечтатели, говоруны—гдѣ они могли отвести душу, какъ не въ нашемъ домѣ? Петръ Петровичъ погибъ рано. Клавдію Марковну никто и не считалъ Хрущевой, хотя даже и она, рожденная Ганешина, любила твердить: «наша, хрущевская, кровь...» Единственнымъ представителемъ суходольскихъ господъ оставался нашъ отецъ. И первый языкъ, на которомъ мы заговорили, былъ суходольскій. Первыя повѣствованія, первыя пѣсни, тронувшія насъ—тоже суходольскія, Натальины, отцовы. Да и могъ ли кто-нибудь пѣть такъ, какъ отецъ, ученикъ дворовыхъ,—съ такой беззаботной печалью, съ такимъ ласковымъ укоромъ, съ такой слабовольной задушевностью про «вѣрную-манерную, сударушку свою?» Могъ ли кто-нибудь разсказывать такъ, какъ Наталья? И кто былъ роднѣе намъ нашихъ бывшихъ дворовыхъ и бывшихъ крѣпостныхъ—суходольскихъ мужиковъ?

Распри, ссоры—вотъ чѣмъ споконъ вѣку славились Хрущевы, какъ и всякая долго, глухо и тѣсно живущая въ единеніи семья. А во времена нашего дѣтства случилась такая ссора между Суходоломъ и Луневымъ, что чуть не десять лѣтъ не переступала нога отца родного порога. Такъ путемъ и не видали мы въ дѣтствѣ Суходола: были тамъ только разъ, да и то проѣздомъ—не то въ Задонскъ, не то въ Тюпинъ Колодецъ. Но вѣдь сны порой сильнѣе всякой яви. И смутно, но неизгладимо запомнили мы лѣтній долгій день, какія-то волнистыя поля и заглохшую большую дорогу, очаровавшую насъ своимъ просторомъ и кое-гдѣ уцѣлѣвшими дуплистыми ветлами; запомнили улей, прикрытый корой, на одной изъ такихъ ветелъ, далеко

отошедшей съ дороги въ хлѣба,—улей, оставленный на волю Божью, въ поляхъ, при заглохшей дорогѣ; запомнили широкій поворотъ подъ изволокъ—и огромный голый выгонъ, на который глядѣли бѣдныя курныя избы, далеко, по степному раскинутыя; запомнили—на вѣки—и желтизну каменистыхъ враговъ за избами, бѣлизну голышей и щебня по ихъ днищамъ... Первое событіе, ужаснувшее насъ, тоже было суходольское: убійство дѣдушки Герваськой. И, слушая повѣствованія объ этомъ убійствѣ, безъ конца грезили мы этими желтыми, безъ конца куда-то уходящими оврагами: все казалось, что по нимъ-то и бѣжалъ Герваська, сдѣлавъ свое страшное дѣло и канувъ въ безвѣстность, «какъ ключъ на дно моря».

Мужики суходольскіе навѣщали Лунево не съ тѣми цѣлями, что дворовые, а на счетъ земельки больше. Но и они, какъ въ родной, входили въ нашъ домъ. Они кланялись отцу въ поясъ, цѣловали его руку, затѣмъ, тряхнувъ волосами, троекратно цѣловались и съ нимъ, и съ Натальей, и съ нами въ губы. Они привозили въ подарокъ медъ, яйца, полотенца. И мы, выросшіе въ полѣ, чуткіе къ запахамъ, жадные до нихъ не менѣе, чѣмъ до пѣсенъ, преданій, навсегда запомнили тотъ особый, пріятный, конопляный какой-то запахъ, что ощущали когда-то, цѣлуясь съ суходольцами; запомнили и то, что старой степной деревней пахли ихъ подарки: медъ—цвѣтущей гречей и дубовыми гнилыми ульями, полотенца—пуньками, курными избами временъ дѣдушки... Мужики суходольскіе ничего не разсказывали. Да что имъ и разсказывать-то было! У нихъ даже и преданій не существовало. Ихъ могилы безъимянны. А жизни такъ похожи другъ на друга, такъ скудны и безслѣдны! Ибо плодами трудовъ и заботъ ихъ былъ лишь хлѣбъ, самый настоящій хлѣбъ, что съѣдается. Копали они пруды въ каменистомъ ложѣ давнымъ давно изсякнувшей рѣчки Каменки. Но пруды вѣдь не надежны—высыхаютъ. Строили они жилища. Но жилища ихъ не долговѣчны: при малѣйшей искрѣ до тла сгораютъ они... Такъ что же тянуло насъ всѣхъ,—а Наталью всѣхъ больше,—даже къ голому выгону, къ избамъ и оврагамъ, къ разоренной усадьбѣ Суходола? Развѣ не она, не эта древняя семейственность, не кровное родство наше съ глухоманью степи?

II.

Нянекъ, старыхъ дворовыхъ величаютъ нерѣдко по отчеству. Ее звали всегда только по имени: прежде Наташкой, потомъ

Натальей. Не похожа она была на няньку: съ колыбели до могилы осталась она истою крестьянкою. Да мало похожъ былъ и Суходолъ на то, что обычно разсказывается о помѣщичьихъ гнѣздахъ.

Въ усадьбу, породившую душу Натальи, владѣвшую всей ея жизнью, въ усадьбу, о которой такъ много слышали мы, довелось намъ попасть уже въ позднемъ отрочествѣ.

Помню такъ, точно вчера это было. Разразился ливень съ оглушительными громовыми ударами и ослѣпительно-быстрыми, огненными змѣями молній, когда мы подъ вечеръ подъѣзжали къ Суходолу. Черно-лиловая туча тяжко свалилась къ сѣверо-западу, величаво заступила полъ-неба напротивъ. Плоско, четко и мертвенно-блѣдно зеленѣла равнина хлѣбовъ подъ ея огромнымъ фономъ, ярка и необыкновенно свѣжа была мелкая мокрая трава на большой дорогѣ. Мокрыя, точно сразу похудѣвшія лошади шлепали, блестя подковами, по синей грязи, тарантасъ влажно шуршалъ... И вдругъ, у самаго поворота въ Суходолъ, увидали мы въ высокихъ, мокрыхъ ржахъ высокую и престранную фигуру въ халатѣ и шлыкѣ, фигуру не то старика, не то старухи, бьющую хворостиной пѣгую комолую корову. При нашемъ приближеніи хворостина заработала сильнѣе, и корова неуклюже, крутя хвостомъ, выбѣжала на дорогу. А старуха, что-то крича, направилась къ тарантасу и, подойдя, потянулась къ намъ блѣднымъ лицомъ, острымъ носомъ, сжатыми губами и неподвижно-сумасшедшими, черно-карими глазами. Со страхомъ глядя въ эти глаза, чувствуя прикосновеніе ледяного носа и крѣпкій запахъ избы, поцѣловались мы съ подошедшей. Не сама ли это Баба-Яга, подумали мы, не Иванъ ли Грозный возсталъ изъ гроба и переселился въ Суходолъ? Но высокій шлыкъ изъ какой-то грязной тряпки торчалъ на головѣ Грознаго, на голое тѣло его былъ надѣтъ рваный и по поясъ мокрый халатъ, почти не закрывавшій тощихъ длинныхъ грудей, грудей старой цыганки. И кричалъ Грозный такъ, точно мы были глухіе, точно съ цѣлью затѣять яростную брань. И по крику мы поняли; это тетя Тоня...

Закричала, но весело, институтски-восторженно и Клавдія Марковна, толстая, маленькая, съ сѣденькой бородкой, съ необыкновенно живыми черными глазками, сидѣвшая у открытаго окна, въ домѣ съ двумя большими крыльцами, вязавшая нитяный носокъ и, поднявъ очки на лобъ, глядѣвшая на выгонъ, слившійся съ дворомъ. Низко, съ тихой улыбкой поклонилась стоявшая на правомъ крыльцѣ Наталья—дробненькая, загорѣ-

лая, въ лаптяхъ, въ шерстяной красной юбкѣ и въ сѣрой рубахѣ съ широкимъ вырѣзомъ вокругъ темной сморщенной шеи. Взглянувъ на эту шею, на худыя ключицы, на устало-грустные глаза, помню, подумалъ я: это она росла съ нашимъ отцомъ—давнымъ-давно, но вотъ именно здѣсь, гдѣ отъ дѣдовскаго дубоваго дома, много разъ горѣвшаго, остался вотъ этотъ, невзрачный, отъ сада—кустарники да нѣсколько старыхъ, престарыхъ березъ и тополей, отъ службъ и людскихъ—одна изба, амбаръ, глиняный сарай, да ледникъ, заросшій полынью и подсвекольникомъ... Запахло самоваромъ, посыпались разспросы; стали появляться изъ столѣтнихъ горочекъ хрустальныя вазочки для варенья, золотыя ложечки, истончившіяся до кленоваго листа, сушки, сбереженныя на случай гостей... И пока разгорался разговоръ, усиленно дружелюбный послѣ долгой ссоры, пошли мы бродить по темнѣющимъ горницамъ, ища балкона, выхода въ садъ...

Все было черно отъ времени, просто, грубо въ этихъ пустыхъ, низкихъ горницахъ, сохранившихъ совершенно то же расположеніе, что и при дѣдушкѣ, срубленныхъ изъ остатковъ тѣхъ самыхъ, въ которыхъ обиталъ онъ. Въ углу лакейской чернѣлъ большой образъ святого Меркурія Смоленскаго, того, чьи желѣзныя сандаліи и шлемъ хранятся на солеѣ въ древнемъ соборѣ Смоленска. Мы слышали: былъ Меркурій мужъ знатный, призванный къ спасенію отъ татаръ Смоленскаго края гласомъ иконы Божьей Матери Одигитріи-Путеводительницы. Разбивъ татаръ, святой уснулъ и былъ обезглавленъ врагами. Тогда, взявъ свою главу въ руки, пришелъ онъ къ городскимъ воротамъ, гдѣ ожидали его граждане, дабы исповѣдать бывшее... И жутко было глядѣть на суздальское изображеніе безглаваго человѣка, держащаго въ одной рукѣ мертвенно-синеватую голову въ шлемѣ, а въ другой икону Путеводительницы,—на этотъ, какъ говорили, завѣтный образъ дѣдушки, пережившій нѣсколько страшныхъ пожаровъ, расколовшійся въ огнѣ, толсто окованный серебромъ и хранившій на оборотной сторонѣ своей родословную Хрущевыхъ, писаппую подъ титлами. Точно въ ладъ съ нимъ, тяжелыя желѣзныя задвижки и вверху, и внизу висѣли на тяжелыхъ половинкахъ дверей. Доски пола въ залѣ были непомѣрно широки, темны и скользки, окна малы, съ подъемными рамами. По залу, уменьшенному двойнику того самого, гдѣ порой, перессорившись, Хрущевы садились за столъ съ нагайками, мы прошли въ гостиную, пахнущую старой мебелью и затхлостью. Тутъ, противъ дверей на балконъ, стояло когда-то фортепіано, на которомъ играла тетя Тоня, влюбленная въ офицера Войткевича, то-

варища Петра Петровича. А дальше зіяли раскрытыя двери въ диванную, въ наугольную,—туда, гдѣ были когда-то дѣдушкины покои...

Вечеръ же былъ сумрачный. Въ тучахъ, за окраинами почти вырубленнаго сада, за полуголой ригой и серебристыми тополями, вспыхивали зарницы, раскрывавшія на мгновеніе облачныя розово-золотистыя горы. Ливень, вѣрно, не захватилъ Трошина лѣса, что темнѣлъ вправо отъ насъ, далеко за садомъ, на косогорахъ за оврагами. Оттуда доносился сухой, теплый запахъ дуба, мѣшавшійся съ запахомъ зелени, съ влажнымъ мягкимъ вѣтромъ, пробѣгавшимъ по верхушкамъ столѣтнихъ березъ, уцѣлѣвшихъ отъ аллеи, по высокой крапивѣ, бурьянамъ и кустарникамъ вокругъ балкона. И глубокая тишина вечера, степи и глухой Руси царила надо всѣмъ...

— Чай кушать пожалуйте-съ,—окликнулъ насъ негромкій голосъ.

Это была она, участница и свидѣтельница всей этой жизни, главная сказительница ея, Наталья. А за ней, внимательно глядя сумасшедшими глазами, немного согнувшись, церемонно скользя по темному гладкому полу, подвигалась госпожа ея. Шлыка она не сняла, но вмѣсто халата на ней было теперь старомодное барежевое платье, на плечи накинута блекло-золотистая шелковая шаль.

— Où êtes-vous, mes enfants?—жантильно улыбаясь, кричала она, и голосъ ея, четкій и рѣзкій, какъ голосъ попугая, странно раздавался въ пустыхъ черныхъ горницахъ...

Велико было наше разочарованіе! Вѣдь какъ долго и жадно слушали мы повѣствованія о Суходолѣ. Всѣ говорили о немъ такъ, точно былъ онъ великокняжескимъ помѣстьемъ. Увидѣли же мы скудость, убожество, увидѣли сумасшедшую полудикую женщину, образъ которой романтизировали. Не по усадьбамъ Ларинespecially, Лаврецкихъ, этимъ оазисамъ, представляли мы себѣ Суходолъ. И все же всѣ преданія, всѣ поэтическія были Суходола померкли для насъ въ этотъ вечеръ, въ этой бѣдной глуши, стали представляться проще, обыденнѣе, грубѣе... До правды тогда намъ еще далеко было. Но теперь-то мы хорошо знаемъ ее! Да, ни къ разумной любви, ни къ разумной ненависти, ни къ разумной привязанности, ни къ здоровой семейственности, ни къ труду, ни къ общежитію не были способны въ Суходолѣ. Чуть не поголовно страдали тѣлесными и душевными недугами всѣ Хрущевы изъ поколѣнія въ поколѣніе, равно какъ и близкіе ихъ. Нелѣпыми и страшными былями полна суходольская лѣтопись. Мы послѣдніе

въ этой лѣтописи, мы порвали послѣднія нити, связывавшія насъ съ землею. Даже самое имя Хрущевыхъ скоро исчезнетъ навсегда. Но, право, мысль объ этомъ только радуетъ меня теперь. На *прошломъ* Суходола познали мы душу его. Но вѣдь этой же душой и создано оно. Въ немъ еще рѣзче и яснѣе, чѣмъ въ настоящемъ, выступали истинно-славянскія черты ея, гибельно обособленной отъ души общечеловѣческой.

Господиномъ Суходола считался отецъ нашъ. А на дѣлѣ-то и самъ онъ былъ рабомъ Суходола. И его загубилъ Суходолъ. Въ суходольскомъ домѣ всѣхъ здоровѣе и благороднѣе былъ онъ. Даже и обликомъ не похожъ онъ былъ, рослый, русый, голубоглазый, на прочихъ Хрущевыхъ. Но, по истинѣ, суходольская непригодность къ человѣческому существованію отличала и его, потомка вырождающагося клана. Послѣднюю рубашку готовъ онъ былъ снять съ себя для другого; да былъ ли хоть единый случай, когда не пропала бы она задаромъ, а пошла въ путныя, дѣльныя руки? Добръ онъ былъ, какъ ребенокъ. Бѣшено-вспыльчивъ, какъ звѣрь. Однимъ строгимъ окрикомъ можно было порою привести его въ страхъ и смиреніе. Но порою онъ могъ съ голыми руками полѣзть на толпу съ рогатинами. И умомъ, и остротой, живостью ума обладалъ онъ отъ природы. Но какъ-то такъ случалось, что изъ десяти словъ его восемь были неразумными. Твердо сказавъ себѣ и окружающимъ: «вотъ такъ-то долженъ сдѣлать я»,—въ ту же минуту дѣлалъ онъ какъ разъ обратное. Правильности, послѣдовательности въ сужденіяхъ онъ не переносилъ. Бодрость, пылкія мечты поминутно уступали въ его душѣ мѣсто полной безнадежности. Когда дѣла его запутывались, завязывались крѣпчайшимъ узломъ, онъ, сдѣлавъ нѣсколько внезапныхъ и отчаянныхъ усилій развязать его, неуклонно кончалъ тѣмъ, что отбрасывалъ его отъ себя въ руки судьбѣ, случаю. До тридцати лѣтъ капли вина, чубука трубочнаго не бралъ онъ въ ротъ. Съ тридцати сталъ и пить, и курить такъ, что не зналъ себѣ равнаго въ уѣздѣ. Сколь мелочно-жаденъ и подозрителенъ былъ Петръ Петровичъ, столь же нелѣпо-щедръ и довѣрчивъ былъ отецъ. И вся жизнь его, кажется, на то только и была направлена, чтобы не оставить неиспользованной ни единой возможности приготовить и себѣ подъ старость, и намъ на молодость нищенскую суму.

Мы застали въ молодости начало великой помѣщичьей бѣдности. И дивились: какъ внезапно наступила она! Ужели, думали мы, вся причина ея въ разрывѣ крѣпостныхъ узъ, вязавшихъ господина и холопа? Непонятной казалась та быстрота, съ которой исчезали съ лица земли старыя барскія гнѣзда. Но

не преувеличена ли, думаю я теперь, ихъ старость, прочность и—барство? Вольно же называть насъ, мужиковъ, феодалами! Вольно же было вѣрить въ устои Суходола, не взирая на первобытность суходольскую! Въ нѣсколько лѣтъ, — не вѣковъ, а лѣтъ,—до тла разрушилось то подобіе благосостоянія, которымъ такъ величалась наша старина. Въ чемъ же причина тому? Да не въ томъ ли, что не устои тамъ были, а косность? Не въ томъ ли, что гибель вырождающагося суходольца пошла какъ разъ навстрѣчу его душѣ, его жаждѣ гибели, самоуничтоженія, разора, бездомности и страха жизни?

III.

Какъ въ Натальѣ, въ ея крестьянской простотѣ, во всей ея прекрасной и жалкой душѣ, порожденной Суходоломъ, было очарованіе и въ суходольской разоренной усадьбѣ.

Исполненной очарованія когда-то казалась намъ далекая молодость тѣхъ близкихъ, что окружали нашу. Наталья, тетя Тоня—и любовь! Это ли не странное сочетаніе! Но мы порою даже какъ бы не видѣли ихъ самихъ, — мы слышали только біеніе сердца, любившаго когда-то. И долго не только не могли, но и не хотѣли взглянуть трезвыми глазами на Суходолъ.

Пахло жасминомъ въ старой гостиной съ покосившимися полами. Сгнившій, сѣро-голубой отъ времени балконъ, съ котораго, за отсутствіемъ ступенекъ, надо было спрыгивать, тонулъ въ жасминѣ, крапивѣ, бузинѣ, бересклетѣ. Въ жаркіе дни, когда его пекло солнце, когда были отворены осѣвшія стеклянныя двери и веселый отблескъ стекла передавался въ тусклое овальное зеркало, висѣвшее на стѣнѣ противъ двери, все вспоминалось намъ фортепіано тети Тони, когда-то стоявшее подъ этимъ зеркаломъ. Когда-то играла она на немъ, глядя на пожелтѣвшія ноты съ заглавіями въ завитушкахъ, а онъ стоялъ сзади, крѣпко подпирая талію лѣвою рукою, крѣпко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесныя бабочки—и въ ситцевыхъ пестренькихъ платьицахъ, и въ японскихъ нарядахъ, и въ черно-лиловыхъ бархатныхъ шаляхъ—залетали въ гостиную. И передъ отъѣздомъ онъ съ сердцемъ хлопнулъ однажды ладонью по одной изъ нихъ, трепетно замиравшей на крышкѣ фортепіано. Осталась только серебристая пыль. Но, когда дѣвки, по глупости, черезъ нѣсколько дней стерли ее,—съ тетей Тоней сдѣлалась истерика... Мы выходили изъ гостиной на балконъ, садились на теплыя доски—

и думали, думали. Вѣтеръ, пробѣгая по саду, доносилъ до насъ шелковистый шелестъ березъ съ атласно-бѣлыми, испещренными чернью стволами и широко раскинутыми зелеными вѣтвями; вѣтеръ, шумя и шелестя, бѣжалъ съ полей—и зелено-золотая иволга вскрикивала рѣзко и радостно, коломъ проносясь надъ бѣлыми цвѣтами за болтливыми галками, обитавшими съ многочисленнымъ родствомъ въ разваливающихся трубахъ и въ темныхъ чердакахъ, гдѣ пахнетъ старыми кирпичами и черезъ слуховыя окна полосами падаетъ на бугры сѣро-фіолетовой золы золотой свѣтъ; вѣтеръ замиралъ, сонно ползали пчелы по цвѣтамъ у балкона, совершая свою неспѣшную работу, — и въ тишинѣ слышался только ровный, струящійся какъ непрерывный мелкій дождикъ, лепетъ серебристой листвы тополей... Мы бродили по саду, забирались въ глушь окраинъ. Тамъ, на этихъ окраинахъ, сливавшихся съ хлѣбами, въ прадѣдовской банѣ съ провалившимся потолкомъ, въ той самой банѣ, гдѣ Наталья хранила украденное у Петра Петровича зеркальце, жили бѣлые трусы. Какъ они мягко выпрыгивали на порогъ, какъ странно, шевеля усами и губами, косили свои далеко разставленные, выпученные глаза на высокія татарки, кусты бѣлены и заросли крапивы, глушившей тернъ и вишенникъ!.. А въ полураскрытой ригѣ жилъ филинъ. Онъ сидѣлъ на переметѣ, выбравъ мѣсто посумрачнѣе, торчкомъ поднявъ уши, выкативъ желтые слѣпые зрачки—и видъ у него былъ дикій, чертовскій. Опускалось солнце далеко за садомъ, въ море хлѣбовъ, наступалъ вечеръ, мирный и ясный, куковала кукушка въ Трошиномъ лѣсу, жалобно звенѣли гдѣ-то надъ лугами жилейки старика - пастуха Степы... Филинъ сидѣлъ и ждалъ ночи. Ночью все спало—и поля, и деревня, и усадьба. А филинъ только и дѣлалъ, что ухалъ и плакалъ. Онъ неслышно носился вокругъ риги, по саду, прилеталъ къ избѣ тети Тони, легко опускался на крышу — и болѣзненно вскрикивалъ... Тетя просыпалась на лавкѣ у печки.

— Ісусе Сладчайшій, помилуй мя,—шептала она, вздыхая.

Мухи сонно и недовольно гудѣли по потолку жаркой темной избы. Каждую ночь что-нибудь будило ихъ. То корова чесалась бокомъ о стѣну избы; то крыса пробѣгала по отрывисто звенящимъ клавишамъ фортепіано и, сорвавшись, съ трескомъ падала въ черепки, заботливо складываемые тетей въ уголъ; то старый черный котъ съ зелеными глазами, больной падучей болѣзнью, поздно возвращался откуда-то домой и лѣниво просился въ избу; или же прилеталъ филинъ, криками своими пророчившій бѣду, пугавшій близкимъ концомъ жалкой и все же дорогой жизни...

И тетя, пересиливая дремоту, отмахиваясь отъ мухъ, и въ темнотѣ лѣзшихъ въ глаза, ругаясь и шепча молитвы, вставала, шарила по лавкамъ, хлопала дверью—и, выйдя на порогъ, наугадъ запускала вверхъ, въ звѣздное небо скалку. Филинъ, съ шорохомъ, задѣвая крыльями солому, срывался съ крыши—и низко падалъ куда-то въ темноту. Онъ почти касался земли, плавно доносился до риги и, взмывъ, садился на ея хребетъ. И въ усадьбу опять доносился его плачъ. Онъ сидѣлъ, какъ будто что-то вспоминая,—и вдругъ испускалъ вопль изумленія; смолкалъ—и внезапно принимался истерически ухать, хохотать и взвизгивать; опять смолкалъ—и, наконецъ, разражался стонами, всхлипываніями, рыданіями... А ночи, темныя, теплыя, съ лиловыми тучками, были спокойны, спокойны. Сонно бѣжалъ и струился лепетъ сонныхъ тополей. Зарница осторожно мелькала надъ темнымъ Трошинымъ лѣсомъ—и тепло, сухо пахло дубомъ. Возлѣ лѣса, надъ равнинами овсовъ, на прогалинѣ неба среди лиловатыхъ тучекъ, горѣлъ серебрянымъ треугольникомъ, могильнымъ голубцомъ, Скорпіонъ...

Поздно возвращались мы въ усадьбу. Надышавшись росой, свѣжестью степи, полевыхъ цвѣтовъ и травъ, осторожно поднимались мы на крыльцо, входили въ темную прихожую. И часто заставали Наталью на молитвѣ передъ образомъ Меркурія. Босая, маленькая, поджавъ руки, стояла она передъ нимъ, шептала что-то, крестилась, низко кланялась ему, невидному въ темнотѣ,—и все это такъ просто, точно бесѣдовала она съ кѣмъ-то близкимъ, тоже простымъ, добрымъ и милостивымъ.

— Наталья?—тихо окликали мы.

— Я-съ? — тихо и просто отзывалась она, прерывая молитву.

— Что же ты не спишь до сихъ поръ?

— Да авось еще въ могилѣ-съ наспимся...

Мы садились на коникъ, раскрывали окно; она стояла, поджавъ руки. Поздняя ночь угоманивала филина. Таинственно мелькали зарницы, озаряя темныя горницы; перепелъ билъ гдѣ-то далеко въ росистой степи. Предостерегающе-тревожно крякала иногда проснувшаяся на прудѣ утка.

— Гуляли-съ?—вполголоса спрашивала Наталья.

— Гуляли.

— Что-жъ, дѣло молодое... Мы, бывалыча такъ-то всѣ ночи напролетъ прогуливали... Одна заря выгонитъ, другая загонитъ...

— Хорошо жилось прежде?

— Хорошо-съ...

И наступало долгое молчаніе.

— Чего это, нянечка, филинъ кричитъ?—задумчиво говорила сестра.

— Не судомъ кричитъ-съ, пропасти на него нѣту. Хоть бы барчукъ изъ ружья постращалъ. А то прямо жуть, все думается: либо къ бѣдѣ какой?... И все барышню пугаетъ. А она до смерти пуглива. Разъ подстрѣлили Аркадь Петровичъ ворона, принесли его въ домъ, онѣ выскочили, а онъ какъ запрядаетъ на нихъ... Такъ вѣрите ли — онѣ прямо замертво упали!

— А какъ захворала она?

— Да извѣстно-съ: все слезы, слезы, тоска... Потомъ молиться зачали... Да все лютѣе съ нами, съ дѣвками, да все сердитѣй съ братцами...

И, вспоминая нагайки, мы спрашивали:

— Не дружно, значитъ, жили?

— Куда какъ дружно! А ужъ особливо послѣ того, какъ заболѣли-то онѣ, какъ дѣдушка померли, какъ вошли въ силу молодые господа и женился покойникъ Петъ Петровичъ. Горячіе всѣ были—чистый порохъ!

— А пороли дворовыхъ очень часто?

— Этого у насъ и въ заведеньѣ не было-съ. Я какъ провинилась-то! А и было-то всего на всего, что приказали Петъ Петровичъ голову мнѣ овечьими ножницами оболванить, затрапезную рубаху надѣть да на хуторъ въ Сошки отправить...

— А чѣмъ же ты провинилась?

Но отвѣтъ далеко не всегда слѣдовалъ прямой и скорый. Разсказывала Наталья порою съ удивительной прямотой и тщательностью; но порою запиналась, что-то думала; потомъ легонько вздыхала, и по голосу, не видя лица въ сумракѣ, мы понимали, что она грустно усмѣхается:

— Да тѣмъ и провинилась... Я вѣдь ужъ сказывала... Молода-глупа была-съ. «Пѣлъ на грѣхъ на бѣду соловей во саду»... А, извѣстно, дѣло мое было дѣвичье...

Сестра, для которой это дѣло только начиналось, ласково просила:

— Ты ужъ скажи, нянечка, стихи эти до конца.

И Наталья смущалась.

— Это не стихи-съ, а пѣсня... Да я ее не упомню-съ теперь.

— Неправда, неправда!

— Ну, извольте-съ...

И скороговоркой кончала:

— «Какъ на грѣхъ на бѣду»... То бишь: «Пѣлъ на грѣхъ на бѣду соловей во саду—пѣсню томную... Глупой спать не давалъ въ ночку темную»...

— Да тамъ не «глупой» сказано, а еще какъ-то!

— Анъ глупой-съ.

Пересиливая себя, сестра спрашивала:

— А ты очень была влюблена въ дядю!

И Наталья тупо и кратко шептала:

— Очень-съ.

— Ты всегда поминаешь его на молитвѣ?

— Всегда-съ.

— Ты, говорятъ, въ обморокъ упала, когда тебя везли въ Сошки?

— Въ оморокъ-съ. Мы, дворовые, страшные нѣжные были... жидки на расправу... не сравнять-же съ сѣрымъ однодворцемъ! Какъ повезъ меня Евсей Бодуля, отупѣла я отъ горя и страху... Въ городѣ чуть не задохнулась съ непривычки. А какъ выѣхали за-городъ въ степь, таково мнѣ нѣжно да жалостно стало! Метнулся офицеръ на встрѣчу, похожій на нихъ,—крикнула я, да и за-мертво! А пришедчи въ себя, лежу этакъ въ телѣгѣ и думаю: хорошо мнѣ теперь, ровно въ царствѣ небесномъ!

— Строгъ онъ былъ?

— Не приведи Господи!

— Ну, а все-таки своенравнѣе всѣхъ тетя была?

— Онѣ-съ, онѣ-съ. Докладываю же вамъ: ихъ даже къ угоднику-съ возили. Натерпѣлись мы страсти съ ними! Имъ бы жить да поживать теперь, какъ надобно, а онѣ погордилися, да и тронулись... Какъ любилъ ихъ Войткевичъ-то! Ну, да вотъ поди-жъ ты!

— Ну, а дѣдушка?

— Тѣ что-жъ? Тѣ слабы умомъ были-съ. А, конечно, и съ ними случалось. Всѣ въ ту пору были пылкіе... Да зато прежніе-то господа нашимъ братомъ не брезговали. Бывалыча, папаша вашъ накажутъ Герваську въ обѣдъ,—энтого и слѣдовало!—а вечеромъ, глядь, уже на дворнѣ жируютъ, на балалайкахъ съ нимъ жундятъ...

— А скажи,—онъ хорошъ былъ, Войткевичъ-то?

Наталья задумывалась.

— Нѣтъ-съ, не хочу соврать: въ родѣ калмыка былъ. А сирьезный, настойчивый. Все стихи ей читалъ, все напугивалъ: молъ, помру и приду за тобой...

— Вѣдь и дѣдъ отъ любви съ ума сошелъ?

— Тѣ по бабушкѣ. Это дѣло иное, сударыня. Да и домъ у насъ былъ сумраченъ,—не-веселый, Богъ съ нимъ. Вотъ извольте послушать мои глупыя слова...

И неторопливымъ шепотомъ начинала долгое, долгое повѣствованіе.

Были въ этомъ повѣствованіи шутки, недомолвки, отступленія; была живость, задумчивость, простота необыкновенная. Но рядомъ съ этимъ было и другое: таинственность, строгій и нѣвучій полушепотъ. Преобладала же какая-то давнишняя грусть. И все было проникнуто чувствомъ древней вѣры въ предопредѣленіе, никогда не высказываемаго, смутнаго, но постояннаго самовнушенія, что каждый, каждый изъ насъ долженъ взять на себя ту или иную роль, соотвѣтственно тому или иному назначенію.

IV.

Дѣтство Натальи,—или, говоря иначе, дѣдушкино время,—было скучное.

Если вѣрить преданіямъ, прадѣдъ нашъ, человѣкъ богатый, только подъ старость переселился изъ-подъ Курска въ Суходолъ: не любилъ нашихъ мѣстъ, ихъ глушп, лѣсовъ. Да,—вѣдь это вошло въ пословицу: «въ старину вездѣ лѣса были». Люди, пробиравшіеся лѣтъ двѣсти тому назадъ по нашимъ дорогамъ, пробирались сквозь глухіе лѣса. Въ лѣсу терялась и рѣчка Каменка, и тѣ овраги,—верхи, по нашему,—гдѣ протекала она, и деревня, и усадьба съ дубовымъ домомъ, и холмистыя поля вокругъ. Однако, уже не то было при дѣдушкѣ. При дѣдушкѣ картина была иная: полу-степной просторъ, голые косогоры, на поляхъ—рожь, овесъ, греча, на большой дорогѣ—рѣдкія дуплистыя ветлы, а по суходольскому верху—только бѣлый сухой голышъ. Отъ лѣсовъ остался одинъ Трошинъ лѣсокъ. Только садъ былъ, конечно, чудесный: широкая аллея въ семьдесятъ раскидистыхъ березъ, вишенники, тонувшіе въ крапивѣ, дремучія заросли малины, акаціи, сирени и чуть не цѣлая роща серебристыхъ тополей на окраинахъ, сливавшихся съ хлѣбами. Домъ былъ подъ соломенной крышей, но такой толстой, темной и плотной, что ни одно желѣзо не сравнится. И глядѣлъ онъ на огромный дворъ, по сторонамъ котораго шли длиннѣйшія службы и людскія въ нѣсколько связей, а за дворомъ разстилался все тотъ же безконечный зеленый выгонъ, что видѣли и мы, и

широко раскидывалась барская деревня, большая, бѣдная и—беззаботная.

— Вся въ господъ-съ!—говорила Наталья.—И господа беззаботны были—не хозяйственны, не жадны. Семенъ Кириллычъ, братецъ дѣдушки, раздѣлились съ нами: себѣ взяли, что побольше да получше, престольную вотчину, намъ только Сошки, Суходолъ да четыреста душъ прикинули. А изъ четырехъ-то сотъ чутъ не половина разбѣжалася...

Дѣдушка Петръ Кириллычъ былъ слабоуменъ. Онъ и состарился рано, да и умеръ лѣтъ сорока пяти. Отецъ часто говорилъ, что помѣшался Петръ Кириллычъ послѣ того, какъ на него, заснувшаго на коврѣ въ саду, подъ яблоней, внезапно сорвавшійся ураганъ обрушилъ цѣлый ливень крупнѣйшихъ яблокъ. А на дворнѣ, по словамъ Натальи, объясняли слабоуміе дѣда иначе: тѣмъ, что захворалъ Петръ Кириллычъ отъ тоски—вскорѣ послѣ смерти красавицы-бабушки, что великая гроза прошла надъ Суходоломъ передъ вечеромъ того дня, когда скончалась она, что тотъ ураганъ, что налетѣлъ съ черной тучей на спящаго Петра Кириллыча, потрясъ его мыслью о приближеніи собственной смерти. И доживалъ Петръ Кириллычъ,—тоже, конечно, красавецъ, сутулый брюнетъ, съ черными, внимательно-ласковыми глазами, немного похожій на тетю Тоню,—въ тихомъ помѣшательствѣ. Денегъ, по словамъ Натальи, прежде не знали куда дѣвать; и вотъ онъ, въ сафьяновыхъ сапожкахъ и пестромъ архалукѣ, заботливо и неслышно бродилъ по дому и оглядываясь, совалъ въ трещину дубовыхъ бревенъ золотые.

— Это я для Тонечки въ приданое, — бормоталъ онъ, когда захватывали его.—Надежнѣе, друзья мои, надежнѣе... Ну, а за всѣмъ тѣмъ—воля ваша: не хотите—я не буду...

И опять совалъ. А не то переставлялъ тяжелую мебель въ залѣ, въ гостиной, все ждалъ чьего-то пріѣзда, хотя сосѣди почти никогда не бывали въ Суходолѣ; или жаловался на голодъ и самъ мастерилъ себѣ тюрю—неумѣло толокъ и растиралъ въ деревянной чашкѣ зеленый лукъ, крошилъ туда хлѣбъ, лилъ густой пѣнящійся суровецъ и сыпалъ столько крупной сѣрой соли, что тюря оказывалась горькой, и ѣсть ее было не подъ силу. Когда же, послѣ обѣда, жизнь въ усадьбѣ замирала, всѣ разбредались по излюбленнымъ угламъ и надолго засыпали, не зналъ куда дѣваться одинокій, даже и по ночамъ мало спавшій Петръ Кириллычъ. И, не выдержавъ одиночества, начиналъ заглядывать въ спальни, прихожія, дѣвичьи и осторожно окликать спящихъ:

— Ты спишь, Аркаша? Ты спишь, Тонюша?

И, получивъ сердитый окрикъ: «да отвяжитесь вы, ради Бога, папенька!» торопливо успокаивалъ:

— Ну, спи, спи, душа моя. Я тебя будить не буду...

И уходилъ дальше,—минуя только лакейскую, ибо лакеи были народъ очень грубый,—а черезъ десять минутъ снова появлялся на порогѣ и снова еще осторожнѣе окликалъ, выдумывая, что по деревнѣ кто-то проѣхалъ съ ямщицкими колокольчиками,—«ужъ не Петенька ли изъ полка въ побывку»—или что заходитъ страшная градовая туча...

— Они, голубчики, ужъ очень грозы боялись,—разсказывала Наталья.—Я-то еще дѣвченкой простоволосой была, ну, а все-таки помню-съ. Домъ у насъ какой-то черный былъ... невеселый, Господь съ нимъ. А день лѣтомъ—годъ. Дворни дѣвать было некуды... однихъ лакеевъ пять человѣкъ... Да, извѣстно, започиваютъ послѣ обѣда молодые господа, а, глядючи на нихъ, и мы, холопы вѣрные. Дѣвки—въ дѣвичьей: погремятъ послѣ обѣда коклюшками для видимости, распустятъ пухъ по горницѣ,—у насъ все перины набивали,—да и завалятся гдѣ попало. А лакеи, такъ тѣ и совсѣмъ охальничали: сидятъ, бывалыча, въ лакейской, вьютъ спрохвала кнуты, плетутъ сѣти перепелиныя, жундятъ на балалайкахъ—и горюшка мало! А налопаются толокна, соломаты—спать. И тутъ ужъ Петъ Кирилычъ и не приступайся къ нимъ,—особливо къ Герваськѣ. «Лакеи! Лакеи! Вы спите?» А Герваська подыметъ голову съ ларя, да и спрашиваетъ: «А хочешь я тебѣ сейчасъ крапивы въ портки набью?»—«Да ты кому жъ это говоришь-то, бездѣльникъ ты этакой?»—«Домовому, сударь: съ просонья...» Ну вотъ, Петъ Кирилычъ и ходили все больше къ намъ: «Аркаша, ты спишь? Натка, ты спишь?..» Вскочишь, задрожишь вся... А они—«ну, спи, спи, душа моя. Я тебя будить не буду...» И опять пойдутъ по залу, по гостиной и все въ окна, въ садъ заглядываютъ: не видно-ли тучи? А грозы, и правда, куда какъ часто въ старину сбирались. Да и грозы-то великія. Какъ, бывалыча, дѣло послѣ обѣда, такъ и почнетъ орать иволга, и пойдутъ изъ-за саду тучки... потемнѣетъ въ домѣ, зашуршитъ бурьянъ да глухая крапива, попрячутся индюшки съ индюшатами подъ балконъ... прямо жуть, скука-съ! А они, батюшка, вздыхаютъ, крестятся, лѣзутъ свѣчку восковую у образовъ зажигать, полотенце завѣтное съ покойника прадѣдушки вѣшать,—боялась я того полотенца до-смерти!—или ножницы за окошко выкидываютъ. Это ужъ первое дѣло-съ, ножницы-то: очень хорошо противъ грозы... Изстрекаешься, бывалыча, вся по-поясъ, какъ

заставятъ потомъ лѣзть за ними въ крапиву, въ кастрику-то эту самую: она у насъ дремучая росла!..

Было веселѣе въ суходольскомъ домѣ, когда жили въ немъ французы,—сперва какой-то Луи Ивановичъ, огромный, неряшливый мужчина въ широчайшихъ, книзу узкихъ панталонахъ, съ длинными усами и мечтательными голубыми глазами, накладывавшій на лысину волосы отъ уха къ уху и нещадно бившій дворовыхъ чубукомъ, а потомъ пожилая, вѣчно зябнувшая мадмазель Сизи,—когда по всѣмъ комнатамъ гремѣлъ голосъ Луи Ивановича, оравшаго на Аркашу: «идаите и больше не вернитесь!»—когда слышалось въ классной: «maître corbeau, sur un arbre perché»... И на фортепіано училась Тонечка. Восемь лѣтъ жили французы въ Суходолѣ, оставались въ немъ, чтобы не скучно было Петру Кириллычу, и послѣ того, какъ увезли дѣтей въ губернскій городъ, покинули же его почти передъ самымъ возвращеніемъ ихъ домой на третьи каникулы. Когда прошли эти каникулы, Петръ Кириллычъ уже никуда не отправилъ ни Аркаши, ни Тонечки: достаточно было, по его мнѣнію, отправить одного Петеньку. И дѣти навсегда остались и безъ ученья, и безъ призора... Наталья говаривала:

— Я-то была моложе ихъ всѣхъ годовъ на пять. Ну, а Герваська съ папашей вашимъ почти однолѣтки были и, значитъ, первые друзья-пріятели-съ. Только, правда говорится,— волкъ коню не свойственникъ. Подружились они это, поклялись въ дружбѣ на вѣчныя времена, помѣнялись честь честью крестами, а Герваська въ скорости же и начереди: чуть было вашего папашу въ прудѣ не утопилъ! Коростовый былъ, а ужъ на каторжныя затѣи мастеръ. «Что жъ,—говоритъ разъ барчуку,—вы подростете, будете меня пороть?»—«Буду».—«Анъ нѣтъ»—«Какъ такъ?»—«А такъ»... И надумалъ: стояла у насъ бочка надъ прудами, на самомъ косогорѣ-съ, а онъ и заприметъ ее, да и подъучи Аркадь Петровича залѣзть въ нее и покатиться внизъ. «Перва,—говоритъ,—ты, барчукъ, прожжете, а тамъ я»... Ну, а барчукъ-то и послушайся: залѣзъ, толкнулся, да какъ пошелъ гремѣть подъ гору, въ воду, какъ пошелъ... Матушка Царица Небесная! Только пыль столбомъ завихрилась!.. Ужъ спасибо вблизи пастухи оказалися...

Пока жили французы въ суходольскомъ домѣ, домъ сохранялъ еще жилой видъ. При бабушкѣ еще были въ немъ какъ будто и господа, и хозяева, и власть, и подчиненіе, и парадные покои, и семейные, и будни, и праздники. Видимость всего этого держалась и при французахъ. Но французы уѣхали. И домъ

остался безъ хозяевъ, и жизнь потекла въ немъ будничная и бездѣльная, не имѣющая ни цѣли, ни порядка. Пока дѣти были малы, на первомъ мѣстѣ былъ какъ будто Петръ Кириллычъ. Но что онъ могъ? Кто кѣмъ владѣлъ: онъ дворовыми, или дворовые имъ? Фортепіано закрыли, скатерть съ огромнаго дубоваго стола исчезла,—обѣдали безъ скатерти и когда попало, въ сѣнцахъ проходу не было отъ борзыхъ собакъ. Заботиться о чистотѣ стало некому — и темныя бревенчатыя стѣны, темные полы и потолки, темныя тяжелыя двери и притолки, старые образа, закрывавшіе своими суздальскими ликами весь уголъ въ залѣ, скоро и совсѣмъ почернѣли. По ночамъ, особенно въ грозу, когда бушевалъ подъ дождемъ садъ, поминутно озарялись въ залѣ лики образовъ, полы и стѣны, раскрывалось, распахивалось надъ садомъ дрожащее розовато-золотое небо, а потомъ, въ темнотѣ, съ трескомъ раскалывались громовые удары,—по ночамъ въ домѣ было страшно. А днемъ—сонно, пусто и скучно. Съ годами Петръ Кириллычъ все слабѣлъ, становился все незамѣтнѣе, хозяйкой же дома являлась дряхлая Дарья Устиновна, кормилица дѣдушки. Но власть ея почти равнялась его власти, а староста Демьянъ не вмѣшивался въ управленіе домомъ: онъ зналъ только полевое хозяйство, съ лѣнивой усмѣшкой говоря иногда: «что жъ, я своихъ господъ не обиждаю»... Тонечка подростала, уже била Дарью Устиновну, но дѣвки еще ни въ грошъ ее не ставили. Отцу, юношѣ, не до Суходола было: его съ ума сводила охота, балалайка и любовь къ Герваськѣ, который хотя и числился въ лакеяхъ, но по цѣлымъ днямъ пропадалъ съ нимъ на какихъ-то Мещерскихъ болотцахъ или въ каретномъ сараѣ за изученіемъ балалаечныхъ и жилеечныхъ хитростей.

— Такъ ужъ мы и знали-съ,—говорила Наталья,—въ домѣ только почиваютъ. А не почиваютъ,—значитъ, либо на деревнѣ, либо въ каретномъ, либо на охотѣ: зимой—зайцы, осенью—лисицы, лѣтомъ—перепела, утки, либо дряхвы; сядутъ на дрожки бѣговые, перекинутъ ружьецо за плечи, кликнутъ Норму, да и съ Господомъ: нынче на Середнюю мельницу, завтра на Мещерскія, послѣ завтра на степя. И все съ Герваськой. Тотъ первый коноводъ всему былъ, а прикидывался, что это барчукъ его таскаетъ. Любилъ его, врага своего, Аркадь Петровичъ истинно, какъ брата, а онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все злѣй измывался надъ нимъ. Бывалыча, скажутъ: — «Ну, давай, Герасій, на балалайкахъ! Выучи ты меня, за ради Бога, «Закатилось солнце красное за лѣсъ»... Лучше тебя этой пѣсни никто въ свѣтѣ не уразумѣетъ!» А Гераська посмотритъ на нихъ, пуститъ въ ноздри дымъ и

этакъ съ усмѣшечкой: «Одна рѣчь — не пословица. Поцѣлуйте перва ручку у меня». Побѣлѣютъ весь Аркадь Петровичъ, вскочутъ съ мѣста, бацъ его, что есть силы, по щекѣ, а онъ только головой мотнетъ и еще чернѣй сдѣлается, насупится, какъ разбойникъ какой. «Встать, негодяй!» Встанетъ, вытянется, какъ борзой, портки плисовыя висятъ... Молчитъ. «Проси прощенья».— «Виноватъ, сударь»... А барчукъ задохнутся—и ужъ не знаютъ, что дальше сказать. «То-то, сударь! — кричатъ.—Я, молъ, наровлю съ тобой, съ негодяемъ, какъ съ равнымъ, обойтиться, я, молъ, иной разъ думаю: я для него души не пожалѣю... А ты что? Ты, нарочно, меня озлобляешь? Нарочно?»..

— Диковинное дѣло-съ! — говорила Наталья, никогда ни единаго слова не говоря о родствѣ дѣдушки съ Герваськой.— Диковинное дѣло! Надъ барчукомъ и дѣдушкой Герваська измывался, а надо мной—барышня. Барчукъ,—а, по правдѣ-то сказать, и сами дѣдушка,—въ Герваськѣ души не чаяли, а я—въ ней... какъ изъ Сошекъ-то вернулась я, да маленько образумилась опосля своей провинности...

V.

Съ этой-то провинности и началась ея любовь. И вся суходольская душа ея сказалась въ этой любви.

Съ нагайками, съ арапниками садились за столъ уже послѣ смерти дѣдушки, послѣ бѣгства Герваськи и женитьбы Петра Петровича, послѣ того, какъ тетя Тоня, тронувшись, обрекла себя въ невѣсты Іисусу Сладчайшему, а Наталья возвратилась изъ этихъ самыхъ Сошекъ. Тронулась же тетя Тоня и въ ссылкѣ побывала Наталья изъ-за любви.

Скучныя, глухія времена дѣдушки смѣнились временемъ молодыхъ господъ. Возвратился въ Суходолъ Петръ Петровичъ, неожиданно для всѣхъ вышедшій въ отставку. И пріѣздъ его оказался гибельнымъ и для Натальи, и для тети Тони.

Онѣ обѣ влюбились. Не замѣтили, какъ влюбились.

Имъ казалось сперва, что просто стало весело, что это только такъ, неожиданный праздникъ. Онѣ впервые почувствовали себя дѣвушками и отдались прелести этого ощущенія.

Петръ Петровичъ повернулъ на первыхъ порахъ жизнь въ Суходолѣ на новый ладъ—на праздничный и барскій. Онъ пріѣхалъ съ товарищемъ, даже привезъ съ собой повара, по актерски бритаго алкоголика съ водянисто-блестящими глазами, съ пре-

небреженіемъ косившагося на позеленѣвшія рубчатыя формы для желе, на грубые ножи, вилки. Петръ Петровичъ желалъ показать себя передъ товарищемъ радушнымъ, щедрымъ, богатымъ— и дѣлалъ это неумѣло, по мальчишески. Да онъ и былъ почти мальчикомъ, очень нѣжнымъ и красивымъ съ виду, но по натурѣ рѣзкимъ и жестокимъ; мальчикомъ смѣлымъ и самоувѣреннымъ, но легко и чуть не до слезъ смущающимся, а потомъ надолго затаивающимъ злобу на того, кто смутилъ его.

— Помнится, братъ Аркадій,—сказалъ онъ за столомъ въ первый же день своего пребыванія въ Суходолѣ,—помнится, была у насъ въ погребѣ мадера недурная... Кажется, полвѣка, матушка, покоится,—прибавилъ онъ съ неловкой улыбкой въ сторону товарища.

Дѣдушка покраснѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но не насмѣлился и только затеребилъ на груди архалукъ. Аркадій Петровичъ вытаращилъ глаза:

— Какая мадера?

А Герваська нагло поглядѣлъ на Петра Петровича и ухмыльнулся.

— Вы изволили забыть, сударь,—сказалъ онъ Аркадію Петровичу, даже и не стараясь скрыть насмѣшки.—У насъ, и правда, дѣвать некуда было этой самой мадеры. Да все мы, холопы, потаскали. Вино барское, а мы ее дуромъ, замѣсто квасу.

— Это еще что такое?—крикнулъ Петръ Петровичъ, заливаясь своимъ темнымъ румянцемъ.—Молчать!

Дѣдушка восторженно подхватилъ:

— Такъ, такъ, Петенька! Фора!—радостнымъ тонкимъ голосомъ воскликнулъ онъ и чуть не заплакалъ.—Ты и представить себѣ не можешь, какъ онъ меня уничтожаетъ! Я ужъ не однажды думалъ: подкрадусь и проломлю ему голову толкачемъ мѣднымъ... Ей-Богу, думалъ! Я ему кинжалъ въ бокъ по эфесъ всажу!

А Герваська и тутъ нашелся.

— Я, сударь, слышалъ, что за это больно наказываютъ,— возразилъ онъ, насупясь.—А то и мнѣ все лѣзетъ въ голову: пора барину въ царство небесное!

Говорилъ Петръ Петровичъ, что, послѣ такого неожиданно-дерзкаго отвѣта, сдержался онъ только ради чужого человѣка. Онъ сказалъ Герваськѣ только одно: «Сію минуту выйди вонъ!» А потомъ даже устыдился своей горячности—и, торопливо извиняясь передъ Войткевичемъ, поднялъ на него съ улыбкой тѣ

очаровательные, блестящіе глаза, которыхъ долго не могли забыть всѣ знавшіе Петра Петровича.

Слишкомъ долго не могла забыть этихъ глазъ и Наталья.

Счастье ея было необыкновенно кратко—и кто бы могъ думать, что разрѣшится оно путешествіемъ въ Сошки, самымъ замѣчательнымъ событіемъ всей ея жизни?

Хуторъ Сошки цѣлъ и донынѣ, хотя уже давно перешелъ къ тамбовскому купцу. Это—длинная изба среди пустой равнины, амбаръ, журавль колодца и гумно, вокругъ котораго бахчи. Такимъ, конечно, былъ хуторъ и въ дѣдовскія времена; да мало измѣнился и городъ, что на пути къ нему изъ Суходола, хотя дворянъ, пившихъ въ немъ хересъ и игравшихъ въ карты, смѣнили тархане, торгующіе хлѣбомъ. А провинилась четырнадцатилѣтняя Наташка тѣмъ, что, совершенно неожиданно для самой себя, украла складное, оправленное въ серебро зеркальце Петра Петровича.

Увидѣла она это зеркальце—и такъ была поражена красотой его,—какъ, впрочемъ, и всѣмъ, что принадлежало Петру Петровичу,—что не устояла. И нѣсколько дней, пока не хватились зеркальца, прожила, ошеломленная своимъ преступленіемъ, очарованная своей страшной тайной и сокровищемъ, какъ въ сказкѣ объ аленькомъ цвѣточкѣ. Ложась спать, она молила Бога, чтобы скорѣе прошла ночь, чтобы скорѣе наступило сказочно-праздничное солнечное утро: празднично было въ домѣ, который ожилъ, наполнился чѣмъ-то новымъ, чудеснымъ, съ пріѣздомъ красавца-барчука, наряднаго, напомаженнаго, съ высокимъ краснымъ воротомъ мундира, съ лицомъ смуглымъ, но нѣжнымъ, какъ у барышни; празднично было даже въ прихожей, гдѣ спала Наташка и гдѣ, вскакивая съ рундука на разсвѣтѣ, она сразу вспоминала, что въ мірѣ—радость, потому что у порога стояли, ждали чистки такіе легонькіе, блестящіе сапожки, что ихъ въ пору было царскому сыну носить; и всего сказочнѣе, страшнѣе и праздничнѣе было за садомъ, въ заброшенной банѣ, гдѣ хранилось двойное зеркальце въ тяжелой серебряной оправѣ,—за садомъ, куда, пока еще всѣ спали, по росистымъ зарослямъ, тайкомъ бѣжала Наташка, чтобъ насладиться обладаніемъ своего сокровища, вынести его на порогъ, раскрыть при жаркомъ утреннемъ солнцѣ и насмотрѣться на себя до головокруженія, а потомъ опять скрыть, схоронить и опять бѣжать, прислуживать все утро тому, на кого она и глазъ поднять не смѣла, для кого она, въ безумной надеждѣ понравиться, и заглядывалась-то въ зеркальце.

Но сказка объ аленькомъ цвѣточкѣ кончилась скоро, очень скоро. Кончилась позоромъ и стыдомъ, которому нѣтъ имени, какъ думала Наташка, ибо самое сокровенное, что было въ душѣ ея, поняли всѣ. Кончилось тѣмъ, что самъ же Петръ Петровичъ и приказалъ остричь, обезобразить ее, принаряжавшуюся, сурмившую брови передъ зеркальцемъ, создавшую какую-то сладкую тайну, небывалую близость между нимъ и собою. Онъ самъ открылъ и превратилъ ея преступленіе въ простое воровство, въ глупую продѣлку по острожному, клоками оболваненной дворовой дѣвченки, которую, въ затрапезной рубахѣ, съ лицомъ, опухшимъ отъ слезъ, на глазахъ всей дворни, вывели изъ людской въ самое будничное жаркое утро, посадили на убогую навозную телѣгу, набитую соломой, и, опозоренную, внезапно оторванную ото всего родного, повезли на какой-то невѣдомый, страшный хуторъ, въ степныя дали. Она уже знала: тамъ на хуторѣ, она должна будетъ стеречь цыплятъ, индюшатъ и бахчи; тамъ она спечется на солнцѣ, забытая всѣмъ свѣтомъ; тамъ какъ годы будутъ долги степные дни, когда въ зыбкомъ маревѣ тонуть горизонты и такъ тихо, такъ знойно, что спалъ бы мертвымъ сномъ весь день, если бы не нужно было слушать осторожнаго треска пересохшаго гороха, домовитой возни насѣдокъ въ горячей землѣ, мирно-грустной переклички индюшекъ, не слѣдить за набѣгающей сверху, жуткой тѣнью ястреба и не вскакивать, не кричать тонкимъ протяжнымъ голосомъ: «шу-у!»... Тамъ, на хуторѣ, чего стоила одна старуха-хохлушка, не понимавшая ни единаго слова по человѣчески, получившая власть надъ ея жизнью и смертью и, вѣрно, уже съ нетерпѣніемъ поджидавшая свою жертву. Единственное преимущество имѣла Наташка передъ тѣми, которыхъ везутъ на смертную казнь: возможность удавиться. И только одно это и поддерживало ее на пути въ ссылку,—конечно, вѣчную, какъ полагала она.

На пути изъ конца въ конецъ уѣзда чего только она не насмотрѣлась! Да не до того ей было. Она думала или, скорѣе, чувствовала только одно: жизнь кончена, преступленіе и позоръ слишкомъ велики, чтобы надѣяться на возвращеніе къ ней! И все это совершилось такъ внезапно, среди радости, праздника, чего-то большого, новаго, что и должно было быть роковымъ началомъ, какъ возбужденіе, приступъ необычнаго веселья передъ смертельной болѣзнью! Пока еще оставался возлѣ нея близкій, родной человѣкъ, Евсей Бодуля. Но что будетъ, когда онъ сдастъ ее съ рукъ на руки хохлушкѣ, переночуетъ и уѣдетъ, навѣки покинетъ ее въ чужой сторонѣ? Наплакавшись, она за-

хотѣла ѣсть. И Евсей, къ удивленію ея, взглянулъ на это очень просто и, закусывая, разговорилъ съ ней такъ, какъ будто ничего не случилось. А потомъ она заснула—и тупо очнулась уже въ городѣ. И городъ, поразилъ ее только скукой, сушью, духотой, да еще чѣмъ-то смутно-страшнымъ, тоскливымъ, что похоже было на сонъ, который не разскажешь. Запомнилось за этотъ день только то, что очень жарко лѣтомъ въ степи, что безконечнѣе лѣтняго дня и длиннѣе большихъ дорогъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Запомнилось, что есть мѣста на городскихъ улицахъ, выложенныя камнями, по которымъ непрестанно гремитъ телѣга, что издалека пахнетъ городъ желѣзными крышами, калачами, а среди площади, гдѣ отдыхали и кормили лошадь, возлѣ пустыхъ подъ вечеръ «обжорныхъ» навѣсовъ,—пылью, дегтемъ, гніющимъ сѣномъ, клоки котораго, перебитые съ конскимъ навозомъ, остаются на стоянкахъ мужиковъ. Евсей отпрягъ и поставилъ лошадь къ телѣгѣ, къ корму; сдвинулъ на затылокъ тяжелую, горячую шапку, вытеръ рукавомъ потъ и, весь черный отъ зноя, ушелъ въ харчевню. Онъ строго на строго приказалъ Наташкѣ «поглядывать» и, въ случаѣ чего, кричать на всю площадь. И Наташка сидѣла, не двигаясь, придавленная какими-то тупыми думами, не сводила глазъ съ купола тогда только что построеннаго собора, огромной серебряной звѣздой горѣвшаго гдѣ-то далеко за домами,—сидѣла до тѣхъ поръ, пока не вернулся жующій, повеселѣвшій Евсей и не сталъ, съ калачомъ подъ мышкой, снова заводить лошадь въ оглобли.

— Припоздали мы съ тобой, королевишна, маленько!— оживленно бормоталъ онъ, обращаясь не то къ лошади, не то къ Наташкѣ.—Ну, да авось не удавятъ! Авось не на пожаръ... я назадъ гнать не стану,—мнѣ, братъ, барская лошадь подороже твоего хайла,—говорилъ онъ, уже разумѣя Демьяна.—Разинулъ хайло: «Ты у меня смотри! Я, въ случаѣ чего, догляжусь, что у тебя въ портках-то»... А—ахъ!—думаю... Взяла меня обида поперекъ живота! Съ меня, молъ, господа, и тѣ еще не спускали портокъ-то... не тебѣ чета, чернонебому.—«Смотри!»—А чего мнѣ смотрѣть? Авось, не дурѣй тебя. Захочу—и совсѣмъ не ворочусь: дѣвку доправлю, а самъ перехрещусь, да потуда меня и видѣли... Я и на дѣвку-то дивуюсь: чего, дура, затужила? Ай свѣтъ клиномъ сошелся? Пойдутъ чумаки, либо старчики какіе мимо хуторя—только слово сказать: въ одинъ ментъ за Ростовымъ-батюшкой очутишься... А тамъ и поминай какъ звали!

И мысль: «удавлюсь»—смѣнилась въ стриженой головѣ

Наташки мыслью о бѣгствѣ. Телѣга заскрипѣла и закачалась. Евсей смолкъ и повелъ лошадь къ колодцу среди площади. Тамъ, откуда пріѣхали, опускалось солнце за большой монастырскій садъ, и окна въ желтомъ острогѣ, что стоялъ напротивъ монастыря, черезъ дорогу, сверкали золотомъ. И видъ острога на минуту еще больше возбудилъ мысль о бѣгствѣ... Вона, и въ бѣгахъ живутъ! Только вотъ говорятъ, что старчики выжигаютъ ворованымъ дѣвкамъ и ребятамъ глаза кипяченымъ молокомъ и выдаютъ ихъ за убогенькихъ, а чумаки завозятъ къ морю и продаютъ нагайцамъ... Случается, что и ловятъ господа своихъ бѣглыхъ, забиваютъ ихъ въ кандалы, въ острогъ сажаютъ... Да авось и въ острогѣ не быки, а мужики, какъ говоритъ Герваська!

Но окна въ острогѣ гасли, мысли путались,— нѣтъ, бѣжать еще страшнѣе, чѣмъ удавиться! Да смолкъ, отрезвѣлъ и Евсей.

— Припоздали, дѣвка!—уже безпокойно говорилъ онъ, вскакивая бокомъ на грядку телѣги.

И телѣга, выбравшись на шоссе, опять затряслась, забилась, шибко загремѣла по камнямъ... Ахъ, лучше-то всего было бы назадъ повернуть ее,—не то думала, не то чувствовала Наташка,—повернуть, доскакать до Суходола—и упасть господамъ въ ноги! Но Евсей погонялъ. Звѣзды за домами уже не было. Впереди была бѣлая голая улица, бѣлая мостовая, бѣлые дома—и все это замыкалось огромнымъ бѣлымъ соборомъ подъ новымъ бѣло-жестянымъ куполомъ, и небо надъ нимъ стало, блѣдно-синее, сухое. А тамъ, дома, въ это время уже роса падала, садъ благоухалъ свѣжестью, пахло изъ топившейся поварской; далеко за равнинами хлѣбовъ, за серебристыми тополями на окраинахъ сада, за старой завѣтной баней догорала заря, а въ гостиной были отворены двери на балконъ, алый свѣтъ мѣшался съ сумракомъ въ углахъ, и желто-смуглая, черноглазая, похожая и на дѣдушку и на Петра Петровича барышня поминутно оправляла рукава легкаго и широкаго платья изъ оранжеваго шелка, пристально смотрѣла въ поты, сидя спиной къ зарѣ, ударяя по желтымъ клавишамъ, наполняя гостиную торжественно-нѣвучими, сладостно-отчаянными звуками полонеза Огинскаго и какъ будто не обращая никакого вниманія на стоявшаго за нею офицера—приземистаго, темноликаго, крѣпко подпиравшаго талію лѣвой рукою и сосредоточенно-мрачно слѣдившаго за ея быстрыми руками...

— У ней—свой, а у меня—свой,—не то думала, не то чувствовала Наташка въ такіе вечера съ замираніемъ сердца и

бѣжала въ холодный, росистый садъ, забивалась въ глушь крапивы и остро-пахнущихъ, сырыхъ лопуховъ и стояла, ждала несбыточнаго, — того, что сойдетъ съ балкона барчукъ, пойдетъ по аллеѣ, увидитъ ее и, внезапно свернувъ, приблизится къ ней быстрыми шагами—и она не проронитъ отъ ужаса и счастья ни звука!..

А телѣга гремѣла. Городъ былъ вокругъ, жаркій и вонючій, бѣлый и голый городъ, тотъ самый, что представлялся прежде чѣмъ-то волшебнымъ. Сухо и скучно было такъ, что, казалось, въ немъ и дня не выживешь. И Наташка съ болѣзненнымъ удивленіемъ глядѣла на разряженный народъ, весело и какъ-то особенно легко идущій взадъ и впередъ по камнямъ возлѣ домовъ, воротъ и лавокъ съ раскрытыми дверями. Куда онъ идетъ? Куда такъ спѣшитъ? Спѣшитъ—и на нихъ оборачивается... И зачѣмъ поѣхалъ тутъ Евсей, какъ рѣшился онъ гремѣть тутъ телѣгой?

Но проѣхали мимо собора, стали спускаться къ мелкой рѣкѣ по ухабистымъ пыльнымъ косогорамъ, мимо черныхъ кузницъ, мимо гнилыхъ мѣщанскихъ лачугъ... Опять знакомо запахло прѣсной теплой водою, пломъ, полевой вечерней свѣжестью. Первый огонекъ блеснулъ вдали, на противоположной горѣ, въ одинокомъ домишкѣ близъ шлагбаума...

Вотъ и совсѣмъ выбрались на волю, переѣхали мостъ, поднялись къ шлагбауму,—и глянула въ глаза каменная пустынная дорога, смутно бѣлѣющая и убѣгающая въ безконечную даль, въ спнь степной свѣжей ночи. И лошадь пошла мелкой рысцей, а, миновавъ шлагбаумъ, и совсѣмъ шагомъ. И опять стало слышно, что тихо ночью и на землѣ, и въ небѣ,—только гдѣ-то далеко плачетъ колокольчикъ. Онъ плакалъ все слышнѣе, все пѣвучѣе— и слился, наконецъ, съ дружнымъ топотомъ тройки, съ ровнымъ стукомъ бѣгущихъ по шоссе и приближающихся колесъ... Тройкой правилъ вольный молодой ямщикъ, даже и не взглянувшій на встрѣчную телѣгу съ крѣпостнымъ мужикомъ и дѣвченкой, а въ бричкѣ, уткнувши подбородокъ въ шинель съ капюшономъ, сидѣлъ офицеръ. Поравнявшись съ телѣгой, на мгновеніе поднялъ онъ голову—и вдругъ увидала Наташка красный воротникъ, черные усы, молодые глаза, блеснувшіе подъ каскою, похожей на ведерко... Она вскрикнула, помертвѣла, потеряла сознаніе.

Озарила ее безумная мысль, что это Петръ Петровичъ, и, по той боли и нѣжности, которая молніей прошла ея нервное дворовое сердце, она вдругъ поняла, чего она лишилась: бли-

зости къ нему... Евсей кинулся поливать ея стриженую, отвалившуюся къ плечу голову водой изъ дорожнаго жбана.

Тогда она очнулась отъ приступа тошноты—и торопливо перекинула голову за грядку телѣги. Евсей торопливо подложилъ ей подъ холодный лобъ ладонь...

А потомъ, облегченная, озябнувшая, съ мокрымъ воротомъ, лежала она на спинѣ и смотрѣла на звѣзды. Перепугавшійся Евсей молчалъ, думая, что она уснула,—только головой покачивалъ,—и погонялъ, погонялъ. Телѣга тряслась и убѣгала. А дѣвчепкѣ казалось, что у нея нѣтъ тѣла, что теперь у нея—одна душа. И душѣ этой было «такъ хорошо, ровно въ царствѣ небесномъ»...

Аленькимъ цвѣточкомъ, расцвѣтшимъ въ сказочныхъ садахъ, была ея любовь. Но въ степь, въ глушь, еще болѣе заповѣдную, чѣмъ глушь Суходола, увезла она любовь свою, чтобы тамъ, въ тишинѣ и одиночествѣ, псборотъ первыя, сладкія и жгучія, муки ея, а потомъ надолго, на вѣки, до самой гробовой доски схоронить ее въ глубинѣ своей суходольской души.

VI.

Безъ Натальи въ Суходолѣ сошла съ ума тетя Тоня и убитъ былъ дѣдушка.

Любовь въ Суходолѣ необычна была. Необычна была и ненависть.

Дѣдушка, погибшій столь же нелѣпо, какъ и убійца его, какъ и всѣ, что гибли въ Суходолѣ, былъ убитъ въ томъ же году. На Покровъ, престольный праздникъ въ Суходолѣ, Петръ Петровичъ назвалъ гостей—и очень волновался: будетъ ли предводитель, давшій слово быть? Радостно, неизвѣстно чему волновался и дѣдушка. Предводитель пріѣхалъ—и обѣдъ удался на славу. Было и шумно, и весело, дѣдушкѣ—веселѣе всѣхъ. Рано утромъ второго октября его нашли на полу въ гостиной мертвымъ.

Выйдя въ отставку, Петръ Петровичъ не скрылъ, что онъ жертвуетъ собою ради спасенія чести Хрущевыхъ, родового гнѣзда и родовой усадьбы. Не скрылъ, что хозяйство онъ «по-неволѣ» долженъ взять въ свои руки. Долженъ и знакомства завести, дабы общаться съ наиболѣе просвѣщенными и полезными дворянами уѣзда, а съ прочими—просто не порывать отношеній. И сначала все въ точности исполнялъ, посѣтилъ даже всѣхъ мелкопомѣст-

ныхъ, даже хуторъ тетушки Ольги Кирилловны, чудовищно-толстой старухи, страдавшей сонной болѣзнью и чистившей зубы нюхательнымъ табакомъ. Къ осени уже никто не дивился, что Петръ Петровичъ правитъ имѣніемъ единовластно. Да онъ и видъ имѣлъ уже не красавчика-офицера, пріѣхавшаго на побывку, а хозяина, молодого помѣщика. Смущаясь, онъ не заливался такимъ темнымъ румянцемъ, какъ прежде. Онъ выхолился, пополнѣлъ, носилъ дорогіе архалуки, маленькія ноги свои баловалъ красными татарскими туфлями, маленькія руки украшалъ кольцами съ бирюзою. Прекрасные блестящіе глаза его, къ удивленію всѣхъ, оказались не черными, а карими, какъ и подобаетъ смуглому. Аркадій Петровичъ почему-то стѣснялся смотрѣть въ эти глаза, не зналъ о чемъ говорить, первое время во всемъ уступалъ Петру Петровичу и пропадалъ на охотѣ.

На Покровъ Петръ Петровичъ хотѣлъ очаровать всѣхъ до единаго своимъ радушіемъ, да и показать, что именно онъ первое лицо въ домѣ. Но ужасно мѣшалъ дѣдушка. Дѣдушка былъ блаженно счастливъ, но безтактенъ, болтливъ и жалокъ въ своей бархатной шапочкѣ съ мощей и въ новомъ, не въ мѣру широкомъ синемъ казакинѣ, сшитомъ домашнимъ портнымъ. Онъ тоже вообразилъ себя радушнымъ хозяиномъ и суетился съ рапняго утра, устраивая какую-то глупую церемонію изъ пріема гостей. Одна половинка дверей изъ прихожей въ залу никогда не открывалась. Онъ самъ отодвинулъ желѣзныя задвижки и внизу и вверху, самъ придвигалъ стулъ и, весь трясясь, влѣзалъ на него; а, распахнувъ двери, сталъ на порогъ и, пользуясь молчаніемъ Петра Петровича, замиравшаго отъ стыда и злобы, но рѣшившагося все претерпѣть, не сошелъ съ мѣста до пріѣзда послѣдняго гостя. Онъ не сводилъ глазъ съ крыльца,—и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже будто бы требовалъ какой-то старинный обычай,—топтался отъ волненія, завидя же входящаго, кидался къ нему навстрѣчу, торопливо дѣлалъ па, подпрыгивалъ, кидая ногу за ногу, отвѣшивалъ низкій поклонъ и, захлебываясь, говорилъ всѣмъ, даже незнакомымъ:

— Ну, какъ я радъ! Какъ я радъ! Давненько ко мнѣ не жаловали! Забыли, забыли меня! Милости прошу. Милости прошу.

И, отбѣгая, крѣпко становился на прежнее мѣсто, какъ разъ на самый порогъ, необходимость чего, выдуманная имъ самимъ, казалась ему непреложной,—и ждалъ слѣдующаго.

Бѣсило Петра Петровича и то, что дѣдушка всѣмъ и каждому зачѣмъ-то докладывалъ объ отъѣздѣ Тонечки въ Лунево, къ Ольгѣ Кирилловнѣ. «Тонечка больна тоской, уѣхала къ те-

тенькѣ на всю осень» — что могли думать гости послѣ такихъ непрошенныхъ заявленій? Вѣдь исторія съ Войткевичемъ, конечно, уже всѣмъ была извѣстна... Войткевичъ, можетъ статься, и впрямь имѣлъ серьезныя намѣренія, загадочно вздыхая возлѣ Тонечки, играя съ ней въ четыре руки, глухимъ голосомъ читая ей «Людмилу» или говоря въ мрачной задумчивости: «Ты мертвецу святыней слова обручена...» Но Тонечка бѣшено вспыхивала при каждой его, даже самой невинной попыткѣ выразить свои чувства,— поднести, напримѣръ, ей цвѣтокъ,—и Войткевичъ внезапно уѣхалъ. Когда же уѣхалъ, Тонечка стала не спать по ночамъ, въ темнотѣ сидѣть возлѣ открытаго окна, точно поджидая какого-то извѣстнаго ей срока, чтобы вдругъ громко зарыдать — и разбудить Петра Петровича. Онъ долго лежалъ, стиснувъ зубы, слушая эти отдаленныя рыданія да мелкій, сонный лепетъ тополей за окнами въ темномъ саду, похожій на непрестанный дождикъ. Затѣмъ шелъ успокаивать. Шли успокаивать и заспанныя дѣвки, иногда тревожно прибѣгалъ и дѣдушка. Тогда Тонечка начинала топать ногами, кричать: «Отвяжитесь отъ меня, враги мои лютые!»—и дѣло кончалось безобразной бранью, чуть не дракой.

— Да пойми же ты, пойми,—бѣшено шипѣлъ Петръ Петровичъ, выгнавъ вонъ дѣвокъ, дѣдушку, захлопнувъ дверь и крѣпко ухватясь за скобку,—пойми, змѣя, что могутъ вообразить!

— Ай!—неистово взвизгивала Тонечка.—Папенька, онъ кричитъ, что я брюхата!

И, вцѣпившись себѣ въ голову, Петръ Петровичъ кидался вонъ изъ комнаты...

Вцѣпиться въ голову не разъ хотѣлось и на Покровъ. Да тревожилъ и Герваська: какъ бы не нагрубилъ при какомъ-нибудь неосторожномъ словѣ? Но все-таки владѣлъ собой Петръ Петровичъ,—и день прошелъ благополучно.

Герваська страшно выросъ. Огромный, нескладный, но и самый видный, самый умный изъ слугъ, онъ тоже былъ наряженъ въ легкій синій казакинъ, такіе же шаровары и мягкіе козловые сапоги безъ каблуковъ. Гарусный лиловый платокъ повязывалъ его тонкую темную шею. Черные, сухіе, крупные волосы онъ причесалъ на косой рядъ, но остричься подъ-польку не пожелалъ—подрубилъ ихъ въ кружокъ. Брить было нечего, только два-три рѣдкихъ и жесткихъ завитка чернѣло на его подбородкѣ и по угламъ большого рта, про который говорили: «ротъ до ушей, хоть завязочки пришей». Будылястый, очень широкій въ плоской костлявой груди, съ маленькой головою и глубокими орбитами, тонкими пепельно-синими губами, и крупными голу-

боватыми зубами, онъ, этотъ древній аріецъ, парсъ изъ Суходола, уже получилъ двѣ клички: грачъ и борзой. Глядя на его оскалъ, слушая его покашливанія, многіе думали: «А скоро ты, борзой, издохнешь!» Въ слухъ же, не въ примѣръ прочимъ, величали молокососа Гервасіемъ Афанасьеичемъ.

Боялись его и господа. У господъ было въ характерѣ то же, что и у холоповъ: или властвовать, или бояться. За дерзкій отвѣтъ дѣдушкѣ въ день пріѣзда Петра Петровича Герваськѣ, къ удивленію дворни, ровно ничего не было. Аркадій Петровичъ сказалъ ему кратко: «Положительно скотина ты, братъ!» — на что и отвѣтъ получилъ очень краткій: «Терпѣть его не могу я, сударь!» А къ Петру Петровичу Герваська самъ пришелъ: сталъ на порогъ и, по своей манерѣ, развязно осѣвъ на свои несоразмѣрно съ туловищемъ длинныя, будылястыя ноги въ широчайшихъ шароварахъ, угломъ выставивъ лѣвое колѣно, попросилъ, чтобы его выпороли.

— Очень я грубіянъ и горячій, сударь, — сказалъ онъ какъ-то безразлично, играя черными глазищами.

И Петръ Петровичъ, почувствовавъ въ словѣ «горячій» намекъ, струсилъ.

— Успѣется еще, голубчикъ! Успѣется!—притворно-угрожающе крикнулъ онъ.—Выйди вонъ! Я тебя, дерзкаго, и видѣть не могу.

Герваська постоялъ, помолчалъ. Потомъ сказалъ:

— Есть на то воля ваша.

Постоялъ еще, крутя жесткій волосъ на верхней губѣ, поскалилъ по-собачьи голубоватыя челюсти, не выражая на лицѣ ни единаго чувства, и вышелъ. Твердо убѣдился онъ съ тѣхъ поръ въ выгодѣ этой манеры—ничего не выражать на лицѣ и быть какъ можно болѣе краткимъ въ отвѣтахъ—и твердо усвоилъ ее себѣ. А Петръ Петровичъ сталъ не только избѣгать разговоровъ съ нимъ, но даже побаиваться въ глаза ему смотрѣть.

Также безразлично, загадочно держался Герваська и на Покровъ. Всѣ сбились съ ногъ, готовясь къ празднику, отдавая и принимая распоряженія, ругаясь, споря, моя полы, начищивая синѣющимъ мѣломъ темное тяжелое серебро иконъ, поддавая ногами лѣзущихъ въ сѣнцы собакъ, боясь, что не застынетъ желе, что не хватитъ вилокъ, что пережарятся налевашники, хворостики: одинъ Герваська спокойно ухмылялся и говорилъ бѣсившемуся Казиміру, алкоголику-повару: «Потише, отецъ дьяконъ, подрясникъ лопнетъ!»

— Смотри не напейся,—разсѣянно, волнуясь изъ-за предводителя, сказалъ Герваськѣ Петръ Петровичъ.

— Отродясь не пилъ,—совершенно какъ равному кинулъ Герваська.—Не антересно.

И потомъ, при гостяхъ, Петръ Петровичъ даже заискивающе притворно-шутливо кричалъ на весь домъ:

— Гервасій Афанасичъ! Не пропадай ты, пожалуйста. Безъ тебя, какъ безъ рукъ.

А Герваська вѣжливѣйше и съ достоинствомъ отзывался:

— Не извольте, сударь, безпокоиться. Не посмѣю отлучиться.

Онъ служилъ, какъ никогда. Онъ вполнѣ оправдывалъ слова Петра Петровича, вслухъ говорившаго гостямъ:

— До чего дерзокъ этотъ дылда, вы и представить себѣ не можете! Но положительно умница! Золотыя руки!

Могъ ли онъ предположить, что роняетъ въ чашу именно ту каплю, которая переполнитъ ее? Дѣдушка услышалъ его слова. Онъ затеребилъ на груди казакинъ и вдругъ черезъ весь столъ закричалъ предводителю:

— Ваше превосходительство! Подайте руку помощи! Какъ къ отцу, прибѣгаю къ вамъ съ жалобой на слугу моего! Вотъ на этого, на этого—на Гервасія Афанасьева Куликова! Онъ на каждомъ шагу уничтожаетъ меня! Онъ...

Его прервали, уговорили, успокоили. Взволновался дѣдушка до слезъ, но его стали успокаивать такъ дружно и съ такимъ почтеніемъ, конечно—насмѣшливымъ, что онъ сдался и опять почувствовалъ себя дѣтски счастливымъ. Герваська стоялъ у стѣпы строго, съ опущенными глазами и слегка поворотивъ голову. Дѣдушка видѣлъ, что у этого великана черезчуръ мала голова, что она была бы еще меньше, если бы остричь ее, что затылокъ у него острый и что особенно много волосъ именно на затылкѣ,—крупныхъ, черныхъ, грубо подрубленныхъ и образующихъ выступъ надъ тонкой шеей. Отъ загара, отъ вѣтра на охотѣ, темное лицо Герваськи мѣстами шелушилось, было въ блѣдно-лиловыхъ пятнахъ. И дѣдушка со страхомъ и тревогой кидалъ взгляды на Герваську, чувствовалъ, что тревога эта мѣшаетъ чему-то, но все-таки радостно кричалъ гостямъ:

— Хорошо, я прощаю его! Только за это я не отпущу васъ, дорогіе гости, цѣлыхъ три дня. Ни за что не отпущу! Главное же, прошу: не уѣзжайте на-вечеръ. Какъ дѣло на-вечеръ, я самъ не свой: такая тоска, такая жуть! Тучки заходятъ; въ Трошиномъ лѣсу, говорятъ, опять двухъ французовъ Бона-

партишкиныхъ поймали... Я, непремѣнно, умру вечеромъ, — помните мое слово! Мнѣ Мартынъ Задека предсказалъ...

Но умеръ онъ рано утромъ.

Онъ настоялъ таки: ради него, много народу осталось ночевать; весь вечеръ пили чай, варенья было страшно много и все разное, такъ что можно было подходить и пробовать, подходить и пробовать; затѣмъ наставили столовъ, зажгли столько спермацетовыхъ свѣчей, что онѣ отражались во всѣхъ зеркалахъ, и по всѣмъ комнатамъ, полнымъ дыма душистаго жуковскаго табаку, шума и говора, былъ золотистый блескъ, какъ въ церкви. Главное же, многіе ночевать остались. И, значитъ, впереди былъ не только новый веселый день, но и большіе хлопоты, заботы: вѣдь если бы не онъ, не Петръ Кириллычъ, никогда не сошелъ бы такъ отлично праздникъ, никогда не было бы такого оживленнаго и богатаго обѣда.

— Да, да,—волнуясь, думалъ дѣдушка ночью, скинувъ казакинъ и стоя въ своей спальнѣ передъ аналоемъ, передъ зажженными на немъ восковыми свѣчечками, глядя на черный образъ Меркурія.—Да, да, смерть грѣшнику люта... Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ!..

Но тутъ онъ вспомнилъ, что хотѣлъ подумать что-то другое; горбясь и шепча пятидесятый псаломъ, прошелся по комнатѣ, поправилъ тлѣвшую на ночномъ столикѣ курительную монашку, взялъ въ руки псалтирь и, развернувъ ее, снова, съ глубокимъ, счастливымъ вздохомъ, поднялъ глаза на безглаваго святого. И вдругъ напалъ на то, что хотѣлъ подумать, и засіялъ улыбкой:

— Да, да: есть старикъ—убилъ бы его, нѣтъ старика—купилъ бы его!

Боясь проспать, не распорядиться о чемъ-то, онъ почти не спалъ. А рано утромъ, когда въ комнатахъ, еще не убранныхъ и пахнущихъ табакомъ, царила та особенная тишина, что бываетъ только послѣ праздника, послѣ шумнаго ужина, когда чувствуется, что ночуетъ въ домѣ много чужихъ, очень не похожихъ другъ на друга людей, пившихъ, ѣвшихъ, споривших, хохотавшихъ за картами и, наконецъ, угомонившихся, — осторожно, на босу ногу вышелъ онъ въ гостиную, заботливо поднялъ нѣсколько мѣлковъ, валявшихся у раскрытыхъ зеленыхъ столовъ, и слабо ахнулъ отъ восторга, взглянувъ на садъ за стеклянными дверями: на яркій блескъ холодной лазури, легко охватывавшей всю усадьбу и все озарявшей собою, на яркое серебро утренника, покрывшаго и балконъ, и перила, и корич-

невую листву въ голыхъ зарослях подъ балкономъ, и далекую крышу бани на окраинѣ сада, среди тополей, листвы еще не потерявшихъ... Онъ отворилъ дверь и потянулъ носомъ: еще горько и спиртуозно пахло изъ кустовъ осеннимъ тлѣніемъ, но этотъ запахъ уже терялся въ зимней свѣжести. И все было свѣжо, недвижно, успокоенно, почти торжественно. Чуть показавшееся сзади, за деревней, солнце озаряло вершины картинной аллеи, полуголыхъ, осыпанныхъ рѣдкимъ и мелкимъ золотомъ, бѣлоствольныхъ березъ, и прелестный, радостный, неуловимо-лиловатый тонъ былъ въ этихъ бѣлыхъ съ золотомъ вершинахъ, сквозившихъ на лазури. Пробѣжала собака въ холодной тѣни подъ балкономъ, хрустя по сожженной морозомъ и точно солью осыпанной травѣ. Хрустъ этотъ напомнилъ зиму—и, съ удовольствіемъ передернувъ плечами, дѣдушка вернулся въ гостиную и осторожно, затаивая дыханіе, сталъ передвигать, разставлять въ порядокъ тяжелую, рычащую по полу мебель, изрѣдка поглядывая въ зеркало, гдѣ отражалось голубое небо. Вдругъ неслышно и быстро вошелъ подглядывавшій за нимъ изъ зала Герваська—безъ казакина, заспанный, «злой какъ чортъ», какъ онъ самъ же разсказывалъ потомъ.

Онъ вошелъ и строго крикнулъ шепотомъ:

— Тише ты! Чего лѣзешь не въ свое дѣло?

Дѣдушка поднялъ возбужденное лицо и, съ той нѣжностью, которая не покидала его весь вчерашній день и всю ночь, шепотомъ отвѣтилъ:

— Вотъ видишь какой ты, Гервасій! Я простилъ тебя вчера, а ты, замѣсто благодарности барину...

— Надоѣлъ ты мнѣ, слюнтяй, хуже осени!—перебилъ Герваська.—Пусти.

Дѣдушка со страхомъ взглянулъ на его затылокъ, еще болѣе выступавшій теперь надъ тонкой шеей, торчавшей изъ ворота бѣлой рубахи, но вспыхнулъ, загородилъ собою ломберный столъ, который онъ только что наполовину закрылъ и хотѣлъ тащить въ уголъ.

— Ты пусти! — мгновеніе подумавъ, негромко крикнулъ онъ.—Это ты долженъ уступить барину. Ты доведешь меня: я тебѣ кинжалъ въ бокъ всажу!

— А!—досадливо сказалъ Герваська, блеснувъ зубами,— и на отмашь ударилъ его въ грудь.

Доска стола была сложена, половина его была открыта. Дѣдушка поскользнулся на гладкомъ дубовомъ полу, взмахнулъ руками—и какъ разъ вискомъ ударился объ острый уголъ.

Увидя кровь, безсмысленно-раскосившіеся глаза и разинутый ротъ, Герваська, самъ не зная зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, сорвалъ съ еще теплой дѣдушкиной шеи золотой образокъ и ладанку на заношенномъ шнурѣ, оглянулся, сорвалъ и бабушкино обручальное кольцо съ мизинца... Затѣмъ неслышно и быстро вышелъ изъ гостиной—и какъ въ воду канулъ.

Единственнымъ человѣкомъ изо всего Суходола, видѣвшимъ его послѣ этого, была Наталья.

VII.

Пока жила она въ Сошкахъ, произошло въ Суходолѣ и еще два крупныхъ событія: женился Петръ Петровичъ и отправились братья охотниками въ крымскую кампанію.

Вернулась она почти черезъ два года: о ней забыли. И вернувшись, не узнала Суходола, какъ не узналъ ее и Суходолъ.

Въ тотъ лѣтній вечеръ, когда телѣга, присланная съ барскаго двора, заскрипѣла возлѣ хуторской хаты, и Наташка выскочила на порогъ, Евсей Бодуля, спрыгнувъ съ телѣжной грядки, вытаращилъ глаза.

— Ужли это ты, Наташка?—сказалъ онъ.

— А то кто же? — отвѣтила Наташка съ чуть замѣтной улыбкой.

И Евсей покачалъ головою:

— Добрѣ ты не хороша-то стала.

А стала она только не похожа на прежнюю: изъ стриженой дѣвченки, круглоликой и ясноглазой, превратилась въ невысокую, но стройную дѣвку, худощавую, но не болѣзненную, сдержанную въ вопросахъ и отвѣтахъ. Она была боса, въ старенькой плахтѣ и вышитой сорочкѣ, хотя покрыта темнымъ платочкомъ по нашему, немного смугла отъ загара и вся въ мелкихъ веснушкахъ цвѣта проса. А Евсею, истому суходольцу, и темный платокъ, и загаръ, и веснушки, конечно, казались некрасивыми. Да она и сама полагала, что это некрасиво, что лицо ея старообразно. Однако, всякій могъ замѣтить,—по той тонкой улыбкѣ, съ которой было сказано: «а то кто же?»— что и горда она перемѣнами, совершившимися въ ней, и даже какъ будто довольна, что не хороша.

На пути въ Суходолъ Евсей сказалъ:

— Ну, вотъ, дѣвка, и невѣстой ты стала. Хочется замужъ-то?

Она только головой помотала:

— Нѣтъ, дядя Евсей, никогда не пойду.

— Это съ какой же радости?—спросилъ Евсей, опять вытаращивъ глаза, вынувъ изо рта трубку и сплюнувъ.

И не спѣша, полушутя, полусерьезно она пояснила: не всѣмъ же замужемъ быть; отдадутъ ее, вѣрно, барышнѣ, а барышня обрекла себя Богу и, значитъ, замужъ ее не пуститъ; да и сны ужъ очень явственные снились ей не разъ...

— Что жъ ты видѣла?—спросилъ Евсей.

— Да такъ, пустое,—сказала она.—Напугалъ меня тогда Герваська до смерти, наговорилъ новостей, раздумалась я... Ну, вотъ и снилось.

— А ужли, правда, завтракалъ онъ у васъ, Герваська-то?

Наташка подумала.

— Завтракалъ. Пришелъ и говоритъ: пришелъ я къ вамъ отъ господъ по большому дѣлу, только дайте перва поѣсть мнѣ. Ему и накрыли какъ путному. А онъ наѣлся, вышелъ изъ избы и мнѣ моргнулъ. Я выскочила, онъ разсказалъ мнѣ за угломъ все до-чиста, да и пошелъ себѣ..

— Да что-жъ ты хозяевъ-то не кликнула?

— Эко-ся. Онъ убить пригрозилъ. До обѣда не велѣлъ сказывать. А имъ сказалъ—спать подъ амбаръ иду...

Въ Суходолѣ съ большимъ любопытствомъ глядѣла на нее вся дворня, приставали съ разспросами подруги и сверстницы по дѣвичьей. Но и подругамъ отвѣчала она, хотя и охотно, но все такъ же кратко и точно любуясь какой-то ролью, взятой на себя.

— Хорошо было,—повторяла она.

И разъ даже сказала тономъ богомолки:

— У Бога всего много. Хорошо было.

И просто, безъ промедленій вступила въ рабочую, будничную жизнь, какъ бы совсѣмъ не дивясь тому, что нѣтъ дѣдушки, что ушли молодые господа на войну охотниками, по доброй своей волѣ, что барышня тронулась и бродитъ по комнатамъ, подражая дѣдушкѣ, что правитъ Суходоломъ новая, всѣмъ чужая барыня,—маленькая, полная, очень живая, беременная—московская институтка, бывшая гувернантка господъ Черкизовыхъ, а теперь называющая Петра Петровича Петрушей.

Барыня крикнула за обѣдомъ:

— Позовите же сюда эту... Какъ ее?.. Наташку.

И Наташка быстро и неслышно вошла, перекрестилась, поклонилась въ уголъ, образамъ, потомъ барынѣ и барышнѣ—

и стала, ожидая разспросовъ и приказаній. Разспрашивала, конечно, только барыня,—барышня, очень выросшая, похудѣвшая, востроносая, глядя своими неправдоподобно-черными глазами пристально-тупо, ни слова не проронила. Барыня же и опредѣлила ее состоять при барышнѣ. И она поклонилась и просто сказала:

— Слушаю-съ.

Барышня, глядя все такъ же внимательно-равнодушно, внезапно кинулась на нее вечеромъ, и яростно раскосивъ глаза, жестоко и съ наслажденіемъ изорвала ей волосы — за то, что неумѣло дернули съ ея ноги чулокъ. Наташка по-дѣтски заплакала, но смолчала; а, выйдя въ дѣвичью, сѣвъ на коникъ и выбирая вырванныя пряди, даже улыбнулась сквозь висѣвшія на рѣсницахъ слезы:

— Ну, люта-а!—сказала она.—Трудно мнѣ будетъ.

Барышня, проснувшись на другое утро, долго лежала въ постели, а Наташка стояла у порога и, опустивъ голову, искоса поглядывала на ея блѣдное, тупо-удивленное лицо.

— Что-жъ видѣла въ снѣ?—спросила барышня такъ равнодушно, точно кто то другой говорилъ за нее.

Она отвѣтила:

— Кажись, ничего-съ.

И тогда барышня, опять такъ же внезапно, какъ и вчера, вскочила съ постели, бѣшено запустила въ нее чашку съ чаемъ и, упавъ на постель, горько, съ крикомъ зарыдала. Отъ чашки Наташка увернулась—и вскорѣ научилась увертываться съ необыкновенной ловкостью. Оказалось, что глупымъ дѣвкамъ, отвѣчавшимъ на вопросъ о снахъ:—ничего-съ не видала»—барышня кричала иногда: «Ну, полги что-нибудь!»—Но такъ какъ лгать Наташка была не мастерица, то и пришлось ей развивать въ себѣ другое умѣнье: увертываться.

Наконецъ, къ барышнѣ привезли лѣкаря. Лѣкарь опредѣлилъ «опечененіе легкихъ» и прописалъ много пилюль, много черныхъ капель. Боясь, что ее отравятъ, барышня заставила перепробовать эти пилюли и капли Наташку—и та безъ отказа перепробовала ихъ всѣ подрядъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда узнала она, что барышня ждала ее «какъ свѣта бѣлаго»: барышня-то и вспомнила о ней—всѣ глаза проглядѣла, не ѣдутъ ли изъ Сошекъ, горячо увѣряла всѣхъ, что будетъ совсѣмъ здорова, освободится отъ всякой боли и тоски, какъ только вернется Наташка. Наташка вернулась—и встрѣчена была совершенно равнодушно. Но не были ли слезы барышни слезами горькаго ра-

зочарованія? Не была ли жестокая выдумка заставить пробовать лекарства лютой жаждой выздоровленія? У Наташки дрогнуло сердце, когда она сообразила все это. Она вышла въ коридоръ, сѣла на сундукъ и заплакала. Плакала она тихо, наслаждаясь своими слезами, подолгу, пристально смотрѣла сквозь слезы куда, то въ одну точку,—подражала бабамъ, а вспоминала зеркальце, свой отъѣздъ въ Сошки, все пережитое тамъ и опять по дѣтски косила лицо и принималась чуть слышно голосить.

— Что-жъ, лучше тебѣ?—спросила барышня, когда она вошла къ ней съ опухшими глазами.

— Лучше-съ,—шепотомъ сказала Наташка, хотя отъ лѣкарствъ у нея замирало сердце и кружилась голова, и, подойдя горячо поцѣловала руку барышни.

И долго послѣ того ходила съ опущенными рѣсницами, боясь поднять ихъ на барышню, умиленная жалостью и къ ней, и къ своему одиночеству.

— У, хохлушка подколодная!—крикнула разъ одна изъ подругъ ея по дѣвичьей, Солошка, чаще всѣхъ пытавшаяся стать наперсницей всѣхъ тайнъ и чувствъ ея и постоянно натыкавшаяся на краткіе, простые отвѣты, исключавшіе всякую прелесть дѣвичьей дружбы.

Наташка грустно усмѣхнулась.

— А что-жъ,—сказала она задумчиво.—И то правда. Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься. Я иной разъ по отцу-матери не жалкую такъ-то, какъ по хохламъ своимъ...

Но сказала она неправду. И въ Сошкахъ было одиноко. Сошекъ не могла она забыть, многое съ восторгомъ разсказала бы о нихъ, если бы не роль, взятая на себя. Но отцомъ-матерью хохловъ она никогда не считала.

Въ Сошкахъ она сперва совсѣмъ не придала значенія тому новому, что окружало ее. Пріѣхали подъ утро — и страннымъ показалось ей въ это утро только то, что хата очень длинна и бѣла, далеко видна среди окрестныхъ равнинъ, что хохлушка, топившая печь, поздоровалась привѣтливо, а хохолъ не слушалъ Евсея. Евсей мололъ безъ умолку—и о господахъ, и о Демьянѣ, и о жарѣ въ пути, и о томъ, что ѣлъ онъ въ городѣ, и о Петрѣ Петровичѣ, и, ужъ конечно, о зеркальцѣ, — горячился, хвастался, вралъ даже, неизвѣстно съ какой цѣлью, а хохолъ, Шарый, или, какъ звали его въ Суходолѣ, Барсукъ, только головой моталъ, и вдругъ, когда Евсей смолкъ, разсѣянно глянулъ на него и превесело занылъ подъ-носъ: «Круть-верть, метелица»... Потомъ стала она понемногу приходить въ себя—и дивоваться

на Сошки, находить въ нихъ все больше прелести и несходства съ Суходоломъ. Одна хата хохлацкая чего стоила—ея бѣлизна, ея ладная, ровная очеретяная крыша! Какъ богато казалось въ этой хатѣ внутреннее убранство по сравненію съ неряшливымъ убожествомъ суходольскихъ избъ! Какіе дорогіе фольговые образа висѣли въ углу ея, что за дивные бумажные цвѣты окружали ихъ, какъ красиво пестрѣли полотенца, висѣвшія надъ ними! А узорчатая скатерть на столѣ! А ряды сизыхъ горшковъ и махоточекъ на полкахъ возлѣ печи!—Но удивительнѣе всего были хозяева.

Чѣмъ они удивительны, она не совсѣмъ понимала, но чувствовала постоянно. Никогда еще не видала она такихъ опрятныхъ, спокойныхъ и ладныхъ мужиковъ, какъ Шарый. Былъ онъ невысокъ, голову имѣлъ клиномъ, стриженную, въ густомъ крѣпкомъ серебрѣ, усы,—онъ только усы носилъ,—тоже серебряные, узкіе, татарскіе, лицо и шею черныя отъ загара, въ глубокихъ морщинахъ, но тоже какихъ-то ладныхъ, опредѣленныхъ, нужныхъ почему-то... Ходилъ онъ неловко,—тяжелы были его огромные сапоги,—въ сапоги заправлялъ портки изъ грубаго бѣленаго холста, въ портки—такую же рубаху, широкую подъ мышками, съ отложнымъ воротомъ. На ходу гнулся слегка. Но ни эта манера, ни морщины, ни сѣдина не старили его: не было ни усталости нашей, ни вялости въ его лицѣ; небольшіе глаза глядѣли остро, тонко-насмѣшливо. Старика-серба, откуда-то заходившаго однажды въ Суходолъ съ мальчикомъ, игравшимъ на скрипкѣ, напомнилъ онъ Наташкѣ. И вотъ, именно то, что такъ ново было для Суходола своей ладностью, опредѣленностью въ сербѣ, то и нравилось ей въ Шаромъ.

А хохлушку, Марину, суходольцы прозвали Копьемъ. Стройна была эта высокая пятидесятилѣтняя женщина. Желтоватый загаръ ровно покрывалъ гладкую, несуходольскую кожу ея широкоскулаго лица, грубоватаго, но почти красиваго своей прямотой и строгой живостью глазъ—не то агатовыхъ, не то янтарно-сѣрыхъ, мѣняющихся какъ у кошки. Высокимъ тюрбаномъ лежалъ на ея головѣ большой черно-золотой, въ красномъ горошкѣ, платокъ; черная короткая плахта, рѣзко оттѣнявшая бѣлизну сорочки, плотно облегала удлиненныя, почти дѣвичьи формы. Обувалась она на босу ногу въ башмаки съ подковками, голыя берцы ея были тонки, но округлы, блестѣли отъ солнца, какъ полированное желто-коричневое дерево. И когда она порою пѣла за работой, сдвинувъ брови, сильнымъ грудным голосомъ, пѣсню объ осадѣ невѣрными Почаева, о томъ—

Як зійшла зоря вечіровая
Та над Почаевом стала,—

какъ сама Божья Матерь святой монастырь «рятувала», въ голосѣ ея было столько безнадежности, завыванія, чего-то церковнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ столько величія, силы, угрозы, что Наташка не спускала въ жуткомъ восторгѣ глазъ съ нея.

Дѣтей хохлы не имѣли; Наташка была сирота. И, живи она у суходольцевъ, звали бы ее дочкой пріемной, а порой и воровкой, то жалѣли бы ее, то въ глаза кололи. А хохлы были почти холодны, но ровны въ обращеніи, совсѣмъ не любопытны и не многорѣчивы. Осенью пригоняли на косьбу, на молотьбу калужскихъ бабъ и дѣвокъ, которыхъ звали за ихъ поневы и красно-пестрые сарафаны «распошонками». Тогда на хуторѣ было людно, шумно, говоръ стоялъ немолчный. Но распошонокъ она сама чуждалась: слыли онѣ распутными, дурноболѣзными, были грудасты, охальны и дерзки, ругались скверно и съ наслажденіемъ, прибаутками такъ и сыпали, на лошадь садились по мужичьи, скакали какъ угорѣлыя. Разсѣялось, измельчало бы ея горе въ привычномъ быту, въ откровенностяхъ, въ слезахъ и пѣсняхъ. Да не въ ладъ съ другими шли бы тутъ ея пѣсни. Распошонки затягивали свои грубыми, дикими голосами, подхватывали ихъ не въ мѣру дружно и зычно, съ еканьемъ и свистомъ. Шарый пѣлъ только насмѣшливо-плясовое что-то. А Марина въ своихъ пѣсняхъ, даже любовныхъ, была строга, горда и задумчиво-сумрачна.

В кінці греблі шумлять верби,
Що я посадила,—

тоскливо-протяжно разсказывала она—и прибавляла, понижая голосъ, твердо и безнадежно:

Нема того,
Кого я любила.

А что знала Наташка? Только пѣвучія жалобы на судьбу, на батюшку съ матушкой, что «неволей за немилаго замужъ отдаютъ», или несмѣлые укоры тому, кто наболталъ да кинулъ:—

Не вчера ли при народѣ
Называлъ меня своей?..

И въ одиночествѣ, въ глуши, медленно испила она первую, горько-сладкую отраву нераздѣленной любви, перестрадала свой

стыдъ, ревность, страшные и милые сны, часто снившіеся ей по ночамъ, несбыточныя мечты и ожиданія, долго томившія ее въ молчаливые степные дни. Часто, часто жгучая обида смѣнялась въ ея сердцѣ нѣжностью, страсть и отчаяніе—покорностью, желаніемъ самаго скромнаго, незамѣтнаго существованія близъ *него*, любви, на вѣки скрытой ото всѣхъ и ничего не ждущей, ничего не требующей. Вѣсти, новости, доходившія изъ Суходола, отрезвляли. Но не было долго вѣстей, не было ощущенія будничной суходольской жизни—и начиналъ казаться Суходолъ такимъ прекраснымъ, такимъ желаннымъ, что не хватало силъ терпѣть одиночество и горе... Вдругъ явился Герваська. Онъ торопливо-рѣзко выкинулъ ей всѣ суходольскія новости, въ полчаса разсказалъ то, чего другой не сумѣлъ бы и въ день разсказать,—вплоть до того, какъ онъ на-смерть «толконулъ» дѣда, и твердо сказалъ:

— Ну, а теперь прощай до-вѣку!

Онъ, прожигая ее, ошеломленную, своими глазищами, крикнулъ выходя на дорогу:

— А дурь изъ головы пора вонъ выбить! Онъ вотъ-вотъ женится, ты ему и въ любовницы не годишься... Образумься!

И она образумилась. Пережила страшныя новости, пришла въ себя—и образумилась...

Дни потянулись послѣ того мѣрно, скучно, какъ тѣ богомолки, что шли и шли по шоссе мимо хутора, вели, отдыхая, долгія бесѣды съ ней, учили терпѣнію да надеждѣ на Господа Бога,—имя котораго произносилось тупо, жалобно,—а пуще всего правилу: не думать.

— Думай не думай—по нашему не будетъ,—говорили богомолки, перевязывая лапти, морща измученныя лица и разслабленно глядя въ степную даль.—У Господа Бога всего много... Сорви-ка ты намъ, дѣвушка, лучку украдкой...

А иныя, какъ водится, и стращали—грѣхами, тѣмъ свѣтомъ, сулили еще и не такіе бѣды и страхи. И однажды приснилось ей чуть не подрядъ два ужасныхъ сна. Все думала она о Суходолѣ,—трудно было сначала не думать-то!—думала о барышнѣ, о дѣдушкѣ, о своемъ будущемъ, гадала, выйдетъ ли она замужъ и, если выйдетъ, то когда, за кого... Думы такъ незамѣтно перешли однажды въ сонъ, что совершенно явственно увидала она предвечернее время знойнаго, пыльнаго, тревожно-вѣтреннаго дня, заходящія съ запада тоскливыя тучи и то, что тревожно бѣжитъ она на прудъ съ ведрами—и вдругъ видитъ на глинисто-сухомъ косогорѣ безобразнаго, головастаго мужика-кар-

лика въ огромныхъ разбитыхъ сапогахъ, безъ шапки, со всклокоченными вѣтромъ рыжими кудлами, въ распоясанной, развѣвающейся огненно-красной рубахѣ.—«Дѣдушка!—крикнула она въ тревогѣ и ужасѣ.—Ай пожаръ!»—«Да шпенту все слетитъ сечасъ!—тоже крикомъ, заглушаемымъ горячимъ вѣтромъ, отозвался карликъ.—Туча идетъ несказанная! И думать не моги замужъ собираться!..» А другой сонъ былъ и того страшнѣе: стояла она будто бы въ полдень въ жаркой пустой избѣ, припертая кѣмъ-то снаружи, замирала, ждала чего-то—и вотъ, выпрыгнулъ изъ-за печки громадный сѣрый козелъ, вскинулся на дыбы—и прямо къ ней, непристойно возбужденный, съ горящими, какъ уголья, радостно-бѣшеными и молящими глазами. «Я твой женихъ!»—крикнулъ онъ человѣчьимъ голосомъ, быстро и неловко подбѣгая, мелко топоча маленькими задними копытцами—и съ размаху упалъ ей на грудь передними...

Вскакивая послѣ такихъ сновъ на своей постели въ сѣнцахъ, чуть не умирала она отъ сердцебіенія, отъ страха темноты и мысли, что не къ кому кинуться ей.

— Господи Іисусе,—скороговоркой шептала она.—Матушка Царица Небесная! Угодники Божіи!

Но отъ того, что всѣ угодники представлялись ей коричневыми и безглавыми, какъ Меркурій, дѣлалось еще страшнѣе...

Когда же стала она обдумывать сны, то въ голову стало приходить, что дѣвичьи годы ея кончены, что судьба ея уже опредѣлилась,—недаромъ выпало ей на долю нѣчто необычное, любовь къ барину!—что ждутъ ее еще какія-то испытанія, что надо подражать хохламъ въ сдержанности, а богомолкамъ, несущимъ свои подвиги—въ простотѣ и смиреніи. И такъ какъ любятъ суходольцы играть роли, внушать себѣ непреложность того, что будто бы должно быть, хотя сами же они и выдумываютъ это должное, то взяла на себя роль и Наташка...

VIII.

У Наташки ноги отяжелѣли отъ радости, когда, выскочивъ на порогъ наканунѣ Петрова дня, поняла она, что Бодуля—за нею, когда увидала она запыленную, растрепанную суходольскую телѣгу, увидала старую рваную шапку на лохматой головѣ Бодули, его выцвѣтшую на солнцѣ путаную бороду, его лицо, усталое и возбужденное, до времени состарившееся и безобразное, даже непонятное какое-то въ убожествѣ и несоразмѣрности

чертъ, увидала знакомаго кобеля, тоже лохматаго, имѣющаго какое-то сходство не только съ Бодулей, но со всѣмъ Суходоломъ,—мутно-сѣраго на спинѣ, а спереди, съ груди, съ густо-опушеной шеи, точно прокопченнаго темнымъ дымомъ курной избы. Но Бодуля удивился—и она овладѣла собою, почувствовала гордость, вошла въ роль. Бодуля плелъ, что въ голову влѣзетъ, о войнѣ, то какъ будто радовался ей, то сокрушался, и Наташка, безсильная освоиться съ мыслью, что гдѣ-то близко, у насъ, началось то самое, что могло быть, какъ прежде казалось, только въ сказкахъ или очень давно когда-то, «въ старину», а теперь захватило даже Суходолъ, разсудительно говорила:

— Что-жъ, видно, надобно окоротить ихъ, французовъ-то...

Весь долгій день на пути къ Суходолу прошелъ въ жуткомъ ощущеніи—смотрѣть новыми глазами на старое, знакомое, переживать, приближаясь къ родному углу, прежнюю самое себя, замѣчать перемѣны, узнавать встрѣчныхъ. При поворотѣ въ Суходолъ съ большой дороги, на парахъ, заросшихъ сергибусомъ, бѣгалъ третьякъ жеребенокъ: мальчишка, ставъ на веревочный поводъ босой ногой, уцѣпился за шею жеребенка и силился закинуть другую на спину, а жеребенокъ не давался, бѣгалъ, трясъ его. И Наташка радостно взволновалась, признавъ въ мальчишкѣ Ѳомку Пантюхина. Повстрѣчался столѣтній старикъ Назарушка, сидѣвшій въ пустой телѣгѣ уже не по мужичьи, а по бабьи и по младенчески: съ прямо вытянутыми ногами, съ напряженно, высоко и слабосильно поднятыми плечами, съ безцвѣтными, жалко-грустными глазами, исхудѣвшій до того, что «нечего въ гробъ положить», безъ шапки и въ длинной ветхой рубахѣ, сизой отъ золы, отъ постояннаго лежанія на печкѣ. И опять содрогнулось сердце Наташки отъ непонятнаго умиленія—и жалости: вспомнилось ей, какъ года три тому назадъ добрѣйшій и беззаботнѣйшій Аркадій Петровичъ хотѣлъ пороть этого Назарушку, пойманнаго на огородѣ съ хвостикомъ рѣдьки и плакавшаго среди дворни, окружившей его, еле живого отъ страха, и съ хохотомъ кричавшей:

— Нѣтъ, дѣдъ, не каляйся: видно ужъ придется портки-то скидавать! Не минуешь!

А какъ забилось ея сердце, когда увидала она выгонъ, рядъ темныхъ избъ—и усадьбу: садъ, высокую, темную крышу дома, заднія стѣны людскихъ, амбаровъ, конюшенъ. Желтое ржаное поле, полное васильковъ, вплотную подходило къ этимъ стѣнамъ, къ бурьянамъ, татаркамъ; чей-то бѣлый въ коричневыхъ пятнахъ теленокъ тонулъ среди овсовъ, стоялъ въ нихъ,

объѣдая кисти. Все вокругъ было мирно, просто, обычно—все необычнѣе, все тревожнѣе становилось только въ ея сердцѣ, въ ея умѣ, который и совсѣмъ помутился, когда шибко покатила телѣга по широкому двору, бѣлѣвшему спящими борзыми, какъ погостъ камнями, когда, впервые послѣ двухлѣтняго пребыванія въ избѣ, вошла она въ прохладный домъ, такъ знакомо пахнущій восковыми свѣчами, липовымъ цвѣтомъ, буфетной. казацкимъ сѣдломъ Аркадія Петровича, валявшимся на лавкѣ въ прихожей, опустѣвшими перепелиными клѣтками, висѣвшими надъ окномъ,— и робко взглянула на Меркурія, перенесеннаго изъ дѣдушкиныхъ покоевъ въ уголъ прихожей...

По прежнему весело озаренъ былъ сумрачный залъ солнцемъ, свѣтившимъ изъ сада въ маленькія окна. Цыпленокъ, неизвѣстно зачѣмъ попавшій въ домъ, сиротливо пищалъ, бродя по гостиной. Липовый цвѣтъ сохъ и благоухалъ на горячихъ яркихъ подоконникахъ... Казалось, все старое, что окружало ее, помолодѣло, какъ всегда бываетъ это въ домахъ послѣ покойника. Во всемъ, во всемъ—и особенно въ запахѣ цвѣтовъ—чувствовалась часть ея собственной души, ея дѣтства, отрочества, первой любви. И жаль было выросшихъ, умершихъ, измѣнившихся—самое себя, барышню. Выросли ея сверстники и сверстницы. Многіе старики и старухи, качавшіе отъ дряхлости головами и порою тупо выглядывавшіе съ пороговъ людскихъ на міръ Божій, навсегда исчезли изъ этого міра. Исчезла Дарья Устиновна. Исчезъ дѣдушка, такъ по-дѣтски боявшійся смерти, думавшій, что смерть будетъ овладѣвать имъ медленно, пріуготовляя его къ страшному часу, и такъ неожиданно, молніеносно скошенный ея косою. И не вѣрилось, что нѣтъ его, что подъ могильнымъ бугромъ возлѣ церкви села Черкизова истлѣлъ именно онъ. Не вѣрилось, что эта черная, худая, востроносая женщина, то равнодушная, то бѣшеная, то тревожно-болтливая и откровенная съ ней, какъ съ равной, то вырывающая ей волосы,— барышня Тонечка. Непонятно было, почему хозяйствуетъ въ домѣ какая-то Клавдія Марковна, маленькая, крикливая, съ черными усиками и быстро-быстро моргающими черными глазками... Разъ робко заглянула Наташка въ ея спальню, увидала роковое зеркальце въ серебряной оправѣ—и сладостно прихлынули къ ея сердцу всѣ ея прежніе страхи, радости, нѣжность, ожиданіе стыда и счастья, запахъ росистыхъ лопуховъ на вечерней зарѣ въ саду... Но всѣ чувства, всѣ помыслы затаивала она въ себѣ—и все укрощала, все успокоивала словами богомолокъ, казавшимися ей верхомъ мудрости: «у Бога всего

много»... Старая, старая суходольская кровь текла въ ней! Слишкомъ прѣсный хлѣбъ ѣла она съ того суглинка, что окружалъ Суходолъ. Слишкомъ прѣсную воду пила изъ тѣхъ прудовъ, что изрыли ея дѣды въ руслѣ изсякнувшей рѣчки. Ни плети, ни дыбы не боялась она: боялась только быть осмѣянной. Не пугали ее изнуряющіе будни—пугало необычное. Не страшила даже смерть; но въ трепетъ приводили сны, ночная темнота, буря, громъ и—огонь. Какъ ребенка подъ сердцемъ, носила она смутное ожиданіе какихъ-то неминуемыхъ бѣдъ. И онѣ пришли, пришли даже черезчуръ скоро, нарушили будни—и уже навсегда уступили имъ мѣсто.

Это ожиданіе старило ее. Да и неустанно внушала она себѣ, что молодость миновала, во всемъ искала доказательствъ тому. И не сравнялось года съ пріѣзда ея въ Суходолъ, какъ уже слѣда не осталось отъ того молодого чувства, съ которымъ перешагнула она порогъ суходольскаго дома.

Родила Клавдія Марковна. Ѳедосью-птичницу произвели въ няньки—и Ѳедосья, женщина еще молодая, надѣла темное старушичье платье, стала смиренной, богобоязненной, стала называться по отчеству: Платоновна. Еще едва таращилъ молочные безсмысленные глазки, пускалъ пузырями слюну, безпомощно падалъ впередъ, одолѣваемый тяжестью собственной головы, и свирѣпо оралъ новый Хрущевъ. А его уже называли барчукомъ,—уже слышались изъ дѣтской старыя, старыя причитанія:

— Шъ, шъ! Господи Исусе Христе! Вонъ онъ, вонъ онъ, старикъ-то съ мѣшкомъ... Старикъ, старикъ! Не ходи къ намъ, мы не дадимъ тебѣ барчука, онъ не будетъ кричать...

И Петръ Петровичъ сталъ представляться Наташкѣ пожилымъ человѣкомъ: «что-жъ, думала она, вѣдь, и правда, скоро будутъ величать его «старымъ бариномъ». А подражая Платоновнѣ, считая себя тоже нянькой—нянькой и подругой больной барышни—и сама надѣла темненькое платье. Зимой умерла Ольга Кирилловна—и она выпросилась ѣхать со старухами, доживавшими свой вѣкъ въ людскихъ, на похороны, ѣла кутью, которая внушала ей отвращеніе своимъ прѣснымъ и приторнымъ вкусомъ, а воротясь въ Суходолъ, съ умиленіемъ разсказывала, что лежала барыня «почесть совсѣмъ какъ живая», хотя даже старухи не рѣшались глядѣть на гробъ съ этимъ чудовищнымъ тѣломъ.

А весной привозили къ барышнѣ колдуна изъ села Чермашнаго, знаменитаго Клима Ерохина, благообразнаго, богатаго однодворца, съ сивой большой бородой, съ сивыми кудрями, расчесан-

ными на прямой рядъ, очень дѣльнаго хозяина и очень разумнаго, простого въ рѣчахъ обычно, но преображавшагося въ волхва возлѣ болящихъ. На рѣдкость крѣпка и опрятна была его одежда—поддевка изъ сермяги желѣзнаго цвѣта, красная подпояска, сапоги. Хитры и зорки были его маленькіе глазки, истово искалъ онъ ими образа, осторожно, немного согнувъ свой ладный станъ, входилъ онъ въ домъ, дѣловито начиналъ разговоръ. Говорилъ онъ сперва о хлѣбахъ, о дождяхъ и засухѣ, потомъ долго, аккуратно пилъ чай, потомъ опять крестился—и уже послѣ всего этого, сразу мѣняя тонъ, спрашивалъ о болящемъ.

— Зорька... темняетъ... пора,—говорилъ онъ таинственно.

Барышню била лихорадка, она готова была покатиться въ судорогахъ на полъ, когда, сидя въ сумеркахъ въ спальнѣ, ожидала она появленія на порогѣ Клима. Съ ногъ до головы была охвачена жутью и Наталья, стоявшая возлѣ нея. Стихалъ весь домъ,—даже барыня набивала дѣвками свою комнату и разговаривала шепотомъ. Ни единаго огня не смѣлъ никто зажечь, ни единаго голоса возвысить. У веселой Солошки, дежурившей въ корридорѣ,—на случай зова, приказаній Клима,—мутилось въ глазахъ и колотилось въ горлѣ сердце. И вотъ онъ проходилъ мимо нея, немного согнувъ свой станъ и развязывая на ходу платочекъ съ какими-то колдовскими косточками. Затѣмъ изъ спальни раздавался въ гробовой тишинѣ его громкій, необычный голосъ:

— Встань, раба Божія!

Зачѣмъ показывалась его сивая голова изъ-за двери.

— Доску,—кидалъ онъ безжизненно.

И на доску, положенную на полъ, ставили барышню, съ выкатившимися отъ ужаса глазами, похолодѣвшую, какъ покойникъ. Уже такъ темно было, что едва различала Наталья лицо Клима. И вдругъ онъ зачиналъ страннымъ, отдаленнымъ какимъ-то голосомъ:

— Взойдетъ Филатъ... Окна откроетъ... Двери растворитъ... Кликнетъ и скажетъ: тоска, тоска!

— Тоска, тоска!—восклицалъ онъ съ внезапной силой и грозной властью. Ты иди, тоска, во темны лѣса—тамъ твои мяста! На морѣ, на окіянѣ,—бормоталъ онъ глухой зловѣщей скороговоркой,—на морѣ, на окіянѣ, на островѣ Буянѣ лежитъ сучища, па ей сѣрая рунища...

И чувствовала Наталья, что нѣтъ и не можетъ быть болѣе ужасныхъ словъ, чѣмъ эти, сразу переносящія всю ея душу куда-то на край дикаго, сказочнаго, первобытно-грубаго міра. И

нельзя было не вѣрить въ силу ихъ, какъ не могъ не вѣрить въ нее и самъ Климъ, дѣлавшій порою прямо чудеса надъ одержимыми недугомъ или дьяволомъ,—тотъ же Климъ, что такъ просто и скромно говорилъ, сидя послѣ волхвованія въ прихожей, вытирая потный лобъ платочкомъ и опять принимаясь за чай:

— Ну, теперь еще двѣ зорьки осталось... Авось, Богъ дастъ, полегчаетъ маленько... Сѣяли гречишку-то въ нонѣшнемъ годѣ, сударыня? Хороши, говорятъ, нонче гречихи! Дюже хороши...

Лѣтомъ ждали изъ Крыма хозяевъ. Но прислалъ Аркадій Петровичъ страховое письмо съ новымъ требованіемъ денегъ и вѣстью, что раньше начала осени нельзя имъ вернуться—по причинѣ небольшой, но требующей долгаго покоя раны Петра Петровича. Послали къ пророчицѣ Даниловнѣ въ Черкизово, спросить, благополучно ли кончится болѣзнь. Даниловна заплясала, защелкала пальцами, что, конечно, означало: благополучно. И барыня успокоилась. А барышнѣ и Натальѣ не до нихъ было. Барышнѣ сперва полегчало. Она послѣ волхвованій Клима до самыхъ Петровокъ казалась обыкновенной пожилой дѣвушкой, только злой и взбалмошной. Но съ конца Петровокъ опять началось: опять тоска и такой, все растущій страхъ грозъ, пожаровъ и еще чего-то, что̀ она затаивала, что не до братьевъ ей было. Не до нихъ стало и Натальѣ. На каждой молитвѣ она поминала Петра Петровича за здравіе, какъ потомъ всю жизнь свою, до гробовой доски, поминала его за упокой. Но барышня была ей уже ближе всѣхъ. И барышня все больше заражала ее своими страхами, ожиданіями бѣдъ, и тѣмъ, что̀ держала она втайнѣ.

Лѣто же было знойное, пыльное, вѣтряное, съ каждодневными грозами. По народу бродили темные, тревожные слухи—о какой-то новой войнѣ, о какихъ-то бунтахъ и пожарахъ. Одни говорили, что вотъ-вотъ отойдутъ всѣ мужики на волю, другіе, что, напротивъ, будутъ съ осени забривать въ солдаты всѣхъ мужиковъ поголовно. И, какъ водится, появились въ несмѣтномъ количествѣ бродяги, дурачки, монахи. И барышня чуть не въ драку лѣзла съ барыней изъ-за нихъ, одѣляла ихъ хлѣбомъ, яйцами. Приходилъ Афоня, длинный, рыжій, не въ мѣру оборванный. Былъ онъ просто пьяница, но игралъ блаженнаго. Онъ такъ задумчиво шелъ по двору, прямо къ дому, что стукался головой въ стѣну и съ радостнымъ лицомъ отскакивалъ.

— Птушечки мои!—фальцетомъ вскрикивалъ онъ, подпрыгивая, изламывая и все тѣло, и правую руку, ту, что особенно порывисто вздергивалъ онъ всегда кверху, дѣлая изъ нея какъ бы

щитокъ отъ солнца.—Полетѣли, полетѣли по поднебесью мои птушечки-тушканчики!..

И Наталья, подражая бабамъ, смотрѣла на него такъ, какъ и полагается смотрѣть на Божьихъ людей: тупо и жалостно. А барышня кидалась къ окну и кричала со слезами, жалкимъ голосомъ:

— Угодниче Божій Афоніе, моли Бога за мя, грѣшную!

И при этомъ крикѣ у Наташки глаза останавливались отъ страшныхъ предположеній.

Ходилъ изъ села Кличина Тимоша Кличинскій: маленькій, женоподобно-жирный, съ большими грудями, съ лицомъ раскосаго младенца, одурѣвшаго и задыхающагося отъ полноты, желтоволосый, въ бѣлой коленкоровой рубахѣ и коротенькихъ коленкоровыхъ порточкахъ. Торопливо, мелко и съ носка ступалъ онъ маленькими налитыми ножками, приближаясь къ крыльцу, и узенькіе раскосые глазки его смотрѣли такъ, точно изъ воды выскочилъ онъ или спасся отъ неминуемой гибели.

— Бяда!—бормоталъ онъ, задыхаясь.—Бяда...

Его успокаивали, кормили, ждали отъ него чего-то. Но онъ молчалъ, сопѣлъ и жадно чавкалъ. А начавкавшись, опять вскидывалъ мѣшокъ за спину и тревожно искалъ свою длинную палку.

— Когда жъ еще придешь, Тимоша?—кричала ему барышня, не спуская съ него глазъ, полныхъ тоски и тревоги.

И онъ отзывался тоже крикомъ, нелѣпо-высокимъ альтомъ, зачѣмъ-то коверкая имя барышни:

— Святой, Лукяновна!

Что означало: на Святой, Лукьяновна.

И жалостно вопила во слѣдъ ему барышня, тономъ уже близкимъ къ признанію:

— Угодниче Божій! Моли Бога за грѣшную Марію Египетскую!

А прочіе крестились, вздыхали, ибо и впрямь чуть не каждый день приходили отовсюду вѣсти о бѣдахъ—о грозахъ и пожарахъ. И все возрасталъ въ Суходолѣ древній страхъ огня. Чуть только начинало меркнуть песчано-желтое море зрѣющихъ хлѣбовъ подъ заходящей изъ-за усадьбы тучей, чуть только взвивался первый вихрь пыли на дорогѣ по выгону и тяжело прокатывался отдаленный громъ, кидались бабы выносить на порогъ темныя дощечки иконокъ, готовить горшки молока, которымъ, какъ извѣстно, скорѣе всего усмиряется огонь. А въ усадьбѣ летѣли въ крапиву ножницы, вынималось страшное завѣтное

полотенце, завѣшивались окна, зажигались дрожащими руками восковыя свѣчки... Не то притворялась, не то и впрямь заразилась страхомъ даже барыня. Прежде она говорила, что гроза—явленіе природы. Теперь она тоже крестилась и жмурилась, вскрикивала при молніяхъ, а чтобы увеличить и свой страхъ, и страхъ окружающихъ, все разсказывала о какой-то необыкновенной грозѣ, разразившейся въ 1671-мъ году въ Тиролѣ и сразу убившей сто одиннадцать человѣкъ. А слушательницы подхватывали—торопились разсказать свое: то о ветлѣ, до тла сожженной на большой дорогѣ молніей, то о бабѣ, будто бы пришибленной на дняхъ въ Черкизовѣ громомъ, то о какой-то тройкѣ, столь оглушенной въ пути, что она вся упала на колѣни... Наконецъ, къ этимъ радѣніямъ пристрялъ Юшка-Провиненный-Монахъ...

Эти дни были послѣдними днями молодости Натальи. Страшный сонъ ея исполнился.

IX.

Родомъ Юшка былъ мужикъ. «Провиненнымъ монахомъ» прозвалъ себя самъ. Палецъ о палецъ не ударялъ онъ никогда, а жилъ, гдѣ Богъ пошлетъ, платя разсказами о своемъ полнѣйшемъ бездѣльѣ и о своей «провинности».—«Я, братъ, мужикъ, да уменъ и на горбатаго похожъ,—говорилъ онъ.—Что-жъ мнѣ работать!»

И, правда, смотрѣлъ онъ своими карими глазами, какъ горбунъ—ѣдко и умно, растительности на лицѣ не имѣлъ, плечи, по причинѣ рахитизма грудной клѣтки, держалъ приподнятыми, грызъ ногти, пальцы его, которыми онъ поминутно закидывалъ назадъ длинные красно-бронзовые волосы, были тонки и сильны. Пахать показалось ему «непристойно и скучно». Вотъ онъ и пошелъ въ Кіевскую Лавру, «подросъ тамъ»—и былъ изгнанъ «за провинность». Тогда сообразивъ, что прикидываться странникомъ по святымъ мѣстамъ, человѣкомъ, спасающимъ душу,—старо, а можетъ оказаться и неприбыльно, попробовалъ прикинуться иначе: не снимая подрясника, сталъ открыто хвастаться своимъ бездѣліемъ и похотливостью, курить и пить сколько влѣзетъ, — онъ никогда не пьянѣлъ, — издѣваться надъ Лаврой и пояснять, за что именно изгнанъ онъ оттуда, при посредствѣ непристойнѣйшихъ жестовъ и тѣлодвиженій.

— Ну, извѣстно,—разсказывалъ онъ мужикамъ, подмиги-

вая,—извѣстно, сейчасъ меня, раба Божья, за это за самое по шеѣ. Я и закатился домой, на Русь... Не пропаду, молъ!

И точно—не пропалъ: Русь приняла его, безстыжаго грѣшника, съ неменьшимъ радушіемъ, чѣмъ спасающихъ души: кормила, поила, пускала ночевать, съ восторгомъ слушала его.

— Такъ и зарекся ты на-вѣкъ работать?—спрашивали мужики, блестя глазами въ ожиданіи жуткихъ откровенностей.

— Чортъ меня теперь заставитъ работать! — отзывался Юшка.—Набалованъ, братъ! Ядовитъ я пуще козла лаврскаго. Дѣвки эти самыя,—мнѣ бабы и даромъ не надобны!—боятся меня до-смерти, а любятъ. Да что-жъ. Я и самъ хоть куда: перушкомъ не хорошъ, зато косточкой строенъ!

И, закидывая назадъ волосы, весело озирался.

Явившись въ суходольскую усадьбу дня за три до Ильина дня, подъ вечеръ, онъ, какъ однодворецъ и человѣкъ бывалый, прямо вошелъ въ домъ, въ прихожую. Тамъ на лавкѣ задумчиво сидѣла Наташка. Увидѣвъ его, она въ ужасѣ вскочила.

— Да кто-й-то?—крикнула она.

— Человѣкъ,—отвѣтилъ Юшка, быстро оглядывая ее съ ногъ до головы.—Доложи барынѣ.

— Кто это?—вскрикнула и барыня, выглядывая изъ зала.—Дѣвки! Дѣвки!

Но Юшка въ одну минуту успокоилъ ее: сказалъ, что онъ бывшій монахъ, а вовсе не бѣглый солдатъ, какъ она, вѣрно, подумала, что онъ возвращается на родину—и проситъ обыскать его, а затѣмъ разрѣшить ему переночевать, отдохнуть немного. И такъ поразилъ своей прямотой барыню, что на другой же день могъ перебраться въ опустѣвшую съ отъѣзда господъ лакейскую и стать совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ домѣ. Шли грозы, а онъ безъ устали забавлялъ хозяекъ разсказами, успокаивалъ ихъ своимъ присутствіемъ, придумалъ забить слуховыя окна, чтобы обезопасить крышу отъ молній, выбѣгалъ подъ самые страшные удары на крыльцо, чтобы показать, какъ они не страшны, помогалъ дѣвкамъ ставить самовары. Дѣвки косились на него, чувствуя на себѣ его быстрые похотливые взгляды, но смѣялись его шуткамъ, а Наташка, которую онъ уже не разъ останавливалъ въ темномъ корридорѣ быстрымъ шепотомъ: «влюбился я въ тебя, дѣвка!»—глазъ не смѣла на него поднять. Онъ былъ и гадокъ ей запахомъ махорки, пропитавшимъ весь его подрясникъ, и страшенъ, страшенъ...

Она уже твердо знала, что будетъ. Она спала одна, въ корридорѣ возлѣ двери въ спальню барышни, а Юшка уже

отрубилъ ей: «Приду. Хоть зарѣжь, приду. А скажешь—до тла васъ сожгу...» Она хотѣла крикнуть въ отвѣтъ: «Закричу на весь бѣлый свѣтъ, только на порогъ посмѣй ступить!..» Но развѣ онъ повѣрилъ бы? Закричала бы—и на-смерть перепугала бы барышню, а сама осрамилась на вѣкъ: онъ-то ужъ съумѣлъ бы вывернуться! Но что пуще всего лишало ее силъ, такъ это сознаніе, что совершается нѣчто неминучее, что близко осуществленіе страшнаго сна ея, что, видно, на роду написано ей погибать вмѣстѣ съ барышней. Уже всѣ понимали теперь, что по ночамъ вселяется въ домъ самъ дьяволъ. Всѣ понимали, что̀ именно, помимо грозъ и пожаровъ, съ ума сводило барышню, что̀ заставляло ее сладко и дико стонать во снѣ, а затѣмъ вскакивать съ такими ужасными воплями, предъ которыми ничто самые оглушительные удары и молніи. Она вопила: «Змій эдемскій, іерусалимскій душитъ мя!..» А кто же этотъ змій, какъ не чортъ, не тотъ сѣрый, огромный козелъ, что входитъ по ночамъ къ женщинамъ и дѣвушкамъ? И есть ли что-либо въ мірѣ болѣе страшное, чѣмъ приходы его въ темнотѣ, въ бурныя, ненастныя ночи съ немолчными перекатами грома и отблесками молній по чернымъ иконамъ въ залѣ? Та страсть, та похоть, съ которой шепталъ Наташкѣ проходимецъ, была тоже нечеловѣческая: какъ же можно было противиться ей? Думая о своемъ роковомъ, неминуемомъ часѣ, сидя ночью на полу въ корридорѣ, на своей попонкѣ, и съ бьющимся сердцемъ вглядываясь въ темноту, прислушиваясь къ каждому малѣйшему треску и шороху въ спящемъ домѣ, къ каждому ворчанію грома надъ крышей, уже чувствовала она первые приступы той тяжкой болѣзни, что долго мучила ее впослѣдствіи: внезапно возникалъ зудъ въ ступнѣ, проходила по ней острая, колючая судорога, гнула, крючила всѣ пальцы къ подошвѣ—и бѣжала, изувѣрски, сладострастно крутя жилы, по ногамъ, по всему тѣлу, вплоть до глотки, до того момента, когда хотѣлось вскрикнуть еще неистовѣе, еще сладостнѣе и мучительнѣе, чѣмъ вскрикивала барышня...

И неминуемое свершилось. Юшка пришелъ, какъ разъ въ страшную ночь конца лѣта, въ ночь подъ Илью Надѣлящаго. Не было грома въ ту ночь и не было сна у Наташки. Она задремала—и вдругъ, какъ отъ толчка въ грудь, очнулась. Было самое глухое время—она поняла это своимъ безумно-колотившимся сердцемъ. Она вскочила, глянула въ одинъ конецъ корридора, въ другой: со всѣхъ сторонъ вспыхивало, воспламенялось, трепетало и слѣпило золотыми и блѣдно-голубыми сполохами молчаливое, полное огня и таинствъ небо. Въ прихожей

поминутно дѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Она побѣжала—и остановилась, какъ вкопанная: осиновыя бревна, давно лежавшія на дворѣ за окномъ, ослѣпительно бѣлѣли при вспышкахъ. Она сунулась въ залъ: тамъ было одно окно поднято, слышался ровный шумъ сада, было темнѣе, но тѣмъ ярче сверкалъ огонь за всѣми стеклами, мракомъ заливалось все, но тотчасъ же опять вздрагивало, загоралось то тамъ, то тутъ—и мелькалъ, росъ, трепеталъ и сквозилъ на огромномъ, то золотомъ, то бѣло-фіолетовомъ небосклонѣ весь садъ своими кружевными вершинами, призраками блѣдно-зеленыхъ березъ и тополей

— На морѣ, на окіянѣ, на островѣ Буянѣ...—зашептала она, кидаясь назадъ и чувствуя, что совсѣмъ губитъ себя колдовскими заклинаніями.—Тамъ лежитъ сучнища, сѣрая рунища...

И лишь только сказала эти первобытно-грозныя слова, какъ увидала, обернувшись, на порогѣ корридора Юшку, съ поднятыми плечами, стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ нея. Онъ, монахъ, былъ безъ подрясника, бѣлый... Озарилось лицо его молніей — блѣдное, съ черными кругами глазъ. Неслышно подбѣжалъ онъ къ ней, быстро охватилъ ее длинными руками за талію и, сдавивъ, однимъ махомъ кинулъ ее сперва на колѣни, потомъ навзничь, на холодный полъ прихожей.

— Ради Царя Небеснаго!—слабо крикнула она, пытаясь надернуть грубую рубаху на свои голыя нѣжныя ноги, — и, уже не сопротивляясь, по дѣтски зарыдала отъ лютой нѣжности и жалости къ самой себѣ...

Пришелъ къ ней Юшка и на слѣдующую ночь. Ходилъ и еще много ночей—и она, теряя сознаніе отъ ужаса и отвращенія, покорно отдавалась ему: и думать не смѣла она ни противиться, ни просить защиты у господъ, у дворни, какъ не смѣла противиться барышня дьяволу, по ночамъ, въ кошмарахъ наслаждавшемуся ею, какъ, говорятъ, не смѣла противиться даже сама бабушка, властная красавица, своему дворовому Ткачу, тоже веселому, отчаянному негодяю и вору, сосланному, въ концѣ концовъ, въ Сибирь, на поселеніе... Наконецъ, наскучила Наталья Юшкѣ, наскучилъ ему и Суходолъ — и онъ такъ же внезапно исчезъ, какъ внезапно и явился.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того она почувствовала себя матерью. А въ началѣ сентября, на другой день по возвращеніи молодыхъ господъ съ войны, загорѣлся и долго, страшно пылалъ суходольскій домъ: исполнилось и второе ея сновидѣніе. Загорѣлся онъ въ сумерки, въ проливной дождь, отъ молніи, отъ золотого клубка, который, какъ говорила Солошка, выскочилъ

изъ печки въ дѣдушкиной спальнѣ и помчался, подпрыгивая, по всѣмъ комнатамъ. А Наталья, которая, увидавъ дымъ и огонь, со всѣхъ ногъ бѣжала отъ бани, — отъ бани, гдѣ она проводила цѣлые дни и ночи въ слезахъ, — разсказывала потомъ, что наткнулась она въ саду на кого-то, одѣтаго въ красный жупанъ и высокую казацкую шапку съ позументомъ. И онъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ по мокрымъ кустамъ и лопухамъ... Было ли все это или только померещилось, Наталья не могла ручаться. Достовѣрно только то, что ужасъ, поразившій ее, освободилъ ее отъ будущаго ребенка...

И съ этой осени она поблекла. Жизнь ея вошла въ ту будничную колею, изъ которой она уже не выходила до самаго конца своего. Тетю Тоню, дикую и буйную, свозили къ мощамъ угодника въ Воронежъ. Дьяволъ послѣ того уже не смѣлъ приближаться къ ней; и она успокоилась, стала жить, какъ всѣ, — разстройство ума и души ея сказывалось только въ блескѣ дикихъ глазъ, въ крайней неряшливости, въ необычномъ аппетитѣ, въ бѣшеной раздражительности и тоскѣ при дурной погодѣ. Была съ нею у мощей и Наталья—и тоже обрѣла въ этой поѣздкѣ спокойствіе, разрѣшеніе всего, изъ чего, казалось, уже нѣтъ выхода. Въ какой трепетъ приводила ее одна мысль о встрѣчѣ съ Петромъ Петровичемъ! Какъ ни приготовлялась она къ ней, представить ее себѣ спокойно она была не въ силахъ. А Юшка, а ея позоръ, гибель! Но самая исключительность этой гибели, необычная глубина ея страданій, то роковое, что было въ ея несчастіи, — вѣдь недаромъ же почти совпалъ съ нимъ ужасъ пожара!—и паломничество къ угоднику дали ей право просто и спокойно глядѣть въ глаза не только всѣмъ окружающимъ, но даже и Петру Петровичу: самъ Богъ отмѣтилъ ихъ съ барышней губительнымъ перстомъ своимъ — имъ-ли было бояться людей! Женщиной, черничкой, смиренной и простой слугой всѣхъ, легкой и чистой, точно послѣ предсмертнаго причастія, вошла она въ суходольскій домъ, возвратясь изъ Воронежа, смѣло подошла къ рукѣ Петра Петровича. И только на мгновеніе дрогнуло ея сердце молодо, нѣжно, по дѣвичьи, когда коснулась она губами его маленькой, смуглой руки съ бирюзовымъ перстнемъ...

Буднично потекла жизнь и во всемъ Суходолѣ. Пришли опредѣленные слухи о волѣ — и вызвали даже тревогу и на дворнѣ, и въ деревнѣ: что-то будетъ впереди, не хуже ли? Легко сказать — начинать жить по новому! Жить по новому предстояло и господамъ, а они и по старому-то не умѣли.

Смерть дѣдушки, ужасъ и необычность этого событія, потомъ война, комета, наводившая ужасъ на всю страну, потомъ пожаръ, потомъ слухи о волѣ—все это быстро измѣнило лица и души господъ, лишило ихъ молодости, беззаботности, прежней вспыльчивости и отходчивости, а дало злобу, скуку тяжелую, придирчивость другъ къ другу: начались «нелады», какъ говорилъ отецъ, дошло до арапниковъ за столомъ... Нужда стала напоминать о настоятельной необходимости поправлять какъ-нибудь дѣла, въ концѣ испорченныя Крымомъ, пожаромъ, долгами. А въ хозяйствѣ братья только мѣшали другъ другу. Одинъ былъ нелѣпо жаденъ, строгъ и подозрителенъ, другой—нелѣпо щедръ, добръ и довѣрчивъ. Столковавшись кое-какъ, они рѣшились, наконецъ, на предпріятіе, долженствовавшее принести большой доходъ: заложили имѣніе и скупили около трехсотъ старыхъ, захудавшихъ лошадей, — собрали ихъ чуть не со всего уѣзда, при помощи какого-то Ильи Самсонова, цыгана. Лошадей они хотѣли выправить за зиму и съ барышемъ распродать весною. Но, истребивъ до тла огромное количество муки и соломы, лошади почти всѣ, одна за другою, поколѣли къ веснѣ...

Такъ просто началась нищета Суходола. И все росъ раздоръ между братьями. Доходило иногда до того, что они хватались за ножи и ружья. И неизвѣстно, чѣмъ-бы все это кончилось, если-бы новое несчастіе не свалилось на Суходолъ. Зимой, на четвертый годъ послѣ возвращенія своего изъ Крыма, Петръ Петровичъ уѣхалъ однажды въ Лунево, гдѣ была у него любовница Лушка. Онъ прожилъ на хуторѣ двое сутокъ, все время пилъ тамъ съ Лушкой, хмельной и поѣхалъ домой. Было очень снѣжно; въ розвальни, покрытыя ковромъ, была запряжена пара лошадей. Петръ Петровичъ приказалъ отстегнуть пристяжную, молодую, горячую лошадь, по брюхо тонувшую въ снѣгу, и привязать ее къ розвальнямъ сзади, а самъ легъ, головой къ ней, спать. Наступали туманныя сизыя сумерки. И, засыпая, Петръ Петровичъ крикнулъ работнику Дрону, простому и смирному мужику, котораго онъ часто бралъ съ собой вмѣсто кучера Васьки Козака, боясь, что Васька убьетъ его, сильно озлобившаго противъ себя дворню побоями,—крикнулъ: «пошелъ!» и ударилъ Дропа въ спину ногою. И сильный гнѣдой коренникъ, уже мокрый, дымясь и екая селезенкой, понесъ ихъ по тяжелой снѣжной дорогѣ, въ туманную сизую муть глухого поля, на встрѣчу все густѣющей хмурой зимней ночи... А въ полночь, когда уже мертвымъ сномъ спали и деревня, и усадьба

въ Суходолѣ, въ окно прихожей, гдѣ ночевала Наталья, быстро и тревожно застучалъ кто-то. Она вскочила съ лавки, босикомъ выбѣжала на крыльцо. У крыльца смутно темнѣли лошади, розвальни и съ кнутомъ въ рукахъ стоявшій Дронъ.

— Бѣда, дѣвка, бѣда,—забормоталъ онъ глухо, странно, какъ во снѣ,—барина лошадь убила.., пристяжная... Набѣжала, осунулась и—копытомъ... Все лицо раздавила. Онъ ужъ холодѣть сталъ... Не я, не я, вотъ те Христосъ, не я!..

Молча сойдя съ крыльца, утопая въ снѣгу босыми ногами, Наталья подошла къ розвальнямъ, перекрестилась, упала на колѣни, охватила ледяную, окровавленную голову, стала цѣловать ее и на всю усадьбу кричать дико-радостнымъ крикомъ, задыхаясь отъ рыданій и хохота.

X.

Когда случалось намъ бывать, отдыхать отъ городовъ въ тихой и нищей глуши Суходола, когда случалось намъ оставаться на единѣ съ Натальей, снова и снова разсказывала она повѣсть своей погибшей жизни. И порою глаза ея темнѣли, останавливались, голосъ переходилъ въ пѣвучій, строгій, ладный полушепотъ. Прошлое тогда оживало, казалось близкимъ и ощутительнымъ не только для нея, но и для насъ. И все вспоминался мнѣ грубый образъ святаго, вписвшій въ углу лакейской стараго нашего дома. Обезглавленный пришелъ святой къ согражданамъ, на рукахъ принесъ свою мертвую голову—во свидѣтельство своего повѣствованія...

Но обычно первобытно проста и незначительна бывала Наталья. Не вѣрилось даже, что была молодость у этой небольшой и дробной старухи въ лаптяхъ, съ темной сморщенной кожей и безцвѣтными, устало-смиренными глазами. Да не вѣрилось, что была когда-то иной и усадьба суходольская: уже исчезали и тѣ немногіе вещественные слѣды прошлаго, что застали мы когда-то. Ни портретовъ, ни писемъ, ни даже простыхъ принадлежностей своего обихода не оставили намъ наши отцы и дѣды. А что и было, погибло въ огнѣ. Долго стоялъ въ прихожей какой-то сундукъ, въ клокахъ задеревенѣвшей и лысой тюленьей кожи, которой былъ обшитъ онъ чуть не сто лѣтъ тому назадъ, дѣдовскій сундукъ съ выдвижными отдѣленіями изъ корельской березы, набитый обгорѣлыми французскими вокабулами да церковными книгами, до нельзя засаленными, закапанными воскомъ.

Потомъ исчезъ и онъ. Изломалась, исчезла и тяжкая самодѣльная мебель, что стояла когда-то въ залѣ, гостиной... Домъ ветшалъ, осѣдалъ и пустѣлъ все болѣе. Всѣ тѣ долгіе годы, что прошли надъ нимъ со времени послѣднихъ событій, здѣсь разсказанныхъ, были для него годами медленнаго умиранія. Медленно старѣя, увядая, провела въ Суходолѣ еще полвѣка и Наталья.

Росла она среди жизни глухой, сумрачной, но все же сложной, имѣвшей подобіе прочнаго быта и благосостоянія. Судя по косности этого быта, судя по приверженности къ нему суходольцевъ, можно было думать, что ему и конца не будетъ. Но податливы, слабы, «жидки на расправу» были они, потомки степныхъ кочевниковъ! И какъ подъ сохой, идущей по полю, одинъ за другимъ безслѣдно изчезаютъ холмики надъ подземными ходами и норами хомяковъ, такъ же безслѣдно и быстро исчезали, разрушались, пустѣли на нашихъ глазахъ и гнѣзда ихъ. И обитатели ихъ гибли, разбѣгались; тѣ же, что кое-какъ уцѣлѣли, кое-какъ и коротали остатокъ дней своихъ. И мы застали уже не бытъ, не жизнь, а лишь воспоминанія о нихъ, полудикую простоту существованія, тишину и все растущую нищету. Все рѣже навѣщали мы съ годами нашъ степной край. И все болѣе чужимъ становился онъ для насъ, все слабѣе чувствовали мы связь съ тѣмъ бытомъ и сословіемъ, изъ коего вышли. Многіе изъ соплеменниковъ нашихъ, какъ и мы, знатны и древни родомъ. Имена наши поминаютъ хроники; предки наши были и стольниками, и воеводами, и «мужами именитыми», ближайшими сподвижниками, даже родичами царей. И называйся они рыцарями, родись мы западнѣе, какъ бы твердо говорили мы о нихъ, какъ долго еще держались бы! Не могъ бы потомокъ рыцарей сказать, что за полвѣка почти исчезло съ лица земли цѣлое сословіе, что столько насъ выродилось, сошло съ ума, наложило руки на себя или было убито, спилось, опустилось и просто потерялось гдѣ-то — безцѣльно и безплодно! Не могъ бы онъ признаться, какъ признаюсь я, что не имѣемъ мы ни даже малѣйшаго точнаго представленія о жизни не только предковъ нашихъ, но и прадѣдовъ, что съ каждымъ днемъ все труднѣе становится намъ воображать даже то, что было полвѣка тому назадъ—и что даже время молодости отца и Натальи казалось намъ порою временемъ жизни и благополучія!

То мѣсто, гдѣ стояла Луневская усадьба, было уже давно распахано и засѣяно хлѣбами, какъ распахана, засѣяна была земля на мѣстахъ и многихъ, многихъ усадьбъ. Суходольская

еще кое-какъ держалась. Но вырубивъ послѣднія березы въ саду, разломавъ и продавъ сарай и людскую, по частямъ сбывъ почти всю пахатную землю, покинулъ ее даже самъ хозяинъ ея, сынъ Петра Петровича,—ушелъ на службу, поступилъ кондукторомъ на царицынскую желѣзную дорогу. И тяжело доживали свои послѣдніе годы старыя обитательницы Суходола—Клавдія Марковна, тетя Тоня, Наталья. Смѣнялась весна лѣтомъ, лѣто осенью, осень зимою... Онѣ потеряли счетъ этимъ смѣнамъ. Онѣ жили воспоминаніями, снами, ссорами, заботами о дневномъ пропитаніи. Лѣтомъ тѣ мѣста, гдѣ прежде широко раскидывалась усадьба, тонули въ мужицкихъ ржахъ: далеко сталъ виденъ домъ, окруженный ими. Кустарникъ, остатокъ сада, такъ одичалъ, что перепела кричали у самаго балкона. Да что лѣто! «Лѣтомъ намъ рай!»—говорили старухи. Долги, тяжки были дождливыя осени, снѣжныя зимы въ Суходолѣ. Холодно, голодно было въ пустомъ разрушающемся домѣ. Заметали его вьюги, насквозь продувалъ морозный сарматскій вѣтеръ. А топить— топили его очень рѣдко. По вечерамъ скудно свѣтила изъ оконъ его, изъ горницы старой барыни, — единственной жилой горницы,—жестяная лампочка. Барыня, въ очкахъ, въ полушубкѣ и валенкахъ, вязала чулокъ; наклоняясь къ ней, Наталья, тоже въ полушубкѣ, лаптяхъ и онучахъ, дремала на холодной лежанкѣ. А барышня, тетя, похожая на сибирскаго шамана, сидѣла въ избѣ своей и курила трубку. Когда не бывала тетя въ ссорѣ съ Клавдіей Марковной, ставила Клавдія Марковна лампочку свою не на столъ, а на подоконникъ. И сидѣла тетя Тоня въ странномъ слабомъ полусвѣтѣ, доходившемъ изъ дома во внутренность ея ледяной избы, заставленной обломками старой мебели, заваленной черепками битой посуды, загроможденной рухнувшимъ на бокъ, двуногимъ фортепіано. Такая ледяная была эта изба, что куры, на заботы о которыхъ направлены были всѣ силы послѣднихъ лѣтъ тети Тони, отмораживали себѣ лапы, ночуя на этихъ черепкахъ и обломкахъ...

А теперь уже и совсѣмъ пуста суходольская усадьба. Умерли всѣ помянутые въ этой лѣтописи, всѣ сосѣди, всѣ сверстники ихъ. И порою думаешь: да полно, жили ли и на свѣтѣ-то они?

Только на погостахъ чувствуешь, что было такъ; чувствуешь даже жуткую близость къ нимъ. Но и для этого надо сдѣлать усиліе, поспѣть, подумать надъ родной могилой,—если только найдешь ее. Стыдно сказать, а нельзя скрыть: могилъ дѣдушки, бабушки, Петра Петровича мы не знаемъ. Знаемъ только то, что мѣсто ихъ—возлѣ алтаря старенькой церкви въ

селѣ Черкизовѣ. Въ зимній день туда не проберешься: тамъ по-поясъ сугробы, изъ которыхъ торчатъ рѣдкіе кресты и верхушки голыхъ кустовъ, прутья. Въ лѣтній проѣдешь по жаркой, тихой и пустой деревенской улицѣ, привяжешь лошадь у церковной полуразрушеной ограды, за которой темно-зеленой стѣной стоятъ, пекутся въ зноѣ елки. За откинутой калиткой, за бѣлой церковью со ржавымъ куполомъ—цѣлая роща невысокихъ вѣтвистыхъ вязовъ, ясени, лимовъ, всюду тѣнь и прохлада. Долго бродишь по кустамъ, буграмъ и ямамъ, покрытымъ тонкой кладбищенской травой, по каменнымъ плитамъ, почти ушедшимъ въ землю, пористымъ отъ дождей, проросшимъ чернымъ разсыпчатымъ мохомъ... Вотъ два-три желѣзныхъ памятника. Но чьи они? Такъ зелено-золотисты стали они, что уже не прочесть надписей на нихъ. Подъ какими же буграми кости бабушки, дѣдушки? А Богъ вѣдаетъ. Знаешь только одно: вотъ гдѣ-то здѣсь, близко. И сидишь, мечтаешь, думаешь, силясь представить себѣ всѣми забытыхъ Хрущевыхъ. И то безконечно далекимъ, то такимъ близкимъ начинаетъ казаться ихъ время. Тогда почти съ радостью говоришь себѣ:

— Это не трудно, не трудно вообразить. Только надо помнить, что вотъ этотъ покосившійся золоченый крестъ въ синемъ лѣтнемъ небѣ и при нихъ былъ тотъ же... что такъ же желтѣла, зрѣла рожь въ поляхъ, пустыхъ и знойныхъ, а здѣсь была тѣнь, прохлада, кусты... и въ кустахъ этихъ такъ же бродила, паслась вотъ такая же, какъ эта, старая бѣлая кляча съ облѣзлой зеленоватой холкой и розовыми разбитыми копытами.

Ив. Бунинъ.

ТРИ ДНЯ.

I.

Мельникъ Назаровъ, не торопясь, подъѣхалъ къ воротамъ, степенно вылѣзъ изъ брички, снялъ картузъ и, крестясь, глядя въ небо, сказалъ работнику Левону:

— Пощупай лѣвую переднюю у коня.

Неласково, подозрительно посмотрѣлъ на старый, осѣвшій въ землю домъ, въ два маленькія его окна, точно въ глаза человѣка, кашлянулъ и грузно опустился на лавку у воротъ, помахивая картузомъ, чтобъ отогнать надоѣвшаго шмеля.

— Татьянъ!

Лысый Левонъ тенористо отвѣтилъ со двора:

— На рѣку пошла, бѣлье полоскать.

— Баню топили?

— А какъ же!

За рѣкою, на желтыхъ буграхъ песка, вытянулся рядъ темныхъ избъ; ослѣпительно горѣли на солнцѣ стекла оконъ; за селомъ поднималось зеленое облако лѣса. По эту сторону, на берегу, около маленькаго челнока возился мужикъ.

— Степка Рогачевъ, пёсъ,—мысленно отмѣтилъ мельникъ.

— А ногу-то мерину зашибъ ты!—сказалъ Левонъ, выглядывая за ворота.

— Позови Дашку. А Николай гдѣ?

— Николай ковши чинитъ, слышь—стучитъ? Дарья-а! Она въ огородѣ поди-ка! Дашка-а!

Почесывая болѣвшую спину о бревна и расправляя усталыя ноги, хозяинъ бормоталъ:

— Города эти... Зовутся—мощены улицы, а—яма на ямѣ! Какъ ни съѣздишь—все, гляди, чего-нибудь испорчено...

Со двора выскочила Дарья, большая, растрепанная, курносая, съ двумя красными опухолями на мѣстѣ щекъ.

— Здрастуйти!

Дважды качнула головой и, поднявъ руки, начала быстро закручивать бѣлесые, выгорѣвшіе волосы.

Назаровъ, неодобрительно посмотрѣвъ на нее, плюнулъ, отвернулся въ сторону.

— Застегнулась бы, лѣшая, чего съ голыми грудями бѣгаешь! Возьми одежу, встряхни, да самоваръ наставь...

— Есть тутъ когда застегиваться!—сердито отвѣтила дѣвушка, прикрывая грудь большой грязной рукою.

— Ну, такъ вовсе голая ходи, чѣмъ эдакъ-то, россомахой.

Она надула губы, густыя брови ея, сойдясь, опустились на синіе маленькіе глаза. И тяжело топая босыми ногами, пошла прочь, шмыгая носомъ.

Глядя вслѣдъ ей, мельникъ подумалъ:

— Былъ бы я моложе, не щеголяла бы эдакъ-то! Я-бъ тебя... застегнулъ на всѣ крючки.

Съ устатку у него ломило кости и тѣло обняла разымчивая лѣнь. Надо бы посмотрѣть, что дѣлаетъ сынъ, но старикъ вытянулъ ноги, оперся спиною о стѣну и, полузакрывъ глаза, глубоко вдыхалъ теплый воздухъ, густо насыщенный запахами смолъ, травъ и навоза.

— Сто-ой!—покрикивалъ Левонъ, управляясь съ лошадью. Въ тишинѣ четко стучалъ молотокъ по шляпкамъ гвоздей, на рѣкѣ гулко ботали вальки и, напоминая звукъ жалѣйки пастуха, гдѣ-то на плотинѣ звенѣла свѣтлымъ звономъ струя воды. За селомъ, надъ лѣсами, полъ-неба обнялъ багровый пожаръ заката; земля дышала пахучей жарой· рѣка и село покраснѣли въ лучахъ солнца, а кудрявыя гривы лѣсовъ поднимались къ небу, какъ темныя тучи благоуханнаго дыма.

— Ой, дѣвицы-дѣвушки-и-ой!—поетъ Дарья высокимъ голосомъ и словно сердится.

— Левонъ!—слышенъ негромкій молодой голосъ.

— Ай?

— Али отецъ пріѣхалъ?

— Ну, да!

— Что-жъ ты не сказалъ, лысый?

— А самъ-отъ не слышишь?

— Не ходите о́ полночь, э-эй,—заунывно тянетъ Дарья.

— Эхъ, хорошо какъ дома-то!—безъ словъ думалъ Назаровъ въ тишинѣ и мирѣ вечера, окидывая широкимъ взглядомъ землю, на десятки верстъ вокругъ знакомую ему. Она вставала въ памяти его круглая, какъ блюдо, полно́ и богато отягощенная лѣсами, деревнями, селами, омытая десятками рѣчекъ и ручьевъ—пріятна́я, ласковая къ нему земля. Въ самомъ пупѣ ея стоитъ его, Фаддѣя Назарова, мельница, старая, но лучшая въ округѣ; мирно, въ почетѣ, проходитъ налаженная имъ, крѣпкая, хозяйственная жизнь. И есть кому передать накопленное добро—хорошія, умныя руки примутъ его...

— По лѣсу, по темному-о-о...

— А Дашка напрасно воетъ!—подумалъ старикъ, кашлянувъ.

Мысль о работницѣ тотчасъ же вызвала другую:

— Шибко началъ я старѣть! Пять-то десятковъ съ семью годами велико ли время? О, Господи, спаси нечаянныя смерти...

Поднявъ глаза на огненные кресты сельской церкви, онъ истово и крѣпко прижалъ два пальца ко лбу, плечамъ и животу.

Вышелъ за ворота сынъ, кудрявый, со стружками въ волосахъ, съ засученными по локоть рукавами, безъ пояса, коренастый, широкогрудый.

— А я тебя ищу—гдѣ, молъ, батя?

— Разморило меня жарой.

— Ладно съѣздилъ?

— Ничего. Лошадь вонъ приступаетъ.

Оглянувъ мокрую, выпачканную тиной и смолой одежду сына, потное скуластое лицо его, опъ повторилъ:

— Ничего, хорошо!

Темные, всегда немного прищуренные глаза Николая улыбались—старикъ не любилъ эту улыбку. На верхней губѣ и подбородкѣ парня проростали кустики темныхъ волосъ—это имѣло такой видъ, будто Николай ѣлъ медовый пряникъ и забылъ вытереть ротъ.

— Починилъ ковши?

— Завтра додѣлаю.

— Долго возишься!

— А куда къ спѣху? Молоть нечего.

Отъ сына шелъ горячій запахъ пота—старикъ оглядѣлъ крѣпкую шею, круглыя плечи и ласково расправилъ сердитыя морщины подъ глазами.

— Привезъ тебѣ подарокъ—понравилася одна вещь! Ты лѣнишься, а я тебя, вотъ, одариваю...

Николай любопытно заглянулъ въ лицо отцу и, слѣдя за рукой, опущенной въ карманъ шароваръ, началъ вытирать свои ладони подоломъ рубахи, встряхивая курчавой головой.

— Идите чай-отъ пить!—донесся громкій голосъ Дарьи.

Отецъ осторожно подалъ сыну маленькій свертокъ и смотрѣлъ, какъ Николай молча и внимательно развязываетъ узлы платка, бумагу.

— Часы-и!—сказалъ онъ, вытягивая впередъ руку.

— Я те къ Пасхѣ хотѣлъ, да не вышло. Тебѣ—щеголять полагается. Одиннадцать съ полтиной дадено за нихъ!

— Тяжелые, словно кистень!

Пошли тихонько во дворъ. Николай несъ часы на ладони, взвѣшивая ихъ; они сверкали холоднымъ блескомъ.

Крякнувъ, старикъ хмуро напомнилъ ему:

— Можетъ, спасибо скажешь?

— Спасибо, тятя!—быстро проговорилъ сынъ.

— То-то?

— Стало быть—хоть завтра надѣну?

— Какъ хошь!

Гнали стадо. Разноголосое мычаніе коровъ, сглаженное далью, красиво и мягко сливалось съ высокими голосами женщинъ и дѣтей. Звучали бубенчики, растерянно блеяли овцы, на рѣкѣ плескала вода, кто-то, купаясь, ржалъ жеребцомъ, скрипѣли вереи...

Въ огородѣ, около бани, подъ старой, высокой сосной, на столѣ, врытомъ въ землю, буянилъ большой самоваръ; изъ-подъ крышки, свистя, вырывались кудрявыя струйки пара, изъ трубы лѣниво поднимался зеленоватый ѣдкій дымъ.

— Ну, и дура!—садясь за столъ сказалъ старикъ.—Комаровъ нѣтъ, а она насовала въ трубу травы! Эка дуреха!

— Работница хорошая,—молвилъ сынъ, умѣло наливая чай.

— Глупа!—задумчиво говорилъ старикъ.—Надзоръ за глупыми нуженъ. Умный и самъ видитъ, какъ лучше...

— Одиннадцать, говоришь, далъ за часы-то? — спросилъ сынъ.

— Съ полтиной. А что?

— Такъ!

Онъ вздохнулъ и, глядя въ сторону, пояснилъ:

— Якимъ Макаровъ, урядникъ, продаетъ часы; приторговывалъ я, такъ онъ, въ послѣднемъ словѣ, девять просилъ. За семь отдалъ бы...

— Старые?

— Года не поспалъ.

Старикъ тревожно крякнулъ, отодвинувъ пустой стаканъ.

— Все, чай, хуже этихъ, моихъ-то?—спросилъ онъ хмуро и ворчливо.

— Я те принесу, покажу,—предложилъ сынъ.

— На что?

— Увидишь—не хуже! По нуждѣ продаетъ человѣкъ. Я мѣсяца два торговалъ ихъ...

Оба съ минуту молчали, неторопливо и громко схлебывая съ блюдечекъ чай; надъ ними широко раскинула темно-зеленыя лапы двойная крона сосны—ея рыжій стволъ на высотѣ аршинъ четырехъ отъ земли раздвоился, образуя густой шатеръ. Вдоль прясла тѣсно стояли старыя ветлы, покрывая тѣнями тучныя гряды, мягко убранныя узорной ботвой овощей.

— Стало быть,—заговорилъ старикъ,—зря прокинулъ рубля четыре?

И сурово глядя въ лицо сына, продолжалъ:

— А все ты, Николка... никогда ты отцу ничего не скажешь, живешь потайно! Чѣмъ бы плановать всякіе свои планы про себя, тихомолкомъ, тебѣ бы съ отцомъ-то посовѣтоваться! А такъ—вотъ и выходитъ убытокъ! Скажи ты мнѣ про эти часы во время...

Николай усмѣхнулся.

— Почто-жъ говоритъ? Ты бы подумалъ—напрашиваюсь я...

— Подумалъ, подумалъ...—бормоталъ отецъ.

Приподнявъ брови, онъ безпокойно стучалъ донцемъ ложки о край стола и смотрѣлъ на Николая круглыми, какъ у филина, глазами; они уже выцвѣли, и зрачки ихъ были покрыты частою сѣтью тонкихъ красныхъ жилокъ. Лобъ у старика—высокій, со взлизами лысины, восходившей отъ висковъ, обнажая большія, заросшія шерстью, звѣриныя уши. Съ темени на лобъ падали клочья сивыхъ волосъ; подъ ними прятались глубокія морщины, то опускаясь на лохматыя брови, то однимъ взмахомъ уходя подъ волоса. Хрящеватый носъ, въ густой заросли усовъ и бороды, казался маленькимъ.

— Почемъ ты знаешь что бы я подумалъ? У отца и попросить можно, не великъ, чай, стыдъ! А ты вотъ никогда ничего не попросишь... Гордость эта ваша, теперешняя...

— Мнѣ ничего не надо,—отозвался Николай спокойно и тихо.

— Какъ—не надо?—сердито крикнулъ отецъ.—Человѣку много надо... какъ можно больше надо ему...

Сынъ поднялъ узкіе глаза и спросилъ:

— Зачѣмъ же сердиться?

Старикъ поглядѣлъ на кружевныя гряды, сѣдоватую зелень ветелъ, радужныя окна бани.

— Не сержусь я...—вздохнувъ, сказалъ онъ.—А—только безпокойно! Вотъ зимою двадцать два тебѣ; уготовилъ я для тебя жизнь хорошую, достатокъ и почетъ, и все... а ты—вона, холодный ко всему! Подарилъ тебѣ вещь—хвать—въ цѣнѣ ошибся...

На дворѣ перекликались бабы:

— Дашка-а! Гдѣ-жъ веревки-то, растяпа?

— Да въ огородѣ-жа!—глухо, точно изъ-подъ земли откликалась Дарья.

Со стороны села медленно текли возгласы людей, заглушенный лай собакъ; день засыпалъ, вѣяло усталостью и лѣнивою жаждою тишины.

На скуластомъ лицѣ Николая лежала тѣнь скуки. Онъ крутилъ пальцами темный пушекъ на подбородкѣ, а другой рукой, какъ бы отсчитывая минуты, часто хлопалъ себя по колѣну.

— Ни съ дѣвками ты, ни куда!—задумчиво продолжалъ старикъ.—Оно хорошо, конечно... И вина не пьешь, и грамотенъ, книжки эти у тебя—я ничего не говорю! Однако—непонятно... парень такой здоровый...

Онъ пристально посмотрѣлъ въ лицо сына, спросилъ потише:

— Ты Дашку не трогаешь?

— Она, чай, не пара мнѣ...

Старикъ усмѣхнулся.

— Не про женитьбу говорю я, знаю, что не пара...

— А ребенокъ если?—спросилъ сынъ, искоса взглянувъ на отца.

— Эко! Мало дѣвки родятъ...

— Ну, зачѣмъ ихъ трогать?..

— Коли бабы есть... Дѣло—твое! Только, гляди, бабы подлыя. И болѣзнями заражаютъ... Ѣхалъ я—думалъ про тебя: пора тебѣ жениться. Чего ждать?

— Не опоздаю.

— Все шло иначе: раньше, бывало, оглядятъ отецъ-мать дѣвку, на—живи! А теперь вотъ... И дружбы твоей съ разными людьми не понимаю я.

— Говорилъ ты про это!—сказалъ сынъ, смахивая ладонью со стола пролитый чай.

Доили корову; было слышно, какъ струя молока бьетъ въ подойникъ. Съ колокольни сорвался ударъ колокола, за нимъ другой и третій. Благовѣстили торопливо, неблагозвучно.

— Говорилъ, да!—крестясь, молвилъ старикъ и, загибая пальцы рукъ, началъ считать:—Ну, учитель, это ничего, хотя и не любимый начальствомъ человѣкъ, а полезный, сельское дѣло знаетъ и законы. И Яковъ Ильичъ—ничего, баринъ тихій, хозяйственный. А какой тебѣ другъ Степка Рогачевъ? Бобылкинъ сынъ, батракъ, лѣнтяй, никого не уважаетъ... Мать—колдунья...

Голосъ старика гудѣлъ однообразно и жалобно, напоминая отдаленное пѣніе нищихъ.

— Кого ему уважать?—неожиданно и, должно быть, невольно спросилъ Николай, вздохнувъ и оглядывая огородъ скучающимъ взглядомъ.

— Это тебѣ—некого, а онъ всѣхъ долженъ...

Надъ сосною въ густомъ синемъ небѣ плыло растрепанное желтое облако. Всѣ звуки разъединились и, устало прижимаясь къ землѣ, засыпали въ теплотѣ ея.

Татьяна, вдова, двоюродная сестра мельника, высокая, съ багровымъ сердитымъ лицомъ и большимъ носомъ, внесла въ огородъ тяжелую корзину мокраго бѣлья, покосилась на брата съ племянникомъ и начала, высоко вскидывая руки, разбрасывать бѣлье на веревки.

— Что не здороваешься?—хмуро спросилъ мельникъ.

Она отвѣтила глухо и непочтительно:

— Здравствуй... давно не видались...

Николай, не торопясь, всталъ, спрашивая отца:

— Въ церковь не пойдешь?

— Въ баню я пойду. Въ церковь! У меня спину ломитъ. Ты бы самъ туда ходилъ почаще, въ церковь-то!

— Когда надо—*я* хожу вѣдь...

— Чего станешь дѣлать?

— На село сбѣгаю. Зворыкинъ пріѣхалъ, можетъ, денегъ получу съ него...

— Коли не пропилъ онъ ихъ... Татьянъ, собери-ка мнѣ въ баню!

— Дай вотъ стираное развѣшаю...

Назаровъ ударилъ рукою по столу.

— Дѣлай, что велятъ!

Женщина, высоко вздернувъ голову и вытирая мокрыя руки подоломъ, ушла изъ огорода, а мельникъ, собравъ бороду въ кулакъ, наклонился надъ столомъ, точно котъ, готовый прыгнуть на крысу.

Выйдя на дворъ, Николай остановился, покачалъ головой. Левонъ, подмигнувъ молодому хозяину, сказалъ:

— Воюетъ воевода?

Хозяйственно осмотрѣвъ дворъ, покрытый слоемъ черной жирной грязи, глубоко истоптанной скотомъ, Николай попросилъ:

— Поди, Левонъ, прибери въ колесѣ струментъ — некогда мнѣ!

Изъ коровника высунулась растрепанная голова Дарьи.

— Въ баню онъ, что ли?—тоскливо спросила дѣвушка.

— Да.

— Ой, Господи!—заныла она.—Неужели мнѣ опять мыть да растирать? Николай Фаддѣевичъ, соромно мнѣ! Эку моду завелъ... али я на это рядилась?

Изъ-подъ мышки у нея высунулъ морду теленокъ и неодобрительно мычалъ, какъ бы соглашаясь съ нею.

— Съ нимъ толкуй объ этомъ, а не со мной, не меня моешь!—сухо сказалъ парень, уходя со двора.

— У-у, черти!—донеслось вслѣдъ ему тихое восклицаніе.

— Сами вы черти! — мысленно возразилъ онъ и, лѣниво сплюнувъ, пошелъ къ рѣкѣ, держа руки за спиной и покачиваясь на крѣпкихъ ногахъ.

Безъ шапки, босой, въ изорванномъ пиджакѣ поверхъ грязной рубахи, въ шароварахъ, выпачканныхъ тиной, онъ былъ похожъ на горемыку-батрака. Но скуластое лицо, холодное и сухое, вся осанка его показывали въ немъ хозяина, человѣка, знающаго себѣ цѣну. Идя, онъ думалъ, что парни и дѣвки на селѣ, какъ всегда, посмѣются надъ его одеждой, и зналъ, что если онъ, молча, прищуривъ глаза, поглядитъ на шутниковъ, они перестанутъ дразнить Николая Фаддѣевича Назарова. Пусть привыкаютъ узнавать попа и въ рогожѣ.

Еще издали онъ увидалъ около свай моста маленькій челнокъ, рыбака въ немъ и, взойдя на мостъ, крикнулъ:

— Степанъ!

Не шевелясь, рыбакъ отозвался:

— Ну?

— Павелъ Иванычъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ.

Рыбакъ слѣдилъ за поплавками, неподвижный, точно камень. Сверху было видно его черепъ, съ коротко остриженными волосами, угловатый и большой, согнутую спину, длинныя руки. Изъ-подъ челнока безшумно разбѣгались тонкія веселыя струйки, играя поплавками удочекъ. Дальше по теченію эти струйки пря-

тались и вода, спокойная, гладкая, отражала въ темномъ блескѣ своемъ желтые бугры берега, бѣдно одѣтые кустами вербъ.

Назаровъ отошелъ въ сторону шага на три и, наклонясь черезъ перила, сталъ разсматривать свое отраженіе въ водѣ. Видѣлъ сѣроватое мутное пятно, оно трепетало тамъ, внизу, точно хотѣло оторваться отъ нея, взлетѣть вверхъ. Это было непріятно.

— Беретъ?

— Семерыхъ поймалъ.

— Крупны?

— Одинъ—съ фунтъ. Христину видалъ?

— Нѣтъ.

Челнокъ покачнулся.

— Врешь!

— Вчера видѣлъ,—сказалъ Николай, закрывъ глаза, — а сегодня, ей Богу, не видалъ.

— Врешь!—спокойно повторилъ рыбакъ.

Плюнувъ сквозь зубы, Назаровъ попалъ въ свое отраженіе, оно задрожало, точно обидясь, исказилось еще болѣе. Николай сердито нахмурился и пошелъ дальше.

— Ты куда?—донеслось до него изъ-подъ моста.

— На село, долги собирать!

Рыбакъ молча протянулъ руку съ удилищемъ впередъ. Изъ-подъ челнока обильно и быстро побѣжали струйки, рисуя тонкій узоръ, напоминавшій о распущенной косѣ дѣвушки.

Поднявшись по съѣзду, прорытому въ пескѣ берега, Назаровъ снова повернулъ къ рѣкѣ и всталъ на краю обрыва, держа руки въ карманахъ, высоко вздернувъ голову.

Рѣка Болома, образуя темныя и тихія заводи и омута, обрывы и желтые, пологіе мыса, размашисто текла по дну широкой котловины, направляя на западъ свои темныя, илистыя воды. По лѣвому берегу безконечно тянулся лѣсъ князей Кемскихъ— древній сосновый лѣсъ, правильно разрѣзанный просѣками; ряды стволовъ отражались въ рѣкѣ красноватыми колоннами, углубляя воды и окрашивая ихъ въ ржавый цвѣтъ. Правый берегъ мягкими увалами уходилъ въ дали; теплыя желто-зеленыя волны хлѣбовъ были одѣты въ этотъ часъ тѣнями вечера; тамъ и тутъ среди нихъ темными островами лежали пятна селъ и деревень, узорно шли дороги, стояли небольшія рощи. Съ высоты обрыва земля казалась доброй, тучной, богатой сытными злаками; отъ нея шелъ здоровый потный запахъ и будилъ въ груди Николая его любимыя мечты.

Вытянувъ шею, онъ пристально всматривался въ даль, и тамъ, въ петлѣ рѣки, на высокомъ бугрѣ, увѣнчанномъ маленькою рощею осинъ и березъ, воображеніе его строило большой каменный домъ съ зелеными ставнями и башней на крышѣ; вокругъ дома—подкова крѣпко слаженныхъ, крытыхъ желѣзомъ службъ, а отъ подножія холма во всѣ стороны разноцвѣтными полосами лежатъ пашни. Съ крыши дома молодому зоркому глазу будетъ виденъ большой кругъ земли и всѣ работы людей на окрестныхъ поляхъ. На горкѣ передъ домомъ—фруктовый садъ; яблони и вишни окурятъ весною домъ медовыми запахами...

Изъ глубинъ небесныхъ тихо спускались звѣзды и, замирая высоко надъ землею, радостно обѣщали на завтра ясный день. Со дна котловины безшумно вставала лѣтняя ночь; въ ласковомъ ея теплѣ незамѣтно таяли рощи, деревни, цвѣтныя пятна полей и угасалъ серебристо синій блескъ рѣки.

Чѣмъ темнѣе становилось вокругъ, тѣмъ все болѣе ярко вставалъ передъ глазами Николая красный кирпичный домъ, замкнутый въ полукольцѣ сада, пышно убраннаго бѣлыми цвѣтами.

— Каменной стѣной обведу садъ,—думалъ онъ, нетерпѣливо переступая съ ноги на ногу,—а Христина разведетъ птицу, головъ триста, бить будемъ ее къ Рождеству...

Все будущее давно было обдумано, онъ любовно измѣрилъ и размѣтилъ всю землю, почти каждый день, въ свободные часы пересматривалъ свои планы, вспоминая ихъ, какъ прилежный ученикъ свой урокъ.

Жарко горѣлъ передъ нимъ образъ будущей хозяйки дома; высокая, на голову выше его, полногрудая, сильная, она гордо и плавно ходитъ по двору среди крикливой птицы; ея густыя брови хозяйственно нахмурены, зоркіе глаза все видятъ, все замѣчаютъ. Вотъ она идетъ по саду—розовато-бѣлый бархатъ лепестковъ осыпаетъ ея крутыя плечи; вотъ онъ вмѣстѣ съ нею на башнѣ—сидятъ они обнявшись и смотрятъ на свои поля, на свою землю. Въ домѣ будетъ одна большая комната, а среди нея круглый столъ, человѣкъ на десять, какъ у Якова Ильича; по праздникамъ за этотъ столъ сядутъ лучшіе люди округи.

— Вотъ онъ, Николай-то Фаддѣичъ,—скажутъ они,—мужикъ, а хозяйство устроилъ не хуже барина!

Тоскливое желаніе поскорѣе увидѣть эту свободную, красивую жизнь охватило Назарова душнымъ жаромъ. Онъ глубоко вздохнулъ, нахмурился и неохотно поглядѣлъ туда, гдѣ стояла отцова мельница, надоѣвшая и ненужная ему.

Въ ночной темнотѣ приземистыя, широкія постройки отца

захватившія много земли, лежали на берегу рѣки, сливаясь вмѣстѣ съ деревьями въ большую тяжелую кучу. Среди нея горѣли два красныхъ огня, одинъ выше другого. Мельница очертаніями своими была похожа на чью-то лобастую голову: она чуть поднялась надъ землею и, мигая неровными глазами, напряженно и сердито слѣдитъ за теченіемъ своевольной рѣки.

Сегодня вода плыветъ спокойно, но—теперь лѣто, работать нечего, и сила рѣки пропадаетъ безполезно. Осенью, въ дожди, она станетъ непокорной и опасной, требуя непрерывнаго вниманія къ своимъ капризамъ; весною—выйдетъ изъ береговъ, зальетъ все вокругъ мутной холодной водой и начнетъ тихонько, настойчиво ломать, размывать плотину. Уже не однажды на памяти Николая она грозила разореніемъ, заставляя непрерывно работать дни и ночи, чтобы побороть ея неразумную силу.

Внизу подъ обрывомъ родился тихій плескъ—тамъ, по темному лону рѣки, точно муха по стеклу, скользилъ челнокъ.

— Это ты, что ли, Николай?—тихо спросилъ рыбакъ.

Назаровъ не отвѣтилъ, прислушался къ мѣрнымъ вздохамъ воды, подъ ударами веселъ, и подумалъ:

— Не спѣшитъ! Некуда ему спѣшить.

Кончилась всенощная. Былъ слышенъ гулъ и движеніе людей. Тявкали собаки, топали кони, собираясь въ ночное, чей-то унылый голосъ безотвѣтно тянулъ:

— Ва-анькя-а...

II.

Недалеко отъ мельницы Назарова, на пути рѣки Боломы всталъ высокій холмъ; рѣка срѣзала половину его, обнаживъ солнцу и воздуху яркія полосы цвѣтныхъ глинъ, отложила смытую землю въ русло свое, наметала острый мысъ и, круто обогнувъ его вершину, снова прижалась къ пестрому берегу.

На мысу росъ тальникъ, стояла маленькая грязная водокачка, съ тонкой высокой трубой на плоской крышѣ, а за мысомъ, уютно прикрытая зеленью, встала полосатая купальня, синяя и бѣлая. Берегъ укрѣпленъ фашинникомъ, по склону его полого вырѣзана дорожка, весь онъ густо усаженъ молодымъ березнякомъ, а съ верха, черезъ зеленую гриву смотритъ внизъ, на рѣку и въ луга, небольшой домъ, приземистый, опоясанный стеклянной террасой, точно подавленный антресолями, неуклюжей башенкой и краснымъ флюгеромъ надъ нею.

Николай Назаровъ, обогнувъ мысъ, ловко загребая однимъ весломъ, причалилъ, взялъ весла и выскочилъ на мостикъ купальни. Надъ домомъ и рощей струился жаркій воздухъ, ослѣпительно блестѣли стекла террасы. Посмотрѣвъ въ воду какъ въ зеркало, парень пригладилъ волоса, застегнулъ вышитый воротъ рубахи, надѣлъ жилетъ, взглянулъ на часы и, взвѣсивъ ихъ на ладони, неодобрительно покачалъ головою. Потомъ, перекинувъ черезъ руку новый синій пиджакъ, не спѣша пошелъ въ гору, двигая мускулами лица, точно выбирая выраженіе, съ какимъ удобнѣе войти наверхъ.

Но когда, выйдя на площадку передъ террасой, онъ увидѣлъ Якова Ильича Будилова, его лицо само собою приняло выраженіе почтительное, серьезное и диковатое.

Тихій баринъ сидѣлъ въ тѣни березъ за большимъ столомъ; въ одной рукѣ онъ держалъ платокъ, а другою, съ циркулемъ въ ней, измѣрялъ что-то на листѣ ослѣпительно бѣлой бумаги. И самъ онъ былъ весь бѣлый,—точно снѣгомъ осыпанъ отъ плечъ до пятъ; только шея, лицо и шляпа—желтыя, разныхъ оттѣнковъ: шляпа—ярче, а кожа темнѣе. Надъ нимъ кружились осы, онъ лѣниво взмахивалъ платкомъ и свистѣлъ сквозь зубы.

Назаровъ снялъ картузъ, шаркая по землѣ толстыми подошвами сапогъ. Яковъ Ильичъ выпрямилъ спину, вытянулъ подъ столомъ тонкія длинныя ноги и нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ сквозь круглые очки въ лицо гостя; потомъ его рѣдкіе, желтые усы, концами внизъ, дрогнули, обнаживъ мелкіе, черные зубы.

— Ага, это вы, милѣйшій?—сказалъ онъ глуховато, мягко и въ носъ.

Николай подвинулся къ столу.

— Добраго здоровьица!

— Спасибо!—отвѣтилъ Будиловъ, вертя между пальцами циркуль.

— Я вамъ не помѣшаю?

— Нисколько! Садитесь. Но, вотъ, что я вамъ скажу: каждый разъ, приходя ко мнѣ, вы говорите—добраго здоровьица и потомъ спрашиваете: я вамъ не помѣшаю? Такъ?

— Точно такъ,—согласился Николай, вздохнувъ.

— Ну, иногда надобно сказать что-нибудь другое, какъ-нибудь иначе. Напримѣръ, добрый день! И спросить: какъ здоровье?

Говоря, баринъ заставлялъ циркуль ходить по бумагѣ, а Николай слушалъ и разсматривалъ человѣка, всегда внушавшаго

ему стѣснительное чувство, связывавшее языкъ и мысли. Лицо барина напоминало китайца съ вывѣски чайнаго магазина: такое же узкоглазое, круглое, безбородое, усы внизъ, такія же двѣ глубокія морщины отъ ноздрей къ угламъ губъ и широкій носъ. Стекла очковъ то увеличивали, то уменьшали его сѣренькіе глаза; казалось, что они расплываются по лицу.

— Ну, какъ живете?

— Ничего-съ.

Баринъ собралъ носъ въ комочекъ.

— Вотъ опять слово—еръ...

— Привычка,—виновато сказалъ Николай.

— Дурная!

Глядя въ лицо парня усталымъ взглядомъ, Будиловъ загудѣлъ скучноватымъ баскомъ:

— Дурная-съ! Это прилично лакею. Вы же не лакей, а крестьянинъ. Да. Если лакей не скажетъ слово—еръ, ему не дадутъ на чай.

Сдвинувъ шляпу на затылокъ, обнаживъ голый черепъ, сунулъ руки въ карманы и, разсматривая бѣлые башмаки свои, продолжалъ:

— Вѣдь вы же не говорите Покровскому слово-еръ?

Николай, почтительно улыбаясь, отвѣтилъ:

— Господинъ Покровскій учитель, онъ живетъ на нашъ, крестьянскій счетъ, значитъ—человѣкъ служащій, а вы—другое дѣло-съ, какъ же...

Баринъ распустилъ носъ по лицу, сожалительно чмокая.

— Ай-яй! Ну, какое-жъ, батенька, другое дѣло? Это же все равно! Я же вамъ объяснялъ: учитель — учитъ, я строю церкви, вы мелете муку, мы же всѣ дѣлаемъ дѣло необходимое людямъ и всѣ мы равно заслуживаемъ уваженія, это же надо понять! Надо уважать всякій трудъ, это и сдѣлаетъ всѣхъ культурными людьми, да, а культурному человѣку нельзя говорить слово-еръ.

— Я забылъ, — сказалъ Николай, покраснѣвъ и опуская голову подъ укоризненнымъ взглядомъ.

— Хотите чаю?—спросилъ Яковъ Ильичъ, снявъ и протирая очки.

— Покорно благодарю, не хочется.

— Ну, какъ же не хочется. Потомъ я покажу вамъ новый улей.

За стеклами террасы безшумно мелькала чья-то фигура, доносился тихій звонъ чайныхъ ложекъ. Рѣчь хозяина, гудѣніе

пчелъ, щебетанье птицъ,—все точно плавилось въ жаркомъ воздухѣ, сливаясь въ однообразный гулъ и внушая Назарову уныніе.

— Что, съ отцомъ говорили?

Николай приподнялъ плечи, вертя картузъ въ рукахъ.

— Нѣтъ, не говорилъ съ той поры. Ничего не выйдетъ, окромя ссоры! Очень ужъ онъ приверженъ къ мельницѣ: дѣдъ былъ мельникомъ и я, и тебѣ это дано...

— Глупо!

— Именно, что глупо! Нѣтъ, ужъ видно надо подождать, когда помретъ онъ.

Яковъ Ильичъ кашлянулъ, усмѣхнулся и, снявъ шляпу, помахалъ ею въ лицо себѣ.

— М-да—ждать? — протянулъ онъ, сморщивъ носъ.—Не очень это удобно мнѣ—ждать...

— Здоровье у него все слабѣетъ...

— Ну, это, знаете...

— Яша, чай пить,—крикнули съ террасы.

Будиловъ всталъ на ноги, сухой, тонкій, бѣлый и весь въ новомъ.

— Словно покойникъ,—подумалъ Николай.

— Идемте! Да не надо же надѣвать пиджакъ—моя мать не барышня, вотъ если бы барышни были, ну, тогда...

На террасѣ, за столомъ сидѣла дородная, большая старуха; лицо у нея было туго надутое, мутные глаза выпучены, нижняя губа сонно отвисла, сѣдые волосы гладко причесаны и собраны на затылокъ рѣпой. Въ отвѣтъ на поклонъ Николая, она покачнулась впередъ и напомнила ему куклу изъ тряпокъ, набитую опилками.

— А не жарко здѣсь, Яша?

— Вездѣ жарко,—отвѣтилъ Будиловъ, усаживаясь въ плетеное кресло.—Надо привыкать, мамаша,—въ аду будетъ еще жарче...

— Ну-у,—сказала старуха, подбирая губы.

— Тамъ жара доходитъ до трехсотъ градусовъ.

— Ничего намъ неизвѣстно про адъ...

Сынъ серьезно и укоризненно сказалъ:

— Вы же не знаете, мамаша, а говорите! Между тѣмъ, семь лѣтъ назадъ одинъ ученый нѣмецъ былъ тамъ и все измѣрилъ и узналъ. Его спускали на цѣпяхъ, просверлили дыру въ землѣ—на Кавказѣ—и спустили! Да.

Старуха, оскаливъ большіе желтые зубы, закачалась, говоря:

— Никогда не поймешь, Яша, шутишь ты или серьезно! Мнѣ-то ничего, я ужъ привыкла, а вотъ онъ можетъ повѣрить.

— Я понимаю, что Яковъ Ильичъ шутятъ, — молвилъ Николай, усмѣхаясь.

— Шутитъ! Надо же говорить правильно. Объ одномъ человѣкѣ говорится—шутитъ, а не шутятъ. Шутятъ черти и актеры.

Назарову стало неловко и обидно.

— Н-да-съ, — продолжалъ архитекторъ, облизавъ ложку, которой взялъ варенье изъ вазы, и опустивъ ее въ свой стаканъ.— Вы, конечно, знаете, что всѣ эти черти, лѣшіе, адъ и прочее — все это называется предразсудками, суевѣріями, то есть—чепуха...

— Павелъ Иванычъ объяснялъ...

— Ну, вотъ, это хорошо. Онъ серьезный человѣкъ, вы его слушайте. Вотъ видите,—и Будиловъ постучалъ пальцемъ по столу,—я же придерживаюсь совсѣмъ другихъ взглядовъ, чѣмъ онъ, но я говорю—онъ хорошій человѣкъ. Это называется воздать врагу должное, и это вы усвойте. Да. Когда Покровскій станетъ говорить о царѣ, дворянахъ, начальствѣ, вообще о политикѣ — вы этого не слушайте, политика для васъ пока не годится. Послѣ, когда вы будете хозяиномъ своего дѣла—оно вамъ внушитъ, какая политика для васъ всего лучше. Если у человѣка нѣтъ ничего своего, онъ не можетъ понимать, что такое государство, и зачѣмъ оно, и какой политики надобно держаться... Понятно?

— Понимаю.

— Вотъ, Николай, слушай и помни,—внушительно заговорила старуха. Но сынъ нахмурился, вытянулъ носъ и грустно заявилъ:

— Чай пахнетъ мыломъ...

— Ну, что ты, Яша?—безпокойно воскликнула мать.— Пилъ, пилъ и вдругъ...

— Мамаша!—сказалъ Яковъ Ильичъ, печально покачивая головою.—Пора же вамъ знать, что вся земля вообще пахнетъ мыломъ. И это же естественно, мамаша; она—жирная и, непрерывно вертясь въ воздухѣ, омыливается...

— А ну тебя...

Николай тяжело вздохнулъ, отирая ладонью потъ со лба. Ему не нравилось какъ эти люди ѣдятъ: Будиловъ бралъ лепешки, словно брезгуя, концами тонкихъ пальцевъ; поднося кусокъ ко рту, вытягивалъ губы, какъ лошадь, и морщилъ носъ; потомъ, ощупавъ кусокъ губами, неохотно втягивалъ его въ ротъ и медленно, словно по обязанности, жевалъ, соря крошками; все это казалось парню непріятнымъ ломаньемъ человѣка избалованнаго и заѣвшагося.

Старуха ѣла непрерывно, сводя зрачки на кусокъ и жадно осматривая его, прежде чѣмъ сунуть въ большой, дряблый ротъ; собирала крошки на ладонь, какъ деревенская баба, и ссыпала ихъ въ ротъ, закидывая голову, выгибая круглый кадыкъ. Все время ея тусклые глаза ошаривали столъ, руки вытягивались за вареньемъ и лепешками; короткіе, пухлые пальцы хватали крѣпко. Чувствовалось, что она скупая, все у нея на счету и всего ей жалко. Иногда, уставъ жевать, она тяжко вздыхала, закрывъ глаза, но тотчасъ же хватала чашку, быстро глотала чай, и, обтеревъ губы салфеточкой съ бахромою, рука ея снова тянулась за кускомъ, отгоняя мухъ.

— Мужики, пожалуй, благообразнѣе ѣдятъ,—думалъ Николай, исподлобья слѣдя за движеніями хозяевъ; и думать такъ ему было пріятно. Самъ онъ ѣлъ осторожно, немного, и старался жевать не чавкая, къ чему не привыкъ и что было неудобно для него, а чавкать—не смѣлъ, потому что Будиловъ однажды замѣтилъ матери:

— Мамаша, не чавкайте! Это—грѣхъ.

Она возмущенно сказала:

— Что ты, Яша, Богъ съ тобою? Развѣ это я?

— Конечно—вы!

У Назарова зазвенѣло въ головѣ, точно баринъ ударилъ его въ ухо; онъ пробормоталъ, виновато улыбаясь:

— Это я...

— Да?—будто бы удивился Будиловъ.—Ну, чавкать при ѣдѣ не обязательно.

Онъ долго, нудно говорилъ о томъ, какъ надобно ѣсть. Назаровъ слушалъ его, опустивъ глаза, и мысленно съ ненавистью кричалъ:

— Паяцъ, лыковая рожа.

Нѣсколько минутъ молча жевали печенье и пили чай; потомъ Будиловъ отодвинулъ пустой стаканъ и заговорилъ, какъ бы продолжая начатую рѣчь:

— Нужна не политика, а культура, нужны сначала знанія, потомъ дѣянія, а не наоборотъ, какъ принято у насъ. Да. Если вы не будете пить водку и съумѣете выбрать себѣ хорошую жену—все пойдетъ прекрасно. Табакъ курить тоже не надо. И читайте хорошія книги. Больше всего читайте Толстого, но будьте осторожны. Когда онъ говоритъ: не насильничайте, не обижайте другъ друга—это вѣрно, это—голосъ настоящей христіанской культуры, это надо принять и помнить!

Онъ посмотрѣлъ въ свѣтлый бокъ самовара, подкрутилъ усы и вздохнулъ, когда они снова опустились.

— Но его крикъ: не надо государства, не надо науки— это чепуха! Безъ науки теперь сапога не шьютъ, да, а безъ государства вы мнѣ, сударь, голову откусите. Эту философію можно читать подъ старость, когда у васъ будутъ дѣти. Тогда, если вы и увѣруете въ необходимость разрушенія,—все равно, это будетъ безопасно для васъ и для другихъ. У васъ уже будутъ привычки, а привычки всегда побѣждаютъ мнѣнія и убѣжденія. Вы кончили пить? Пойдемте. Спасибо, мамаша!

— Спасибо!—повторилъ Николай, кланяясь, и едва удержался, чтобы тоже не прибавить: «мамаша».

Баринъ взялъ его двумя пальцами за рукавъ рубахи и повелъ въ паркъ, продолжая говорить все болѣе оживленно.

— Человѣкъ долженъ жить скромно, ничѣмъ не гордясь, не хвастаясь, но такъ, чтобы всѣ, кто вокругъ него, ясно видѣли свои ошибки, свою глупость, жадность, а въ его жизни— образецъ для себя.

Въ синемъ куполѣ неба таяло огненное солнце, потоки лучей лились на зелень парка, земля была покрыта золотыми узорами—и двое людей, тихо шагая по дорожкѣ, были смѣшно и странно пестрыми.

— Когда, батенька мой, на каждыхъ пяти верстахъ квадрата будетъ жить разумный человѣкъ — все будетъ хорошо! Нужно, чтобы вездѣ жили люди, которые могутъ научить, какъ лучше сложить печь, чтобы она больше хранила тепло, какія яблони удобнѣе разводить вотъ въ этомъ мѣстѣ, какъ лечить лошадей, да...

Онъ снялъ очки и, помахивая ими, смотрѣлъ на все вокругъ, прищуривъ сѣроватые, водянистые глаза.

— Намъ, прежде всего, нужны вотъ такіе добрые, все знающіе люди, а крикуновъ, а заговорщиковъ—не надо! Нужны культурные люди, которые умѣли бы любить жизнь и трудъ. Вотъ видите—я уже говорилъ вамъ это—вотъ я купилъ заросшее бурьяномъ, засыпанное мусоромъ это мѣсто и этотъ домъ, съ прогнившимъ поломъ, проваленной крышей, ограбленный и разрушенный. Рамы поломаны, двери сорваны, все—раскрадено; это было кладбище какой-то глупой, неумѣлой жизни. Прошло двѣнадцать лѣтъ—смотрите, какъ все хорошо...

Яковъ Ильичъ остановился и повелъ рукою вокругъ.

Слѣдя за его жестомъ, Назаровъ вспомнилъ знакомыя ему развалины. Сначала онъ, ребенокъ, боялся ихъ, потомъ бѣгалъ

сюда со Степой Рогачевымъ добывать мѣдь и желѣзо для грушниковъ. Это они, бывало, отрывали ручки и петли дверей, шпингалеты рамъ, таскали вьюшки, рылись, какъ кроты, не боясь сторожа, всегда пьянаго или спящаго.

— Видите, что можетъ сдѣлать человѣкъ?—слышалъ онъ мягкій, но уже не скучный басокъ Будилова.

Всюду вокругъ стояли мощные стволы старыхъ, дуплистыхъ липъ, къ нимъ подсажены молодыя деревья, въ густой травѣ сверкали цвѣты, тамъ и тутъ возвышались красныя и желтыя крыши разнообразныхъ ульевъ, а людей не видно было, и дѣйствительно думалось, что все это устроилъ одинъ Будиловъ. Гдѣ-то неподалеку шипѣла вода; на дворѣ, за домомъ тихонько взвизгивалъ и охалъ насосъ; чуть слышно бормоталъ гнусавый, старческій голосъ.

Сквозь завѣсы зелени были видны прочныя стѣны и красныя, крытыя желѣзомъ крыши хозяйственныхъ построекъ; на всемъ вокругъ лежала ясная печать умной человѣческой работы. И человѣкъ говорилъ:

— Здѣсь нѣтъ аршина земли, которой не коснулась бы моя рука!

Назаровъ уважительно посмотрѣлъ на эту руку, темную отъ загара, съ длинными пальцами и узкой ладонью, потомъ искоса и мелькомъ взглянулъ на тяжелую кисть своей правой руки и сжалъ ее въ кулакъ.

— Да. И я горжусь тѣмъ, что въ то время, когда кругомъ все разрушается, я умѣлъ возстановить часть разрушенной жизни,—онъ положилъ руку на плечо Николая, заглядывая въ глаза ему.—Вотъ и вы такъ-же: возьмите кусокъ земли по силѣ вашей и обработайте ее, въ примѣръ другимъ; это вызоветъ въ людяхъ уваженіе къ вамъ, а васъ наградитъ сознаніемъ вашей особенности отъ людей. Подумайте, какова можетъ быть земля лѣтъ черезъ сто, если каждый изъ людей сумѣетъ украсить за жизнь свою хотя бы десятину, а? Прекраснымъ садомъ будетъ земля, и въ этомъ именно и скрытъ смыслъ жизни,—понимаете?

Это были именно тѣ рѣчи, ради которыхъ Назаровъ уже второй годъ почти каждое воскресенье являлся сюда, къ человѣку, вызывавшему у него сложное чувство зависти, уваженія и съ трудомъ подавляемой обиды. Въ манерѣ барина говорить, въ его странныхъ, не смѣшныхъ шуткахъ, въ назойливомъ повтореніи одного и того же слова Николай чувствовалъ, что епархіальный архитекторъ считаетъ его парнемъ глуповатымъ. Это всегда бередило самолюбіе Назарова, и онъ замѣчалъ, что, дѣй-

ствительно, при баринѣ становится глупѣе. Но рѣчи Будилова о смыслѣ жизни, о необходимости умнаго, упорнаго труда на своей землѣ были дороги Николаю; онѣ укрѣпляли въ немъ его мечты, перерождая ихъ въ ясные, твердо очерченные планы будущаго.

— А вы, Яковъ Ильичъ, подождете продавать ту землю?— спросилъ онъ тихонько.

— Чего подождать?

— Да вотъ, когда отецъ...

Будиловъ искоса взглянулъ на него и сказалъ, сморщивъ желтое лицо:

— Мельники живутъ до ста лѣтъ. Я, батенька, не могу ждать, увы! Мнѣ нужны деньги. Саяновскіе мужики даютъ уже двѣ тысячи семьсотъ. Еще немножко поспоримъ и—сойдемся! Да. А вы—не горюйте! Земли—много!

— Ахъ, ты, Господи,—вздохнулъ Николай, угрюмо опустивъ голову.—Не въ силу мнѣ отказаться-то отъ вашей земли, прямо—не могу... Такъ все обдумано, такъ это просто выходитъ у меня...

— Мельники долговѣчны, какъ слоны,—говорилъ баринъ, шаря въ карманахъ,—за это, главнымъ образомъ, они и считаются колдунами, да-съ, милѣйшій мой...

Остановился, вынулъ сигару, тщательно и долго обрѣзывалъ маленькими ножницами конецъ ея, закурилъ и, гоня передъ собою синюю струйку дыма, пошелъ впередъ по аллеѣ. Николай поглядѣлъ въ спину ему и вдругъ началъ прощаться.

— А улей?—спросилъ баринъ, поднявъ брови.

— Ужъ въ другой разъ позвольте, сегодня надо скорѣе домой, отецъ тамъ жалуется, грудь завалило...

Онъ бормоталъ, опустивъ голову, не глядя въ лицо Будилова, переминаясь съ ноги на ногу. Что-то безпокойное слагалось въ умѣ и торопило уйти отсюда.

— Какъ хотите!—недовольно и сухо сказалъ Будиловъ.

Николай быстро спустился съ горы, сѣлъ въ лодку и, широко взмахивая веслами, погналъ ее противъ теченія, словно убѣгая отъ чего-то, что неотступно гналось за нимъ.

Весло задѣвало опустившійся въ воду ивнякъ, путалось въ стебляхъ кувшинокъ, срывая ихъ золотыя головки; подъ лодкой вздыхала и журчала вода. Почему-то вспомнилась мать—маленькая старушка съ мышиными глазками: вотъ она стоитъ передъ отцемъ и, размахивая тонкой, безсильной рукой, захлебываясь словами, хрипитъ:

— Злодѣй ты, злодѣй, дай хоть умереть-то мнѣ, не му-учь...

А онъ, большой и тяжелый, развалясь на лавкѣ подъ окномъ, отвѣчаетъ лѣниво и безъ злобы:

— Али *я* тебѣ мѣшаю? Издыхай...

Мать трясется вся, растираетъ руками больное горло, смотритъ въ уголъ на иконы. И снова шелестятъ сухія, жуткія слова:

— Пресвятая Богородица, накажи его! Порази его въ сердце, Матушка! Безъ покаянія-бы ему...

Отецъ вскочилъ на ноги.

— Вонъ, вѣдьма!..

Она выбѣгаетъ, согнувшись, точно маленькая собачка, а вечеромъ, лежа въ телѣгѣ на дворѣ, шепчетъ Николаю:

— Измаялъ онъ меня, боровъ распутный, ославилъ, душеньку мнѣ истерзалъ, Николушка, милый, тошнехонько мнѣ, ой...

Это было шесть лѣтъ тому назадъ.

Цвѣтнымъ камнемъ мелькнулъ надъ водою зимородокъ, по рѣкѣ скользнула голубая стрѣла; съ берега, изъ кустовъ, негромко крикнули:

— Эй, куда? Здѣсь я...

Не взглянувъ на берегъ, не отвѣчая, онъ глубоко вогналъ лодку въ заросль камыша, выпрыгнулъ на берегъ и, попавъ ногами въ грязь, сердито заворчалъ:

— Нашла мѣсто, нѣтъ лучше-то?..

Передъ нимъ стояла дородная, высокая дѣвица въ зеленой юбкѣ, съ желтыми разводами, въ желтой кофтѣ и бѣломъ платкѣ на головѣ.

— Не все равно?—сказала она густымъ голосомъ.

— Вонъ, гляди, какъ сапоги замаралъ!

— Эка важность!

Отошли въ кусты и на маленькой полянкѣ, среди молодыхъ сосенъ, Николай бросился въ тѣнь, подъ деревья, а она, бережно разостлавъ по травѣ верхнюю юбку, сѣла рядомъ съ нимъ, нахмуривъ густыя темныя брови и пытливо глядя въ лицо его небольшими карими глазами.

— Опять не въ духахъ.

Николай отвернулся отъ нея и сплюнувъ сквозь зубы, пробормоталъ:

— Чертовъ китаецъ этотъ не хочетъ ждать, продаетъ землю-то Саяновскимъ...

Она вздохнула, не торопясь достала изъ-за пояса платокъ, заботливо вытерла потное лицо Николая, потомъ, перекинувъ на

грудь себѣ толстую косу, молча стала играть розовой лентой, вплетенной въ конецъ ея. Брови ея сошлись въ одну линію, она плотно поджала красныя губы и пытливо уставилась глазами въ сердитое, хмурое лицо Назарова.

— Что теперь дѣлать?—сказалъ онъ, щурясь отъ солнца, и положилъ голову на колѣни ей.

— Не скоро, видно, поживешь, какъ хорошіе-то люди,— медленно проговорила она.—Да еще и поживешь ли?

Николай чмокнулъ, закрылъ глаза и сморщилъ лицо.

— Ну, вотъ! Чѣмъ бы ласковое что сказать...

— Лаской дѣла не подвинешь, милый...

— Эхъ, ты!—тихонько и уныло воскликнулъ Назаровъ.

— Что я?

— Такъ. Мало ты меня, Христина, любишь, вотъ что...

Она подвела руку подъ шею ему и, легко приподнявъ голову парня, прижала ее къ груди.

— А ты полно-ка! Не любила бы, такъ гуляла бы со Степаномъ.

— Съ нищимъ-то?

— И ты не богатъ...

— Я—буду!

— Улита-то ѣдетъ...

— Погоди, отецъ помретъ...

— Кабы это отъ тебя было зависимо...

Николай открылъ глаза, быстро приподнялся, сѣлъ рядомъ съ нею и строго, глухо спросилъ:

— Ты что говоришь?

— Я?

Христина удивленно отшатнулась отъ него, приподнявъ плечи и словно желая спрятать голову.

— Что я говорю?

— То-то?—сказалъ Николай. Сорвалъ горсть травы и рѣзкимъ движеніемъ отбросилъ ее прочь отъ себя.

— Ты мнѣ этихъ мыслей не внушай!

— Какихъ?

Они посмотрѣли въ глаза другъ другу. Первый отвернулся Николай, а Христина, улыбаясь широкой улыбкой, обняла его за шею и раскачивая шептала въ ухо:

— А ты полно-ка! Эхъ, ты, миленокъ. Ты не думай...

— О чемъ?—подозрительно спросилъ онъ.

— Ни о чемъ не думай, кромѣ дѣла, какъ его лучше исдѣлать...

— А вотъ—какъ? Вонъ онъ, паяцъ этотъ...

— Будиловъ-то?

— Ну, да.

— И впрямь—паяцъ! Ужъ такъ-то ломается...

— Вонъ онъ говоритъ, мельники, говоритъ, до ста лѣтъ живутъ... да!

Христина подумала немножко и, вздохнувъ, сказала:

— Да-а, долголѣтни они...

И тотчасъ торопливо заговорила, усмѣхаясь:

— Намедни Будиловъ-то, какъ пололи мы гряды у него, сѣлъ подъ окно и въ подзорную трубу смотритъ, все смотритъ на насъ... Выглядѣлъ Анюту Сорокиныхъ, ну, а извѣстно какова она, ей только мигни...

— Брось,—сказалъ Николай,—что тебѣ?

А въ памяти звучало двойное слово:

— Долго-лѣтни... долго-вѣчны...

Онъ снова легъ на колѣни ей, а Христина, грустно прикрывъ глаза выцвѣтшими рѣсницами, замолчала, перебирая его волосы. Молчали долго.

Было тихо, только изъ травы поднимался чуть слышный шорохъ, гудѣли осы, да порою, перепархивая изъ куста въ кустъ, мелькали сѣренькіе московки и корольки, оставляя въ воздухѣ едва слышный звукъ трепета маленькихъ крыльевъ. Вздрагивая, тянулись къ солнцу изумрудныя иглы сосняка, а высоко надъ ними кружилъ коршунъ, безконечно углубляя синеву небесъ.

Назаровъ слѣдилъ за полетомъ птицы, и ему казалось, что въ немъ тоже медленно плаваетъ черный шарикъ. Никакихъ мыслей нѣтъ, не хочется думать и жутко слѣдить за этой черной точкой въ небѣ, отраженной гдѣ-то глубоко въ душѣ.

Вдругъ вспомнились слова Христины:

— Ни о чемъ не думай—дѣлай...

— Намекаетъ она, али нѣтъ? Пожалуй, намекаетъ! Ей—что? Будетъ удача—ея выигрышъ, не будетъ, пропаду я—съ другимъ начнетъ гулять...

А Христина, лаская его, тихонько жалобно говорила:

— Пожить бы поскорѣе хорошо-то, миленькій ты мой, однимъ бы, на полной свободѣ, хозяевами себѣ...

Онъ безпокойно повернулся на бокъ, не желая болѣе смотрѣть въ небо, и, глядя снизу вверхъ въ лицо ей, сердито сказалъ:

— Что ты, словно уговариваешь?..

— Колинька,—такъ ужъ хочется мнѣ съ тобой...

— Лучше бы поцѣловала!

— Поцѣловать-то и хочется,—шепнула она, наклоняясь. Николай закинулъ руки за шею ей, притянулъ, къ себѣ и закрылъ глаза прильнувъ къ ея губамъ.

— Ой, пусти!—шептала она, отталкивая его, вырвалась и, легко столкнувъ парня съ колѣнъ своихъ, встала на ноги, томно потягиваясь.

— Задохнулась даже... какой ты!

Онъ откатился подъ сосны и, лежа внизъ лицомъ, бормоталъ:

— Идетъ время, идетъ, а ты—мучайся! Ахъ, Господи!

Христина молчала, отряхая съ юбки хвою и траву, потомъ, взглянувъ на солнце, сказала:

— Надобно домой...

— Погоди!

— Нѣтъ, надо...—И помолчавъ, прибавила:—Надо итти...

Николай сѣлъ на землѣ, поправилъ волосы, надѣлъ картузъ.

— Ну, ѣдемъ...

Но Христина, отступивъ въ сторону, сказала виноватымъ голосомъ:

— Я, Коля, пѣше пойду сегодня...

— Отчего?

— Та-акъ.

Онъ поднялся на ноги, оглядываясь, прислушался—гдѣ-то неподалеку билъ коростель, а Христина тихонько говорила:

— Мнѣ къ Мишинымъ надо зайти...

Глаза у нея разбѣгались, по лицу расплылась слащавая улыбочка.

— Врешь ты,—тихо сказалъ Николай.

— Ей Богу—правда!—воскликнула она, прижимая руки къ высокой груди.

— Врешь,—повторилъ парень раздумчиво и, тряхнувъ головою, подошелъ вплоть къ ней.—Погляди-ка въ глаза мнѣ—ну?

Она испуганно выкатила карiе зрачки, улыбка сошла съ лица ея, и губы вздрогнули.

— Что ты, Коленька!

— Знаю я о чемъ ты думаешь!—сказалъ онъ сердито.—И почему не ѣдешь сегодня со мной—понимаю!

— Да что ты!—повторила она обиженно.—Что тебѣ кажется? Господь съ тобой, право!

Онъ подвинулся къ ней, тихо говоря:

— Ты на что мнѣ въ то воскресенье про Ѳедосью Шилову разсказала?

— И не помню я даже...

— Не помнишь?

Но вдругъ покраснѣвъ, она взмахнула рукой и, широко крестясь, заговорила торопливо:

— Вотъ—на! святой крестъ—правда это! Всѣ говорятъ про нее, только доказать нельзя, вѣдь ужъ семь мѣсяцевъ прошло, какъ онъ померъ...

Она смотрѣла прямо въ глаза ему, рѣчь ея становилась все многословнѣе, оживленнѣе. Онъ подумалъ:

— Можетъ, ошибаюсь я, свои мысли вижу у нея...

И вслухъ сказалъ примирительно:

— Да я не про это! Нужно ли мнѣ въ чужое дѣло соваться...

— Такъ про что же?—спросила она удивленно.

— Да вотъ... все вмѣстѣ со мной въ лодкѣ ѣздила, а сегодня вдругъ будто испугалась чего—иду одна, пѣшкомъ!

Въ глазахъ ея вспыхнули и тотчасъ погасли зеленыя искорки, она обняла его за шею и, поцѣловавъ, шепнула на ухо:

— Не бойся!

— Чего? — спросилъ Назаровъ, тоже обнявъ ее, а она, крѣпко прижимаясь къ нему грудью, томно прикрывъ глаза, маня и обѣщая, сказала:

— Ничего не бойся! Ой, люблю я тебя до смерти! Не обману никогда...

И вдругъ обезсилѣвъ, тяжело повисла въ его рукахъ.

У него сладко кружилась голова, сердце буйно затрепетало, онъ обнималъ ее все крѣпче, цѣлуя въ открытыя горячія губы, сжимая податливое мягкое тѣло, и опрокидывалъ его на землю; но она неожиданно, ловкимъ движеніемъ, выскользнула изъ его рукъ, и оттолкнувъ, задыхаясь, крикнула подавленно:

— Иди, уходи!

Онъ, шатаясь, пошелъ къ ней.

— Уходи, Николай!—снова крикнула она.—Не могу я... ну, тебя...

Глядя на нее пьяными глазами, обезсиленный возбужденіемъ, онъ пробормоталъ:

— Доведешь ты меня... додразнишь до грѣха, гляди, Христина...

И круто отвернувшись, пошелъ сквозь кусты къ лодкѣ.

Когда онъ оттолкнулся отъ берега, то увидалъ надъ зеленью

кустарника ея лицо: возбужденное, глазастое, съ полуоткрытыми улыбкой губами, оно было какъ большой розовый цвѣтокъ. Простоволосая, съ толстой косою на груди, она махала ему платкомъ, рука ея двигалась утомленно, невѣрно, и можно было думать, что дѣвушка зоветъ его назадъ.

Крѣпко стиснувъ весла, онъ погрузилъ ихъ въ рѣку и рванулъ къ себѣ, громко, озлобленно крякнувъ.

— Вечеромъ-то увидимся ли?—негромко сказала Христина.

Онъ не отвѣтилъ, яростно взрывая воду веслами.

III.

Доплывъ до села, онъ вышелъ на берегъ и, подавленный смутнымъ, тревожнымъ желаніемъ, которое и запрещало ему итти домой, и влекло туда, пошелъ повидаться съ учителемъ Покровскимъ.

Павелъ Ивановичъ, щуплый, сухонькій человѣчекъ съ длиннымъ черепомъ и козлиной бородкой на маленькомъ лицѣ, наскоро склеенномъ изъ мелкихъ, разрозненныхъ костей, обтянутыхъ сильно изношенной кожей, пилъ чай со Степаномъ Рогачевымъ, парнемъ неуклюжимъ, скуластымъ, какъ татаринъ, съ рѣдкими, точно у кота, усами и гладко остриженною послѣ тифа головою.

Назаровъ, вяло улыбаясь, поздравилъ учителя съ пріѣздомъ; на заботливый вопросъ Покровскаго—почему онъ такой невеселый?—сообщилъ о болѣзни отца и замолчалъ, а учитель снова сталъ оживленно и торопливо, мягкимъ баскомъ, разсказывать Степану что-то о кометахъ, звѣздахъ, о небѣ. Николай не слушалъ; онъ былъ увѣренъ, что всѣ рѣчи учителя знакомы ему, какъ «Господи помилуй», и давно уже онѣ казались лишними для жизни, заслоняющими главное: никому не нужны звѣзды, и все равно, какъ вертится земля, вѣдь никто этого не чувствуетъ, никому это не мѣшаетъ. Нужно простое, ясное: сытный кусокъ земли, просторный, свѣтлый домъ, хорошая, неглупая жена и—чтобы люди уважали, не трогали. Вотъ что даетъ душѣ покой и крѣпко ставитъ человѣка на ноги. Сначала это, а потомъ уже все другое, что кому нравится. Притѣснять людей не надо, пусть каждый живетъ какъ онъ хочетъ. Люди ежедневно доказываютъ другъ другу, что жить сообща не могутъ они, нѣтъ у нихъ для этого умѣнья, и задачи разныя у всѣхъ.

— Дешевый человѣкъ,—лѣниво думалъ онъ про учителя,— такъ себѣ живетъ, безъ назначенія...

А Степанъ вызывалъ у него непріязненное и завистливое чувство развязностью, съ которой онъ держался передъ учителемъ, смѣлостью вопросовъ и рѣчей. Слѣдя за нимъ исподлобья, Николай видѣлъ, какъ Рогачевъ долго укрѣплялъ окурокъ стоймя на указательномъ пальцѣ лѣвой руки, уставилъ, сбилъ сильнымъ щелчкомъ пальцевъ правой, послѣдилъ за полетомъ и когда, кувыркаясь въ воздухѣ, окурокъ вылетѣлъ за окно и упалъ далеко на песокъ, Рогачевъ сказалъ, густо и непочтительно:

— А по моему, никто не вѣритъ въ способность народа къ разуму и для всѣхъ онъ—чужая душа...

— Это вѣрно,—подумалъ Назаровъ.

— Ну-у, — недовольно протянулъ учитель. — Откуда ты взялъ?

— Да такъ ужъ! Всѣ книжники—въ народѣ, какъ въ лѣсу, ей Богу! Какъ на охоту выходятъ: не попадетъ ли что пріятное? Главное—пріятное найти...

— Неосновательно говоришь ты, Степанъ!

— Ну?

— Не хорошо.

Облака, поглотивъ красный шаръ солнца, раскалились и таяли; въ небѣ запада пролились оранжевыя, золотыя, багровыя рѣки, а изъ глубинъ ихъ вѣеромъ поднялись къ зениту огромные свѣтлые мечи, разсѣкая синѣющее небо.

Было досадно, что Степанъ говоритъ вѣрнѣе учителя, и Назаровъ думалъ:

— Ну, ладно... ну, такъ что? Къ чему все это?

Онъ сидѣлъ какъ во снѣ, и все тяжелѣе, темнѣе становилось на душѣ у него.

— Продаетъ Будиловъ землю...

Гудя, влетѣлъ жукъ, ткнулся въ самоваръ, упалъ и, лежа на спинѣ, началъ безпомощно перебирать черными, короткими ножками. Рогачевъ взялъ его, положилъ на ладонь себѣ, оглядѣлъ, выкинулъ въ окно, и заговорилъ какъ бы самъ съ собою, глядя въ чашку чая.

— Если ты міръ судишь—стой въ серединѣ его, на самомъ виду у всѣхъ, а не съ бока! Тяжело? Это другое дѣло! Тогда—отойди, куда тебѣ лучше, и живи, помалкивай. А издали осуждать, не держа общей тяжести, которую міръ несетъ,—это нехорошо! Судей много, только судъ—не учитъ, а наказываетъ. Народу не судьи надобны, довольно ужъ ихъ, а толку не

видно; ты народу учителемъ будь, дружески учи, не ори, а доказывай...

— Ну, мы съ тобой многому не научимъ,—недружелюбно молвилъ Назаровъ.—Сами довольно еще невѣжи...

Покровскій тихонько засмѣялся, его маленькіе глазки запутались, исчезли въ сѣти веселыхъ морщинъ, сжавшихъ лицо въ кулачокъ.

— Ахъ, ребята,—заговорилъ онъ,—слушаю я васъ и думаю: десять лѣтъ тому назадъ въ селѣ не было ни одного человѣка, котораго занималъ бы вопросъ—какъ надо лучше жить? А вотъ теперь—вы двое, Минай Кудиновъ, Заботкинъ Алеша...

— Отошли они оба прочь отъ деревни,—невнятно проворчалъ Николай.

— Яковъ Щегольковъ... Слушаю я васъ и думаю—«нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, яко видѣста очи моя» людей. которые будутъ жить инымъ порядкомъ...

Его басокъ лился непрерывной струей, точно конопляное масло; по лицу разбѣгались круглыя улыбочки, онъ помахивалъ въ воздухѣ сухонькой рукой, сжимая и разжимая пальцы.

— Вотъ такъ, понемногу, въ сотнѣ тысячъ деревень,—захлебываясь словами говорилъ онъ,—каждогодно входятъ въ жизнь молодые умы, люди доброжелательные, сердечные, и однажды Русь увидитъ себя умной, честной... Не забывайте только, что внутри каждой души теплится живой, Божій, всей жизни общій огонекъ, и что его надо раздуть въ пламя великое...

— И Будиловъ то же говоритъ,—думалось Николаю.—А живетъ въ сторонѣ, одинъ, даже не женился вотъ...

— Конечно,—сказалъ Степанъ, пощипывая усы,—жизнь обязательно должна идти къ лучшему—какъ же иначе?

Николай всталъ, протягивая учителю руку.

— Мнѣ пора домой, я вѣдь только повидаться зашелъ, а то—нехорошо, отецъ тамъ...

— И я тоже иду,—сказалъ Рогачевъ,—у меня за мельницей рыбьи дѣлишки налажены.

— Погодите,—все еще мечтательно улыбаясь, заявилъ учитель,—я съ вами, мнѣ къ отцу Афанасію... Сейчасъ переодѣнусь.

Степанъ потянулся, почти доставъ потолокъ руками, и сказалъ:

— Не люблю батьку!

— За что его любить? — отозвался учитель, суетясь въ

углу.—Мнѣ по службѣ необходимо показывать видимость уваженія къ нему и все подобное, эдакое... Ну, идемте!

Половина темносиняго неба была густо засѣяна звѣздами, а другая, надъ полями, прикрыта сизой тучей. Вздрагивали зарницы, туча на секунду обливалась красноватымъ огнемъ. Въ трехъ мѣстахъ села лежали желтыя полосы свѣта—у попа, въ чайной и у лавочника Сѣдова; всѣ эти три свѣтлыя пятна выдвигали изъ тьмы тяжелое зданіе церкви, лишенное ясныхъ формъ. Въ рѣкѣ блестѣло отраженіе Венеры и еще какихъ-то крупныхъ звѣздъ—только поэтому и можно было узнать, гдѣ спряталась рѣка.

Лѣсъ въ темнотѣ сталъ похожъ на горы, все знакомое казалось новымъ, влажное дыханіе земли было душисто и ласково.

— Продаетъ Будиловъ землю,—угрюмо думалъ Николай,—продаетъ! Эхъ, отецъ...

Рогачевъ и учитель, бесѣдуя, тихонько шли впередъ; онъ остановился, поглядѣлъ въ спины имъ и быстро свернулъ въ сторону, къ мосту, подавляемый тревогой, а перейдя мостъ, почувствовалъ, что домой ему итти не хочется, остановился подъ ветлами на берегу и, обернувшись спиною къ непріятнымъ огнямъ мельницы, посмотрѣлъ на село, уже засыпавшее, полусонно шумя и вздыхая. Рѣдкіе огни въ окнахъ избъ казались глубокими ранами на темномъ, неуклюжемъ тѣлѣ села, а звуки напоминали стоны. Видъ села вечеромъ и ночью всегда вызывалъ у Назарова непріятныя мысли и уподобленія: вскрывая стѣны избъ, онъ видѣлъ въ тѣсныхъ вонючихъ логовищахъ больныхъ старухъ и стариковъ, ожидающихъ смерти, бабъ на сносяхъ, съ высоко вздернутыми подолами спереди, квѣлыхъ, осыпанныхъ язвами золотухи дѣтей, видѣлъ пьянство, распутство, драки и всюду грязь, отъ которой тошнило, а люди въ этой грязи—точно черви...

Онъ зналъ, что все село ненавидитъ и боится мельника Назарова, и что часть этой ненависти отраженно падаетъ и на него. Фаддѣя Назарова не любили за богатство, за то, что онъ давалъ деньги въ ростъ, за удачу во всѣхъ дѣлахъ и распутство.

— Я при чемъ тутъ?—мысленно возражалъ людямъ Николай, проникаясь враждебнымъ чувствомъ къ нимъ.—Али я виноватъ?

И считая себя несправедливо обиженнымъ, онъ втайнѣ обвинялъ отца за это наслѣдство. Бывали дни, когда хотѣлось мира

и дружбы съ людьми, а отовсюду на него смотрѣли косо, недовѣрчиво или же заискивающе, подхалимисто. Однажды, стѣсненный этой злобой и фальшью, Николай угрюмо сказалъ Рогачеву:

— Зря мужики на меня волками-то глядятъ...

— Н-да, — протянулъ Степанъ, опуская глаза, — торопятся...

Николай не понялъ его.

— Куда торопятся?

— Это они въ счетъ будущаго,—подумавъ и усмѣхаясь, сказалъ Рогачевъ.

— А, можетъ, я добра хочу имъ?—сердито воскликнулъ Назаровъ.—Какъ знать, чѣмъ я для нихъ буду?

— Стало быть, не ждутъ они добра,—снова задумчиво молвилъ Степанъ и, вздохнувъ глубоко, добавилъ: — Гляжу я, братъ Николай, на все и думаю: легко быть худымъ человѣкомъ, а хорошимъ—трудно! Ей Богу, такъ!

— Обидно это мнѣ!—сказалъ Николай.

Рогачевъ не отвѣтилъ, не взглянулъ на него, и Николаю подумалось:

— И ты такой же, какъ всѣ...

На томъ берегу, въ домѣ Копылова, зажгли огонь; свѣтлая полоса легла по дорогѣ къ мосту, и въ свѣтѣ четко встали три темныя фигуры. Въ одной изъ нихъ Николай сразу узналъ Степана, а другая показалась похожею на Христину. Онъ посунулся впередъ, схватившись рукою за дерево, а люди окунулись въ темноту и исчезли; потомъ сталъ слышенъ шумъ шаговъ и дѣвичій знакомый смѣхъ. Назаровъ, не торопясь, пошелъ къ мельницѣ, но тотчасъ повернулъ назадъ, сбѣжалъ подъ мостъ и присѣлъ тамъ, въ сырости и запахѣ гнилаго дерева. Чуть слышно журчала вода, омывая сваи, шаркаясь о песокъ берега; на гладкой полосѣ рѣки дрожали отраженія звѣздъ, бухали по мосту тяжелые шаги, стучали каблуки женскихъ башмаковъ и ясно звучалъ голосъ Рогачева.

— Вотъ теперь вы и то, и сё, капризитесь съ парнями, дурите и будто бы считаете ихъ ровней себѣ, а какъ повыскочите замужъ—и кончено! Все равно какъ нѣтъ васъ на землѣ, только промежъ себя лаетесь, а передъ мужьями—безъ словъ, какъ овцы...

— Скажи-ка мужу слово-то!—весело воскликнула одна изъ дѣвицъ, и Назаровъ по голосу узналъ бойкую подругу Христины, Наталью Копылову.—Чать онъ—власть, сейчасъ тутъ за волосья сгребетъ...

— Не допускай!

— Рада бы, да силы не дано...

Они остановились какъ разъ надъ головою Назарова; сквозь щели моста на картузъ и плечи его сыпался соръ.

— Дальше не пойдете?—спросилъ Степанъ.

— Я—нѣту, а вотъ Кристя, чать, пошла бы, до мельницы, до миленковой...

— Видала я его нынче,—тихо и медленно выговорила Христина; и Назарову показалось, что слова ея небрежны, неуважительны.

— Ну, я иду...

Рогачевъ сошелъ съ моста, а дѣвицы пошли назадъ и Наталья тихонько запѣла:

Встрѣтишь милаго мово,
Скажи—я люблю его...

— Такъ ли, Кристюшка?

— Не веселый онъ у меня, милый-то...

— Не веселъ, да богатъ.

— Ну-у...

— Ничего, раскачаешь! Охъ, дѣвонька...

Шаги заглушили слова Натальи.

Напряженно вслушиваясь, Назаровъ смотрѣлъ, какъ вдоль берега у самой воды двигается высокая фигура Степана, а рядомъ съ нею по водѣ скользило черное пятно. Ему было обидно и неловко сидѣть, скрючившись подъ гнилыми досками; когда Рогачевъ пропалъ во тьмѣ, онъ вылѣзъ, брезгливо отряхнулся и сердито подумалъ о Степанѣ:

— Пустобрехъ...

А Христину обругалъ:

— Дура! Туда же, не веселъ я для нея... Нищета козья...

И тихонько пошелъ на мельницу, опустивъ голову, заложивъ руки за спину, чувствуя себя жутко одинокимъ въ этой теплой, разслабляющей тьмѣ ночной.

М. Горькій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СВОБОДА.

(Изъ воспоминаній бывшаго шлиссельбуржца).

Выѣздъ изъ Равелина.

Было чудное утро. На разсвѣтѣ 1-го Августа 1884 г. отъ пристани Петропавловской крѣпости отдѣлилась громадная, черная баржа и на буксирѣ небольшого пароходика двинулась вверхъ по Невѣ.

Баржа напоминала собою одну изъ тѣхъ барокъ, на которыхъ когда-то держался Литейный мостъ. Ея черная, выпукло-закрытая палуба, общій мрачный видъ и тихій ходъ невольно наталкивали на сравненіе съ черепахой. Въ данный моментъ, однако, эту баржу вѣрнѣе было бы назвать «братскимъ гробомъ», на подобіе «братскихъ могилъ»: въ ней везли людей, осужденныхъ на вѣчное заключеніе, т. е. людей заживо похороненныхъ.

За два съ половиной года передъ тѣмъ эти люди были приговорены къ смерти. Ихъ было много: цѣлыхъ одиннадцать человѣкъ. Такая цифра для того времени казалась чудовищной,— и казнивъ одного (это былъ военный), прочимъ замѣнили смерть безсрочной каторгой. Но зато для отбыванія ея былъ выбранъ въ Петропавловской крѣпости Алексѣевскій равелинъ, съ его ужаснымъ режимомъ, спеціально выработаннымъ для этихъ людей; при этомъ режимѣ смерть неизбѣжно должна была настигнуть ихъ очень скоро.

Такъ и вышло: сѣрыя камеры, плохая пища, отсутствіе воздуха и прогулки, при полной бездѣятельности, сдѣлали то, что уже черезъ 5—6 мѣсяцевъ цынга охватила всѣхъ заключенныхъ,

осложнившись у нѣкоторыхъ еще легочными заболѣваніями. Черезъ годъ явилась смерть, за ней вскорѣ другая; предвидѣлись новыя. Тогда улучшили режимъ: дали хорошую пищу, увеличили прогулку, стали провѣтривать камеры. Однако, тѣхъ, кто уже очень надорвалъ свои силы, эти улучшенія не спасли: они продлили только ихъ страданія, но смерть взяла все-таки свое, и ихъ не стало.

Уцѣлѣли лишь наиболѣе выносливые. Къ нимъ присоединили еще свѣжихъ, недавно переведенныхъ изъ другихъ мѣстъ заключенія, и теперь всѣхъ рѣшено было отправить въ только-что отстроенную новую тюрьму, лучше приспособленную для вѣчнаго заключенія, и строже обособленную. Находясь на острову, окруженная со всѣхъ сторонъ водой, изоляціи она достигала наилучшимъ образомъ, но зато давала заключеннымъ больше воздуха и свѣта.

Отправка.

Наканунѣ 1-го августа въ необычное время, вдругъ, неожиданно въ Равелинѣ то въ той, то въ другой камерѣ стали раздаваться стукъ и лязгъ цѣпей. Смотритель съ унтерами и кузнецомъ ходили по камерамъ и заковывали одну половину арестованныхъ въ ножные кандалы. Закованнымъ даны были пояса съ кожаными подкандальниками и велѣно приготовиться къ ночи.

Зачѣмъ? къ чему?.. Отвѣта не получалось!.. Предоставлялось каждому гадать по своему. Ясно было лишь одно: хотятъ куда-то перевести или отправить въ другое мѣсто. Но куда? Голова напрасно кружилась въ догадкахъ.

А тутъ наступилъ вечеръ, пришла ночь, а о переводѣ ни духу, ни слуху. Всюду полная тишина.

Ужъ повезутъ ли? Не отложено ли до завтра? Люди, измученные пережитыми волненіями дня и безплодностью усилій разрѣшить возникавшіе въ мозгу вопросы, мало-по-малу стали уже забываться кошмарнымъ сномъ, лежа, въ ожиданіи отправки, на своихъ койкахъ во всемъ одѣяніи. Вдругъ чуткое ухо сразу уловило давно неслышанный грохотъ экипажа по мостовой. Сна не стало; всѣ насторожились... Часы Петропавловскаго собора проиграли полночь... По камерамъ сталъ ходить офицеръ съ унтерами, и всѣмъ закованнымъ падѣли еще и ручные кандалы.

Скоро по корридору разнесся звонъ кандаловъ, послышался топотъ ногъ, и все опять смолкло. Увели!.. Но тутъ стукъ уѣз-

жавшаго экипажа сказалъ: нѣтъ, увезли! Прошелъ, казалось, часъ, или больше, когда снова раздался стукъ экипажа и снова повторилось громкое отпираніе новой камеры, топотъ ногъ, звонъ кандаловъ, отъѣздъ экипажа и затѣмъ выжидательная тишина. Такъ повторялось много разъ...

Увозили въ наемной каретѣ. Унтеръ былъ за кучера. Смотритель игралъ роль форейтора. Внутри кареты съ увозимымъ помѣщалось двое вооруженныхъ унтеровъ. Онъ, увозимый, больной и въ кандалахъ, казался страшнымъ, опаснымъ. Везли по совершенно пустой, глухой крѣпостной улицѣ.

Глубокая ночь, яркія звѣзды на чистомъ, далекомъ небѣ и какой-то особенный голубовато-фантастическій отсвѣтъ отъ фонарей на стѣнахъ крѣпости, на всемъ окружающемъ, мелькнулъ на мигъ передъ глазами увозимыхъ, когда ихъ выводили изъ Равелина, при усаживаніи въ карету. Все это быстро прекращалось, но еще стояла у каждаго передъ глазами въ особо заманчивомъ видѣ необыкновенной красоты картина.

Тихая грусть охватывала на мигъ! Жаль становилось разставаться хоть съ ужаснымъ, но все-таки уже насиженнымъ мѣстомъ. Неизвѣстность будущаго невольно пугала. Увозъ ночью, точно крадучись, облекалъ поѣздку таинственностью. Предосторожности, чтобы никто объ этомъ не зналъ и не догадался, дѣлали ее загадочной, темной.

Карета останавливалась у громадныхъ боковыхъ воротъ крѣпости. Форейторъ соскакивалъ и что-то говорилъ стражѣ у калитки воротъ. Привезенныхъ высаживали и черезъ калитку выводили на пристань.

Здѣсь первое, что попадалось въ глаза—это нѣсколько старыхъ, высокихъ и тонкихъ въ военныхъ шинеляхъ съ красной подкладкой людей, стоявшихъ почти неподвижно по обѣимъ сторонамъ продолговатой пристани.

У самой пристани чудилось нѣчто темное, похожее на эшафотъ съ лѣсенкой ведущей на него. Сюда-то и направлялось шествіе.

Вблизи скоро выяснилось, что это не эшафотъ, а верхъ баржи. Черезъ отверстіе наверху каждаго спускали глубоко, глубоко на ея дно, гдѣ и помѣщали въ отдѣльныхъ, нарочно сдѣланныхъ для этой поѣздки чуланчикахъ, безъ оконъ, съ небольшимъ лишь глазкомъ въ дверяхъ, да дырой въ потолкѣ.

Чуланчиковъ въ баржѣ было нѣсколько, и всѣ они были изолированы другъ отъ друга значительнымъ пустымъ пространствомъ, въ которомъ толкались еще унтера, не считая караула

у двери каждаго чулана. Унтера—человѣкъ двадцать съ небольшимъ,—перевозились въ новое заведеніе вмѣстѣ со всѣмъ хозяйствомъ Равелина.

Къ утру нагрузка кончилась, и баржа, взявъ лишь половину заключенныхъ (другая такимъ же путемъ отправлялась на слѣдующій день), двинулась въ путь.

День выдался на славу. Баржа плавно, не колыхаясь, двигалась на водѣ. Сидящимъ въ чуланчикахъ черезъ дыру въ потолкѣ виднѣлись лишь клочекъ яснаго неба и слабо колыхающійся красный флачекъ на баржѣ, говорящій всѣмъ встрѣчнымъ, что везутъ казенное имущество, и притомъ взрывчатое. Въ чуланчикѣ было темно, и жуткость невольно овладѣвала узниками. На досугѣ вопросъ: куда везутъ и зачѣмъ?—возникалъ самъ собой. Напуганное воображеніе сначала отвѣчало, что, вѣроятно, везутъ въ море, дабы потопить; но чувство, жажда жизни протестовали противъ такого отвѣта и заставляли придумывать все новое и новое, не останавливаясь даже передъ отправкой въ Сибирь или на Сахалинъ какимъ-то кружнымъ, воднымъ путемъ. Всѣхъ сбивала таинственность и то, что везутъ водой. О томъ, что въ Шлиссельбургѣ отстроена новая тюрьма, никто и не догадывался.

Кусокъ хорошо зажареннаго мяса, данный на полъ-пути для закуски, у всѣхъ окончательно отбилъ мысль о потопленіи. Утомившись блуждать въ догадкахъ, въ полудремотномъ состояніи, ни о чемъ уже не думая, узники продолжали путь, когда въ часъ дня, или около, баржа стала у пристани Шлиссельбургской крѣпости и начала опять по одному выгружать своихъ пассажировъ на берегъ.

Здѣсь каждаго быстро подхватывали два унтера подъ руки и, почти волоча—многіе отъ болѣзни, другіе отъ неумѣнья подвязывать кандалы сами не могли двигаться—черезъ ворота съ надписью «Государевы», проводили по крѣпостному двору и вводили черезъ новыя ворота на особый дворикъ, гдѣ еще издали виднѣлось длинное, красное двухъэтажное зданіе, похожее на заводъ или фабрику. Это зданіе и поглощало, одного за другимъ, всѣхъ приведенныхъ. Такъ свершился въѣздъ. Прошло болѣе двадцати лѣтъ; многіе, даже большая часть изъ привезенныхъ сложили здѣсь свои кости, выполняя надъ собой приговоръ; но часть, несмотря ни на что, какимъ-то непостижимымъ путемъ осилила всѣ ужасы этихъ лѣтъ и дождалась дня, когда передъ ней открылись ворота чудовищной крѣпости. И вотъ они снова на пристани, снова ихъ куда-то хотятъ везти; но какая порази-

тельная разница съ той отправкой и привозомъ много лѣтъ тому назадъ!

Выходъ изъ Шлиссельбурга.

Былъ конецъ октября; съ утра моросилъ дождь; къ обѣду онъ разошелся, но осеннее небо, не пуская на землю солнечныхъ лучей, наложило свой сѣровато-унылый видъ на все окружающее. Несмотря на это, на пристани Шлиссельбургской крѣпости замѣчалось большое оживленіе. Толпились солдаты, унтера, ихъ жены; виднѣлись офицеры, докторъ, дамы, а среди всѣхъ проходили восемь человѣкъ въ сѣрыхъ халатахъ. Съ ними дружелюбно прощались, кто словами, кто бралъ за руки, нѣкоторые даже цѣловались.

Явно происходили проводы. На Невѣ неподалеку держались два небольшихъ финскихъ пароходика.

Подъѣхала лодка; въ нее сѣло четыре человѣка въ сѣромъ, одинъ офицеръ и нѣсколько унтеровъ. Ихъ быстро перевезли на первый пароходикъ.

Второй пароходъ подошелъ къ пристани, и на него взошло еще четверо въ сѣромъ, офицеръ и нѣсколько унтеровъ. Всѣ они остались на палубѣ. Не успѣлъ второй пароходикъ двинуться въ путь, какъ съ берега замахали платками дамы. Съ пароходика отвѣчали тѣмъ же. Это было тоже въ часъ дня или около того. Двадцать одинъ годъ тому назадъ былъ ясный день; вся природа дышала полнотой жизни, отражая и чистую синеву неба, и яркое солнце,—но въ сердцахъ пріѣхавшихъ людей была осень, былъ мракъ неизвѣстности. Отуманенными глазами едва взглянувъ на этотъ блескъ природы, они и тутъ обратили вниманіе не столько на красоту, жизнерадостность ея, сколько на то, что въ ней и тутъ нашлись темныя мѣста: вдали, на противоположномъ берегу, виднѣлась чахлая, рѣдкая, полуобгорѣлая древесная поросль. Ее-то и запомнили больше.

Теперь же все какъ-то вышло обратно. Сѣрый осенній денекъ придавалъ и всему окружающему такіе же тона; все говорило объ увяданіи, замираніи, но въ сердцахъ отъѣзжавшихъ была весна, радость, ликованіе проснувшейся жизни, и это невольно отражалось и въ тѣхъ восторженныхъ взглядахъ, что они бросали кругомъ, впиваясь въ пространство, зачаровываясь открывающимися видами, просторомъ, воздухомъ,—и въ томъ, что подъ этимъ же впечатлѣніемъ, видимо, у нихъ произошло

и прощанье, прощанье самое сердечное, какъ бы родственное—и съ кѣмъ же? А съ тѣми, которые еще недавно, всего три дня назадъ, считались ихъ врагами и которые, дѣйствительно, способны были по одному слову-приказу, надѣлать имъ всякихъ бѣдъ или мученій, вплоть до лишенія ихъ жизни.

Но вотъ было произнесено слово «свобода», хотя и неполная,—и всѣ враждебныя чувства разомъ куда-то исчезли: враги вдругъ превратились чуть не въ друзей, и большей благожелательности, чѣмъ виднѣвшаяся на лицахъ провожавшихъ, трудно было бы и ожидать. И она невольно передалась отъѣзжавшимъ, заразила ихъ. На мигъ они забыли все зло, страданіе, вынесенное ими за годы заключенія, и, простивъ всѣхъ и вся, отдавались радости всецѣло, отъ всей души, готовые обнимать, цѣловать всякаго, жать ему руку.

Такова-то сила любви, счастья! Таковъ-то былъ выходъ-выѣздъ, на ряду съ другими, и части тѣхъ, которыхъ когда-то привезли въ крѣпость на живое погребеніе и которые, вопреки всѣмъ разсчетамъ, все-таки выжили, не задохнулись въ этой могилѣ и дождались дня, когда она открылась, снова выпустивъ ихъ на Божій свѣтъ.

Какъ могли такъ долго люди выжить? Какъ, откуда бралась у нихъ сила столько времени переносить всѣ ужасы безсрочнаго, т. е. безнадежнаго заключенія?

Да! вѣдь люди, помѣстивъ ихъ въ могилу, сказали, и неразъ повторяли, что они посажены навсегда, на всю жизнь, чтобъ о выходѣ они и не думали [1]). Было отъ чего прійти въ отчаяніе но тутъ-то и сказалось стремленіе жизни биться за свое существованіе до послѣдняго, давъ человѣку надежду, какъ источникъ неизсякаемой энергіи.

И въ самомъ дѣлѣ — не будь надежды, развѣ мыслимо было бы прожить такъ много лѣтъ, и притомъ людямъ, большинство которыхъ предполагаетъ, что съ распаденіемъ тѣла распадется душа и сознаніе. Единственное, что такихъ людей можетъ удержать и удерживало отъ смерти—это то, что съ безсрочностью неохотно мирится мысль, не допускаетъ ее. Они надѣялись, что не нынче, такъ завтра, люди одумаются, найдутъ это безчеловѣчнымъ и откроютъ могилу, тѣмъ болѣе, что, на безсрочное держаніе въ могилѣ нѣтъ даже и закона, и дѣлается оно вопреки ему.

---

[1]) Чтобы чаще напоминать объ этомъ, для нихъ даже и костюмъ особенный придумали: сѣрая куртка съ черными рукавами и сѣрая шапка съ чернымъ крестомъ во все дно верха.

Только надеждѣ, поэтому, и надо приписать то, что люди находили и силу, и возможность переносить всѣ невзгоды, болѣзни, душевныя страданія. Тѣ, у которыхъ она пропадала или была очень слаба, на первыхъ же порахъ повели себя такъ, что или сами кончали свою жизнь—вѣшались, жглись, рѣзали себя—или привлекали къ этому другихъ, т. е. начальство, совершая что-либо, за что ихъ били, держали въ карцерѣ, разстрѣливали.

Надо замѣтить, что и теперь у отъѣзжавшихъ надежда особенно сильно заговорила года за два, за полтора до выхода.

Новые судебные порядки, обращеніе правительства къ обществу, земству, съ предложеніемъ высказаться откровенно насчетъ положенія вещей, японская война—все это, давая большую пищу мысли, наводя ее на разныя предположенія и догадки, возбуждало, подогрѣвало надежду. А тутъ въ 1904 г. лѣтомъ, неожиданное посѣщеніе одной княжны и митрополита совсѣмъ подняло ее наверхъ и заставило ее выйти на бѣлый свѣтъ даже у тѣхъ, которые, глубоко пряча ее въ сердцѣ, иногда увѣряли, что они уже ни на что не надѣются, ни во что не вѣрятъ.

Затѣмъ вскорѣ происходитъ какое-то торжество. Молебствіе, пушки; въ окнахъ караульной сторожки видны пироги; очевидно розданы по какому-то поводу солдатамъ.

Что такое? Почему?

Родился, говорятъ, наслѣдникъ!

— Ну, теперь все понятно! надо ждать манифеста, а съ нимъ и свободы. Не даромъ былъ митрополитъ, не даромъ княжнѣ позволили запросто посѣщать заключенныхъ: испытывали, значитъ, почву, хотѣли опредѣлить, возможно ли такихъ людей выпустить на волю!—Такъ говорили оживленно гулявшія пары въ своихъ садовыхъ огородахъ.

Надежда охватила всѣхъ и нѣсколько дней продержала ихъ въ чаду напряженныхъ ожиданій услыхать съ минуты на минуту: «въ силу манифеста наказаніе понижается на одну степень, и заключенные, за отбытіемъ онаго, отправляются въ Сибирь».

Но вотъ прошелъ день, другой, недѣля. О манифестѣ ни слова; мало того—въ воздухѣ повѣяло полнымъ затишьемъ, точно ничего и не было. Надежда быстро начала опадать, переходить въ разочарованіе, порой замѣняясь тупымъ отчаяніемъ; но и это состояніе длиться долго не могло, и у людей, на основаніи едва уловимыхъ и для посторонняго совсѣмъ не доказательныхъ признаковъ, снова являлись предположенія, надежды, пріуроченныя

къ тому или другому времени. Это не оправдывалось; тогда, переболѣвъ еще разъ душой и сердцемъ, откладывали на другое время. Такимъ образомъ, живя послѣдніе полтора года въ атмосферѣ какихъ-то предчувствій, зная про нѣкоторыя событія, люди, жаждущіе свободы, съ жадностью ловили каждое слово, каждый намекъ и въ малѣйшемъ обстоятельствѣ видѣли поводъ къ осуществленію завѣтной мечты, къ поддержанію своихъ надеждъ. Ждали, ждали съ томящимъ нетерпѣніемъ вѣсти о свободѣ. У однихъ эта надежда теплилась безпрерывно, и они даже начали подготовляться къ дорогѣ, дѣлая сундуки, саквояжи; у другихъ она то ярко загоралась, то замирала, держа душу въ какомъ-то тяжеломъ кошмарномъ состояніи, мѣшая прійти къ какому-либо опредѣленному выводу.

Когда не оправдалось первое предположеніе, отложили на зиму; но зима дала лишь разочарованіе. Тогда почему-то рѣшили, что Пасха, вообще весна должна навѣрно принести свободу. Не тутъ-то было! Погоревавъ, однако, скоро стали нѣкоторые готовиться къ лѣту, къ началу осени.

Прошло лѣто, наступала осень; два саквояжа и одинъ сундукъ для дороги были уже сдѣланы, но тутъ опять вдругъ пришлось услыхать «нѣтъ».—Видно, рано, братъ, началъ собираться, придется еще малость подождать,—трунилъ скептикъ надъ тѣми, кто сундуки, саки приготовили на дорогу.

— Да!—соглашались тѣ. Ну, что жъ! дѣлать нечего! Подождемъ до весны 1906-го года. Будетъ Дума. Она ужъ, навѣрно, дастъ намъ свободу.—Такъ утѣшали себя вслухъ оптимисты, не меньше скептиковъ переживая въ душѣ тоску и отчаяніе. Всѣ они были уже не молоды, между ними было немало и стариковъ, а потому каждый лишній часъ, проведенный въ тюрьмѣ, казался имъ цѣлой вѣчностью. Отложить надежду еще на нѣсколько мѣсяцевъ—это значило перенести мучительную операцію... Несмотря на это, люди прятали свои страданія, наружно бодрились, даже шутили на счетъ своихъ несбывшихся мечтаній; но другого выхода у нихъ и не было. Острота боли мало-по-малу слабѣла, замирала, наступало затишье; скрѣпя сердце, узники принимались за обычныя работы, занятія.

Вдругъ, числа 25—26 октября, неожиданно приходитъ начальникъ управленія и велитъ служителямъ созвать всѣхъ въ одинъ найбольшій огородъ, гдѣ помѣщались парники заключенныхъ, и гдѣ ради нихъ дозволялось бывать одновременно вмѣстѣ четыремъ заключеннымъ, между тѣмъ какъ обычно гуляли или работали лишь по двое.

Благодаря этому, огородъ часто служилъ, кромѣ мѣста парниковыхъ и огородныхъ работъ, еще и мѣстомъ свиданія, мѣстомъ, куда всякъ несъ свои новости и узналъ чужія. Здѣсь онѣ обсуждались, дѣлались выводы, и затѣмъ все разносилось по отдѣльнымъ прогулкамъ.

Особенно много такихъ собраній выпало на послѣднее время. Появилось двое новичковъ, Гершуни и Мельниковъ; ихъ только что перевели изъ другого отдѣленія, отдѣленія испытуемыхъ. Вновь заключенныхъ не сразу помѣщали въ главную тюрьму, а предварительно на годъ сажали еще на испытаніе—какъ выражается уставъ,—въ старую тюрьму, существовавшую раньше и одно время обращенную было въ мастерскія, послѣ того какъ она сыграла на первыхъ порахъ еще роль карцера.

У новичковъ было что разсказать, и они, какъ люди недавно пришедшіе съ того свѣта, привлекали одно время всѣхъ въ парниковый огородъ. Установлена была даже очередь; всѣ стремились узнавать новости, предположенія прибывшихъ. Но всему бываетъ конецъ—и запасъ новостей быстро сталъ изсякать; начались повторенія. Интересъ уменьшился, стремленіе въ этотъ огородъ ослабѣло. Когда въ указанный день унтера стали звать всѣхъ въ огородъ, многіе не придали этому большого значенія и, расчитывая узнать все равно позже, не особенно торопились туда, предпочитая раньше закончить то, чѣмъ всякъ былъ занятъ.

Сборъ малость затянулся; тогда, не дожидаясь всѣхъ, начальникъ управленія прочелъ бывшимъ на лицо предписаніе департамента перевести восьмерыхъ стариковъ въ Петропавловскую крѣпость на основаніи сенатскаго постановленія, состоявшагося 21 октября въ силу манифеста 17 октября.

По этому постановленію сената для безсрочныхъ шлиссельбургская каторга теперь опредѣлялась въ 15 лѣтъ, затѣмъ шло 4 года поселеній и 3 года поднадзорной жизни. Но все это узналось подробно и точно лишь позднѣе; тогда все вниманіе сосредоточилось лишь на требованіи перевезти въ Петропавловскую крѣпость. Зачѣмъ, почему туда, а не прямо въ Сибирь? Да въ Сибирь ли? и въ какое мѣсто? — сыпались вопросы со всѣхъ сторонъ. Недоумѣніе было полное, ибо разъ манифестъ состоялся, отправка въ Сибирь естественна, но тогда къ чему еще Петропавловка?! Въ такихъ случаяхъ въ Сибирь обычно отправляли прямо изъ Шлиссельбурга. Петербургъ являлся лишь простымъ этапнымъ пунктомъ, а теперь, видимо, главный вопросъ будетъ рѣшаться тамъ, и въ чемъ онъ будетъ заключаться, опять неизвѣстно.

Начальникъ управленія или самъ хорошо еще не зналъ этого или скрывалъ: на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ уклончиво, предположительно. — Вѣроятно, въ Сибирь! А впрочемъ, ну, куда этихъ, напримѣръ, везти въ Сибирь! — вдругъ слышался его возгласъ и указаніе на выглядѣвшихъ наиболѣе больными, блѣдными. Или:—А меня вѣдь вотъ газеты требовали отдать даже подъ судъ, за то что я продолжаю держать васъ, несмотря на сенатское постановленіе о вашемъ освобожденіи,—вставлялъ онъ не то оправдываясь, не то лишь изъ желанія поговорить.

— Департаментъ предписалъ-было мнѣ немедленно васъ доставить въ Питеръ, но я, зная, какъ у васъ много добра, уговорилъ дать вамъ три дня на сборы. Брать можно съ собой все, но имѣйте въ виду, что васъ везутъ въ Петропавловку, а тамъ, конечно, будутъ осматривать ужъ основательно!—закончилъ свои объясненія начальникъ управленія

Бесѣда съ нимъ длилась довольно долго. Однако, она не только не уяснила дальнѣйшей судьбы увозимыхъ, но еще больше только запутала.

На лицахъ многихъ первоначальная радость смѣнилась недоумѣніемъ, какимъ-то разочарованіемъ, даже злобой: изъ всѣхъ уклончивыхъ отвѣтовъ начальника ясно вытекало, что о полной свободѣ нечего пока и думать, что придется еще пережить и всѣ ужасы безправной поселенческой жизни, которая, пожалуй, окажется почище Шлиссельбурга.

Такія мысли не могли веселить; нѣкоторые пріуныли, но за то другіе, не заглядывая далеко въ будущее, отбросивъ или истолковавъ всѣ недомолвки начальства въ свою пользу, преисполнились самыхъ радужныхъ надеждъ и упованій.

Видя унылость первыхъ, они, укоряя, напоминали имъ, какъ тѣ еще недавно рвались на волю, мечтая раньше о пониженіи наказанія на одну лишь степень, а теперь... Чего носъ повѣсили? — съ упрекомъ слышался возгласъ: — дѣйствуйте. — Скоро, подъ вліяніемъ отчасти этихъ жизнерадостныхъ людей, но еще болѣе въ силу собственной потребности хвататься хоть за соломинку, у пессимистовъ мало-по-малу стали проясняться лица; въ нихъ также заговорила свѣтлая надежда, и они, отбросивъ мрачныя предчувствія, съ увлеченіемъ принялись за укладку, за сборы въ дорогу. Укладывать же было что. За долгую жизнь накопилось немало: различныя коллекціи, гербаріи, цѣлые томы исписанной бумаги, разрисованныя на память шкатулочки, другія подѣлки—все это надо было уложить, упаковать, подвергнуть внимательному пересмотру, дабы не подвергнуться, въ петропав-

ловской таможнѣ, конфискаціи. Цѣлыя груды тетрадей въ силу этой боязни были отнесены въ кухню и сожжены тамъ самими же авторами. Возни, хлопотъ получалось не мало. Хорошо было тѣмъ, кто заранѣе вѣрилъ своимъ предчувствіямъ и заготовилъ то сундукъ, то саквояжъ на дорогу. Теперь это пригодилось и было очень кстати. Такіе оказались побѣдителями. Смѣхъ надъ ними смѣнился уважительнымъ шепотомъ даже унтеровъ:—Этотъ-то, видно, былъ догадливѣй, заготовилъ!

Тѣмъ, кто не имѣлъ ничего, приходилось спѣшно сбивать ящики, покупать чемоданы. Три дня прошли незамѣтно, точно въ кипѣніи. Вѣдь кромѣ упаковки, необходимо было переговорить еще другъ съ другомъ, съ остающимися.

Теперь разрѣшено было собираться въ одномъ огородѣ всѣмъ вмѣстѣ, и тутъ происходилъ самый оживленный, самый интересный обмѣнъ мнѣній, надеждъ, передачъ-порученій, поклоновъ.

Особенно много оживленія и вѣры въ свѣтлое будущее вносили два остающіеся: Гершуни и Карповъ. Имъ объявили сразу, что вмѣсто вѣчности будутъ держать одного 15 лѣтъ, а другого еще меньше, такъ какъ онъ былъ на 20 лѣтъ только осужденъ. Они, какъ ближе знающіе современную жизнь, съ жаромъ теперь доказывали, что не только увозимыхъ, но и ихъ ждетъ вскорѣ полная свобода. Температура была повышена, и ею невольно заражались всѣ. О прощальной грусти и печали не было и помину. У всѣхъ на лицахъ виднѣлась почти увѣренная радость, сознаніе, что, очевидно, такъ оно и будетъ. Проводы носили, поэтому, совершенно не тотъ характеръ какой наблюдался раньше, когда увозили кого-либо въ Сибирь или вообще на волю. Тогда и тѣ, что оставались, радуясь свободѣ увозимыхъ товарищей, все-таки не могли подавить въ себѣ чувства тоски, горя отъ разлуки съ ними, считая, что вѣдь это послѣднее прощанье, что, быть можетъ, больше уже никогда не удастся ни встрѣтиться, ни даже обмѣняться письмами.—Въ свою очередь и отъѣзжавшимъ было не по себѣ и на душѣ скверно. Ихъ радость подавлялась мыслью, что они покидаютъ, и покидаютъ на всегда, тѣхъ, съ кѣмъ слились, сроднились; порой имъ даже чудилась какъ бы виноватость ихъ въ томъ, что ихъ вотъ увозятъ, а другіе остаются. Нѣкоторые не соглашались добровольно одѣваться въ дорогу. Все это и вносило въ проводы грусть, слезы, тоску и дѣлало ихъ похожими на проводы покойника. Не то было теперь: о грусти, печалованіи не было и помину; всѣ толковали о волѣ, свободѣ, о скорой встрѣчѣ, какъ будто это было уже рѣшено, и только не дошло лишь сюда распоряженіе.

Въ недалекомъ будущемъ передъ глазами стали носиться перспективы чего-то большого, крупнаго, интереснаго. Это и поглотило все вниманіе; разлука казалась мимолетной, ея горечь отошла на второй планъ, и все сосредоточилось на мечтаніяхъ вслухъ объ этомъ прекрасномъ будущемъ.

Отъѣздъ и путевыя впечатлѣнія.

Трехъ дней какъ не бывало. Наступилъ послѣдній день. Дали супъ, кисель, сиги. Сиги, кажется, прислалъ отъ себя докторъ. Послѣ обѣда позволено было еще разъ собраться всѣмъ вмѣстѣ въ огородѣ.

Гершуни, со слезами радости на глазахъ и съ дрожью въ голосѣ отъ сильнаго нервнаго возбужденія, прочелъ отъѣзжавшимъ маленькую, но горячо и сердечно написанную имъ прощальную рѣчь. Другіе на словахъ высказывали свои пожеланія. Уѣзжавшіе бросились съ ними цѣловаться, прощаться; радостное настроеніе какъ бы разомъ породнило всѣхъ, сдѣлало близкими, дорогими.

Вскорѣ въ огородъ явился начальникъ управленія, и отъѣзжавшихъ увели въ канцелярію. На дорогу имъ выдали полный новый тюремный костюмъ: сѣрую шапку, сѣрый халатъ, сѣрую куртку и сѣрые штаны. Изъ стараго остались лишь сапоги съ высокими голенищами и шубы. Вводили когда-то черезъ ворота, и тутъ встрѣчалъ караулъ, выводили же теперь чрезъ проходъ домика, гдѣ помѣщались кухня и комнаты для караула. Попавъ на главную дорогу, откуда видны были окна второго этажа тюрьмы, отъѣзжавшіе обернулись и еще разъ послали прощальный поклонъ тѣмъ, что остались. Всѣ они стояли въ своихъ окнахъ и въ свою очередь кланялись, давая знаки рукой, весело жестикулируя.

Вошли въ канцелярію. Здѣсь толпились унтеръ, докторъ, смотритель, караульный офицеръ. Немного спустя пришелъ начальникъ и произнесъ нѣчто вродѣ прощально благодарственной рѣчи: онъ благодарилъ за то, что мы ему дали возможность, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, выполнять его тяжелую задачу—слѣдовать предписаніямъ высшаго начальства. Въ послѣдніе два-три года оно захотѣло вернуть тюрьму къ старому режиму и настрого приказало начальнику возстановить этотъ режимъ, смѣстивъ передъ этимъ его мягкаго предшественника и смо-

трителя. Такое дѣло было, дѣйствительно, труднымъ. За годы долгаго сидѣнья люди, путемъ тяжелыхъ жертвъ, упорныхъ, настойчивыхъ хлопотъ добились такъ называемыхъ льготъ, т. е. незначительныхъ уступокъ, небольшихъ послабленій. По существу это были пустяки, но для нихъ они были дороги и сами по себѣ, и какъ трофеи якобы побѣдъ. Къ тому же отъ этихъ льготъ и для мѣстнаго начальства стало лучше, спокойнѣй: люди менѣе первничали, ушли въ свои занятія, въ работу на огородѣ, принялись даже за куроводство.

Вдругъ перемѣна. На постъ министра внутр. дѣлъ вступаетъ Плеве; начинается подтягиванье опустившихся возжей. Въ тюрьмѣ смѣняется добродушный начальникъ, не сумѣвшій безъ шума и скандала примѣнять предписанныя новыя правила. На его мѣсто назначается другой, и ему велѣно уничтожить всѣ льготы, повернуть на старый путь.

Отдать такой приказъ было не трудно, но выполнить представлялось задачей уже не столь легкой. Люди, добившись съ такимъ немалымъ трудомъ льготъ, держались за нихъ крѣпко. Къ тому же надо было все-таки имѣть хоть какой-нибудь видимо разумный предлогъ для отнятія, а такъ вдругъ, здорово живешь, наказывать неповинныхъ даже и привычнымъ исполнять приказанія не разсуждая показалось малость стыдновато. Поэтому пришлось пойти на компромиссъ, на улаживаніе явившихся недоразумѣній путемъ долгихъ разговоровъ, урезониваній.

Все это блистательно и выполнилъ новый начальникъ управленія. Онъ много лѣтъ тому назадъ, еще въ Равелинѣ, началъ свою службу въ качествѣ офицера и все время, повышаясь въ чинахъ, находился или въ крѣпости или около, въ городѣ. Зналъ, потому, людей хорошо, зналъ, какъ подойти къ нимъ, какъ надо съ ними дѣйствовать, и ему удалось умно повести дѣло такъ, что и волки были сыты, и овцы остались цѣлы. Поворотъ назадъ не вызвалъ крупныхъ столкновеній, и все потому, что отлично была понята невозможность полнаго возврата къ прошлому. Не только заключенные, но даже надзиратели настолько слились уже съ новыми порядками, что о полномъ поворотѣ нечего было и думать, и на дѣлѣ все скоро приняло свой обычный видъ.

Приказъ былъ объявленъ; начались было стѣсненія, лишеніе льготъ, но рядомъ поспѣли и нарушенія приказа. Изъ него получалось нѣчто курьезное, странное, но съ нимъ мирились обѣ стороны. Все ограничивалось разговорами, объясненіями, обходомъ приказа. Напримѣръ: велѣно отобрать перочинные ножи и вообще ножи собственной подѣлки, и ихъ отбираютъ. Но обѣ-

дать безъ ножа трудно. Тогда получаютъ казенные, дешевые, тупые съ едва держащимся черенкомъ. На ночь ихъ отбираютъ. Въ то же время, вѣдь, всѣ работаютъ въ мастерскихъ, всѣ могутъ пользоваться, значитъ, не только острымъ ножемъ, но и топоромъ, а въ кухнѣ—и громаднымъ молотомъ; выходитъ явная несообразность, и это видятъ, понимаютъ, конечно, всѣ, а потому распоряженіе о ножахъ исполняется лишь формально. Неказенные ножи скоро снова водворяются, казенные же хотя и продолжаютъ на ночь отбираться, но всякій знаетъ что ими ни себѣ, ни другому нельзя нанести вредъ, рану, и ихъ ежедневно на ночь отдаютъ при взаимной улыбкѣ отдающаго и берущаго. Подобное свершилось и съ прочими пунктами новой инструкціи, а потому-то и не выходило серьезныхъ недоразумѣній, столкновеній.

Этому немало помогала еще нѣкоторая выдержка со стороны заключенныхъ, навыкъ вести разговоры съ начальствомъ: не прибѣгать къ вызывающимъ поступкамъ, рѣзкимъ словамъ. На это и намекалъ теперь начальникъ управленія, за это онъ и благодарилъ, говоря, что ему не пришлось примѣнять никакихъ крутыхъ мѣръ, карцера и т. д.

Не успѣлъ онъ закончить свою рѣчь обычными пожеланіями счастья, успѣха въ новой жизни, какъ изъ толпы унтеровъ быстро вышелъ одинъ сѣдой старикъ и бросился цѣловаться, какъ родной, съ тѣми, что уцѣлѣли еще отъ равелинскаго сидѣнья. Въ качествѣ надзирателя вмѣстѣ съ ними онъ находился тамъ, вмѣстѣ съ ними его перевезли въ Шлиссельбургъ, и здѣсь онъ все время оставался, только служа при крѣпостной канцеляріи, а не въ тюрьмѣ.—У меня двое сыновей пострадали также,—слышалась его жалоба.

Атмосфера нѣкоторой натянутости быстро измѣнилась. Всѣ бросились прощаться съ отъѣзжающими. Кто жалъ руки, кто просилъ о присылкѣ карточекъ; пожеланія сыпались со всѣхъ концовъ.

Вышли изъ канцеляріи. Тутъ шпалерой стояла вся крѣпость: солдаты, жены унтеровъ, дѣти, двѣ-три дамы; на всѣхъ лицахъ играла улыбка благожелательности, полнаго сочувствія. Неподалеку виднѣлись бѣлыя куры. Стоявшіе, замѣтивъ, что эти куры привлекаютъ вниманіе одного уѣзжавшаго, предупредительно объяснили ему, что это, молъ, ваши, вашего завода, изъ тѣхъ, которыя были когда-то распроданы съ аукціона предыдущимъ начальникомъ. Одно время была возможность заниматься куроводствомъ, и нѣкоторые увлеклись разведеніемъ породистыхъ куръ. Построены были сарайчики, даже цѣлая изба въ два от-

дѣленія, съ окнами, дверями; куплено гнѣздо плимутъ-роковъ, яйца ланшановъ, итальянскихъ віандотовъ,выведены цыплята изъ нихъ и т. д. Въ результатѣ образовалось маленькое куриное хозяйство. Удалось даже получить очень хорошую помѣсь, бѣлаго цвѣта, которая неслась зимой.

Но вотъ наступилъ моментъ поворота; вести дѣло стало трудно, и куроводство пришлось ликвидировать. Куръ продали съ аукціона, избу разрушили, и отъ куроводства осталось одно воспоминаніе, да еще долго слышались вдали, на крѣпостномъ дворѣ, голоса знакомыхъ пѣтуховъ, вызывавшіе даже у надзирателей желаніе высказать нѣчто вродѣ соболѣзнованія.—Ишь ты, а вѣдь это «Мишка» оретъ!—или:—Слышите, какъ «Итальянецъ» заливается!—не удерживался то тотъ, то другой унтеръ обратить вниманіе заключеннаго. Пѣтухи и куры имѣли каждый свое названіе; эти названія знали и надзиратели. На другой годъ этого пѣнія не стало слышно, но та помѣсь,—она была бѣлаго цвѣта,—о которой сказано, что она неслась зимой, сохранилась, и на нее-то теперь и указывали.

Прошли дворъ, ворота; теперь надпись «Государевы» осталась позади. На пристани на мигъ всѣ стали, залюбовавшись развернувшейся передъ глазами картиной.

Просторъ и ширь Невы, городокъ, всюду лѣса, деревни, иной воздухъ, манящая къ себѣ синева надъ рѣкой и лѣсами вдали,—все это казалось необычайно красиво, было полно мягкой прелести, задушевности, влекло къ себѣ, вызывая воспоминаніе чего-то знакомаго, родного, хотя и давно забытаго. Сѣрые тона осенняго денька не только теперь не уменьшали красоты видѣннаго, но, напротивъ, при томъ повышенномъ настроеніи, въ какомъ находились люди, казались еще болѣе картинными, чудесными.

Правда, отсутствіе яркихъ красокъ порой вызывало тихую грусть, сожалѣніе о чемъ-то, но это продолжалось лишь мигъ, и все облекалось чарующей мягкостью, не уничтожая радости, вызывая восторгъ.

На пристань высыпала вся крѣпость, и здѣсь снова повторились сцены прощанья, слышались пожеланія, быстрые обмѣны словомъ-другимъ. Всѣ вдругъ какъ бы почувствовали себя близкими друзьями, кой-кто даже обмѣнялся поцѣлуями съ совершенно незнакомыми лицами. Проводы выходили на славу, необычайно сердечными! Увозимымъ, вмѣсто того чтобъ спрятать ихъ на днѣ каюкъ или баржи, какъ было двадцать одинъ годъ тому назадъ, позволили остаться на палубѣ пароходиковъ. Съ берега имъ кланялись, махали руками, дамы—платками.

Пароходики, взявъ пассажировъ, быстро, какъ бы на перегонку, понеслись къ Питеру. Сердечность проводовъ окончательно покорила уѣзжавшихъ, и они, забывшись на минуту, отдались теперь всецѣло радостному настроенію. У нихъ кружилась голова, ихъ опьянялъ и чистый свѣжій воздухъ, который они съ жадностью впивали въ себя, и то, что пришлось только что пережить, видѣть.

Съ утра моросившій дождь пересталъ итти. Облака поднялись въ небо. Природа, какъ бы понявъ, что происходитъ нѣчто необычное, угостила славнымъ осеннимъ денькомъ. Такъ произошелъ нашъ выѣздъ.

Было тихо, свѣжо, прозрачно; ширь, просторъ какъ бы поднимались, возбуждали человѣка; съ любопытствомъ, не отрываясь, смотрѣли люди на берегъ, на темную могучую рѣку. Деревни, дачи, лѣса, отдѣльно стоящіе деревья, даже телеграфные столбы, казались интересны, заманчивы; все привлекало, заставляло останавливаться на себѣ подолгу, какъ нѣчто новое, впервые виданное или полузабытое. Въ какомъ-то чаду и туманѣ стояли люди на палубѣ и не могли оторвать глазъ отъ окружающаго, отъ дали, окутанной въ мягкую синеву. Нетерпѣнье брало ихъ скорѣй бы узнать, увидѣть: а что лежитъ, находится дальше за этой синевой?

У людей съ свѣтлыми пуговицами развязались языки, и они съ большой предупредительностью объясняли увозимымъ все, на что обращали тѣ свое вниманіе.

Вотъ Шлиссельбургъ. Вонъ тамъ, на другомъ берегу, вокзалъ желѣзной дороги, ведущей въ Питеръ.

Далѣе, налѣво Преображенская гора, гдѣ были погребены солдаты, павшіе при осадѣ древняго Орѣшка—нынѣ Шлиссельбурга. Гора поросла сосновымъ лѣсомъ, мало походитъ на кладбище, и только въ памяти людей сохранилось еще объ этомъ воспоминаніе.

Затѣмъ указано было на лѣсопильню. Тамъ закупались сбычно доски, брусья для столярныхъ работъ шлиссельбургскихъ узниковъ, а для парниковъ—горбыли (крайняя доска съ полукруглой поверхностью; она получается, когда распиливаютъ круглый брусъ на доски).

— А вонъ ужъ и сосны Петра!..—послышался возгласъ.

Налѣво, на берегу нѣсколько сосенъ,—одна уже засохшая,—рѣзко выдѣлялись изъ окружающей поросли. Всѣхъ удивило, что за 200 лѣтъ онѣ мало выросли.—Да это обманъ глазъ! посмотрите-ка на телеграфные столбы! Какими тонкими, невысокими

столбиками, они намъ кажутся отсюда!—замѣтили болѣе догадливые.

Ѣдущіе на второмъ пароходикѣ оглянулись назадъ. Крѣпость сѣрымъ, прозрачнымъ пятномъ едва виднѣлась среди воды.

— Ну, прощай!—заикнулся было благодушно одинъ, находясь еще подъ вліяніемъ проводовъ; но на это раздался возгласъ другого:

— Сгинь, провались ты, проклятое мѣсто!—и къ нему присоединились всѣ, повернувъ свои спины къ призраку.

Соснами кончались, такъ сказать, воспоминанія обстоятельствъ и событій, связанныхъ со Шлиссельбургомъ. Теперь на сцену выступила сама по себѣ мѣстность, виды, то, что встрѣчалось, и тутъ вдругъ какъ-то поражала и невольно бросилась въ глаза пустынность, безжизненность окружающаго, береговъ, самыхъ поселеній.

Широкая могучая рѣка безплодно уносила свои воды въ море, оставаясь совершенно неиспользованной. Не видно было даже рыбачьихъ лодокъ на ней, почти никакого движенія. Встрѣтился лишь одинъ пароходъ. Громадная сила пропадаетъ задаромъ. Тоже и относительно береговъ: они слабо, очень слабо заселены.

Прошло не мало времени, а между тѣмъ ѣдущимъ попались лишь одна деревенька, дачный поселокъ, кирпичный заводъ,—вотъ и все на довольно большомъ пространствѣ, и это въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ такого центра, какъ Питеръ.

Говорятъ, мало земли, необходима Манджурія, Корея, Китай, даже Индія, а вотъ тутъ, подъ бокомъ, въ двухъ шагахъ лежатъ громадныя пространства, которыми можно бы было воспользоваться, но они почему-то остаются втунѣ, а люди бѣгутъ за десятки тысячъ верстъ на Уссури, Амуръ, въ Туркестанъ.

Чѣмъ это объяснить?—Говорятъ: тѣснота! Но тогда почему же вотъ тутъ пусто, нѣтъ людей, нѣтъ поселеній, не видно жизни, не видно нигдѣ движенія. Даже тамъ, гдѣ стоятъ избы, красуются дачки, кругомъ, на улицахъ, около домовъ мертвая тишина, сонъ.—Глядя на это, вчужѣ становится жутко, беретъ оторопь: вѣдь, не даромъ же это, вѣдь, есть же на то и причина какая-нибудь!.. Задавался самъ собой вопросъ, но три женщины, шедшія по большой дорогѣ, одна корова и одна собака, попавшіеся на глаза за этотъ промежутокъ времени. не слыхали этого вопроса и потому ничего не отвѣчали. Люди же въ сѣромъ со свѣтлыми пуговицами пожимали лишь плечами, виновато улыбаясь, и тоже молчали.

Какъ бы въ утѣшеніе, чтобы ободрить и дать надежду на лучшее будущее, они за то впервые рѣшились теперь сообщить ѣдущимъ просто въ сѣромъ, что въ Россіи дана конституція, и притомъ самая либеральная.

При дворѣ, говорили они, было много споровъ, несогласій относительно того, какую дать русскимъ конституцію, а именно: куцую или уже безъ всякой урѣзки. Споры длились долго и жестоко. Вынесена была самая либеральная съ приказаніемъ опубликовать.

Люди просто въ сѣромъ слушали это, умилялись, и, что странно, вѣрили, дополняя лишь наивность разсказа кой-какими поправками про себя.—Ну, да! — замѣчали они. — Такъ оно и должно быть! На то и центральная власть, чтобы итти всегда впередъ! Вонъ Петръ! всюду былъ самъ первымъ, во всѣхъ концахъ Россіи оставилъ свой слѣдъ.

Вѣра, радужныя надежды, сгладили разомъ всѣ дурныя впечатлѣнія и эту жуть, навѣянную слабой заселенностью, некультурностью страны.—Теперь все пойдетъ по иному!—весело затолковали ѣдущіе;—надо только побольше знанія, энергіи, и завтра же Нева превратится въ Сену, въ Темзу.—Размечтались люди.

— Господа! а вѣдь скоро должны быть и невскіе пороги! Смотрите, не пропустите! Вчера тамъ, говорятъ, разбился пароходъ!—раздался, прервавъ мечты, голосъ одного, видавшаго когда-то днѣпровскіе пороги и полагавшаго, что невскіе будутъ въ томъ же родѣ.

Всѣ внимательно стали вглядываться вдаль, сосредоточенно направивъ глаза впередъ, ожидая съ минуты на минуту увидѣть клубъ бѣлой пѣны, торчащіе камни, скалы, услыхать отдаленный грохотъ. Не тутъ-то было! Время шло, люди смотрѣли, смотрѣли до того, что глаза заболѣли—а картины, нарисованной воображеніемъ, все нѣтъ, какъ нѣтъ!

— Да гдѣ же это пороги? Скоро ли они наконецъ будутъ? далеко ли?—носятся по палубѣ вопросы людей, потерявшихъ терпѣніе.

— Скоро, скоро!—утѣшали свѣтлыя пуговицы,—вонъ, смотрите, впереди видна широкая заводь—заливъ, на ней лодка, а кругомъ сильно рябитъ! Тамъ и есть самые пороги!

Всѣ впились въ берега, въ рѣку, отыскивая того, чего тутъ не было.

Невысокіе берега, обширный заливъ, тихая вода, подернутая слабой зыбью, на берегу небольшое зданьице съ вымпеломъ,—

вотъ и все, что представилось ѣдущимъ, когда они приблизились къ указанному мѣсту. Ни торчащихъ камней, ни гребней скалъ не оказывалось.

— Да, гдѣ же тутъ самые пороги!

— А вотъ и они! мы ихъ переѣзжаемъ!—съ улыбкой замѣчаетъ одинъ морякъ-унтеръ.

— Какъ же говорили, что здѣсь пароходъ разбился?

— Это вѣрно! Посмотрите налѣво! Тамъ торчатъ изъ воды доски—это и есть разбитый пароходикъ. Гряда подъ водой проходитъ отъ зданія съ вымпеломъ къ другому берегу и скрыта темной водой такъ хорошо, что камней не видно; одна лодка показываетъ въ какомъ направленіи проходитъ порогъ. Въ немъ сдѣланъ узкій проходъ, и кто въ него не попадетъ, гибнетъ; но ѣдучи чрезъ проходъ, можно совершенно даже не догадываться, что тутъ рядомъ смерть.

— Что же это за пороги!—недовольно ворчали всѣ, ожидавшіе увидать нѣчто грандіозное, великое. Нѣкоторые, чтобы не пропустить пороговъ, ни на минуту не спускались въ каюту погрѣться, хотя холодъ давненько ихъ пронималъ. Къ вечеру на рѣкѣ стало свѣжѣть.

Разочарованіе усилило холодъ, заставило вспомнить, что они къ тому же голодны, и что ихъ давно приглашаютъ въ каюту закусить.

Палуба быстро опустѣла, всѣ ушли въ каюту и принялись за приготовленный завтракъ—очень обильный и хорошій. Хватило какъ увозимымъ, такъ и ихъ охранѣ. Поднялись разговоры.

Одинъ взгляпулъ въ окно и бросился къ нему ближе. Посмотрите, посмотрите, какая красота!—раздавались его возгласы.

Трое другихъ—это было на второмъ пароходикѣ,—также прильнули къ окнамъ.

Передъ ними, какъ въ кинематографѣ, пронеслась чудная картина; широкая, могучая рѣка, покрытая какъ бы снѣжнымъ или серебрянымъ покровомъ, волнуясь, бѣшено мчалась мимо.

Волны ударяли въ окна, заливали ихъ, кружились около. Въ общемъ какъ бы цѣлое громадное поле, покрытое серебристо-бѣлыми гребнями, уносясь со страшной быстротой назадъ, двигалось мимо.

Въ частностяхъ картина эта мѣнялась всякій мигъ и потому насытиться ею, оторвать глаза было трудно. Всѣ, какъ прильнули, такъ на долго и остались у оконъ. Чудилось, что движется не мертвая, бездушная сущность, а что-то живое, могучее, заставляющее невольно признать и его силу, и даже со-

знательность. Въ концѣ необычайная напряженность утомила всѣхъ и заставила снова подняться на палубу, чтобы передохнуть отъ сильныхъ ощущеній.

Только здѣсь, недалеко отъ Петербурга, берега стали дѣлаться все болѣе и болѣе населенными, чаще и чаще вдали начали вырисовываться высокія трубы заводовъ, фабрикъ. Дачи приняли болѣе богатый, вычурный видъ; ясно, что обитаетъ въ нихъ дачникъ—не бѣднякъ.

Однако, кирпичныхъ домовъ по близости еще мало, преобладаетъ дерево. Въ одномъ мѣстѣ скучилась цѣлая масса деревянныхъ сараевъ съ такими же крышами.

Сараи стоятъ тѣсно другъ около друга. Малѣйшая искра—и громадный пожаръ!

— Не бѣда! Застраховано!—отвѣчали свѣтлыя пуговицы.

Надвигался вечеръ, сумерки. Дерево въ постройкѣ замѣнилось кирпичемъ. По берегу пошли сплошныя громады зданій, заводы, фабрики. Промелькнули доки, около стояло два новыхъ военныхъ парохода. Далѣе начиналось предмѣстье города. Что-то мрачное, загадочное представляли освѣщенные дома, улицы, темныя тѣни двигающихся конокъ, сами люди. Здѣсь, происходила всеобщая стачка недавно! Не было работы!—говорили шепотомъ провожатые, какъ бы боясь испугать громкимъ говоромъ прошедшую тишину, и подъ этотъ говоръ все представлялось въ иномъ свѣтѣ.

Быстро проѣхали Александро-невскую лавру, Смольный институтъ.

— Пожалуйте въ каюту!—вдругъ заторопились свѣтлыя пуговицы. Они увидали, что на первомъ пароходикѣ никого на палубѣ уже не осталось. Сошли; снова стали любоваться рѣкой, но въ темнотѣ выходило не то, а тутъ и мостъ. Одни предполагали Литейный, другіе не соглашались; подняли споръ.

— Вотъ и Петропавловскій соборъ!—съ торжествомъ заключили свои доводы первые.

Вопросъ былъ рѣшенъ, и скоро, дѣйствительно, пароходики, пройдя подъ Троицкимъ, быстро повернули направо и причалили къ пристани Петропавловской крѣпости.

Петропавловка.

Ворота оказались запертыми. Видимо не ожидали. На пристани никто изъ начальства пріѣзжихъ не встрѣтилъ. И ихъ даже не сразу впустили.

Въ недоумѣніи толклись люди въ полутемнотѣ, пока шелъ докладъ и дѣлалось распоряженіе о впускѣ.

Надъ Питеромъ стояла красновато-мутная луна, и самъ онъ вырисовывался въ неясныхъ темныхъ очертаніяхъ. Звѣзды одна за другой загорались на глазахъ пріѣзжихъ и невольно привлекали вниманіе къ себѣ, къ далекому, чистому небу.

Наконецъ, ворота отворены; всѣ входятъ и ихъ поражаетъ новая волшебная картина. Длинная зеленая аллея, освѣщенная точно фосфорическимъ свѣтомъ, съ соборомъ на концѣ, представляла необычайно красивый, декоративный видъ.

По ней, однако, не пошли, а повернувъ налѣво мимо казармъ, очутились въ темномъ проходѣ, гдѣ проза жизни въ видѣ развѣшеннаго солдатскаго бѣлья и сѣрыхъ стѣнъ разомъ вернула къ дѣйствительности.

Петропавловская крѣпость—а именно Трубецкій бастіонъ—послѣ Шлиссельбургской крѣпости всѣмъ пріѣзжимъ показалась и болѣе грязной, и болѣе мрачной.

Эти длинныя, подвало-образныя камеры, какой-то специфическій запахъ, полусвѣтъ, запыленныя, съ частыми желѣзными переплетами, окна, крѣпостная стѣна, возвышающаяся такъ близко за окномъ—все это очень и очень пришлось не по душѣ прибывшимъ. А тутъ ко всему этому узнаютъ они, что прогулка въ крѣпости длится менѣе 15-ти минутъ (три минуты на выводъ и вводъ, и 12—на прогулку).

Прибывшіе давно уже отвыкли отъ такой прогулки; на старомъ мѣстѣ они почти цѣлый день проводили на воздухѣ—и вдругъ 12-ть минутъ!..

— А нельзя ли соединить всѣ эти прогулки въ одну и выпускать всѣхъ насъ вмѣстѣ!—обратились они къ смотрителю бастіона.

— Никоимъ образомъ!—выкрикнулъ тотъ рѣзкимъ, непріятнымъ голосомъ. Онъ былъ глухъ отъ ранъ въ голову, нанесенныхъ ему на турецкой войнѣ. Относительно приведенныхъ ему никакихъ особыхъ инструкцій не дали; поэтому онъ принялъ ихъ, какъ обычныхъ вновь прибывшихъ арестованныхъ, и если въ чемъ пустомъ отступалъ, то по собственному уже почину, на свой страхъ.

Въ первый день на свиданіи у одного привезеннаго вышла такая исторія.

Его сестра, спрятавъ небольшой букетикъ цвѣтовъ на груди подъ кружевами, пронесла его благополучно чрезъ всѣ заставы. На свиданіи, вынувъ, она уже протянула было его брату, какъ

смотритель сидѣвшій неподалеку и читавшій газету, быстро повернувшись, схватилъ букетъ и, нервно оторвавъ одинъ лепестокъ, замѣтилъ: «Вотъ даже этого не могу позволить передать!»..

Смятый букетикъ, какъ раненая птичка, остался лежать на столѣ.

На другой день вся картина быстро измѣняется.

Прежде всего прибѣгаетъ смотритель и объявляетъ, что по его, якобы, просьбѣ комендантъ крѣпости разрѣшилъ привезеннымъ общую прогулку.

На свиданія стали приноситься и открыто передаваться теперь не только букетики, но цѣлые букеты, даже короба съ чудными живыми цвѣтами, несмотря на глубокую осень, а потомъ и зиму.

Журналы, газеты, книги, разная ѣда, консервы, фрукты, сласти—все это теперь было позволено и безпрепятственно пропускалось. Все это шло съ воли, сопровождалось сердечными привѣтствіями, восторженными словами, окутывало прибывшихъ сердечно-любовной атмосферой.

Они были оправданы! Теперь ихъ называли за перенесенныя страданія мучениками, чуть не святыми.

Это было въ ихъ глазахъ уже не то, что полученіе свободы въ силу указа по манифесту, какъ бы изъ милости. Это было признаніе ихъ правоты въ прошломъ. Оно больше не порицалось, вызывало, напротивъ, похвалу.

Изъ обвиненныхъ они вдругъ обратились въ обвинителей и теперь бодро и смѣло могли смотрѣть на всѣхъ, не боясь встрѣтить укоровъ и осужденій.

Тихая, свѣтлая радость спокойствія охватила ихъ, и глухой тюремный дворикъ въ первый разъ, вѣроятно, увидалъ странное зрѣлище оживленныхъ, веселыхъ лицъ.

На общей прогулкѣ передавались всякаго рода новости, узнанныя при свиданіи, читались отрывки изъ книгъ, сообщались курьезы, вызывавшіе смѣхъ, примѣрялись костюмы, осматривалось постепенное превращеніе сѣраго костюма въ черный. Говоръ, смѣхъ стояли въ воздухѣ болѣе часа. Надзиратели держались кучкой въ сторонѣ и уже не подслушивали и не записывали.

Такъ прошло нѣсколько ясныхъ, безоблачныхъ дней. Но въ Питерѣ погода быстро мѣняется; скоро и на нашемъ небѣ стали появляться тучки.

Прежде всего дали прочесть и списать точный указъ Сената. Оказалось, что безсрочныхъ, уже просидѣвшихъ отъ 20 до 25 лѣтъ, несмотря на то, что по указу каторга опредѣлялась въ 15 лѣтъ,

все-таки должны отправить на 4 года въ Сибирь, какъ поселенцевъ, и продержать подъ надзоромъ полиціи сверхъ того еще три года. Сенатъ опредѣлилъ все наказаніе ограничить 22 годами, а фактически для нѣкоторыхъ оно получалось въ 35 лѣтъ почти. И когда на это было обращено вниманіе, то получился отвѣтъ:—Правительство сдачи не даетъ!—т. е. что съ возу упало, то пропало! Продержали человѣка, положимъ, лишнихъ десять лѣтъ—ну, что-жъ! Законъ обратной силы не имѣетъ, и твои десять лѣтъ, значитъ, пропали.

Второй тучкой явился слухъ о готовящихся и происшедшихъ погромахъ, о нагайкахъ казаковъ, продолжавшихъ свои расправы, какъ будто ничего новаго не произошло.

Съ каждымъ днемъ тучи стали увеличиваться. Сначала, по случаю забастовки на Сибирской желѣзной дорогѣ, везти привезенныхъ въ Сибирь начальство не рѣшалось, а потому охотно соглашалось отдать ихъ на поруки даже непризнаннымъ роднымъ. Предполагалось къ тому же, что дума весной все равно ихъ освободитъ окончательно. Послѣднее предположеніе скоро, однако, начало тухнуть, и тогда явилось раздумье, а съ нимъ и придирки, затяжки. Согласившись, напримѣръ, меня отдать на поруки въ Москву, теперь вдругъ объявили, что туда нельзя, надо поручителя изъ другого города. Какъ будто родные живутъ по всѣмъ городамъ, и ихъ легко тамъ найти.

Далѣе, допустивъ, одному отъѣздъ произвести открыто, другихъ уже отправляли съ предосторожностями, ночью, неожиданно, едва сообщивъ тѣмъ, кто бралъ на поруки. Выходила странность: освобождаемыхъ боялись показывать, боялись овацій. Ихъ какъ бы выкрадывали у самихъ себя, притомъ не разомъ, а урывками, по одному.

Время потянулось въ тягостномъ ожиданіи; нетерпѣніе, отчасти и боязнь,—а что, какъ откажутъ поручителю?—невольно закрадывались въ душу остававшихся еще, и свиданія на дворѣ съ каждымъ днемъ стали менѣе оживленными; на нихъ легла тѣнь раздумья, нѣкотораго страха за будущее, печаль разлуки.

Отъѣздъ изъ Петропавловки.

Семья наша все-таки мало-по-малу таяла и, наконецъ, черезъ три недѣли дошла очередь до меня. Наканунѣ, 13-го ноября сестра, бывшая у меня на свиданіи, категори-

чески съ увѣренностью заявила мнѣ: «Ну, дорогой, завтра мы ужъ навѣрно съ тобой покатимъ. Всѣ формальности покончили, и требуется лишь подпись N. Въ 12-ть часовъ я ее получу, а вечеромъ и ѣхать будетъ можно. Будь готовъ!»

Весело говорила она, радуясь, что пришелъ конецъ всѣмъ ея мытарствамъ, радуясь еще больше за меня: завтра я увижу свободу, завтра тюрьма, ея ужасы, — все это останется гдѣ-то позади, далеко, въ однихъ воспоминаніяхъ.

Дѣйствительно, на другой день тюремное начальство подтвердило сказанное сестрою, представивъ къ этому счетъ моего забора, не забывъ взять не только за хлѣбъ и разную провизію, но даже карандашъ, бумага, лекарство были проставлены тутъ же; недоставало только платы за номеръ. Это какъ-то невольно передернуло, но деньги у меня уже были теперь, и я, не давъ даже понять о своемъ недоумѣніи, расплатился какъ бы съ готовностью. Не хотѣлось портить настроенія мелочами, хотѣлось не замѣчать дурное, гнать его отъ себя.

Сборы, затѣмъ, прошли быстро; сталъ ждать отправки, но это затянулось такъ долго, что у меня начала являться мысль о новыхъ задержкахъ, о томъ, что отъѣздъ отложенъ. Вдругъ уже вечеромъ, отворяютъ дверь и говорятъ радостное, давно жданное «пожалуйте!»

Всякій, вѣроятно, переживалъ минуты такого ожиданія и легко пойметъ мое состояніе; но то, что пришлось пережить въ этотъ же день моей сестрѣ, едва ли часто случается.

Ей, какъ сказано было выше, обѣщали къ 12-ти часамъ приготовить всѣ бумаги, и она, увѣровавъ въ это, совершенно успокоилась сама, успокоила и меня наканунѣ.

Но, вотъ, наступилъ полдень.—Что, готовы бумаги?—спрашиваетъ сестра, явясь, куда велѣно было.—Еще нѣтъ! Вамъ, вѣроятно, еще придется съ недѣлю подождать! Не подписалъ N! Сегодня онъ уѣзжаетъ и вернется на той недѣлѣ!—вдругъ огорашиваютъ ее.

Бѣдная! услыхавъ это, она и Божьяго свѣта не взвидѣла. Прошло уже больше мѣсяца, какъ она пріѣхала въ Питеръ. На ея ходатайство отдать ей меня на поруки, отвѣтили утвердительно и ждали лишь нашего привоза въ Питеръ, обѣщая сей же часъ меня выдать.

И она, основываясь на этомъ, при первомъ же нашемъ свиданіи, три недѣли тому назадъ, радостно волнуясь, передавая про обѣщаніе, такъ любовно, сердечно уговаривала меня не волноваться, потерпѣть еще малость: «завтра, самое большее

послѣ-завтра ты будешь свободенъ!»—говорила она въ утѣшеніе, когда я передалъ ей, какое тяжелое впечатлѣніе произвела на насъ Петропавловка послѣ Шлиссельбурга. Отлично понимая, какъ можетъ рваться къ свѣту человѣкъ пробывшій въ темнотѣ почти четверть вѣка, и какъ тяжела для него всякая задержка, она сильно волновалась и приходила въ ужасъ отъ этихъ задержекъ, а онѣ вдругъ начали почему-то расти и расти. То нельзя въ Москву, и пришлось сестрѣ вызывать своего сына, имѣвшаго имѣніе въ провинціи, и просить его поручиться; то являлось недоразумѣніе, можно ли и какъ отдавать на поруки безъ залога, то начинало смущать наше родство и т. д. Словомъ, каждый день почти приносилъ какую-нибудь задержку и обѣщанное «завтра» все отодвигалось и отодвигалось въ даль. Такъ прошли въ напряженномъ состояніи цѣлыхъ три недѣли, пока не сказали, какъ казалось, послѣднее «завтра». И вдругъ теперь опять говорятъ спокойно: «Нѣтъ! подождите еще до слѣдующей недѣли!»

Ужасно! Можно на рожонъ полѣзть отъ такого извѣстія. Сестра бросилась по разнымъ учрежденіямъ. Она никакъ не предполагала, что имѣлось въ виду лишь оттянуть отвѣтъ на нѣсколько часовъ, дабы она не сообщила объ отъѣздѣ другимъ. И потому она билась, какъ пойманная птица въ клѣткѣ. Куда она ни пріѣзжала, къ кому ни обращалась, вездѣ получался одинъ лишь отвѣтъ: «Мы ничего не знаемъ, это не отъ насъ зависитъ, обратитесь туда-то». Она ѣхала туда, но и тамъ получалось то-же, пока въ концѣ концовъ не указали опять на тотъ же департаментъ, съ котораго она начала свой объѣздъ. Въ отчаяніи она заглянула и туда. Каково же было ея удивленіе, когда ей теперь здѣсь объявили, что все дѣло кончено и что она сегодня же вечеромъ получитъ своего брата на вокзалѣ. Это было всего за часъ, не болѣе, до отхода поѣзда, но съ нея все-таки взяли слово, что она никому не сообщитъ объ увозѣ меня изъ Питера.

Дѣйствительно, пріѣхавъ на вокзалъ, я былъ удивленъ, увидавъ лишь одну сестру съ ея сыномъ, ожидавшихъ меня на платформѣ.

Вошли въ жандармскую комнату, и только тутъ оказались еще трое, которые пришли меня проводить. Это были одинъ изъ нашихъ же шлиссельбуржцевъ, вышедшій за нѣсколько дней ранѣе, и двое старыхъ, старыхъ товарищей. Одного я не узналъ и, принявъ совсѣмъ за другого, долго съ нимъ разговаривалъ, удивляясь, что мы какъ будто невполнѣ понимаемъ другъ друга.

Перешли въ вагонъ.—Да за кого вы меня принимаете?

вдругъ слышу вопросъ того, съ кѣмъ я говорилъ.—Я вѣдь N. Помните Одессу?—Батюшки! Вотъ перемѣна-то! Я ждалъ, что придетъ меня проводить братъ моего друга и, не зная его въ лицо, полагалъ, что говорю съ нимъ. Удивительно, какъ могло это выйти?

N былъ когда-то мой близкій пріятель. Молодое лицо его я хорошо помнилъ, какъ живое, но неожиданность встрѣчи и нѣкоторое измѣненіе въ чертахъ лица противъ того, какъ я его рисовалъ въ своемъ воображеніи, сдѣлали его неузнаваемымъ. Ему пришлось перенести массу страданій, и они-то молодое, красивое и полное жизни лицо превратили если не въ старое, то въ больное, изможденное, трудно узнаваемое.

Съ товарищемъ, вышедшимъ немного раньше, произошло превращеніе совершенно обратное. Въ плохой тюремной шубенкѣ онъ выглядѣлъ больнымъ, дряхлымъ человѣкомъ. Нѣсколько дней свободы и хорошій новый костюмъ сразу сдѣлали его почти молодымъ, жизнерадостнымъ. Послышался послѣдній звонокъ. Провожавшіе вышли; мы, т. е. я, сестра и ея сынъ остались одни, и только когда двинулся поѣздъ, у всѣхъ невольно вырвался вздохъ облегченія: наконецъ-то мы ѣдемъ, наконецъ-то уже не вернутъ назадъ.

Меня должны были сопровождать до мѣста назначенія два гороховыхъ пальто, но сначала ихъ не было видно: они сидѣли особо, и это придавало видъ полной, якобы, свободы.

Послѣ перенесенныхъ волненій, мы молча теперь отдыхали, изрѣдка перебрасываясь словами съ сестрой. Ея сынъ ушелъ въ другое купэ. Мысль плохо работала, въ головѣ пробѣгали лишь отдѣльныя воспоминанія то изъ далекаго прошлаго, то изъ ближняго. Вотъ мы ѣдемъ съ офицеромъ. Окна въ каретѣ задернуты, но я, полуоткрывъ штору, жадно всматриваюсь въ темноту и пытаюсь опредѣлить, гдѣ мы проѣзжаемъ, какія измѣненія произошли въ Питерѣ. Темно, мокро, грязно. По улицамъ бѣгутъ мужчины, женщины. У послѣднихъ странныя шляпы съ большими навѣсами надъ лбомъ, и меня заинтересовываетъ вопросъ: видятъ ли они что впереди? Попался конный патруль и напомнилъ про тревожныя времена, про готовившійся въ Москвѣ погромъ. Что-то тамъ насъ встрѣтитъ?...

— А, Лѣтній садъ! Ну, здорово! Вотъ и не оправдалось предсказаніе!»—думаю про себя и вспоминаю, какъ 25 лѣтъ тому назадъ везли меня тутъ въ Петропавловку, и я, обращаясь къ Лѣтнему саду, сказалъ въ слухъ:—Прощай! Увидимся ли когда!?

— Неужели вы считаете это возможнымъ когда-либо?—вырвался возгласъ у сопровождавшаго меня капитана.

— А почему же и нѣтъ? Времена мѣняются! — отвѣчаю ему.

Капитанъ, испугавшись, что онъ, якобы, выдалъ тайну моей судьбы, умолкъ и больше не сталъ ужъ говорить....

Какой-то шумъ у дверей купэ прервалъ мысли. Неумѣлая рука пыталась отворить дверь.

— Куда вы? Зачѣмъ? Мы сейчасъ располагаемся спать!— энергично запротестовала сестра, подскочивъ ко входу...

— Никакъ не можемъ! Приказано!—слышу чьи-то голоса и вижу, какъ мои хранители настойчиво стараются протиснуться въ полуотворенную дверь. Поднялся споръ, уговоры, убѣжденія, что это нелѣпо, не имѣетъ никакого смысла. У самой двери передъ купэ въ корридорѣ было два кресла и тамъ можно было сидѣть; но на всѣ наши резоны получался лишь одинъ отвѣтъ: «Никакъ нельзя! Приказано! Мы не помѣшаемъ!..» Пришлось уступить, и въ ногахъ у меня и сестры очутилось по стражу. Русская несуразность начала давать о себѣ знать.

Спрашивается: не курьезно ли?

Человѣка везутъ не въ тюрьму, а на волю, и боятся, что онъ можетъ убѣжать. Убѣжать въ присутствіи поручителя и за нѣсколько часовъ раньше того момента, когда стража, довезя до мѣста, оставитъ его совершенно одного. Вѣдь, пріѣхавъ въ имѣніе, гдѣ нѣтъ ни полиціи, ни урядника, убѣжать было легче и удобнѣе!

А тутъ довольно грубовато и безцеремонно врываются въ купэ, гдѣ спитъ женщина.

Забытье, начавшее было переходить у меня въ тихій, спокойный сонъ, эта исторія сразу превратила въ сильное возбужденіе, и какъ я ни урезонивалъ себя, какъ ни уговаривалъ, что все это пустяки, не стоитъ обращать вниманія—ничто не помогало, и сна, какъ не бывало. Всю ночь пришлось проворочаться на диванѣ и только къ утру малость забыться кошмарнымъ, чуткимъ сномъ.

Голова отяжелѣла, налилась свинцомъ; извѣстіе, что подъѣзжаемъ къ Москвѣ, принято тупо, безразлично. Ноябрьское сѣрое утро не веселитъ. На Рязанскомъ вокзалѣ какое-то опустошеніе: въ залѣ 1-го класса столы не накрыты, нѣтъ блестящаго самовара; темно, пустынно, нѣтъ лакеевъ.

— Что такое?

— Забастовка служащихъ!—отвѣчаютъ.

Нельзя даже стакана чаю выпить.

— Не бѣда! Я достану!—утѣшаетъ сынъ сестры, и дѣйствительно, скоро чай былъ добытъ, и мы принялись въ ожиданіи поѣзда освѣжаться.

Здѣсь пришло насъ встрѣтить нѣсколько знакомыхъ сестры. Разговорились. Зашла рѣчь, конечно, о современномъ положеніи вещей, о томъ, чего можно ожидать въ скоромъ будущемъ.

Изъ москвичей нѣкоторые своеобразно смотрѣли на это будущее, такъ что у меня невольно вырвался возгласъ:—Да неужели же вы и взаправду думаете, что мы такъ близки къ осуществленію у насъ соціализма?

— Несомнѣнно! Посмотрите на нашу литературу, на наши сатирическіе журналы! Развѣ что-нибудь подобное есть въ Европѣ?—набросились на меня, показывая мнѣ газеты, журналы, что принесли съ собой.

Пришлось замолкнуть со своими сомнѣніями; но, встрѣтивъ потомъ мѣсяца черезъ 3-4 одного изъ этихъ оптимистовъ, я увидалъ, какъ его мало обоснованный оптимизмъ быстро превратился въ самый мрачный пессимизмъ.

Къ вечеру мы были уже на той станціи, откуда шла дорога въ имѣніе, и здѣсь въ городкѣ находилась квартира исправника. Мои охранители, оставивъ меня на станціи съ родичами, пріѣхавшими повидаться со мной, сами отправились къ исправнику докладывать о благополучномъ прибытіи, и больше я ихъ уже не видалъ.

Въ имѣніи, какъ намъ обѣщали въ Питерѣ, ихъ не должно было быть.

Дѣйствительно, на первыхъ порахъ такъ оно и было, и мы двинулись теперь одни.

Была зима. Всюду снѣгъ разстилался бѣлой, ровной степью. Тишина и жуткость охватили вдругъ, когда мы поѣхали проселкомъ. Начинало вечерѣть; впереди надвигавшіеся сумерки пугали своей безлюдностью, пустынностью. Ни людей, ни деревьевъ; одна гладкая степь и степь. Сбиться съ дороги, особенно ночью, ничего не стоитъ. Вѣхи и днемъ на проселкахъ плохо видны.

Такъ проѣхали верстъ 7-8, когда, наконецъ, увидали огонь въ окнахъ поселка и самый поселокъ, церковь, барскій домъ.

Отсюда дорога пошла болѣе разнообразная. Появились бугры и буераки, лощины, поросшія лѣсомъ, а тамъ и имѣніе, куда мы ѣхали.

По чудной березовой аллеѣ кучера лихо подкатили насъ къ крыльцу, и мы, наконецъ, очутились дома, гдѣ насъ уже ждалъ чай, ужинъ, тепло и уютъ.

Такъ свершился выходъ на волю. Тюрьма и ея режимъ, подневольное состояніе отошли въ прошлое, остались гдѣ-то далеко, далеко позади. Объ нихъ какъ-то и мысль совершенно пропала, куда-то сгинула точно. Началась новая жизнь, жизнь человѣка, якобы уже свободнаго, жизнь, къ которой такъ рвалась душа, такой рисовала ее заманчивой, содержательной.

Весь первый день прошелъ въ осмотрѣ хозяйства. Рига, скотный дворъ, коровы, лошади, свиньи, лѣсъ, садъ — все это возбуждало вниманіе, сильно интересовало, давало пищу для разговоровъ. Неподалеку находилась школа, выстроенная и содержащаяся на средства сына сестры. Побывали и тамъ. Красивая одноэтажная постройка въ русскомъ стилѣ, съ квартирой для учительницы, напомнила мнѣ тѣ образцовыя школы, какія были выстроены когда-то на Московской выставкѣ. Молодая, вся ушедшая въ свое дѣло учительница дополняла пріятное впечатлѣніе. Первый день прошелъ хорошо. Но вотъ къ ночи всѣ родичи уѣзжаютъ въ Москву, и я остаюсь одинъ. Въ домѣ водворилась жуткая тишина, и лишь стѣнные часы нарушаютъ ее своимъ тиканьемъ, заставляя прислушиваться къ чему-то и чего-то ждать, ждать безъ конца, заставляя даже не разъ просыпаться ночью.

Поэтому утромъ на другой день всталъ я рано, точно на мнѣ лежала новая обязанность и заставляла меня не проспать. Всталъ я, напился чаю... «Ну, а дальше что?» Со мной были книги, старыя газеты, журналы. «Почитать развѣ что?!. Нѣтъ, пойду лучше пройдусь по хозяйству, посмотрю лошадей, коровъ»,—рѣшаю я и съ тѣмъ иду въ конюшни, на скотный дворъ, заглядываю въ ригу. Все это осматривается, кое о чемъ спрашивается, но, странно, почему-то вижу, не такъ заинтересовываетъ, не возбуждаетъ любовнаго, хозяйскаго отношенія, какъ будто безразлично. А между тѣмъ, сидя въ тюрьмѣ, я, вѣдь, только о томъ и думалъ, какъ бы изучить и завести свое хозяйство, какъ бы сдѣлать его образцовымъ, дабы оно послужило примѣромъ для окружающихъ. И вдругъ безразличіе? Чѣмъ же объяснить это?

Въ первый моментъ я, впрочемъ, объяснялъ это новизной дѣла и малымъ вообще знакомствомъ съ хозяйствомъ, а потому, много не раздумывая, сталъ изобрѣтать новые способы, какъ убить время.

Неподалеку виднѣлся лѣсъ и туда шла довольно наѣзженная дорога черезъ подлѣсокъ. Давненько таки уже не видалъ я лѣса; его видъ издали заманчиво манилъ къ себѣ, обѣщалъ

что-то красивое, могучее. Прохожу съ полверсты, спускаюсь въ яръ и наталкиваюсь на родникъ-колодезь. Дорога огибаетъ его и поворачиваетъ назадъ. Дальше ходу нѣтъ. Лѣсъ уже рукой подать. Стоитъ лишь подняться на верхъ изъ яра, но итти туда заказано. Снѣгъ лежитъ глубокимъ слоемъ, не проберешься туда.

Поворачиваю и рѣшаю погулять въ саду при домѣ. Та же исторія. Въ саду дорожки зимой не расчищались, и снѣгъ опять не пустилъ. Вернулся, принялся за чтеніе. Плохо и тутъ пошло дѣло. Газеты казались устарѣлыми. Въ то время событія чередовались быстро одно за другимъ, и потому газеты, привезенныя съ собой, не удовлетворяли. Книгъ же совсѣмъ не хотѣлось читать.

Пообѣдалъ, малость соснулъ; стало сѣрѣть, поѣхалъ прокатиться.

Вечеромъ заглянулъ въ школу. Учительница съ грудой тетрадокъ у стола исправляла ошибки. Мысль, что помѣшалъ человѣку работать, не даетъ покою и, поговоривъ недолго, спѣшу домой.

Принимаюсь за чтеніе. Въ домѣ мертвая тишина. Мало-помалу она какъ бы начинаетъ охватывать и тебя. Боишься нарушить ее. Боишься громко стукнуть, смѣло двинуть стульями, стараешься и ходить-то неслышно. Къ чему-то все прислушиваешься. Чтеніе идетъ вяло, и скоро замѣчаешь, что мысль унеслась въ пространство и тамъ блуждаетъ гдѣ-то. Изъ прочитаннаго ничего не понялъ и даже не могу отвѣтить, о чемъ читалъ.

За окномъ далеко шумитъ-завываетъ тоскливо вѣтеръ на опушкѣ сада. И кажется, что оттуда надвигается что-то страшное, грозное. Оказывается, все вниманіе и ушло, на слушаніе голосовъ и стоновъ, несущихся изъ сада.

Подъ конецъ, дѣлается жутко, и нудно, не по себѣ. Нападаетъ страхъ, нѣчто вродѣ предчувствія якобы наступающихъ бѣдъ. Въ груди появляется ноющая боль. Никакіе резоны не помогаютъ. Спѣшишь поскорѣй лечь, уснуть. Но безотчетное безпокойство не разъ будитъ ночью, а утромъ почему-то чуть свѣтъ все напоминаетъ, что пора вставать, надо раньше напиться чаю [1]).

Зачѣмъ, къ чему?! Непонятно.

Такъ началась для меня свободная жизнь.

Въ воскресенье, по большимъ праздникамъ, наѣзжали родичи, знакомые. На мигъ домъ наполнялся жизнью, интересомъ. Но

---

[1]) Въ крѣпости уже разносили въ 7 часовъ кипятокъ для чая.

проходилъ праздникъ, всѣ гости, разъѣзжались, и я опять оставался одинъ. Опять являлся вопросъ, какъ убить время, чѣмъ наполнить его.

Съ одной стороны неопредѣленность поселенческаго состоянія, а съ другой—и сама природа, окутанная толстымъ слоемъ снѣга, по необходимости удерживали дома, мѣшали пользоваться свободой, воздвигали какъ бы невидимую вокругъ стѣну. Приходилось по неволѣ ограничиться усадьбой, какимъ-то прозябаніемъ въ ней.

Чай, осмотръ хозяйства, лошади, коровы, свиньи, мало интересующее чтеніе, потомъ ѣда, сонъ, небольшая прогулка,—вотъ и все. И это послѣ такого оживленнаго общенія съ товарищами, какое было у насъ въ послѣдніе годы,—и къ тому же еще въ такое время, когда Россія переживала необычайные дни, когда каждый день приносилъ что-нибудь новое, а ты сидишь дома и даже во время не можешь узнать, что творится на бѣломъ свѣтѣ.

Неудивительно, поэтому, если первые дни свободы вскорѣ показались мнѣ теперь не днями свободы, а днями новаго заключенія, днями гнетущаго ожиданія чего-то впереди нехорошаго, нерадостнаго. Рвался человѣкъ къ жизни, къ движенію, жаждалъ войти въ общеніе съ живыми людьми, слышать ихъ рѣчи, ихъ предположенія, начинанія—и вдругъ хотя и милыя, но все-таки безсловесныя коровы, лошади... и затѣмъ опять ожиданія и снова ожиданія.

Это-то выжидательное положеніе и отбивало охоту къ чтенію, дѣлало равнодушнымъ къ хозяйству, и вѣчно неспокойнымъ, держало на сторожѣ, заставляло тревожно биться сердце. Днемъ, еще чаще ночью, щемящая боль являлась постоянной спутницей, и тревога, боязнь что-то пропустить, куда-то опоздать, чего-то не додѣлать въ срокъ, охватили всего и стали держать въ сильно напряженномъ состояніи.

Бѣда, когда дѣйствительно задашь себѣ какую-либо задачу или явится надобность куда поѣхать, что сдѣлать. Всю ночь кошмарные сны не даютъ спать; то и дѣло просыпаешься, смотришь на часы, какъ бы не проспать, хотя хорошо знаешь, что въ извѣстный часъ тебя разбудятъ и приготовятъ все необходимое для поѣздки, все-таки вскакиваешь самъ за долго до этого, побуждаемый внутренней тревогой.

Эта тревога отравляетъ и самую поѣздку. Дорога, поля, вдали лѣса, буераки, — все это кажется окутаннымъ какой-то мглой, неуютно, неприглядно, пугаетъ какой-то молчаливой пустынностью.

НИКОЛАЕВСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ БИБЛІОТЕКА СЛУЖАЩИХЪ

А когда въ первый разъ поѣхалъ я въ ближайшій городокъ и наскочилъ тутъ на большой базаръ и толпы новобранцевъ, то этотъ шумъ, гамъ толпы окончательно смутилъ меня и показался необычайнымъ. Пришлось самому себя урезонивать, чтобъ не обратиться вспять.

Боязнь толпы, впрочемъ, скоро прошла у меня. Я съ удовольствіемъ потомъ вмѣшивался въ нее и любилъ даже находиться въ толкотнѣ. Но все это случилось позднѣе, когда явилась возможность болѣе свободнаго передвиженія, когда гнетъ невидимой стѣны пересталъ застить свѣтъ. Пока же присутствіе стѣны чувствовалось на каждомъ шагу и мѣшало дышать полной грудью. «Нѣтъ! ты еще не свободенъ!»—говорила она на каждомъ шагу и невольно заставляла ждать какихъ-то еще новыхъ бѣдъ впереди.

Закончу маленькимъ случаемъ, бывшимъ въ первую же поѣздку въ городокъ.

Ѣхалъ я по какой-то улицѣ въ санкахъ; вдругъ вижу съ тротуара бросаются по направленію ко мнѣ два босяка и съ крикомъ: «Михаилъ Федоровичъ! Здравствуйте!»—просятъ остановиться. Я въ первый разъ былъ здѣсь. Никакихъ знакомствъ у меня не было, а тѣмъ болѣе между босяками. Что за диво?—думаю. Но изъ любопытства велю кучеру остановиться.

— Замерзаемъ, хоть на пару чайку дайте!—подбѣжавъ, заговорили босяки.—Да откуда вы меня-то знаете?—Знаемъ!—отвѣчаютъ и бѣгомъ, получивъ на чай, скрываются.

Такъ и до сихъ поръ я не знаю, какъ могли они узнать мое имя, или это была простая случайность.

М. Фроленко.

ВЪ ДВОРЯНСКОЙ БЕРЛОГѢ.

(Очерки съ эпилогомъ).

(*Окончаніе*). [1])

XX.

Появились признаки скораго возвращенія Елены Львовны: приходили на ея имя письма—все съ дворянскими гербами,—получались букеты «отъ неизвѣстныхъ», кто-то прислалъ даже крошечнаго щенка. Иванъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе волновался и, накрывая на столъ, забывалъ подать то ложку, то вилку. То и дѣло прибѣгали посланные за справкой: «не пріѣхала ли?» Дважды, по телеграммамъ Елены Львовны, высылали лошадей на станцію, дважды кучеръ мылъ коляску, надѣвалъ павлинье перо, а барышня все не ѣхала...

Наконецъ, пожаловала. Встрѣча была импозантная: сбѣжалась цѣлая толпа, еще болѣе густая, чѣмъ при проводахъ полковника. Глазѣли съ жаднымъ любопытствомъ, съ восхищеніемъ, цѣловали въ плечико, раболѣпно разспрашивали барышню... Садовникъ лебезилъ больше всѣхъ, напѣвая слащаво: «Кормилица вы наша! Ангелъ-барышня!.. Одна вы у насъ звѣзда во лбу. Ровно вотъ мѣсяцъ поднебесный!» Но не всѣ притворялись: у иныхъ глаза искрились неподдѣльнымъ чувствомъ. Я порадовалась за свою ученицу...

— Гдѣ же это вы, Елена Львовна, запропали?

Она заговорила быстро и несвязно о множествѣ неотложныхъ дѣлъ и о какомъ-то брелочкѣ, задержавшемъ ее, но я сразу увидала, что она сочиняетъ, и не стала допытываться.

---

1) См. мартъ, стр. 99.

Оставшись наединѣ со мной, она вдругъ захихикала:

— Вы, Марья Павловна, еще не знаете, какіе они хитрые!

— Кто?

— Да папа съ Софьей Ѳедоровной. Сдѣлаютъ видъ, что уѣхали, а сами возьмутъ да вернутся.

— Значитъ, вы въ самомъ дѣлѣ ждали, когда они уѣдутъ?

— О, нѣтъ! Что вы!.. Богъ съ вами!.. Конечно, мнѣ тяжело видѣть Софью Ѳедоровну на мѣстѣ мамы... Я всегда такъ любила маму...

— Зачѣмъ же вы упрашивали Софью Ѳедоровну погостить здѣсь?

Она замялась и поспѣшила перемѣнить разговоръ:

— Ну, какъ же вы тутъ съ ними жили?

Слушая мой отчетъ, она то ужасалась, то хохотала. Въ лицѣ свѣтилось непонятное злорадство, такъ поразившее меня въ здѣшнихъ мѣстахъ. Казалось, вотъ-вотъ она скажетъ: «Ну, и умора же!»

Нѣжно прижавшись ко мнѣ, она сказала съ шаловливымъ видомъ:

— А вѣдь это я нарочно сыграла съ вами шутку...

— Шутку?

— Да. Вы не сердитесь, Бога ради... Мнѣ до смерти хотѣлось узнать, какъ это вы будете ладить съ папой?.. Ужъ очень потѣшно!.. Знаете: возьмите у меня еще денегъ.

— Съ какой стати?

— Да вѣдь ужъ больше мѣсяца прошло.

— Я съ вами это время не занималась.

— Все равно. Вы тутъ не виноваты... Берите больше.

Это мнѣ ужъ прямо не понравилось. По ея мнѣнію, мнѣ, какъ и всѣмъ остальнымъ, нужны только ея деньги. «Бери—и не смѣй послѣ этого ни въ чемъ меня упрекать».

Я наотрѣзъ отказалась. Она смотрѣла на меня во всѣ глаза и не могла повѣрить...

— Да отчего же не взять? Это, право, странно...

Раскрыла передо мной дорожную сумку, набитую золотомъ.

— Берите, пожалуйста!

— Зачѣмъ вы возите съ собой столько золота? Еще украдутъ... или потеряете.

— Я люблю золото: запустишь туда руку и перебираешь... Ассигнацій терпѣть не могу: это—не дворянскія деньги... Сколько вамъ?

— Уберите свою сумку и поговоримъ о другомъ. Я хочу знать, что вы безъ меня подѣлывали. Читали?

— Ровнехонько ничего. Просто, стыдно признаться...

— Что же вы, однако, дѣлали столько времени?

— Вообразите: просидѣли съ Пелагеей въ номерахъ!

— Гдѣ же это?

— Да у насъ въ городѣ, въ гостиницѣ. Все боялась, какъ бы папа не пріѣхалъ разыскивать меня. Ужъ было разъ прошлымъ лѣтомъ... Вотъ и сидѣла безвыходно, чтобы какъ-нибудь не встрѣтиться. Пелагея все по гуляньямъ рыскала, а я—одна да одна... Одичала совсѣмъ, изорвалась вся... Видите?.. Эта гадкая Поляшка не убирала въ номерѣ, иголки въ руки не взяла. Только съ лакеями кокетничала да бѣгала Богъ знаетъ гдѣ... Противная!

Я заговорила о занятіяхъ. Елена Львовна вся всполохнулась.

— Господи, я такъ мечтала объ этомъ, такъ соскучилась! Все думала: «вотъ хорошо, что меня ждетъ здѣсь милая Марья Павловна!» Вѣдь это ужасъ: я совсѣмъ, совсѣмъ необразованная... Мама не учила насъ съ сестрой: должно быть, считала дурочками... Впрочемъ, я не осуждаю ее: она такъ увлекалась хозяйствомъ. Не до насъ было... Ну, да теперь... Вотъ увидите, какъ я примусь...

— Ну, и отлично. Мы завтра же начнемъ.

— Ой, нѣтъ! Вы ужъ ради Бога подождите: надо устроиться, съ дѣлами разобраться... Мнѣ страшно досадно, но что жъ дѣлать? Вотъ прежде всего васъ надо устроить хорошенько. Вы совсѣмъ не въ той комнатѣ помѣстились...

Выбрала для меня другую комнату, тоже наверху, свѣтлѣе и просторнѣе, приказала сейчасъ же устроить все, «какъ можно уютнѣе», протопить печку, хоть и безъ того было жарко. Сама принесла цвѣтовъ изъ сада, надѣлала букетовъ и разставила по всей комнатѣ,—вообще, проявила самую нѣжную заботливость.

Но особенно тронуло меня ея обхожденіе съ Патушечкой, какъ она называла Липатовну: все время обнимала ее, гладила по лицу, говорила, что если бы Патушечка не конфузилась, она цѣловала бы у нея ручки, «какъ у родной бабушки».

— Вѣдь у тебя, Патушечка, братъ есть? Ты вѣдь любишь его? Да?

— А какъ же, барышня милая? Вѣдь—родной... Только и родни осталось, что братокъ.

— Такъ выпишемъ его сюда. Я давно хотѣла сказать... Онъ, кажется, служитъ гдѣ-то?

— На чугункѣ, ясочка моя...

— Такъ пускай броситъ свою чугунку и пріѣзжаетъ. Я выстрою вамъ домъ... маленькій домикъ... Вотъ и живите вмѣстѣ. Хорошо?.. Да я все, все сдѣлаю, лишь бы моя Патушечка была счастлива!

Обласкала также Матрешу и Пашу, которымъ привезла гостинцевъ. Мальчика просто замучила поцѣлуями...

Явился священникъ отслужить молебенъ по поводу благополучнаго прибытія: такъ ужъ съ незапамятныхъ временъ велось въ усадьбѣ...

Елена Львовна обласкала и батюшку, спрашивала о здоровьѣ попадьи, насовала сластей: «Это вашимъ милымъ, добрымъ дѣткамъ». А когда батюшка заикнулся о недостроенной церкви и упавшемъ крестѣ, она пришла въ ужасъ отъ своей забывчивости.

— Это — прямо-таки преступленіе! Развѣ можно — безъ креста?.. Даже некрасиво какъ-то... А я всегда такъ обожала маму... Наконецъ, передъ крестьянами неловко... Завтра же распоряжусь насчетъ креста, а церковь будемъ весной достраивать. Такъ и скажите всѣмъ.

Батюшка ушелъ, очарованный ея добротой и щедростью, унося съ собой цѣлую охапку мѣшочковъ и пакетиковъ. «По крайности, будемъ съ крестомъ»,—шепнулъ онъ мнѣ радостно.

Его замѣнилъ Соломятинъ, явившійся съ дѣловымъ докладомъ. Я долго слышала изъ своей комнаты оживленный голосъ барышни и ея взрывчатый хохотъ.

Вечеромъ она сидѣла въ моей новой комнатѣ, разсказывая о матери, о своемъ дѣтствѣ. Говорила съ восторгомъ объ умѣ и образованіи Елены Юрьевны, но признавалась, что нехорошо было такъ тѣснить и разорять крестьянъ. Яркими красками обрисовала среду, въ которой имъ съ сестрой пришлось жить и воспитываться.

— Это такъ гадко, когда въ семьѣ есть любимцы и нелюбимцы!.. Бѣдную Машу всю жизнь держали въ забросѣ, а потомъ выдали насильно за такого плута, какъ Сбитневъ... Развѣ это справедливо? Ахъ, вы не можете представить, какія безобразія здѣсь творились! Оттого-то, можетъ быть, я и вышла такая безпутная? Ну, да теперь, слава Богу, порядки понемножку мѣняются. И народъ сталъ свободнѣе, и взгляды на все пошли другіе...

Коснувшись освободительнаго движенія, она удивительно тонко разбиралась въ немъ, высказывала такія свѣтлыя, про-

думанныя мысли, съ жаромъ доказывала необходимость, «какъ можно скорѣе и изо всѣхъ силъ просвѣщать народъ».

— Почему одни—господа, а другіе весь свой вѣкъ обязаны служить имъ? Развѣ мужики—не такіе же люди, а дѣти ихъ—не такія же дѣти? Да вотъ вамъ Пашка... Посмотрите, какой онъ сметливый. Дайте только ему образованіе, и вы увидите...

Потомъ заговорила о томъ, что крестьяне больше всего страдаютъ отъ безземелья, и сообщила свой планъ: продать имъ «по самой дешевой цѣнѣ» часть земли.

— Сосѣди давно зарятся на эту землю, но я рѣшила не продавать помѣщикамъ: у нихъ и безъ того довольно...

Мы далеко за полночь обсуждали съ ней этотъ планъ, строили мысленно школы, читальни, открывали народныя библіотеки, вырабатывали программу собственныхъ занятій...

Передо мной была умная, чуткая дѣвушка, измученная пошлой жизнью, всѣмъ сердцемъ жаждущая чего-то чистаго, свѣтлаго... Я тутъ же поклялась внутренно употребить всѣ усилія, чтобы помочь ей выбиться на свѣтъ. «Какъ хорошо я сдѣлала, что не смалодушествовала, не сбѣжала!»

XXI.

Прошло недѣли полторы, можетъ быть двѣ...

Я встала, успѣла позавтракать, нагуляться въ саду. Зашла даже въ деревню, гдѣ у меня завелись знакомые. Теперь я гуляю вездѣ, не боясь собакъ: онѣ оказались вовсе не такими злыми, и даже знаменитая Лютра, при встрѣчѣ со мной, ласково вертитъ обрубкомъ хвоста...

Возвращаюсь домой—Елена Львовна еще въ постели. Иду къ ней въ спальню... Жара, духота, окна закрыты, носятся рои мухъ. Всюду, куда ни взглянешь, разбросаны скомканныя принадлежности туалета...

Елена Львовна сидитъ на огромной постели подъ балдахиномъ: точь въ точь похоронный катафалкъ... Пьетъ какао и закусываетъ... На постели—коробки съ печеньемъ, откупоренная жестянка, тарелочки; на подушкахъ навалена груда платьевъ, на столикѣ передъ изголовьемъ—объѣдки отъ ужина, какіе-то пузырьки, измятые, подмоченные счета, кружевной шарфъ...

— Ахъ, извините, пожалуйста, что я—такая растрепа! Эта Поляшка Богъ знаетъ до чего избаловалась: даже пыли стереть не можетъ, никогда ничего не приберетъ... Стрѣляетъ гдѣ-то съ

самаго утра. У нея вѣдь романъ... Вы знаете? Иванъ давно сохнетъ по ней, а она его за носъ водитъ.

И Елена Львовна принимается, съ своимъ обычнымъ смѣшкомъ, повѣствовать утомительно подробно о продѣлкахъ Пелагеи. «Такая продувная! Вы слышали: она теперь уже съ Соломятинымъ кокетничаетъ?»

Елена Львовна забываетъ, что разсказывала объ этомъ и вчера и позавчера. Не хочетъ видѣть, что все это успѣло надоѣсть мнѣ.

— Давайте-ка, почитаемъ лучше.

О литературѣ, исторіи,—вообще о предметахъ, я уже не заикаюсь: для меня ясно, что Елена Львовна работать не будетъ. Не поминаю даже о такъ называемомъ «серьезномъ» чтеніи: довольно мнѣ взяться за такую книгу, какъ у барышни вдругъ оказывается куча неотложныхъ дѣлъ. Только романомъ можно приковать ее къ мѣсту.

Принимаемся за Тургенева. Едва прочитали страницу, входитъ Поля. Несетъ на тарелкѣ сыръ и колбасу, ставитъ на столикъ.

— Пелагея, сдѣлай мнѣ бутербродъ.

Елена Львовна съ отвращеніемъ наблюдаетъ, какъ потныя, грязныя руки горничной рѣжутъ, укладываютъ, подаютъ.

— Ну, посмотрите, Марья Павловна, что за гадость! Поляшка—такая неряха! Хоть бы ты ручищи свои вымыла... И головы никогда не моетъ. Не смѣй трясти головой: тамъ у тебя Богъ вѣсть что.

Пока готовятъ бутербротъ, я наскоро прибираю вокругъ себя.

Елена Львовна негодуетъ

— Поляшка, чего жъ ты смотришь? Тутъ стоятъ закуски, а рядомъ—чулки грязные... Вонъ юбка... Противная пачкунья!

Брезгливо морщась, беретъ изъ рукъ Пелагеи бутербродъ.

— Тьфу, тьфу! Какой-то псиной пахнетъ... Грязулька несчастная!

Обмахиваетъ бутербродъ батистовымъ платочкомъ, и я слышу смѣшанный запахъ резеды и колбасы. Елена Львовна можетъ ругаться, плеваться, но ей никогда не придетъ въ голову самой протянуть руку, самой взять, отрѣзать.

Пристыженная Поля принимается за уборку, но дѣлаетъ это такъ безалаберно и неопрятно, поднимаетъ такой шумъ, что невозможно ни читать, ни разговаривать. И все время жуетъ, не закрывая рта: то вынетъ что-то съѣдобное изъ кармана; то высмотритъ на полу апельсинную корку, обгложетъ, обсосетъ...

Круглое, упитанное лицо лоснится тупымъ самодовольствомъ; на красныхъ, смазанныхъ барышниной помадой губахъ блуждаетъ игривая, но не умная усмѣшка. Вся фигура, немилосердно перетянутая корсетомъ, смѣшно вздрагивающая на высокихъ каблукахъ, производитъ жалкое и тошнотворное впечатлѣніе...

Елена Львовна начинаетъ смѣяться. Сначала—чуть слышно, потомъ—громче и громче; наконецъ, вся трясется отъ неудержимаго хохота.

— Поглядите на нее, до чего она потѣшна! Мой старый корсетъ напялила... Башмаки не лѣзутъ,—такъ она ихъ распорола... ха, ха, ха!.. Вотъ чучело гороховое!.. Ну, чему ухмыляешься? Опять любовную бильеду получила? Да? Говори! Ужъ вижу, вижу!

Поля только этого и ждала. Съ нелѣпо-хвастливымъ видомъ вынимаетъ изъ кармана письмо, подаетъ барышнѣ. Та, давясь отъ смѣха, читаетъ вслухъ:

«Любящая Поля!

Увидамши Васъ вчера, я себя почувствовалъ тутъ же легче, какъ будто съ Вами я ужъ въ любви крѣпко. Но все-таки желаю открыться Вамъ лично и персонально. Еще любезнѣе будетъ мнѣ та дѣва или, лучше сказать, Поля, отъ которой желалъ бы получить отвѣтъ съ разъясненіемъ чувствъ. Поля! простите,—можетъ, вамъ не по сердцу, то вы мнѣ скажите. Жду отъ васъ благополучнаго отвѣта».

Въ концѣ страницы стоитъ: «смотри на оборотѣ».

Елена Львовна перевертываетъ страницу и читаетъ, корчась отъ смѣха:

«Открываются въ любви».

«Подъ душистою вѣткой сирени».

«Съ ней сидѣлъ я надъ сонной рѣкой»... и т. д.—все стихотвореніе.

«Опишите мнѣ, могу ли я придти въ Вашу мѣстность, а также число.

Знакомый Вамъ Ѳедосѣй Гуляевъ».

— Какъ! ты ужъ и за лавочника принялась? То-то, я вижу, у тебя карманы чѣмъ-то набиты... Смотри: расправится съ тобой Иванъ!

— Ну, не очень-то! Руки коротки. Чтобы всякій мужланъ распоряжался?.. Вотъ еще! Подсолнечникъ рыжій!

Онъ поднимаетъ свой и безъ того вздернутый носъ, запаль-

чиво подбоченивается. Барышня дразнитъ ее, Поля огрызается. Потомъ обѣ хохочутъ. Я теряю терпѣніе.

— Послушайте... Ужъ третій часъ... Давайте же читать!

— Ахъ, да, да! Вы продолжайте, пожалуйста, а я пока буду вставать. Не надо терять времени... Пелагея, одѣвай меня!

Я читаю. Поля одѣваетъ барышню, затѣмъ причесываетъ, завиваетъ... Елена Львовна вдругъ разражается гнѣвомъ:

— Ну, посмотрите, пожалуйста, что за варварка эта Пелагея! Цѣлыми прядями выжигаетъ у меня волосы... Безсовѣстная, неблагодарная! Я для нея все дѣлаю, всѣ ея прихоти исполняю,—а она... Вѣдь это ужасъ; я скоро вся спаленая буду, а я терпѣть не могу, если волосы плохіе... Убирайся вонъ, противная!.. Простите, Марья Павловна: я все перебиваю...

Снова берусь за книгу и снова слышу голосъ, капризный и безпомощный:

— Это ужасъ, ужасъ, какъ я толстѣю! А я не выношу толстыхъ... Смотрите, какая я дряблая дѣлаюсь!

— Вольно же вамъ лежать по цѣлымъ днямъ въ душной комнатѣ, безъ движенія, безъ воздуха.

— Правда, правда... Я вамъ такъ благодарна, что вы мнѣ напоминаете...

Подбѣгаетъ къ окну, распахиваетъ. Въ комнату льются знойные ароматы сада...

— Ахъ, какъ хорошо! Я такъ люблю природу... Знаете: пойдемъ сейчасъ же въ бесѣдку и будемъ читать тамъ. Кругомъ—цвѣты. Вѣдь это—моя страсть... Я до сумасшествія обожаю цвѣты.

— Отлично! Идемъ въ бесѣдку... Вы готовы?

Но Елена Львовна еще долго притирается, все время жалуясь, что у нея отъ этого портится кожа.

— Зачѣмъ же вы румянитесь? У васъ цвѣтъ лица и такъ хорошъ.

— Вы правду говорите: это глупо съ моей стороны... Да просто, я привыкла, чтобы у меня было что-нибудь на лицѣ.

— Прекрасные волосы, а вы чужіе накладываете. Ну, къ чему?

Она и съ этимъ совершенно согласна и опять благодаритъ меня, но башню на головѣ все-таки воздвигаетъ, что̀ дѣлаетъ ее почти уродливой...

Часамъ къ пяти выбираемся наконецъ въ бесѣдку, гдѣ продолжаемъ чтеніе. Елена Львовна слушаетъ охотно, высказываетъ много мѣткихъ замѣчаній, порой поражаетъ меня зрѣлымъ пони-

маніемъ людей. Особенно ловко схватываетъ смѣшныя черты, слабости, все поддѣльное, дутое, притворное. Но и серьезныя стороны жизни—страданія, сомнѣнія, разочарованія — находятъ въ ея душѣ живой откликъ. Невольно думаешь: «Какой красочный, гибкій умъ! сколько непосредственнаго чутья! А вѣдь почти не училась: все сама изъ жизни взяла»...

Но вотъ зовутъ обѣдать. Сегодня больше не придется читать...

Съ сожалѣніемъ закрываю книгу. Елена Львовна тоже вздыхаетъ:

— Какъ жалко, что надо бросать! Это такъ интересно, такъ поучительно!

Обѣдъ тянется нестерпимо долго. Барышня поминутно выбѣгаетъ, хохочетъ то здѣсь, то тамъ съ Полей, привередничаетъ, гоняетъ Липатовну въ кухню, въ кладовую, въ чуланъ за всякимъ пустякомъ, затѣваетъ игру съ Пашей, даетъ ему то сахару, то соли...

Послѣ обѣда—дѣловые разговоры съ управляющимъ. Передъ Еленой Львовной, какъ передъ хозяйкой, Соломятинъ не рѣшается сѣсть, за то стоитъ съ самымъ непринужденнымъ видомъ: «Я тѣшу тебя, какъ балованнаго ребенка, а вѣдь ты у меня вся вотъ тутъ, ...въ кулакѣ».

Заложивъ руки въ карманы, закинувъ голову, смотритъ на Елену Львовну фамильярно и насмѣшливо, хотя въ выраженіяхъ остается непзмѣнно почтителенъ. Навѣрно, думаетъ про себя: «Пріѣзжаютъ разные безтолковые люди ко мнѣ въ имѣніе и только мѣшаютъ работать... Ну, да ужъ исполню проформу.»

За время опеки многое растрачено, расхищено... Кѣмъ? полковникомъ или управляющимъ? или обоими вмѣстѣ?.. Елена Львовна задаетъ лукавые вопросы, прозрачно намекаетъ, старается припереть управляющаго къ стѣнѣ... Соломятинъ небрежно отшучивается, съ видомъ человѣка, которому напоминаютъ о дѣтскихъ шалостяхъ. Его нагло-вызывающій взглядъ краснорѣчивѣе словъ: «Да, я обиралъ тебя—это всѣ знаютъ,—а прогнать ты меня все же не посмѣешь». Кончается тѣмъ, что онъ почтительно выслушиваетъ барышню...

Поцѣловалъ ручку и ушелъ. Въ передней появляются староста, садовникъ, кучеръ, поваръ... Народу набивается все больше. Многіе забѣгаютъ просто поболтать...

Тутъ Елена Львовна—какъ рыба въ водѣ. Часами разговариваетъ съ увлеченіемъ о разныхъ разностяхъ. Понимаетъ этихъ людей съ полслова, знаетъ всѣ ихъ оригинальныя словечки, ставящія меня подчасъ въ тупикъ...

— Вы удивительно умѣете разговаривать съ простымъ народомъ...

— О!.. Какъ же иначе? Вѣдь я выросла среди прислуги. Мнѣ съ ними вольготнѣе, чѣмъ съ господами... Передняя—это мой клубъ.

Сначала такой демократизмъ нравился мнѣ: «Значитъ, любитъ ихъ, чувствуетъ»... Но теперь безконечные разговоры въ передней раздражаютъ меня.

Барышня выспрашиваетъ у нихъ всѣ новости, сплетничаетъ, какъ досужая деревенская кумушка, злословитъ, дразнитъ, хохочетъ. И всѣ вторятъ ей угодливымъ смѣхомъ...

А утромъ въ разговорѣ со мной обсуждаютъ тѣ же вопросы совсѣмъ по иному: серьезно, дѣльно, угрюмо—и издѣваются надъ господами...

— Почему же вы никогда не скажете Еленѣ Львовнѣ, какъ вотъ мнѣ сейчасъ говорите?

— Что вы, Марья Павловна,—развѣ можно? Вѣдь она хороша только тогда, когда ее по шерсткѣ гладишь: тогда и просьбицу во вниманіе возьметъ, и изъ нужды при случаѣ вызволитъ. Она у насъ не сквалыжница, какъ мать... Ну а скажи ей поперекъ, такъ и на порогъ не пуститъ. Къ ней надо тоже умѣючи подойти...

Однажды, раздосадованная нескончаемой болтовней въ передней, я замѣтила Еленѣ Львовнѣ:

— Удивляюсь, какъ вы можете, сейчасъ же послѣ Тургенева или Толстого, перемывать съ прислугой кости ближнему?

Она посмотрѣла на меня хитро-смѣющимися глазами:

— О!.. (Ея любимое междометіе)... Неужели вы не понимаете моей идеи?

— Идеи?

— А какъ же? Я вотъ выпытаю у каждаго, а потомъ соберу всѣхъ вмѣстѣ и начну разсказывать, кто про кого говорилъ. Ну, они обозлятся и выведутъ одинъ другого на свѣжую воду. Развѣ не забавно смотрѣть, какіе они всѣ гадкіе? А шипятъ-то какъ другъ на друга!.. Ха, ха!

— Что жъ тутъ забавнаго?

— А главное: если я ихъ всѣхъ перессорю, имъ ужъ неловко будетъ воровать, потому что они станутъ слѣдить другъ за другомъ и обо всемъ мнѣ разсказывать. Видите, какой разсчетъ?

Меня взяла оторопь. Что же это, наконецъ: наивность испорченнаго ребенка—или сознательный цинизмъ взрослаго пройдохи?..

XXII.

Я сходила, по просьбѣ Елены Львовны, въ село и окончательно договорилась съ крестьянами о покупкѣ земли. Вернувшись, застала Елену Львовну въ столовой за оживленнымъ разговоромъ съ Ежовымъ, котораго она поила чаемъ. Елена Львовна покупала у прасола коровъ, и оба торговались съ видимымъ удовольствіемъ.

— Вы должны уступить мнѣ ужъ по одному тому, что вы же купили моихъ собственныхъ коровъ за безцѣнокъ.

— Что вы изволите?.. Вашихъ ко... ко...

Ежова постигъ вдругъ жестокій пароксизмъ кашля. Весь скрючился, махалъ отчаянно руками, стоналъ...

Елена Львовна засмѣялась:

— Конечно, вы не виноваты: это папа ошибся...

Кашель, наконецъ, отпустилъ несчастнаго.

— Вотъ, вотъ! Истинная ваша правда!.. Полковникъ предполагали въ себѣ, что это—ихнія коровы; а я... Вѣдь развѣ на нихъ, то есть на скотахъ, написано? Скотина, Елена Львовна—тварь безсловесная: что съ нея возьмешь?.. Позвольте къ ручкѣ приложиться... Лапочка-то — дворянская!.. Каждый пальчикъ, можно сказать, барственнаго роду...

Елена Львовна окончательно развеселилась.

— Посмотрите на него, Марья Павловна: вѣдь ужасъ, что за плутъ, а я люблю его. Онъ—нашъ, Кайсаровскій...

— Да какъ же, барышня моя милая! Можно сказать: денно и нощно все мысленно думаю объ васъ. Вотъ и сейчасъ схлопоталъ вамъ одно дѣльце: нашелъ покупщика на землю... Господинъ Шибаевъ даетъ хорошую цѣну.

— Егоръ Богдановичъ?

Елена Львовна задумалась.

— Какъ вы скажете, Марья Павловна?

— Но вѣдь вы обѣщали крестьянамъ? Я только что была тамъ, и мы порѣшили...

— Ахъ, да, да! Мегсі, что напомнили. Вы—такая добрая: всегда напоминаете... Конечно, я отдамъ моимъ мужичкамъ.

— Ахъ, барышня моя добренькая! Вы и такъ берете съ нихъ аренду дешевле остальныхъ прочихъ.

— Ну, что же? Вѣдь имъ негдѣ взять.

— Съ ногъ до головы ихъ, можно сказать, добромъ своимъ обсыпали: за потравы не взыскиваете, на сѣмена даете. И день-

гами имъ, и соломой, и хлѣбцемъ... Ужъ будетъ съ нихъ! сыты! А Егоръ Богданычъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, мы съ Марьей Павловной ужъ рѣшили...

— Оно и правда: чѣмъ продавать, лучше дѣло по-сусѣдски уладить.

— Какъ это «по-сусѣдски»?

— Да такъ вотъ, какъ говорили. Помните?

— Ничего я не помню... Что вы тамъ болтаете?

— Обравняйте съ Егоръ Богданычемъ земли, и будетъ у васъ мало что не полъ-уѣзда. Разлюбезное это дѣло! Главное: по-сусѣдски.

— «Обравняйте»? О!..

Елена Львовна принялась хохотать, но Ежовъ продолжалъ серьезно, дѣловито:

— Напрасно за Егоръ Богданыча не идете. Хозяинъ—отмѣнный: въ одинъ годъ округлилъ бы имѣньице-то. Онъ бы живо всѣхъ къ рукамъ прибралъ: при немъ не стали бы вашей кровной скотинки продавать. У него ужъ копеечка изъ рукъ не вывернется... А главная причина: барышня вы... какъ сказать? массивненькая и всякій разговоръ умѣете разсыпать...

— О!.. Ха-ха-ха!

— А Егоръ Богданычу это и нужно. Въ предводители мѣтитъ,—такъ ему надо жену замѣтную, утюжистую...

— О! Вѣдь это умора? Вы послушайте только, Марья Павловна, что онъ болтаетъ!.. Ну, такъ какъ же? Егоръ Богдановичъ предлагаетъ? Разсказывайте все по порядку.

Ежовъ почтительно высморкался, не спѣша сложилъ платокъ, убралъ его, тщательно разгладилъ бороденку, похожую на клокъ сгнившаго сѣна, плотнѣе усѣлся на стулѣ и только-что собрался приступить къ неторопливому повѣствованію, какъ вбѣжала Поля.

— Барышня, Владиміръ Васильичъ пріѣхали!

Глаза горничной возбужденно прыгали, и вся она чуть не корчилась отъ необузданнаго оживленія. У Елены Львовны загорѣлись пятна на щекахъ. Ежовъ засуетился.

— Ну, пора ко щамъ.

Вошелъ Ребринскій, высокій, худой, лѣтъ тридцати. Лицо—выразительное, нервное, какъ будто усталое; взглядъ—вдумчивый, нерѣшительный, словно виноватый. На всемъ—печать какой-то настороженности.

Елена Львовна познакомила меня съ нимъ торопливо и смущенно, заговорила о чемъ-то, запнулась и смолкла. Молчалъ и

Ребринскій. Я разсудила, что мнѣ лучше уйти, и встала. Противъ обыкновенія, Елена Львовна не удерживала.

Проходя черезъ переднюю, я увидала, что Ежовъ все еще одѣвается, прислушиваясь къ разговору въ столовой.

— Пальто вотъ что-то не лѣзетъ... Знать, растолстѣлъ больно.—Лѣвый глазъ его лукаво подмигивалъ на столовую.— Съ Егоръ-то Богданычемъ прочнѣе бы вышло... право слово: онъ—столбовой, и она—столбовая, вотъ оно и было бы подъ кадрель.

— Да если другой по душѣ?

— Владиміръ-то Васильичъ? И, что вы! Какой же онъ дворянинъ? Вчерашній!.. Нѣтъ, это не ко двору будетъ: не тотъ колеръ... Ну, да вольному воля... Что кому въ воображеніе вскочитъ... Вѣдь это все одно, что скотина, Марья Павловна: ежели, къ примѣру, я вамъ что ни на есть лучшаго быка предлагаю, а вамъ овечка требуется? Стало-быть, долженъ я попятиться. Пущай выходитъ за господина Ребринскаго.

Но лѣвый глазъ зналъ что-то, ускользавшее отъ меня, и хитро держалъ при себѣ.

XXIII.

Сидя вечеромъ у себя въ комнатѣ, я слышала обычные голоса въ передней и хохотъ Елены Львовны. А въ столовой, какъ разъ подо мною, раздавались одинокіе шаги Ребринскаго: нервные и нетерпѣливые.

Я знала, что Елена Львовна забѣжитъ ко мнѣ, и не торопилась ложиться: у ней уже вошло въ привычку дѣлиться со мной впечатлѣніями дня.

Она вбѣжала взволнованная.

— Владиміръ Васильевичъ разсердился на меня и уѣхалъ...

— Зачѣмъ же вы оставили его одного?

— Ахъ, правда, правда! Да что жъ мнѣ дѣлать? Онъ—такой странный... Нѣтъ, вру: это я такая глупая, взбалмошная... Ну, развѣ можно быть такой невѣжей?.. Я—очень испорченная, не правда ли? Вотъ попался мнѣ хорошій человѣкъ, а я... Это такъ глупо, гадко!.. Скажите: вамъ нравится онъ?

— Да, это, кажется, лучшій изъ здѣшнихъ...

— О!

Елена Львовна даже задохнулась отъ наплыва чувствъ.

— Это—мой идеалъ! Я знаю, что такого больше не встрѣчу

въ жизни. Ужъ одно то, что онъ живетъ своимъ трудомъ, не такъ, какъ всѣ эти... Вѣдь вы знаете: онъ служитъ въ какомъ-то вѣдомствѣ, а сюда пріѣзжаетъ только лѣтомъ, да и здѣсь еще работаетъ.

— Въ какомъ вѣдомствѣ?

— Право, я забыла... Только онъ—такой ученый и все пишетъ что-то... А лѣтомъ устраиваетъ у себя народныя чтенія... И столько добра дѣлаетъ... Онъ даже въ журналахъ пишетъ... Вотъ вы не повѣрите; а я больше всего уважаю тружениковъ, людей науки. Возьмите, напримѣръ, студентовъ: Боже, да развѣ можно сравнить ихъ съ нашими мужчинами? Они бѣдны, но какъ симпатичны, потому что они трудятся, они честны... Да, только тамъ и можно встрѣтить человѣческія отношенія, товарищество, дружбу. Это—такіе самоотверженные!.. А у насъ всѣ помѣшаны на деньгахъ да на интригахъ...

— Значитъ, вы не хотите за Шибаева?

— О!..

Она замахала руками.

— Что вы, что вы! Это—такой мошенникъ: родную сестру ободралъ какъ липку. И деспотъ отъявленный... Онъ меня бить будетъ... какъ Сбитневъ—Машу... Это—ужасный человѣкъ! И не любитъ меня ни капельки: ему деньги нужны. Хочетъ стать самымъ крупнымъ помѣщикомъ въ губерніи... О, я знаю его! Я всѣхъ ихъ вотъ какъ знаю!

И она тутъ же сдѣлала убійственную характеристику мѣстныхъ землевладѣльцевъ: Дудасовъ— извѣстный чуть ли не во всей губерніи циникъ и волокита: славится своей коллекціей непристойныхъ книгъ и гравюръ. Африкановъ добился камергерства самой низкой лестью, раболѣпствомъ, взятками, доносами. О плутняхъ Жигалова протрубили въ свое время всѣ газеты.

А «женишки»? О, это такой безстыжій народъ! Облава на Елену Львовну началась тотчасъ послѣ смерти матери, какъ только стало извѣстнымъ содержаніе духовной. Былъ тутъ и инженеръ, родственникъ Жигалова, обѣщавшій ему часть приданаго. Вдвоемъ съ Жигаловымъ они совершенно опутали полковника.

— Папа тогда проклясть хотѣлъ меня за непослушаніе. Хорошо, что за меня Владиміръ Васильевичъ вступился.

Былъ и губернаторскій племянникъ: тоже проходу не давалъ. Потомъ какой-то князь Нарымовъ, который сердце писалъ черезъ «ѣ»...

— Одинъ Владиміръ Васильевичъ не гонится за деньгами.

Я вѣрю ему; только... ну, что я для него? Вотъ теперь обидѣлся... Вѣдь знаю же я, чувствую...

Она силилась что-то высказать и не находила словъ. Въ глазахъ—безсильная грусть, какой-то надломъ: точно безконечно устала отъ жизни и отъ самой себя.

Въ порывѣ жалости я схватила ее, прижала къ себѣ. Она вдругъ заплакала. Слезы сдѣлали ея лицо положительно прекраснымъ: отпало все шалое, напускное, лживое; передо мной была сама искренность, сама сердечность.

— Вотъ я хотѣла попросить васъ, Марья Павловна... Все собиралась, да...

— Что такое?

— Называйте меня: «Лили». Такъ звала меня мама, когда бывала доброй.

Я крѣпко обняла ее и расцѣловала.

XXIV.

Ура! Лили не обманула меня: продала-таки землю крестьянамъ!

Продажа еще не оформлена, но Лили объявила при свидѣтеляхъ «старичкамъ», что согласна на ихъ цѣну и готова продать. Они все просили выдать имъ бумажку съ «подписомъ руки», но Лили бумажки не дала, зато приняла отъ нихъ задатокъ и выдала квитанцію. «Старички» возликовали: разъ отданъ задатокъ и есть «писулька»,—стало быть, дѣло сдѣлано. Лили обѣщала съѣздить къ нотаріусу послѣ Ильина дня, такъ какъ передъ праздникомъ—много хлопотъ.

Намѣренія Лили въ самомъ дѣлѣ серьезны. Я вижу это по лицу Соломятина, угрюмому, какъ будто обиженному. Знаю, что онъ противъ этой продажи: крестьяне могутъ теперь хоть чуть-чуть выбиться изъ-подъ его кабалы... Управляющій видитъ въ этомъ какой-то заговоръ и косится на меня...

За то на селѣ—точно свѣтлый праздникъ. Со всѣхъ сторонъ слышишь:

— Дай Богъ барышнѣ долгаго вѣка!

— Не выдала своихъ мужичковъ!..

— Утерла носъ Шибаеву!

И раньше я знала, что народу нужна земля, но только теперь поняла, что это для нихъ—вопросъ жизни и смерти. Небольшая прирѣзка—выходъ, просвѣтъ, буквально спасеніе

отъ нищеты и мертвой петли. Есть для чего жить, работать, надрываться! Станетъ легче и женѣ, и дѣтямъ, и скотинѣ... Станетъ свѣтлѣе въ семьѣ, веселѣе въ полѣ... «Нынѣ отпущаеши!».

Если тутъ какую-нибудь роль, хоть самую ничтожную, сыграло мое вліяніе, то я рада, что поѣхала сюда.

Лили сдѣлалась для меня еще болѣе близкой. Читаемъ мы по прежнему мало, зато разговариваемъ иной разъ чуть не до утра. Она продолжаетъ нѣжно заботиться обо мнѣ: все выспрашиваетъ, какія блюда я люблю? И слѣдитъ, чтобы готовили именно ихъ, выписываетъ для меня изъ города разные деликатессы, хоть я и постоянно прошу ее не дѣлать этого. Цвѣтами, которые Лили не перестаетъ получать «отъ неизвѣстныхъ», она усердно украшаетъ мою комнату; все добивается, не нужно ли мнѣ еще чего: денегъ, книгъ, лакомствъ?—и такъ искренно досадуетъ, когда не можетъ придумать никакого сюрприза. Бѣдная Лили, она всегда теряется, пытаясь выразить свои чувства!

Въ ней—непочатый уголъ доброты и ласки, но—Боже! до чего все это искажено, сумбурно! Чѣмъ больше я привязываюсь къ ней, тѣмъ больнѣе становится...

Несчастный Паша, что она дѣлаетъ съ нимъ?! Коробами выписываетъ сласти и игрушки, отъ которыхъ мальчикъ буквально дурѣетъ. У него уже испорчены зубы и желудокъ отъ вѣчнаго жеванья конфектъ, пряниковъ, фруктовъ; голова кругомъ идетъ отъ безпрерывнаго вихря забавъ, отъ всѣхъ этихъ замысловатыхъ игрушекъ, волшебныхъ фокусовъ, пистолетовъ, дорогихъ картинокъ, стереоскоповъ...

Бываютъ дни, когда Лили, забросивъ всѣ дѣла, съ утра до вечера тискаетъ своего Павлика, цѣлуетъ, вертитъ, кружитъ... Разодѣнетъ, какъ куколку, восхищается при немъ его красотой, умомъ, обѣщаетъ отдать въ гимназію, въ университетъ...

— Я положу на тебя пятнадцать тысячъ... Понимаешь?.. Хочешь:—двадцать?.. А когда поѣду за границу, возьму съ собой... Ты у меня будешь—по-французски, по-нѣмецки... Хочешь учиться на рояли?..

И чего-чего еще не наскажетъ ему!

Въ то же время ей не жаль разбудить ребенка часа въ 2—3 ночи, чтобы поболтать съ нимъ или, просто, посмотрѣть, какъ забавно испугается онъ спросонья.

А то вдругъ начнетъ поддразнивать его Соломятинымъ, котораго мальчикъ такъ не любитъ:

— Знаешь, Журка: Соломятинъ хочетъ изжарить тебя и отдать собакамъ, а то они у него проголодались.

— Врешь...

— Ха, ха!.. Нѣтъ, не вру... Семенъ Даниловичъ вчера говорилъ мнѣ. Сейчасъ онъ пришлетъ за тобой.

— А я убѣгу.

— А онъ тебя догонитъ.

— А я его палкой... А то изъ пистолета...

— А онъ въ тебя изъ ружья...

Кончается тѣмъ, что Журка вскакиваетъ ночью и вопитъ не своимъ голосомъ: «Мамка! мамка!»

Но всего больше почему-то нравится Лили ссорить Журку съ сестрой и покатываться со смѣху, глядя, какъ мальчикъ, блѣдный отъ злости, вцѣпится Матрешѣ въ волосы, а та визжитъ, не смѣя оттолкнуть... Въ эти минуты лицо Лили—совершенно отцовское.

— Послушайте... вы портите ребенка!

Обыкновенно она спохватывается, прекращаетъ грубую сцену и долго еще потомъ имѣетъ пристыженный видъ. Но иногда только воскликнетъ презрительно: «О!»—и продолжаетъ съ какимъ-то мстительнымъ упрямствомъ тѣшиться надъ ребенкомъ...

Второе развлеченіе Лили, тоже любимое, это—потѣшаться вмѣстѣ съ Полей надъ Иваномъ. Постоянно говорятъ при немъ о какихъ-то обожателяхъ, письмахъ, презентахъ, шушукаются, изводятъ его намеками. Поля усиленно не обращаетъ вниманія на своего жениха, Иванъ желтѣетъ отъ обиды и ревности, а Лили съ наслажденіемъ предвкушаетъ развязку...

Съ Патушечкой она все такъ же нѣжна, но старуха продолжаетъ жить въ отвратительной конурѣ подъ лѣстницей, питаться объѣдками, стонать отъ ревматизма и застарѣлаго катарра желудка. О братѣ ея Лили забыла, а Липатовна не рѣшается напомнить. Я завела было рѣчь объ этомъ, но Лили поспѣшила прервать:—Конечно, конечно... Только вѣдь это не къ спѣху... Вы всегда торопитесь, Марья Павловна.

Мнѣ показалось, что въ лицѣ ея мелькнула досада.

XXV.

Каждый разъ, какъ пріѣзжаетъ Ребринскій, Лили радостно вспыхиваетъ, стремглавъ бѣжитъ навстрѣчу. Она горячо пожимаетъ ему руку, увѣряетъ, что соскучилась по немъ «до смерти», и... исчезаетъ, предоставляя Владиміра Васильевича моимъ попеченіямъ. У нея вдругъ обнаруживаются крайне спѣшныя дѣла:

послать, принять, расплатиться, распорядиться... Проходитъ четверть часа, и мы съ Ребринскимъ слышимъ, какъ изъ спальни или сверху долетаетъ ея хохотъ и визгливый смѣхъ Пелагеи...

Ребринскій бѣсится, кусаетъ губы, нетерпѣливо хруститъ пальцами... Иногда не выдерживаетъ:

— Скажите, пожалуйста: у нея всегда какъ много спѣшныхъ дѣлъ?

Большею частью онъ теряетъ терпѣніе и уѣзжаетъ, не попрощавшись съ Лили... Она долго послѣ этого ходитъ, растерянная, опечаленная. На меня бросаетъ исподлобья злые взгляды и не скрываетъ своей ревности. Что за странная, смѣшная дѣвочка.

— Да вы посмотрите на меня: вѣдь я вамъ чуть не въ матери гожусь.

— Это ничего не значитъ. Вы—умная, образованная,— вотъ онъ и разговариваетъ съ вами... Онъ и пріѣзжаетъ-то для васъ. Развѣ я такая ужъ глупенькая, что не вижу? Вы ему подъ пару...

— Послушайте, Лили, — это болѣе, чѣмъ странно... Съ кѣмъ же ему остается разговаривать, если вы убѣгаете?

— Все равно, ему со мной скучно.

— Да и разговариваемъ-то мы съ нимъ только о васъ же.

— Ну да, знаю я: вмѣстѣ надо мной пасмѣхаетесь...

— Богъ съ вами, Лили! Мы оба искренно привязаны къ вамъ... Или ужъ перестали вѣрить?

Она какъ-будто смягчается, начинаетъ ласкаться, а въ глазахъ—грусть и вражда...

Порой сидитъ часами у окна и смотритъ съ тоской въ садъ. Не хочетъ ни гулять, ни читать, ни разговаривать. Что-то гложетъ ее: грусть, забота, раскаяніе?..

— Вамъ скучно, Лили?..

— Нѣтъ, такъ... Пустота какая-то... Я вотъ думаю: не выписать ли намъ шаръ?

— Какой шаръ?

— А вотъ, что въ садахъ ставятъ. Съ шаромъ какъ-то веселѣе...

XXVI.

Приближался Ильинъ день, здѣшній храмовой праздникъ. Починили по этому случаю дорогу передъ усадьбой, положили кое-гдѣ новые мостки черезъ канавы, выпололи въ саду сорную траву, посыпали дорожки пескомъ...

Потомъ началась уборка въ комнатахъ. Весь домъ мыли, чистили, скребли... Даже Лили, не особенно пріученная къ опрятности, ахнула при видѣ потоковъ жирной грязи и цѣлыхъ смерчей пыли, не дававшей продохнуть. Всѣ кашляли, чихали, отплевывались. Аграфена легла на работѣ костьми, Матрена съ ногъ сбилась. Липатовна, по старой привычкѣ, тоже лазила цѣлый день по полу, отодвигала шкапы, залѣзала подъ диваны. а къ вечеру свалилась, совершенно больная, въ постель...

Поломойки мыли, лакеи, кучеръ и садовникъ натирали воскомъ полы, какъ это велось прежде, когда въ залѣ и гостиной танцовали до зари...

Окна мыла племянница садовника, Ольга. Смуглая, съ темнымъ налетомъ пыли на лицѣ, съ растрепанными отъ работы черными косами, она производила впечатлѣніе самой заправской цыганки-кочевницы. Въ каждомъ движеніи энергичныхъ локтей всего сухопараго, стремительнаго тѣла было что-то шальное, необузданное...

— Космы-то, космы!—ворчала Аграфена. — Чисто вотъ дьяволъ вылѣзъ изъ пекла!

Мыли окна, которыя къ празднику были наконецъ выставлены; Ольга все время дѣлала какіе-то странные жесты: то махнетъ нетерпѣливо рукой, то погрозитъ кому-то мокрой тряпкой; или вдругъ захохочетъ, оскаливъ бѣлые, хищные зубы, и плеснетъ внизъ водой... Аграфена только плюетъ въ сердцахъ.

Одна изъ поломоекъ, маленькая, востроглазая бабенка, прозванная «полуфунтикомъ», ужъ не разъ принималась шипѣть на Ольгу:

— Чего скалишься, кобыла? Съ бариномъ путалась, теперь за управляющимъ прихлыстываешь, вѣдьма?

— Молчи, падаль! Вотъ я скажу Семенъ Данилычу: онъ тебя и опять отхлещетъ...

Я заглянула въ окно. На дворѣ стояль, окруженный собаками, Соломятинъ и дѣлалъ Ольгѣ какіе-то комплименты нагайкой. На крыльцо вышла Лили, жадная до подобныхъ зрѣлищъ, и, посмѣиваясь, наблюдала за управляющимъ...

Ольга отправилась мыть окна у меня. Я перешла въ сосѣднюю комнату и скоро услышала оттуда сдержанную бабью ругань:

— Ишь, оголилась, безстыжая!

— Ну-ка, сунься, сунься! Какъ я тебя, гадюку, тряпкой по мордѣ...

Поднялась возня, потомъ вдругъ—отчаянный крикъ... Чье-то тѣло рухнуло внизъ...

Лили истерически взвизгнула, бросилась въ комнаты... Я заглянула въ окно:—на ступеняхъ крыльца лежала разбитая, окровавленная Ольга.

Потемнѣло въ глазахъ, все пошло ходуномъ, комната перевернулась вверхъ ногами...

Очнувшись, я увидѣла себя на широкой постели Лили. Она сидѣла тутъ же, у изголовья, смачивая мнѣ виски туалетнымъ уксусомъ... Замѣтивъ, что я открыла глаза, она бурно обрадовалась, захлопала въ ладоши, принялась цѣловать мнѣ руки... Я спросила: что Ольга?

И вдругъ—хихиканье... Оно неслось съ противоположнаго конца комнаты. Тамъ стояла Поля, перебирая на умывальникѣ какіе-то пузырьки.

Скоро къ этому хихиканью присоединилось другое: надъ моей головой. Обѣ смѣялись тѣмъ придушеннымъ смѣхомъ, что заставляетъ давиться и корчиться...

— Въ бо.. больницу повезли...—едва выговорила Поля и, ужъ не владѣя собой, залилась клохчущимъ смѣхомъ. Лили вторила ей, силясь разсказать о происшествіи:

— Слышу: шлепъ!.. Какъ мѣшокъ... Затрещало что-то... Хорошо, что я сошла со ступенекъ, а то бы... а то бы...

Новый, безудержный взрывъ смѣха. Это не тотъ истерическій хохотъ, что нападаетъ на нервныхъ людей иногда въ самыя трагическія минуты... Нѣтъ, просто веселый смѣхъ, какимъ публика смѣется въ водевиляхъ и фарсахъ.

Я не вѣрила ни глазамъ, ни ушамъ...

— Лили, что съ вами?

— Какъ она... ку... кубаремъ... ха, ха!.. Хотѣла упасть въ объятія... ха, ха!.. да не разсчитала...

Поля добавила, извиваясь отъ смѣха:

— Оченно склезко,—вотъ по этой причинѣ... Ха, ха!

— Ха, ха, ха!!

Я встала черезъ силу и пошла. Лили, изумленная, схватила меня за руку...

Я оттолкнула ее: Елена Львовна была мнѣ противна, какъ ея отецъ, когда облаялъ меня на прощанье.

XXVII.

Ильинъ день. Безоблачное небо. Горячее, ликующее солнце...

На этотъ разъ Лили встала сравнительно рано. Я нашла ее утромъ въ саду.

Только что привезли блестящій металлическій шаръ, и она была всецѣло занята имъ. Смотрѣла, какъ ставятъ его передъ балкономъ, и восхищалась вмѣстѣ съ Журкой. Поздоровалась со мной ласково, но разсѣянно, и тотчасъ заговорила о шарѣ...

Помнитъ ли она, что произошло вчера? Глядя, какъ онѣ съ Полей дурачатся, разглядывая себя въ шаръ, я мысленно назвала ее «птичьей душой»...

Но въ это великолѣпное, лучезарное утро трудно было сердиться. «Виновата ли она, что никто не подумалъ воспитать въ ней человѣка?»

Лили упросила меня ѣхать съ ней къ обѣднѣ. По дорогѣ ластилась ко мнѣ, какъ маленькій ребенокъ... Я спросила:

— Жива ли Ольга?

— О!.. Здоровехонька!.. Насъ съ вами переживетъ.

Глядѣла на меня въ упоръ большими смѣющимися глазами... Такъ смотрѣлъ, бывало, полковникъ, когда говорилъ что-нибудь завѣдомо нелѣпое.

— А вы откуда знаете? Слышали отъ кого или посылали справляться?

— Ну, конечно, посылала... Аграфена бѣгала.

И опять взглянула на меня съ веселымъ вызовомъ, а потомъ принялась ласкаться. Точно забалованный ребенокъ хватается: «Полюбуйтесь, какъ я умѣю сочинять!»

Она указала мнѣ на необъятную старомодную коляску съ гербомъ, подъѣзжавшую къ церкви, и защебетала:

— Вонъ нашъ камергеръ пріѣхалъ... Одинъ изъ самыхъ крупныхъ помѣщиковъ въ уѣздѣ... Ужасъ, какой скаредъ! А ужъ праздника ни одного не пропуститъ... Самъ апостола читаетъ... Вы увидите, что это за потѣха... Здравствуйте, Георгій Саввичъ! Какъ я рада!

Африкановъ, лихо выпрыгнувъ изъ коляски, подошелъ къ намъ. Небольшая коренастая фигура въ голубомъ атласномъ пиджакѣ военнаго покроя пыжилась, стараясь казаться величавой. Коричневое отъ загара, гладко выбритое лицо съ прилизанными висками; сѣдые усы молодецки закручены кверху...

Камергерша — полная, красивая, поразительно моложавая. Черные маслянистые глаза, малиновыя губы, высокая грудь.

Съ ними—сынъ-юноша, румяный, жирный, весь въ мать. Круглая, какъ арбузъ, стриженная бобрикомъ голова и до смѣшного толстыя ноги, которыми онъ безпрестанно подрыгивалъ...

Африкановъ, видимо гордясь сыномъ, тотчасъ подвелъ его къ намъ... вѣрнѣе: къ Лили.

— Вотъ вамъ вашъ обожатель. Видите, каковъ сталъ?.. Кончилъ курсъ въ пажескомъ... На отличномъ счету... Будущій губернаторъ.

Говорилось шутливо, но не спроста, какъ и все здѣсь.

— Еще женишокъ,—шепнула мнѣ Лили.

Церковь была полна. Крестьяне почтительно разступались передъ господами. Еленѣ Львовнѣ кланялись привѣтливо, съ добрыми лицами, а Африкановыхъ провожали насмѣшливымъ шушуканьемъ.

Георгій Саввичъ молится необыкновенно усердно, дѣлая изъ этого какую-то демонстрацію: крестясь, вколачиваетъ персты въ грудь, возводитъ горѣ очи и руки. Мальчишки, шныряющіе кругомъ, указываютъ на него пальцами... А когда Африкановъ вышелъ читать апостола, и раздались звуки его блеющаго голоса, мальчишекъ пришлось прогнать изъ церкви...

При словахъ священника: «Съ миромъ изыдемъ!» появляется богатый баринъ Дудасовъ, о которомъ я уже наслышалась отъ Лили. Пожилой, но еще свѣжій, одѣтый съ изысканной небрежностью; въ одной рукѣ — чесучевая шляпа - каска, въ другой—толстая камышевая трость съ золотымъ набалдашникомъ.

Вошелъ съ чисто барственной развалкой, всталъ за спиной камергерши и началъ нашептывать ей: та краснѣла и отмахивалась. Потомъ онъ обратился къ Лили, и вскорѣ она вся тряслась отъ беззвучнаго смѣха.

А юркій Африкановъ уже стоитъ передъ аналоемъ, готовый приступить къ проповѣди:

— «Во имя Отца»...

— Ну, теперь не скоро доберемся до завтрака!—ворчитъ Дудасовъ.—И какъ ему не стыдно у поповъ хлѣбъ отбивать?

Африкановъ, съ витіеватымъ, холоднымъ паѳосомъ, долго и скучно говоритъ о страхѣ Божіемъ, о послушаніи властямъ, о священномъ значеніи собственности, особенно—помѣщичьей... Въ церкви нестерпимо душно, вездѣ—потныя, красныя лица, прилипшія ко лбамъ волосы. Слышится тяжелое дыханіе толпы; временами прорывается съ легкимъ стономъ старушечье: «О, Господи Исусе!.. О, Господи милосливый!»

— А, старый песъ!—раздается у меня за спиной.

Лили многозначительно подталкиваетъ меня локтемъ, шепчетъ:

— Это—Ѳедоръ...

Я оборачиваюсь, вижу мелькомъ безкровное, сердито сморщенное лицо, тонкую, жилистую шею...

Африкановъ видимо только еще входитъ во вкусъ... Не

надѣясь на скорый конецъ, изнемогая отъ духоты, я спасаюсь на церковный погостъ. Сажусь тамъ на траву подъ корявой ветлой, возлѣ пересохшаго прудика.

За угломъ передъ папертью размѣстились барскіе экипажи. Ихъ окружаетъ народъ, которому надоѣло стоять въ церкви... Слышу разговоры:

— Съ царской милостью васъ, Герасимъ Иванычъ!

— Почету-то теперича на трехъ возахъ не увезешь!

— У меня, братцы, этотъ почетъ вотъ гдѣ сидитъ.

— Ой? Что такъ, Герасимъ Иванычъ?

— Какъ получилъ камергера, не велитъ сидѣть при себѣ хоть ты что! Ну, въ пролеткѣ, само собой, стоять негдѣ, а зимой я съ нимъ принялъ муки. Сколько бы верстовъ ни ѣхали, — стой передъ нимъ торчкомъ! «Какъ это ты, мужикъ, будешь въ моихъ присутствіяхъ сидѣть?» Весной возилъ его по послѣднему снѣгу на богомолье, такъ ужъ не чаялъ, что живымъ доѣду: дѣло мое старое, ноги гудутъ, спинушку всеё, какъ есть, разломило,—а присѣсть не смѣй!

— Ишь, какой самолюбецъ!

— Ужъ истинно!

Разговоръ внезапно умолкъ: повалилъ народъ изъ церкви. Экипажи, одинъ за другимъ, поразъѣхались... Гдѣ же Лили?

Возвращаюсь въ церковь, вижу: Африкановъ, не спѣша, прикладывается къ образамъ, а камергерша ждетъ, бесѣдуя съ съ Лили и Дудасовымъ. Священникъ, разоблачившись, тоже ждетъ, не осмѣливаясь уйти...

Перецѣловавъ нижніе образа, Африкановъ притрогивается палкой къ верхнимъ, потомъ цѣлуетъ кончикъ ея. «Будущій губернаторъ» нетерпѣливо переступаетъ съ ноги на ногу и все спрашиваетъ: «Мама, да скоро ли?.. Да когда же, наконецъ?»

Но вотъ прикладываться больше не къ чему. Сдѣлавъ земной поклонъ передъ алтаремъ, камергеръ идетъ къ выходу, и мы—тоже. Лили, какъ водится, приглашаетъ всѣхъ къ пирогу.

Пролетка наша быстро и безшумно катитъ по проселочной пыльной дорогѣ. Грустно смотрѣть на пересохшія поля подъ безнадежно раскаленнымъ небомъ....

Африкановъ кричитъ намъ сзади изъ коляски:

— Отчего молебенъ о дождѣ не служите?

Лили волнуется. Она почти испугана:

— Ахъ, правда,—какъ же это я забыла?.. Непремѣнно, непремѣнно надо!..

И вдругъ разражается смѣхомъ.

— Знаете, какъ потѣшно. Когда у него бываетъ молебенъ, онъ указываетъ рукой, а самъ шепчетъ: «Это, Господи, мои поля, а это вотъ—крестьянскія». Я сама слышала... Умора.

Обгоняемъ Липатовну, плетущуюся изъ церкви. Еле переступаетъ больными ногами, прихрамываетъ, задыхаясь отъ жары и усталости: того гляди, упадетъ... Я предлагаю Лили подвезти старуху.

— Ничего, дойдетъ. Тутъ недалеко... Да Патушечка и сама ни за что не сядетъ... А знаете, какъ онъ дѣвчонокъ сѣчетъ?

— Кто?

— Да Африкановъ... Поймаетъ въ своемъ лѣсу съ грибами, сейчасъ—драть. Сѣчетъ и читаетъ: «Вѣрую»... ха, ха!—а самъ приговариваетъ: «Не я сѣку, Богъ сѣчетъ»... Какъ скажетъ: «И жизни будущаго вѣка. Аминь».—Такъ и отпуститъ...

Затѣмъ сообщаетъ мнѣ подъ строжайшимъ секретомъ, что камергерша была въ связи съ Шибаевымъ, «да, говорятъ,—и съ Дудасовымъ... Занятно? Ха, ха»...

— Смотрите: Липатовна присѣла, а встать не можетъ.

— Не безпокойтесь: дойдетъ... Ей спѣшить некуда... Смотрите, какой у Дудасова кабріолетъ. Вѣдь шикарно?.. Не правда ли? Четвертое состояніе проживаетъ...

XXVIII.

Къ кулебякѣ, захватившей добрую половину стола, пришелъ Соломятинъ. Смѣшно и дико было видѣть на немъ модный сюртучокъ, манишку, какой-то воздушный галстукъ...

Явился къ завтраку, но не хотѣлъ сѣсть за столъ. А когда Лили насильно усадила, онъ тотчасъ же расположился, какъ у себя дома...

Дудасовъ называлъ меня почему-то «матерью Анжеликой», а управляющаго — «маэстро» и «чугунно-литейнымъ»... Чтобы оживить разговоръ, вспоминалъ о томъ счастливомъ времени, когда въ Старожиловѣ хозяйничали безконтрольно Соломятинъ съ полковникомъ.

— Я все мечталъ погулять съ Еленой Львовной въ рощицѣ при лунномъ свѣтѣ,—а рощица-то тю-тю! Волшебное исчезновеніе. Никогда не думалъ, что цѣлая роща можетъ помѣститься въ карманѣ, хотя бы и очень просторномъ... Хе, хе!

Африкановъ помѣстилъ сына рядомъ съ хозяйкой и все дѣлалъ ему бровями какіе-то знаки, но «будущій губернаторъ»

ничего не замѣчалъ, жадно поглощая кусокъ за кускомъ. Лили подталкивала меня ногой, указывая глазами на прожорливость юноши, нарочно клала ему громадныя порціи и насмѣшливо жаловалась камергершѣ:

— Да онъ у васъ ничего не кушаетъ!

Самъ камергеръ бесѣдовалъ снисходительно съ батюшкой, наставляя его, какъ долженствуетъ читать проповѣди. Батюшка ежился, точно иззябъ, не зналъ, куда дѣвать глаза... Дудасовъ пришелъ ему на помощь:

— Давно ли вы, mon onc!'юшка, проповѣдывали съ амвона, что мужу дозволено жить съ женой лишь до сорока лѣтъ... Не себя ли самого ставили въ примѣръ мірянамъ? А вотъ у васъ, волею судебъ, оказывается вдругъ новорожденный. Откуда, позвольте спросить?

Бесѣда, къ удовольствію Дудасова и Соломятина, приняла игривый оборотъ. Теперь ежилась камергерша, а лицо Лили стало развеселымъ, какъ всегда, когда она видѣла человѣка въ щекотливомъ положеніи.

Африкановъ смѣялся по-генеральски и самодовольно твердилъ:

— Ахъ, лоботрясъ, лоботрясъ!..

XXIX.

Послѣ завтрака, который справедливѣе было бы назвать обѣдомъ, Соломятинъ откланялся, а Африкановъ съ Дудасовымъ, взявшись подъ руки и нѣжно поддерживая другъ друга, пошли на сѣновалъ «отдохнуть въ прохладѣ». Остальные разбрелись по саду, гдѣ Лили потѣшалась надъ молодымъ Африкановымъ, заставляя его ловить бабочекъ, лазить на деревья, бѣгать съ нею взапуски...

Батюшка подсѣлъ ко мнѣ на скамейку и сталъ жаловаться на камергера:

— Вездѣ читаетъ проповѣди за литургіей, а самъ полонъ грубыхъ суевѣрій. У него дома въ каждую икону засунуто по талисману... Не въ святыню вѣритъ, а въ свои ладонки... И на груди вмѣстѣ съ крестомъ носитъ...

Лили потащила насъ на балконъ къ самовару. Тамъ уже дожидались Ежовъ, въ длинномъ, торжественномъ сюртукѣ, и Сбитневъ, во фракѣ съ какимъ-то орденомъ.

Кузьмичъ приложился къ хозяйской ручкѣ, а Сбитневъ, на

правахъ родственника, расцѣловалъ Лили. Она поспѣшила отереть щеку платкомъ.

Затѣмъ Сбитневъ близко-близко подсѣлъ къ ней, гладилъ по рукѣ, вожделѣнно посматривалъ на ея жемчуга.

— А что же Маша! Какъ она?

— Вы же знаете: или спитъ, или мыльные пузыри надуваетъ...

— Какой вздоръ!

— Другихъ занятій у нея нѣтъ...

— Пузыри? Ха, ха!.. Какая смѣшная!.. Отчего же вы не привезли ее сюда?

Сбитневъ принялъ сиротливый видъ, отвелъ Лили въ сторонку и зашепталъ. Я успѣла напиться чаю, Ежовъ тоже «распарился до седьмого пота», а они все шептались.

Новый гость, наконецъ, разлучилъ ихъ: то былъ Бергамотовъ, здѣшній земскій начальникъ. Наслышавшись отъ Лили о немъ, какъ о циникѣ и драчунѣ, я была очень удивлена, когда увидала представительнаго господина, степенно одѣтаго, крайне корректнаго, утонченно любезнаго. Стелющаяся походка, граціозныя манеры, необыкновенно мягко поскрипывающіе сапоги... При этомъ слегка картавитъ и строитъ нѣжные глазки.

Но еще больше изумила меня непомѣрная радость, съ какою встрѣтила его Лили.

— Вотъ сюрпризъ!.. Какъ это мило съ вашей стороны! Какой вы добрый!

Усадила подлѣ себя и обворожила привѣтливостью. Бергамотовъ разговаривалъ съ нею, слащаво пришепетывая, вкрадчиво заглядывая въ глаза: совершенный котъ, сладострастно мурлыкающій при видѣ лакомаго куска!

Я не утерпѣла, шепнула Лили:

— Тоже женишокъ?

— Ахъ, надоѣли они мнѣ!

Но она, видимо, нѣжилась, слыша съ двухъ сторонъ льстивыя, сладкія рѣчи. Сбитневъ ударялся въ чувствительность и родственную задушевность, а Бергамотовъ бралъ красивой загадочностью, поэтическими оборотами рѣчи и тонкой, порой остроумной лестью...

Въ самый разгаръ изліяній пріѣхалъ Шибаевъ и моментально оттеръ отъ хозяйки обоихъ соперниковъ. Онъ привезъ поклонъ отъ Жигалова и гигантскую коробку конфектъ. Лили, всегда ужасавшаяся при имени Жигалова, чуть не до слезъ огорчилась:

— Такъ неужели крестный не пріѣдетъ? Въ такой день?.. Но это ужасно... Ахъ, какой онъ недобрый!

Шибаевъ взялъ ее подъ руку.

— Два слова, дорогая хозяюшка.

Увелъ съ дѣловымъ видомъ въ садъ, гдѣ они пропадали очень долго... Лили вернулась, смущенная, розовая отъ волненія, какъ будто недоумѣвающая.

И еще не одинъ разъ Шибаевъ бралъ ее подъ руку и уводилъ отъ гостей, а она шла за нимъ, покорная, точно провинившаяся...

Удивительный человѣкъ этотъ Шибаевъ! На первый взглядъ кажется такимъ неотесаннымъ, вульгарнымъ, но тотчасъ же начинаетъ поражать васъ феноменальной гибкостью: все знаетъ, видитъ, слышитъ, угадываетъ, всюду поспѣваетъ. Въ какіе-нибудь полчаса небрежно и незамѣтно успѣлъ вывѣдать у каждаго все, что нужно... Онъ какъ будто и меня изучилъ—по крайней мѣрѣ, я не могла отдѣлаться отъ этой мысли.

Глядя на его сильныя, жилистыя руки съ неугомонно шевелившимися пальцами, на холодные, пустые глаза, я относила его къ разряду людей, съ которыми одинаково опасны и дружба, и вражда...

Посторонній непремѣнно принялъ бы его за хозяина: такъ самоувѣренно и властно онъ держался. Обводя домъ и садъ взглядомъ ревизора, онъ, казалось, соображалъ: что здѣсь перемѣнить и что оставить по старому?.. Лѣвый глазъ Ежова неустанно слѣдилъ за нимъ съ восхищеніемъ, и мнѣ почему-то стало жутко за Лили...

Передъ обѣдомъ вползла на дворъ длинная-предлинная линейка: мужчины, дамы, барышни, дѣти... Въ нѣсколько секундъ Лили нашептала мнѣ кучу свѣдѣній:

— Обратите вниманіе: это—Опушкины. Вы ни за что не разберете, чьи здѣсь мужья, чьи жены, чьи дѣти?.. Всѣ, Богъ знаетъ до чего, перепутались между собой... Какой-то клубокъ... Тутъ ихъ такъ и зовутъ: «мои-твои-наши»... У нихъ есть одинъ дѣдушка, который моложе собственнаго племянника... А вонъ тотъ рыженькій говоритъ про другого: «Это — мужъ моей жены»... Ха, ха!

Потомъ пріѣхали еще и еще. О каждомъ Лили спѣшила передать мнѣ что-нибудь нелестное—и каждаго встрѣчала восторженными привѣтствіями...

XXX.

Обѣдали въ саду подъ яблонями за безконечнымъ столомъ, украшеннымъ цвѣтами. Появился откуда-то чудесный сервизъ, котораго я еще не видала, старинные кубки и бокалы самыхъ фантастическихъ размѣровъ и формъ. Все — красиво, богато, пестрѣетъ гербами, напоминаетъ объ отцахъ и дѣдахъ, матеряхъ и бабушкахъ.

Солнце весело искрилось въ длинныхъ рядахъ бутылокъ, флягъ, разноцвѣтныхъ кувшиновъ. Было шампанское, мороженое, много шуму, смѣху, поздравленій, тостовъ...

Африкановъ и Дудасовъ пришли съ сѣновала заспанные, съ измятыми лицами, съ клочьями сѣна въ усахъ. Тотчасъ же началось злословіе по адресу отсутствующихъ; общество сразу оживилось...

Когда эта тема изсякла, стали незамѣтно, почти машинально, подпускать шпильки другъ другу. Дудасовъ разсказалъ про дядю, какъ тотъ открылъ у себя въ паркѣ чудотворный источникъ, воздвигъ часовню и обложилъ богомольцевъ данью; Африкановъ въ свою очередь, повѣдалъ гостямъ о гувернанткѣ-француженкѣ, томящейся въ плѣну у Дудасова...

— Выписалъ для занятій съ дѣтьми, а вмѣсто дѣтей, оказался вотъ этакій лоботрясъ... Недаромъ тебя прозвали «Синяя борода».

По мѣрѣ того, какъ пустѣли бутылки, пламень злословія разгорался...

Мало-по-малу всѣ оказались задѣтыми этой перестрѣлкой намековъ, мало понятныхъ для меня, но многозначительныхъ для мѣстныхъ людей. Поднималась буря, шпильки и булавки уже летѣли картечью, лица пылали, голоса все возвышались... Кажется, это здѣсь—единственный способъ общественнаго оживленія.

Глаза Лили такъ и прыгали отъ удовольствія. Раза два подъ шумокъ она сказала мнѣ черезъ столъ: «О!.. Вотъ умора!» — и съ самымъ невиннымъ видомъ, какъ бы проговариваясь по наивности, сообщала во всеуслышаніе: «А какъ же Иванъ Терентьевичъ говорилъ про васъ?..» или: «А помните, какъ вы тогда съ Георгіемъ Саввичемъ?»..

И затихающія страсти снова разгорались. Уже слышались запальчивые возгласы:

— Па-азвольте!.. Послушайте, однако...

— Это вы на кого намекаете?

— А по какому, позвольте спросить, праву?...

— Потрудитесь объяснить, иначе...

И вдругъ у кого-то съ языка сорвалось слово: «революція». Перекоры во мгновеніе ока прекратились, всѣхъ охватило одно чувство, воцарилось примѣрное единодушіе. Теперь компанія представляла изъ себя одно сплоченное цѣлое, готовое ринуться дружно на общаго врага, отмстить за общую обиду...

Тутъ я узнала, что у Африканова сожгли ригу, у Шибаева работники забастовали и ушли въ самую страдную пору, Дудасову грозили самосудомъ... Можно было подумать, что это произошло не нѣсколько лѣтъ назадъ, а наканунѣ: до того свѣжи казались раны...

Въ атмосферѣ, пропитанной запахомъ винъ, цвѣтовъ и стерлядей, носилось ликующее злорадство, ожесточенное торжество побѣдителей, угрозы невидимому врагу... Кто этотъ врагъ? Странное дѣло: онъ представлялся мнѣ почему-то въ видѣ тщедушнаго, всесторонне ощипаннаго мужичонки, въ посконной рубахѣ, въ разношенныхъ до-нельзя лаптяхъ. Такихъ я видѣла во время обѣдни: они стѣснялись войти въ церковь и стояли передъ папертью...

Застольнымъ лидеромъ сталъ сразу Шибаевъ, какъ самый безпощадный, послѣдовательный, безцеремонный. Требуя «барапьяго рога», крутой и короткой расправы, онъ необыкновенно энергично ударялъ по столу ребромъ ладони: все точно кого-то гильотинировалъ...

— Никакихъ компромиссовъ, уступокъ, никакихъ поблажекъ!.. Въ зародышѣ истребить гидру!.. Срѣзать мозоль съ корнемъ, чтобы Россія не хромала... Разогнать либеральныхъ лягушекъ по ихъ норамъ... Мы требуемъ реванша!

Слово было найдено. Всѣ съ восторгомъ подхватили его: «Реваншъ!.. Да, именно, реваншъ!.. Намъ нуженъ реваншъ!»..

Предложенія, проекты, мѣропріятія сыпались одно за другимъ: «исключить такихъ-то дворянъ изъ сословія... очистить земство отъ разночинцевъ... требовать военнаго суда... строжайшій надзоръ... безъ послабленія... безъ разговоровъ... поставить на видъ прокурору... довести до свѣдѣнія владыки»...

Воспользовавшись паузой, Лили, которой ужъ успѣла надоѣсть политика, неожиданно спросила Дудасова:

— Сдали вы наконецъ свою мельницу?

— О, да.

— Кому?

— Этому пузатому... какъ его? Крыжовникову.

— Да неужели?! А какъ же Георгій Саввичъ хвалился?..

— Что-о?! Крыжовникову?!

Африкановъ пополовѣлъ. Толстая жила напружилась на низкомъ лбу, усы зашевелились, какъ живые.

— Вздоръ! Чушь! Онъ далъ мнѣ слово...

— А мнѣ—задатокъ...

Африкановъ ощерился.

— Значитъ, ты перебѣжалъ родному дядѣ дорогу?.. Даромъ, даромъ отдастъ, лишь бы дядѣ насолить! Промѣнялъ меня на купчишку?.. Ну, грабь, грабь... индюкъ проклятый!

— А вы, онклюшка, потише. Сами виноваты: зачѣмъ велѣли мельнику приподнять камень? Работа у васъ пошла спорая, да мука-то выходитъ скверная... Крыжовниковъ тоже не дуракъ.

— Врешь, врешь... христопродавецъ... безбожникъ... атеистъ!

Оба вскочили съ мѣстъ и стояли другъ противъ друга, придумывая слова поязвительнѣе. Ихъ тотчасъ окружили, стараясь успокоить. Лили сотрясалась отъ смѣха...

Африкановъ первый опомнился. Повернулся лицомъ къ колокольнѣ, виднѣвшейся вдали, широко перекрестился и молвилъ не безъ пафоса:

— Русское сердце великодушно!

Потомъ кротко обратился къ племяннику:

— Ну, мели на своей гнилой мельницѣ. Грабь дядю, пускай по міру. Помиримся... поцѣлуемся. Знаешь: по-русски, по-русски!

Они обнялись подъ громъ аплодисментовъ. Иванъ подалъ фрукты... Дудасовъ уже разсказывалъ о пляскѣ живота, которою любовался весной въ Будапештѣ.

Журка принесъ Лили письмо, запечатанное хлѣбнымъ мякишемъ.

Она прочла и, смѣясь, передала мнѣ. Въ письмѣ было написано самыми варварскими каракуляли:

«Енаральска дочка заплетеной скасой ву шахъ серги поздравляю спразника барышне воздушный поклонъ папашѣ поклонъ и уваженія»...

— Кто это?

— А вонъ!.. Полюбуйтесь.—Лили указала на отрепанную фигуру, просунувшуюся въ калитку.

Иванъ почтительно пояснилъ:

— Дурачокъ тутъ у насъ ходитъ, все къ барышнямъ сватается.

Шибаевъ нахмурился.

— Я бы этого идіота... Пошелъ прочь, дурень!

Дурачокъ продолжалъ стоять, дѣлая Лили знаки и посылая воздушные поцѣлуи. Барышни Опушкины взвизгивали отъ смѣха...

Изъ-за калитки протянулась рука, схватила незваного гостя за воротъ и потащила. Послышались глухіе удары нагайкой по живому тѣлу, вой и плачъ...

Дурачокъ бѣжалъ мимо загородки, охвативъ голову руками. Соломятинъ гнался за нимъ, ударяя нагайкой, по чемъ попало, и науськивая собакъ... Не помня себя, я кинулась за нимъ.

— Какъ вы смѣете?.. Оставьте его!.. Вѣдь онъ—больной, сумасшедшій!.. Лили, уймите же его!..

Соломятинъ отсталъ отъ дурачка, и только собаки продолжали гнаться, кусая за ноги... Я вернулась.

— Лили, вѣдь это же звѣрство!

Она запрокинулась на стулѣ и хохотала, хохотала...

XXXI.

Я лежала въ своей комнатѣ, совершенно разбитая, отравленная пошлостью этого празднаго дня. Изъ сада доносился черезъ раскрытое окно шумный говоръ, смѣхъ, визгъ, хлопанье пробокъ.

«Все еще пьютъ»!

Вотъ кто-то подъѣхалъ... Зажгли бумажные фанарики. Изъ глубины комнаты свѣтъ ихъ представляется мнѣ слабымъ отблескомъ далекаго зарева...

Граммофонъ сыгралъ гимнъ, и хриплый голосъ Африканова крикнулъ: «Ура!». Бергамотова упрашивали спѣть. Онъ долго ломается, наконецъ запѣваетъ: «Глядя на лучъ пурпурнаго заката»... Ради чувствительности поетъ: «пюрпюрнаго», а я въ это время думаю, какими отборными словами обрушится завтра на мужиковъ этотъ сладенькій, вкрадчивый теноръ...

Онъ кончилъ, апплодисменты стихли, и въ вечернемъ безмолвіи чутъ слышно прозвучалъ бабій хоръ на селѣ или еще дальше, за рѣкой.

Вотъ заиграли на аристонѣ вальсъ изъ «Боккачіо».

Кажется, танцуютъ...

Вошла Матреша съ кувшиномъ воды...

— Смѣху-то, смѣху-то... Я инда обезживотѣла. Тотъ бѣжитъ, ровно заяцъ, а Семенъ Данилычъ его урѣзываетъ... хи, хи!

Я попыталась объяснить ей, что тутъ нѣтъ ничего смѣшного, но Матреша продолжала болтать, смѣясь и икая. Была въ какомъ-то лихорадочномъ возбужденіи и казалась пьяной. Или, можетъ быть, башмаки привели ее въ такой ражъ? Въ первый разъ вижу ее обутой...

Гости надавали ей, кто пятачокъ, кто гривенникъ, и она съ упоеніемъ расхваливала господъ, особенно—Дудасова, который отвалилъ ей «цѣлый двугривенный».

— Этакой благородной личности, какъ у него, поискать— не найдешь!..

Передо мной была совсѣмъ не та Матреша, что такъ охотно читала, такъ толково разсказывала о прочитанномъ. Тупое, жадное лицо, льстивый тонъ, пошлый смѣшокъ... Обидно и досадно!

Прибирая въ комнатѣ, она восхищалась серьгами камергерши, кофточками «барышневъ» Опушкиныхъ, сюртукомъ Соломятина:

— Что твой король!.. Ужъ Семенъ Данилычъ промаху не дастъ: измордуетъ такъ, что любо-дорого! Дурачокъ-то отъ него на карачкахъ... хи, хи!

— Пошла вонъ, скверная дѣвчонка!

Матреша постояла, оторопѣлая, икнула и вышла.

Господи, до чего мнѣ сдѣлалось стыдно! Соломятинъ хлещетъ—а я развѣ не хлестнула сейчасъ такъ грубо эту маленькую дикарку? Какіе мы всѣ топорные, безсовѣстные, безчеловѣчные!.

Я бичевала себя, а внутри, на зло всему, скреблось темное, недоброе чувство, желаніе заклеймить кого-то позоромъ, «расправиться безъ послабленья», напугать, ошеломить. Сознаніе брезгливо отвертывалось отъ такихъ вожделѣній, но злоба продолжала сидѣть въ нервахъ, мышцахъ, кипѣла въ крови, заставляла до боли стискивать зубы...

Нѣтъ, я рѣшительно вѣрю въ существованіе моральныхъ микробовъ! Чувствую, какъ они отравили мнѣ душу. Это похоже на укусъ змѣи или бѣшеной собаки... Я и прежде не разъ замѣчала: вдругъ, безъ всякаго видимаго повода, закипаетъ въ сердцѣ ожесточеніе, на языкъ просятся грубыя, злыя слова... Да, я отравлена!

Въ дверь постучали. «Вотъ, наконецъ, и Лили»!

— Войдите.

Вошелъ Ребринскій. Забывъ поздороваться, рухнулъ на стулъ и молча сидѣлъ, свѣсивъ голову. Лицо подергивалось нервной дрожью.

— Что съ вами? Случилось что-нибудь?

Онъ потиралъ колѣнки, точно у него болѣли ноги, и не могъ начать...

— Что васъ такъ разстроило:

— Видите ли, Марья Павловна...

Кое-какъ справился съ собой и заговорилъ сохлымъ, обрывающимся голосомъ:

— Я рѣшаюсь обратиться къ вамъ... Какъ это ни странно, но... Такъ продолжаться не можетъ... Вы знаете, что я люблю ее... Если вамъ кажется, что я, какъ всѣ эти господа, охочусь за богатой невѣстой...

— Вовсе нѣтъ.

— Мнѣ ее жаль... Мнѣ страшно за нее!.. Еще когда она была дѣвочкой, жила здѣсь безъ ласки, безъ призора, я уже мучился за нее: она была въ то время такая хорошая, сердечная и... несчастная... Когда умерла мать, она осталась на попеченіи отца... Вѣдь вы знаете немножко, что это за отецъ?.. Я съ ума сходилъ, думая о ея судьбѣ: вѣдь ей Богъ знаетъ что грозило!.. Мы были друзьями, вѣрили другъ другу... Я просилъ ея руки, — полковникъ слышать не хотѣлъ... Теперь она самостоятельна, но уже не та, что была... Вѣдь правда? Впрочемъ, я и забылъ, что вы только недавно познакомились съ нею... Какая она теперь? Не знаю... Можетъ быть, ее испортили деньги, женихи, лесть? Можетъ быть, она увлеклась другимъ?.. Я ничего, ничего не знаю! Понимаете: ничего!.. Но самое ужасное: я и не могу узнать. Она никогда не скажетъ опредѣленно... А если скажетъ, то все это такъ несерьезно, двусмысленно... Увѣряетъ, что любитъ больше прежняго, а ведетъ себя, какъ чужая... Вы сами видѣли это... Божится, клянется, что вѣритъ только мнѣ, но какъ будто никому и ничему не вѣритъ... Сегодня обѣщала дать рѣшительный отвѣтъ... Я для того и пріѣхалъ... И вотъ не могу сказать съ ней наединѣ двухъ словъ... Она или дурачится, или шепчется съ Шибаевымъ, Сбитневымъ... Вѣдь это похоже на какую-то насмѣшку. Впрочемъ, я даже не знаю, на что это похоже... Я ничего, ничего не понимаю!

— Да вы бы попробовали написать ей.

— Безполезно. Много разъ писалъ — и получалъ въ отвѣтъ какіе-то ребяческіе пустяки... Обращаюсь къ вамъ потому, что не въ силахъ больше сюда ѣздить. Къ чему безцѣльная пытка?

Каждый разъ подъѣзжаю къ крыльцу и краснѣю отъ мысли, что меня еще издали видятъ въ окна и думаютъ: «вотъ онъ опять ѣдетъ сюда въ погонѣ за богатой невѣстой!» Это до такой степени оскорбительно... Переступаю порогъ, спрашиваю себя: «Да къ кому иду? Что она за человѣкъ?». И уѣзжаю отсюда всегда съ тѣмъ же вопросомъ... Хоть вы отвѣтьте мнѣ наконецъ: кто она?

Странный этотъ Ребринскій! Образованный, неглупый и, кажется, честный, но въ немъ—что-то недоговоренное. Природа усѣяла его душу, при самомъ рожденіи, какими-то многоточіями, и онъ на всю жизнь остался на перекресткѣ, не зная, куда идти: направо—или налѣво?..

Въ саду съ трескомъ взвилась ракета. Ребринскій всталъ.

— Я чувствую, что она виситъ на волоскѣ... Не знаю, чѣмъ доказать, но это такъ: повѣрьте... Сердце болитъ за нее... Она выйдетъ за Шибаева и погибнетъ... Бога ради, поговорите съ ней, убѣдите ее! У меня опускаются руки...

Я обѣщала. Онъ простился и ушелъ съ видомъ приговореннаго.

Долго трещали ракеты, шипѣлъ бенгальскій огонь. Что-то пѣли, кричали... Вотъ опять хлопаютъ пробки: это ужъ на балконѣ...

Прощаются, уѣзжаютъ. Бубенчики и голоса гостей: «До свиданія! Къ намъ, къ намъ пожалуйте!».

Я раскрыла окно... На меня глянула безлунная ночь и крупныя, дрожащія звѣзды въ глубокой синевѣ.

На балконѣ и у крыльца еще шумѣли, но казалось, что все это упало вдругъ куда-то низко-низко и глухо доносится, словно изъ бездоннаго колодца...

Царятъ однѣ звѣзды.

Долго-долго глядѣла на нихъ, не отрываясь, напряженно внимая ихъ безмолвнымъ, загадочнымъ рѣчамъ...

— Господи, какіе мы всѣ несчастные!

XXXII.

Прохожу утромъ мимо передней, слышу гнѣвно шипящій голосъ и какую-то возню. Въ испугѣ спѣшу туда и застаю такую сцену: Аграфена стаскиваетъ съ Матреши башмаки, а та брыкается, извиваясь на полу...

— Сымай сейчасъ башмаки! Съ ногами оторву!

— Что вы дѣлаете, Аграфена?

— Вѣдь отняла у нея вчера, спрятала. Такъ нѣтъ же, разыскала сквернавка... Сымай, сымай, подлая!

— Да отчего вы ей не позволяете?..

— А вы спросите, откуда у нея? Соломятинъ наградилъ... Такъ развѣ Соломятка расщедрится спроста?.. Подай башмаки, проклятущая!!

Матреша, всхлипывая, сняла башмаки и выбѣжала. Мать погрозила ей вслѣдъ:

— Своими руками задушу, ежели что!..

Потомъ обратилась ко мнѣ:

— «Поступай, говоритъ, къ намъ въ услуженіе. Полтора цѣлковыхъ положу»... Да озолоти онъ меня, не отпущу къ нему дѣвчонку... Знаю! Насмотрѣлась!.. У кучера-то—вотъ, что привезъ васъ—дочь была какая милая: толстая, крѣпонькая... чисто вотъ катокъ! Такъ вѣдь обратилъ... вовсе еще дѣвчонкой была! Узнали отецъ съ матерью, такъ и ахнули. Думали: на дворовую не отважится... Отецъ съ испоконъ вѣку въ барскихъ кучерахъ... Такъ ужъ до чего они ее били! Все было тихо, хорошо, а тутъ безперечь вой въ избѣ... Били—били, а она: «хоть пополамъ, говоритъ, рвите, а убѣгу къ нему!» Убѣжитъ,—тамъ Соломятинъ ее дубаситъ, вернется домой,—отецъ примется возжами свѣжевать... Такъ и зачахла дѣвка. Да одна ли она? А Наташка? Та моложе моей была... А Кулагинская дѣвчонка?

— Неужели здѣсь такъ-таки никто и не вступится?

— А кому вступаться-то? Нешто полѣзетъ кто?.. Тутъ и своей шкуры не берегутъ, а ужъ за чужую... Нѣтъ, одно дѣло: надо проситься у барышни опять на хуторъ, а то станетъ онъ нашимъ злодѣемъ на всю жизнь. Вотъ проснется Елена Львовна,—буду кланяться: скорѣй отъ грѣха подальше!..

Но барышня, вставъ, тотчасъ захлопоталась. Съ непостижимой для нея быстротой выстроила на головѣ башню, подрумянилась и вышла изъ спальни въ парадномъ платьѣ, во всѣхъ жемчугахъ... У крыльца уже ожидала чисто-начисто вымытая коляска.

— Отвяжись ты, Аграфена, съ своими глупостями! Некогда, некогда мнѣ!

— Куда вы, Лили?

— Визиты нужно отдавать... Такая скука!

— Не сами ли говорили, что не поѣдете ни къ кому изъ этихъ «уродовъ».

— Нельзя же... Неловко... Я вчера обѣщала... Вы, конечно, не знаете нашихъ обычаевъ...

Говорила со мной суше обыкновеннаго, и тутъ я впервые подмѣтила въ ней стремленіе провести между нами пограничную черту.

Вечеромъ сидѣла у себя за книгой, какъ вдругъ снизу донеслись заглушенные вопли... Что еще такое?

Бросаю книгу, бѣгу... Въ темнотѣ подъ лѣстницей кого-то хлещутъ, а изъ каморки раздается злой, скрипучій голосъ Липатовны:

— Такъ, такъ!.. Жучь ее хорошенько!.. Не жалѣй ремня... Дай ей настоящую выволочку, чтобы до смерти не забыла...

— Аграфена, опомнитесь! Развѣ можно такъ?

Аграфена выскочила ко мнѣ, разъяренная, съ страдальческимъ лицомъ.

— Вѣдь опять убѣгла къ душегубу подлая дѣвчонка!.. Вномъ напоилъ гниду этакую!.. Ужъ жена ко мнѣ прибѣжала... Исполосую я тебя, Матрешка, живого мѣста не оставлю!.. На всю ночь ремнемъ привяжу... Марья Павловна, голубушка, защитите отъ злодѣя!!

Она снова бросилась подъ лѣстницу... Опять удары и вой...

Большого труда стоило мнѣ вырвать изъ ея рукъ полупьяную дѣвочку.

XXXIII.

Лили вернулась ночью и съ шумомъ ворвалась ко мнѣ. Даже не спросила: можно ли?—не извинилась, какъ дѣлала всегда. Зажгла свѣчку, сѣла на постель...

— Кажется, я васъ разбудила?.. Ну, я на минутку.

Она была въ пальто, колоссальной шляпѣ съ перьями, съ модньшъ зонтикомъ въ рукахъ... Положила мнѣ на столикъ необыкновенно крупную грушу, всю въ пыли.

— Вотъ вамъ гостинца...

Была какъ-то ухарски оживленна и развязна, но глаза упорно избѣгали моего взгляда.

— Угадайте, гдѣ я была.

— Кто жъ васъ знаетъ?

— У Шибаева—вотъ гдѣ! Удивлены?

— Зачѣмъ вамъ понадобилось?..

— Онъ у насъ—образцовый хозяинъ. Всѣ къ нему ѣздятъ учиться...

Пустилась описывать хозяйственные таланты Шибаева, и я лишній разъ подивилась на ея практичность и смекалку: «Не отъ матери ли унаслѣдовала?»

— Ну, а вы какъ тутъ? Все съ книжками?

— Нѣтъ, не только съ книжками...

Я разсказала про Матрешу и Соломятина.

— А, такъ вотъ онъ каковъ! Все продолжаетъ за дѣвчонками?.. Кажется, пора бы ужъ... Вотъ я ему завтра намекну: какъ-то онъ запоетъ?.. А знаете: онъ колотитъ свою жену. Какъ вамъ это нравится? Она ужъ не разъ прибѣгала съ жалобами...

— Ну, тутъ мы не можемъ ему помѣшать, а вотъ относительно Матреши...

— Нѣтъ, вообразите: вѣдь это мы съ папой высватали ему невѣсту. Забавно, не правда ли?.. Папа думалъ: «вотъ женимъ его,—онъ и станетъ поскромнѣе...» А онъ, какъ видите... У насъ въ городѣ—магазинщикъ знакомый, нашъ поставщикъ: такъ это его дочь... Хорошее приданое за ней Соломятинъ взялъ... Но только и умора же была! Передъ свадьбой невѣстина мать привозитъ ему мебель и все обзаведеніе: кровать хорошую, умывальникъ мраморный... Да вы не слушаете? А я вамъ говорю: такая потѣха! Наши бабы, конечно, сбѣжались смотрѣть, да всѣ съ ребятами на рукахъ... Мать въ шутку и говоритъ: «Откуда васъ столько понасыпало, да все съ младенцами?» А кто-то возьми да крикни:—Дѣти-то Соломятина, а бабы-то—чужія!.. Ужъ и смѣху было!.. Мать хотѣла даже на попятную, да мы съ папой урезонили... Папа сталъ увѣрять: «Врутъ они! Это все—мои дѣти». Ха, ха!.. Папа вѣдь любитъ разныя выдумки...

— Послушайте... Надо же принять мѣры. Нельзя такъ оставить Матрешу...

— Да, да, конечно... Впрочемъ, знаете что я думаю: пока ее держали въ черномъ тѣлѣ, она ничего себѣ не позволяла, а какъ только стала заниматься съ вами, сейчасъ же...

— Вы хотите сказать, что я во всемъ виновата?

— О, что вы! Богъ съ вами!.. Но, видите ли... просвѣщать народъ... внушать ему разныя понятія... Вообще, мнѣ кажется, это довольно рискованно. То есть, я хочу сказать...

— Послушайте, Лили, да не сами ли вы стояли такъ горячо за просвѣщеніе?..

— Ну да, разумѣется... Я и теперь стою... А только...

Можетъ быть, спокойнѣе будетъ, если ихъ не трогать? Вѣдь вотъ, напримѣръ, Матрешка...

Я спорила, доказывала... Лили какъ будто устыдилась...

— Да, да, конечно. Вы правы... Это я такъ только... на всякій случай...

Но въ лицѣ застряло знакомое мнѣ упрямо-затаенное выраженіе. Глаза упорно прятались...

— Пріятно провели вчера время съ Владиміромъ Васильевичемъ?—Она смотрѣла на меня исподлобья недобрымъ взглядомъ.

— А, вы ужъ знаете?

— Ваша же Матрешка сказала...

— Послушайте, Лили... къ чему этотъ тонъ? Поговоримъ по дружески.

Я приласкала ее, и лицо Лили стало опять, какъ когда-то, грустнымъ и мягкимъ. Что-то простодушное, дѣтское блеснуло въ глазахъ, такихъ безпомощно-покорныхъ...

Передавъ ей разговоръ съ Ребринскимъ, я спросила: сохранилось въ ней къ нему прежнее чувство, о которомъ она мнѣ не разъ разсказывала?

Она закрыла лицо платкомъ и, какъ казалось, плакала...

— Ахъ, вы не знаете, до чего я обожаю папу!..

— Лили, при чемъ тутъ папа?

— Онъ ненавидитъ Владиміра Васильевича, называетъ «голландскимъ нищимъ...» Мама тоже не любила его.

Получалось впечатлѣніе, будто Лили—наивный, слабовольный ребенокъ, безпрекословно послушный родительской волѣ... Но теперь я уже мало вѣрила этому.

— Просто, вы не любите Ребринскаго.

— Не люблю?! Богъ мой, что вы говорите! Вы же знаете... У меня одинъ онъ только и есть. Да еще—вы!... Кромѣ его да васъ я никому не вѣрю. Право же, Марья Павловна, я такъ одинока!..

Все это вырвалось у нея съ такой искренностью, съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ, что я опять начала вѣрить... Вдругъ глаза ея омрачились.

— Какъ жаль, что онъ—не дворянинъ!. Т. е., не настоящій дворянинъ... Вѣдь вотъ, какая я несчастная!

Это было до того неожиданно, что я просто обомлѣла, растеряла всѣ мысли...

— Шибаевъ—ужасный человѣкъ... да. Но онъ—дворянинъ, родовой, исконный. И хозяинъ, какихъ мало... Да если хотите знать, онъ ужъ не такой злой, какъ о немъ говорятъ... У насъ любятъ очернить человѣка...

— Но вѣдь это жъ дико, Лили! Что вамъ «дворянство?» Столбовой, личный, потомственный... Развѣ въ этомъ счастье?

Я наговорила ей кучу фразъ, которыя для людей нашего круга звучатъ прописью, но для Лили все еще являются верхомъ свободомыслія. Она молча слушала: лицо становилось все упрямѣй. Вдругъ громко расплакалась злыми, капризными слезами...

— Нѣтъ, пусть лучше у меня все отберутъ—имѣнье, деньги, брилліанты,—пусть меня пытаютъ, хоть повѣсятъ, а я ни за что въ мірѣ, ни за милліонъ милліоновъ не откажусь отъ дворянства!.. Дворянское званіе для меня всего дороже... Нѣтъ, нѣтъ, не говорите, не заставляйте меня!.. Я не хочу, не хочу, не могу!..

Насилу я успокоила ее, усадила рядомъ съ собой, погладила по головѣ...

— Давайте же, обсудимъ спокойно. Никто васъ не можетъ принудить: вы—человѣкъ взрослый, независимый... Если вамъ кажется, что съ Шибаевымъ вы будете счастливы...

— Счастлива? Я—съ такимъ, какъ Шибаевъ? О, нѣтъ, никогда! Мнѣ на роду написано не быть счастливой. И бабушка, и мама были несчастны... Я выйду за нелюбимаго человѣка... Мнѣ все равно... Такова ужъ моя судьба... У меня одно желаніе: учиться, развиваться... какъ мама. О, я такъ уважаю ее за это! Я преклоняюсь передъ ней!.. Если чѣмъ и горжусь, такъ—мамой. Нѣтъ, нѣтъ, вы не бойтесь: я не стану падать духомъ... У меня не будетъ любви, не будетъ счастія, но за то я вся отдамся занятіямъ, умственному труду. Никуда не буду ѣздить, стану жить, какъ въ монастырѣ... Выпишу какъ можно больше книгъ, цѣлую библіотеку—русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ—буду изучать языки... Вотъ мнѣ итальянскій хочется ... Буду читать, переводить, писать сочиненія... А вы будете пріѣзжать ко мнѣ каждое лѣто. Ды вы могли бы даже поселиться...

Она болтала, замѣтно повеселѣвъ, и за разговоромъ машинально съѣла грушу...

Мы проговорили до зари, и, когда я наконецъ улеглась, то долго не могла понять: плакать мнѣ хочется—или смѣяться?

XXXIV.

Сегодня 1-е августа. Оглядываюсь на прожитое время и вижу, что мы съ Лили почти ничего не сдѣлали.

Ежедневно утромъ она плачется мнѣ на то, какъ «они всѣ» грубы, пошлы, какая мука таскаться къ нимъ. Послѣ этого ѣдетъ куда-нибудь «съ визитомъ» и пропадаетъ до ночи.

Все больше убѣждаюсь, что она избѣгаетъ меня. Ей какъ будто представляется, что она унизила себя передо мной откровенностью. Или боится, какъ бы я не заговорила съ нею о разныхъ щекотливыхъ вопросахъ?..

Но я уже не заговариваю. Что толку? На ея лицѣ такъ ясно значится: «Можетъ быть, вы и правы, а я все-таки сдѣлаю по-своему».

Не забѣгаетъ больше ко мнѣ по вечерамъ, и я коротаю ихъ въ одиночествѣ: читаю, пишу вотъ эти записки...

Впрочемъ, однажды, вернувшись изъ гостей раньше обычнаго, она зашла ко мнѣ съ письмомъ.

— Вотъ смотрите, что за негодный этотъ Сбитневъ! Маша пишетъ, что онъ выгоняетъ ее изъ дому... А она—больная... Да и куда жъ ей теперь? На улицу?.. Просто, ни на что не похоже. Что мнѣ дѣлать? Посовѣтуйте.

— Надо прежде всего съѣздить къ ней, узнать...

— Да, да, конечно... Только... видите ли?—этотъ Сбитневъ—такой противный, такъ льнетъ ко мнѣ, лебезитъ. Меня всегда тошнитъ отъ лести... А онъ—какой-то липкій, скверный: прямо, невыносимо!.. Вы знаете, онъ хотѣлъ жениться на мнѣ? Честное слово! Обвинилъ сестру въ развратѣ, наклеветалъ на нее и требовалъ развода... Тогда я была еще несовершеннолѣтней, а папа былъ на его сторонѣ. Ужъ и не знаю, какъ я отвертѣлась... Да что вы думаете? Онъ и теперь еще не теряетъ надежды жениться на мнѣ. А у самого въ каждомъ городѣ шарманка.

— Шарманка?

— Ну да: любовница... содержанка. Такъ у насъ называютъ... Вѣдь вотъ, какой безстыжій!.. Съѣзжу завтра, возьму Машу и привезу сюда: пусть живетъ у меня. Нельзя въ самомъ дѣлѣ терпѣть такіе ужасы. Меня это, просто, съ ума сводитъ...

Но, вмѣсто Сбитневыхъ, отправилась къ Африкановымъ:

— У нихъ тамъ крестный ходъ, молебенъ съ хоругвями. Я ужъ дала слово...

Потомъ понадобилось ѣхать къ Дудасову:

— Къ нему-то ужъ обязательно. Уѣзжаетъ за границу: проститься надо... Кстати—и на француженку его посмотрѣть...

Такъ проходили день за днемъ. Лили жаловалась на Сбитнева, ужасалась за сестру, но не ѣхала къ ней и даже на письмо не отвѣтила.

Такое же поразительное безучастіе выказала она и къ своей Патушечкѣ. Та съ Ильина дня лежитъ въ коморкѣ подъ лѣстницей, больная, заброшенная, и Лили не удосужится навѣстить ее.

— Ахъ, Боже мой, надо доктора пригласить. Марья Павловна, напомните мнѣ, ради всего святого!

Я напомнила разъ и два, потомъ рѣшила сама послать за врачомъ. Липатовна замахала на меня руками:

— И, что вы это, барышня! Елена Львовна терпѣть не могутъ... Да и виданное ли дѣло? Нешто я барыня? И такъ отлежусь... Въ жисть свою не лечилась.

Равнодушіе Лили нисколько не удивляетъ ее:

— Тоже барыня покойная, бывало, пройдетъ мимо: «Лежишь, Липатовна?»—«Лежу, молъ, матушка барыня».—«Ну, лежи, лежи, да не залеживайся»... И вправду, не залеживались: моды такой барыня не дозволяла, чтобы хворать, или тамъ валяться...

XXXV.

Прошли обильные дожди съ грозами, и нога уходила по колѣно въ размокшій черноземъ. Стало трудно не только ходить, но и ѣздить. Лили засѣла дома.

Мое время проходило въ томъ, что я гонялась за нею по всему дому съ книгой, стараясь улучить моментъ и присадить ее на полчаса. Не успѣешь развернуть книгу, какъ Лили вспомнитъ что-нибудь и бѣжитъ распорядиться, а черезъ минуту уже слышишь ея хохотъ съ Полей въ саду или на дворѣ.

По прежнему болтаетъ съ прислугой, съ Соломятинымъ, да еще съ Ежовымъ, который повадился ѣздить. Но больше всего дурачится съ Журкой: цѣлуетъ до боли, вертитъ до головокруженія, закармливаетъ, забаловываетъ, запугиваетъ... Мальчикъ позеленѣлъ, сталъ вялымъ, капризнымъ, взбалмошнымъ.

Я все порывалась образумить ее, но она заранѣе настораживалась, смотрѣла исподлобья съ запальчивымъ упрямствомъ. Заговаривать въ такія минуты было безцѣльно...

Наконецъ, я не выдержала. Съ мальчикомъ случилось что-то въ родѣ припадка, и я стала упрекать Лили.

— Надо же пожалѣть ребенка, тѣмъ болѣе, что онъ—вашъ братъ.

— Братъ?!

— Лили, вы лучше меня знаете это.

Она вспыхнула.

— Это все—мерзкія сплетни. Журка—Матрешкинъ братъ, а ужъ никакъ не мой. Слышали?

Она остановила на мнѣ сосредоточенно-упрямый, безумно-злой взглядъ: такъ смотритъ съ портрета Елена Юрьевна...

XXXVI.

Жестокая здѣсь сторона! Удивительное равнодушіе къ чужимъ (да кажется, и къ своимъ) страданіямъ!

Ни къ чему тутъ не относятся такъ пренебрежительно, какъ къ живому существу.

На дняхъ изувѣчило въ молотилкѣ работника, молодого парня. Пока раздумывали, гдѣ добыть лошадь, чтобы послать за докторомъ, да и стоитъ ли посылать: можетъ, и такъ обойдется?— парень истекъ кровью и умеръ. Большинство отнеслось къ этому съ угрюмымъ безучастіемъ:

— Не суйся на рожонъ... Не зѣвай по сторонамъ, ворона.

Ольга вернулась изъ больницы, хромая, жалкая, съ отшибленной грудью. Всѣ убѣждены, что она не долго протянетъ, но это не мѣшаетъ имъ встрѣчать и провожать ее смѣхомъ: «Ишь, какіе кренделя ногой выдѣлываетъ! Аккуратъ, кикимора...» «Лавочникъ, Ѳедосѣй Гуляевъ, любитель «душистой сирени», раздробилъ вору голову желѣзнымъ шкворнемъ, «инда мозги вонъ полѣзли»... Ѳома Кіушкинъ, въ отместку сосѣду, выкололъ глаза его лошади... Пьяный хапиловецъ заснулъ на рельсахъ, и поѣздъ отрѣзалъ у него руку. «Теперь одной помахиваетъ, безрукій дуракъ!»

Всѣ подобныя извѣстія принимаются съ какимъ-то особеннымъ, глумливымъ злорадствомъ. Надъ кѣмъ они смѣются? Не надъ собой ли? «Мы, дескать, таковскіе!»

Утонула въ омутѣ дѣвчонка, объѣлся бѣлены чей-то ребенокъ—все это какъ будто въ порядкѣ вещей: никого не возмущаетъ, не страшитъ...

Здѣсь и пошутить-то не умѣютъ. То пришлютъ къ больному гробовщика изъ города снять мѣрку, то всунутъ пріятелю завѣдомо фальшивую бумажку...

Вчера Соломятинъ купался.—«Пашка, подай мыло!» Тотъ подаетъ... Соломятинъ хватаетъ мальчика и, шутки ради, швыряетъ въ рѣку. Ребенокъ до сихъ поръ ходитъ, какъ очумѣлый.

Если такъ не бережно относятся къ человѣку, то о животныхъ и говорить нечего. Держать собакъ десятками и не кормить ихъ считается вполнѣ естественнымъ. Лошадей истязаютъ, какъ нигдѣ, куръ рѣжутъ какъ-то особенно радостно, смакуя ихъ предсмертныя конвульсіи. Убой свиней производится самымъ

варварскимъ способомъ: ткнутъ ножомъ въ горло и пустятъ, чтобы изъ свиньи кровь стекала; какъ только кровь пойдетъ потише, опять поковыряютъ рану ножомъ или веретеномъ—и опять пустятъ. Иная свинья живетъ такъ сутокъ по-двое...

Передъ моей дверью спитъ собаченка Мушка. Лили давно спрашиваетъ всѣхъ въ домѣ: «Когда же у Мушки будутъ щенята?» Ей кажется, что скука ея сразу пройдетъ, что въ жизни ей не хватаетъ только «маленькаго, бѣленькаго, пушистенькаго щеночка»...

Третьяго дня ночью меня разбудилъ странный шумъ за дверью: кто-то стучалъ объ стѣну, Мушка жалобно визжала... Я вышла со свѣчей и увидала полураздѣтую Полю: она стояла въ углу спиной ко мнѣ и долбила чѣмъ-то въ стѣну... Мушка ползала у ея ногъ, уныло взвизгивая.

— Что вы тутъ дѣлаете?

Пелагея вздрогнула, обернулась, тупо поглядѣла на меня. Въ кулакѣ у нея былъ зажатъ новорожденный щенокъ...

Лили встрѣтила меня утромъ, опечаленная.

— Вообразите: у Мушки только одинъ щенокъ, да и тотъ мертвый... А я-то мечтала!

— Трудно остаться въ живыхъ, если тебя бьютъ головой объ стѣну...

Узнавъ, въ чемъ дѣло, Лили пришла въ ярость.

— Проклятая Поляшка! Лѣнивица подлая! Ей не хочется ходить за щенкомъ,—вотъ она и убила. Это, просто, палачъ какой-то!.. Нѣтъ, сію же минуту вонъ изъ дому: не могу видѣть ея звѣрской рожи!

Липатовна тоже была возмущена:

— Конечно, собака она, собака и есть, тварь бездушная... Да вѣдь барскій щенокъ-то! Не могла шельма курносая барышнѣ удовольствія доставить?

Полю прогнали. Признаюсь, я о ней мало жалѣла; но Ивана это пришибло. Едва Поля покинула домъ, какъ онъ напился до потери сознанія и ночевалъ въ грязной канавѣ...

XXXVII.

— Представьте: она у Соломятина!

— Кто?

— Да Поляшка... Прямо отъ меня и перебралася. Никому въ голову не пришло... Вотъ хитрая дѣвка! Это страшно интересно... Сейчасъ пошлю за ней.

Вскорѣ явилась Пелагея. Держалась развязно, даже немножко свысока. На всѣ разспросы отвѣчала коротко и упрямо:

— Въ услуженіе... Дитю ихняго няньчить.

— Ха, ха!.. А жена какъ? Чаемъ тебя поитъ?

— Не у нея нанималась... Что—жена? Разъ плюнуть!

— Нѣтъ, да ты уморительная!.. А Ивана своего видѣла?.. Что-то онъ тебѣ скажетъ?

— Подсолнечникъ-то? Да я и вниманія не возьму...

Чтобы смягчить горничную, которая продолжала дуться, Лили подарила ей шарфъ и заставила подробно разсказать, какъ она убивала щенка. Нѣсколько разъ прерывала ее восклицаніями: «Но это ужасно! Какое злодѣйство!»—и требовала все новыхъ подробностей... Глаза горѣли упоеньемъ.

Наконецъ, отпустила Пелагею, приказавъ ей побожиться, что она будетъ забѣгать и разсказывать о своей новой жизни. Онѣ помирились...

— Вотъ еще у насъ варваръ: садовникъ. Каждую весну травитъ кошекъ. Онѣ гоняются за птицами,—онъ на нихъ собакъ и науськаетъ. Кошка—на дерево, онъ въ нее—камнемъ... Она свалится, какъ клубокъ, а тутъ ее собаки и примутъ. Знаете: буквально въ клочья... Потомъ цѣлую недѣлю морды—въ крови. — И опять глаза Лили подергивались сладострастіемъ и еще чѣмъ-то шалымъ и жестокимъ...

Случай съ Полей такъ заинтриговалъ ее, что она велѣла подать коляску и, не смотря на дождь, поѣхала къ Опушкинымъ разсказывать.

Иванъ, кажется, еще ничего не знаетъ, но уже чувствуетъ что-то подозрительное. Весь насторожился, ходитъ самъ не свой... Броситъ накрывать на столъ, подбѣжитъ къ окну, высматриваетъ... или вдругъ остановится съ горячимъ самоваромъ въ рукахъ и начинаетъ тревожно прислушиваться. Лицо его въ эти минуты такое жалкое: растерянное, испуганно-недоумѣлое...

Когда по двору проходитъ Соломятинъ въ своемъ ослѣпительномъ картузѣ, въ высокихъ, блестящихъ сапогахъ, Иванъ провожаетъ его долгимъ, какъ будто застывшимъ взглядомъ, отъ котораго мнѣ становится жутко. Ясно: онъ уже догадывается...

XXXVIII.

Въ сумерки я вышла въ садъ. Меня встрѣтилъ косой, холодный дождикъ и порывъ пронизывающаго вѣтра. На дворѣ выла собака... вѣроятно, съ голодухи. Изъ-подъ расползшагося

песка проступала на дорожкахъ черная, липкая грязь... Непривѣтливо и мозгло!

Вернулась, взяла книгу, сѣла въ портретной. Молоденькая, но сутуловатая и сухая, какъ старуха, Аннушка, взятая на мѣсто Пелагеи, принесла мнѣ лампу. За окнами стало сразу темно, какъ ночью, а по стѣнамъ и неосвѣщеннымъ угламъ забѣгали знакомыя тѣни...

Въ домѣ особенно пустынно и тихо. Не слышно каблуковъ Поли и ея вѣчнаго хихиканья. Матрешу увела мать на хуторъ, Журку утащила съ собой Лили, чтобы не такъ страшно было возвращаться темной августовской ночью... Иванъ куда-то исчезъ; Липатовна лежала у себя подъ лѣстницей, испуская тяжкіе вздохи; Аннушка скользила по дому, ступая босыми ногами мягко и неслышно, какъ кошка...

Вѣтеръ бросалъ въ окна снопы сердитыхъ капель, и чудилось, будто темныя полчища тѣней лѣзутъ назойливо сквозь стекла и оконныя щели... Читая, я все прислушивалась къ тишинѣ въ домѣ, къ шуму деревьевъ въ саду. Что-то потрескивало въ стѣнахъ, въ полу, скреблись и пищали мыши (ихъ тутъ видимо-невидимо!), жужжали бьющіяся въ паутинѣ мухи... и беззвучно сновали повсюду тѣни старой усадьбы.

Давно уже я не видала ихъ здѣсь, а вотъ теперь снова ожили, зашевелились, забезпокоились...

Портретъ Елены Юрьевны отдѣляется отъ стѣны, растетъ, округляется, подплываетъ все ближе... Глаза, такіе ясные, трезвые и вмѣстѣ безумные, смотрятъ на меня неподвижно, въ упоръ, прожигаютъ душу... Встряхиваю головой, отгоняю галлюцинацію: портретъ виситъ на мѣстѣ, но какъ будто колеблется, дѣлая волнообразныя движенія... «Не пойти ли лучше въ свою комнату?»

— Вздоръ! Не слѣдуетъ поддаваться пустымъ страхамъ.— Нарочно говорю это вслухъ, опять углубляюсь въ книгу.

Смолкли всѣ звуки, и на одинъ неизмѣримо краткій моментъ, какъ это нерѣдко бываетъ, все оцѣпенѣло отъ бездонной тишины. Пораженная мертвымъ безмолвіемъ, я вздрогнула, оторвалась отъ книги... и вдругъ заслышала какой-то странный смѣшокъ, тихій, точно шепотъ за стѣной. Сердце тоскливо сжалось, заныло отъ безпокойнаго предчувствія...

Сомнѣній нѣтъ: это смѣется она, Елена Юрьевна! Смѣется одними глазами, но вся вздрагиваетъ отъ смѣха, такого злорднаго, зловѣщаго: «Ну-ка, посмотримъ, какъ вы тутъ безъ меня? Подождемъ еще немного!»

Я вскочила, не помня себя, не успѣвъ еще отдать себѣ отчета въ происшедшемъ. Каждый нервъ дрожалъ во мнѣ, кричалъ отъ ужаса. И въ то же время я чувствовала, что у меня не хватитъ силъ переступить порогъ, повернуться спиной къ этимъ страшнымъ, смѣющимся глазамъ... Я стояла, какъ прикованная, держа въ похолодѣвшихъ рукахъ лампу...

Вдругъ со двора донеслись дикіе крики и странный, нечеловѣческій вой. Торопливый топотъ на крыльцѣ, ударъ еще и еще ударъ... Кого-то били, кто-то рычалъ, стоналъ...

«Что за проклятый домъ!»

Я бросилась въ переднюю. Навстрѣчу вбѣжалъ со двора Иванъ, блѣдный, съ размазанной по лицу кровью. Болтался оторванный рукавъ пиджака; рубашка подъ нимъ была исполосована, такъ что просвѣчивало голое плечо.

Вслѣдъ за Иваномъ влетѣла освирѣпѣлая Пелагея.

— Что, дуракъ несчастный, получилъ на орѣхи? Всыпали?.. И по дѣломъ! Впередъ не суйся, не спросясь, подсолнечникъ желтый!

Иванъ, задыхаясь, стоялъ подъ стѣнной лампочкой, глядѣлъ мутными глазами на невѣсту.

— Благодари Бога, дурень, что живъ остался! Кабы не я, костей не собралъ бы, сиволапый. Мокренько бы отъ тебя было!

Иванъ долго шевелилъ побѣлѣвшими губами, потомъ выговорилъ:

— Вотъ спасибо... Вотъ спасибо... Вѣкъ не забуду...

И столько тоски, столько неутолимой злобы притаилось въ едва слышныхъ словахъ, что даже Пелагея опѣшила.

Изъ-подъ лѣстницы протипѣлъ голосъ, налитый до краевъ ненавистью:

— Убить тебя мало, лохудру! И за что тебя, шкуреху, хлѣбомъ кормятъ? Обопсѣла на барскихъ харчахъ!

— Вотъ смерти-то Богъ не даетъ!—крикнула Пелагея и, вильнувъ задомъ, вышла на крыльцо.

Всю ночь, даже когда я забывалась чуткимъ сномъ, грызла меня жгучая ненависть. Случалось мнѣ прежде злиться, негодовать, но до сихъ поръ я не знала, что такое настоящая ненависть, безпрерывная, неотступная, сверлящая. Это—прямо физическое чувство: каждая жилка дрожитъ отъ гнѣвнаго, невыносимаго зуда. Понимаю, какъ такая ненависть можетъ туманить разсудокъ, толкать на убійство, пламенно жаждать крови... Заставлю себя думать о чемъ-нибудь другомъ или зажгу свѣтъ и попробую читать, а передъ глазами неотвязно стоитъ нена-

вистный... Кто онъ? Не знаю... Въ немъ странно смѣшиваются всевозможныя отвратительныя черты: то это—тупая, нахальная Пелагея, лѣнивое, безсердечное животное, падкое лишь до нарядовъ. лакомствъ и амуровъ, то—самодовольное, жульническое лицо Соломятина, его выпяченная грудь въ золотисто-желтой рубашкѣ, его жесткій, словно металлическій картузъ, надѣтый на бекрень... Вдругъ изъ-за нихъ выступаетъ нижняя челюсть Кайсарова, лоснящійся подбородокъ... Шевелятся изжелта-сѣдые усы Африканова, прыгаетъ камышевая трость Дудасова, гильотинируетъ кого-то Шибаевъ... И вдругъ замутится все внутри, засверлитъ злоба, сожмутся конвульсивно кулаки...

«Что за каторжная сторона!»

XXXIX.

Утромъ Иванъ принесъ мнѣ въ столовую кофейникъ, поздоровался, какъ всегда. Былъ очень блѣденъ, но какъ будто спокоенъ. Меня поразило только, что онъ совсѣмъ не стыдится разбитой скулы и страшныхъ кровоподтековъ подъ глазами: это на него такъ не похоже.

Хотѣла было заговорить, но не рѣшилась: ужъ очень странное лицо, и волосы, какъ у покойника.

— Хорошо отдѣлали! — произнесъ онъ и, усмѣхнувшись, вышелъ.

Насилу дождалась я, когда Лили проснется: она вернулась на разсвѣтѣ и проспала дольше обыкновеннаго... Наконецъ, Аннушка понесла ей какао съ разными закусками, и я отправилась за нею въ спальню.

Застала Лили, по обыкновенію, въ постели. Вчерашнее выѣздное платье, жемчуга, деньги—валялись, гдѣ были брошены. Карманные часики попали въ тарелку съ остатками яблочнаго киселя, до котораго Лили была страстная охотница.

— Поздно вернулись?

— Да. Такую даль ѣхала... Вѣдь я еще заѣзжала къ Шибаеву посовѣтоваться... Промерзла до костей, обголодалась отъ холода... Какъ пріѣхала, такъ сейчасъ же—за ѣду... Видите?

Она кивнула на объѣдки вчерашняго ужина въ тарелкахъ, судкахъ, блюдечкахъ. Грязный ножикъ съ вилкой лежали на раскрытой книгѣ; Лили читаетъ ее вотъ уже больше мѣсяца.

— Пока вы путешествовали, у насъ тутъ произошло...

Она перебила съ раздраженіемъ:

— Знаю, знаю! Вѣчно эти исторіи!.. Ну, вотъ я прогнала Пелагею, а что толку? Одна мука... Эта горбатая ничего не умѣетъ. Наказала ей вчера, чтобы мнѣ приготовили чего-нибудь горячаго, а она и не подумала. Я, Богъ знаетъ, что кушала... Да и Журку нечѣмъ было погрѣть: даже самовара не приготовили!.. Это же—безобразіе! Нѣтъ, теперь надо Ивана-скандалиста прогнать, а Пелагею вернуть.

— Скандалитъ-то не Иванъ...

— Вотъ мило!.. Кто же?

— Соломятинъ.

Сразу вся ненависть вспыхнула во мнѣ, и я сказала противъ Соломятина цѣлую обвинительную рѣчь; припомнила и коровъ Лили, и плутни управляющаго во время опеки, и его варварское обращеніе съ людьми: сворачиваетъ скулы, вырываетъ бороды...

— Ну, знаете, съ нашимъ народомъ нельзя деликатничать... Вонъ, посмотрите-ка, какъ Шибаевъ распоряжается... Да и мама умѣла держать въ ежовыхъ, а она лучше насъ съ вами знала крестьянъ...

— Значитъ, вы считаете нужнымъ отдавать народъ въ руки такому живодеру, какъ Соломятинъ или его родственникъ, арендаторъ? За что вы такъ облюбовали ихъ? Не за то ли, что оба грабятъ и крестьянъ, и господъ?..

— Да, да... это — ужасные люди. Я не могу видѣть ихъ безъ содраганія...

— А развратъ, которымъ Соломятинъ загрязнилъ всю округу? Всѣ эти насилія, обманы, преступленія?..

— Ахъ, вы не знаете, сколько я изъ-за него крови себѣ перепортила! То—къ слѣдователю, то—къ исправнику... Просто, невозможно!

— И все-таки продолжаете держать его, да еще приголубливаете?

Лицо Лили вдругъ стало безсмысленнымъ и хитрымъ, какъ бываетъ только у сумасшедшихъ.

— О!.. Какъ вы, извините меня, наивны!.. Сегодня я ему откажу,—завтра же всѣ потащутъ его къ себѣ нарасхватъ. Первый—Дудасовъ... А Африкановъ ужъ пробовалъ переманить его... Да Соломятинъ мнѣ тогда такъ навредитъ: жизни не рада будешь!.. Съ хлѣботорговцами онъ—другъ-пріятель: сейчасъ же перетащитъ ихъ къ другому помѣщику. Африкановъ-то—себѣ на умѣ... Соломятинъ испортитъ мнѣ продажу хлѣба, скота... да рѣшительно всѣ мои дѣла!.. Вѣдь вы сами знаете, какой онъ

плутъ?.. Но главное,—онъ будетъ всячески мстить: разскажетъ сосѣдямъ про меня, про папу съ мамой. Онъ вѣдь у насъ сколько лѣтъ служитъ, всѣ наши секреты знаетъ... Да онъ, Богъ знаетъ, чего наговоритъ! Тогда хоть на глаза никому не показывайся...

— Да, вотъ вы чего боитесь?

— Я вообще не боюсь, а только... Уйди онъ, — народъ сейчасъ же взбунтуется. При немъ, конечно, не смѣютъ, а безъ него... Вы бы вотъ послушали, что онъ разсказываетъ: того и гляди, подожгутъ... или перерѣжутъ всѣхъ помѣщиковъ.

— Да неужели вы не понимаете, что онъ нарочно пугаетъ? Если кого здѣшній народъ ненавидитъ, такъ именно его, а никакъ не васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы черезчуръ довѣрчивы, а ужъ я-то знаю... Да развѣ можно вѣрить нашему народу? Шибаевъ правду говоритъ: «Держитесь за Соломятина обѣими руками, а то головы не сносить»...

Какъ я ни убѣждала ее, она уперлась на своемъ: «Нѣтъ, нѣтъ, вы не знаете... Убьютъ, ограбятъ, сожгутъ»... Потомъ перестала перебивать и молча прихлебывала съ ложечки какао, посматривая на меня съ тупымъ, несокрушимымъ недовѣріемъ, словно готовая отразить предательскій ударъ...

Я невольно умолкла подъ этимъ взглядомъ, затаеннымъ, подстерегающимъ, сосредоточенно-упрямымъ... На щекахъ Лили зардѣли вдругъ два красныхъ пятнышка, глаза прищурились съ хищнымъ видомъ, затѣмъ широко раскрылись, круглые, цинично-откровенные... Послышался тихій, почти беззвучный смѣшокъ. Она глядѣла на меня, не сводя глазъ, и молча хихикала...

Жуткій холодъ пробѣжалъ у меня по спинѣ: то былъ смѣхъ Елены Юрьевны...

XL.

Въ тотъ же день вечеромъ я укладывалась, чтобы уѣхать домой съ ночнымъ поѣздомъ.

Закрывъ корзину, повернулась къ окну и вскрикнула: стекла были залиты отблескомъ близкаго пожара.

Какъ сумасшедшая, бросилась внизъ... Въ залѣ Лили каталась въ истерикѣ; Липатовна, сама чуть живая, отпаивала ее водой, уговаривала, крестила...

Я выбѣжала на дворъ. Горѣлъ флигель Соломятина... Молніей сверкнуло въ головѣ: «Это—Иванъ»! Вдругъ вспомнилось, что я съ утра не видѣла его: обѣдъ подавала, вмѣсто Ивана, Аннушка...

Соломятинъ, смертельно блѣдный, злой и перепуганный, самъ качалъ изъ пожарной машины. Тутъ же стояла, съ плачущимъ ребенкомъ на рукахъ, его жена, жалобно скуля и причитая: «Разбойники!.. Душегубы»!.. Она едва держалась на ногахъ: животъ какъ будто перевѣшивалъ ее.

Толпа народу сгрудилась передъ крыльцомъ. Одни дѣйствовали, по указанію Соломятина, баграми, другіе выносили изъ дому его вещи, третьи лѣзли въ огонь безъ всякой видимой надобности, изъ одного усердія... Часть толпы просто глазѣла, не двигаясь, и по ихъ лицамъ нельзя было понять, жалѣютъ они или злорадствуютъ?

— Что же вы пнями стоите, дьяволы? — бѣшено крикнулъ Соломятинъ.—Воды везите скорѣй, чтобъ вамъ...

Посыпался градъ мерзкихъ ругательствъ. Зѣваки точно проснулись и кинулись за водой...

— Старайтесь, ребята: можетъ, онъ вамъ на чай... посулитъ?

Я обернулась и узнала Ѳедора, котораго видѣла мелькомъ въ церкви: худое, какъ бы изглоданное лицо, плотно сжатыя безкровныя губы, впалые, безпокойно блуждающіе глаза, грязная, распоясанная рубаха...

Соломятинъ посмотрѣлъ на него звѣремъ. Ѳедоръ съ вызовомъ подвинулся къ нему...

— На каторгѣ будешь!..—прошипѣлъ управляющій.

— Слѣдомъ за вашимъ благородіемъ пойду.

Пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ урядникъ и тотчасъ же врѣзался въ толпу съ какимъ-то запальчиво-растеряннымъ видомъ...

И вотъ со всѣхъ сторонъ послышалось: «Иванъ... Гдѣ Иванъ?.. Не видалъ ли кто Ивана»?..

Нѣсколько человѣкъ бросились вразсыпную разыскивать. Въ догонку имъ бѣжалъ голосъ Ѳедора:

— Поспѣшайте, поспѣшайте!.. Уважьте Семенъ Данилыча: авось, поднесетъ на новоселье?..

Соломятинъ шептался съ урядникомъ. Мнѣ показалось, что онъ указываетъ глазами на меня... Даже послышались слова: «Аттестованная сицилистка»...

Если бы можно было арестовать за чувства, мнѣ бы не

сдобровать: такое злорадство ощущала я при видѣ напрасныхъ усилій потушить огонь. Странная вещь—человѣческое сердце! Я всегда протестую противъ кулачной расправы, насилій, поджоговъ, убѣждена, что подобныя лекарства опаснѣе самой болѣзни. Если-бъ я предвидѣла, непремѣнно постаралась бы отговорить Ивана отъ такой мести... Но теперь, когда дѣло сдѣлано, я чувствую удовлетвореніе отъ мысли, что существуютъ предѣлы человѣческому терпѣнію, что не всѣ еще превратились въ безотвѣтныхъ рабовъ. Есть страхъ и на самаго наглаго насильника, ждетъ его какое-то возмездіе... Я не знаю ничего болѣе безнравственнаго, какъ покорно подставлять шею и думать, что она именно для этого и существуетъ! Если народная душа обратится въ тряпку, это будетъ хуже, безнадежнѣе всякихъ безчинствъ, поджоговъ, самосудовъ: безпорядки рано или поздно прекращаются,—но какъ вы превратите тряпку въ живую человѣческую душу?..

У крыльца тройка вороныхъ позвякиваетъ бубенцами: посылаютъ за становымъ... Пробѣжала задами Пелагея, направляясь къ господскому дому... Показалась изъ-за угла хромая Ольга, погрозила кому-то кулакомъ, скрылась...

Трещитъ пламя, лопаются стекла, заливается благимъ матомъ ребенокъ Соломятина... Тройка отъѣзжаетъ, кучеръ, какъ безумный, хлещетъ по лошадямъ...

Рухнула крыша крыльца. Изъ толпы доносится:

— Нѣтъ, при покойной барынѣ не посмѣли бы! При ней такихъ дѣловъ не водилось... Ужъ она показала бы!..

Возвращаюсь въ домъ. Липатовна снимаетъ со стѣнъ образа, увязываетъ въ узелъ... Откуда берутся у нея силы?

Лили въ своей комнатѣ. Достаетъ изъ шифоньерки деньги, бумаги, кладетъ въ сумочку, перевѣшенную черезъ плечо. Взглянула на меня искоса...

— Это все вы, вы!.. Теперь-то я васъ поняла!

Я пожала плечами.

XLI.

— Нно!.. Трогай!

Свиснулъ кнутъ, и мы медленно тронулись на усталыхъ лошаляхъ отъ пустого крыльца: никто меня не провожалъ. Липатовна лежала у себя подъ лѣстницей, ожидая смерти, а Иванъ такъ и не возвращался... Выбѣжалъ ко мнѣ одинъ Журка, но

такъ какъ было холодно, а онъ—не одѣтъ, то я наскоро поцѣловала его и прогнала въ комнаты... Въ окнѣ показалась нечесаная голова Елены Львовны:

— Уѣзжаете?

— Да, какъ видите.

— Всѣ ли я вамъ деньги заплатила?

— Всѣ, всѣ!

— А у Соломятиной выкидышъ... Слышали?.. Вотъ, что вашъ Иванъ надѣлалъ!

Она закрыла окно, задернула занавѣску... Я видѣла, какъ она наблюдаетъ за мной въ уголокъ, не прикрытый занавѣской, и мнѣ чудился вчерашній смѣхъ... Ненависть, мучившая меня прошлой ночью, переходила теперь на эту избалованную безпринципную барышню, пустую, глубоко невѣжественную, вѣчно праздную, вѣчно лживую. Никого она не любитъ, кромѣ себя, ничего на свѣтѣ не уважаетъ, ни во что не вѣритъ, ничѣмъ не интересуется. Безгранично равнодушна ко всему, кромѣ денегъ, своего дворянства, неряшливой болтовни, ѣды и флирта. Бездонная, безнадежная пустота!..

Проѣхали мимо почернѣвшаго отъ дождей сада, чуть не провалились на мостикѣ, сколоченномъ наскоро передъ праздникомъ, миновали недостроенную церковь на могилѣ Елены Юрьевны. Кучеръ указалъ на свѣсившійся крестъ, выразительно вздохнулъ:

— Эхъ, обидѣли покойницу!

Поровнялись съ прудикомъ, полнымъ и мутнымъ послѣ ливней. Кучеръ повернулся ко мнѣ:

— Что тутъ ребячьихъ душъ загублено, барыня! Перомъ не описать.

— Какъ загублено?

— Каждой весной всплываютъ они... приблудныя-то. Прошедшій годъ, какъ есть, три ребенка... Истинный Богъ! Положимъ, дѣти они... какъ сказать? — не настоящія, а все же... Тутъ, чай, однихъ Соломятинскихъ сколько въ воду пущено!..

На перекресткѣ встрѣтили батюшку со святыми Дарами: оказалось, ѣдетъ соборовать Липатовну.

— А вы отъ насъ на свою сторону?

— Да, батюшка... Пора.

— А мы вотъ тутъ...

Батюшка вздохнулъ и понурился...

— Ну, счастливаго пути!

И онъ, утопая по ступицу въ грязи, затарахтѣлъ на телѣжкѣ...

Обогнали вереницу мужиковъ и бабъ, направляющихся къ станціи: всѣ—чахлые, пригнутые къ землѣ, съ жиденькими мѣшками.

— Богомольцы, что ли?

Кучеръ пренебрежительно махнулъ рукой...

— Какіе богомольцы! Просто, шляндаютъ, побираются... Само собой—отъ тѣсноты...

И вотъ снова эта грязная, угрюмая, полутемная станція, сердитые околыши, грубые голоса въ буфетѣ, подозрительные взгляды, пыль и вѣтеръ въ «дамской»...

Скорѣй, скорѣй домой! Увидѣть интеллигентныя лица, послушать рѣчи, продиктованныя не однимъ грубымъ и хищнымъ эгоизмомъ!

Полулежа въ тускло освѣщенномъ вагонѣ третьяго класса, я вспоминала, подъ непрерывный стукъ колесъ, о Лили, слышала ея хихиканье... Казалось, она все еще смотритъ мнѣ вслѣдъ и злорадствуетъ: «Ха-ха!.. Уѣхала, не солоно хлебавши?.. Хотѣла повернуть меня по своему? Не на таковскую напала!..»

Вижу передъ собой ея презрительно сощуренные глаза—и съ удивленіемъ чувствую, что нѣтъ въ моемъ сердцѣ ни тѣни вражды къ ней. Горечью и болѣзненной жутью отдается во мнѣ этотъ смѣхъ, что-то роковое, непоправимое выглядываетъ изъ-за кулисъ этихъ красивыхъ, шалыхъ глазъ...

Тоскливый праздникъ, полный пресыщенія и унылой растерянности!.. Праздникъ—безъ конца, безъ радости, безъ смысла, отдыхъ—безъ работы, мысль—безъ содержанія, пустопорожнее, выморочное сердце, глухо ропщущее, изнывшее отъ холода... Толпа чужихъ людей, грубыхъ и жадныхъ, вѣчно смѣняется, какъ на постояломъ дворѣ. Безбрежная, зіяющая пустота, гдѣ безслѣдно исчезаютъ мысли, чувства, порывы, гаснутъ всѣ лучи. А тамъ, внизу, на днѣ—мертвыя кости...

Эпилогъ.

Прошло около двухъ лѣтъ. Я ничего не слышала о Кайсаровыхъ. Петербургская жизнь, пестрая, торопливая, переполненная черезъ край всевозможными суррогатами дѣлъ, всегда спѣшныхъ, неотложныхъ, петербургскіе миражи, все еще заста-

вляющіе насъ, путниковъ, суетиться и прибавлять шагу, всѣ эти безнадежныя упованія, сумеречные просвѣты, приливы чахлой бодрости, въ соединеніи съ петербургскими туманами, флюсами, дороговизной, холерой и неусыпностью властей,—отодвинули меня далеко-далеко отъ Старожилова и его обитателей. Они уже начали представляться мнѣ какими-то миѳами...

Вернувшись вечеромъ съ уроковъ, я нашла у себя на столѣ письмо, написанное карандашомъ по дѣтски крупно и криво:

«Многоуважаемая Марья Павловна!

Молю васъ: примите участіе въ гибели моей! Къ Вамъ бы первой обратилась за спасеніемъ, если бы отъ Васъ зависѣло... Въ Васъ видѣла больше всѣхъ человѣчности и правды. Такая гибель можетъ страшить каждаго. Страдаю годы безчеловѣчнымъ образомъ. Марья Павловна, молю Васъ: умолите спасти или застрѣлить. Здѣсь не мѣсто мнѣ находиться. Спастись, быть схимницей, и другой жизни не могло бы быть для меня теперь. Раскаиваюсь прежней жизни своей, къ сожалѣнію—слишкомъ поздно. Молю Васъ: умолите спасти или застрѣ...»

Тутъ же приложена записка отъ Софьи Ѳедоровны: проситъ заѣхать къ ней, «поговорить о бѣдной Эленъ», прилагаетъ свой адресъ.

«Что же это съ Лили? Гдѣ она?»

Больно заныло въ сердцѣ, вспомнились слова Ребринскаго: «виситъ на волоскѣ... погибнетъ».

Всю ночь не давали мнѣ покою то мрачныя думы, то тяжелые сны. Шевелились самыя черныя подозрѣнія: ужъ не попала ли въ когти Шибаеву? не замѣшались ли тутъ интриги Сбитнева?..

Утромъ бросилась къ Софьѣ Ѳедоровнѣ—въ ту самую гостиницу, гдѣ впервые познакомилась съ Кайсаровыми... Какъ и въ тотъ разъ, долго ждала въ салонѣ.

Наконецъ, Софья Ѳедоровна вышла ко мнѣ, постарѣвшая и опечаленная. Вся утопала въ кружевахъ.

— Ахъ, какъ я рада, душечка, что вижу васъ! Цѣлую недѣлю разыскивала по Петербургу... Простите, что не приглашаю васъ въ номеръ: Левъ Борисовичъ еще въ постели, да и безпорядокъ тамъ у насъ страшный. Мы уѣзжаемъ сегодня въ Ниццу, такъ какъ мое здоровье сильно расшаталось, да и Левъ Борисовичъ...

— А Елена Львовна?

— Ахъ, это ужасъ одинъ! Вѣдь она сейчасъ—въ психіатрической лечебницѣ. Кажется, признана безнадежной...

Меня какъ громомъ поразило, и опять замелькали подозрѣнія: да ужъ не упряталъ ли ее самъ полковникъ, при содѣйствіи господъ Жигаловыхъ и Сбитневыхъ?

— Она еще въ прошломъ году заболѣла... Умерла Липатовна, ея старая нянька .. Помните? Это почему-то страшно подѣйствовало на Эленъ... Потомъ они съ Ребринскимъ разошлись. Какая-то нелѣпость сплошная... Я рѣшительно отказываюсь понимать... Сама повернулась къ нему спиной, и потомъ— сама же въ отчаяніи. А тамъ вышли какія-то несогласія съ крестьянами изъ-за земли: тоже очень разстроило ее... Вообще, какія-то ненормальности... Эленъ стала всѣхъ подозрѣвать. Она и прежде была подозрительна, а тутъ ужъ дошла прямо до маніи: ни съ кѣмъ не разговаривала, пряталась ото всѣхъ, все уѣзжала куда-то и никому не говорила, изъ всего дѣлала секреты... Наконецъ, помѣшалась на томъ, что она безобразно толста: «это идетъ къ купчихѣ, а не къ дворянкѣ». Принялась лечиться отъ толщины, всячески изводила себя: пила уксусъ, спала въ корсетѣ, старалась нажить малокровіе... Да всѣхъ сумасбродствъ не перечислишь... Потомъ нашла, что лицо у нея слишкомъ вульгарно: поѣхала въ Парижъ выправлять его... Что она дѣлала за границей, никто не знаетъ, только вернулась совсѣмъ ужъ больная. Привезла кучу платьевъ, корсетовъ... какія-то маски, пружинки: цѣлый арсеналъ!.. И какимъ-какимъ пыткамъ не подвергала себя! Все хотѣла «наружность облагородить»... Кончилось тѣмъ, что стала рѣшительно отказываться отъ пищи. Пришлось помѣстить въ лечебницу... Навѣстите ее, пожалуйста, она такъ часто вспоминаетъ о васъ, такъ хочетъ видѣть...

— Пустятъ меня къ ней?

— Я возьму сейчасъ у Льва Борисовича пропускъ для васъ. Онъ дастъ вамъ письмо къ доктору...

Она ушла за пропускомъ, а я сидѣла, точно придавленная камнемъ. «Нѣтъ, полковникъ тутъ, кажется, ни при чемъ... Значитъ, она въ самомъ дѣлѣ душевно-больная?»

И вдругъ я увидала передъ собой, какъ тогда въ вагонѣ, странные глаза Лили. Мнѣ показалось, что еще въ тотъ разъ смутное предчувствіе пугало меня...

— Вотъ вамъ письмо къ доктору... Левъ Борисовичъ тоже проситъ васъ навѣстить бѣдную. Вѣдь она тамъ теперь совершенно одна. Мое присутствіе раздражаетъ ее, такъ что я перестала бывать, а отцу, просто, не подъ силу видѣть ее въ такомъ положеніи... Сколько народу около нея толпилось! Помните? И хоть бы одна душа заглянула...

Въ тотъ же день я была у Лили. Помѣщалась она въ одной изъ частныхъ лечебницъ, извѣстной главнымъ образомъ своей дороговизной.

У порога ея комнаты сидѣла флегматическая дѣвушка, няня или сидѣлка, нанятая спеціально для Лили. Она тотчасъ же стала жаловаться мнѣ казеннымъ голосомъ на больную; не желаетъ ѣсть, не хочетъ умываться, гулять въ саду и проч.

Я вошла въ большую прекрасно обставленную, но совсѣмъ не уютную комнату. Цвѣты въ тяжеловѣсныхъ горшкахъ и кадкахъ, декоративно разставленные, заключали въ себѣ что-то казенное и непривѣтливое: красная бархатная мебель напоминала объ отдѣльномъ кабинетѣ богатаго ресторана...

Лили лежала на постели въ модномъ платьѣ. Я чуть не ахнула при видѣ страшно исхудалаго, изможденнаго, землистаго лица... Носъ заострился, глаза потухли и какъ будто силились уйти совсѣмъ внутрь... Парижское шикарное платье успѣло обмызгаться: швы протерлись, рукава лоснились, кое-гдѣ висѣли нитки, виднѣлись масляныя пятна...

Но больше всего, кажется, поразили меня руки: желто-восковыя, точно мертвыя. Онѣ какъ будто потеряли способность гнуться: вотъ-вотъ сломаются отъ перваго неожиданнаго движенія!..

Лили устремила на меня сквозь пальцы мертвой ладони мутный взглядъ, нѣкоторое время разсматривала подозрительно, потомъ вдругъ узнала, несказанно обрадовалась. Притянула къ себѣ на постель, конвульсивно обняла, принялась ластиться, какъ прежде...

Я уже ничего не видала отъ слезъ, застилавшихъ глаза... Слышала быструю, безсвязную, стремительную рѣчь, гдѣ бредъ безумія переплетался съ воплемъ измученной души, сознающей себя, озирающейся съ ужасомъ...

— Это ужасно, ужасно!.. Какое-то околѣваніе... Раскаиваюсь въ своей прежней жизни... Великій грѣхъ... Возьмите, увезите!.. Не мѣсто мнѣ тутъ... Замолила бы грѣхи свои... Въ васъ я всегда видѣла гуманное обращеніе... Трудъ долженъ хорошо оплачиваться... Вѣдь это—труженики... Я уважаю... Это—такіе удивительные!.. Свѣтлая память... Ахъ, декабристы, декабристы!

«Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните долгое терпѣнье»...

Она заговорила объ освобожденіи крестьянъ, о Тургеневѣ... Въ головѣ у нея вертѣлся какой-то чудовищный калейдоскопъ: Герценъ... «Записки охотника»... «Антонъ Горемыка»... сороко-

вые годы... шестидесятые годы... Смутные отблески всего, что мы съ ней читали, о чемъ разговаривали въ Старожиловѣ... «Нѣтъ, я—Лаврецкій!.. я—Лаврецкій!.. Что же жизнь? Прошла!.. Все прошло»!..

Порой она вставляла цѣлыя цитаты изъ прочитаннаго, и тогда казалось, будто она отвѣчаетъ на экзаменѣ. Затѣмъ, какъ бы оправдываясь въ чемъ-то, начинала говорить о своемъ прошломъ: «Но такая ужасная обстановка!.. Раскаиваюсь, раскаиваюсь»!..

Тусклый, монотонный голосъ, сдавленный тоской, непрерывная рѣчь безъ паузъ, безъ знаковъ препинанія... Точно сидишь, одинокая, всѣми покинутая, въ мрачной комнатѣ осеннимъ вечеромъ, а дождь, унылый, безнадежный, неумолкаемо стучитъ въ окна...

Я силилась казаться веселой, убѣждала Лили не отказываться отъ ѣды, отъ прогулокъ. «Вотъ поправитесь,—опять мы съ вами будемъ читать, поѣдемъ въ Старожилово, устроимъ библіотеку»...

— Ахъ, возьмите меня отсюда, увезите!.. Это ужасно, ужасно!.. Пускай отнимутъ у меня все: мнѣ ничего не нужно... Пусть раздѣлятъ!.. Я раскаиваюсь... Зубами бы себя изгрызла!.. Я схимницей хочу... Я еще такъ молода... Это ужасно!..

Она заговорила про монастырь, про какое-то «заклятіе», все чаще упоминала про дьявола. Въ глазахъ, какъ испуганная птица въ ловушкѣ, билось что-то до-нельзя изстрадавшееся, а восковые пальцы все время безпокойно шевелились. Вдругъ они забѣгали быстро-быстро по головѣ, принялись торопливо спускать волосы на лобъ...

— Что вы хотите, Лили? Зачѣмъ?

— Ничего, ничего... Патушечка всегда такъ ходила... Это хорошо... Такъ всегда надо у схимницы... Не смотрите на меня: я—гнусная, отвратительная...

Закрыла лицо платкомъ и стала натягивать на себя одѣяло, а голосъ продолжалъ на одной заунывной нотѣ:

— Такъ не годится... Не глядите на меня... Жирная, сальная... Не дотрагивайтесь... Вездѣ жиръ, жиръ!.. Я столько съѣла, столько крови выпила... Поздно, поздно теперь!..

Вдругъ конвульсивно откинулась на подушки, въ ужасѣ протянула руку: пальцы еще сильнѣе задвигались, какъ будто весь страхъ и мука перешли въ нихъ...

— Лили, успокойтесь... Что съ вами?

Она не сводила обезумѣвшаго взгляда съ противоположнаго угла, гдѣ стояла пальма въ кадкѣ.

— Она!? Опять она!?

— Да кто, кто?

— Крыса... Увезите меня!.. Это ужасно... Она любитъ жиръ... Изгрызла у меня весь затылокъ... Она хочетъ съѣсть мозгъ... Загородите меня!..

Я схватила Лили, прижимала ее къ груди, успокаивала, а по душѣ пробѣгалъ холодъ ужаса. Изъ безчисленныхъ сновъ, что разсказывала мнѣ Лили въ Старожиловѣ, давно забытыхъ мною, вспомнился вдругъ одинъ, нагнавшій тогда страхъ на суевѣрную дѣвушку: изъ-подполья вылѣзла «не то крыса, не то кошка», костлявая, голодная, неслышно подползла и прыгнула къ Лили на постель...

Когда я въ слѣдующій разъ пришла къ Лили, она не узнала меня.

По словамъ сидѣлки, она уже никого не узнаетъ, а ночью пугаетъ всѣхъ хохотомъ: сидитъ въ постели и смѣется, смѣется.

Н. Тимковскій.

I.

ПОЗАБЫТЫЕ БОГИ.

(Изъ Іосифа Маріа де-Хередіа)

Здѣсь былъ роскошный храмъ; высокіе чертоги
Сверкали мраморомъ античныхъ колонадъ...
Смерть уравняла всѣхъ—герои, нимфы, боги,
Обломки древнихъ вазъ въ пыли густой лежатъ.

Титаны прошлаго печально поблѣднѣли.
Ползетъ трава вокругъ дорическихъ колоннъ...
Лишь тихимъ вечеромъ стыдливый зовъ свирѣли
Разбудитъ тишину, нарушитъ сладкій сонъ.

Весною васильки синѣютъ на руинахъ,
Душистую хвалу несутъ они богамъ,
Да горные ручьи немолчно на вершинахъ
Звенятъ, поютъ, шумятъ про ѳессалійскій храмъ.

И мимо алтаря пастухъ прогонитъ стадо,
Когда красавецъ-Фебъ уходитъ на покой...
Чей льется нѣжный плачъ?—То грустная наяда
Тоскуетъ въ тишинѣ о Греціи родной.

II.

ИЗЪ „РЕКВІЕМА“.

(Изъ Дранмора) [1]).

Когда летятъ на бой разгнѣванныя волны
И пѣснь побѣдную, мятежную поютъ—
Идите къ морю вы, восторгомъ жизни полны,
Туда, къ сѣдымъ валамъ, а не на тихій прудъ.

Пусть вѣтеръ бьетъ въ лицо пронзительно-холодный,
Пусть коченѣетъ грудь продрогшая твоя—
Услышишь ты тогда подъ шумъ волны свободной
Пѣснь стародавнюю про ужасъ бытія.

Прекрасны—этотъ міръ и человѣка воля,
Но послѣ юности смѣющихся годовъ
Тому, кто взвѣсилъ все, иная снится доля—
Восторгъ небытія, Нирваны сладкій зовъ.

Анатолій Доброхотовъ.

---

[1]) Дранморъ—псевдонимъ нѣмецкаго поэта Фердинанда Шмидта, умершаго въ 1888 году.

Прим. переводч.

КЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ МАТЕРІАЛАМЪ О ПОКОЙНОМЪ П. А. СТОЛЫПИНѢ.

De mortuis nil nisi verum.

Въ концѣ декабря 1906-го года, послѣ цѣлой четверти вѣка, прожитой въ Америкѣ, мнѣ пришлось пріѣхать въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ изъ Нью-Іорка я встрѣтился тамъ съ г. Melville Stone, главноуправляющимъ American Associated Press,—кооперативнаго учрежденія, снабжающаго американскую печать телеграфическими свѣдѣніями со всѣхъ концовъ міра и имѣющаго представителей во всѣхъ крупныхъ городахъ всѣхъ частей свѣта, въ томъ числѣ и въ Петербургѣ. Положеніе дѣлъ въ Россіи все еще составляло въ то время для Америки злобу дня, и Associated Press удѣляла телеграммамъ изъ Россіи очень много мѣста, вдаваясь ежедневно даже въ мелкія детали. Mr. Stone, будучи освѣдомленъ о моей причастности и къ русской, и къ американской журналистикѣ, пожелалъ, чтобы я по пріѣздѣ въ Петербургъ дѣлился съ нимъ моими русскими впечатлѣніями. Представителемъ Associated Press въ Петербургѣ былъ въ то время нѣкто Mr. Conger, очень способный молодой человѣкъ, но воспитанный исключительно на американской газетной работѣ, не говорившій по русски. Правильное согласованіе такихъ часто радикально различныхъ точекъ зрѣнія на разные политическіе вопросы, какъ американская и русская, представляло для него иногда весьма понятныя трудности—и Mr. Stone интересовался, главнымъ образомъ, степенью правильности его освѣщенія лицъ и событій съ русской точки зрѣнія. Необходимо имѣть въ виду, что русскія событія 1904—1906 гг., особенно самыя послѣднія, отозвались въ Америкѣ огромными скачками въ ростѣ иммиграціи изъ

Россіи, преимущественно окраинной: изъ черты еврейской осѣдлости, Польши, Прибалтійскаго края, Финляндіи, Кавказа, и въ средѣ этой иммиграціи появился значительный процентъ чисто политическихъ бѣглецовъ. Сенсаціонные ихъ разсказы, изобиловавшіе самыми мрачными красками и предсказаніями, охотно печатались газетами и жадно читались публикой, играя роль авторитетнаго первоисточника. Въ то же время на Wallstreet появились крупныя партіи русскихъ бумажныхъ цѣнностей, предлагавшіяся по низкой, сравнительно, цѣнѣ. Онѣ представляли бы собою соблазнительное помѣщеніе капитала, еслибъ не недоумѣніе финансовыхъ воротилъ Нью-Іорка относительно прочности положенія дѣлъ въ Россіи. Я привожу всѣ эти подробности, дабы выяснить сущность того американскаго багажа свѣдѣній, съ которымъ я пріѣхалъ въ Петербургъ и по поводу котораго я обѣщалъ Mr. Stone дать съ теченіемъ времени посильный отзывъ. Въ Петербургѣ, благодаря моимъ старымъ связямъ въ земской и литературной сферахъ, мнѣ удалось войти въ курсъ довольно скоро. Я засталъ городъ въ разгарѣ выборной горячки. Большое раздраженіе вызывали сыпавшіяся какъ изъ рога изобилія сенатскія разъясненія и вѣсти о давленіи, оказываемомъ правительствомъ повсюду, кромѣ столицъ, на выборы во вторую Думу, гдѣ подъ сурдинкой, но большею частью совершенно открыто. Правительственная власть, послѣ колебаній и растерянности временъ Булыгина, графа Витте и Горемыкина, попала, повидимому, въ сильныя руки. По слухамъ, въ П. А. Столыпинѣ былъ наконецъ найденъ тотъ Бисмаркъ, котораго тщетно искали долгое время, человѣкъ огня и желѣза, который ни передъ чѣмъ не остановится въ стремленіи къ намѣченной цѣли... Выборы кончились; составъ Думы вполнѣ опредѣлился. Сравнительно съ первой Думой вторая сдвинулась влѣво весьма существенно, тогда какъ правительство несомнѣнно окрѣпло и, хотя все еще расточало нѣкоторый елей, также несомнѣнно сдвигалось вправо съ каждымъ днемъ. Для меня было ясно, что только у самого Столыпина и можно было искать разгадки непосредственнаго будущаго. Черезъ одного общаго знакомаго, котораго я просилъ выяснить ему мое положеніе — какъ независимаго русскаго и американскаго журналиста, и какъ спеціальнаго представителя A. A. Press,—Столыпинъ выразилъ согласіе принять меня для бесѣды. Въ два часа пополудни одной изъ послѣднихъ субботъ передъ открытіемъ второй Думы, я поѣхалъ въ Зимній Дворецъ съ точной программой тѣхъ вопросовъ, отвѣты на которые мнѣ были желательны.

Когда я вышелъ изъ кареты меня мгновенно окружили трое городовыхъ во всеоружіи.

— Вашъ документъ?

Я подалъ письменное приглашеніе. Старшій далъ сигналъ въ дверь, которая пріотворилась извнутри вершка на два. Она была на тяжелой внутренней цѣпи. Мой документъ скрылся, и она захлопнулась. Черезъ нѣсколько минутъ цѣпь загремѣла опять, и дверь открылась; я вошелъ, и нѣсколько человѣкъ—швейцаръ въ формѣ и трое-четверо штатскихъ—бросились снимать съ меня шубу и калоши. Я осязательно почувствовалъ, какъ при этой операціи по всему моему тѣлу прошлись любопытныя, но не особенно опытныя руки. Въ слѣдующей комнатѣ сидѣлъ за столомъ чиновникъ, тщательно меня опросившій, кто я, почему, гдѣ живу и чѣмъ занимаюсь. Затѣмъ два гайдука повели меня наверхъ, въ большую пріемную, гдѣ было нѣсколько штатскихъ и одинъ молодой офицеръ въ адъютантскомъ мундирѣ. Меня посадили, окружили, предложили курить и закидали множествомъ вопросовъ, причемъ я все время сознавалъ, что всю мою персону тщательно осматриваютъ со всѣхъ сторонъ. Только золотое правило, что въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ, удержало меня отъ проявленія горькаго чувства обиды. Теперь, послѣ кровавой трагедіи въ кіевскомъ театрѣ, вѣроятно стало ясно, что не такими пріемами достигается эффективная охрана государственныхъ людей. Черезъ нѣсколько минутъ появился чиновникъ, и меня, черезъ другую, меньшую пріемную, гдѣ тоже сидѣли за столомъ нѣсколько штатскихъ, ввели въ кабинетъ премьера, огромное, съ дѣловой простотой убранное зало. Столыпинъ привѣтствовалъ меня, какъ старый знакомый, на томъ основаніи, что уже много лѣтъ читаетъ мои статьи въ русскихъ журналахъ. Я поблагодарилъ, изложилъ цѣль моего посѣщенія и спросилъ, сколько у насъ времени для бесѣды?

— Я нарочно выбралъ для нея такое время, когда я свободенъ, и ничто не можетъ намъ помѣшать,—любезно отвѣтилъ онъ.—Между нами и Америкой пробѣжала черная кошка; про насъ тамъ распространяютъ всяческіе ужасы, что, конечно, не безъизвѣстно и вамъ. Было бы очень желательно исправить эти отношенія, невыгодныя для обѣихъ сторонъ. Надѣюсь, что вы найдете возможнымъ помочь этому доброму дѣлу.

Бесѣда наша продолжалась, безъ перерыва, два съ половиною часа. Я въ ту же ночь цѣликомъ занесъ ее на бумагу, пользуясь моей вопросной программой, и потому теперь абсолютно ручаюсь за почти дословную точность передачи.

— Я желалъ бы узнать, прежде всего, почему прошлымъ лѣтомъ не состоялось образованіе министерства съ участіемъ общественныхъ дѣятелей. Достовѣрно извѣстно, что объ этомъ поднимались и возобновлялись переговоры нѣсколько разъ. Начались они еще при графѣ Витте. Искренность правительственныхъ намѣреній заподозривается у насъ отчасти—можетъ быть даже главнымъ образомъ—потому, что представители общества до сихъ поръ не допущены въ кабинетъ, который все еще является единственнымъ активнымъ органомъ власти.

— Какъ въ кабинетѣ нѣтъ общественныхъ дѣятелей? Да самъ-то я кто же такой? Тотъ фактъ, что я губернаторствовалъ короткое время, еще не дѣлаетъ изъ меня бюрократа. Въ петербургскомъ чиновномъ мірѣ я чужой человѣкъ, у меня тутъ нѣтъ ни прошлаго, ни служебныхъ, ни придворныхъ связей. Я себя считаю чисто общественнымъ дѣятелемъ: проживалъ больше въ имѣніи и былъ рядовымъ предводителемъ дворянства. Это просто недоразумѣніе!

Несмотря на свою рослую, крупную, внушительную фигуру, Столыпинъ былъ очень подвиженъ—постоянно мѣнялъ свое положеніе въ креслѣ, жестикулировалъ, умѣло и эффектно повышалъ голосъ на нужномъ словѣ. Говорилъ онъ не только плавно и красиво, но и съ подкупающею собесѣдника убѣжденностью и, казалось, искренностью.

— Вы сдѣлались извѣстны,—возразилъ я,—именно какъ особенно энергичный губернаторъ, и ни здѣсь, ни на Западѣ васъ никогда не признаютъ общественнымъ дѣятелемъ въ общепринятомъ въ Россіи смыслѣ этого слова. Такими дѣятелями признали бы только лицъ, выдвинутыхъ обществомъ, а не назначенныхъ старыми путями. Что и власть, и вы сами ясно понимаете эту разницу, видно изъ того, что и до васъ велись долгіе переговоры именно съ такими лицами. Мнѣ важно установить вашу версію, почему они ни къ чему не привели.

— О томъ, что было при графѣ Витте, я знаю только по наслышкѣ. Меня это очень мало интересовало. Событія шли такъ быстро, что къ тому времени, какъ я сдѣлался премьеромъ, это была уже древняя исторія. Обратитесь къ нему самому [1]). Я же дѣйствительно, въ прошлыхъ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, въ цѣляхъ всесторонняго уясненія положенія, имѣлъ нѣсколько бесѣдъ—даже совѣщаній, что ли—по этому предмету съ разными лицами. Я знаю, какъ склонно наше общество ви-

[1]) Я послѣдовалъ потомъ этому совѣту, бесѣдовалъ съ графомъ Витте и имѣю его версію.

дѣть въ такихъ попыткахъ извѣстную слабость. Ошибочно думать, что русскій кабинетъ, даже въ его современной, объединенной формѣ, есть власть: онъ только отраженіе власти. Нужно знать ту совокупность давленій и вліяній, подъ гнетомъ которой ему приходится работать. Я никогда не считалъ практичной идею о такъ называемомъ коалиціонномъ министерствѣ уже по одному тому, что лидеры общества не были бы въ состояніи сговориться между собою ни о программѣ, ни о лицахъ. Д. Н. Шиповъ, когда въ концѣ прошлаго іюня за нимъ прислали изъ Царскаго и спросили его, возьмется ли онъ составить кабинетъ, начисто отказался, заявивъ, что онъ безусловный сторонникъ самодержавія [1]). Съ нимъ я тогда же въ Елагиномъ дворцѣ, въ присутствіи Извольскаго и Н. Н. Львова, проспорилъ всю ночь до пѣтуховъ, убѣждая его взять мѣсто въ кабинетѣ. Нѣсколько позже, уже послѣ роспуска Думы, онъ же и князь Георгій Львовъ, препираясь со мной на той же почвѣ, дошли до такой степени раздраженія, что соглашеніе сдѣлалось невозможнымъ. У насъ каждый согласенъ быть диктаторомъ, но ничѣмъ инымъ. Словомъ, общественные дѣятели этого рода не вошли въ кабинетъ, потому что не могли столковаться ни между собою, ни съ правительствомъ, которое было готово встрѣтить ихъ на полпути. А передать имъ всю власть цѣликомъ при такихъ условіяхъ было бы преступленіемъ. Помилуйте, развѣ мы готовы къ парламентаризму? Нами было сдѣлано все, чтобъ достигнуть разумнаго исхода и примиренія, но эти господа были внѣ дѣйствительности и возможностей, и упрекать правительство въ неудачѣ переговоровъ отнюдь нельзя. Положеніе не допускало колебаній и безконечныхъ программныхъ препирательствъ; нужно было дѣйствовать, тушить пожаръ, а не раздувать его безплодными, безнадежными спорами. Не этимъ путемъ, а только яркимъ, осязательнымъ проявленіемъ авторитета власти можно было остановить дальнѣйшее развитіе анархіи въ странѣ и начать укрѣпленіе новаго строя, какъ онъ былъ опредѣленъ манифестомъ 17-го октября и новой редакціей основныхъ законовъ. Только это и было моей задачей и цѣлью, какъ я ихъ понималъ и понимаю.

— Это послѣднее ваше заявленіе чрезвычайно для меня важно,—вставилъ я.—Но какъ согласить его съ удержаніемъ военнаго положенія и разныхъ охранъ почти на всемъ про-

[1]) Считаю необходимымъ замѣтить, что Д. Н. Шиповъ, въ бесѣдѣ со мной впослѣдствіи по этому предмету, категорически отрицалъ что-либо подобное этому свидѣтельству Столыпина.

странствѣ Россіи, и съ такимъ широкимъ примѣненіемъ военно-полевыхъ судовъ? Вѣдь конституція и такіе исключительные методы, остающіеся цѣликомъ въ полной силѣ и сдѣлавшіеся повидимому нормальными, абсолютно несовмѣстимы.

— Въ моемъ представленіи слово «конституція» едва ли примѣнимо въ данномъ случаѣ. Оно опредѣляетъ такой государственный порядокъ, который или установленъ самимъ народомъ, какъ у васъ въ Америкѣ, или же есть взаимный договоръ между короной и народомъ, какъ въ Пруссіи. У насъ же манифестъ 17 октября и основные законы были дарованы самодержавнымъ Государемъ. Разница, конечно, громадная и еще не получившая правильнаго оформленія. Что же касается исключительныхъ методовъ, то это тяжелый крестъ, который мнѣ приходится нести противъ воли. Имѣйте прежде всего въ виду, что все это перешло ко мнѣ по наслѣдству—завелось и велось до меня, и, пока не отмѣнено легально, должно продолжаться. И я, и министерство—вѣдь только исполнители, а не законодатели. Мы обречены на ожиданіе. Такія потрясенія, какія мы пережили и все еще переживаемъ, дѣйствуютъ въ одномъ направленіи на всю страну, на всѣ классы. Невозможно отрицать и не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ послѣднее время анархія овладѣла у насъ не только народомъ и обществомъ, но и персоналомъ правительственной власти. Это вѣдь корь или скарлатина въ своемъ родѣ. И этотъ персоналъ былъ дезорганизованъ до нельзя, какъ и все остальное. Вся страна сошла съ рельсовъ. Вѣдь всего годъ тому назадъ въ большей части провинцій не было никакой власти, вѣдь въ разныхъ мѣстахъ у насъ по цѣлымъ мѣсяцамъ процвѣтали десятки республикъ; центральная Россія и нѣкоторыя окраины горѣли почти сплошь. Вѣдь убытки въ однѣхъ Москвѣ и Одессѣ считаются десятками, можетъ быть сотнями милліоновъ. Это при нашей-то бѣдности!

Столыпинъ вскочилъ и обратился къ висѣвшему сзади него телефону.

— Знаете ли вы, что я по цѣлымъ часамъ стоялъ за этимъ телефономъ? Вѣдь горѣли заразъ и Кронштадтъ, и Свеаборгъ, военныя суда бунтовали и въ Балтійскомъ и Черномъ морѣ, разныя воинскія части возмутились и въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ; всюду шли грандіознѣйшія экспропріаціи и политическія убійства, а справляться со всѣмъ этимъ приходилось съ такимъ персоналомъ власти, который былъ или открыто на сторонѣ «товарищей», или, какъ во многихъ мѣстахъ, почти цѣликомъ сбился по гостиницамъ губернскихъ городовъ и по полугоду не выѣз-

жалъ въ свои участки? Все было расшатано и распущено. И если этотъ персоналъ и въ обыкновенное-то время, до смуты 1905-го года, не умѣлъ управлять страной безъ исключительныхъ положеній, что́ мы могли бы съ нимъ предпринять, внезапно отмѣнивъ ихъ, когда вся Россія была въ огнѣ? Вѣдь онъ бы весь сбѣжалъ и попрятался, вѣдь въ его глазахъ это была бы невозможная безсмыслица. Дайте время искоренить все негодное, замѣнить его соотвѣтствующимъ новымъ требованіямъ матеріаломъ. Людей у насъ мало; торопиться съ такимъ сложнымъ дѣломъ чрезвычайно опасно. Вѣдь ихъ, начиная съ губернаторовъ—въ числѣ которыхъ были и «товарищи», и бѣжавшіе съ мѣстъ—десятки, сотни тысячъ. И все-таки еще въ послѣднемъ засѣданіи Совѣта Министровъ мною сдѣлано представленіе о снятіи чрезвычайной охраны съ пяти мѣстностей. Все придетъ въ свое время; дайте вздохнуть и осмотрѣться. Между проектами, готовыми для внесенія въ Думу, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ проектъ о неприкосновенности личности. Надѣюсь, что онъ удовлетворитъ всѣ разумныя требованія въ этомъ направленіи. Повѣрьте, что возможность перехода къ нормальной, закономѣрной жизни никого такъ не порадуетъ, какъ меня, и сниметъ съ моихъ плечъ, скажу—съ моей совѣсти, страшную тяжесть.

— Вамъ, конечно, небезъизвѣстно, — замѣтилъ я, — что острымъ началомъ современныхъ американскихъ антипатій къ Россіи послужилъ Кишиневскій погромъ. Къ сожалѣнію, погромы того же характера сдѣлались съ тѣхъ поръ чѣмъ-то хроническимъ, а послѣ 17-го октября къ нимъ присоединились и такія явленія какъ избіеніе интеллигенціи, напр. въ Томскѣ, Твери, Вологдѣ. Едва ли можно отрицать, что отношеніе къ нимъ власти во многихъ случаяхъ было болѣе чѣмъ сомнительно, не только въ смыслѣ бездѣйствія, но и въ смыслѣ поощренія. Тутъ одно изъ двухъ: или власть безсильна, или она имъ потворствуетъ. Смѣю васъ завѣрить, что въ глазахъ Запада ничто такъ не подрываетъ довѣрія къ намѣреніямъ русскаго правительства, какъ безпрепятственное допущеніе такъ называемой черносотенной агитаціи и апатія въ преслѣдованіи ея кровавыхъ послѣдствій, несмотря на существованіе военныхъ положеній и полевыхъ судовъ. Въ совокупности этихъ фактовъ склонны видѣть какую-то темную политическую игру, а не твердую рѣшимость искоренять анархію во всѣхъ ея видахъ.

Столыпинъ опять вскочилъ и заходилъ по комнатѣ. — Это область такая же тяжелая, какъ и сами полевые суды, и гораздо болѣе щекотливая. И въ ней опять таки и я, и мини

стерство еще болѣе безсильны, хотя и по другимъ причинамъ. Она вынуждала меня не разъ думать объ отставкѣ. Я уже упоминалъ о томъ гнетѣ различныхъ давленій и вліяній, который постоянно и очень остро дѣйствуетъ на кабинетъ. По нѣкоторымъ вопросамъ у насъ существуетъ недосягаемый для него status in statu, и это одинъ изъ нихъ. Мнѣ остается только лавировать. Погромы теперь прекратились, и пока я у власти, ихъ больше не будетъ. За прошлое я, конечно, не отвѣтственъ, и попрошу васъ извинить меня, если этимъ и ограничу мой отвѣтъ. Во всякомъ случаѣ это только одна и, сравнительно, незначительная сторона всей нашей жизни.

— Какъ согласить,—спросилъ я моего собесѣдника,—появленіе указа 9 ноября 1906 г. съ только что высказаннымъ вами вашимъ отношеніемъ къ манифесту 17 октября и новому строю? Я придаю этому акту огромную важность и вслѣдствіе формы его появленія, и по существу.

— Актъ дѣйствительно огромной, первостепенной важности, и это-то именно и должно быть достаточнымъ объясненіемъ спѣшности его изданія для всѣхъ, для кого благо родины важнѣе мало обоснованныхъ сомнѣній въ правильности формы. Чисто юридическое значеніе этой формы можетъ быть оспариваемо, какъ и почти все въ наукѣ права, но я, напримѣръ, самъ будучи юристомъ, не вижу для того достаточныхъ основаній. Наше время переходное; приходится пользоваться и старымъ, и новымъ, смотря по тому, что больше соотвѣтствуетъ моменту, хотя бы и съ натяжкой. Нельзя сдѣлать существеннаго измѣненія въ государственномъ порядкѣ безъ зигзаговъ; нельзя останавливаться изъ-за спорныхъ юридическихъ тонкостей. Если въ законѣ есть недосмотры и упущенія, дѣло законодательныхъ учрежденій исправить ихъ впослѣдствіи въ состязательномъ процессѣ съ нами. Намъ необходимо было торопиться, начать дѣло фактически, чтобы отвлечь возбужденные въ народѣ аппетиты и направить ихъ на единственный практическій путь. Соціалисты, и открытые, и тайные, обострили безъ всякой нужды весь аграрный вопрсоъ и поставили его на опаснѣйшую почву. Время идетъ быстро, народъ возбужденъ безумнѣйшей агитаціей—а всякая земельная реформа по самому своему существу можетъ подвигаться впередъ только очень медленно. Вотъ причины спѣшности акта и приданной ему формы. А по существу община задерживаетъ больше всего остального, вмѣстѣ взятаго, и наше государственное, и наше экономическое развитіе. Она лишаетъ крестьянство благъ и шансовъ индивидуализма и препятствуетъ формаціи средняго класса,

класса мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, который въ наиболѣе передовыхъ странахъ Запада составляетъ ихъ мощь и соль. Что такъ быстро выдвинуло Америку въ первый рядъ, какъ не индивидуализмъ и мелкая поземельная собственность? Наша земельная община—гнилой анахронизмъ, здравствующій только благодаря искусственному, безпочвенному сентиментализму послѣдняго полувѣка, наперекоръ здравому смыслу и важнѣйшимъ государственнымъ потребностямъ. Дайте выходъ сильной личности въ крестьянствѣ, освободите ее отъ воздѣйствій невѣжества, лѣни и пьянства, и у васъ будетъ прочная, устойчивая опора для развитія страны безъ всякихъ утопій и искусственныхъ, вредныхъ скачковъ. Община въ ея настоящемъ видѣ не помогаетъ слабому, а давитъ и уничтожаетъ сильнаго, губитъ народную энергію и мощь.

— Не значитъ ли все то, что вы только что сказали, что указъ 9-го ноября есть то разрѣшеніе правительствомъ аграрнаго вопроса, дальше котораго оно не пойдетъ, такъ какъ, въ его глазахъ, корень зла и причины крестьянскаго оскудѣнія заключаются совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ ихъ видитъ общественное мнѣніе?

— Значитъ и это, и многое другое, столь же существенное. Россія въ политическомъ смыслѣ до сихъ поръ была государствомъ сословнымъ, причемъ самое большое сословіе, крестьянство, въ десять разъ превышающее численностью всѣ остальныя, вмѣстѣ взятыя, было обезличено главнымъ образомъ общиной. Это не отдѣльные граждане, а людская амальгама, масса, въ которой индивидуализму открыта только одна дорога—кулачество. Въ ней нѣтъ понятія о гражданственности, о связанныхъ съ нею правахъ и обязанностяхъ, слѣдовательно нѣтъ и гражданъ, а безъ гражданъ правовое государство немыслимо. Нужно создать этихъ гражданъ, нужно дать способной части крестьянства возможность сдѣлаться ими. Этого не сдѣлаешь скороспѣлыми реформами, въ одинъ день или въ одинъ годъ, безъ соотвѣтственной подготовки почвы, особенно при томъ состояніи умовъ въ странѣ, которое вызвано страшными потрясеніями послѣдняго времени. Теперь намъ доступна только подготовительная работа, такъ какъ прежде всего необходимо успокоеніе умовъ, какой, бы цѣной оно ни было достигнуто. — На этой фразѣ голосъ Столыпина металлически зазвенѣлъ. — Покуда продолжается революціонная агитація, прочно идти впередъ нельзя. Я расчитываю, что указъ 9-го ноября окажетъ самое серьезное воздѣйствіе на всѣ эти стороны положенія.

— Значитъ ли это, что существенныхъ реформъ въ управленіи въ ближайшемъ будущемъ ожидать нельзя?

— И мое министерство, и всѣ другія заняты выработкой разныхъ реформъ, осуществленіе которыхъ будетъ зависѣть отъ работоспособности Думы и Государственнаго Совѣта. Но чтобы какая-либо серьезная реформа могла быть воспринята страной, нужна почва, нужно надлежащее къ ней отношеніе. Вотъ хоть бы реформа земства или положенія о земскихъ начальникахъ. Подай имъ реформу земства, уничтожь земскихъ начальниковъ. Да вѣдь въ большей части имперіи совсѣмъ нѣтъ никакого земства. Не цѣлесообразнѣе ли сначала ввести его тамъ, гдѣ его нѣтъ? Всего сразу не сдѣлаешь. Я близко знакомъ съ положеніемъ Западнаго края, увѣренъ, что земскія учрежденія были бы тамъ крайне полезны, прямо необходимы, и думаю, что слѣдовало бы немедленно заняться этимъ. Нѣтъ, прежде сломай то, что уже есть, то, что находится въ ходу. Давленія таковы, такъ много было наобѣщано и наговорено до меня, что пришлось-таки составить прежде всего проектъ обще-земской реформы. А на что ее опереть при настоящемъ положеніи нашей провинціи, пока сильный крестьянинъ не занялъ въ ней мѣсто собственника-землевладѣльца? На такъ называемый третій элементъ? Но вѣдь это въ громадномъ большинствѣ случаевъ элементъ безпочвенный, ничѣмъ къ мѣсту не привязанный, къ тому же слѣпо радикальствующій. Его не удовлетворитъ никакая реформа, исходящая отъ правительства; ему нужна соціалистическая республика.

— Однако, если нѣкоторыя крайнія партіи и требуютъ необоснованныхъ скачковъ, нельзя же отрицать, что въ странѣ есть многочисленные серьезные общественные элементы, способные къ разумному созиданію, и что новый строй долженъ дать имъ возможность къ самодѣятельности и участію въ государственномъ управленіи? И что именно реформа земства, въ смыслѣ расширенія его состава и предѣловъ его компетенціи, была бы одной изъ главныхъ такихъ возможностей? Вѣдь не хотите же вы сказать, что и иниціатива, и окончательное рѣшеніе, пока не водрузится въ крестьянствѣ гражданственность, должны по прежнему принадлежать одному правительству. Въ чемъ же тогда состоитъ новый строй?

— Боже меня сохрани отъ такого толкованія. Я говорю только о необходимости постепенности, о своевременности того или другого. Дѣла такъ много, расшатано такъ многое, разыгрались такіе аппетиты, а почва такъ зыбка, что нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать faux pas, котораго потомъ ничѣмъ не поправишь.

— Что же въ практическомъ дѣлѣ преобразованія разныхъ частей управленія вы ставите на первый планъ?

— Намъ нужно, прежде всего, такъ поставить и направить наши новыя законодательныя учрежденія, чтобы былъ прямой, торный путь къ какой бы то ни было реформаторской работѣ. Пока такого пути нѣтъ, пока эти учрежденія не окажутся на надлежащей высотѣ, всякія опредѣленныя программы будутъ преждевременны.

— Какъ вы относитесь ко второй Думѣ, и каково, въ вашихъ глазахъ, ея будущее?

— Составъ ея очень пестрый и въ то же время сѣрый. Мы готовы идти ей на встрѣчу съ цѣлой массой законопроектовъ, изъ которыхъ съ десятокъ большой важности, не говоря уже о земельной реформѣ. Работа предстоитъ огромная и сложная. Между тѣмъ, у многихъ членовъ главной, а иногда и единственной квалификаціей является то, что они были и есть активные враги правительства. Трудно предположить, чтобы они одобрили что-либо отъ него исходящее. Поэтому, у меня лично надеждъ на эту Думу мало. Однако, если она будетъ работать, будемъ пытаться работать вмѣстѣ. Не будетъ—распустимъ. Послѣ опыта съ первой Думой это совсѣмъ не такъ страшно, какъ многимъ казалось прошлымъ лѣтомъ.

— Есть ли у васъ основанія думать, что, если вы распустите и эту Думу, составъ третьей будетъ отвѣчать вашимъ требованіямъ? Вѣдь на выборы и организацію нужно немало времени, а между тѣмъ дѣло преобразованія стоитъ на одномъ мѣстѣ, и недовольство въ народѣ должно расти.

— То недовольство, которое было и можетъ быть опасно, идетъ на убыль. Да и мы теперь готовы къ отпору. Прусской власти, при переходѣ къ представительному строю, пришлось распустить семь парламентовъ подъ рядъ. Что же дѣлать? Развѣ можно работать производительно, если между правительствомъ и палатами соглашеніе недостижимо? Приходится терпѣливо ждать, пока общество успокоится и образумится настолько, что дастъ Думѣ такой составъ, который вмѣстѣ съ правительствомъ пойдетъ къ одной цѣли. Устанутъ безплодно фрондировать, когда найдутъ, что изъ-подъ профессіональнаго агитаторства ушла почва; захочется чего-нибудь новаго. Вѣдь наше общество постоянствомъ отнюдь не блещетъ. Выборный законъ существуетъ, и замѣнить его чѣмъ-либо инымъ нельзя.

— Значитъ ли это, что правительство признаетъ новые основные законы, въ томъ числѣ и выборный, неприкосновенными?

— Безусловно. Ни о малѣйшей перемѣнѣ въ этомъ смыслѣ и рѣчи быть не можетъ. Это была бы революція сверху. Мы намѣрены добиться порядка съ тѣмъ, что у насъ есть. Настоящій строй во всѣхъ его частяхъ абсолютно проченъ, насколько онъ зависитъ отъ правительства.

— Однако, въ нашей настоящей бесѣдѣ вы нѣсколько разъ ссылались на такія давленія, противъ которыхъ вашъ кабинетъ безсиленъ. Я получилъ такое впечатлѣніе, что правительство какъ бы раздвоено, даже, можетъ быть, растроено или расчетверено, если можно такъ выразиться. Говорите ли вы только за то правительство, которымъ вы вѣдаете, или за его совокупность? Долженъ ли я понимать, что осуществленіе какихъ-либо измѣненій совершенно невозможно, или возможно только безъ вашего согласія и участія?

Въ первый разъ Столыпинъ отвѣтилъ не сразу, и какъ бы колебался.

— Очень сожалѣю, что у васъ образовалось такое впечатлѣніе, или, лучше сказать, что вы его такъ подчеркиваете. Все это нужно понимать относительно. Насколько мнѣ извѣстно общее настроеніе настоящаго момента, какое-либо измѣненіе нашего политическаго status quo абсолютно невозможно, ни теперь, ни въ скорости. Въ то же время, въ совокупности тѣхъ многихъ элементовъ, которые составляютъ наше правительство, всегда возможно внезапное усиленіе тѣхъ или другихъ, могущее достичь и преобладанія. Какого-либо постояннаго, точно опредѣленнаго, равновѣсія нѣтъ и не можетъ быть. Предѣлы возможностей мѣняются иногда вдругъ, совершенно неожиданно. Можно говорить только о настоящемъ, скажемъ—о текущемъ годѣ, а никакъ не о сколько-нибудь отдаленномъ будущемъ.

— Простите, если мой слѣдующій вопросъ покажется вамъ нѣсколько личнымъ, но именно въ виду того, что вы только-что сказали, онъ кажется мнѣ необходимымъ. Вы сами, не какъ премьеръ и министръ внутреннихъ дѣлъ, а какъ русскій гражданинъ и общественный дѣятель, вѣдь ставите же себѣ извѣстные предѣлы въ политическихъ возможностяхъ, которыхъ ваше личное ego будетъ не въ состояніи перейти? Вы сами сказали, что уже нѣсколько разъ думали объ отставкѣ.

— Я прежде всего вѣрноподданый моего Государя и исполнитель его предначертаній и приказаній. Мысль объ отставкѣ иногда меня посѣщаетъ, но у нея всегда на сторожѣ есть могучій противовѣсъ. Мнѣ болѣе или менѣе точно извѣстны господствующія теченія въ нашихъ правящихъ сферахъ, въ той сово-

купности элементовъ, составляющей наше правительство, о которой мы только-что говорили. Эти теченія, послѣ тяжелаго опыта послѣднихъ двухъ лѣтъ, естественно склоняются все больше и больше въ сторону реакціи. Если я уйду, меня можетъ смѣнить только кто-нибудь въ родѣ Дурново или Стишинскаго. Я глубоко убѣжденъ, что и для правительства, и для общества такая перемѣна будетъ вредна. Она можетъ остановить начинающееся успокоеніе умовъ, задержать переходъ къ нормальному положенію, можетъ даже вызвать Богъ знаетъ что. Общество наше все еще бродитъ. Оно крайне близоруко и недостаточно воспитано политически; иначе ему стало бы ясно, что при настоящихъ условіяхъ болѣе либеральный кабинетъ, чѣмъ мой, немыслимъ, тогда какъ возможности въ противоположномъ направленіи въ сущности безпредѣльны. Пора бы сообразить все это. Однако, я отвѣтилъ на массу вашихъ вопросовъ. Позвольте и мнѣ спросить васъ кое о чемъ. Каково настроеніе въ тѣхъ сферахъ, гдѣ вы вращаетесь? Мнѣ онѣ болѣе или менѣе извѣстны.

— Въ нихъ только и разговору, что о сенатскихъ разъясненіяхъ, да о давленіи, которое правительство повсемѣстно оказало на выборы въ Думу. Скажите, къ чему было такъ вызывающе дразнить общественное мнѣніе? Съ точки зрѣнія практической политики, результаты получились ничтожные, а раздраженіе существенно усилено. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется мнѣ со стороны.

Столыпинъ почти разсмѣялся.

— Да, слышалъ и я, что и рѣшенія сената, и усердіе архіереевъ, исправниковъ и земскихъ начальниковъ — все это валятъ на мою голову и на правительство. Едва ли нужно упоминать о сенатѣ: тутъ какого-либо прямого давленія не могло, конечно, быть, и не было. Если сенатскія разъясненія и кажутся кому-либо односторонними, то кабинетъ здѣсь ни причемъ; все дѣло въ общемъ настроеніи. Скажу вамъ также категорически, что насчетъ выборовъ въ Думу въ провинціи не было не только какихъ-либо общихъ секретныхъ циркуляровъ, но и какихъ-либо словесныхъ указаній или внушеній. Если и были какіе-нибудь нажимы или неправильности — необходимо, впрочемъ, весьма и весьма учитывать все то, чѣмъ привыкла злоупотреблять наша разнузданная пресса—то все это было результатомъ общихъ условій, общаго положенія, главнымъ образомъ «переусердія» мѣстныхъ властей, весьма, впрочемъ, понятнаго. Я уже говорилъ вамъ, какой, въ общемъ, былъ этотъ персоналъ, какъ всего годъ тому назадъ онъ прямо таки дезертировалъ; теперь онъ опомнился и

«переусердствуетъ» не въ мѣру въ другую сторону. Допускаю даже нѣкоторую долю злорадства, чувства отмести, что ли, и за собственный перепугъ, и за то издѣвательство, которое многимъ изъ нихъ пришлось пережить въ пресловутые «дни свободы». Вѣдь съ ними не церемонились. У насъ все такъ. И когда ихъ подтянули, и они почувствовали, что въ Петербургѣ все еще есть власть, они ударили въ набатъ и начали орудовать, кто какъ умѣлъ. Заставь дурака Богу молиться, онъ лобъ расшибетъ. Ихъ въ полгода не передѣлаешь. А начни взыскивать за это «переусердіе», — опѣшатъ, собьются съ толку и опять свое прямое дѣло бросятъ. Если, по мнѣнію оппозиціи, и сенатъ не въ мѣру «попереусердствовалъ», то чего же ждать отъ этихъ господъ? И тутъ, какъ во всемъ остальномъ, у оппозиціи нѣтъ пониманія дѣйствительности, нѣтъ умѣнья вѣрно оцѣнивать положеніе, помимо общей нашей склонности дѣлать изъ всякой мухи слона.

— Однако, мнѣ кажется, что если бы правительство, когда эти нареканія сдѣлались всеобщими, выступило съ публичнымъ ихъ оффиціальнымъ опроверженіемъ и установило, такимъ образомъ, принципъ невмѣшательства въ выборы, это успокоило бы общественное мнѣніе.

— Во-первыхъ, намъ бы не повѣрили; во-вторыхъ, на всякое чиханье не наздравствуешься; въ-третьихъ, такой принципъ по меньшей мѣрѣ споренъ a priori. Вотъ во Франціи и республика, и парламентаризмъ, а развѣ тамъ правительство не давитъ на выборы въ палаты, не выставляетъ даже оффиціальныхъ кандидатовъ? Такое выступленіе со стороны нашего правительства было бы крайне опаснымъ прецедентомъ. Неизвѣстно, какое именно направленіе приметъ нашъ новый строй, и какіе именно методы окажутся наиболѣе практичными для его оформленія и функціонированія. Это—вопросъ чисто тактическій; наши условія крайне своеобразны, и у насъ покуда такъ мало опыта, что торопиться и связывать себя невозможно. Чѣмъ же еще занята оппозиція?

Я, однако, уже успѣлъ придти къ тому заключенію, что Столыпинъ любитъ больше говорить самъ, чѣмъ слушать; и на свои вопросы предпочитаетъ отвѣчать самъ же. Поэтому я не пожелалъ распространиться.

— Я успѣлъ ознакомиться, и то только очень поверхностно, съ настроеніемъ Петербурга да тѣхъ двухъ сѣверныхъ губерній, гдѣ когда-то жилъ и работалъ на общественномъ поприщѣ. Думаю, что оно почти всецѣло болѣе или менѣе вра-

ждебно правительству. Вы, конечно, знаете это и сами, такъ какъ составъ ихъ представительства во второй Думѣ гораздо радикальнѣе того, что былъ въ первой.

— Ну, эти губерніи не въ счетъ. Онѣ всегда радикальничали. Въ центрѣ и на югѣ настроеніе, наоборотъ, существенно поправѣло. Было бы очень интересно, еслибы вы сами съѣздили туда и убѣдились въ этомъ. Поѣзжайте въ Кіевъ, Курскъ, Екатеринославъ, Одессу. Вернитесь и подѣлитесь со мной вашими впечатлѣніями. Если будетъ некогда заѣхать сюда, напишите. Всегда буду радъ принять васъ или отвѣтить на ваше письмо.

Я невольно подумалъ, что хорошо именно тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, и поспѣшилъ распрощаться.

У меня было условлено, что прямо изъ Зимняго Дворца я проѣду въ Почтамтскую улицу, гдѣ помѣщалась контора Associated Press, и оттуда отправлю въ Нью-Іоркъ кабель о нашей бесѣдѣ. Но еще по дорогѣ туда я рѣшилъ, что телеграфировать совершенно нечего. Столыпинъ произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Я не сомнѣвался, что это былъ энергичный, находчивый, полный всяческихъ рессурсовъ исполнитель, человѣкъ съ желѣзной силой воли, которою, однако, заправляли и всегда будутъ заправлять чужія руки. Какъ ни категоричны казались нѣкоторыя его заявленія, они не вызвали во мнѣ, при моемъ практическомъ складѣ ума и привычкѣ резюмировать слышанное, ничего, кромѣ безчисленныхъ сомнѣній. Каждый отвѣтъ носилъ двусмысленный характеръ, хотя намѣренія скрытничать очевидно не было. Я ни разу не почувствовалъ ни проявленія способности къ самостоятельной конструктивной иниціативѣ, ни даже намека на сознаніе необходимости чего-то новаго. Для этого человѣка все было просто и ясно, на все что угодно онъ могъ подыскать подходящее объясненіе, но въ немъ не было ни малѣйшаго проблеска творческаго генія. И будущее Россіи, насколько оно зависѣло отъ его личности, было обречено, на мой взглядъ, на самые узкіе, чисто пассивно охранительные пріемы. Если это былъ Бисмаркъ, то совершенно однобокій: можетъ быть, та же таранная сила личности, но безъ ея стройной, опредѣленной идейности, безъ магическаго секрета иниціативы. Бисмаркъ объединялъ въ себѣ и могучій локомотивъ, и управляющаго имъ машиниста—а Столыпинъ представлялся мнѣ только локомотивомъ. Мой кабель въ Нью-Іоркъ былъ неожиданно коротокъ и содержалъ въ себѣ только малозначущія общія мѣста. За то, повторяю, я проработалъ напролетъ всю ночь, записывая для будущаго всѣ детали нашей бесѣды.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

Черезъ нѣсколько дней по открытіи второй Думы я долженъ былъ вернуться въ Америку. Отъ характеристики Столыпина и какихъ-либо предсказаній для американской прессы относительно будущаго Россіи я счелъ необходимымъ уклониться. Уже пріѣхавъ домой, я прочелъ въ русскихъ газетахъ правительственную декларацію Думѣ и списокъ внесенныхъ въ нее проектовъ. Признаюсь откровенно, что и тонъ, и сущность этой декларации очень меня удивили; текста проектовъ у меня, конечно, не было, но и заголовковъ было достаточно. Тѣмъ не менѣе, возбужденныя во мнѣ бесѣдой съ Столыпинымъ сомнѣнія были такъ сильны, что я опять отказался сдѣлать въ нашей печати какую-либо оцѣнку этихъ документовъ, но написалъ ему привѣтственное письмо по ихъ поводу, и съ оборотомъ почты получилъ собственноручный отвѣтъ, обращавшійся ко мнѣ съ просьбой «вразумить» американское общественное мнѣніе насчетъ дѣйствительнаго положенія русскихъ дѣлъ. Исполнить эту просьбу я по совѣсти не могъ; мнѣ думалось, что все это не серьезъ, а просто тонкая игра, ведомая, вѣроятно, главнымъ образомъ именно для иностраннаго потребленія. Я боялся ввести нашу публику въ заблужденіе.

Актъ 3-го іюня 1907 г. меня очень поразилъ. Такого рода неустойчивости я не ожидалъ даже отъ Столыпина.

Затѣмъ я опять пріѣхалъ въ Петербургъ, и мнѣ пришлось присутствовать на всѣхъ почти засѣданіяхъ третьей Думы въ первые мѣсяцы ея существованія, какъ думскому хроникеру петербургской газеты «Слово» и русскому корреспонденту нѣсколькихъ американскихъ изданій. Передъ самымъ открытіемъ Думы правила о допущеніи представителей прессы на ея засѣданія были внезапно круто измѣнены: число мѣстъ урѣзано чуть ли не втрое, ложа въ залѣ засѣданій отобрана, и вся, пишущая братія загнана въ очень тѣсную и невыгодную въ акустическомъ отношеніи «голубятню» на лѣвой сторонѣ хоръ. Мы взбунтовались, собрали митингъ, на которомъ присутствовало свыше ста лицъ, и постановили отправить депутацію къ Столыпину хлопотать объ измѣненіи правилъ. Въ эту депутацію случайно попалъ и я. Онъ принялъ насъ очень скоро и очень любезно; мы изложили наши сѣтованія, но оказалось, что мы сами во всемъ виноваты. Столыпинъ великолѣпно поддержалъ составленное мною о немъ и раньше представленіе. Онъ тутъ былъ совершенно ни при чемъ. Одинъ изъ его товарищей— насколько помню, онъ назвалъ г. Крыжановскаго,—заботясь о благѣ печати, запросилъ предсѣдателя думской прессы во 2-й

Думѣ, нѣкоего г. Б., о ея нуждахъ, и тотъ написалъ ему въ отвѣтъ большущую бумагу, указывая на разныя неудобства и злоупотребленія и предлагая соотвѣтствующія мѣры къ ихъ искорененію. Вотъ эта-то злосчастная бумага и была якобы положена въ основу «реформы» правилъ, и жалуемся мы, слѣдовательно, на самихъ себя. А исправить эти новыя правила никакъ невозможно; онъ, Столыпинъ, въ этомъ совершенно безсиленъ, ибо они утверждены Государемъ. Вотъ подождите, организуется президіумъ Думы—тогда хлопочите черезъ предсѣдателя, пусть онъ доложитъ Государю, а мы умываемъ руки. Бумагу г. Б. намъ не показали, но, по разслѣдованіи оказалось, что, каково бы ни было ея содержаніе, она была его единоличнымъ произведеніемъ; никто его на это сочиненіе не уполномачивалъ, никто, кромѣ его самого и г. Крыжановскаго, и не подозрѣвалъ о ея существованіи. «Реформа» была обдѣлана гладко, шито и крыто, руками якобы самой прессы. Прошло цѣлыхъ два мѣсяца, прежде чѣмъ это хитроумное чадо полицейской изобрѣтательности и обывательской наивности удалось нѣсколько исправить, благодаря неустаннымъ хлопотамъ предсѣдателя думской прессы въ третьей Думѣ, М. М. Ѳедорова, и помощи Н. А. Хомякова. Ложа прессы внизу была наконецъ открыта, но только для очень немногихъ столичныхъ газетъ, всего около десятка — а въ ней около 30 мѣстъ, и двѣ ихъ трети такъ и пустовали все время, хотя значительное большинство постоянныхъ хроникеровъ пребывало въ той же «голубятнѣ». Вся эта исторія казалась мнѣ никому ненужной и нелѣпой, но въ ней заключался глубокій смыслъ,—такова была общая тенденція въ веденіи всѣхъ дѣлъ. Видно, въ «переусердіи» повинны были не одни обиженные революціей исправники и земскіе начальники, но и высшіе чины министерства внутреннихъ дѣлъ. Я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что въ основѣ всѣхъ видовъ подобнаго «переусердія» была не анархія въ умахъ отдѣльныхъ чиновъ, а, напротивъ, весьма опредѣленная сила, которая расползлась по матушкѣ Руси быстро и широко и, съ теченіемъ времени, не только обратила «переусердіе» изъ порока въ добродѣтель, но и сдѣлала его большую или меньшую интенсивность чуть ли не главной квалификаціей требовавшагося состоянія духа. Сидѣть смирно и дѣлать свое дѣло сдѣлалось недостаточнымъ для успѣшнаго прохожденія служебной карьеры; нужны были извѣстнаго рода «поступки», дабы привлечь благосклонное вниманіе начальства. Наступало время Думбадзе и Толмачева, Камышан-

скаго и Хвостова. Азефовщина, на мой взглядъ, была только одною изъ составныхъ частей этой силы. Она не довольствовалась уловленіемъ тѣхъ, кто самъ давалъ къ тому поводъ, а претендовала на захватъ въ сѣти и тѣхъ, кто не могъ устоять передъ горниломъ провокаціи.

Собравшаяся, какъ результатъ акта 3-го Іюня и подъ его вліяніемъ, третья Дума въ первые же дни своего существованія подверглась необычно энергичному натиску. Бывшіе въ сѣдлѣ элементы и очень значительная часть ея собственнаго состава требовали отъ нея не больше и не меньше какъ оффиціальнаго самоуничтоженія, публичной декларации, что и манифестъ 17-го октября и она сама—печальныя ошибки, которыя слѣдуетъ немедленно упразднить. «Сила на нашей сторонѣ, все на смарку!» — вопилъ въ совершенномъ изступленіи огромный хоръ «переусердствующихъ». Трудно было разобраться въ дѣйствительныхъ источникахъ этой атаки, но ея стремительность, широкое распространеніе и открытая дерзость не оставляли сомнѣній въ томъ, что по меньшей мѣрѣ нѣкоторые элементы правительственной власти стояли за нею не только пассивно, но и готовые дѣйствовать. Атакующія силы были вдохновлены и организованы опытной рукой; смотря по ходу дѣла, натискъ можно было или искусно использовать, или игнорировать, какъ спазмъ излишняго «переусердія». Я слѣдилъ за конфликтомъ и въ Думѣ, и внѣ ея съ огромнымъ интересомъ. Въ лѣвомъ крылѣ мягкотѣлой массы октябристовъ была паника, тогда какъ правое сильно агитировало. Гучковъ, считавшійся au courant самой сути правительственныхъ намѣреній, былъ, очевидно, въ союзѣ съ правыми. Я думаю, что судьба «новаго строя» нѣсколько дней цѣликомъ висѣла на волоскѣ и что только рѣчи покойныхъ Петрово-Соловово и Плевако и спасли его, если не отъ совершеннаго упраздненія, то отъ самаго существеннаго потрясенія. Окажись большинство на сторонѣ атаки — трудно предвидѣть, на чемъ бы остановились побѣдители. Сюрпризъ въ родѣ «реформы» правилъ о думской печати былъ бы изготовленъ руками самихъ «народныхъ» представителей, и оставалось бы только его оформить. Страстное, десятичасовое засѣданіе 13 ноября и закончившее его голосованіе отбило штурмъ этого темнаго заговора, но оставило вопросъ по прежнему болѣе или менѣе открытымъ. Пріѣхавъ ночью домой съ этого засѣданія, я написалъ Столыпину слѣдующее: «Я пишу къ вамъ въ надеждѣ, что послѣдніе 12 дней, и въ особенности вчерашнее засѣданіе, успѣли доказать вамъ неотложную необходимость такого правительственнаго

акта, который положилъ бы конецъ настоящему не только непроизводительному, но и изнурительному броженію въ умахъ общества. Необходимо начать активную работу. Дума, по всей вѣроятности, можетъ начать ее, если будетъ устраненъ «проклятый» вопросъ о нашей формѣ правленія. Мои наблюденія доказываютъ мнѣ, что общественное мнѣніе готово поступиться ненавистнымъ такъ многимъ элементамъ словомъ «конституція», но требуетъ чего-нибудь реальнаго взамѣнъ. Возьмите любое слово, но оформите настоящее положеніе правительственнымъ актомъ. Дальнѣйшій изморъ въ этомъ отношеніи будетъ отодвигать насъ назадъ съ каждымъ днемъ. Положите конецъ этой неопредѣленности. Пока она царствуетъ въ умахъ, нельзя ожидать дѣйствительнаго успокоенія, нельзя разсчитывать на спокойную работу въ Думѣ. Простите, что я васъ безпокою моимъ письмомъ, но я глубоко убѣжденъ, что психологическій моментъ наступилъ и что исторія осудитъ васъ безпощадно, если вы имъ не воспользуетесь».

Собственноручный его отвѣтъ на другой же день былъ очень коротокъ; онъ увѣдомлялъ меня, что отвѣтъ я найду въ имѣющей быть сдѣланной 16-го ноября правительственной декларації Думѣ.

И этотъ «крутой» документъ, представляетъ собою, на мой взглядъ, наилучшую характеристику и Столыпина, и результатовъ его премьерства, и всего прошлаго пятилѣтія. До 16-го ноября Столыпинъ оріентировался въ положеніи, удостовѣрялся въ предѣлахъ и возможностяхъ своей силы, подготовлялъ почву. И въ своихъ выступленіяхъ въ первой Думѣ, и въ своей декларації передъ второю, онъ еще далеко не былъ самимъ собой, въ томъ смыслѣ, что не пріобрѣлъ еще своей позднѣйшей самоувѣренности и находилъ необходимымъ болѣе или менѣе считаться съ обществомъ, со всѣмъ тѣмъ, что было лѣвѣе того настроенія, въ которомъ онъ самъ находился въ данный моментъ. Послѣ 16-го ноября онъ считался только съ крайними правыми, по тѣмъ немногимъ вопросамъ, по которымъ съ ними расходился.

П. А. Тверской.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ХАСИНТО БЕНАВЕНТЕ [1]).

Переводъ съ испанскаго Л. Б. Хавкиной.

1. Взятіе Бастиліи.

Толпа рабочихъ каждое утро наполняла старинный дворецъ, который въ теченіе вѣковъ служилъ резиденціей графовъ де Брабансонъ, прославившихся своими подвигами.

Послѣдній изъ графовъ, только что унаслѣдовавшій титулъ, всѣми силами стремился поддержать и даже увеличить блескъ своего дома и прежде всего принялся за самую легкую часть задачи—ремонтъ зданія. Каменщики, художники и скульпторы приводили въ порядокъ фасады, залы, чердаки, даже фундаментъ, осѣвшій отъ времени, какъ сказалъ бы льстивый лѣтописецъ—«подъ тяжестью величія».

Единственная дочь графа, пятнадцатилѣтняя, по-ребячески задорная и въ то же время вышколенная строгимъ воспитаніемъ, не взирая на бдительность гувернантокъ и учителей, съ любопытствомъ слѣдила за ходомъ работъ, задавая рабочимъ тысячу вопросовъ, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ на совершенно новыя для нея темы и въ совершенно новыхъ выраженіяхъ.

---

1) Хасинто Бенавенте—современный испанскій драматургъ и беллетристъ. Въ своихъ многочисленныхъ драматическихъ произведеніяхъ онъ изображаетъ разложеніе нравовъ старой, отживающей Испаніи, особенно высшихъ ея классовъ. Творчество его проникнуто грустнымъ, нѣсколько пессимистическимъ оттѣнкомъ. «Жизнь всегда сѣренькая», говоритъ онъ словами одного изъ своихъ героевъ. Въ области беллетристики излюбленная имъ форма—миніатюра: стихотворенія въ прозѣ, эскизы, мелкіе разсказы, письма, и въ этомъ жанрѣ онъ создалъ много талантливыхъ вещицъ. Предлагаемые въ переводѣ разсказы взяты изъ сборника „Vilanos“.
Прим. перев.

Она цѣлые часы проводила на балконахъ, присматриваясь къ людямъ, работавшимъ на подмосткахъ.

Ежеминутно она боялась, что кто-нибудь свалится, и спокойствіе этихъ людей, подвергавшихъ свою жизнь опасности, восхищало ее не меньше, чѣмъ доблестные подвиги ея предковъ. Сама она, быть можетъ, еще рѣшилась бы воевать, какъ Жанна д'Аркъ, но пройтись по подмосткамъ—и не предлагайте!

Подъ балкономъ, который она облюбовала для своихъ наблюденій, оббивалъ почернѣвшій камень огромной каріатиды, сидя верхомъ на подмосткахъ, легкомысленный молодой рабочій, который то перегибался всѣмъ туловищемъ къ улицѣ, чтобы обмѣняться шуткой съ товарищемъ, то подвѣшивался одной рукой къ карнизу балкона или къ веревкѣ. Онъ держалъ въ вѣчномъ страхѣ m-lle де-Брабансонъ, и у нея иногда невольно срывалось восклицаніе: «осторожнѣе!» Онъ благодарилъ за это вниманіе звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, напоминавшимъ пѣніе птички на разсвѣтѣ солнечнаго дня.

Юноша былъ очень красивъ. Его плутовское лицо вѣчно сіяло, какъ бы озаренное изнутри золотисто-розовымъ свѣтомъ душевной весны.

Аристократка и рабочій непринужденно болтали и смѣялись.

Каріатида мало-по-малу бѣлѣла. Гувернанткамъ и учителямъ молодой дѣвушки въ послѣдніе дни не удавалось вести правильныхъ уроковъ. Ученица все не находила времени для занятій.

Утромъ 14-го іюля многіе рабочіе не явились во дворецъ. По улицамъ ходили толпы народа, какъ въ праздникъ. Во всемъ Парижѣ чувствовалось нѣчто необычайное.

Наслѣдница графовъ де-Брабансонъ со своего балкона вела съ молодымъ рабочимъ, оказавшимся на обычномъ мѣстѣ, оживленный разговоръ о томъ, что это означаетъ...

Юноша охотно разсуждалъ обо всемъ человѣческомъ и божескомъ. Король... дворяне... налоги... Наплывъ новыхъ мыслей смутилъ душевный покой благородной дѣвицы... Сколько вещей, о которыхъ она никогда не слыхала, о которыхъ никто не говорилъ ей ни слова!

По улицѣ побѣжали люди. Лавочники принялись закрывать двери и ставни... Что случилось? Внезапно раздался оглушительный ружейный залпъ... M-lle де Брабансонъ въ испугѣ инстинктивно схватилась за руку рабочаго. Однако, любопытство

превозмогло, и, опираясь на балюстраду, она поглядывала на улицу, то направо, то налѣво.

— То-ли еще готовится? — воскликнулъ юноша, полный радости, гордый новизною событій.

Ближе прежняго раздался вторичный залпъ и въ отвѣтъ на него пушечная пальба, отъ которой дрогнулъ старый дворецъ.

Молодая дѣвушка въ обморокѣ откинулась на перила балкона, а рабочій, всѣми силами поддерживая ее со своихъ подмостковъ... волнуясь, торжествуя... страстно поцѣловалъ ее.

Стрѣльба продолжалась.

Народъ бралъ приступомъ Бастилію.

2. Пѣвецъ Нищеты.

Одинъ изъ многочисленныхъ уличныхъ фигляровъ, презрѣнныхъ гаеровъ, былъ поэтомъ, овладѣвшимъ толпою, — толпою несчастныхъ, которые страдали отъ всевозможныхъ бѣдствій, но не сознавали собственнаго страданія.

Съ разсвѣта бродилъ онъ по городу, проходя по главнымъ улицамъ, гдѣ выставлялись на показъ знатность, власть и богатство; но тамъ никогда онъ не пѣлъ. Проходя медленнымъ шагомъ, задумчиво созерцая кипучую жизнь, онъ только накоплялъ въ душѣ негодованіе и печаль.

Въ глухихъ улицахъ, гдѣ лѣпились потемнѣвшія лачуги съ жалкими зловонными квартирами, фигляръ пѣлъ, окруженный бѣдными людьми, невѣжественными, оборванными, голодными. Иногда въ голосѣ его звучалъ священный гнѣвъ, иногда малодушіе и отчаяніе. Онъ пѣлъ о крестныхъ страданіяхъ людей, не имѣющихъ надежды на искупленіе. Подчасъ это были строфы безъ смысла, но полныя гармоніи, мечтанія любви, проникавшія въ душу, какъ благоуханіе всѣхъ привязанностей, вмѣстѣ взятыхъ. И слушатели, окружавшіе его толпою, жадно ловили его слова, а ихъ угрюмыя жестко-тупыя лица какъ бы освѣщались внутренней зарей. И навѣки запечатлѣвались у нихъ воспѣтыя божественной поэзіей слова: справедливость, состраданіе, надежда.

Никогда другой любви не воспѣвалъ поэтъ, «Пѣвецъ Нищеты», какъ его называли. Нищета была дамой его сердца, и такого преданнаго поклонника она никогда не имѣла.

Дочь короля питала большую склонность къ поэзіи. Хотя

сто придворныхъ поэтовъ неустанно льстили тщеславію красавицы и принцессы, но она пожелала услышать уличнаго свободомыслящаго пѣвца, высмѣивавшаго придворные обычаи, грозившаго разореніемъ и смертью сильнымъ міра, не преклонявшагося ни передъ красотою, ни передъ властью, ни передъ богатствомъ, словомъ—«Пѣвца Нищеты».

Она, наконецъ, услыхала его и, слушая, плакала. И такъ прекрасна она была, печально оплакивая горести, которыхъ никогда не знала, что «Пѣвецъ Нищеты» впервые воспѣлъ красоту женщины. Принцесса увѣряла, что ни одинъ поэтъ не доставлялъ ей такихъ сладкихъ волненій, а поэтъ утверждалъ, что никто такъ не понималъ его пѣсни, какъ принцесса.

— Напрасно я слушала придворныхъ поэтовъ. Что могли они мнѣ сказать, кромѣ льстивой лжи? Отнынѣ ты будешь моимъ любимымъ поэтомъ.

— Напрасно я пѣлъ свои пѣсни несчастнымъ. Развѣ не лучше смягчать сердца власть имущихъ, чѣмъ возбуждать униженныхъ? Отнынѣ я буду пѣть только для васъ, принцесса.

И поэтъ поступилъ на службу къ дочери короля. Онъ носилъ ея цвѣта, ея гербъ былъ вышитъ у него на груди противъ сердца, и онъ всегда сопровождалъ верхомъ ея коляску. Несчастные навѣки утратили своего поэта. И съ тѣхъ поръ, если какой-нибудь фигляръ заявлялъ: «Слушайте меня, я новый Пѣвецъ Нищеты»,—то мимо него проходили съ недовѣріемъ, съ грустью, съ сомнѣніемъ...

Да—«Пѣвецъ Нищеты», пока не соблаговолятъ тебя слушать принцессы!

НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ.

(DER WETTERWART)

Переводъ съ нѣмецкаго З. Журавской [1]).

(Продолженіе).

XX.

Я сегодня весь день не могъ думать ни о чемъ другомъ, какъ только о Гансѣ, Готлобѣ и Мельхи Хангштейнерѣ. И больше всего объ этомъ послѣднемъ. Мы съ дѣтства ненавидѣли другъ друга, но презирать не могли. Онъ, въ своемъ кругу, пожималъ плечами, упоминая обо мнѣ, но все же зналъ, что я—человѣкъ не дюжинный. Я, съ своей стороны, тоже не склоненъ былъ умалять Мельхи Хангштейнера, хоть онъ и былъ не дубомъ, а лишь карикатурою на дубъ; нѣкоторая сила все же въ немъ была. Для меня навсегда останется одною изъ загадокъ человѣческой натуры, какъ этотъ скупой, кряжистый мужикъ изъ Зельмата не задумался продать пару быковъ, — быть можетъ половину своего имущества,—и пуститься въ невѣдомый, далекій, чуждый ему міръ спасать бѣдную дѣвушку, которую онъ считалъ обманутой и брошенной. Я совершенно не могу себѣ представить, какъ этотъ человѣкъ съ любовью могъ повести къ алтарю женщину, которая—онъ зналъ—носила подъ сердцемъ залогъ любви другого. Меня бы на это не хватило.

Если однажды въ этомъ черствомъ и деспотическомъ сердцѣ могъ расцвѣсть такой дивный цвѣтокъ, почему же не допустить,

---

[1]) См. мартъ. стр. 190.

что онъ можетъ расцвѣсть и вторично—что Мельхи сжалится надъ любовью Готлобы, преодолѣетъ свою ненависть ко мнѣ и Гансу Штюнци и, спокойно все обдумавъ, скажетъ ей: «Возьми его»...

Когда я выписался изъ больницы, лѣто, ставшее въ моей жизни роковымъ, переходило уже въ мягкую, теплую, солнечную осень. Даже вѣтеръ съ моря былъ теплый и мягкій. Бигъ убѣдила меня пожить на Гельголандѣ. Она была убѣждена, что тамъ, у моря, на утесахъ и тропинкахъ, гдѣ мы встрѣтились впервые, я окончательно оправлюсь и окрѣпну.

Мы цѣлые дни проводили на открытомъ воздухѣ, рѣзвясь, какъ дѣти, что было тѣмъ удобнѣе, что пріѣзжихъ на островѣ оставалось очень немного. Бигъ совсѣмъ преобразилась: никому бы и въ голову не пришло, что еще такъ недавно ей довелось узнать столько горя и слезъ. Въ матросскомъ платьицѣ, въ бѣлой вязаной шапочкѣ, веселая, улыбающаяся, она снова была балованнымъ, милымъ ребенкомъ. Мы часами грѣлись на солнышкѣ, на низкой, жесткой, какъ щетина, травѣ, которая растетъ на утесахъ и вокругъ древнихъ кургановъ; любовались игрою волнъ, которыя, какъ бѣшеные кони съ бѣлыми гривами, наскакивали на прибрежныя скалы, и чаекъ, рѣявшихъ надъ скалами въ золотомъ сіяніи солнца, словно яркія лампады. Я жилъ въ какомъ-то мечтательномъ полуснѣ, чувствуя, какъ во мнѣ неслышно растетъ сила, отметавшая все, что угнетало и давило мою душу. Внутренній голосъ шепталъ мнѣ:—Достаточно ты страдалъ. Сбрось съ себя прошлое, пзжитое. Отдайся цѣликомъ прекрасному настоящему». И, внимая этому голосу, я постепенно забывалъ. Когда въ душѣ вставало воспоминаніе о Дуглорѣ, я спѣшилъ къ Бигъ и заглядывалъ въ ея сіяющіе счастьемъ глаза.

Лежа на травѣ, она шаловливо постукивала розовыми пальчиками по концамъ моихъ пальцевъ, повторяя: «Ты-ты-ты! теперь ты мой». И слова ея звучали чарующей нѣжностью. Она позволила мнѣ распустить ея пышныя косы.—«Теперь ты опять такая, Бигъ, какой я видѣлъ тебя въ первый разъ—моя сказка!»—шепталъ я; она заглядывала мнѣ въ глаза, а маленькій, алый, какъ вишня, ротикъ улыбался просительно. Я зналъ, о чемъ онъ проситъ и, отъ души смѣясь, повторилъ:—Я бы хотѣлъ всю жизнь прожить съ тобой.—Ничѣмъ я не могъ такъ ее порадовать, какъ повторивъ эти слова: сказанныя тогда, во время памятной нашей прогулки, подъ бурнымъ наплывомъ страсти,

они стали какъ бы лозунгомъ нашей любви. Радостно покраснѣвъ, она отвѣтила мнѣ нѣжнымъ поцѣлуемъ.

Рука съ рукой и щека къ щекѣ, сидѣли мы, безмятежно счастливые, на высокомъ утесѣ. Вдали, тамъ, гдѣ долженъ былъ находиться материкъ, надъ свѣтлой, блестящей поверхностью моря, плыло темное облако дыма, пробираясь межъ искрящихся парусовъ и постепенно теряясь въ безконечности горизонта.

— Переселенческій корабль,—замѣтилъ я.

Взоръ Бигъ приковался къ этому черному облаку, затемнявшему ясный свѣтъ полудня.

— И нашъ путь лежитъ туда,—замѣтила она, помолчавъ, съ серьезной улыбкой.—Я уже разсказывала тебѣ какъ-то, Іостъ, что мой повѣренный и управляющій, донъ Гарсіа Лео де-Квифортъ, вызываетъ меня въ Мексику. Послѣ того онъ еще нѣсколько разъ писалъ мнѣ и настоятельно проситъ меня, чтобъ я пріѣхала; онъ старѣется, и отвѣтственность начинаетъ тяготить его. Вѣдь, ты поѣдешь со мной—переложишь это мое бремя на свои плечи?

Она весело захлопала въ ладоши.

— Конечно, Бигъ. Намъ давно пора поговорить о нашемъ будущемъ,—задумчиво отвѣтилъ я.—Только я одно тебѣ скажу: не такой я человѣкъ, чтобъ жить всю жизнь на средства своей жены.

— О-о-о!—Бигъ надула губки.

Но я, не смущаясь ея разочарованнымъ видомъ, продолжалъ:

— До сихъ поръ задачей моей жизни было самостоятельно пробить себѣ дорогу и выдвинуться, насколько это для меня возможно. Бѣдна ли ты, или богата—все равно, я долженъ работать. Это необходимо для моего счастья.

На минуту она разсердилась, но тотчасъ же радостно вскричала:

— Ахъ —богатырь ты мой! — И кинулась мнѣ на шею. Но тотчасъ же опять сдѣлала капризную гримаску.—Знаешь ли ты, что ты со своей работой разбиваешь самые мои завѣтные планы?

— Планы, Бигъ? Какіе же?

Она на мигъ смутилась, помолчала, потомъ начала, съ лукавой и очаровательной застѣнчивостью:

— Ты знаешь мое дѣтство, Іостъ, знаешь, какую цыганскую жизнь я все время вела и какъ страдала отъ этого. Ну такъ вотъ—съ тѣхъ поръ, какъ я тебя полюбила, я начинаю то-

сковать по этой бродячей жизни. Сначала намъ необходимо съѣздить въ Мексику, но потомъ, милый, мнѣ хотѣлось бы побывать съ тобою всюду, гдѣ я была со своими родителями: во всѣхъ тѣхъ городахъ, во всѣхъ тѣхъ странахъ. Увидать все это снова одной—мнѣ не доставило бы никакого удовольствія, наоборотъ, было бы непріятно; но съ тобой! Меня такъ манитъ мысль побывать съ тобой въ Неаполѣ, Римѣ, Венеціи, въ глухихъ прелестныхъ уголкахъ Италіи. Прошу тебя, милый Іостъ, обѣщай мнѣ, что ты поѣдешь путешествовать со мною. А работать можно и послѣ.

Глаза ея свѣтились тоской и призывомъ; она начала вполголоса декламировать какіе-то стихи.

— Это пѣсня Миньоны. Ты не знаешь ея, Іостъ? Не краснѣй. Это хорошо, что не знаешь. Это-то и привлекло меня къ тебѣ, что ты такой даровитый, и въ то же время нѣтъ въ тебѣ никакой унаслѣдованной культуры, и ты все воспринимаешь такъ свѣжо и непосредственно. Поэтому мнѣ такъ и хочется путешествовать съ тобой и показать тебѣ все, что есть на свѣтѣ высокаго и прекраснаго, повести тебя въ сокровищницы искусства, въ уголки, обвѣянные поэзіей творчества великихъ писателей.

Лицо ея дышало энтузіазмомъ; рѣчь ея была полна неотразимой силы убѣжденія.

Полушутя, полусерьезно, я перевелъ разговоръ на другую тему.

— Ты говоришь о путешествіяхъ, а вѣдь у насъ есть дѣло болѣе очередное. Когда же наша свадьба?

Она задумалась на мигъ.

— Свадьба?—переспросила она, весело улыбаясь и краснѣя.—Я вѣдь говорила тебѣ, что меня растили, какъ язычницу. И отношеніе мое къ свадебнымъ обрядамъ самое языческое. Зачѣмъ выносить на торжище самое святое, то, о чемъ должны знать только двое любящихъ—зачѣмъ итти съ этимъ къ чужому человѣку, къ священнику, котораго мы и не знаемъ? Если бъ была охота, можно обвѣнчаться и тутъ, на Гельголандѣ. Но, по правдѣ говоря, у меня нѣтъ никакого желанія вѣнчаться; я предпочитаю пойти за тобой, безъ всякихъ законовъ и поповъ, по доброй волѣ, какъ твоя вѣрная жена. Вѣдь, у меня въ цѣломъ мірѣ нѣтъ никого, кромѣ тебя.—Ея глаза, не отрываясь, смотрѣли на меня, полные нѣжности и страсти.

— Цыганка!—усмѣхнулся я.—Я уважаю твои чувства, но, изъ практическихъ соображеній, все же намъ, пожалуй, лучше было бы повѣнчаться.

Она нѣсколько удивилась.

— Хорошо. Если ты такъ думаешь, я готова пойти съ тобою къ алтарю. Пожалуй—тамъ, въ Мексикѣ. А теперь, угадай, какъ я представляла себѣ нашу свадьбу, здѣсь въ Германіи.

Мечтательная улыбка играла на ея устахъ.

— Ну, какъ же?

— Еще ни одна королева не праздновала такъ своей свадьбы,—отвѣтила она, радостно улыбаясь мнѣ.—Іостъ, мнѣ хотѣлось бы закончить свою дѣвичью жизнь большимъ полетомъ, о которомъ мы тогда мечтали въ Гамбургѣ и который намъ помѣшали осуществить. Ты согласенъ, Іостъ?

— Вѣдь я обѣщалъ тебѣ, еще въ Гамбургѣ. Но если ты позволишь мнѣ маленькое вмѣшательство въ твои дѣла—не находишь ли ты, Бигъ, что ты мотовка?

— Ну, позволь мнѣ одинъ денекъ быть мотовкой!—засмѣялась она.—Развѣ тебя самого не радуетъ мысль о новомъ полетѣ?

— Радуетъ. Что можетъ быть прекраснѣе полета съ тобою, Бигъ, въ лазури воздушнаго океана.

— А ты достаточно окрѣпъ для этого? Какъ тебѣ кажется?—допытывалась она съ безконечной любовью.

— Я совершенно здоровъ и силенъ, — отъ души завѣрилъ я ее.

Вечеромъ, когда лучи заката золотили даль и вспыхивали огоньками на гребняхъ валовъ, мы бродили, крѣпко обнявшись, по острову. Тамъ, гдѣ глаза наши впервые встрѣтились съ жгучимъ и нѣмымъ вопросомъ, Бигъ остановилась, и мы безмолвно обмѣнялись взглядомъ. Немного подальше, на берегу, намъ загородила путь толпа дѣтей, пѣвшихъ на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи пѣсенку: «Slimm, min Moderken, slimm!» Завидя Бигъ, они тотчасъ же включили ее въ хороводъ и принялись плясать вокругъ нея. И, когда Бигъ подняла на руки малютку Аннхенъ, бѣловолосую дочку нашего хозяина, и поцѣловала ее, дѣтишки всѣ хоромъ закричали: «И меня! и меня!» Появленіе Бигъ среди дѣтей всегда вызывало восторгъ: дѣти обожали ее. Я смотрѣлъ на эту милую картину и радовался отъ души. Пусть она цыганка, пусть язычница—разъ человѣка любятъ дѣти, значитъ, у него благородная душа.

Одно лишь темное воспоминаніе вплелось въ эти солнечные дни.

На запросъ Бигъ, капитанъ Зоммерфельдъ, сердечно поздравивъ насъ съ нашей помолвкой, отвѣтилъ, что онъ будетъ ждать насъ съ первымъ поѣздомъ въ маленькомъ сѣверномъ го-

родкѣ, и шаръ будетъ уже готовъ къ полету. Мы сѣли на пароходъ и двинулись вверхъ по Эльбѣ. На Зюльбергѣ, утопая въ яркоцвѣтной осенней зелени, высилась вилла Бальмера. Видъ этой виллы и нахлынувшія въ связи съ ней воспоминанія настропли меня грустно. А въ Гамбургѣ я почувствовалъ себя совсѣмъ несчастнымъ. Мнѣ чудилось: душа моей бѣдной Дуглоры, плача, блуждаетъ по шумнымъ улицамъ города, разыскивая свою умершую любовь. Мнѣ захотѣлось повидаться съ моимъ добрымъ Рунгхольтомъ, но, когда я сказалъ объ этомъ Бигъ, она вся содрогнулась и беззвучно выговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, Іостъ. Теперь не оставляй меня одну.

Сами не зная, почему, мы оба загрустили: блаженное настроеніе послѣднихъ дней смѣнилось печальнымъ. Мы сдѣлали кое-какія покупки, устроили всѣ дѣла и, въ ожиданіи вечерняго поѣзда, который долженъ былъ отвезти насъ къ Зоммерфельду, нѣсколько часовъ просидѣли, крѣпко прижавшись другъ къ другу, въ самомъ темномъ уголкѣ вокзала, словно боясь чего-то чужого, что стремилось разъединить насъ. Лишь изрѣдка кто-нибудь изъ насъ прерывалъ молчаніе принужденнымъ, равнодушнымъ словомъ. Бигъ неожиданно вздрогнула.

— Что съ тобой, голубка?—спросилъ я.

— Іостъ!—вырвалось у нея съ тоскою:—что это я все думаю о твоей прежней невѣстѣ?

Значитъ, мы думали объ одномъ и томъ же.

— Іостъ! ты очень любилъ эту дѣвушку?

Я, въ свою очередь вздрогнулъ. И почти гнѣвно отвѣтилъ:

— Вѣдь мы же условились никогда больше не говорить о Дуглорѣ Имоберштегъ. Зачѣмъ ты меня мучишь, Бигъ. — Я почти разсердился на нее.—Разъ ужъ ты сама нарушила условіе, позволь и мнѣ спросить тебя, Бигъ: какъ ты тогда рѣшилась пойти въ садоводство? Вѣдь ты рисковала встрѣтиться съ Дуглорой Имоберштегъ. Развѣ ты не боялась этой встрѣчи? Я не разъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ.

Смертельно блѣдная, не отвѣчая, она глядѣла мнѣ въ лицо, недвижная и спокойная, какъ мраморная статуя. Межъ красиво изогнутыхъ бровей залегла складка, придававшая ея лицу что-то страдальческое и вмѣстѣ съ тѣмъ значительное; глаза сверкали тѣмъ особеннымъ огонькомъ, который напоминалъ о ея южной крови. У меня было такое ощущеніе, какъ будто черный паукъ проползъ по моей душѣ.

— Ты оскорблена, Бигъ?—спросилъ я.

— Да! — горячо отвѣтила она, метнувъ мнѣ искрящійся

взглядъ.—Человѣкъ, сколько-нибудь понимающій женскую душу, не станетъ унижать ее требованіемъ оправданій въ томъ, что касается любви. Въ тѣ дни я дѣйствовала и жила не какъ разумное существо, а какъ сумасшедшая. Если ты меня любишь, не напоминай мнѣ объ этомъ.

Я невольно оглянулся—не слышитъ ли насъ кто-нибудь. Столько душевной боли было въ этихъ словахъ, что мнѣ вдругъ стало несказанно жаль моей цыганочки. И я тихо отвѣтилъ:

— Хорошо. Я никогда больше не буду спрашивать тебя, какъ ты жила въ разлукѣ со мною въ Гамбургѣ.

— Никогда больше, Іостъ!—уныло повторила она.

Въ эту минуту подошелъ нашъ поѣздъ; кондукторъ крикнулъ: «Садиться!» И разговоръ прекратился... На другое утро мы помирились и ощутительнѣе чѣмъ когда-либо почувствовали, что сердца наши крѣпко связаны любовью.

Раннимъ утромъ, еще при свѣтѣ звѣздъ, мы прибыли въ тотъ городъ, гдѣ насъ ждалъ капитанъ. Его помощникъ встрѣтилъ насъ на вокзалѣ и повелъ на лужокъ, прилегавшій къ газовому заводу, совершенно пустынный. Здѣсь, безъ непрошенныхъ свидѣтелей, согласно желанію Бигъ, Зоммерфельдъ уже приготовилъ все необходимое для полета.

Онъ почтительно поздоровался съ нами.

— Вотъ ужъ мнѣ и во снѣ не снилось, фрейлейнъ Даръ, что мнѣ еще разъ доведется прокатить васъ обоихъ на своей машинѣ. Впрочемъ, я знаю по опыту, что люди, разъ побывавшіе на высотѣ, всегда мечтаютъ о повтореніи полета.

— Только теперь это будетъ ужъ не прогулка,—пояснила Бигъ.—Мы хотимъ полетѣть высоко и далеко, г. капитанъ, потому что — лицо ея озарилось полу-лукавой, полу-серьезной усмѣшкой,—потому что это—наше свадебное путешествіе.

Вскорѣ послѣ того, Зоммерфельдъ окликнулъ насъ:

— Фрейлейнъ Даръ, г. Вильди. Садитесь съ Богомъ.

Отягченный ночной росой «Сатурнъ» медленно, но упорно поднимался къ сверкающей темно-краснымъ огонькомъ карбункула утренней звѣздѣ. Печальный вечеръ, проведенный нами наканунѣ въ Гамбургѣ, былъ забытъ; вся фигура Бигъ была обвѣяна сдержаннымъ ликованіемъ, благоуханнымъ счастьемъ.

Этотъ дивный полетъ рѣшилъ и ея, и мою участь.

Внизу, въ долинѣ, нынче весь день звонятъ колокола. Нынче сочельникъ. Хоть я и зналъ, что до меня не донесется коло-

кольный звонъ, все же весь вечеръ мы съ Снѣжкомъ провели на воздухѣ, топчась по крѣпко замерзшему снѣгу, доходящему до крыши моей хижины. Бури солнцеворота смѣнились на Фейерштейнѣ ясной погодой и сильными морозами. Въ полдень, когда свѣтитъ солнце, гора смотритъ настоящей зимней сказкой. Даже слѣдъ птичьяго крыла не нарушаетъ дѣвственной чистоты снѣговъ.

Солнце сѣло рано, большое и кровавое, и небо стало изсиня-чернымъ. Горы стоятъ мертвенно блѣдныя, неприступныя и безжалостныя, и на нихъ играютъ призрачные, зеленоватые отсвѣты; а надъ ними сіяютъ серпъ молодого мѣсяца, Венера и Юпитеръ. Вотъ онѣ ужъ совсѣмъ было расплылись въ туманные призраки, но вдругъ снѣга, нависшіе на нихъ фестонами, засвѣтились золотисто-алымъ свѣтомъ, словно огнемъ, исходящимъ изъ нѣдръ самой вершины. Трижды загорались и гасли сполохи, лизавшіе огненными языками темныя глуби долинъ.

Но я бы отдалъ и серпъ мѣсяца, и Венеру, и Юпитера, и альпійское сіяніе за то, чтобъ увидать въ свою подзорную трубу хотя бы блескъ свѣчей на самой бѣдной елкѣ, хоть одинъ огонекъ въ окошкѣ зельматскаго дома. Весь живой міръ скрытъ отъ меня густыми клубами морознаго пара; земля кажется вымершей и пустынной; только въ высотѣ пламенѣютъ вершины, и мнится —мнѣ только приснилось, что подъ этимъ моремъ тумана бьются горячія живыя сердца.

О, какъ мнѣ хотѣлось бы теперь бродить по улицамъ большого города, какъ мы раза два это продѣлывали съ Бигъ въ рождественскіе вечера, и слушать веселый перезвонъ церковныхъ колоколовъ, и радоваться на радостныхъ матерей и отцовъ, спѣшащихъ домой съ подарками, и прислушиваться къ вздохамъ бѣдноты, которой не на что купить елки, и которая несетъ домой единственную вѣточку, чтобы зажечь на ней въ чердачной комнаткѣ одну единственную свѣчку.

Абигаиль! Какъ мнѣ хотѣлось бы еще разъ провести этотъ вечеръ съ тобой, — ты, язычница, ты, ангелъ рождественской ночи! Мнѣ вспоминается этотъ святой вечеръ на морѣ. Музыка играла религіозные гимны; высоко на мачтѣ сіяла огнями зажженная елка. И ты говорила капитану:—«Говорятъ, тутъ у васъ въ трюмѣ, сидитъ на цѣпи человѣкъ, приговоренный къ смерти за убійство начальника. Миръ на землѣ и въ человѣцѣхъ благоволеніе. Выпустите его хотя на одинъ часъ на палубу. Разрѣшите ему провести сочельникъ со мною и съ моимъ мужемъ». Такъ просила ты. И убійца плакалъ отъ радости, что нашелся человѣкъ,

съ участіемъ вспомнившій о немъ въ рождественскій вечеръ, и, ужиная съ нами, разсказывалъ намъ о своей матери.

Здѣсь, на высотѣ, я встрѣчаю праздникъ, одинокій, но не печальный. И тѣшу себя мыслью, что если Готлоба и Гансъ повѣнчаются, наперекоръ Хангштейнеру, я, пожалуй, спущусь съ своей снѣжной вершины, чтобы дожить остатокъ жизни мирнымъ старикомъ въ мирныхъ долинахъ, зажигая въ сочельникъ елки для внучатъ.

Но стоитъ ли думать о будущемъ! Меня сейчасъ гораздо больше занимаетъ вопросъ: будетъ ли завтра, для праздника, воздухъ на столько прозрачнымъ, чтобы можно было заглянуть и въ глубины ущелій. Изъ Зельмата чуть свѣтъ пойдутъ люди молиться въ Цвейбрюкенъ, а послѣ полудня они будутъ возвращаться обратно горной тропинкой. Быть можетъ, я увижу ихъ въ свою подзорную трубу. Мнѣ очень любопытно будетъ увидать, кто именно пойдетъ. Изъ этого я могу сдѣлать выводъ, какъ обстоитъ дѣло у Хангштейнера... Да и вообще, увидать, хотя бы въ трубу, людей, сопутствовать имъ мысленно—это мое единственное желаніе.

Я тоже праздную Рождество. У меня нѣтъ елки, нѣтъ свѣчей, мнѣ не свѣтятъ дѣтскіе глазки, но я откупорилъ бутылку благороднаго греческаго вина и съ признательностью думаю о щедрыхъ дарителяхъ. Каждый годъ, 1-го августа, одно семейство изъ Санктъ-Якоба присылаетъ мнѣ сюда на гору корзину вина. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они проводили лѣто здѣсь, въ горахъ. Сынъ ихъ, вмѣстѣ съ двумя другими молодыми людьми, собирался совершить трудное восхожденіе на одну изъ наименѣе доступныхъ альпійскихъ вершинъ. Отецъ, однажды уже посѣтившій меня на Фейерштейнѣ, телеграфировалъ мнѣ: «Надежна ли погода?» Судя по показаніямъ моихъ инструментовъ, ничего угрожающаго не предвидѣлось, и я легко могъ бы отвѣтить: «Погода надежная». Но, вглядываясь въ воздухъ, я замѣтилъ какое-то мерцаніе, какой-то неопредѣленный, искрящійся свѣтъ. Это явленіе было мнѣ давно знакомо изъ моихъ воздушныхъ полетовъ. И я телеграфировалъ: «Не позже, какъ черезъ двадцать-четыре часа ждите страшной грозы». Трое юношей, въ томъ числѣ и сынъ той семьи, о которой я говорю, повѣрили моему предсказанію и отложили рискованную экскурсію; трое другихъ пренебрегли имъ, совершили подъемъ и на слѣдующій же день погибли въ горахъ жертвами бури. Съ тѣхъ поръ, въ этотъ самый день, 1-го августа, семья эта ежегодно присылаетъ мнѣ вино и пару ласковыхъ строкъ, въ благодарность за спасеніе сына.

И я, за стаканомъ вина, утѣшаюсь мыслью, что мое при-

сутствіе на Фейерштейнѣ нужно не для однихъ только отвлеченныхъ метеорологическихъ вычисленій: что я могу иной разъ оказывать услуги и людямъ. Это радуетъ меня и помогаетъ нести трудную службу на снѣжной вершинѣ, требующую высокаго самоотверженія.

Я поднимаю свой стаканъ и говорю: «Слава въ Вышнихъ Богу! Земля, и небо, и звѣзды славятъ дѣла Его. Любовь, толкающая человѣка къ человѣку, рокъ, предопредѣленіе, проявляющіеся въ судьбахъ отдѣльныхъ людей—неизвѣданныя Его чудеса. Слава Іисусу Христу! Благодареніе Ему, что Онъ далъ намъ, людямъ, этотъ великій отдыхъ — установленный въ честь Его праздникъ Рождества. Исполни великое упованіе нашихъ сердецъ. Сдѣлай, чтобы мы перестали жить на землѣ, какъ дикари. Миръ на землѣ, миръ! Онъ необходимъ народамъ, какъ хлѣбъ насущный. Преступенъ тотъ, кто подстрекаетъ людей къ войнѣ. Въ человѣцѣхъ благоволеніе. Привѣтствую васъ, искатели путей къ лучшему, имена которыхъ угасли безслѣдно. А вы, люди настоящаго, тките далѣе свѣтлую нить, открывайте, изобрѣтайте. Но не обманывайте себя. Вы можете подсмотрѣть жизнь, мельчайшихъ мозговыхъ клѣтокъ, разложить на составные элементы отдаленнѣйшія солнца; вы—сосуды, черезъ край полные знаніемъ. Но сумѣли ли вы прибавить что-нибудь къ внутреннему смыслу жизни, къ счастью души?.. И мнѣ хочется крикнуть человѣчеству: «Немножко больше вниманія къ нуждамъ ближняго, къ его стремленію погрѣться на солнышкѣ, къ его затаеннымъ страданіямъ»...

XXI.

Въ сочельникъ я замечтался, какъ можетъ замечтаться только отшельникъ, въ своемъ одиночествѣ рисующій себѣ картину міра. Праздники провожу тихо. Погода дивная, но разглядѣть Зельматъ я не могъ. И опять засѣлъ за свою исповѣдь.

«Сатурнъ» плавно несся впередъ. Закутавъ тяжелымъ плащемъ свой стройный станъ, Бигъ стояла рядомъ со мной. Мы смотрѣли на темныя башни, на широко раскинувшійся внизу городъ, изъ котораго мы поднялись въ поднебесье. Ни одинъ любопытный глазъ не слѣдилъ за нашимъ одинокимъ полетомъ. Тамъ и сямъ въ окнахъ загорались огоньки, но огоньки эти съ каждой минутой уходили отъ насъ дальше и дальше.

— Славный нордъ-остъ!—сказалъ Зоммерфельдъ. Мы ле-

тимъ со скоростью пассажирскаго поѣзда. Вотъ, поднимемся выше—«Сатурнъ» пойдетъ еще быстрѣе.

На темномъ фонѣ небеснаго свода ярче выступали звѣзды. Но вотъ, первый лучъ солнца коснулся нашего воздушнаго корабля. Лучи заиграли на оболочкѣ шара, на кольцѣ, поддерживающемъ гондолу; извнутри, сквозь кольцо, лился такой яркій свѣтъ, какъ будто шелкъ горѣлъ; ярко обрисовывалась каждая линія, каждый шовъ. Вся фигура Бигъ была залита яркимъ свѣтомъ.

Лицо ея было торжественно-спокойно; съ устъ сорвался восторженный возгласъ:

— Да, вотъ это—настоящій большой полетъ, о которомъ я мечтала, мой милый, вмѣстѣ съ тобой!—Она взглянула внизъ, въ глубину и испугалась.—Развѣ мы будемъ летѣть черезъ море?

— Это утренній осенній туманъ,—шепнулъ я ей, и она улыбнулась своему малодушію. Сильнѣе пригрѣвшее солнце высушило росу, осѣвшую на оболочкѣ шара; золотой шелкъ натянулся плотнѣе; со свистомъ вышелъ лишній газъ, и съ силой кондора «Сатурнъ» взвился выше, въ болѣе чистыя сферы.

— Мы теперь на высотѣ Монблана, — сказалъ Зоммерфельдъ, слѣдившій за анероидомъ, и стальные глаза его съ вопросомъ и восхищеніемъ остановились на Бигъ. Она небрежно отвѣтила на невысказанный вопросъ:

— Еще выше, капитанъ, все выше, пока г. Вильди не скажетъ вамъ: довольно.

Мы безмолвно наслаждались впечатлѣніемъ простора, необозримаго и безконечнаго, безмолвія, какого не знаютъ и развалины давно угасшихъ городовъ. Небо казалось твердымъ, точно стальнымъ. И, несмотря на то, что свѣтило солнце, звѣздочки опять повыходили изъ своихъ домиковъ—точно хотѣли посмотрѣть на смѣлую чету людей, разгуливавшихъ передъ ихъ окошечками.

— Ну, развѣ не удивительно думать, Іостъ, что двое людей, которые такъ любятъ другъ друга, связаны съ жизнью только веревками, прикрѣпляющими насъ къ шару? Развѣ не ощущаешь ты нашей близости сильнѣе и чище, чѣмъ тамъ, въ низинахъ?

Я отвѣтилъ ей. Но звукъ моего голоса испугалъ ее.

— Такой глухой и далекій, какъ будто изъ могилы!—вырвалось у нея. Она испуганно оглянулась на беззвучную пустоту окружавшую насъ; губы ея побѣлѣли, она пошатнулась. Я сдѣлалъ знакъ Зоммерфельду, чтобъ онъ спустился, и под-

держалъ Бигъ, готовую литься чувствъ. Раскрывъ глаза, она прошептала:

— У меня уже не хватало дыханія. Но ты, мой сильный Іостъ...

Гордость женщины смиренно склонилась передъ бо̀льшей выносливостью и силой мужчины.

Мы стали спускаться. «Сатурнъ» скользилъ, точно по серебряному полю тумана. Только наклонное, косое положеніе гондолы, да поскрипыванье и посвистыванье шелковой оболочки указывали на то, что мы несемся съ страшной быстротой.

— Прямо на югъ,—объявилъ нашъ капитанъ, взглянувъ на компасъ.—А такъ какъ въ это время года трудно ждать внезапныхъ измѣненій температуры, то весьма возможно, что нашъ шаръ будетъ летѣть до вечера.

— Чудесно!—воскликнула Бигъ.—Значитъ, мы пролетимъ надъ всей Германіей. Я такъ и представляла себѣ въ мечтахъ нашъ полетъ.

Зоммерфельдъ съ довольнымъ видомъ погладилъ себя по узкой, длинной, уже посѣдѣвшей бородѣ.

— Мнѣ это было бы не менѣе пріятно, чѣмъ вамъ, фрейлейнъ,—усмѣхнулся онъ.—Тогда я очутился бы прямо у себя на родинѣ, въ Баваріи, вмѣсто того, чтобъ ѣхать на зимнія квартиры по желѣзной дорогѣ, что̀ и долго, и утомительно. Я уже заранѣе радуюсь свиданію съ моею семьей.

— Да развѣ вы женаты, г. Зоммерфельдъ?—съ жаднымъ любопытствомъ вскричала Бигъ.

— Да, у меня семья: жена и двѣ дочери,—отвѣтилъ онъ. —Онѣ живутъ въ небольшомъ загородномъ домикѣ, въ маленькомъ баварскомъ городкѣ.

— Какъ странно! — весело разсмѣялась Бигъ. — Почему мнѣ вообразилось, что воздухоплаватель непремѣнно долженъ быть холостымъ. Но вѣдь ваша жена, навѣрное, все лѣто проводитъ въ постоянномъ страхѣ за васъ?

— Нѣтъ, барышня,—возразилъ Зоммерфельдъ, все время внимательно слѣдившій за движеніями шара,—моя жена знаетъ, что я остороженъ и предусмотрителенъ. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ я занимаюсь моей профессіей и ни разу еще со мной не бывало сколько-нибудь крупнаго несчастья. Только разъ, въ Вѣнѣ, при спускѣ, повредила себѣ ногу одна дама, несмотря на мои предостереженія слишкомъ рано выскочившая изъ корзины.

— Пожалуйста, г. капитанъ, разскажите намъ о вашихъ

полетахъ,—взмолилась Бигъ.—Вы навѣрное, видѣли и пережили безконечно много прекраснаго.

И, правя своимъ кораблемъ, нашъ аэронавтъ принялся разсказывать о своихъ воздушныхъ путешествіяхъ, о своихъ пассажирахъ и т. д. и т. д. И мы вдвойнѣ наслаждались чудеснымъ полетомъ.

Подъ серебряной глубью, на которой скользили отраженіе и тѣнь «Сатурна», мы начинали различать, какъ сквозь затуманенное стекло, лѣса и селенія, извивы рѣкъ, паутину дорогъ. Окутанныя голубоватой дымкой, онѣ лежали, словно на поверхности моря. Но вотъ, серебряная пелена прорвалась, и въ смутную неземную грезу ворвались жизнь и движеніе. Земля открыла намъ свой ласковый материнскій ликъ.

— Все же, мы—дѣти земли!—радостно воскликнула Бигъ, при видѣ этой солнечной, яркой картины. — Іостъ, ну, развѣ это была не чудесная мысль—этотъ полетъ?

Любуясь смѣной картинъ въ глубинѣ, я прислушивался къ словамъ Зоммерфельда. Онъ разсказывалъ о своей скромной юности, о томъ, какъ онъ въ Мюнхенѣ былъ помощникомъ французской воздухоплавательницы, какъ восхищала его красивая, беззаботная жизнь, которую вела его патронесса, какъ постепенно онъ дошелъ до мысли сдѣлаться воздухоплавателемъ, и послѣ долгой борьбы достигъ своей цѣли.

— И нашли въ этомъ удовлетвореніе?—спросилъ я.

— Разумѣется,—отвѣтилъ онъ спокойно.—Я люблю свою профессію. Мнѣ и моей семьѣ она даетъ возможность жить безбѣдно и сулитъ намъ спокойную старость. Мнѣ только досадно, что легкомысленное поведеніе нѣкоторыхъ изъ моихъ коллегъ компрометтируетъ нашу профессію въ глазахъ большой публики, выставляя ее въ ложномъ свѣтѣ. Въ глазахъ многихъ воздухоплаватель—то же самое, что вертопрахъ или авантюристъ. А между тѣмъ, воздухоплаваніе вполнѣ совмѣстимо съ основными принципами бюргерской порядочности. Я, по крайней мѣрѣ, считаю, что мнѣ удалось совмѣстить то и другое. Я никогда особенно не рисковалъ и, несмотря на насмѣшки другихъ аэронавтовъ, болѣе меня прославившихся и говорившихъ, что я устраиваю только воздушныя прогулки, не позволялъ увлечь себя въ какія-либо авантюры. И хорошо сдѣлалъ. Гдѣ они теперь, эти международные корифеи воздухоплаванія? Одинъ за другимъ погибли во время рискованныхъ полетовъ надъ морями и горными хребтами. Они приписывали себѣ Богъ вѣсть какія научныя заслуги, — а на самомъ дѣлѣ своими неудачными полетами добились только

возрастающаго недовѣрія къ аэронавтикѣ и преувеличеннаго страха обывателей передъ участіемъ въ полетахъ. Я никогда не старался пускать пыль въ глаза, хвастаясь своими заслугами передъ наукой, за то наглядно доказалъ, за тридцать лѣтъ полетовъ безъ единаго паденія, что, подъ руководствомъ опытнаго и добросовѣстнаго человѣка, полеты на воздушномъ шарѣ даютъ почти безопасный случай увидать міръ съ новой и чрезвычайно интересной точки зрѣнія. Въ широкихъ образованныхъ кругахъ мнѣ удалось снова навербовать немало друзей воздухоплаванія, какъ интереснаго и полезнаго спорта. И я горжусь этимъ.

Это разумное, сдержанное отношеніе Зоммерфельда къ самому себѣ и своей профессіи произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я весь превратился въ слухъ. Бигъ замѣтила это и звонко расхохоталась.

— Іостъ! Тебѣ бы самому слѣдовало сдѣлаться воздухоплавателемъ.

Зоммерфельдъ испытующе смотрѣлъ на меня. Я, смѣясь, отвѣтилъ обоимъ:

— Во всякомъ случаѣ, изъ многихъ занятій это, по моему, не самое худшее.

Передъ нами была дивная картина. Словно гигантскія легкокрылыя птицы, словно бѣлые корабли и островки, всплывающіе надъ поверхностью морей, поднимались кверху остатки серебряной пелены, покрывавшей землю, и «Сатурнъ» плылъ теперь въ сказочной странѣ облаковъ. Они окружали насъ, словно хороводъ танцующихъ ангеловъ въ длинныхъ одеждахъ съ золотыми каймами. Внезапно среди облаковъ, какъ въ горахъ, разверзались бездны и пропасти, въ которыя лавинами и водопадами лились потоки свѣта, и изъ волшебныхъ безднъ глядѣли на насъ кусочки живой дѣйствительности — земли. Тамъ, гдѣ облака, сгрудившись, темнѣли, въ нихъ отражалось солнце; съ одного облака къ другому перекидывались радужные мосты.

Вотъ онѣ, чары полета. По глубокимъ трещинамъ въ стѣнѣ тумана стремительно неслась тѣнь «Сатурна» — словно гонимый враждебною силой волшебный корабль. Надъ этимъ кораблемъ, въ радужныхъ ореолахъ, скользили тѣни нашихъ головъ и фигуръ. Мы неслись съ безумною быстротою. — «Іостъ!» — восторженно вскричала Бигъ. И словно хоръ ангеловъ откликнулся ей: «Іостъ!» «Бигъ!» — крикнулъ я въ отвѣтъ. И снова изъ воздушныхъ безднъ невидимые голоса откликнулись: «Бигъ!» Я запѣлъ альпійскія пѣсенки, которыми мы, бывало, перекликались съ Дуглорой на скалахъ Фейерштейна. И со всѣхъ сторонъ облака зазвучали ра-

достными веселыми звуками. Но въ моей душѣ зашевелилась старая боль.

— Еще! Еще, Іостъ! — ликовала Бигъ. Лицо ея раскраснѣлось отъ радости.

Улыбаясь мнѣ чарующею улыбкой, она нагнулась къ самому моему уху и шепнула:—Іостъ! еслибъ ты только могъ рѣшиться! Я охотно стала бы женой воздухоплавателя. Мой храбрый Іостъ.

Это была уже не шутка. Бигъ серьезно хотѣла этого. И воздушные миражи, отражаясь въ ея глазахъ, манили меня вдвое болѣе опасными чарами.

Слышалъ ли Зоммерфельдъ эти шепотомъ сказанныя слова? Онъ молча, пристально поглядѣлъ на меня, потомъ сказалъ:

— Я далеко не каждому посовѣтовалъ бы избрать мою профессію. Но вамъ, г. Вильди—о, да. Вы обладаете тайной успѣха, магнетической силой взгляда и духа. Я съ гордостью взялся бы посвятить васъ въ тайны моей профессіи.

Я далъ уклончивый отвѣтъ; но воздушная стихія уже ткала надо мной чары. Молча я озирался вокругъ. Облака лежали позади насъ расплывающимися бѣлыми островками; «Сатурнъ» постепенно понижалъ уровень своего полета, и земля, ожившая передъ нами въ болѣе яркихъ краскахъ, привѣтливо улыбалась намъ ласковой материнской улыбкой. Блестѣли крыши замковъ и церквей; мы летѣли надъ серебряной лентой рѣки, по которой плыли суда. Вдали, какъ тѣни на болѣе свѣтломъ фонѣ, смутно маячили лѣса.

До насъ доносились уже голоса земной жизни: свистъ локомотива, колокольный звонъ: Ребятишки, бѣжавшіе изъ школы, замѣтили надъ своими головами шаръ и, бросая шапки въ воздухъ, кричали: «У насъ спуститесь. Пожалуйста! Просимъ! Просимъ!» На улицахъ стало оживленно и людно, какъ въ муравейникѣ, развороченномъ палкой. Но мигъ—и городокъ остался позади. Крестьяне, цѣлой семьей работавшіе въ полѣ, завидя шаръ, торопливо устремились домой, вмѣстѣ съ лошадьми и телѣгами, словно по небу катилъ самъ дьяволъ въ своей колесницѣ.

Такъ какъ же? Быть мнѣ или не быть воздухоплавателемъ? Я задумался, мечтательно глядя передъ собой. Тѣмъ временемъ, Зоммерфельдъ, на кускѣ негашеной извести, политой водой, приготовилъ чай, — безцѣнный, бодрящій напитокъ на воздухѣ.

— Какъ вы изволили приказывать, фрейлейнъ,—сказалъ онъ,

почтительно поворачиваясь къ моей нареченной. Изъ корзины съ провизіей были извлечены закуски и бутылка шампанскаго.

— Ну, развѣ я не хорошая хозяйка? обо всемъ позаботилась,—съ гордостью говорила Бигъ.—Чокайтесь со мной,—она лукаво взглянула на меня и молвила:—Іостъ, за твое рѣшеніе!

Сдѣлаться воздухоплавателемъ—какая странная мысль, достойная ея свободной орлиной души. Мужества во мнѣ для этого достаточно. Вѣдь и я былъ сыномъ солнца, воздуха, свѣта, и я съ дѣтства стремился къ шири, къ простору, въ высь, ближе къ небу. Пася стада на скалахъ Фейерштейна и приглядываясь къ малѣйшимъ измѣненіямъ на вершинѣ, я выработалъ себѣ зоркость глазъ хищной птицы. Въ жилахъ моихъ текла вольная кровь моихъ предковъ, дикихъ людей, ютившихся на горныхъ высотахъ. Эта мятежная кровь уже заставила меня покинуть родину и, толкая на приключенія въ Гамбургѣ, довела меня до утраты доброй бюргерской репутаціи. Опасности не страшили меня; въ душѣ моей была глубокая рана, и я нуждался въ забвеніи.

А сверкающіе глаза Бигъ впивались въ мои мысли и торопили, и подстрекали меня. Моя цыганка не хотѣла отказаться отъ своей кочевой жизни. Да и самъ я жаждалъ увидѣть свѣтъ; мнѣ только не хотѣлось очутиться на содержаніи у собственной жены. Воздухоплаваніе какъ разъ примиряло ея и мое стремленія, давало возможность совмѣстить трудъ и скитанія.

Солнце пригрѣвало сильнѣе. Былъ уже полдень. Воздухъ и земля развертывали свои красоты во всей полнотѣ; передъ нами скользили горные ландшафты, словно окутанные голубоватой дымкой. Зоммерфельдъ, все время слѣдившій по картѣ, за направленіемъ нашего полета, отъ времени до времени называлъ имя: «Тюрингенскій лѣсъ», «Кронахъ», «Верховья Майна». Я посмотрѣлъ на эту рѣку и тутъ только сообразилъ, что «Сатурнъ» несетъ меня къ моей старой родинѣ.—О, только бы однимъ глазкомъ взглянуть въ долину Зельмата, посмотрѣть, какъ живется тамъ Дуглорѣ!

Нѣтъ, не могу я стать воздухоплавателемъ. Въ душѣ моей вдругъ зазвучали голоса традиціи моей юности, проведенной въ узко-мѣщанской средѣ. «Не дѣлай этого. Не соглашайся!»—изъ могилы взывалъ отецъ.—«Іостъ! Іостъ! Неужто и побоями не удалось мнѣ смирить твоей мятежной крови?» Честное лицо учителя Каспара стояло передо мной, и его добрый голосъ говорилъ мнѣ: «Іостъ, безумный Іостъ, котораго я любилъ, какъ сына, можно ли быть такимъ безбожнымъ и самонадѣяннымъ? Неужто тебѣ мало, что ты разрушилъ счастье Дуглёрли? Теперь ты хо-

чешь летать по воздуху на французскомъ чертовомъ мѣшкѣ, на монгольфьерѣ!» Всѣ засыпанные обваломъ зельматцы скрежетали зубами въ своихъ могилахъ: «Іостъ Вильди! что же это? Мы тутъ, несчастные, лежимъ подъ обломками скалъ, а ты будешь штурмомъ брать небо?»

Странно и жутко было у меня на душѣ.

А наша воздушная колесница все скользила въ яркомъ блескѣ прекраснаго осенняго дня. Съ высоты птичьяго полета мы любовались селеніями и городами, которые внезапно выростали передъ нами, потомъ съеживались и оставались позади; вздымались и стушевывались горы съ позлащенными солнцемъ вершинами. Оттянутый книзу сыростью огромныхъ густыхъ лѣсовъ, «Сатурнъ» плылъ надъ золотисто-зеленымъ моремъ вершинъ, почти касаясь верхушекъ рослыхъ елей, шумѣвшихъ, точно въ бурю, подъ нашими ногами. Спугнутыя бѣлки, мирно гнѣздившіяся въ вѣткахъ, стремительно скатывались внизъ по стволамъ. Но вотъ, на горизонтѣ передъ нами вновь выступили одѣтыя зеленью горы съ высокими вершинами; «Сатурнъ» снова расправилъ крылья и понесся, могучій, въ тепломъ ласковомъ свѣтѣ надвигающагося вечера.

И вотъ, о чудо! За самыми дальними вершинами встали на горизонтѣ другія, еще болѣе далекія, свѣтлыми призраками. Что это? Мечта или фата-моргана? Въ золотой дымкѣ передо мною сіяли Альпы. Поднимаясь къ алому зареву заката, они словно шли намъ на встрѣчу, протягивая руки, какъ престарѣлые родители, раскрывающіе объятія вернувшемуся на родину блудному сыну.

То не были, разумѣется, Зельматскія горы, но все же то были покрытыя снѣгомъ зубцы и вершины. Напряженно, не отрываясь, впивались мои глаза въ ихъ далекія золотистыя очертанія. «Родина! Горы!»—въ безграничной радости ликовала душа моя. Мнѣ чудились обнимающія меня ласковыя материнскія руки. И безумная тоска по родинѣ сжимала мнѣ сердце, ластилась, какъ пѣсня, слышанная въ дѣтствѣ, и жаловалась, какъ стоны органа:—«Іостъ!—Іостъ!—Іостъ!»

Я стоялъ судорожно цѣпляясь руками за веревки корзины, стиснувъ зубы и дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Ты не можешь, не смѣешь вернуться на родину. Вѣдь ты же самъ отрекся отъ родины, потому что она презираетъ тебя. Ты не долженъ возвращаться, чтобы не нарушить душевнаго покоя Дуглоры, которой она, можетъ быть, обрѣла возлѣ Мельхи Хангштейнера. Ради Бигъ, которая будетъ твоею женой. Она—

не дитя тихихъ горъ; она принадлежитъ свѣту и жизни. Вѣдь ты, Іостъ Вильди, выброшенный за бортъ человѣкъ. У тебя нѣтъ родины. Не все ли равно тебѣ, чѣмъ заняться? Что за бѣда, если ты и станешь авантюристомъ? Въ царствѣ воздуха, свѣта, облаковъ, въ скитаньяхъ по волшебнымъ садамъ міра ты обрѣтешь забвеніе».

Бигъ ласково коснулась щекой моей щеки; ея озабоченный взглядъ искалъ моего взгляда.

— Милый,—испуганно шепнула она.—Напрасно мы поторопились съ полетомъ. Ты еще не вполнѣ оправился отъ болѣзни. Ты блѣденъ, какъ смерть.

— Я выдержалъ трудную борьбу,—выговорилъ я съ трудомъ.—Бигъ, я согласенъ: мы станемъ съ тобой буревѣстниками.

Далекія, призрачныя горы, облитыя яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, скрылись за ближними зелеными вершинами. И радостный блескъ ихъ потухъ. Что пользы сіять блудному сыну, который не хочетъ вернуться.

Взоръ Бигъ свѣтился радостью и воодушевленіемъ.

— Іостъ! Мой храбрецъ, мой герой!—шептала она.—Я всегда знала что, у тебя не мелкая душа. Мы пронесемся съ тобою по свѣту, какъ орелъ съ орлицей.

— Осторожнѣе. Сейчасъ мы спустимся,—прервалъ наши изліянія Зоммерфельдъ.

— Г. капитанъ, вы разрѣшите мнѣ весной, когда мы возвратимся изъ Мексики, стать вашимъ ученикомъ?—спросилъ я Зоммерфельда. Онъ радостно и гордо усмѣхнулся себѣ въ бороду, но не могъ скрыть радостнаго блеска своихъ сѣро-стальныхъ глазъ. И крѣпко сжалъ мнѣ руку.

—Добро пожаловать, г. Вильди. Привѣтствую въ васъ будущаго мастера.

Въ мягкомъ голубоватомъ свѣтѣ сумерекъ мы тихо спустились на землю возлѣ мирной деревушки на границѣ Баваріи и Австріи, окаймленной горами. Зоммерфельдъ остался съ нами на одинъ день, и мы совсѣмъ сдружились. Не заключая формальнаго договора, мы условились съ нимъ, что будущей весной, по возвращеніи изъ Мексики, я поступлю къ нему въ ученье и въ теченіе лѣта буду сопровождать его въ полетахъ.

Іостъ Вильди, который пересталъ быть горцемъ и не смогъ сдѣлаться купцомъ, съ согласія и восторженнаго одобренія своей будущей жены, избралъ себѣ призваніе, далеко выходящее за предѣлы обычныхъ буржуазныхъ профессій. Въ этомъ тихомъ уголкѣ орлица ввѣрилась орлу: Бигъ стала моей милой, лю-

бимой женой. Какъ дѣти, мы мечтали о нашей будущей кочевой жизни.

— А, если я упаду, Бигъ?—шутилъ я.

— О, тогда пусть я погибну вмѣстѣ съ тобой! Пожалуй, это самый завидный жребій, какой я только могу себѣ представить,—отвѣтила она и задумалась. На лбу ея залегла глубокая складка.

Тогда я не понялъ этихъ загадочныхъ словъ счастливой женщины. Только позже, много позже, они встали въ моей памяти, живыми и пророческими, И, съ ними вмѣстѣ, ея нежданныя слезы въ день моего выхода изъ госпиталя, и мучительный вечеръ, проведенный нами въ Гамбургѣ. Со стороны можно было подумать, что въ воздухоплаваніи мы ищемъ только радостей и новизны; на самомъ же дѣлѣ, мы оба искали забвенія.

Нашъ медовый мѣсяцъ былъ не дологъ. Волей-неволей, приходилось думать о путешествіи въ Мексику. Но тамъ, за моремъ, измѣнилось нѣсколько наше рѣшеніе, принятое во время нашего полета. И Мексика виной тому, что міръ такъ и не слыхалъ о воздухоплавателѣ Іостѣ Вильди.

XXII.

Удивительно красивая въ этомъ году зима. Ночью, правда, температура падаетъ до 22° ниже нуля, но по утрамъ, часовъ въ одиннадцать, солнце, маленькое, но горячее, такъ сильно пригрѣваетъ, что на крышѣ моей обсерваторіи снѣгъ начинаетъ таять. Я въ легкомъ пальто разгуливаю по своей вершинѣ; необходимы только очки для защиты глазъ въ этомъ морѣ ослѣпительнаго свѣта.

Воздухъ такъ мягокъ, что вокругъ меня начинаетъ просыпаться жизнь. Цѣлая стая птицъ, клестовокъ, выпорхнувшихъ изъ глубины горнаго лѣса, взлетѣла на Фейерштейнъ, а на замерзшемъ снѣгу я нашелъ окоченѣвшаго, но еще живого желтенькаго мотылька. Откуда взялся бѣдняжка, заблудившійся вѣстникъ весны? Я отнесъ его въ обсерваторію. Пусть тамъ отогрѣется его миніатюрная солнечная душа.

Сегодня мнѣ ясно виденъ Зельматъ. Я не видѣлъ въ свою подзорную трубу ни единаго изъ его обитателей—ни Ганса, ни Готлобы; но зато неожиданно увидалъ, около двухъ часовъ, какъ незнакомый человѣкъ вошелъ въ домъ Хангштейнера и въ три часа вышелъ обратно. Первой моей мыслью было, что это

молодой скототорговецъ, который сватается за Готлобу; но тотъ—молодой, а этотъ старый. Я долго ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, кто бы это могъ быть, и пришелъ къ убѣжденію, что это, вѣроятно, докторъ изъ Цвейбрюкена, и что Хангштейнеръ снова боленъ.

Забота въ долинѣ—забота и на вершинѣ. Меня мучитъ неизвѣстность, сможетъ ли Гансъ на новый годъ прійти ко мнѣ, какъ обѣщалъ. Все было бы хорошо, еслибъ не этотъ проклятый восточный вѣтеръ. Онъ налетаетъ ураганомъ, крутитъ снѣжные вихри, вздымаетъ цѣлыя горы мелкой снѣжной пыли и гонитъ ихъ на утесы вершинъ, къ которымъ онѣ прилипаютъ, какъ гигантскія распростертыя крылья. И день ото дня эти сугробы и горы растутъ. Я смотрю на нихъ съ тревогой, съ волненіемъ, съ замираніемъ сердца. Обходить ихъ немыслимо, прорваться сквозь нихъ—тѣмъ болѣе; Гансу невозможно будетъ пробраться ко мнѣ; пусть онъ и не пытается—такая попытка могла бы стоить ему жизни.

Іостъ Вильди, будь готовъ встрѣтить и Новый Годъ въ одиночествѣ, какъ Рождество. А какъ охотно бы отдалъ я весь этотъ блескъ и великолѣпіе за одинъ часокъ дружеской бесѣды съ Гансомъ. Сажусь опять за свои записки; послѣдней главой въ этомъ году будетъ: «Путешествіе въ Мексику».

Я собирался ѣхать за море въ качествѣ палубнаго пассажира, который мелкими услугами расплачивается за проѣздъ и содержаніе на кораблѣ,—ѣхать за море вмѣстѣ съ Дуглорой, чтобы трудомъ своихъ рукъ создать себѣ тамъ новую родину. А теперь ѣхалъ съ Абигаилью не какъ бѣднякъ-переселенецъ, поставившій судьбу свою и своей молодой жены на послѣднюю невѣрную карту, а какъ богатый человѣкъ, окруженный самымъ утонченнымъ комфортомъ,—ѣхалъ въ дальнія страны, чтобы увеличить состояніе, которое, по закону, должно было стать моимъ, хотя самъ я не наживалъ его и даже не зналъ тѣхъ, кто добылъ его для меня изъ нѣдръ земли. И со мною рядомъ была моя гордая, прекрасная молодая жена. И каждое слово ея, каждый взглядъ, обращенный на меня, были ликованіемъ и пѣснью любви.

Мнѣ было почти жутко отъ такого нежданнаго поворота въ моей судьбѣ—отъ этого слишкомъ большого счастья. И временами со мной творилось что-то странное. Когда, напримѣръ, кто-нибудь изъ пассажировъ передней палубы съ завистью и

любопытствомъ заглядывалъ въ окошко каюты перваго класса, гдѣ развлекались бесѣдой и флиртомъ богатые пассажиры, мнѣ мерещилось, будто это угрюмое лицо говоритъ мнѣ: «Іостъ Вильди изъ Зельмата! Напрасно ты втерся въ эту компанію. Ты тамъ чужой. Не забудь, что твое мѣсто среди насъ». Когда закоптѣлый кочегаръ высовывалъ свою черную голову изъ люка, чтобъ напиться, или втянуть въ себя глотокъ свѣжаго воздуха, я пугался. «А вдругъ меня опять утащутъ туда внизъ, къ этой ужасной, грязной работѣ?..»

Постепенно, однако, я привыкъ чувствовать себя своимъ среди тѣхъ, кто, какъ дома, располагался въ уютныхъ комфортабельныхъ каютахъ, роскошныхъ салонахъ и подъ изящными парусиновыми навѣсами на палубѣ. Нѣсколько сотъ пассажировъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами, были такъ веселы и беззаботны, словно они сидѣли въ полной безопасности у себя дома въ имѣніи, или въ роскошномъ отелѣ. Они, разговаривая между собой, переходили изъ одного пышнаго салона въ другой, глядѣлись въ высокія зеркала, шутили, смѣялись, читали, писали, вкусно ѣли и пили, а, когда начинала играть музыка, пускались въ плясъ. Они безпечно танцовали надъ таинственными безднами моря, и лишь легкое поскрипыванье снастей и гудѣнье винта напоминали о томъ, что судно несется по волнамъ съ силой многихъ тысячъ лошадей.

Съ нѣкоторыми изъ пассажировъ мы довольно скоро познакомились. Худенькій, тщедушный, но удивительно красивый бѣлокурый мальчикъ, съ няней-негритянкой игравшій на палубѣ, сразу привлекъ наше вниманіе. Одного взгляда, одной улыбки Бигъ было достаточно, чтобъ онъ подбѣжалъ къ намъ, снялъ шапочку, подалъ руку Бигъ и началъ ей разсказывать о томъ, какъ онъ съ родителями—семьей плантатора съ острова Кубы —ѣздилъ на родину, въ Германію. За первымъ же завтракомъ противъ насъ за столомъ усѣлся молодой художникъ изъ Берлина, съ женой, тоже художницей; онъ былъ голландецъ, она — австріячка; настоящая влюбленная парочка. Разговорившись, они разсказали намъ, что давно уже хотятъ повѣнчаться, но никакъ не могутъ достать всѣхъ необходимыхъ документовъ, которые приходится выписывать съ родины. Наконецъ, у нихъ лопнуло всякое терпѣніе, и они ѣдутъ въ Дувръ, чтобы тамъ обвѣнчаться по англійскому закону, не требующему такихъ формальностей и позволяющему въ теченіе нѣсколькихъ часовъ заключить счастливый бракъ.

Я замѣтилъ, что Бигъ очень заинтересовалась этимъ разсказомъ. Когда показались первыя сѣровато-бѣлыя верхушки мѣловыхъ холмовъ англійскаго берега, она спросила меня:

— Сколько стоитъ пароходъ въ Дуврѣ?

— Часа четыре-пять,—отвѣтилъ я.

— Iостъ, а что если мы за это время повѣнчаемся? Ты знаешь, какъ я смотрю на эти вещи, но можетъ статься, мой опекунъ въ Мексикѣ судитъ совсѣмъ иначе.

Въ это время пароходъ причалилъ къ берегу. Передъ нами раскинулся старинный, темный городъ.

На пристани намъ поклонился почтительно почтенный пожилой господинъ.

— Register of marriage?—освѣдомился я. Онъ поклонился еще почтительнѣе и любезно улыбнулся.

— Могу служить вамъ. Мнѣ уже доводилось оказывать ту же услугу сотнямъ другихъ влюбленныхъ парочекъ.—Онъ сообщилъ намъ, что въ городской ратушѣ вѣнчаютъ обыкновенно въ половинѣ пятаго, но нужны свидѣтели. Онъ готовъ быть однимъ изъ нихъ. Мы зашли въ гостиницу, взяли номеръ и попросили хозяина гостиницы быть вторымъ свидѣтелемъ. Онъ согласился. Съ этими двумя свидѣтелями мы явились въ ратушу и передъ зеленымъ столомъ, за которымъ возсѣдали торжественно двое чиновниковъ, принесли обѣтъ въ супружеской вѣрности. Я надѣлъ Бигъ кольцо на лѣвую руку; намъ выдали свидѣтельство о бракосочетаніи—и обрядъ былъ оконченъ. Въ дверяхъ мы повстрѣчали нашу знакомую парочку изъ Берлина, пришедшую за тѣмъ же. Велико было ихъ удивленіе, когда выяснилось, что мы успѣли опередить ихъ. Взаимно поздравляя другъ друга, мы всѣ вмѣстѣ вернулись на пароходъ.

Теперь Бигъ и въ глазахъ закона была моей женой.

— Фрау Абигаиль Вильди,—шепнулъ я ей. Отвѣтомъ былъ гордый, сіяющій взглядъ и тихія слова:—О! какъ я рада.—

Небо и вода. Нерѣдко, впрочемъ, туманъ ложился на море и застилалъ небо, но потомъ намъ снова улыбалась ясная лазурь. Время шло быстро—тѣмъ быстрѣе, что мы съ Бигъ заполняли большую часть его полезными занятіями. Утромъ жена моя учила меня испанскому языку, которымъ она владѣла довольно хорошо, научившись у отца; послѣ обѣда мы читали классическія описанія Мексики Гумбольдта, изучая родину Бигъ, которую намъ предстояло увидать. Бигъ читала мнѣ вслухъ нѣмецкихъ авторовъ: ей хотѣлось, чтобъ я такъ же хорошо изучилъ и полюбилъ ихъ, какъ она сама. Она больше всего любила Гейне, но, такъ какъ я не зналъ классиковъ, то читала она мнѣ по большей части Шиллера или Гете. Читала она превосходно, и нерѣдко вокругъ насъ собирался цѣлый кружокъ слушателей и слушательницъ,

изъ которыхъ иные, быть можетъ, просто пользовались случаемъ лишній разъ полюбоваться ея хорошенькимъ личикомъ.

Но самымъ горячимъ поклонникомъ моей жены былъ Фрицхенъ, маленькій нѣмецкій мальчикъ, сынъ плантатора съ Кубы. Нервный, живой мальчикъ, съ огромными лучистыми глазами, все время гонялся за Бигъ и успокоивался только тогда, когда ему удавалось поймать ее за руку или за платье. «Разскажите мнѣ сказочку, пожалуйста, пожалуйста!»—просилъ онъ тоненькимъ жалобнымъ голоскомъ такъ трогательно, что не было силъ отказать ему. Мало-по-малу его горячая привязанность къ Бигъ стала вызывать неудовольствіе его родителей. Однажды отецъ, послѣ строгаго выговора, насильно оторвалъ его отъ Бигъ. Взволнованный, разнервничавшійся мальчикъ вырывался и, наконецъ, съ пѣной у рта, забился въ истерикѣ, требуя Бигъ.

Я видѣлъ въ глазахъ моей жены знакомый гнѣвный огонекъ: она вся дрожала отъ гнѣва, страдая за ребенка.

Я началъ успокоивать ее и утѣшать. Она, чуть не плача, говорила:

— Іостъ, ты не знаешь, какъ я люблю дѣтей — особенно вотъ этого мальчика, въ которомъ больше души, чѣмъ тѣла. Почему? Да потому, что у меня самой не было дѣтства. Вѣдь я тебѣ разсказывала, какъ я жила ребенкомъ,—всегда окруженная взрослыми, безъ сестеръ, безъ подругъ, не зная лучшаго счастья, доступнаго всѣмъ. Въ вѣчныхъ скитаніяхъ я незамѣтно подросла, и меня стали выдавать замужъ. Самая мысль о бракѣ отталкивала меня. Да и не мудрено. Какихъ я тогда знала мужчинъ? Золотую молодежь: туполобыхъ аристократиковъ, или льстецовъ, авантюристовъ. Тебя вѣдь я не знала. Но, всячески открещиваясь отъ замужества, я все же иной разъ говорила себѣ: вѣдь если ты не выйдешь замужъ, у тебя не будетъ собственныхъ дѣтей. И, ради дѣтей, въ надеждѣ ихъ имѣть, почти готова была рѣшиться протянуть руку нелюбимому человѣку. Вотъ теперь и суди, какъ я ихъ люблю.

Негритянка укачала на рукахъ бѣднаго, обиженнаго мальчугана, но Бигъ не могла такъ скоро успокоиться. И столько сдержанной страсти звучало въ ея словахъ, когда она говорила:

— Іостъ, теперь, когда ты сталъ мнѣ мужемъ, я только объ одномъ молю судьбу—чтобъ она дала намъ дѣтокъ. Твои дѣти! мои дѣти! Высшее счастье для женщины—имѣть дѣтей отъ сильнаго, благороднаго мужчины, съ высокой душой, и растить ихъ такими же сильными, благородными. Какъ я жажду узнать это счастье!

Она такъ мило краснѣла, шепча мнѣ эти признанія. Такъ солнечно сіяли ея глаза. И, когда она умолкла, обвѣянная какъ бы предчувствіемъ близкаго материнства, я смотрѣлъ на нее и думалъ: «я не знаю женщины, болѣе достойной обожанія»... И вдругъ невольно улыбнулся и шутливо спросилъ ее:

— Бигъ, вѣдь мы же рѣшили сдѣлаться воздухоплавателями. Гдѣ же мы будемъ растить нашихъ дѣтей? Въ гондолѣ воздушнаго шара?

Она тоже разсмѣялась, но, подумавъ, отвѣтила ласково и серьезно:

— Нѣтъ, если у насъ будутъ дѣти, мы не возьмемся за воздухоплаваніе. Мы будемъ воспитывать ихъ гдѣ-нибудь въ тихомъ уголкѣ, чтобъ и у нихъ, какъ у всѣхъ счастливыхъ дѣтей, была родина.

Вся ея душа вылилась въ этихъ словахъ.

— Я согласенъ, Бигъ,—отвѣтилъ я.—Я не такъ уже стою за воздухоплаваніе. Я готовъ заняться и чѣмъ-нибудь другимъ—только бы не вести жизнь, лишенную смысла и цѣли.

Мы долго еще говорили въ тотъ день о нашемъ будущемъ, любуясь необычайно яркимъ и красивымъ закатомъ. На другое утро новыя впечатлѣнія вызвали и новыя мысли. Маленькій пріятель Бигъ одержалъ побѣду надъ своими родителями и снова былъ неразлученъ съ нею, все время держась за ея руку или платье. Прошла уже недѣля отъ начала нашего пути; дулъ ледяной, рѣзкій вѣтеръ съ Ньюфаундленда. Показался мысъ Санди Гукъ, возвѣщая близость Новаго Свѣта. Отъ берега къ намъ быстро мчалась лодка съ лоцманомъ, газетами и письмами. Въ числѣ ихъ было письмо и намъ. Отъ дона Гарсіа Лео Квифорта, который поздравлялъ насъ, выражая свою радость по поводу нашего прибытія въ Мексику.

Въ Нью-Іоркѣ намъ пришлось простоять цѣлыхъ пять дней. Я видѣлъ озабоченныхъ, торопливыхъ, блѣдныхъ янки, видѣлъ, какъ они вѣчно волнуются и лихорадочно спѣшатъ, наблюдалъ американскую жизнь, лозунги которой: «Время—деньги» и «Самъ себѣ помогай»—и начиналъ мириться съ судьбою Дуглёрли. Среди этой дѣловой лихорадки и равнодушія къ участи ближняго она чувствовала бы себя страшно несчастной. На родинѣ ей, во всякомъ случаѣ, было лучше.

Въ отелѣ, гдѣ мы остановились съ Бигъ, наканунѣ отъѣзда въ Гаванну, мы въ первый разъ поссорились. Сколько я помню, это была и единственная наша ссора. Я укладывалъ свои вещи; Бигъ ушла за покупками на Бродъ-вэй и вернулась свѣжая, сіяющая, радостная.

— Только на четверть часа ушла отъ тебя — и уже соскучилась! — восклицала она, мелькомъ оглядывая мои вещи. — Что это у тебя тамъ за книжечка такая растрепанная, маленькая? Дай-ка поглядѣть. А, молитвенникъ! — Держа въ рукахъ молитвенникъ, подаренный мнѣ Дуглерли передъ моимъ отъѣздомъ изъ Зельмата, она съ любопытствомъ, торопливо перелистывала его. И вдругъ, измѣнившись въ лицѣ, воскликнула: — Да вѣдь это книжечка твоей бывшей возлюбленной. Здѣсь написано ея имя. Іостъ, позволь мнѣ бросить этотъ молитвенникъ въ печку. Онъ къ тому же не совсѣмъ чистъ — на немъ слѣды земли и воды.

— Оставь, дитя — сказалъ я. Она презрительно пожала плечами и положила книгу на столъ. Я разсказалъ ей исторію этой книжечки, чудеснымъ образомъ пережившей обвалъ въ Зельматѣ. — Она была найдена на самомъ мѣстѣ катастрофы, и Дуглора подарила мнѣ ее. Это было единственное, что у нея осталось на память о родномъ домѣ и семьѣ. Она просила меня каждую ночь класть этотъ молитвенникъ подъ подушку, чтобы онъ былъ мнѣ защитой отъ всѣхъ опасностей и искушеній.

— Амулетъ! — гнѣвно и съ горечью воскликнула Бигъ. — Я ненавижу эту книгу. Позволь мнѣ бросить ее въ огонь. — Она тянулась рукой къ молитвеннику. Но я рѣшительно запротестовалъ.

— Нѣтъ, Бигъ, оставь мнѣ эту книжечку. Не будь мелочной — тебѣ это такъ мало свойственно.

— Неужели ты не можешь принести для меня даже и такой маленькой жертвы?

— Ни въ какомъ случаѣ, Бигъ. Твоя просьба неразумна. Та, которая подарила мнѣ этотъ молитвенникъ, не сдѣлала зла ни мнѣ, ни тебѣ. И то, что эта книга у меня, не можетъ быть для тебя оскорбительно; я же пересталъ бы уважать себя, если бы пожертвовалъ твоей прихоти такимъ воспоминаніемъ. И я сохраню этотъ маленькій памятникъ моей первой юношеской любви.

Увидя мою твердость, Бигъ смирилась; слезы обиды выступили на ея глазахъ; она бросила мнѣ взглядъ, полный горькой укоризны, и, гордо закинувъ голову, вышла, какъ разгнѣванная королева. Но, хоть и вспыльчивая, Бигъ не умѣла долго сердиться. Немного погодя, она пришла сердечно пожелать мнѣ доброй ночи, и отъ этой ссоры въ ней не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ легкой грусти и серьезности, которая необычайно шла къ ней. Въ ея любви ко мнѣ было теперь какъ будто еще больше нѣжности; ея натура требовала человѣка, который имѣлъ бы мужество иной разъ и перечить ея желаніямъ и капризамъ.

Мы никогда больше не упоминали объ этой книжечкѣ. Только много времени спустя, незадолго до внезапной кончины Бигъ, въ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ часовъ ея и моей жизни, я пришелъ къ сознанію, что для насъ обоихъ было бы много лучше, еслибъ я тогда уступилъ ей и пожертвовалъ невиннымъ залогомъ любви Дуглоры.

XXIII.

«Вашингтонъ»—такъ звался пароходъ, несшій насъ изъ Нью-Іорка черезъ Гаванну на Вера-Круцъ. Завидя берегъ Флориды, мы съ Бигъ, которая къ этому времени развеселилась, вышли на палубу и просидѣли тамъ до глубокой ночи, не чувствуя усталости. Красота южныхъ морей не поддается описанію. Темныя воды были глубоки, недвижны, какъ погребальный покровъ. Выплывшій на небо мѣсяцъ лилъ свой кроткій свѣтъ, словно изъ опрокинутой серебряной чаши. Звѣзды, болѣе крупныя и яркія чѣмъ у насъ на родинѣ отражались въ волнахъ, зажигая воду фосфорическими отсвѣтами; все море порой сверкало какими-то волшебными огоньками, а на горизонтѣ оранжевая полоса дивной красоты отдѣляла небо отъ моря. Мимо пронеслось какое-то судно съ распущенными бѣлыми парусами. Чуть вѣялъ тихій, теплый вѣтерокъ. Я шепнулъ Бигъ:

— Сколько еще прекраснаго на свѣтѣ и помимо воздухоплаванія!

Она, слегка вздохнувъ, отвѣтила:

— А все-таки не будемъ забывать нашего уговора съ Зоммерфельдомъ.

День спустя мы увидали впереди высокія вершины кубанскихъ горъ. Въ Гаваннѣ мы простились съ Фрицхеномъ, маленькимъ другомъ Бигъ. И, наконецъ, передъ нами открылась желанная цѣль нашего пути — гавань Вера-круцъ. Восходящее солнце заливало алымъ блескомъ снѣжную вершину пика Оризабы и кратеръ Кофръ де Перотъ; на далекомъ горизонтѣ призрачно синѣли Кордильеры.

Пріятная неожиданность: донъ Гарсіа Лео де Квифортъ выслалъ намъ навстрѣчу одного изъ юныхъ родственниковъ Бигъ, дона Іоакина Рибейра, въ сопровожденіи слуги; они проводили насъ до столицы...

Нотаріусъ и адвокатъ донъ Гарсіа Лео де Квифортъ, жившій на главной площади города, принялъ насъ съ рыцарской любезностью, свойственной знатнымъ испанцамъ. Еще бодрый

старикъ, съ живописной головой Зевса олимпійскаго, онъ вышелъ навстрѣчу Бигъ съ раскрытыми объятіями и безъ конца обнималъ и цѣловалъ ее.

— Мое солнышко! Дѣтка моя милая!—восклицалъ онъ.— Вѣдь я васъ на рукахъ носилъ. Красавицей-то какою выросла. Впрочемъ, я всегда былъ въ этомъ увѣренъ. Она и въ дѣтствѣ была красавицей. Какъ я радъ, что мнѣ еще разъ довелось увидѣть васъ, счастье моей старости!—И снова, и снова объятія. Видя, что я не обижаюсь этой нѣсколько театральной нѣжностью, Бигъ съ милымъ лукавствомъ принимала изліянія своего стараго опекуна. Наконецъ донъ Гарсіа обернулся ко мнѣ, похвалилъ выборъ Абигаили и принялся велерѣчиво восхвалять достоинства и совершенства моей жены, уснащая свою рѣчь всѣми цвѣтами краснорѣчія, свойственными южанамъ.

Надъ этимъ его полу-отеческимъ, полу-влюбленнымъ отношеніемъ къ Бигъ мы нерѣдко подтрунивали наединѣ; но все же, нотаріусъ былъ превосходный, вполнѣ достойный человѣкъ, дѣлавшій все возможное, чтобы скрасить наше пребываніе въ Мексикѣ. Нѣсколько недѣль прошли, какъ сплошной праздникъ. Мы то ѣздили смотрѣть бой быковъ, то въ театръ, то къ родственникамъ Бигъ, которые, по обычаю страны, наперерывъ приглашали насъ къ себѣ, радушно принимали, дарили намъ лошадей, на которыхъ мы учились ѣздить верхомъ,—но о главномъ, о томъ, для чего мы пріѣхали сюда, даже и не заговаривали. По всей вѣроятности потому, что споръ о наслѣдствѣ еще не былъ разрѣшенъ, и въ сердцахъ у всѣхъ у нихъ тлѣла глухая вражда. Наконецъ, мнѣ удалось узнать, что серебряный рудникъ, изъ-за котораго шелъ споръ, находится въ Марсилѣ, вблизи горнозаводскаго города Гванахуато, на склонѣ Кордильеръ. Въ этомъ рудникѣ всего одна шестнадцатая часть принадлежала Бигъ; онъ былъ сданъ въ аренду, эксплоатировался очень плохо, и наиболѣе благоразумные изъ его владѣльцевъ единодушно находили, что самое выгодное было бы продать его горнопромышленному обществу съ солидными капиталами, которое давало за него большія деньги. Но дѣло тормозилось недовѣріемъ другихъ. Я, наконецъ, стосковался въ этой вынужденной праздности и рѣшилъ лично осмотрѣть рудникъ. И, такъ какъ жена моя не хотѣла оставаться одна у донъ Лео Квифорта, мы поѣхали вмѣстѣ съ нею въ сопровожденіи двухъ слугъ. Въ два дня мы добрались до города Гванахуато, живописно расположеннаго надъ глубокимъ ущельемъ, и до Марсильскихъ рудниковъ, изъ которыхъ нашъ слылъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ.

По рекомендаціи Квифорта, намъ дали разрѣшеніе спуститься въ рудникъ, напомнившій мнѣ наши шиферныя копи въ Зельматѣ. Мимо статуи Мадонны смуглокожій, рослый проводникъ съ факеломъ въ рукахъ повелъ насъ по огромнымъ каменнымъ плитамъ въ широкіе подземные корридоры, безмолвіе которыхъ порою нарушалось хлюпающими шагами маленькихъ фигурокъ, напоминающихъ гномовъ. Все дальше и дальше въ глубь уходили эти безконечные корридоры; воздухъ становился теплымъ, сырымъ, удушливымъ, пропитаннымъ вредными газами.

— Мы, кажется, спускаемся въ адъ?—полу-шутя, полу-испуганно спрашивала меня Бигъ. Почти часъ мы шли, пока добрались до главной шахты, гдѣ производились работы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь было страшно, какъ въ аду. Озаренные невѣрнымъ, жуткимъ свѣтомъ факеловъ, до сотни совершенно обнаженныхъ людей вонзали свои кирки въ твердыя стѣны шахты. Поистинѣ, адская работа! Не успѣли мы какъ слѣдуетъ приглядѣться къ этой картинѣ, какъ услыхали сигналъ—отступить. Раздался взрывъ. Блескъ молніи, оглушительный ударъ, послѣ котораго все дно шахты оказалось усѣяннымъ блестящими кусками руды. Подъ надзоромъ надсмотрщика, рабочіе взвѣшивали эти куски, и счетомъ накладывали ихъ въ корзины, которыя носильщики уносили по тѣмъ же безконечнымъ корридорамъ наверхъ, гдѣ, совершалась промывка и очистка руды отъ постороннихъ примѣсей. Но эти носильщики—тѣ самые, которые раньше попадались намъ навстрѣчу, тѣ самые, чьи хлюпающіе шаги мы слышали раньше, были дѣти: индѣйскіе мальчики и дѣвочки, начиная отъ семи лѣтъ—одни съ искривленными, другіе съ израненными и гноящимися спинами. Подъ присмотромъ нѣсколькихъ стариковъ, они взваливали себѣ на плечи корзины и мѣшки съ рудой, покорно выстраивались гуськомъ—и исчезали въ темныхъ корридорахъ.

До боли тяжело было смотрѣть на этихъ несчастныхъ измученныхъ непосильной работой дѣтей. Бигъ со стономъ упала мнѣ на руки, почти безъ чувствъ.

— Такъ вотъ какъ наживаются тѣ деньги, которыя до сихъ поръ я тратила такъ легкомысленно!—тихонько стонала она.—Къ нимъ прилипаетъ кровь замученныхъ, невыразимо несчастныхъ дѣтей.

— Вѣдь это и всегда такъ было,—пояснилъ нашъ проводникъ, не понимавшій болѣзненнаго раздраженія моей жены.

— Но это измѣнится, какъ только рудникъ попадетъ въ руки людей, которые примѣнятъ къ его эксплоатаціи всѣ новѣйшія усовершенствованія горнозаводской техники,—возразилъ я,

самъ глубоко потрясенный.—Тогда трудъ дѣтей будетъ замѣненъ машинами.

Изумленный и радостный взглядъ моей жены былъ мнѣ наградой: для нея эти слова прозвучали, какъ избавленіе.

— Іостъ,—выговорила она дрожащимъ голосомъ,—употреби всѣ усилія для того, чтобы продать рудникъ. Я уговорю дона Квифорта. Иначе меня день и ночь будутъ преслѣдовать эти измученныя дѣтскія личики.

Въ нашей жизни была теперь высокая, благородная цѣль. Я написалъ Зоммерфельду, что врядъ ли вернусь весной; онъ отвѣтилъ, что жалѣетъ объ этомъ, но понимаетъ меня. Я энергично принялся за дѣло, убѣждая медлительныхъ и придирчивыхъ мексиканцевъ поспѣшить съ продажей рудника горнопромышленному обществу, о которомъ я говорилъ раньше. Мексиканцы, прозвавшіе меня «Гамбургскимъ купцомъ», подъ вліяніемъ Лео Квифорта, склонны были довѣрять мнѣ больше, чѣмъ своимъ братьямъ и дядямъ; горнопромышленная компанія была довольна, что нашла человѣка, на слово котораго можно положиться—и въ маѣ договоръ былъ заключенъ. Бигъ ликовала.

— И тамъ оговорено, чтобы дѣти не работали, а были замѣнены машинами? — допытывалась она. Но этого утѣшенія я не могъ ей доставить.

— Нѣтъ, Бигъ, въ контрактъ мнѣ этого не удалось включить. Но я надѣюсь, что впослѣдствіи мнѣ удастся положить конецъ этой жестокой эксплоатаціи туземной молодежи. Придется намъ отказаться отъ нашихъ плановъ стать воздухоплавателями—мнѣ предлагаютъ взять на себя представительство интересовъ всей твоей родни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекрасное мѣсто въ горнопромышленномъ обществѣ.

На глазахъ Бигъ выступили слезы.

— О, я не люблю Мексики! Теперь я знаю, что такое тоска по родинѣ—я тоскую по Европѣ.Я такъ мечтала о скоромъ нашемъ возвращеніи въ Европу, такъ радовалась ему!..—Нѣсколько дней она, видимо, боролась съ собой и, наконецъ, рѣшилась.—Хорошо, Іостъ. Мы остаемся здѣсь. Я знаю, что тебѣ предлагаютъ мѣсто, достойное тебя, и было бы жаль не взять его. По всей вѣроятности, въ этомъ положеніи тебѣ удастся облегчить и участь бѣдныхъ индѣйскихъ ребятишекъ. А затѣмъ, Іостъ—можетъ быть, судьба пошлетъ и намъ ребеночка.—Глаза моей жены сіяли такой безконечной вѣрой...

Получить это мѣсто было для меня теперь очень важно. Оно вознаграждало меня за мой разрывъ съ Конрадомъ Баль-

меромъ, давало мнѣ твердую почву подъ ногами и избавляло отъ необходимости жить на средства моей жены — хотя она съ радостью и безпечностью любящаго ребенка и перевела на мое имя все свое состояніе. Горнопромышленное общество, видимо, питало ко мнѣ полное довѣріе. Въ душѣ моей зашевелились честолюбивыя мечты. Но въ послѣднюю минуту, когда успѣхъ, казалось, былъ ужъ обезпеченъ, на пути моемъ всталъ соперникъ, донъ Рибейра—тотъ самый родственникъ моей жены, котораго донъ Гарсіа выслалъ намъ на встрѣчу. Онъ тоже выставилъ свою кандидатуру на представительство отъ родственниковъ. И большинство ихъ оказалось на его сторонѣ. «Зачѣмъ отдавать чужому? Почему не Рибейрѣ, который плоть отъ плоти и кровь отъ крови нашей?» Борьба между нами разгоралась, и теперь видный постъ въ Марсилѣ казался мнѣ еще болѣе желаннымъ.

— Собственно говоря, этотъ споръ съ дономъ Рибейра можно разрѣшить очень просто, — сказалъ однажды мнѣ донъ Гарсіа. Онъ былъ искренно расположенъ ко мнѣ, въ силу своего отеческаго участія къ Бигъ, и все время поддерживалъ меня совѣтами и указаніями, очень цѣнными, такъ какъ онъ былъ человѣкъ большого опыта.—Сдѣлайтесь мексиканскимъ гражданиномъ. Оставьте имя Вильди, которое звучитъ не очень пріятно для мексиканскаго уха и выдаетъ ваше иностранное происхожденіе. Возьмите другое—ну хоть бы мое: оно хоть и французскаго происхожденія, но давно уже привилось въ Мексикѣ и принадлежитъ одному изъ самыхъ уважаемыхъ родовъ въ странѣ. Я отъ души предлагаю вамъ свое имя; оно незапятнано, — и, повернувшись къ Бигъ, онъ прибавилъ: — Если вы, мое солнышко, примете мою фамилію, для меня это будетъ большою радостью, быть можетъ,—послѣднею въ жизни.

Она поспѣшно возразила:

— Въ сущности, въ переносномъ значеніи этихъ словъ, Вильди и Квифортъ—почти одно и то же, а для меня—она весело улыбнулась мнѣ—наединѣ со мной ты всегда останешься моимъ милымъ Іостомъ Вильди. Итакъ, прими имя Квифортъ, и ты получишь это мѣсто.

Бигъ отнеслась къ этому легко, но мнѣ это предложеніе стоило многихъ безсонныхъ ночей. Я былъ страшно удрученъ. Я жаждалъ получить это мѣсто, но отречься отъ родины, натурализоваться въ Мексикѣ?—Собственно, почему бы и нѣтъ? Что мнѣ эта убогая долина въ горахъ за океаномъ, этотъ засыпанный обваломъ домъ, въ которомъ прошло мое дѣтство? Все равно,

мнѣ ужъ не бывать тамъ никогда — изъ-за Дуглоры, душевный покой которой я обязанъ оберегать. Родина?—Я вытащилъ клочки жестокаго оффиціальнаго письма и перечиталъ его, заглушая ласковые голоса, которыми старая родина молила меня: «Не измѣняй мнѣ. Не покидай меня». Я умышленно растравлялъ старую рану, разжигалъ въ себѣ негодованіе и злобу и съ злорадным удовольствіемъ представлялъ себѣ, какъ обидятся ландаммапъ и весь гауенбургскій совѣтъ, когда тотъ, кого они такъ несправедливо обидѣли, самъ отречется отъ родины. Но отказаться отъ честнаго отцовскаго имени? Это было всего труднѣе. Слишкомъ трудно для меня. Я всегда съ гордостью и любовью носилъ это имя: «Іостъ Вильди», напоминавшее мнѣ о моихъ сказочныхъ предкахъ. Хоть молодость моя и была бурной, честь этого имени осталась незапятнанной. Я чувствовалъ, что это имя—часть меня самого, что я уже не буду прежнимъ человѣкомъ, когда перестану носить его. И не стану лучшимъ. Мнѣ до конца жизни будетъ стыдно передъ своимъ отцомъ и предками за свою измѣну. Мнѣ мерещилось, что отецъ переворачивается въ могилѣ, а на Фейерштейнѣ духи прежнихъ его обитателей, дикихъ людей, жалобно стонутъ: «Горе намъ! Стыдъ и позоръ на голову выродка, отрекшагося отъ насъ!»

Въ это время меня посѣтилъ предсѣдатель горнопромышленнаго общества, донъ Морено, бельгіецъ, натурализовавшійся въ Мексикѣ. Видя мои колебанія, онъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить меня.

— Вы — именно такой человѣкъ, какого намъ нужно,— говорилъ онъ. Для насъ чрезвычайно важно использовать ваши выдающіяся дарованія; мы предлагаемъ вамъ блестящее положеніе и вовсе не хотимъ, чтобы къ намъ вошелъ представитель старой, прогнившей Мексики. Знаемъ мы эту породу. Ну, сдѣлайте имъ эту уступку, разъ ужъ у нихъ такъ преувеличенно развито чувство національной гордости. Вѣдь вы въ Новомъ Свѣтѣ; здѣсь многое легко, что было бы трудно въ Старомъ. Что такое фамилія, подданство? Знаете поговорку умныхъ римлянъ — они были практичный народъ: «Родина— тамъ, гдѣ тебѣ хорошо». А о томъ, чтобы вамъ и вашей супругѣ было хорошо у насъ, мы ужъ умѣемъ позаботиться. Люди привыкаютъ, пускаютъ корни. Да вотъ вамъ примѣръ: я самъ. Я сдѣлалъ именно то, что теперь слѣдуетъ сдѣлать вамъ. И посмотрите на меня — развѣ я каюсь въ этомъ? Имя? Имя— шелуха; самъ человѣкъ—ядро. Проявите свою энергію подъ именемъ Квифорта, добейтесь успѣха—и вы полюбите это имя.

— Принимаете ли вы мѣры къ тому, чтобъ упразднить дѣтскій трудъ въ томъ рудникѣ, который раньше намъ принадлежалъ?—спросила Бигъ, присутствовавшая при этомъ разговорѣ.

Донъ Морено почтительно поклонился.

— Сударыня, первымъ и завиднымъ долгомъ вашего супруга будетъ обсудить, вмѣстѣ съ нами, какъ при помощи техническихъ приспособленій, упразднить эту жестокую эксплоатацію дѣтей.

Бигъ смотрѣла на меня; въ глазахъ ея я читалъ нѣмую, горячую мольбу.

Главнымъ образомъ изъ-за этого я началъ колебаться, а затѣмъ и палъ. Съ глубокимъ стыдомъ сознаюсь: ради блестящаго положенія я отрекся отъ имени и родины. Смущенный нѣжной мольбой любимыхъ глазъ, я сдѣлалъ величайшую глупость. Какъ только донъ Морено ушелъ, наступило раскаяніе. Но было уже поздно. У «сильнаго» Іоста Вильди полились слезы изъ глазъ при мысли объ измѣнѣ родинѣ, и самыя ласковыя слова его жены, и даже перспектива облегчить участь бѣдныхъ эксплоатируемыхъ дѣтей были для меня въ эти минуты слабымъ утѣшеніемъ. Я зналъ только, что я поступилъ, какъ Исавъ, промѣнявшій право первородства на чечевичную похлебку. Я утратилъ нѣчто такое, что для человѣка такъ же дорого, какъ воздухъ и свѣтъ.

Прежде чѣмъ я успѣлъ одуматься, я уже получилъ мѣсто, котораго добивался, а донъ Гарсіа Лео Квифортъ, съ тщеславіемъ влюбленнаго старика радовавшійся, что Бигъ будетъ носить его фамилію, самъ, безъ моего содѣйствія, устроилъ все и добылъ мнѣ мексиканскій паспортъ.

Но, когда нѣкоторое время спустя изъ Гауенбурга пришло оффиціальное извѣщеніе о томъ, что я формально исключенъ изъ союза моего народа, этотъ день былъ для меня однимъ изъ самыхъ тяжкихъ въ жизни. Тамъ еще разъ, въ послѣдній разъ, стояло имя: «Іостъ Вильди». Буря бушевала въ душѣ моей. Я самъ себѣ казался отверженцемъ, ударившимъ рукою по лицу родную мать. Теперь я сталъ совсѣмъ чужимъ родинѣ; но и тогда я уже зналъ, что настанетъ день, когда я, стоя у порога родной страны, буду на колѣняхъ молить ее: «Прости невѣрному сыну»..

И, много лѣтъ спустя, день этотъ насталъ.

Когда судьба снова забросила насъ въ Старый Свѣтъ, и мы вернулись къ тѣмъ планамъ жизни, отъ которыхъ уже совсѣмъ отказались-было, я продолжалъ называться тѣмъ же мекси-

канскимъ именемъ. На это у меня были вѣскія причины. Но никому я не посовѣтовалъ бы слѣдовать моему примѣру. Чувствуется какая-то разорванность въ душѣ, когда вы носите одно имя, а зоветесь другимъ.

Опять сочельникъ—канунъ Новаго Года. Въ полночь, когда внизу, въ долинѣ, звонили колокола, звонъ которыхъ не доносился до меня, я освѣтилъ бенгальскимъ огнемъ обсерваторію и пустилъ съ вершины шесть ракетъ къ безмолвнымъ звѣздамъ: три на прощанье старому, три—въ честь Новаго года. Внизу, очевидно, замѣтили эти знаки. Изъ селеній, расположенныхъ у подножія Фейерштейна, мнѣ отвѣтили тѣмъ же: братья-люди поздравили съ новымъ годомъ одинокаго отшельника снѣжной вершины. Больше всего я радовался огнямъ, которые зажигались въ Зельматскомъ ущельѣ. Всѣ мои мысли были съ вами, мой Гансъ и моя Готлоба. Дай Богъ, чтобъ этотъ годъ привелъ насъ къ желанной цѣли. Я спрашиваю себя, милый Гансъ, удастся ли намъ завтра пожать другъ другу руку, и сердце мое тревожно бьется...

Не удалось. Приступъ отбитъ. Уже въ десятомъ часу я разглядѣлъ въ мою подзорную трубу, какъ Гансъ и еще нѣсколько человѣкъ пытались вскарабкаться на вершину. Мы видѣли другъ друга, посылали другъ другу привѣты; но, за дальностью разстоянія, разслышать ничего нельзя было. Я видѣлъ только, какъ люди тащили канаты, колья и лѣстницы для борьбы съ нависшими снѣжными глыбами. Но не могъ видѣть ихъ геройской борьбы, такъ какъ скалы вершины слишкомъ круто обрывисты. Часы ожиданія были мучительны. Ни признака жизни... Наконецъ, я не выдержалъ и забывъ о своей хромой ногѣ, заковылялъ имъ на встрѣчу...

Нѣтъ, не стану описывать этотъ день, со всѣми его переходами отъ надежды къ унынію.

Въ три часа у скалы, которая зовется Опаснымъ Шагомъ, опять появились люди; походка ихъ обличала усталость и уныніе. Помахавъ мнѣ платками, они повернули и поспѣшно стали спускаться обратно въ долину. Гансъ, утромъ шедшій впереди всѣхъ, теперь шелъ послѣднимъ. Время отъ времени онъ оборачивался и поглядывалъ на Фейерштейнъ. Вплоть до наступленія сумерекъ, мнѣ видно было это унылое шествіе. Когда послѣдній скрылся изъ виду, я страшно затосковалъ въ своемъ одиночествѣ.

Да, Гансъ, хотѣлось бы поговорить съ тобой—о тебѣ, о Готлобѣ; это такъ подбодрило бы меня...

Что же теперь? Скрѣпиться, терпѣливо перенести это тяжкое разочарованіе, пережить какъ-нибудь этотъ грустный день—и писать, писать...

Измѣна родинѣ не принесла счастья ни мнѣ, ни Бигъ. Не мало времени понадобилось мнѣ, чтобы освоиться съ мыслью, что теперь я—Лео Квифортъ младшій. Когда я, съ кѣмъ-нибудь знакомясь, называлъ себя этимъ именемъ, я со стыдомъ мысленно говорилъ себѣ: «Какъ ты лжешь, Іостъ Вильди». Но постепенно я пріучилъ себя къ новой кличкѣ, и, когда буря въ душѣ моей, вызванная перемѣной фамиліи и національности, немного улеглась, жизнь въ Марсилѣ стала мнѣ очень нравиться. Обязанности, связанныя съ моимъ новымъ мѣстомъ, были для меня не трудны; дѣло привычное, торговое, а жизнь была обставлена очень красиво. Съ высоты, на которой стояла наша маленькая вилла, открывался живописный видъ на долину, прорѣзанную свѣтлой рѣкой. Несмотря на прохладный горный климатъ, всѣ дома нашихъ служащихъ были окружены прелестными садами; надъ нами, какъ въ Зельматѣ, высились крутыя высокія горы, на вершинахъ которыхъ утромъ и вечеромъ горѣла заря, и снѣга на нихъ отливали розовымъ блескомъ.

Бывали мгновенія, часы, цѣлые дни, когда я говорилъ себѣ, что мое теперешнее положеніе куплено не слишкомъ дорогою цѣной, вздыхалъ свободнѣе и сердцемъ вѣрилъ, что постепенно мы приживемся здѣсь, привыкнемъ и пустимъ корни въ этой странѣ. Въ одномъ изъ такихъ счастливыхъ настроеній я не устоялъ противъ желанія написать Конраду Бальмеру, какой переворотъ произошелъ въ судьбѣ бывшаго Іоста Вильди, и какъ онъ хотя и тяжелою, дорогою цѣной, но все же достигъ высокаго и завиднаго положенія. На это письмо я получилъ неожиданно любезный отвѣтъ. «Я увѣренъ,—писалъ Бальмеръ,—что и въ Новомъ Свѣтѣ вы сумѣете создать себѣ богатый и прекрасный міръ; что же касается жертвъ, нечего жалѣть о нихъ, ибо всякій, кто пробиваетъ себѣ дорогу, платитъ за успѣхъ кровью своего сердца». Письмо это, въ которомъ была и учтивая просьба «передать поклонъ супругѣ», окончательно залечило старую рану и было мнѣ какъ бы порукой, что мы дѣйствительно начинаемъ пускать корни въ Марсилѣ.

Почему бы и нѣтъ? Даже Бигъ примирилась съ мыслью, что страна, гдѣ она родилась, стала родиной для насъ обоихъ.

Она углубилась въ изученіе исторіи Мексики, исторіи ея открытія и завоеванія, и тѣмъ болѣе увлеклась этимъ, что во время нашихъ экскурсій и поѣздокъ мы видѣли немало интереснѣйшихъ развалинъ и памятниковъ, свидѣтельствовавшихъ о высокомъ уровнѣ культуры первобытнаго населенія страны.

— Мой отецъ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ,—жаловалась она;—но теперь я сама вѣрю, что могу полюбить эту страну. Она обвѣяна ароматомъ искусства и поэзіи.

Къ сожалѣнію, такіе моменты у жены моей были не часты. Она вскорѣ стала любимицей марсильской аристократіи, но нерѣдко задѣвала сравненіями Мексики съ Италіей, всегда въ ущербъ первой. Изъ этого я заключалъ, что втайнѣ она все еще тоскуетъ по Европѣ. И порой я видѣлъ ее серьезной, слишкомъ серьезной.

— Ну, будь же снова веселымъ, шаловливымъ, балованнымъ ребенкомъ, въ котораго я влюбился въ Гамбургѣ,—просилъ я.—Она отвѣчала только нѣжнымъ: «Іостъ!»—и, когда я, усталый, послѣ работы, возвращался въ нашъ прелестный домикъ, она бросалась мнѣ на встрѣчу съ ликующимъ крикомъ: «Іостъ Вильди! Іостъ Вильди!» чтобы порадовать меня звукомъ стараго, привычнаго имени. Но на щекахъ ея я видѣлъ слѣды тайныхъ слезъ.

Моей женѣ недоставало ребенка. Я самъ мечталъ объ этомъ; мнѣ самому хотѣлось, чтобы сынъ или дочь связали меня еще крѣпче съ моей новой родиной, но печалиться, какъ Бигъ, о несбывшейся надеждѣ я не могъ. Ея горе было глубоко и безмолвно; только разъ у нея вырвалось съ тоской и завистью: «Какъ я завидую этой нищенкѣ! у нея есть ребенокъ».

Нѣсколько недѣль спустя, незадолго до второго Рождества, которое мы проводили въ Мексикѣ, въ одномъ изъ рудниковъ нашего общества произошелъ несчастный случай. Ирландецъ-инженеръ, изъ низшихъ служащихъ, былъ убитъ преждевременнымъ взрывомъ мины. Рабочіе вокругъ сокрушались:—«Послѣ него осталась двухъ-лѣтняя дочка. Бѣдная сиротка! У нея вѣдь нѣтъ и матери—мать недавно умерла». Я разыскалъ малютку, намѣреваясь передать ее на попеченіе моей жены, но въ первый моментъ даже не рѣшался это сдѣлать. Бѣдный ребенокъ былъ безобразенъ, тщедушенъ до нельзя—кожа да кости—и при этомъ явно болѣзненъ. И я, робѣя, протянулъ Бигъ это хилое созданьице, со словами:

— Вотъ тебѣ рождественскій подарокъ.—При видѣ безобразія ребенка ротъ ея невольно искривился въ гримаску; но

скоро жалость побѣдила и, когда нѣсколько тупой взглядъ ребенка оживился радостью при видѣ елки, стоявшей на нашемъ столѣ, она уже завоевала сердце Бигъ. Она берегла и лелѣяла Модъ—такъ звали дѣвочку—какъ свое родное дитя, но ребенокъ продолжалъ хирѣть, а къ осени и совсѣмъ расхворался. «Не приспособленный для жизни организмъ»,—пожимая плечами, говорилъ докторъ.—Всѣ мысли Бигъ были теперь сосредоточены на томъ, чтобы вырвать у смерти малютку; она трогательно и самоотверженно заботилась объ этомъ чужомъ ребенкѣ. Тѣмъ не менѣе подъ Рождество Модъ лежала подъ елкой въ маленькомъ бѣломъ гробикѣ.

Мы давно знали, что этого слѣдовало ждать, но, тѣмъ не менѣе, смерть малютки потрясла Бигъ гораздо сильнѣе, чѣмъ я могъ предполагать. Блѣдная, уставившись въ пространство, она сидѣла, недвижная, какъ изваяніе. Я утѣшалъ ее тѣмъ, что у насъ, можетъ быть, скоро будетъ свое дитя, которое съ избыткомъ замѣнитъ намъ Модъ. Но она только подняла ко мнѣ искаженное мукой лицо.

— Что ты такое говоришь, Іостъ? Свое дитя — когда и чужія, лишь только я коснусь ихъ, погибаютъ. Я знаю: каждый ребенокъ, который мнѣ станетъ дорогъ, долженъ умереть.—Вся ея неестественно выпрямленная фигура выражала ужасъ и отчаяніе.

— Ты сама больна, голубка. Откуда у тебя такія ужасныя мысли?

Подъ моими ласками горе ея вылилось въ слезахъ.

— Да, Іостъ, я очень больна!—рыдала она, сжимая мою руку въ своихъ дрожащихъ рукахъ.

Испуганный, я вызвалъ лучшаго мѣстнаго врача. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ наблюдалъ за Бигъ и, наконецъ, сказалъ мнѣ:

— Если вамъ дорога ваша жена, увезите ее обратно въ Европу—здѣсь ей не поправиться. У нея тяжелая форма душевнаго разстройства.

Это былъ ударъ грома среди яснаго неба, разрушившій всѣ мои планы, всѣ надежды. Я не сразу рѣшился. Затѣмъ ли я принесъ такую тяжелую жертву, отрекся отъ имени и родины, чтобы такъ скоро снова покинуть страну, гдѣ только началъ приживаться, и промѣнять ее на неизвѣстность? Затѣмъ ли я сдѣлалъ доброе дѣло, принесши моей женѣ осиротѣвшаго ребенка, чтобъ этотъ ребенокъ унесъ послѣднюю крупицу душевнаго покоя, добытую съ такимъ трудомъ? Правда, два обстоятельства нѣсколько

примиряли меня съ коварствомъ судьбы: человѣкъ, великодушно уступившій мнѣ свое имя, и во всемъ поддерживавшій меня, лежалъ въ постели, разбитый параличемъ, и многіе изъ родственниковъ моей жены, раньше дружившіе со мной, теперь отшатнулись отъ меня, подъ предлогомъ, будто бы я недостаточно охраняю ихъ интересы въ нашемъ горнозаводскомъ предпріятіи и добиваюсь лишь собственныхъ выгодъ.

Прошло нѣсколько дней — и случилось нѣчто, положившее конецъ моимъ колебаніямъ. Я засталъ Бигъ надъ книжкою стихотвореній Гете, въ безграничномъ отчаяніи: она сидѣла, вся застывшая, держа пальцы на раскрытой страницѣ, и испуганно вскрикнула при видѣ меня.

— Что съ тобой, моя бѣдняжка? О чемъ ты все тоскуешь?—ласково допытывался я. Она страшно смутилась, растерялась, взмолилась:

— Іостъ! дай мнѣ немного побыть одной!—Но, почувствовавъ, что я пристально смотрю на нее, пролепетала едва слышно, но внятно:—Всякой винѣ на землѣ бываетъ возмездіе.

Я съ тревогой, пытливо смотрѣлъ на нее: во мнѣ снова шевельнулось мучительное подозрѣніе, какъ тогда въ больницѣ, въ Гамбургѣ. Подъ этимъ моимъ пытливымъ взоромъ она утратила всякую власть надъ собою. Почти со стономъ у нея вырвалось:

— Іостъ, подумай о бѣдныхъ, замученныхъ дѣтяхъ въ рудникѣ. Почему мой отецъ принужденъ былъ покинуть родину и скитаться по свѣту, какъ Вѣчный Жидъ? Почему у меня нѣтъ дѣтей? Не потому ли, что на насъ лежитъ проклятіе, что наше богатство было нажито чужими страданіями? Человѣку не подъ силу уловить причинную связь явленій. Пути судьбы неисповѣдимы. Но я чувствую, что это такъ. Директора говорятъ, что теперь участь дѣтей облегчена. Кто знаетъ, правда ли это? Ваши машины привезутъ еще только черезъ три года. А, можетъ быть, и черезъ пять лѣтъ ихъ не привезутъ...

Мучительная тоска звенѣла въ ея голосѣ; все тѣло ея содрогалось, глаза горѣли...

Я молча, въ душѣ, просилъ прощенья у моей благородной жены за то, что смѣлъ подозрѣвать ее.

— Бигъ, хотѣлось бы тебѣ вернуться со мной въ Европу?

Она вся насторожилась. На ея блѣдномъ, исхудаломъ личикѣ заиграла мечтательная улыбка.

— Да, Іостъ!—вздохнула она и склонила голову мнѣ на плечо.

— Зоммерфельдъ мнѣ пишетъ,—продолжалъ я, — что онъ въ послѣдній разъ предпринимаетъ турнэ въ качествѣ воздухоплавателя. Что же, поступимъ къ нему въ ученики?

— Да, Іостъ,—пролепетала она, блаженно упиваясь моими словами, какъ волшебной сказкой. — Я никогда не была такъ счастлива, какъ съ тобою на аэростатѣ.

— И ты станешь опять здоровой и веселой, какъ въ Гамбургѣ?

— Я постараюсь забыть, что на свѣтѣ есть такія ужасныя вещи, какъ рудники и замученныя маленькія дѣти, и буду думать только о томъ, какъ ты безконечно добръ ко мнѣ, мой Іостъ. Я знаю — ты предпочелъ бы остаться въ Марсилѣ, но въ Европѣ я опять стану веселой и радостной... Обѣщаю тебѣ это... — Глаза ея сіяли, какъ два голубыхъ солнца.

Тяжко было для меня это рѣшеніе. Но въ цѣломъ мірѣ у меня не было никого, кромѣ моей жены, и любилъ я ее больше всего на свѣтѣ.

Апрѣль былъ въ началѣ, когда мы покинули Гванахуато и сѣли на корабль, который долженъ былъ насъ доставить въ Европу. Я очень тосковалъ, хотя и старался не показывать этого Бигъ. Отказъ отъ мѣста, которое я занималъ въ Марсилѣ, былъ окончательнымъ разрывомъ съ мирной жизнью, которая, въ концѣ концовъ, всего больше мнѣ была по вкусу. Самъ гнѣвно издѣваясь надъ собой и крушеніемъ всѣхъ моихъ плановъ, отчасти по влеченію, отчасти изъ любви къ моей женѣ, я избралъ своей профессіей воздухоплаваніе.

Милый мой Гансъ! Никто не знаетъ воздухоплавателя Іоста Вильди; но о Лео Квифортѣ слышали многіе. Поразспроси людей. Свѣтъ скоро забываетъ, но все же еще во многихъ городахъ и странахъ найдутся люди, которые помнятъ это имя, въ свое время гремѣвшее по свѣту. Они скажутъ тебѣ: «Онъ былъ смѣлъ и мужественъ, но остороженъ. У него была красавица жена. Такую парочку рѣдко встрѣтишь — настоящая чета артистовъ; и оба съ незапятнанною репутаціей. Немало женщинъ пытались соблазнить своими страстными взглядами гордаго аэронавта Лео Квифорта; не одинъ мужчина отдалъ бы все свое состояніе и честь въ придачу за одну улыбку Бигъ Квифортъ. Но капитанъ умѣлъ шутливо отклонять улыбки и мольбы своихъ поклонницъ, а жена его однимъ надменнымъ взглядомъ умѣла такъ уничтожить дерзкаго поклонника, что у того ужъ больше не хватало мужества надоѣдать ей своимъ ухаживаніемъ. Никогда третій или третья не становились между этими супругами, изумлявшими міръ своей вѣрностью...

И все же, однажды лѣтомъ, воздухоплаватель появился одинъ, безъ жены... О причинахъ говорили разно. Самъ капитанъ не опровергалъ ни одной изъ версій, пытавшихся объяснить исчезновеніе Бигъ Квифортъ, и чѣмъ дольше жилъ, тѣмъ болѣе становился философомъ».

Такъ, мой Гансъ, отвѣтятъ тебѣ, если ты въ какомъ-нибудь большомъ городѣ вздумаешь навести справки о воздухоплавателѣ Лео Квифортѣ. Почему я оставилъ за собой это имя, котораго я, въ сущности, всегда терпѣть не могъ, а не вернулся къ прежнему милому имени Іоста Вильди?—спросишь ты.—Мнѣ стыдно было, что на родинѣ могутъ узнать, что я, сынъ почтенныхъ родителей, честнаго крестьянина и торговца Клауса Вильди изъ Зельмата, сталъ искателемъ приключеній, богемой и «артистомъ». И потомъ,—этого хотѣла Бигъ.

На аэростатѣ забывается многое. Вольная жизнь перелетныхъ птицъ разрушила мрачныя чары, владѣвшія въ Марсилѣ душою Бигъ. Она сдержала свое обѣщаніе: она вновь стала моей, веселой, шаловливой, радостной женой, которая всюду, гдѣ она ни появлялась, вызывала восхищеніе, пріязнь и сочувствіе. Веселой? — Вправду ли она была веселой?..

Теперь я навѣрное знаю, что незнакомецъ, котораго я раза два видѣлъ въ Зельматской долинѣ, входящимъ въ домъ Хангштейнера, былъ докторъ изъ Цвейбрюкена, и еще третьяго дня заподозрилъ, что Хангштейнеръ, давно уже хворавшій, умеръ, такъ какъ изъ дому и въ домъ все время сновали темныя фигуры. А вчера вечеромъ мои подозрѣнія подтвердились. Возлѣ скромной церковки, выстроенной на мѣстѣ прежняго величаваго Божьяго дома, двое людей долго возились въ сугробѣ, видимо, роя могилу.

Въ моей душѣ бушевала такая буря чувствъ, что я не могъ дотронуться до этой рукописи. Мнѣ жутко было думать о бренности человѣческой природы; я поспѣшилъ сдѣлать всѣ нужныя распоряженія на случай моей собственной кончины, написалъ письма, завѣщаніе, и уничтожилъ все, что напоминало только о моихъ человѣческихъ страстяхъ и слабостяхъ—письма и портреты всѣхъ женщинъ, которыя звались не Дуглорой и не Абигаилью.

Хотя Хангштейнеръ и не былъ мнѣ другомъ, все же мнѣ жаль, что онъ такъ рано умеръ. Смерть все примиряетъ. Я сегодня присутствовалъ на его похоронахъ. Въ темномъ праздничномъ костюмѣ я стоялъ на вершинѣ и, когда кучка одѣтыхъ въ

черное людей, зельматцевъ и нѣсколькихъ цвейбрюкенцевъ, опустила гробъ въ могилу, я снялъ шляпу и мысленно послалъ умершему послѣдній, прощальный привѣтъ. Онъ, навѣрное, былъ трогательнѣе надгробной рѣчи, сказанной цвейбрюкенскимъ священникомъ, который иногда отправляетъ требы въ маленькой зельматской церкви; въ немъ была сердечная признательность за единственный красивый и безкорыстный поступокъ, совершенный покойникомъ за всю его долгую и по-мужицки узкую жизнь—за спасеніе Дуглоры въ самый тяжкій часъ ея жизни. Объ этомъ лучшемъ дѣлѣ его жизни на родинѣ такъ и не узнали. Да и какъ могли узнать? Новобрачные никогда не поминали о Гамбургѣ, а, когда у нихъ родился ребенокъ, они жили совсѣмъ одни въ пустынѣ, въ которую превратился Зельматъ послѣ катастрофы. Никто и не пытался проникнуть въ ихъ тайны. Хангштейнеръ не отдалъ на поруганіе женщину, обладаніе которой стоило ему такихъ жертвъ и такой тяжелой борьбы. Когда у Дуглоры родилось дитя, онъ пошелъ въ Цвейбрюкенъ въ канцелярію Совѣта и заявилъ: «У меня родился ребенокъ. Запишите его въ метрическую книгу. Отецъ—я, Мельхи Хангштейнеръ, мать—Дуглора Хангштейнеръ, урожденная Имоберштегъ».

Это былъ подлогъ въ глазахъ закона. Сама Дуглора была не способна на такой обманъ, но, измученная и ослабѣвшая, она допустила своего мужа довершить подвигъ любви, начатый имъ въ Гамбургѣ. Этотъ подлогъ спасалъ ея доброе имя, возвращалъ ей душевный покой, безъ котораго она не въ состояніи была бы жить. Рана понемногу зажила и, благодарная небу, спасшему ее изъ бездны, куда она упала по моей винѣ, она назвала свое дитя Готлобой.

Я не могу осуждать за это ни Дуглору, ни Хангштейнера. Безъ самопожертвованія этого зельматскаго мужичка она, вѣрнѣй всего, утопилась бы въ Эльбѣ, раньше чѣмъ я вернулся бы изъ своего подневольнаго пути и разорвалъ бы сѣти лжи, которыми опутала ее другая женщина, обезумѣвшая отъ любви. Жертва Хангштейнера представляется мнѣ милосердіемъ судьбы по отношенію не только къ Дуглорѣ, но и ко мнѣ.

Хангштейнеръ воспитывалъ Готлобу, какъ свою родную дочь, и никому и въ голову не приходило усумниться, что она—не его дитя. Свѣтъ, вѣдь, слѣпъ: онъ повѣритъ чему угодно, только покажите ему оффиціальныя бумаги, подтверждающія это. Вѣдь, онъ повѣрилъ и тому, что я—Лео Квифортъ, мексиканецъ. Положимъ, что я, потомокъ дикихъ людей, съ своимъ смуглымъ цвѣтомъ лица, могъ сойти за южанина. Но какъ могли они повѣ-

рить, что Готлоба—дочь Хангштейнера? Развѣ ростутъ розы на боярышникѣ? Достаточно было взглянуть на ея огненные темные глаза — и на остальныхъ дѣтей Дуглоры, младшихъ братьевъ и сестеръ Готлобы. Одинъ только обратилъ на это вниманіе—Гансъ, и послѣ этого онъ сталъ мнѣ еще дороже.

Мельхи Хангштейнеръ! Я не брошу камня на твою могилу. Что ты меня ненавидѣлъ — это понятно. Но по отношенію къ Дуглорѣ ты былъ до непонятности благороденъ; ты былъ добрымъ отцомъ Готлобѣ, и я готовъ простить тебѣ, что ты, соблазнившись богатствомъ, хотѣлъ насильно выдать ее замужъ. Вѣдь ты былъ необразованнымъ землепашцемъ изъ Зельматской долины. Да будетъ тебѣ легка земля, да свѣтитъ тебѣ вѣчный свѣтъ!

Такова была моя безмолвная надгробная рѣчь. Когда кучка людей, засыпавъ могилу, разошлась съ кладбища, я вернулся въ обсерваторію, и тутъ только разрѣшилъ себѣ подумать о томъ, какія послѣдствія можетъ имѣть смерть Хангштейнера для Готлобы, для Ганса и для меня самого.

Ничего не могу подѣлать съ собой: все же какъ будто солнечный лучъ проникъ въ мою одинокую келью на вершинѣ. Моя юная парочка можетъ теперь открыто, передъ цѣлымъ свѣтомъ, признать свою любовь, а я свободенъ отъ труднаго обѣта, даннаго мной у смертнаго одра Дуглоры. Я вправѣ говорить, вправѣ писать, открыть тайну и безъ всякихъ опасеній, отдать эту рукопись тебѣ, мой милый Гансъ. Теперь я спокоенъ и найду въ себѣ силу описать бурные и трудные дни, которые мнѣ пришлось пережить.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПАМЯТИ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

I.

Литературная дѣятельность Глѣба Успенскаго, отличавшаяся необыкновенной внутренней цѣльностью и послѣдовательностью, замыкалась въ кругѣ идей и настроеній, который, съ извѣстной точки зрѣнія, представляется очень широкимъ, а съ другой—очень узкимъ. Всего правильнѣе было бы не называть его ни широкимъ, ни узкимъ, а назвать—*заколдованнымъ*.

Всѣ интересы и помыслы Глѣба Успенскаго, какъ художника и какъ публициста, сосредоточивались на коренномъ вопросѣ русской жизни,—на вопросѣ о *крестьянствѣ*, о слояхъ, культурно къ нему близкихъ (мѣщане городскихъ окраинъ, сельское духовенство, рабочіе, «разночинцы»), о психологическихъ отношеніяхъ къ народу демократической интеллигенціи, въ особенности той ея части, которая, движимая душевной болью и тревогой совѣсти, хотѣла бы посвятить себя посильному служенію народу, слить свою жизнь съ его жизнью, потрудиться «на нивѣ народной, сѣя разумное, доброе, вѣчное».

Широко это или узко? Много это или мало?

Прежде всего, это—задача очень сложная, очень трудная и очень отвѣтственная. Отъ писателя, который за нее берется, она требуетъ незаурядныхъ силъ: ума, наблюдательности, широты воззрѣнія, тонкости мысли, тонкости чувства и — большого *такта*, осмотрительности, «глазомѣра». Но и это еще не все, что требуется: нужно имѣть въ душѣ неизсякаемый запасъ любви и жалости, и еще нужно, чтобы эта любовь и жалость не были односторонними и пристрастными, чтобы онѣ были просвѣтлены высшей—человѣческой—гуманностью и чув-

ствомъ справедливости, предостерегающими отъ соблазна судить и рядить по «принципу» (если это—принципъ): «не по хорошу милъ, а по милу хорошъ», — какъ судили нѣкоторые писатели-народники, для которыхъ русскій мужикъ былъ прежде всего «милъ», а потому и во всѣхъ отношеніяхъ «хорошъ».

Но и это — еще не все... Волею судебъ, русская жизнь сложилась такъ, что во всѣхъ классахъ и слояхъ населенія, отъ высшихъ до низшихъ, оказывается, кромѣ всего безотраднаго и всего глубоко - прискорбнаго, еще много глубоко - нелѣпаго и много—смѣшного. Для юмориста она—кладъ, неисчерпаемый источникъ смѣха. Здѣсь для художника таится серьезная опасность—посмѣяться или расхохотаться не во-время и некстати, когда это неприлично или даже жестоко. Писателю съ юморомъ, умѣющему смѣяться и смѣшить, приходится обуздывать этотъ веселый даръ и сплошь и рядомъ подчинять его контролю скорби, совѣстливости и деликатности.

Весьма возможно, что, кромѣ указанныхъ требованій, найдутся еще и другія. Но и тѣхъ слишкомъ достаточно, чтобы понять всю трудность для писателя—держаться на ихъ высотѣ. Очевидно, такой писатель долженъ быть натурой въ своемъ родѣ исключительной, приспособленной спеціально къ воспріятію какъ «широты», такъ и «узкости» нашей національной жизни, нашей исторически-сложившейся дѣйствительности, нашихъ русскихъ задачъ и нашихъ незадачъ...

Такою специфическою натурою и былъ Глѣбъ Успенскій.

II.

«Нравы Растеряевой улицы»...

Глѣбъ Успенскій не сразу подошелъ къ народу, т. е. къ мужику. На его пути лежали слои «городского пролетаріата», т. е., по нашему, мѣщане и всякіе «разночинцы», ютящіеся на окраинахъ городовъ, въ предмѣстьяхъ, слободкахъ. Мѣщанинъ-лавочникъ, мастеровой, канцелярскій чиновникъ, рабочій на заводѣ, обыватель безъ опредѣленныхъ занятій, перебивающійся изо - дня - въ - день — это была та среда, изъ которой онъ самъ вышелъ и которая прежде всего и привлекла къ себѣ его художническую пытливость. Люди темные, забитые, запуганные, жизнь нескладная, скудная, тусклая, нравы жестокіе... Все это зналъ онъ съ дѣтства; онъ выросъ среди этихъ впечатлѣній — и долго не могъ отдѣлаться отъ ихъ кошмарнаго ужаса. Впо-

слѣдствіи, въ автобіографической запискѣ, онъ вспоминалъ: «Вся моя личная жизнь, вся обстановка моей личной жизни, лѣтъ до 20-ти, обрекала меня на полное затменіе ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятій, неразвитость и вообще отдѣляла отъ жизни бѣлаго свѣта на неизмѣримое разстояніе. Я помню, что я плакалъ безпрестанно, но не зналъ, отчего это происходитъ. Не помню, чтобы до 20 лѣтъ сердце у меня было когда-нибудь на мѣстѣ...»—«Начало моей жизни началось (говоритъ онъ тамъ же) только *послѣ забвенія моей собственной біографіи*...»—«Біографія» началась у него съ того момента, когда онъ вырвался изъ этой кошмарной жизни и очутился въ интеллигентной средѣ (въ Москвѣ и Петербургѣ). Тутъ онъ постарался *забыть* прошлое, т. е. весь періодъ дѣтства и отрочества. Но это *забвеніе* нужно понимать очень условно, въ томъ смыслѣ, что среди впечатлѣній новой жизни онъ не думалъ о прошломъ, не хотѣлъ вспоминать его. Однако, въ «Нравахъ Растеряевой улицы», въ превосходномъ разсказѣ: «Парамонъ юродивый»—и въ нѣкоторыхъ другихъ очеркахъ это прошлое воспроизведено въ чертахъ столь яркихъ, что мы понимаемъ не только эти «нравы», эту тьму души и безысходную пошлость жизни, но и ту «боль», тѣ слезы мальчика и юноши, о которыхъ говоритъ Успенскій въ «автобіографической запискѣ». Покойный Н. К. Михайловскій писалъ: «сопоставляя автобіографическую записку Успенскаго съ отдѣльными мѣстами «Нравовъ Растеряевой улицы» и другими, имѣющими характеръ художественной обработки подлинныхъ фактовъ, мы можемъ видѣть, въ чемъ состоялъ тотъ ужасъ существованія въ дѣтствѣ и ранней молодости, о которомъ онъ самъ говоритъ...»

Но неужели среда, гдѣ родился и выросъ Глѣбъ Успенскій, представляла собою сборище уродовъ, пропойцъ, безобразниковъ,—людей, потерявшихъ образъ человѣческій? И если это такъ, то не покажется ли чудомъ фактъ возникновенія изъ этой же среды такой изысканно-тонкой, такой, можно сказать, аристократической въ духовномъ смыслѣ организаціи, какъ Глѣбъ Успенскій?

Среда далеко не была сборищемъ уродовъ, но въ ея жизни, нравахъ и понятіяхъ было много уродливаго. Были, разумѣется, и пропойцы, и безобразники, но сказать, что все это были люди, потерявшіе образъ человѣческій, было бы великой несправедливостью. Это были «люди какъ люди», но на нихъ лежалъ толстый слой умственной и моральной копоти, вѣками отлагавшійся. Этотъ слой можетъ быть снятъ, если провѣтрить спертую атмосферу, дать доступъ въ затхлую среду оздоровляющимъ и обла-

гораживающимъ вліяніямъ просвѣщенія, новыхъ идей, новыхъ вѣяній жизни. У насъ, на Руси, сравнительно-рѣдко встрѣчаются глубоко осѣвшія, окаменѣвшія формаціи историческихъ напластованій, кряжистыя отложенія вѣковъ,—кора, которую ничѣмъ не проймешь. Большею частью это только налетъ, копоть и смрадъ... И то человѣчное, что подъ этимъ скрывается, доступно развитію; оно пластично, податливо, и нерѣдко, пробиваясь наружу, заставляетъ наблюдателя недоумѣвать, откуда оно взялось, какъ могло оно образоваться и выжить... Отсюда всѣ эти противорѣчія и парадоксы русской жизни, которые ставятъ въ тупикъ не только иностранцевъ, но часто и насъ самихъ. Отсюда же и другое: психологическая и моральная возможность смѣха. И еще то, что этотъ смѣхъ, даже самый злой, щедринскій, не оскорбляетъ насъ, не задѣваетъ нашего національнаго чувства. Со временъ Фонвизина наша литература полна смѣха, направленнаго на насъ же самихъ. Иностранцу кажется, что это какое-то самоиздѣвательство, и онъ склоненъ думать, будто у насъ слишкомъ мало національнаго самолюбія. Національное самолюбіе у насъ есть, но мы не шовинисты и, какимъ-то чутьемъ, умѣемъ отличать смѣхъ обидный отъ смѣха безобиднаго. Онъ безобиденъ, когда онъ, во-первыхъ, справедливъ и, во-вторыхъ, когда онъ горекъ. «Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся»—начертано на могилѣ Гоголя. Но, кромѣ справедливости и горечи, есть еще одно оправданіе нашего смѣха: это—его необходимость, какъ элемента, который смягчаетъ тоску и уныніе, вызываемыя созерцаніемъ уродствъ и тьмы нашей жизни. Таково по преимуществу и было значеніе смѣха въ творчествѣ Успенскаго.

III.

Эта сторона или роль смѣха съ особливой отчетливостью выступаетъ въ тѣхъ произведеніяхъ Успенскаго, которыя посвящены изученію народа въ тѣсномъ смыслѣ—крестьянства. Здѣсь Успенскій никого и ничего не осмѣиваетъ; онъ только, время отъ времени, смѣшитъ читателя. Такъ это въ знаменитыхъ полухудожественныхъ, полупублицистическихъ очеркахъ: «Власть земли» и «Крестьянинъ и крестьянскій трудъ».

Въ исторіи народнической идеологіи эти очерки сыграли крупную роль. Здѣсь пѣтъ и тѣни идеализаціи народа. Одушевленный глубокой любовью и жалостью къ мужику, влекомый

стихійною тягою къ народу, Успенскій ставитъ себѣ цѣлью критически разобраться въ путаницѣ народной жизни и въ противорѣчіяхъ крестьянской психологіи. Онъ изучаетъ жизнь мужика, условія и обстановку его труда, классовую и профессіональную психологію крестьянства, его міросозерцаніе, его этику и даже его эстетику. Какъ убѣжденный народникъ и прирожденный демократъ, онъ во всемъ этомъ выдвигаетъ впередъ положительныя стороны, все, что ему, какъ и другимъ, представлялось началомъ здоровымъ и жизнеспособнымъ, залогомъ дальнѣйшаго—прогрессивнаго—развитія. Но въ результатѣ изслѣдованія выходило нѣчто способное смутить и огорчить друзей народа. Оказывалось, что всѣ эти положительныя стороны заключаютъ въ себѣ какую-то роковую порчу—и притомъ не случайную, не внѣшнюю, а внутреннюю, органическую. Въ послѣднемъ счетѣ получался итогъ въ высокой степени отрицательный и безотрадный; изъ плюсовъ выходилъ минусъ, и всѣ разсчеты на лучшее будущее, всѣ народническія мечты и упованія сводились на нѣтъ, а всѣ усилія интеллигенціи помочь народу, работать для него, слиться съ нимъ представлялись совершенно безплодными и безнадежными. Подъ перомъ Успенскаго старое народничество изъ положительнаго превращалось въ отрицательное, и его прежняя оптимистическая окраска смѣнилась горькимъ пессимизмомъ.

Глубокою скорбью, почти отчаяніемъ прозвучали слова Успенскаго, въ которыхъ данъ какъ бы послѣдній выводъ его изысканій. Другъ народа, влекомый къ нему стихійною тягою, одушевленный любовью и жалостью, услышалъ роковое: «Не суйся!»

«Не суйся!—Признаюсь, когда эти слова мелькнули въ моемъ сознаніи, мнѣ стало какъ-то холодно и жутко... До сей минуты мнѣ представлялось, что я и предназначенъ-то собственно для того, чтобы соваться въ дѣла Ивана Ермолаевича, и что самый лучшій жизненный результатъ, котораго я могу желать — это именно быть «потребленнымъ» народною средою безъ остатка и даже безъ воспоминанія, подобно тому, какъ не вспоминается съѣденный часъ назадъ кусокъ бифштекса»...

Въ результатѣ—крушеніе всѣхъ упованій и идеаловъ, основанныхъ на народническомъ базисѣ: «Не имѣя подъ ногами никакой почвы, кромѣ книжнаго гуманства,... я, какъ перо, былъ поднятъ на воздухъ дыханіемъ правды Ивана Ермолаевича и неотразимо почувствовалъ, какъ я и всѣ эти книжки, газеты, романы, перья, корректуры...—всѣ мы безпорядочной, безобразной массой, со свистомъ и шумомъ, летимъ въ бездонную пропасть»...

Заколдованный кругъ замкнулся... Это былъ кризисъ народнической идеи, а сочиненія Глѣба Успенскаго были его знаменіемъ или симптомомъ.

Заколдованный кругъ замкнулся. Глѣбъ Успенскій, великій печальникъ народнаго горя, поэтъ великой народнической скорби, такъ и умеръ, не найдя выхода изъ противорѣчій идеи и жизни, идеаловъ и фактовъ.

Въ 90-хъ годахъ искали выхода изъ этого тупика и думали, что нашли—въ «марксизмѣ». Но жизнь сложнѣе не только народничества, но и марксизма. Она показала, что вопросъ чрезвычайно запутанъ и требуетъ предварительной ревизіи основныхъ положеній, которыя одинаково должны интересовать всѣхъ друзей народа, какъ народниковъ, такъ и марксистовъ, а равно и тѣхъ, которые не пріурочены ни къ тому, ни къ другому полюсу интеллигентской мысли: 1) Должна ли интеллигенція непремѣнно «соваться» въ дѣла Ивана Ермолаевича, или это необязательно, и она имѣетъ свое собственное интеллигентское дѣло и призваніе? 2) Насколько въ самомъ дѣлѣ фатально и смертоносно для интеллигенціи «дыханіе правды Ивана Ермолаевича»? Можетъ быть, на этой «правдѣ» свѣтъ не клиномъ сошелся,—и грядущая исторія выдвинетъ еще много другихъ «правдъ»? 3) Тяга интеллигенціи къ народу, быть можетъ, далеко не тожественна съ самоубійствомъ интеллигенціи, съ ея стремленіемъ «быть потребленной безъ остатка». Не есть ли это стремленіе только одна изъ преходящихъ и при томъ патологическихъ формъ тяги къ народу? 4) Нѣтъ ли признаковъ обратной тяги—народа къ интеллигенціи?.. Какъ будто, она есть...

Обсужденіе этихъ вопросовъ до сихъ поръ не обходилось безъ постоянныхъ справокъ съ сочиненіями Успенскаго. Такъ будетъ и впредь. Въ этой области его книги являются основными и скоро станутъ «классическими». Огромное художественное дарованіе Успенскаго, глубокая искренность его мысли, его настроеній, его исканій и чарующая красота его души, не говоря уже о цѣнности и поучительности его наблюденій, образуютъ великую умственную и моральную силу, оздоровляющую и воспитывающую. Грядущія поколѣнія русской интеллигенціи найдутъ въ Глѣбѣ Успенскомъ одного изъ своихъ воспитателей и руководителей—въ лабиринтѣ затяжныхъ противорѣчій и парадоксовъ русской жизни.

Д. Овсянико-Куликовскій.

ФРЕЙДЪ И ФРЕЙДИСТЫ.

Среди научныхъ теченій нашего времени врядъ ли найдется болѣе интересное, чѣмъ то, которое въ Германіи и сосѣднихъ странахъ нѣмецкой культуры крѣпнетъ и распространяется подъ именемъ фрейдизма. Дѣло въ томъ, что, опираясь на методъ изслѣдованія, приложимый къ самымъ разнообразнымъ явленіямъ психической жизни — и къ актуальнымъ переживаніямъ, и къ картинамъ памяти, и къ творчеству мысли,—оно затрагиваетъ необозримо широкій кругъ интересовъ: и психіатрію, и даже область сверх-чувственнаго знанія.

Такая широта дѣйствія станетъ сразу понятной, коль скоро мы скажемъ, что оно покоится на новой концепціи психическихъ явленій.

Пока послѣднія были чѣмъ-то неуловимымъ, одинаково далекимъ и отъ нематеріальной субстанціи старой философіи, и отъ неподвижныхъ клѣточекъ мозговой коры, съ которыми связываетъ ихъ научный матеріализмъ нашихъ дней, эта неопредѣленность отражалась на всѣхъ областяхъ знанія, гдѣ только фигурируютъ психическія данныя. Понятно, что образованіе новой концепціи съ вытекающимъ изъ нея методомъ изслѣдованія должно отразиться и на познаніи, и на теченіи мысли, и на объясненіи самыхъ таинственныхъ явленій психической жизни.

Какая же это концепція, въ чемъ ея сущность и практическій смыслъ? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, скажемъ, для успокоенія представителей позитивной науки, что создалось оно не спекулятивнымъ, а эмпирическимъ, опытнымъ путемъ. Она вышла не изъ кабинета философа, а изъ психіатрической клиники. Этимъ, быть можетъ, объясняется ея необыкновенная сила, а также и то, что до самаго послѣдняго вре-

мени ей не доставало точной формулировки. Ни самъ Фрейдъ, построившій на ней цѣлый методъ психотерапіи и психологическаго изслѣдованія, ни его послѣдователи, мечтавшіе о еще болѣе широкихъ примѣненіяхъ, не шли дальше простого сближенія психическихъ явленій съ рефлексами или реактивными процессами въ нервной системѣ головного мозга.

Начало движенія относится еще къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія, но только теперь оно вступаетъ въ кругъ яркаго научнаго освѣщенія. Когда Сигмундъ Фрейдъ былъ еще студентомъ и готовился къ докторской диссертаціи, ему пришлось наблюдать у извѣстнаго вѣнскаго врача Брейера очень любопытный случай излеченія истеріи. Больная, Анна О., развитая, интеллигентная дѣвушка изъ богатой семьи, захворала у одра горячо любимаго, безнадежно-больного отца. Въ іюлѣ 1880-го года у него обнаружился перинлевритическій нарывъ; она стала ухаживать за нимъ съ беззавѣтной преданностью, просиживая цѣлыя ночи у его постели, и черезъ 2—3 мѣсяца подорвала свои силы. Слабость, отвращеніе отъ пищи и сильный нервный кашель заставили ее обратиться къ врачу. Съ этихъ же поръ стали замѣчать, что въ полуденные часы на нее находило какое-то странное полу-сознательное состояніе изъ котораго она выходила въ сильномъ возбужденіи. Съ начала декабря одинъ за другимъ обнаружились слѣдующіе, уже чисто истерическіе, симптомы: двойной страбизмъ, сильныя зрительныя галлюцинаціи, парезія шейныхъ связокъ, сведеніе и анэстезія правой верхней, а черезъ нѣкоторое время—и нижней конечности, наконецъ частая смѣна двухъ состояній сознанія, нормальнаго и галлюцинаторнаго, въ которомъ она бранилась, бросалась подушками и дѣлала другія абсурдныя движенія, насколько ей позволяла парезія конечностей.

Съ теченіемъ времени послѣдняя распространилась и на лѣвую сторону тѣла и приведенная картина осложнилась разстройствомъ рѣчи и съуженіемъ поля зрѣнія. До болѣзни она прекрасно говорила не только по-нѣмецки, но и по-англійски, по-французски и по-итальянски. Теперь ей стали недоставать отдѣльныя слова, затѣмъ разстроился синтаксисъ рѣчи, и она стала выражаться одними лишь глаголами въ неопредѣленномъ наклоненіи, наконецъ наступила полная нѣмота, продолжавшаяся около двухъ недѣль. Изъ этого состоянія она вышла какъ-то англійской фразой и стала говорить только по-англійски, сохраняя однако способность понимать нѣмецкую рѣчь; въ самые тяжелые періоды она переставала и понимать по-нѣмецки, сохраняя

однако способность читать съ листа по-англійски все, что ей показывали на французскомъ или итальянскомъ языкѣ.

Параллельно съ этимъ любопытнымъ дробленіемъ рѣчевыхъ воспріятій и реакцій, шло ограниченіе общихъ зрительныхъ воспріятій. Поле зрѣнія больной настолько сузилось, что она перестала узнавать окружающихъ. Изъ цѣлаго букета она могла видѣть сразу одинъ лишь цвѣтокъ; отъ посторонняго лица она видѣла одинъ лишь носъ, или глаза и т. д. Наконецъ у нея обнаружились т. н. негативныя галлюцинаціи: нѣкоторыхъ лицъ, находившихся въ ея комнатѣ, она вовсе не замѣчала.

Мы нарочно остановились на перечисленіи этихъ симптомовъ, потому что всѣ они оказались связанными не съ органическими пораженіями, а съ психическими явленіями въ формѣ простыхъ воспоминаній. Открылось это совершенно случайно. Съ теченіемъ времени окружающіе больную стали замѣчать, что когда ей удавалось разсказать содержаніе видѣній, представлявшихся ей во время полу-сознательнаго состоянія, возбужденіе улегалось. За этимъ стали наблюдать, старались дѣйствовать на нее въ этомъ направленіи, а такъ какъ она и будучи въ сознаніи произносила какія-то непонятныя слова, то присутствовавшему врачу пришла въ голову мысль повторить передъ ней одно изъ этихъ словъ во время полуденнаго гипноза. Совершенно неожиданно больная прицѣпилась къ этому слову и, не выходя изъ полу-сна, разсказала цѣлую исторію, послѣ которой ей сдѣлалось замѣтно легче. Дальнѣйшіе опыты этого рода привели къ еще болѣе важному результату: къ исчезновенію одного изъ физическихъ симптомовъ болѣзни.

Дѣло было такъ. Больная обнаруживала отвращеніе къ пищѣ. Оно осложнилось прямымъ отказомъ отъ всякаго питья. Несмотря на лѣтнее время и мучившую ее жажду, она упорно отстраняла стаканъ воды. Но вотъ однажды, прицѣпившись къ повторенному передъ ней слову, она начала говорить о своей гувернанткѣ и съ гримасой отвращенія разсказала, какъ та въ ея присутствіи поила изъ своего стакана свою отвратительную собаченку. Послѣ этого разсказа она проснулась и стала пить какъ ни въ чемъ не бывало.

Для Брейера этотъ фактъ былъ настоящимъ откровеніемъ. На немъ онъ основалъ терапевтическую процедуру, которая одинъ за другимъ устранила всѣ симптомы и привела къ полному исцѣленію больной. Скажемъ еще, какимъ образомъ была устранена контрактура правыхъ конечностей. Для ускоренія хода леченія врачъ посѣщалъ теперь больную два раза въ день. Утромъ, не

дожидаясь смѣны сознанія, онъ повергалъ ее въ легкій гипнозъ и двумя-тремя вопросами наводилъ на тему того или другого симптома. Позднѣе, когда она впадала въ натуральный гипнозъ, онъ повторялъ сказанныя ею слова и вызывалъ такимъ образомъ связный разсказъ. Во время одного изъ такихъ сеансовъ она разсказала слѣдующую сцену. Однажды, сидя у кровати отца въ ожиданіи доктора, она впала въ обычное полу-сонное состояніе, въ которомъ ей показалось, что со стѣны спускается большая змѣя. Въ ужасѣ она хотѣла вскочить и обороняться, но онѣмѣвшая на спинкѣ кресла рука осталась неподвижной. Свистокъ поѣзда вывелъ ее изъ оцѣпѣненія и видѣніе исчезло, но на другой день сучекъ дерева въ травѣ, напомнивъ своимъ видомъ змѣю, вызвалъ снова галлюцинацію, послѣ которой рука оказалась сведенной. Послѣ этого разсказа контрактура сразу исчезла.

Этотъ случай былъ опубликованъ Брейеромъ лишь много лѣтъ спустя, въ 1895-мъ году, послѣ того какъ возможность такого излеченія была провѣрена имъ и Фрейдомъ на цѣломъ рядѣ другихъ паціентовъ. Затѣмъ прошло еще 15 лѣтъ, прежде чѣмъ механизмъ этихъ явленій получилъ настоящее научное освѣщеніе. Поэтому неудивительно, что фрейдизмъ только теперь начинаетъ проявлять вліяніе на изученіе психической жизни. Возвращаясь къ исторіи его развитія, замѣтимъ, что на пути его лежало немало препятствій. Факты сочетанія цѣлаго ряда впечатлѣній и воспоминаній съ рѣчевыми реакціями не находились ни въ какой связи съ входившей въ то время въ моду теоріей локализаціи умственныхъ процессовъ. Совершившіяся за это время открытія анатоміи головного мозга связывали данныя внутренней психической жизни съ опредѣленными раіонами мозга или, точнѣе, съ содержащимися въ нихъ клѣточками мозговой коры. А какимъ образомъ такія клѣтки могли быть приведены въ дѣйствіе произнесеніемъ соотвѣтственнаго слова и въ свою очередь лишены патогенной силы рѣчевой реакціей самого больного — это представлялось настолько непонятнымъ, что Фрейдъ и Брейеръ, излагая результаты своихъ опытовъ, предпочитали отказаться отъ всякаго ближайшаго объясненія. Такимъ образомъ собранные ими факты оставались въ теченіе десятка лѣтъ въ сторонѣ отъ господствовавшихъ психологическихъ теорій. Съ другой стороны и практическая разработка ихъ встрѣчала немало препятствій. Главное заключалось въ томъ, что обыкновенно больные не только не впадали сами въ натуральный гипнозъ, но и не подчинялись искусственнымъ попыткамъ привести ихъ въ такое состояніе. Анна О. была въ этомъ отношеніи исключительно благодарнымъ субъектомъ.

Однако, практическій результатъ былъ настолько интересенъ и знаменателенъ, что Фрейдъ рѣшилъ работать дальше въ этомъ направленіи и попытаться замѣнить придуманный Брейеромъ «катартическій» методъ леченія вызываніемъ тѣхъ же реакцій безъ помощи гипноза. Плодомъ этихъ попытокъ явился новый методъ, получившій за послѣднее время громкую извѣстность, подъ именемъ *психоанализа*. Работая въ этомъ направленіи, Фрейдъ вспомнилъ, что у Бернгейма, въ Нанси, онъ видѣлъ случаи, когда нервно-больные категорически отказывались припомнить, что происходило съ ними во время припадка сомнамбулизма, а подъ давленіемъ врача, къ своему собственному изумленію, находили совершенно вѣрные отвѣты. Основываясь на этихъ примѣрахъ, онъ попробовалъ примѣнить слѣдующую процедуру. Предложивъ больному лечь на спину съ закрытыми глазами и предварительно устранивъ, какъ свѣтъ, такъ и всякій посторонній шумъ, способный привлечь вниманіе, онъ клалъ ему руку на лобъ и, пользуясь этимъ давленіемъ, какъ способомъ сосредоточенія, просилъ припомнить что-нибудь относящееся къ данному симптому. Достигнутые такимъ путемъ результаты представлялись еще болѣе знаменательными, потому что тутъ уже не было посторонняго сопутствующаго фактора, какимъ въ первомъ случаѣ былъ гипнозъ. Тутъ и самая связь болѣзненнаго симптома съ извѣстнымъ воспоминаніемъ или впечатлѣніемъ представлялась совершенно ясной, и переходъ послѣдняго изъ сферы безсознательнаго въ сферу личнаго сознанія совершался, такъ сказать, на глазахъ экспериментатора.

Правда, этотъ переходъ не всегда давался легко. Больные сначала запирались, увѣряли, что ничего не могутъ припомнить. Для облегченія ихъ пришлось придумать разные вспомогательные пріемы, внесшіе въ психоанализъ болѣе неопредѣленный и громоздкій характеръ. Самъ Фрейдъ почти совсѣмъ отказался отъ метода вопросовъ, замѣнивъ его вызываніемъ у больного «свободнаго мышленія». Вмѣсто того, чтобы ставить прямой вопросъ, онъ предлагалъ ему говорить все, «что ему придетъ въ голову», и, въ большинствѣ случаевъ, при посредствѣ такихъ промежуточныхъ звеньевъ, вызывалъ у него забытыя, травматическія впечатлѣнія. Въ дополненіе къ этому онъ прибѣгалъ къ анализу сновъ больного и къ интерпретаціи его жестовъ или автоматическихъ движеній. Цюрихскій психіатръ Юнгъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ послѣдователей Фрейда, предложилъ отправляться не отъ «свободнаго мышленія», а отъ указаній, даваемыхъ ассоціаціями больного. По его мнѣнію, скрытыя въ безсознательномъ впечатлѣнія должны

отражаться на ассоціаціяхъ больного замедленіемъ реакцій. И дѣйствительно, опытъ доказалъ, что отвѣты, скорость которыхъ была ниже средней, содержаніемъ своимъ указывали на такія воспоминанія.

Приведенные вспомогательные пріемы увеличивали рессурсы врача. Тамъ, гдѣ больной ничего не находилъ сказать, можно было начать съ ассоціацій, предлагая ему отвѣчать на рядъ вопросовъ. Тамъ, гдѣ у него являлись собственныя мысли, можно было подталкивать его въ этомъ направленіи. Черезъ это психоанализъ дѣлался болѣе гибкимъ, болѣе приспособленнымъ къ индивидуальности больного; но это же самое увеличивало практическія трудности его примѣненія. Какой тутъ открывался просторъ субъективнымъ толкованіямъ, какая масса времени поглощалась этой процедурой! Вотъ почему, не смотря на блестящіе результаты, достигнутые въ нѣкоторыхъ случаяхъ Фрейдомъ и его послѣдователями, эта форма психотерапіи не получила до сихъ поръ широкаго примѣненія и не оказала вліянія на изученіе психическихъ явленій.

Между тѣмъ самое дѣйствіе психоанализа представлялось все болѣе и болѣе глубокимъ, открывая его сторонникамъ новые, заманчивые горизонты. Опубликованный въ этомъ направленіи клиническій матеріалъ поражаетъ своимъ разнообразіемъ и, такъ сказать, глубоко-жизненнымъ характеромъ. Это не были искусственные, исключительные случаи. Рядомъ съ Анной О., очевидно предрасположенной какъ невропатической наслѣдственностью, такъ и личными условіями: замкнутой жизнью, исключительнымъ умственнымъ развитіемъ, склонностью къ «грезамъ на яву» и т. п.,— мы находимъ у Фрейда паціентокъ совершенно обыденнаго типа: гувернантку миссъ Люси Р. и даже простую крестьянку, встрѣченную въ альпійскомъ ресторанѣ во время лѣтней экскурсіи въ горахъ. Первая страдала отъ навязчивыхъ запаховъ: сначала подгорѣвшаго сладкаго блюда, а затѣмъ табака; вторая страдала приступами удушья. И то, и другое оказалось связаннымъ съ болѣзненно-острыми впечатлѣніями, которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, онѣ хотѣли вытѣснить изъ сознанія и которыя сохранялись въ безсознательной формѣ: у мисъ Люси—съ тайною любовью къ патрону и воспоминаніями о нанесенныхъ имъ уколахъ самолюбія, у молодой кельнерши—съ воспоминаніями о любовныхъ приставаніяхъ ея дяди и эротической сценѣ, которую она случайно застала въ его комнатѣ. Съ третьей паціенткой Фрейда, Елизаветой В. Р., мы переносимся опять въ высшіе круги общества и присутствуемъ при выясненіи цѣлаго ряда душевныхъ

бурь: крушенія первой сердечной привязанности, опасеній за здоровье отца и матери, самоупрековъ и самообвиненій по поводу потери горячо любимой сестры, разочарованія въ родственныхъ чувствахъ и т. д. Все это по тѣмъ же таинственнымъ законамъ истерической конверсіи сочеталось съ глубокими двигательными разстройствами: почти полной парезіей ногъ и сильными болями при всякаго рода движеніяхъ.

Изъ опубликованныхъ другими психо-аналистами матеріаловъ обращаетъ на себя вниманіе случай Бинсвангера (Іена), паціентка котораго, неопытная 16-ти-лѣтняя дѣвушка, подъ вліяніемъ перваго сердечнаго разочарованія и обнаруженія тайны половыхъ отношеній, отдалась цѣлому ряду болѣзненно острыхъ впечатлѣній дѣтства и, переживая вновь связанныя съ ними ощущенія физическихъ болей, отвращенія къ пищѣ, безпокойства и страха, дошла до глубокихъ истерическихъ припадковъ и галлюцинацій [1]). Здѣсь не нашлось мѣста ни для анализа сновъ, ни для вызыванія «свободнаго мышленія». Паціентка не давала ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи сколько-нибудь интереснаго матеріала; зато, путемъ простого разговора, руководимаго, правда, намеками, вырывавшимися у нея во время истерическихъ состояній, она выявила цѣлую массу заглохшихъ воспоминаній и, возстановивъ связь ихъ съ нормальнымъ мышленіемъ, достигла постепеннаго исцѣленія.

Вѣнскій невропатологъ Садгеръ приводитъ случай молодого датскаго графа, высоко-образованнаго человѣка и археолога по профессіи, у котораго сохранившіяся съ дѣтства извращенія полового чувства, при каждомъ оживленіи въ памяти, соединялись съ припадками истерическаго безчувствія [2]). Возстановленіе полной картины дѣтскихъ переживаній не только положило конецъ припадкамъ, но и ослабило у него гомосексуальныя тенденціи и другіе мотивы полового извращенія.

Наконецъ, цюрихскій психологъ Пфистеръ примѣнилъ психоанализъ къ изслѣдованію безотчетнаго, односторонняго чувства ненависти между двумя братьями [3]). Паціентъ, 14-лѣтній мальчикъ, обратился къ нему съ просьбой избавить его отъ злыхъ мыслей и порывовъ, которые оказались связанными съ цѣлымъ рядомъ безсознательныхъ воспоминаній или фантазій. Психоанализъ

---

[1]) L. Bisswanger, «Versuch einer Hisierieanalyse», въ Jahrb. f. psychoanal. u. psychopath. Forschungen», Вѣна, 1908.

[2]) J. Sadger, «Ein Fall von multipler Perversion mit hysterischen Absenzen (тамъ же, 1910).

[3]) O. Pfister, «Analytische Untersuchungen über die Psychologie der Hasse» (тамъ же).

далъ тутъ поразительные по своей неожиданности результаты. Онъ показалъ, что при вызываніи совершенно свободныхъ, отрывочныхъ словъ и фразъ въ сознаніи появляется опредѣленный циклъ мыслей, и что при переходѣ изъ безсознательнаго въ сферу яснаго сознанія послѣднія теряютъ свой патологическій, эмоціональный характеръ. Въ данномъ случаѣ, это были сцены, навѣянныя видѣннымъ или прочитаннымъ, съ замѣной главнаго дѣйствующаго лица фигурою брата. При повтореніи опытовъ сходство исчезало или роль его изъ страдательной дѣлалась активной, а параллельно съ этимъ улучшалось и настроеніе паціента.

Приведенныхъ примѣровъ, казалось бы, достаточно, чтобы дать понять, какъ глубоко проникаетъ этотъ методъ въ патологію психической жизни. Онъ открываетъ намъ, что мы носимъ въ себѣ цѣлый рой слѣдовъ, которые при малѣйшемъ толчкѣ поднимаются въ сферу яснаго сознанія. Онъ обнаруживаетъ, что не только глубокія измѣненія нашей личности, но и поверхностныя, мимолетныя переживанія представляются органически детерминированными. Онъ даетъ намъ почувствовать органическій базисъ явленій, которыя простому жизненному опыту представлялись нематеріальными и неуловимыми.

Съ другой стороны, самъ Фрейдъ и нѣкоторые изъ его послѣдователей чрезвычайно интересно намѣтили примѣненіе психоанализа къ изученію нормальныхъ функцій мышленія, главнымъ образомъ — явленій творчества мысли. При леченіи неврозовъ и истеріи имъ давно уже бросалась въ глаза склонность больныхъ къ мечтанію, къ такъ называемымъ «грезамъ на яву». Съ клинической точки зрѣнія она являлась предрасполагающимъ факторомъ, пріучая больного къ *раздвоенію* его личности, которое потомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣлалось непреоборимымъ и порождало, вмѣсто простыхъ грезъ, истерическія состоянія и галлюцинацію. Впослѣдствіи Фрейдъ призналъ, что и въ нормальной жизни этому фактору принадлежитъ чрезвычайно важная роль. Съ одной стороны способность отдаваться мечтамъ является главнымъ источникомъ воображенія и, вообще, творчества мысли; съ другой стороны извѣстные простѣйшіе комплексы мыслей, именуемые мечтами, являются необходимою принадлежностью каждаго сколько-нибудь развитого человѣка и имѣютъ для него опредѣленное біологическое значеніе. *Біологически они являются замѣною дѣтскихъ игръ и корректурой житейскихъ разочарованій.* У человѣка, — говоритъ Фрейдъ, — гораздо больше произвола, чѣмъ у животныхъ. Приспособленіе его къ жизненнымъ условіямъ представляется го-

раздо менѣе точнымъ; только самые низшіе типы человѣчества могутъ жить всецѣло инстинктивной жизнью. У большинства съ ранняго дѣтства обнаруживается независимая отъ инстинкта самодѣятельность, которая сначала проявляется въ играхъ, а затѣмъ, вслѣдствіе невозможности уйти всецѣло въ механическую работу, переходитъ въ мечты. Ни одинъ, даже самый «дѣловой» человѣкъ не можетъ уйти въ свою работу, какъ уходитъ въ нее пчела или муравей: жизнь его слишкомъ для этого разностороння и условія дѣятельности слишкомъ измѣнчивы. У самаго прозаическаго человѣка бываютъ минуты, когда онъ ощущаетъ потребность отвлечься отъ своего занятія мыслью о прошломъ или будущемъ. Фрейдъ подмѣчаетъ чрезвычайно вѣрно, что, среди отрывочныхъ «слѣдовъ» жизненнаго опыта, у каждаго изъ насъ есть нѣсколько «комплексовъ» аффективнаго характера, къ которымъ мы обращаемся въ моменты отвлеченія отъ дѣйствительности. Мы культивируемъ эти комплексы, мы обогащаемъ ихъ содержаніе по мѣрѣ развитія нашего опыта. У простыхъ смертныхъ они не выходятъ изъ предѣловъ ихъ собственной жизни, отличаясь отъ дѣйствительности лишь отнесеніемъ въ прошлое или въ будущее. У людей, болѣе богато одаренныхъ природой, эгоцентрическія переживанія могутъ разнообразиться элементами, заимствованными изъ другихъ источниковъ. Вмѣсто того, чтобы просто воскрешать пріятное воспоминаніе, человѣкъ такого типа можетъ представлять себя любимымъ, богатымъ или достигшимъ выдающагося положенія. Наконецъ, у людей, обладающихъ даромъ поэтическаго творчества, эти комплексы могутъ облекаться въ самыя фантастическія формы и принимать даже безличный характеръ.

Фрейдъ отмѣтилъ чрезвычайно вѣрно, что въ большинствѣ случаевъ въ героѣ т. н. фельетоннаго романа легко узнать собственное «я» писателя. Онъ неизбѣжно надѣленъ симпатичными послѣднему качествами, а если у него есть какіе-нибудь недостатки, то, несомнѣнно, такого характера, съ которымъ такъ или иначе можетъ помириться самолюбіе автора. Если онъ игрокъ, то этотъ недостатокъ искупается благородной расточительностью; если онъ убійца, то лишь по страсти и т. д. и т. д. Потому же эгоцентрическому типу создаются и приключенія героя. Если онъ остается въ концѣ главы тяжело раненымъ на полѣ сраженія или носящимся на волнахъ океана, то можно быть увѣреннымъ, что въ концѣ концовъ онъ будетъ спасенъ. Въ итогѣ, фельетонный романъ—прямой продуктъ развитія эгоцентрическаго комплекса на почвѣ жизненныхъ бурь и приключеній.

Психологическій романъ обнаруживаетъ гораздо болѣе сложную структуру. Тутъ авторъ группируетъ событія не вокругъ самого себя, а вокругъ двухъ-трехъ заимствованныхъ изъ внѣшняго опыта фигуръ, но въ разрѣшеніи возникающихъ между ними конфликтовъ проявляются опять второстепенные эгоцентрическіе комплексы. Жизненныя проблемы разрѣшаются такъ, какъ разрѣшилъ бы ихъ самъ авторъ. Въ концѣ концовъ вся фабула романа является лишь рамкой для выраженія тѣхъ или другихъ личныхъ переживаній. Есть совершенно объективные романы, какъ напримѣръ, нѣкоторыя произведенія Зола; но и они могутъ быть сведены къ типу «мечтанія» или «грезъ на яву». Въ нихъ авторъ выступаетъ не въ роли дѣйствующаго лица, а въ роли зрителя. Можно отвлекаться отъ дѣйствительности не только тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ, но и созерцаніемъ. Эстетически развитые люди могутъ находить удовольствіе въ воскрешеніи совершенно безотносительныхъ къ нимъ лично образовъ. Для такихъ натуръ мечтаніе можетъ заключаться въ вызываніи простого калейдоскопа сценъ или фигуръ [1]).

Одинъ изъ ближайшихъ послѣдователей Фрейда, Отто Ранкъ, указываетъ, наряду съ этимъ прямымъ источникомъ творчества, другой, скрытый въ безсознательномъ: забытыя или вытѣсненныя изъ сознанія переживанія, главнымъ образомъ ранняго дѣтства. По его мнѣнію, творчество можетъ быть руководимо не только ясными, сознательными воспоминаніями, но и слѣдами, хранящимся въ безсознательномъ. Примѣромъ такого творчества онъ приводитъ встрѣчающійся въ эпосѣ разныхъ народовъ миѳъ о рожденіи героя [2]). Приведя одну за другою легенды о рожденіи Саргона (основателя Вавилона), Будды, Моисея, Эдипа и другихъ героевъ народнаго эпоса, онъ констатируетъ, что во всѣхъ почти случаяхъ зачатіе ребенка обставлено тѣми или другими препятствіями: различіемъ соціальнаго положенія родителей, семейною враждою и т. п. Затѣмъ, во время беременности матери, отецъ узнаетъ, что рожденіе сына грозитъ ему гибелью и приказываетъ уничтожить его при появленіи на свѣтъ. Младенца, изъ сожалѣнія, не убиваютъ, а кладутъ въ корзинку и спускаютъ въ рѣку; теченіе приноситъ его къ берегу, гдѣ онъ находитъ спасеніе и вскармливается животными или людьми очень низкаго происхожденія, напр. пастухами. Выросши, онъ начинаетъ чувствовать, что это не его настоящіе родители, отправляется на

---

[1]) Freud, «Der Dichter u. das Phantasieren» (въ «Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, I Folge», Вѣна, 1906).

[2]) Otto Rank, «Der Mythus von der Geburt des Helden», (Вѣна, 1909).

поиски ихъ и находитъ ихъ въ царскомъ дворцѣ. По мнѣнію Ранка, въ основѣ этого миѳа, повторяющагося, съ незначительными варіаціями, у разныхъ народовъ, лежитъ свойственная многимъ дѣтямъ мечта о высокомъ происхожденіи. Сначала, ребенокъ идеализируетъ своихъ родителей, считаетъ ихъ образцами силы, знанія, доброты и т. д.; потомъ сравненіе съ другими семьями, а иногда и личныя обиды, вызываютъ въ немъ нерѣдко глубокое разочарованіе, и онъ начинаетъ мечтать, что это лишь крёстные его отецъ и мать, что настоящихъ родителей онъ найдетъ современемъ. При этомъ онъ представляетъ себѣ послѣднихъ физически подобными первымъ, но съ болѣе высокимъ положеніемъ и со всѣми качествами, которыя имъ недостаютъ. По мнѣнію Ранка, въ легендахъ о рожденіи героя воскресаютъ эти забытыя пережиганія ранняго дѣтства.

Другой послѣдователь Фрейда, Абрагамъ, устанавляетъ такого же рода соотношеніе между сказками и снами [1]). По теоріи Фрейда, наши сны представляютъ, въ прямой или замаскированной формѣ, осуществленіе желаній, оставшихся неисполненными въ дѣйствительной жизни. Это положеніе развито имъ въ цѣломъ трактатѣ [2]). Примыкая къ нему, Абрагамъ констатируетъ, что народныя сказки о коврѣ-самолетѣ, о шапкѣ-невидимкѣ, о волшебномъ столѣ, покрывающемся яствами, и т. д., представляютъ также осуществленіе наивныхъ, по большей части дѣтскихъ желаній Здѣсь, какъ и въ снахъ, проявляются задержанные комплексы мыслей «аффективнаго характера».

Работы Ранка и Абрагама расширяютъ теорію умственнаго творчества въ томъ же направленіи, въ какомъ расширился базисъ патологическихъ явленій: въ сторону безсознательнаго. Съ ихъ точки зрѣнія могутъ развиваться при отвлеченіи отъ дѣйствительной жизни, не только комплексы сознательныхъ впечатлѣній, но и другіе, поддерживаемые или питаемые вытѣсненными изъ сознанія воспоминаніями.

Надо ли подчеркивать значеніе этихъ эмпирическихъ данныхъ? Ими намѣчается механизмъ явленія по меньшей мѣрѣ столь же таинственнаго, какъ и фиксированіе навязчивой мысли или истерическаго состоянія—неожиданнаго фейерверка мыслей, обозначаемаго словами *фантазія* или *вдохновеніе*. Какъ въ первомъ случаѣ самый убѣжденный матеріалистъ становился въ тупикъ передъ специфической силой одной какой-либо мысли, которая оказывалась способной нарушить умственное равновѣсіе человѣка,

---

[1]) K. Abraham, «Traum u. Mythus», (Вѣна и Лейпцигъ, 1909).
[2]) J. Freud, «Die Traumdeutung, (2-е изд. Вѣна, 1909).

омрачить его настроеніе или сдѣлать невозможнымъ сосредоточеніе мысли, такъ и во второмъ онъ не могъ не изумляться разнообразію и богатству данныхъ, которыя вдругъ появлялись на поверхности сознанія. Невольно возникалъ вопросъ: откуда, изъ какихъ тайниковъ душевной жизни выходятъ эти легіоны фигуръ и образовъ? Какъ можетъ объяснить неподвижная схема мозговой коры эти перемѣны сознанія, то сгущающагося до предѣловъ одной лишь мысли, то начинающаго биться непстощаемыми клубами фигуръ и образовъ?

Психоанализъ открывалъ тутъ впервые, хотя и не совсѣмъ точную, но все же реальную, эмпирическую связь съ организмомъ. Къ тому, что мы уже сказали, слѣдуетъ еще прибавить, что, анализируя упомянутые комплексы по методу Фрейда или Юнга, можно разсчитывать на выявленіе другихъ элементовъ, скрывающихся въ безсознательномъ, и что произведеніе такихъ опытовъ надъ самими авторами обѣщаетъ пролить яркій свѣтъ на тайну творчества ихъ мысли. Поэтому, въ концѣ-концовъ, неудивительно, что, несмотря на ограниченное терапевтическое значеніе психоанализа, сторонники его продолжаютъ питать самыя смѣлыя надежды и видятъ въ немъ новую эру какъ психологіи, такъ и психіатріи.

II.

Такова, въ краткихъ словахъ, исторія фрейдизма. Въ настоящее время, наряду съ Вѣною, вторымъ, столь же важнымъ центромъ этого движенія является Цюрихъ. Вокругъ цюрихской психіатрической клиники сгруппировались Блейлеръ, Юнгъ, Риклинъ и цѣлая плеяда молодыхъ фрейдистовъ. На первомъ съѣздѣ ихъ, весною 1908 г., въ Зальцбургѣ было постановлено издавать ежегодникъ, который съ перваго же года вылился въ два объемистыхъ тома [1]). На второмъ съѣздѣ, 30 и 31 марта 1910 г. въ Нюрнбергѣ, былъ основанъ «Международный союзъ психоаналистовъ» [2]). Однако, не въ этомъ распространеніи и не въ этой организаціи главная сила настоящаго движенія. Мы видимъ ее совсѣмъ въ другомъ—что̀ для насъ русскихъ придаетъ ему особое значеніе: въ томъ, что достигнутые Фрейдомъ и его послѣдователями результаты находятъ полное объясненіе съ

---

[1]) «Jarbücher f. psycho-analytische u. psycho-pathologische Forschungen» (Вѣна и Лейпцигъ).

[2]) «Internationale psychoanalytische Vereinigung», въ Цюрихѣ.

точки зрѣнія развивающагося у насъ положительнаго опытнаго знанія, которое, съ легкой руки академика В. М. Бехтерева, стало извѣстнымъ подъ именемъ «объективной психологіи». Скажемъ болѣе: настоящія два теченія научной мысли поразительнымъ образомъ дополняютъ другъ друга.

Объективная психологія покоится на гипотезѣ не простого лишь сближенія, а полной идентификаціи психическихъ явленій съ нервно-мозговыми рефлексами. Впервые этотъ тезисъ былъ выставленъ еще Сѣченовымъ въ его знаменитомъ сочиненіи «Рефлексы головного мозга»; но тогда ему не доставало позитивнаго, опытнаго обоснованія. «Смѣется ли—говорилъ онъ,—ребенокъ при видѣ игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонятъ за излишнюю любовь къ родинѣ, дрожитъ ли дѣвушка при первой мысли о любви, создаетъ ли Ньютонъ міровые законы и пишетъ ихъ на бумагѣ, вездѣ окончательнымъ фактомъ является мышечное движеніе». И онъ заключалъ отсюда, что психическія данныя должны быть связаны съ явленіями такого же двигательнаго характера, происходящими въ мозгу—иначе говоря, съ первыми двумя третями нервно-мозгового рефлекса. Къ сожалѣнію, въ его время эта концепція сталкивалась съ частичными противорѣчіями, главнымъ образомъ—со стороны зрительныхъ, и слуховыхъ воспріятій, которыя играютъ тутъ весьма важную роль. Господствовавшая тогда теорія Гельмгольца связывала первыя всецѣло съ отраженіемъ предметовъ на сѣтчаткѣ глаза, вторыя — съ резонансомъ звука въ эпителіальныхъ окончаніяхъ Кортіева органа. Механизмъ зрѣнія сводился къ направленію этихъ отраженій на наиболѣе чувствительное мѣсто сѣтчатки, механизмъ слуха—къ прислушиванію, т. е. воспріятію отдѣльныхъ звуковъ при помощи соотвѣтствующихъ резонаторовъ. Въ итогѣ, какова бы ни была тутъ роль двигательныхъ процессовъ, самые существенные элементы воспріятія оставались связанными съ статическими данными, съ своего рода сѣтчатками въ воспринимающихъ органахъ или въ мозговой корѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, становилось невозможнымъ связать ихъ съ воспроизведеніемъ рефлексовъ въ явленіяхъ памяти, воображенія или отвлеченнаго мышленія. Напрасно Сѣченовъ приводилъ сравненіе съ свѣтовыми слѣдами (Nachbilder), утверждая, что всякое ощущеніе должно, уменьшаясь постепенно до безконечности, длиться очень долго. Безпрерывная смѣна ощущеній въ глазу и въ слуховомъ аппаратѣ дѣлала сохраненіе ихъ слишкомъ проблематичнымъ, и предложенная имъ схема психическихъ явленій оказывалась недостаточно полною.

Съ тѣхъ поръ положеніе значительно измѣнилось. Дальнѣйшее

изслѣдованіе зрительныхъ и слуховыхъ воспріятій привело къ заключенію, что самые существенные ихъ элементы связаны не съ измѣненіемъ воспринимающихъ органовъ, а съ двигательнымъ процессомъ, происходящимъ въ мозгу. Точнѣе говоря, выяснилось, что послѣднимъ обусловливается все то, что мы называемъ сознательнымъ воспріятіемъ, напримѣръ, въ зрительныхъ процессахъ, не только разстояніе, но и величина, и самая форма предметовъ. Нагляднѣе всего это доказывается опытами съ слѣпорожденными послѣ снятія катаракты: прозрѣвшіе оказываются неспособными различить самые простые предметы и достигаютъ этого лишь путемъ систематическихъ упражненій съ прикосновеніемъ рукою. Итакъ, не только локализація предметовъ въ пространствѣ, но и самое очертаніе ихъ опредѣляется рефлексами мозгового аппарата; на долю сѣтчатки приходится лишь нѣчто, подобное прикосновенію.

Физіологическій процессъ слуха окончательно еще не установленъ, но и тутъ, какъ и въ физіологіи зрѣнія, все болѣе и болѣе выясняется преобладающая роль реактивныхъ двигательныхъ процессовъ. Невозможность объяснить всѣ нюансы слуховыхъ воспріятій давно уже заставила отказаться отъ теоріи простого, механическаго резонанса и привела къ гипотезѣ нервно-мозговыхъ рефлексовъ, дифференцируемыхъ сложными движеніями, происходящими въ области средняго уха. Благодаря этому В. М. Бехтеревъ могъ теперь утверждать, что «когда мы невзначай слышимъ пріятное для насъ извѣстіе, когда мы смотримъ на акробата, выдѣлывающаго трудныя и опасныя упражненія, когда, погрузившись въ чтеніе романа, мы задумываемся надъ судьбой его героя, наша нервно-психическая дѣятельность «совершенно уподобляется развитію и теченію обыкновенныхъ сложныхъ рефлексовъ [1])».

Мы попробовали пойти еще далѣе. Опираясь на критику нашихъ внутреннихъ психическихъ данныхъ и на изслѣдованіе процессовъ мышленія по методу Вюрцбургской школы, мы постарались доказать, что рефлекторная дѣятельность мозга сливается не только съ нашими конкретными переживаніями, но и съ явленіями отвлеченнаго или чисто логическаго мышленія [2]). Что касается воспроизведенія тѣхъ или другихъ конкретныхъ впечатлѣній, слiяніе представляется тѣмъ болѣе полнымъ, что

1) В. М. Бехтеревъ, «Объективная Психологія», вып. I, стр. 36.

2) Н. Костылевъ, «Динамическій характеръ элементовъ нашего сознанія». Вѣст. Псих., 1910. Его же, «Работы Вюрцбургской школы и отношеніе ихъ къ объективной психологіи». Вѣст. Псих., 1911.

внутренній психологическій анализъ открываетъ намъ ихъ фрагментарный, динамическій характеръ.

Изслѣдованіями Маха и др. давно уже было установлено, что наши воспоминанія представляютъ изъ себя не разъ на всегда фиксированные клише, а далеко неполные и притомъ измѣнчивые комплексы ощущеній. «Вспоминаю ли я о моемъ хорошемъ знакомомъ, который часто у меня бываетъ, о моемъ письменномъ столѣ или о костюмѣ, который я ношу,—говоритъ Махъ,—я придаю этимъ предметамъ и лицамъ постоянство, котораго они не имѣютъ ни въ дѣйствительности, ни въ моемъ представленіи. Мой знакомый выглядитъ зачастую весьма различно; онъ бываетъ различно одѣтъ, то въ хорошемъ, то въ дурномъ настроеніи духа, жестикулируетъ или молчитъ. Мой письменный столъ можетъ быть болѣе или менѣе освѣщенъ, виденъ мнѣ сверху или со стороны. Мой костюмъ можетъ износиться и быть частично обновленъ. Вспоминая о нихъ, я воскрешаю то ту, то другую подробность». И онъ заключалъ отсюда, что наши умственныя представленія должны быть связаны не съ опредѣленными клѣтчатками въ мозговой корѣ, а съ реактивнымъ процессомъ преимущественно двигательнаго характера.

Сопоставляя критику Маха съ новѣйшими данными физіологіи зрѣнія и слуха, мы признали, что картины памяти совершенно сливаются съ воспроизведеніемъ нервно-мозговыхъ рефлексовъ. Это вытекаетъ изъ приведеннаго нами различія первоначальнаго, непосредственнаго и послѣдующаго, сознательнаго воспріятія. Въ дополненіе къ критикѣ Маха нетрудно доказать, что первое и не воспроизводится памятью. Психологи напрасно не оттѣняли до сихъ поръ громаднаго различія между воспоминаніемъ и галлюцинаціей. Вызывая въ памяти тотъ или другой предметъ, мы вовсе не ощущаемъ его непосредственной реальности. Мы вовсе не видимъ его, какъ и не слышимъ той аріи, о которой говоримъ или думаемъ. Что же получается тогда въ нашемъ сознаніи? Тѣ лишь элементы, которые физіологія зрѣнія и слуха относитъ на долю мозговыхъ рефлексовъ. Мы переживаемъ вновь ощущенія, благодаря которымъ отличили одно лицо отъ другого, одинъ звукъ отъ тысячи другихъ. Будь то отдѣльный предметъ или картина цѣлаго города, нѣсколько словъ или цѣлая рѣчь, *мы воскрешаемъ ихъ въ памяти отрывочными элементами и притомъ не первоначальнаго воспріятія, а того процесса сознанія, который опредѣляется рефлекторною дѣятельностью мозга.* Это теперь совершенно ясно, и если бы психо-

логія не была изолирована все растущей спеціализаціей наукъ, она давно признала бы сліяніе явленій памяти съ воспроизведеніемъ нервно-мозговыхъ рефлексовъ.

Но этого мало. Продолжая идти въ томъ же направленіи, пришли къ аналогичному выводу и относительно другихъ формъ мышленія. Прежде всего—относительно общихъ или отвлеченныхъ понятій. По мѣткому выраженію Рибо, общія понятія имѣютъ то отношеніе къ конкретнымъ, что или сливаются съ однимъ изъ нихъ, который становится символомъ, или заимствуютъ у многихъ общія имъ черты. Когда я думаю о женщинѣ вообще, я обыкновенно воскрешаю въ представленіи классическій типъ ея, оставшійся въ памяти изъ какого-нибудь сочиненія по искусству или по анатоміи. Одно конкретное воспоминаніе становится символомъ для другихъ. Когда я думаю о городѣ вообще, во мнѣ оживляются ощущенія, связанныя съ воспріятіемъ массы домовъ и улицъ, т. е. наиболѣе общія всѣмъ городамъ, которые я видѣлъ [1]). Какъ та, такъ и другая форма абстракціи опять-таки вполнѣ сливаются съ воспроизведеніемъ мозговыхъ рефлексовъ. Первая, въ существѣ своемъ, совпадаетъ съ памятью; вторая, типическая, оригинальная форма абстракціи, вполнѣ объясняется законами функціональнаго развитія рефлексовъ. Стоитъ лишь припомнить, что рефлексы консолидируются при повтореніи и, наоборотъ, при долгомъ неповтореніи, ослабѣваютъ. Отсюда понятно, что общіе нѣсколькимъ предметамъ рефлексы упрочиваются болѣе тѣхъ, которые отвѣчаютъ индивидуальнымъ особенностямъ, и что такимъ путемъ можетъ создаться новая реакція въ замѣну цѣлаго ряда частныхъ.

Образованіе отвлеченныхъ понятій является, такимъ образомъ, продуктомъ рефлекторной дѣятельности мозга въ смыслѣ ея упрощенія. Вмѣсто того, чтобы воскрешать тотъ или другой образъ, организмъ отвѣчаетъ за раздраженіе болѣе легкой, общей реакціей. Въ этомъ направленіи, при ближайшемъ изслѣдованіи процессовъ нашего мышленія, открывается возможность и другихъ, аналогичныхъ явленій. Воспользовавшись результатами интроспективнаго анализа по методу Вюрцбургской школы, мы признали, что воспроизведеніе мозговыхъ рефлексовъ сливается не только съ отвлеченнымъ мышленіемъ, но и съ «мышленіемъ безъ представленій» и наконецъ даже съ неформулированнымъ мышленіемъ. Первое нетрудно было схватить на опытѣ и объяснить какъ ограниченіе реакціи одними рѣчевыми рефлексами.

---

[1]) Н. Костылевъ, «Динамическій характеръ элементовъ нашего сознанія». Вѣст. Восп. 1909.

Однимъ изъ важнѣйшихъ преимуществъ человѣка передъ животными является развитіе рѣчевой функціи и тотъ фактъ, что наши воспріятія по большей части дополняются рѣчевыми реакціями. Благодаря этому является возможность замѣнять реальныя переживанія рѣчевыми символами и создается новое упрощеніе рефлекторной дѣятельности мозга. Что же касается явленія т. н. неформулированнаго мышленія, то для выясненія его потребовались спеціальныя изслѣдованія, и тутъ серьезную поддержку оказали работы Вюрцбургской психологической школы. Наряду съ отвлеченнымъ и чисто формальнымъ мышленіемъ встрѣчаются еще элементы совершенно яснаго, но не формулированнаго сознанія. Работами Вюрцбургской школы установлено, что послѣдніе могутъ быть сведены къ слѣдующимъ главнымъ категоріямъ: 1) сознаніе извѣстнаго пріема или правила, 2) сознаніе нѣкоторой связи или отношенія, и 3) сознаніе проэкціи или перспективнаго развитія мысли. Первыя двѣ категоріи не требуютъ особыхъ поясненій. Третья можетъ быть пояснена слѣдующимъ примѣромъ. Въ опытахъ К. Bühler'а на вопросъ: «что такое идеалъ?» испытуемый сразу не нашелъ отвѣта, но замѣтилъ, что у него мелькнулъ въ сознаніи «цѣлый обзоръ Платоновской философіи». Другіе отвѣты показываютъ, что такого рода неформулированное мышленіе можетъ обнимать цѣлыя эпохи жизни или исторіи [1]). Самъ авторъ приведеннаго изслѣдованія не нашелъ возможнымъ связать настоящія опытныя данныя съ объективной базой сознанія. Намъ, при ближайшемъ изслѣдованіи, открылось опять полное совпаденіе съ рефлекторною дѣятельностью мозга. Наряду съ развитіемъ воспринимающей дѣятельности нервной системы должно итти развитіе передающей дѣятельности — передача возбужденія другимъ нервнымъ центрамъ. И послѣдняя играетъ такую важную роль, что нельзя не повторить здѣсь того, что было сказано нами при оцѣнкѣ работъ Вюрцбургской школы съ точки зрѣнія объективной психологіи. Для каждой области знанія, должны вырабатываться свои пріемы: сравненія, переходы отъ цѣлаго къ части или отъ части къ цѣлому, отъ реакціи одного чувства къ реакціямъ другого и т. д. У сколько-нибудь развитого ребенка должны быть уже цѣлыя системы передачъ. Представимъ себѣ, что онъ видитъ какой-нибудь предметъ, напримѣръ яблоко. Послѣдствіемъ этого можетъ явиться не только абстракція въ видѣ сужденія: «хорошее, вкусное яблоко», но и переходъ къ болѣе общему понятію—фруктъ;

---

[1]) K. Bühler. «Thatsachen u. Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge» (Archiv f. ges. Psychologie, 1907, IX и 1908, XII).

затѣмъ можетъ быть переходъ къ цѣлому: садъ. Тутъ же неформулированная мысль: «яблоки въ нашемъ саду—хуже», или желаніе: «вотъ, получить бы такое яблоко!» Все это—результатъ прежняго опыта, повтореніе прежнихъ реакцій. Что-же будетъ, когда ребенокъ увидитъ не случайный, безразличный предметъ, а слово или символъ, связанные съ извѣстной воспитанной въ немъ реакціей: задачу 2×2 или имя: Каинъ, Авель? Очевидно, центральные процессы воспроизведутся съ тѣмъ большей силой. Конечно для математическихъ операцій должна быть одна система, для лингвистики — другая, для историческихъ или географическихъ данныхъ—третья и т. д.

Но этого еще мало. Механизмъ сознанія далеко не сводится къ однимъ лишь рѣчевымъ реакціямъ. Почти всѣ акты обыденной жизни имѣютъ въ основаніи своемъ сознательную реакцію. Чтобы жить, какъ мы живемъ, надо было научиться совершать утренній туалетъ, надѣвать и застегивать платье, выполнять сложный обрядъ нашего питанія, разбираться въ массѣ бумагъ, книгъ и техническихъ инструментовъ, сноситься съ другими людьми при помощи рѣчевыхъ и письменныхъ символовъ и т. д. Каждый изъ этихъ актовъ обусловливается системой центральныхъ нервныхъ процессовъ. Почему центральныхъ процессовъ, а не рефлексовъ вообще? Потому что большая часть послѣднихъ оказывается задержанной въ своей центральной части, и реакція выражается въ передачѣ возбужденія цѣлому ряду нервныхъ центровъ, прежде чѣмъ она придетъ къ мышечному или секреторному концу. Такъ напримѣръ, когда я вижу утромъ приготовленные для одѣванія сапоги, это воспріятіе можетъ вызвать у меня рѣчевую реакцію—но я не назову ихъ громко; можетъ вызвать мимолетную оцѣнку ихъ вида—но я не произнесу соотвѣтствующаго сужденія; можетъ вызвать двигательную реакцію въ ихъ направленіи—но я не двинусь съ мѣста, а, по привычкѣ, буду сначала искать глазами крючекъ для застегиванія пуговицъ. Вотъ цѣлый рядъ передачъ съ одного центра на другой и рядъ задержанныхъ реакцій. А если я увижу такіе же подходящіе для меня сапоги въ магазинѣ, у меня явится совершенно иная реакція: обращеніе къ продавцу съ вопросомъ о цѣнѣ, затѣмъ движеніе руки, имѣющей объектомъ не сапоги, а мой кошелекъ. То же самое воспріятіе оказывается связаннымъ съ двумя различными системами центральныхъ первныхъ процессовъ.

Теперь допустимъ, что я увижу на улицѣ или въ иллюстрированномъ журналѣ рекламу съ изображеніемъ пары сапогъ. Если послѣдніе привлекутъ мое вниманіе своей формой или удоб-

ствомъ, они легко могутъ вызвать воспоминаніе о первомъ процессѣ, о процессѣ одѣванія; если они поразятъ своей цѣною, то вызовутъ воспоминаніе о процессѣ покупки. Развѣ приведенныя системы центральныхъ нервныхъ процессовъ не соотвѣтствуютъ тому, что Бюлеръ называетъ сознаніемъ пріема или правила, сознаніемъ связи или отношенія съ проекціей мысли?

Въ итогѣ мы можемъ сказать, что сведеніе психическихъ данныхъ къ рефлекторной дѣятельности мозга сдѣлало за послѣднее время большіе шаги впередъ и является теперь базисомъ, который можетъ не только объяснить достигнутые Фрейдомъ и его послѣдователями результаты, но и дополнить вырабатываемую ими концепцію психическихъ явленій. Разъ послѣднія протекаютъ по схемѣ обыкновенныхъ сложныхъ рефлексовъ, этимъ объясняется и патогенная сила, вытекающая изъ ихъ торможенія, и возможность разрядить ее путемъ словесной реакціи. Торможеніе можетъ быть, какъ извѣстно, внѣшнимъ или внутреннимъ. Первое было уже достаточно освѣщено опытами Павлова, Бехтерева и ихъ учениковъ. Приходя извнѣ, со стороны сопутствующаго, посторонняго раздраженія, оно естественнымъ образомъ вызываетъ замедленіе или ослабленіе реакціи. Второй видъ торможенія, основанный на собственной задерживающей силѣ центровъ, представляется гораздо менѣе извѣстнымъ. Тутъ должны быть различныя формы или степени, начиная отъ простой временной задержки и вплоть до выключенія изъ цѣпи нервныхъ реакцій. Зная что простая, временная задержка рефлекса сопровождается накопленіемъ нервной энергіи, мы имѣемъ полное основаніе заключить, что при выключеніи этотъ эффектъ получается въ еще высшей степени. При этомъ надо имѣть въ виду, что въ интересующихъ насъ случаяхъ дѣло идетъ о сильныхъ впечатлѣніяхъ эмоціональнаго характера. Тогда станетъ понятнымъ, откуда берется патогенная сила ихъ сочетанія съ тѣмъ или другимъ болѣзненнымъ симптомомъ.

Конечно, тутъ еще много невыясненнаго. Невыясненъ, прежде всего, самый механизмъ выключенія. Почему прерывается ассоціативная связь съ другими нервно-психическими процессами и какъ прерывается она: для даннаго центра или для данной реакціи? На это пока еще трудно отвѣтить, но, въ сущности, этотъ вопросъ не представляетъ уже неразрѣшимой загадки. Развѣ мы не знаемъ въ обыденной жизни моментовъ разсѣянности или раздвоенія личности, когда происходитъ нѣчто подобное? Не бываетъ ли, что мы отвѣчаемъ на вопросъ или производимъ какое-либо дѣйствіе, думая о совсѣмъ другомъ? И если насъ спросятъ нѣ-

сколько минутъ спустя, не случается ли намъ упорно отрицать такой отвѣтъ или актъ? То, что тутъ совершается мимолетно, получаетъ тамъ очевидно длящійся характеръ.

Въ этомъ отношеніи, повидимому, можно различить два типа явленій. Паціентка Брейера, Анна О., представляла случай столь сильнаго развитія патогенныхъ рефлексовъ, что онъ образовалъ какъ бы вторую личность, появленіе которой вызывало диссоціацію нормальной личности. У Люси Р. такого перевѣса не получалось; патогенные рефлексы воспроизводились наряду съ нормальнымъ функціонированіемъ нервно-психическаго механизма. Не выяснены и органическія условія выключенія. Чѣмъ характеризуется выключенный рефлексъ: особымъ ритмомъ нервнаго тока или какимъ-нибудь сопутствующимъ явленіемъ? Отвѣчать на это было бы также преждевременно; но и тутъ мы находимъ точку опоры въ опытахъ съ воспитаніемъ рефлексовъ. Извѣстно, что сочетательный двигательный рефлексъ первоначально появляется при самыхъ различныхъ тонахъ и различнаго тембра.

Собака, будучи пріучена реагировать движеніемъ лапы на разные звуки, реагируетъ, не обнаруживая никакого музыкальнаго чувства. Но стоитъ лишь установить сочетаніе на опредѣленный тонъ, чтобы она стала отличать его отъ самыхъ ближайшихъ [1]). Приведенный фактъ доказываетъ, конечно, не присутствіе у нея музыкальнаго чутья, а чрезвычайно тонкую дифференціацію нервно-психическаго механизма и позволяетъ намъ заключить, что и диссоціація можетъ поддерживаться съ чрезвычайной тонкостью. Иначе говоря, основываясь на этомъ примѣрѣ, мы въ правѣ предположить, что, несмотря на прохожденіе по тѣмъ же нервнымъ путямъ тысячи новыхъ впечатлѣній, патогенный рефлексъ остается диссоціированнымъ. Чѣмъ же обусловливается такая чуткость организма—это вопросъ будущаго.

Невыясненнымъ остается, наконецъ, и процессъ разряженія путемъ словесной реакціи. Вѣдь, въ концѣ-концовъ, и истерическій симптомъ—тоже своего рода реакція. Отчего же не ему принадлежитъ освободительная сила? И этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ пока лишь предположительно. Повидимому, съ одной стороны, болѣзненный симптомъ лишь внѣшнимъ образомъ связанъ съ даннымъ воспоминаніемъ. Эта связь ограничивается совпаденіемъ во времени, не касаясь вовсе внутреннихъ переживаній. Съ другой стороны, рѣчевая реакція предполагаетъ участіе

[1]) В. Бехтеревъ. «Значеніе изслѣдованія двигательной сферы для объективнаго изученія нервно-психической сферы человѣка», Спб. 1909, стр. 27.

всего внутренняго «я», т. е. всей нервной системы. Дѣло въ томъ, что для облегченія больного недостаточно еще простого намека на пережитое. Необходимъ подробный разсказъ, т. е. воскрешеніе его въ памяти со всей эмоціональной окраской. Иначе говоря, рѣчевая реакція должна проникать довольно глубоко въ организмъ, но въ какой мѣрѣ — пока еще не установлено.

Такимъ образомъ органическія условія процесса подлежатъ еще дальнѣйшему выясненію, но общая схема его вполнѣ ясна и представляетъ громадный прогрессъ сравнительно съ прежнимъ пониманіемъ. Стоитъ лишь напомнить, что самимъ авторамъ «Studien über Hysterie» впечатлѣнія и воспоминанія представлялись связанными съ «раздраженіемъ мозговой коры [2]). Какимъ образомъ такое длящееся состояніе могло усиливаться вплоть до затемнѣнія самосознанія и наконецъ быть разряжаемо словесной реакціей—представлялось совершенно непонятнымъ. Какимъ образомъ оно могло сохраняться внѣ сознанія больного и періодически выступать съ такой чрезвычайной силой—казалось прямотаки необъяснимымъ. Съ точки зрѣнія мозговыхъ рефлексовъ какъ то, такъ и другое объясняется совершенно просто. Разъ наши воспоминанія не представляютъ никакихъ длящихся слѣдовъ, а сводятся къ воспроизведенію мозговыхъ рефлексовъ, понятно, что при всей своей силѣ они сохраняются лишь потенціально и могутъ долгое время не появляться въ сознаніи. Понятно и то, что они усиливаются новыми впечатлѣніями и разряжаются словесной реакціей. Законы функціонированія мозговыхъ рефлексовъ отвѣчаютъ вполнѣ приведеннымъ особенностямъ истерическихъ явленій.

Въ связи съ такимъ фиксированіемъ патогеннаго впечатлѣнія выясняется самая таинственная сторона нашей психической жизни: ея поразительное богатство, то скрывающееся въ безсознательномъ, то начинающее бить неистощимымъ потокомъ фантазіи. Нелегко связать съ объективною схемою мозга отдѣльныя картины мысли, отдѣльные элементы сознанія; но еще труднѣе сдѣлать это для сознанія въ его цѣломъ. Еще труднѣе сказать, чѣмъ опредѣляется безпрерывное движеніе фигуръ и образовъ. Сознаніе представляетъ изъ себя не цѣлый міръ, отдѣльныя части котораго выступали бы по временамъ съ большею рельефностью. Сознаніе можетъ быть уподоблено маленькой сценѣ, вокругъ ко-

1) Breuer u. Freud, «Studien über Hysterie», стр. 161.

торой все погружено въ глубокій мракъ. На этой сценѣ дефилируютъ фигуры и образы, выходя изъ мрака и опять погружаясь въ полный мракъ. И какъ далеко это движеніе отъ прямой ассоціативной связи мыслей! Какъ часто случается, что появляются образы совершенно неизвѣстнаго намъ происхожденія, между тѣмъ какъ мы тщетно вызываемъ тотъ или другой рѣчевой символъ! Гдѣ скрывается послѣдній? Откуда выходитъ первый? Почему эти образы иногда рѣдѣютъ, иногда же начинаютъ толпиться точно подъ напоромъ какой-то внутренней силы? Что общаго между этимъ безпрерывнымъ движеніемъ и анатомическимъ субстратомъ нашего мозга?

«Вода и камень, ледъ и пламень
Не такъ различны межъ собой»...

Если и удавалось связать отдѣльные элементы сознанія съ данными анатоміи головного мозга, никто еще не пробовалъ связать съ послѣдними сознаніе въ его цѣломъ, въ его безпрерывномъ движеніи. Съ точки зрѣнія развитія мозговыхъ рефлексовъ это становится вполнѣ возможнымъ. Тутъ получаютъ реальный смыслъ и понятіе «безсознательнаго», и всѣ формы сознанія вплоть до самой богатой, неистощимой фантазіи. Дѣйствительно, какъ бы ни обогащался нашъ мозгъ новыми рефлексами, послѣдніе существуютъ лишь потенціально. Пока они не воспроизведутся въ сочетаніи съ цѣпью внутреннихъ реакцій, опредѣляющихъ самочувствіе организма, за ними можетъ быть признано лишь безсознательное существованіе. Теперь понятно, что́ такое «безсознательное», и какъ совершается переходъ его въ сферу личнаго сознанія. Понятно также, что послѣднее можетъ то суживаться до предѣловъ одной мысли, то расширяться безпрерывнымъ притокомъ фигуръ и образовъ.

Надо ли пояснять, какое значеніе можетъ получить, благодаря этому, фрейдизмъ для психологіи, психіатріи и даже для нѣкоторыхъ областей сверхчувственнаго знанія? Изъ простого эмпирическаго пріема психоанализъ становится однимъ изъ главныхъ методовъ психологическаго изслѣдованія. Стоитъ лишь напомнить то, что было сказано выше о примѣненіи его къ изслѣдованію творчества мысли. Вѣдь механизмъ воображенія представляетъ одну изъ самыхъ таинственныхъ проблемъ психологіи. Не будетъ ли такимъ путемъ открытъ его источникъ? Не выявится ли при помощи психоанализа рядъ хранящихся въ безсознательномъ впечатлѣній, въ связи съ которыми создался тотъ или другой эпизодъ романа,

тотъ или другой образъ сонета? Мы уже начали искать въ этомъ направленіи и возлагаемъ большія надежды на опыты съ авторами литературныхъ произведеній.

Да и не только творчество мысли получитъ тутъ болѣе глубокое освѣщеніе. Всякій согласится, что и простое мышленіе не сводится всецѣло къ ассоціаціи идей. Интересно было схватить этотъ процессъ, какъ наиболѣе ясный и легче всего поддающійся изслѣдованію, но правы были тѣ, кто говорилъ, что ассоціативная психологія безконечно бѣднѣе дѣйствительности. Наше мышленіе питается не только ассоціаціями, но и наплывомъ изъ безсознательнаго. Какъ часто прерывается логическая цѣпь новой идеей, появляющейся неизвѣстно откуда! Съ точки зрѣнія мозговыхъ рефлексовъ это совершенно понятно. Конечно, реакціи могутъ вызывать одна другую благодаря установившейся между ними связи, благодаря тому, что представляется намъ внутреннимъ сходствомъ или внѣшнимъ сочетаніемъ; но тоже самое можетъ произойти благодаря совершенно случайному толчку. Не надо забывать, какова должна быть подвижность нашего психическаго механизма. Мы носимъ въ себѣ цѣлую массу двигательныхъ тенденцій, и достаточно простѣйшаго внѣшняго импульса, напримѣръ — эмоціональнаго характера, чтобы вызвать новую реакцію. Какъ сложится тутъ примѣненіе психоанализа, пока еще трудно сказать, но несомнѣнно, что механизмъ нашей психики получитъ двойную глубину сравнительно съ прежней ассоціативной схемой. Станутъ доступными опытному изслѣдованію не только простѣйшее логическое мышленіе, но самыя непосредственныя, самыя таинственныя формы интуиціи.

Наряду съ углубленіемъ нашего познанія откроются и новые пути лѣченія мысли. Цюрихскій психіатръ Юнгъ намѣтилъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересную программу. Изслѣдованіе неврозовъ по методу Фрейда навело его на мысль, что и чисто психическія разстройства могутъ быть вызваны аналогичными причинами. Мы уже упомянули о предложенномъ имъ методѣ ассоціацій, при помощи котораго открывались бы вытѣсненные изъ сознанія комплексы мыслей и впечатлѣній. Примѣненіе этого метода къ больнымъ психическимъ разстройствомъ обнаружило и у нихъ существованіе такихъ же комплексовъ. Выражаясь точнѣе, Юнгъ призналъ необходимость дѣлать въ этомъ отношеніи громадное различіе между органическимъ разстройствомъ и такъ называемымъ функціональнымъ. Органическія разстройства, проявляющіяся, напримѣръ, при прогрессивномъ параличѣ, при склерозѣ мозга и т. п., требуютъ, конечно, органическаго

лѣченія; но въ громадномъ числѣ случаевъ не наблюдается никакого органическаго пораженія: таковы, напримѣръ, всѣ заболѣванія, относящіяся въ категоріи слабоумія. Послѣднія, по мнѣнію Юнга, представляютъ лишь функціональное разстройство и требуютъ совершенно другого, психологическаго изслѣдованія. На рядѣ примѣровъ, главнымъ образомъ изъ цюрихской психіатрической клиники, Юнгъ доказываетъ, что бредъ такихъ больныхъ представляетъ далеко не безсмысленные, а лишь искаженные комплексы переживаній. Искаженіе происходитъ отъ неправильнаго словоупотребленія. Въ существѣ за самыми абсурдными фразами открывается одна и та же картина, въ которую замкнулось все мышленіе больного [1]).

Съ точки зрѣнія объективной психологіи это получаетъ опять таки вполнѣ опредѣленный смыслъ. Въ приведенныхъ нами случаяхъ неврозовъ дѣло шло о выключеніи группы рефлексовъ изъ цѣпи реактивныхъ процессовъ; здѣсь же обнаруживается сведеніе всей реактивной дѣятельности мозга къ двумъ или тремъ процессамъ, разнообразящимся лишь рѣчевыми реакціями. Больной представляется какъ бы изолированнымъ отъ внѣшняго міра или, по крайней мѣрѣ, неспособнымъ регулировать свои реакціи внѣшними раздраженіями. Дѣятельность его мозга замыкается въ какой-то безъисходный кругъ.

Каково можетъ быть тутъ примѣненіе психоанализа, пока еще трудно сказать; есть ли какая-нибудь возможность нарушить этотъ кругъ и возстановить соотношеніе съ внѣшнимъ міромъ—вопросъ будущаго. Однако, нельзя не согласиться съ Юнгомъ, что для больныхъ такого рода единственный путь психіатріи—путь психологическій. А такихъ больныхъ, замѣтимъ кстати, большинство. Они-то и составляютъ коренное населеніе сумасшедшихъ домовъ и убѣжищъ, между тѣмъ какъ больные съ органическимъ пораженіемъ мозга являются по большей части неизлѣчимыми и быстро двигаются къ гибели. Отсюда ясно, что и психіатріи фрейдизмъ обѣщаетъ новую эру. Скажемъ болѣе: послѣдняя найдетъ тутъ впервые позитивную физіологическую основу своего развитія.

Наконецъ, хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ и объ отношеніи фрейдизма къ сверхчувственному знанію. Многое, что казалось совершенно непостижимымъ, можетъ получить теперь научное объясненіе. Прежде всего—всѣ явленія деперсонализаціи

---

[1]) C. G. Jung, «Der. Inhalt der Psychose». (Shrifte f. angénandte Seelenkunde в. 3-iй).

и психическаго автоматизма. Всѣмъ извѣстны любопытные факты автоматическаго письма или рисованія. Есть цѣлые романы, законченныя поэтическія произведенія и любопытнѣйшіе рисунки, которымъ приписывается такое таинственное происхожденіе. Авторы увѣряютъ, что ихъ рукою двигала какая-то посторонняя сила, и, считая себя медіумами, приписываютъ вдохновеніе постороннему духу. Съ точки зрѣнія реактивной дѣятельности мозга такая гипотеза становится совершенно излишней. Психоанализъ открываетъ намъ, какая масса психическихъ данныхъ скрывается у насъ въ безсознательномъ. Мы видѣли, что при извѣстныхъ условіяхъ на этой почвѣ образуется какъ-бы вторая личность субъекта, и можемъ заключить, что нѣчто подобное проявляется и въ психическомъ автоматизмѣ. Это подтверждается, между прочимъ, слѣдующимъ личнымъ наблюденіемъ. Мы неоднократно замѣчали, что чтеніе книги въ постели на сонъ грядущій сопровождалось слѣдующимъ любопытнымъ явленіемъ. Отложивъ книгу въ сторону и потушивъ свѣтъ, мы не только не могли отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ мыслей и образовъ, но и въ первомъ забытьи продолжали мыслить словами автора. Мы ловили въ себѣ самомъ какъ бы чуждую намъ личность. Надо полагать, что у людей, склонныхъ къ автоматическому письму или рисунку, образуется нѣчто подобное и что такимъ путемъ разряжается запасъ впечатлѣній, хранившихся въ безсознательномъ.

Отсюда не далеко ужъ и до общей теоріи медіумизма. Конечно, послѣдняя осложняется экстеріоризаціей нервной энергіи; но важно то, что намъ становится понятной возможность безсознательной дѣятельности медіума. У всякаго лица, занимающагося этимъ систематически или профессіонально, должна развиваться способность раздвоенія личности и дѣйствія въ качествѣ того или другого вызываемаго присутствующими духа. Мы не беремся разрѣшить вопросъ о матеріализаціи, которая обусловливается неизвѣстными намъ физическими законами, но считаемъ все-таки не излишнимъ указать на то, что съ открытіемъ физіологической основы безсознательнаго получаютъ нѣкоторое освѣщеніе и самыя таинственныя проявленія человѣческой личности, причислявшіяся до сихъ поръ къ области сверхчувственнаго знанія.

Мы находимся на порогѣ важнѣйшихъ открытій въ области психической жизни. Въ объективную психологію фрейдизмъ вноситъ нѣчто новое и въ высшей степени цѣнное. До него объективная психологія представлялась связанной съ явленіями частичнаго, отрывочнаго характера. Психоанализъ окрыляетъ ее, даетъ

ей возможность обнять сознаніе въ его цѣломъ. Перейти отъ того или другого минутнаго переживанія къ даннымъ прошлаго опыта, составляющимъ наше сознательное и безсознательное «я», оперировать этими данными, какъ мы оперируемъ нашими простѣйшими впечатлѣніями—это шагъ впередъ, который долженъ имѣть рѣшающее значеніе. А къ этому ведутъ опыты Фрейда и его послѣдователей.

Н. Костылевъ.

НАИВНЫЙ ЦИНИЗМЪ.

Мы недалеки отъ выборовъ, а потому къ прочимъ соображеніямъ, заставляющимъ высказываться въ пользу или противъ тѣхъ или другихъ законодательныхъ рѣшеній, невольно присоединяется одинъ новый мотивъ: боязнь, чтобы предстоящая избирательная борьба не обострена была нѣкоторыми совершенно ненужными и необдуманными мѣропріятіями, вызванными временнымъ настроеніемъ нашей верхней палаты.

Что Государственный Совѣтъ непопуляренъ—это, кажется, не составляетъ ни для кого тайны. Непопуляренъ онъ съ самаго момента включенія его въ число законодательныхъ палатъ, такъ какъ явился нѣкотораго рода сюрпризомъ. На него ранѣе смотрѣли какъ на высшую административную коллегію, призываемую къ проведенію законовъ въ жизнь и согласованію ихъ съ нею чрезъ посредство имъ приготовляемыхъ и согласныхъ съ законами указовъ. Такимъ онъ былъ и остается на Западѣ. Такимъ онъ задуманъ былъ у насъ Сперанскимъ. Если онъ сдѣлался законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, то потому лишь, что поставленная рядомъ съ нимъ Сперанскимъ Государственная Дума не получила своего осуществленія. Какъ собраніе высшихъ членовъ нашей бюрократіи Совѣтъ, разумѣется, не можетъ быть выразителемъ мнѣній русскаго общества. Этой мысли, повидимому, держался и новѣйшій законодатель, задумавшій обновить его включеніемъ цѣлой половины выборныхъ членовъ. Но и въ этомъ видѣ Совѣтъ предсталъ предъ лицомъ Россіи, пролагавшей себѣ новые пути политической жизни, чѣмъ-то противоестественнымъ, чѣмъ-то половинчатымъ, «политическимъ чудовищемъ»—по выраженію, освященному извѣстнымъ Пуффендорфомъ. Бывшій предсѣдатель совѣта министровъ сказалъ о немъ въ Думѣ нѣчто, что во всякой другой странѣ признано было бы оскорбленіемъ высокаго собранія. «Мы,—

объявилъ П. А. Столыпинъ (разумѣя министровъ)—представители власти, вы, господа депутаты—представители народа, а они, т. е. члены Государственнаго Совѣта—представители интересовъ». Какихъ именно, ораторъ не пожелалъ сказать или случайно не договорилъ. Въ широкихъ слояхъ населенія Государственный Совѣтъ считаютъ представителемъ крупнаго недвижимаго и движимаго капитала, одинаково чиновнаго, дворянскаго, промышленнаго и торговаго. Поэтому тѣ поправки, которыя онъ предлагаетъ къ проектамъ Думы, всегда заподозрѣны въ стремленіи отстоять права классовъ, живущихъ рентою и прибылью, а не трудового населенія. Позволительно думать, что при голосованіи каждый изъ членовъ Совѣта не теряетъ изъ виду такой возможной интерпретаціи его ближайшихъ мотивовъ. И вотъ, становясь на эту точку зрѣнія, я не могу не признать крайне неполитичнымъ образъ дѣйствія большинства, тормозящаго проведеніе въ жизнь рѣшеній такой же землевладѣльческой по преимуществу камеры, какою является Государственная Дума, съ тою, однако, особенностью, что, хотя и въ меньшинствѣ, въ ней сидятъ представители и отъ волостного крестьянства, и, въ минимальномъ числѣ, отъ рабочаго сословія.

На креслахъ Совѣта нѣтъ, разумѣется, никого, кто бы имѣлъ право говорить отъ имени массы русскихъ производителей. И вотъ почему рѣшенія, направленныя къ тому, чтобы, къ невыгодѣ послѣднихъ, измѣнить думскія предложенія, носятъ характеръ внушенныхъ соображеніями не общей пользы, а интересами владѣльческихъ классовъ. Когда Государственный Совѣтъ увеличиваетъ на нѣсколько часовъ длину рабочаго дня для торгово-служащихъ, когда онъ лишаетъ ихъ, если не на бумагѣ, то на дѣлѣ, воскреснаго отдыха, требуя, по меньшей мѣрѣ, пятичасовой работы отъ людей, которымъ на одно перемѣщеніе нужно затратить еще два часа, такъ какъ большинство живетъ за городомъ или въ отдаленныхъ кварталахъ; когда тотъ же Совѣтъ оставляетъ безъ регулированія созданныя жизнью отношенія между собственниками и людьми, снявшими у нихъ землю подъ постройки, установляя въ то же время для будущаго долгосрочную аренду,—я говорю себѣ: масса лицъ заинтересованныхъ пойметъ всѣ эти мѣры, какъ пристрастное поощреніе интересовъ землевладѣнія и капитала. Къ сожалѣнію, дѣйствительность оправдываетъ мои опасенія и убѣждаетъ меня въ томъ, что Государственный Совѣтъ дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы на ближайшихъ выборахъ сыграть роль какого-то пугала для избирателей, принадлежащихъ къ числу исполнителей труда. Нѣкоторыя заявленія, поступающія ко мнѣ по почтѣ изъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, вплоть до Омска, убѣждаютъ меня въ томъ, что эти

опасенія далеко не призрачны. «Комиссія Государственнаго Совѣта,— пишетъ мнѣ предсѣдатель омскаго общества взаимнаго вспоможенія прикащиковъ, къ которому присоединилось нѣсколько сотъ членовъ того же общества,—своей поправкой къ думскому законопроекту уничтожила основныя положенія закона 15-го ноября 1906 г. Въ Сибирскихъ городахъ въ теченіе десятковъ лѣтъ соблюдается полный праздничный и воскресный отдыхъ. У насъ въ Омскѣ съ 1866 г. самими владѣльцами торгово-промышленныхъ предпріятій установлено не производить торговли въ воскресные и праздничные дни. Въ будни же рабочій день колеблется между 8 и 9-ю часами. Соглашеніемъ владѣльцевъ и служащихъ торгово-промышленныхъ заведеній установленъ съ 1-го мая по 1-е сентября 10-ти часовой рабочій день, а съ 1-го сентября по 1-е мая 11-ти часовой, при чемъ изъ этого времени полчаса идетъ на завтракъ, а полтора часа на обѣдъ и послѣобѣденный отдыхъ. Пятилѣтній опытъ примѣненія этого соглашенія доказалъ, что ни потребители, ни предприниматели отъ сокращенія рабочаго дня даже до восьми часовъ никакого ущерба не несутъ. Трудъ же служащихъ сдѣлался отъ этого болѣе производительнымъ». Такія же заявленія идутъ изъ цѣлаго ряда мѣстностей. Изъ Екатеринбурга, напр., пишутъ: «Съ 1887-го года праздничная торговля была ограничена до 2-хъ часовъ, а съ 1905 г. и совсѣмъ прекращена по постановленію городской думы. Торговля въ будни производилась до 1908 г. съ 8-ми часовъ утра до 8-ми и 9-ти часовъ вечера, т. е. въ продолженіе 12-ти—13-ти часовъ въ сутки; при чемъ многія крупныя фирмы въ лѣтнее время уменьшали эту норму на два-три часа. Послѣ изданія закона отъ 15-го ноября 1906 г. смѣшанной комиссіей изъ представителей городской думы, промышленниковъ и прикащиковъ 5-го ноября 1908 г. было выработано обязательное постановленіе, утвержденное г. пермскимъ губернаторомъ и понынѣ дѣйствующее; имъ установленъ былъ полный отдыхъ въ воскресные и праздничные дни, рабочій день сокращенъ и длится съ 8-ми часовъ утра до 7-ми вечера, при чемъ служащимъ для принятія пищи полагается два часа. Въ продолженіе трехъ лѣтъ уже торговля въ Екатеринбургѣ производится согласно съ этимъ обязательнымъ постановленіемъ. Какъ служащіе, такъ и торгующіе и покупатели свыклись съ установленнымъ порядкомъ. Какихъ-либо жалобъ торговцевъ и потребителей на стѣснительность не поступало. Нѣтъ также доказательствъ тому, чтобы торговля пострадала отъ такого ограниченія рабочаго дня. При 15-ти часовомъ трудѣ, на которомъ остановилась комиссія Государственнаго Совѣта, торгово-служащимъ не будетъ времени для личной, семейной и общественной жизни; самое бо́льшее—только для сна».

Уполномоченные торгово-служащихъ города Симбирска прибавляютъ къ этому: «Снова масса людей будетъ лишена возможности ежедневно видѣть своихъ дѣтей, такъ какъ никто изъ малышей не можетъ вставать до $6^1/_2$ часовъ утра и ждать возвращенія отца до $10^1/_2$ часовъ ночи, послѣ пребыванія его 15 часовъ, а, съ дорогою отъ квартиры до магазина, и всѣхъ 16 внѣ дома»... «Пребываніе людей въ лавкахъ со сквозными дверями, никогда не отопляемыхъ при температурѣ 20° мороза, особенно же малолѣтнихъ, не получающихъ днемъ горячей пищи, исключая чая на морозѣ, сдѣлаетъ вѣчными калѣками, ревматиками и туберкулезными значительный процентъ всѣхъ торговыхъ служащихъ».

Изъ Кіева и Орла идутъ такіе же протесты отъ предсѣдателей обществъ взаимнаго вспоможенія прикащиковъ. Столь же чутко относятся къ намѣченному рѣшенію торгово-служащіе въ Ярославлѣ, Новгородѣ и Псковѣ, въ Смоленскѣ, въ Одессѣ, въ Орлѣ, въ Болховѣ и [illegible] Курскѣ, въ Николаевѣ, въ Оренбургѣ и въ Казани.

Не передавая содержанія всѣхъ принятыхъ въ этихъ городахъ постановленій, приведу выдержки изъ письма предсѣдателя правленія Курскаго общества вспоможенія прикащиковъ: «Законъ 15-го ноября 1906 г.—пишетъ онъ,—вызвалъ въ свое время много недоразумѣній своими неясно указанными сроками занятій; тѣмъ не менѣе онъ уже прошелъ въ жизнь; не слышится болѣе возраженій отъ хозяевъ, будто этотъ законъ для нихъ разорителенъ. Помирились съ 11-ю и 12-ю часовъ работы и служащіе. Торговля по праздникамъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ обмѣна прекращена въ теченіе всего года; а въ другихъ—только въ лѣтніе мѣсяцы. И потребители привыкли также къ такимъ порядкамъ. Исчезли прежнія тренія и недовольство, созданныя введеніемъ закона въ жизнь. Они несомнѣнно возникнутъ съ новой силой, если пройдетъ предложеніе комиссіи Государственнаго Совѣта. Вѣдь если изъ 24-хъ часовъ 15-ть уйдетъ на службу, то, имѣя въ виду частое запаздываніе при закрытіи торговаго заведенія и время, затрачиваемое на проходъ и проѣздъ на службу и со службы, у прикащиковъ почти не останется возможности провести нѣсколько часовъ въ кругу своей семьи. А что сказать о торговлѣ по воскресеньямъ и праздникамъ въ теченіе пяти часовъ, т. е. въ тѣ дни, когда служащій оставался хозяиномъ своего времени? Не будетъ больше прикащику досуга и для занятія общественными дѣлами; замретъ, поэтому, жизнь въ профессіональныхъ организаціяхъ провинціи. О самообразованіи, разумѣется, не будетъ больше и рѣчи. Да и гдѣ найти такой срокъ для работы? Развѣ въ каторгѣ,—восклицаютъ прикащики. Неужели думаютъ, что мы можемъ серьезно считаться—продолжаютъ они,—съ тѣмъ извращеніемъ истины, какое

дѣлаютъ представители капитала, говоря, что трудъ прикащиковъ неутомителенъ. Нѣтъ! Онъ вдвойнѣ изнурителенъ, и съ физической, и съ нравственной стороны. Вѣдь сколько прикащиковъ имѣютъ дѣло съ перенесеніемъ тяжелыхъ предметовъ, какъ-то: мучники, лабазники, желѣзняки. Страшно энервируетъ ихъ и отношеніе къ нимъ покупателей, которые обыкновенно не считаются съ ихъ человѣческимъ достоинствомъ».

Только что доставленъ мнѣ протоколъ общаго собранія членовъ профессіональнаго общества защиты труда прикащиковъ, бухгалтеровъ и конторщиковъ города Новороссійска. Собраніе состоялось не далѣе, какъ 26-го февраля 1912 г. Члены собранія жалуются, между прочимъ, на то, что мѣрами, принятыми въ комиссіи Государственнаго Совѣта, нарушается установившійся порядокъ. Законъ 15-го ноября 1906 г. дѣйствуетъ уже 5 лѣтъ; прикащики привыкли къ 12-ти часовому рабочему дню и къ непрерывному воскресному и праздничному отдыху; ко всему этому успѣли приспособиться и потребители. Это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что новороссійская городская дума при выработкѣ обязательныхъ постановленій о торговлѣ также высказалась за 11-ти часовой рабочій день и полный праздничный отдыхъ.

По даннымъ, не разъ сообщеннымъ въ мѣстныхъ газетахъ, все Поволжье за послѣднія пять лѣтъ перешло къ порядкамъ 12-ти часового рабочаго дня въ торговыхъ заведеніяхъ, а также воскреснаго и праздничнаго отдыха. Новый законъ введетъ, такимъ образомъ, порядки, отъ которыхъ отвыкли одинаково и торговцы, и служащіе, и потребители. Мѣстное населеніе будетъ чувствовать ихъ какъ новое зло, навязанное ему высшимъ чиновничествомъ, дворянствомъ и купечествомъ.

Вопреки мнѣнію громадныхъ массъ населенія—въ томъ числѣ и крестьянъ, и рабочихъ, представленныхъ въ Государственной Думѣ,—желательно ли и политично ли наводить трудящійся людъ на такія мысли, да еще наканунѣ выборовъ? Если члены нашего Государственнаго Совѣта не желаютъ внять велѣніямъ справедливости, то не побудитъ ли ихъ матеріальный расчетъ къ тому, чтобы считаться съ создаваемымъ ими недовольствомъ, которое, разумѣется, отразится усиленіемъ въ ближайшемъ будущемъ, вмѣстѣ съ чувствомъ обиды, и отрицательнаго отношенія къ законодательной работѣ верхней палаты.

* * *

Едва ли болѣе цѣлесообразнымъ можно считать поведеніе Государственнаго Совѣта въ вопросѣ о застройкѣ. Кому неизвѣстно, вопреки утвержденіямъ П. Н. Дурново, что застраиваемыя аренда-

торами земли лежатъ всего чаще по близости къ городамъ, гдѣ собственниками являются или самъ городъ, какъ напр. въ Москвѣ, или помѣщики? Кто не знаетъ, что воспѣтая Карамзинымъ «Марьина роща» въ первопрестольной, а Квиткою Основьяненкомъ—подгородное къ Харькову имѣніе «Основа», болѣе или менѣе застроены нынѣ всякаго рода малообезпеченными людьми, которыхъ собственники земли могутъ согнать за окончаніемъ контракта, удерживая за собою построенныя ими жилища и лавки? Многимъ южанамъ извѣстны также примѣры цѣлыхъ кварталовъ, возникшихъ за послѣднія 25 лѣтъ на земляхъ какого-нибудь частнаго владѣльца, въ родѣ Касперова въ Таганрогѣ. Мнѣ пишутъ одинаково изъ Москвы, изъ Вильны и изъ ряда поселеній и мѣстечекъ, возникшихъ вдоль полотна желѣзныхъ дорогъ или въ нашемъ каменноугольномъ районѣ, что тысячи людей останутся безъ крова, такъ какъ законодатель (читай—Государственный Совѣтъ) рѣшилъ обойти своимъ вниманіемъ судьбу людей, которые ждали выхода закона, какъ манны небосной, полагая, что онъ дастъ признаніе отношеніямъ, сложившимся ранѣе его подъ вліяніемъ требованій жизни. А законодатель, создавъ право застройки для будущаго, не позаботился регулированіемъ настоящаго. Скажу болѣе: онъ ухудшилъ положеніе тѣхъ, кто снималъ землю на короткіе сроки съ обязательствомъ построить на ней жилище, такъ какъ открылъ собственникамъ возможность, вступивъ въ обладаніе постройкой, воспользоваться болѣе выгодными предложеніями, какія дѣлаютъ имъ долгосрочные арендаторы срокомъ на 30 и болѣе лѣтъ; имъ, очевидно, нѣтъ основанія скупиться и не обѣщать вдвое, втрое больше прежняго. Потерпѣвшимъ едва ли придетъ въ голову, что уваженіе къ принципу собственности одно руководило помѣщиками и бюрократами, засѣдающими въ Государственномъ Совѣтѣ. Но легко можетъ явиться мысль, что интересы ихъ, какъ землевладѣльцевъ, были не чужды тому рѣшенію, какое принято было двумя третями высокаго собранія.

Поставлю опять вопросъ: желательно ли это, особенно въ виду ближайшихъ выборовъ? Оставимъ даже вопросъ о справедливости и ту естественную заботу о матеріальной судьбѣ значительной массы населенія, которая, вѣроятно, не мнѣ одному рисуется какъ нѣчто обязательное для государственныхъ людей. Станемъ на консервативную точку зрѣнія и спросимъ себя: много ли выиграютъ они отъ недовѣрія и раздраженія, какое будутъ испытывать по отношенію къ «пастырямъ народа» лица, брошенныя на произволъ судьбы безъ хлѣба и крова?

Чѣмъ дольше я живу и чѣмъ ближе присматриваюсь къ тому, что происходитъ на моихъ глазахъ, тѣмъ болѣе поражаетъ меня

наивная циничность тѣхъ пріемовъ, какими власть имѣющіе даютъ чувствовать подвластнымъ мѣру свой заботливости о нихъ. Не придется ли въ концѣ концовъ согласиться съ тѣмъ опредѣленіемъ, какое одинъ англійскій судья давалъ закону, говоря: это приказъ болѣе сильнаго менѣе сильному? Средневѣковые феодалы отстаивали свои права, указывая, что даровыя повинности и регулируемыя обычаемъ приношенія ихъ вассаловъ и крестьянъ являлись вознагражденіемъ за военную защиту и покровительство, какое оказываемо было имъ ихъ сеньорами. Западно-европейская буржуазія отстаивала новый феодализмъ, возникшій въ ея пользу и охраняемый высокимъ таможеннымъ тарифомъ, тѣмъ соображеніемъ, что протекціонизмъ одинъ позволяетъ хозяину давать рабочимъ высокіе заработки. Для отстаиванія высокаго избирательнаго ценза или другихъ политическихъ монополій, у европейской буржуазіи всегда были на лицо соображенія о суверенитетѣ разума, т. е. о необходимости досуга и хорошаго обезпеченія для того, чтобы всецѣло отдаться служенію государству. Мы же освободили себя отъ всякаго отвода глазъ и съ наивностью варвара готовы сказать: такъ какъ я сильнѣе тебя, то ты будешь исполнять мою волю и соблюдать мою выгоду въ ущербъ собственной.

Но развѣ это не тѣ порядки, о которыхъ писалъ Ла-Боэси или Монтень въ своемъ «Добровольномъ рабствѣ», предупреждая кого слѣдуетъ, что и это общественное явленіе держится на народной психологіи—а она измѣнчива. Выводъ отсюда, кажется, ясенъ. Онъ едва ли клонится къ тому, чтобы усилить самоувѣренность не смотрящихъ въ даль «пастырей народныхъ».

Максимъ Ковалевскій.

МУНИЦИПАЛИЗАЦІЯ И ЕЯ ПРОТИВНИКИ.

Въ настоящее время повсюду, не только въ передовыхъ, но и въ наиболѣе отсталыхъ странахъ, развитіе мѣстнаго общественнаго хозяйства, въ особенности городского, происходитъ подъ знакомъ *муниципализаціи*. На путь этотъ нынѣ массою выступаютъ даже такія мѣстныя общественныя управленія, которыя еще недавно способны были приходить въ ужасъ и негодованіе отъ одной мысли о немъ. Сидней Веббъ не безъ основанія иронизируетъ надъ тѣми «практиками», которые, свысока и съ презрѣніемъ относясь къ

муниципальному коллективизму, на самомъ дѣлѣ въ своей практической муниципальной дѣятельности самымъ усерднымъ образомъ выполняютъ его директивы. Это, впрочемъ, иронія не столько Сиднея Вебба, сколько «естественнаго хода вещей»... Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію симптоматическое въ этомъ смыслѣ значеніе тѣхъ явленій, которыя теперь повсемѣстно наблюдаются въ сферѣ мѣстнаго общественнаго хозяйства. Однородность и даже тождественность ихъ, не смотря на чрезвычайное разнообразіе той среды, въ которой они въ разныхъ мѣстахъ происходятъ—достаточное доказательство тому, что передъ нами повсемѣстно одинъ и тотъ же вполнѣ опредѣленный, все болѣе разростающійся въ ширину и глубину эволюціонный процессъ, однимъ изъ этаповъ котораго на пути къ обмірщенію производства и является муниципализація общественныхъ службъ и промышленныхъ предпріятій. Это значитъ, что на извѣстной стадіи развитія мѣстнаго общественнаго хозяйства муниципализація неизбѣжно *должна* выступить на сцену, *въ качествѣ простой практической необходимости.* Передъ нею, въ концѣ концовъ, приходится въ равной мѣрѣ преклониться и соціалисту, и радикалу, и либералу, и клерикалу, и консерватору,—всѣмъ, кому въ данный моментъ выпало на долю вѣдать муниципальное дѣло. Конечно, не всѣ дѣлаютъ это съ одинаковой охотой и готовностью; одни долго противятся даже очевиднѣйшей, въ глаза бьющей необходимости, всѣми зависящими отъ нихъ способами уклоняясь отъ выполненія ея требованій, — это большею частью принципіальные противники муниципализаціи; другіе, наоборотъ, слишкомъ быстро и далеко забѣгаютъ впередъ, поспѣшно пытаясь осуществить такую муниципализацію, въ какой еще нѣтъ серьезной потребности и для которой еще нѣтъ на лицо необходимыхъ условій, — такъ поступаютъ, къ сожалѣнію, нерѣдко не вполнѣ сознательные и вдумчивые сторонники ея. Въ первомъ случаѣ происходитъ въ высшей степени вредная задержка въ нормальномъ развитіи мѣстнаго общественнаго хозяйства, во второмъ преждевременная, форсированная муниципализація грозитъ этому развитію серьезными осложненіями, которыя въ концѣ концовъ также неизбѣжно приводятъ къ его задержкѣ. Проф. Монтемартини [1]) не безъ основанія предостерегаетъ противъ

[1]) Авторъ капитальнаго труда: «Municipalizzione dei publici servigi» (Миланъ, 1902), видный членъ соціалистической партіи, депутатъ, директоръ правительственнаго бюро труда и членъ римскаго муниципальнаго совѣта, иниціативѣ и энергичной работѣ котораго Римъ обязанъ послѣдними капитальными проектами муниципализаціи—трамвайныхъ линій и электрической станціи,—за осуществленіе которыхъ высказался референдумъ 20 сентября 1909 г.

чрезмѣрнаго увлеченія муниципализаціей, признавая «безспорно установленнымъ, что проблема непосредственнаго производства (какъ онъ называетъ муниципализацію) различна въ каждомъ городѣ и по отношенію къ каждой индустріи и что мѣстныя условія разнствуютъ въ такой огромной степени, что становится невозможнымъ примѣненіе во всѣхъ случаяхъ одного и того же правила поведенія». И въ самомъ дѣлѣ, то былъ бы, какъ замѣчаетъ онъ далѣе, «уже слишкомъ простой и элементарный способъ рѣшать проблемы муниципализаціи, если бы послѣдняя получала примѣненіе въ какой-нибудь странѣ или даже въ какомъ-нибудь городѣ только въ силу того простого мотива, что опытъ данной муниципализаціи, произведенный въ другой странѣ, оказался удачнымъ... Между тѣмъ именно такимъ критеріемъ руководствуются, къ сожалѣнію, эмпирики, которые не замѣчаютъ, что такимъ образомъ они дѣлаютъ муниципализацію ради муниципализаціи, не думая о томъ, что органъ можетъ существовать только въ томъ случаѣ, если существуетъ функція, для выполненія которой онъ предназначенъ».

Наилучшимъ образомъ, вопросъ о необходимости, допустимости и возможности муниципализаціи можетъ быть поставленъ и рѣшенъ только на почвѣ конкретныхъ условій каждаго даннаго случая. Оцѣнка этихъ условій и открываемыхъ ими возможностей должна быть производима не съ точки зрѣнія личныхъ вкусовъ и симпатій, а сообразно съ объективными требованіями, вытекающими изъ существа задачъ и потребностей мѣстнаго общественнаго хозяйства. Каковы эти требованія—вопросъ, сравнительно мало разработанный даже въ богатой западно-европейской литературѣ и совсѣмъ почти не затронутый въ русской. Сколько-нибудь исчерпывающая работа по этому предмету потребовала бы цѣлой довольно объемистой книги. Но нѣкоторыя изъ интересующихъ насъ указаній могутъ быть получены косвеннымъ путемъ—путемъ анализа тѣхъ принципіальныхъ и практическихъ возраженій, которыя выдвигаются противниками муниципализаціи. Нѣкоторыхъ изъ этихъ возраженій я и предполагаю коснуться въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что подъ вліяніемъ быстро возрастающаго практическаго успѣха муниципализаціи ряды ея принципіальныхъ противниковъ сильно порѣдѣли. Систематически побиваемые почти стихійно наступающимъ на нихъ опытомъ, безъ труда опрокидывающимъ легкую кавалерію ихъ теоретической аргументаціи, они вынуждены отступать, сдавая позицію за позиціей. Теперь уже почти не слышно возраженій противъ муниципализаціи вообще; борьба ведется главнымъ образомъ только противъ отдѣльныхъ видовъ ея. Примирившись съ устраненіемъ

подрядчиковъ и концессіонеровъ изъ общественныхъ службъ въ тѣсномъ смыслѣ, горячо ратуютъ противъ обращенія въ общественную собственность и веденія общественными силами и за общественный счетъ промышленныхъ предпріятій. Легко, однако, предвидѣть то не особенно далекое будущее, когда противникамъ муниципализаціи придется сдать и эту свою послѣднюю и потому съ особеннымъ азартомъ защищаемую позицію.

Та аргументація, которая выдвигается въ данномъ случаѣ такими крупными противниками муниципализаціи, какъ напр. Леруа-Больe во Франціи, Джонъ Леббокъ (онъ же лордъ Avebury) въ Англіи, герцогъ Gualtieri и А. Гейссеръ [1]) въ Италіи,—эта аргументація, нужно ей отдать справедливость, отличается большею частью строгой и непререкаемой логичностью. И пришлось бы, навѣрное, преклониться передъ нею, если бы красивая логическая постройка возведена была на надлежащемъ основаніи. Но именно этого-то и нѣтъ. Въ основу своей аргументаціи они кладутъ (частью безсознательно, сами того не замѣчая) интересы, преимущества и законы развитія частной предпріимчивости, конечно — въ условіяхъ капиталистическаго производства. Съ этой точки зрѣнія они предъявляютъ рядъ соотвѣтствующихъ требованій къ муниципализированнымъ предпріятіямъ, и такъ какъ послѣднія уже потому, что они муниципальныя, а не частныя, такимъ требованіямъ удовлетворить не могутъ, то надъ ними произносится суровый приговоръ. Подобный приговоръ едва ли можетъ быть признанъ имѣющимъ какое-нибудь значеніе, особенно для тѣхъ, кто призванъ къ заботѣ объ интересахъ, нуждахъ и потребностяхъ мѣстнаго общественнаго хозяйства. Оставаясь въ совершенно иной, обязательной для нихъ плоскости мышленія, они не могутъ и не должны разсматривать вопросъ объ обращеніи какого-либо предпріятія въ общественное иначе, какъ съ точки зрѣнія основныхъ цѣлей, къ достиженію которыхъ муниципализація призвана, и задачъ для разрѣшенія которыхъ она по своему существу предназначена. По отношенію къ этимъ цѣлямъ и задачамъ трудно найти существенное различіе между промышленнымъ предпріятіемъ и общественной службой,—просто потому трудно, что какъ разъ главное и основное назначеніе муниципализаціи—превращать промышленныя предпріятія въ

---

1) A. Geisser—видный миланскій муниципальный дѣятель, которому между прочимъ, принадлежитъ итальянскій переводъ книги Леббока, съ обширными примѣчаніями и приложеніями, по размѣрамъ почти равными тексту и придающими переводу значеніе самостоятельнаго труда, не менѣе заслуживающаго вниманія, чѣмъ работа Леббока.

общественную службу или, вѣрнѣе, *ставить общественную службу на мѣсто промышленнаго предпріятія*. Что тутъ съ моей стороны не простая игра словами, въ этомъ читатель легко убѣдится, если сообразитъ, что, напр., школы и больницы, въ частныхъ рукахъ являющіяся исключительно на прибыль разсчитанными промыслами, въ рукахъ муниципальныхъ превращаются въ чистѣйшей воды и первостепенной важности общественныя службы. Оставаясь послѣдовательнымъ, можно возставать противъ муниципализаціи промышленныхъ предпріятій только при одномъ условіи: исповѣдуя принципъ laissez faire, laissez passer, исключающій самую мысль *о соціальномъ законодательствѣ*. Муниципализація, по существу своихъ цѣлей и задачъ—ничто иное, какъ одинъ изъ неизбѣжныхъ и важнѣйшихъ органическихъ фазисовъ развитія этого законодательства. Это станетъ сразу очевиднымъ, если мы попытаемся представить себѣ хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ схему того пути, по которому общественное хозяйство приходитъ къ муниципализаціи.

Развитіе городского хозяйства, сопряженное съ его усложненіемъ и съ возрастающимъ разнообразіемъ его формъ и его содержанія, является продуктомъ концентраціи городского населенія, слѣдствіемъ скопленія большихъ людскихъ массъ на незначительной территоріи. Если въ условіяхъ и въ обстановкѣ сельской жизни всѣ первостепенныя жизненныя нужды и потребности (въ хлѣбѣ, водѣ и т. д.) удовлетворяются почти исключительно путемъ индивидуальной самодѣятельности и домашняго производства всего нужнаго для собственнаго потребленія, то въ условіяхъ городской скученности это становится совершенно невозможнымъ. Мыслимо ли, чтобы въ городскомъ домѣ въ нѣсколько этажей, населенномъ сотнями семей, каждый самъ себѣ добывалъ воду изъ колодца? Мыслимо ли, чтобы при городскихъ квартирныхъ условіяхъ каждый самъ для себя пекъ хлѣбъ? Потребитель въ городѣ рѣзко дифференцируется отъ производителя и посредника-торговца, квартирантъ—отъ домовладѣльца, жилецъ — отъ квартиронанимателя и т. д. Соотвѣтственно этому въ городѣ возникаетъ потребность во множествѣ спеціально городскихъ промысловъ, каковы, напр., хлѣбопекарный, трактирный (меблированныя комнаты), водовозный, извощичій, разные виды мелочного разноснаго и развознаго торга и т. д. Но уже на самой ранней ступени развитія городской жизни обнаруживается, что вся эта направленная на удовлетвореніе потребностей населенія частно-хозяйственная дѣятельность можетъ въ надлежащей мѣрѣ выполнить свою задачу, получить соотвѣтствующее развитіе, только въ такомъ случаѣ, если волей и средствами всего городского коллектива (въ лицѣ представляющихъ его учрежде-

ній) созданы необходимыя для того условія — значитъ, не иначе, какъ при *общественномъ содѣйствіи*. Тогда же обнаруживается, что многія изъ потребностей, особенно же тѣхъ, которыя вызваны къ жизни спеціально городской обстановкой, совсѣмъ не могутъ быть удовлетворены путемъ частно-хозяйственной дѣятельности. И вотъ, многое, что въ деревнѣ можетъ свободно оставаться предметомъ индивидуальныхъ заботъ и дѣломъ частно-хозяйственной иниціативы, въ городѣ неизбѣжно становится объектомъ общественныхъ заботъ и *общественнаго хозяйства*.

Остановимся, для примѣра, на снабженіи населенія пищевыми продуктами. Сколь энергично ни проявляла бы себя въ данной области частная иниціатива, она съ первыхъ же шаговъ оказывается во многихъ отношеніяхъ совершенно безсильной, если не находитъ опоры въ соотвѣтствующихъ общественныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ, напр., на облегченіе и урегулированіе подвоза, на упорядоченіе подъѣздныхъ путей, ведущихъ къ рынкамъ и базарамъ, на отводъ для торговцевъ мѣстъ на улицахъ и площадяхъ и т. п. Очень скоро возникаетъ необходимость не только въ содѣйствіи развитію торговли пищевыми продуктами, но и въ огражденіи потребителей отъ попытокъ нарушенія ихъ интересовъ,—попытокъ, естественныхъ и неизбѣжныхъ со стороны частной предпріимчивости, единственнымъ стимуломъ которой является извлеченіе наибольшей прибыли. Въ огражденіе здоровья потребителей, которому можетъ серьезно угрожать плохое качество продуктовъ, общество, въ лицѣ представляющей его общественной власти, видитъ себя вынужденнымъ установить соотвѣтствующія санитарно-гигіеническія правила для заведеній, торгующихъ пищевыми продуктами, и подчинить эти заведенія надлежаще организованному санитарно-гигіеническому надзору. Одновременно, а частью и значительно раньше, возникаетъ вопросъ объ огражденіи экономическихъ интересовъ потребителей, которымъ всегда угрожаетъ обманъ не только въ качествѣ, но и въ мѣрѣ и вѣсѣ пріобрѣтаемыхъ продуктовъ, и которые всегда рискуютъ переплатить лишнее, благодаря ненормальному, искусственному повышенію цѣнъ. На общественную власть падаетъ рядъ новыхъ задачъ по составленію правилъ, регулирующихъ скупку привозимыхъ въ городъ продуктовъ, по изданію таксъ и по организаціи торговой полиціи. Всѣ эти правила, обязательныя постановленія и таксы — самые подлинные акты мѣстнаго соціальнаго законодательства [1]). Но довольно скоро они оказываются недостаточными. По мѣрѣ

[1]) Конечно, постановленія и распоряженія мѣстной власти суть акты административные, а не законодательные. Формально неправильное

увеличенія городского населенія и соотвѣтствующаго роста торговли пищевыми продуктами, разбросанной, при томъ по городской территоріи въ массѣ *частныхъ* помѣщеній, санитарный и торгово-полицейскій надзоръ становится все болѣе затруднительнымъ, оказываясь въ концѣ концовъ почти совершенно фиктивнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ правила, постановленія и таксы превращаются въ простую ничего не значущую бумагу. Для того, чтобы эти мѣры получили дѣйствительную силу, становится необходимой извѣстнаго рода централизація торговли пищевыми продуктами, которая давала бы общественной власти возможность концентрировать надзоръ, прямо и непосредственно создавать такой порядокъ *размѣщенія* этого рода торговли и такія условія ея *помѣщеній*, при которыхъ по крайней мѣрѣ основныя санитарно-гигіеническія и торговополицейскія требованія были бы осуществляемы независимо отъ эгоистическихъ разсчетовъ, воли и желанія торговцевъ. Естественно должна возникнуть идея *муниципальныхъ крытыхъ рынковъ*. И въ самомъ дѣлѣ, устройство ихъ было въ этой области однимъ изъ первыхъ и самихъ раннихъ актовъ муниципализаціи. Значительно позже ея объектомъ становится *производство* пищевыхъ продуктовъ, — по причинамъ, разсмотрѣніе которыхъ насъ отвело бы слишкомъ далеко въ сторону. И здѣсь общественное вмѣшательство проходитъ совершенно тотъ же путь развитія, начинаясь съ установленія регулирующихъ производство правилъ и съ организаціи соотвѣтствующаго надзора. Различіе только въ томъ, что на этотъ разъ задача мѣстнаго соціальнаго законодательства гораздо сложнѣе, такъ какъ за интересами потребителей — не скоро, правда, но настойчиво — выступаютъ на сцену интересы занятаго въ производствѣ и отдающаго ему свой трудъ персонала, не менѣе неотложно требующіе огражденія. Затѣмъ и здѣсь постепенно все болѣе обнаруживается, что цѣли, которыя общество ставитъ себѣ, подчиняя извѣстнымъ нормамъ и надзору производство пищевыхъ продуктовъ, всего лучше могутъ быть достигнуты, если оно возьметъ это производство въ свои собственныя руки. Въ результатѣ — муниципальныя бойни, булочныя, молочныя и т. д., также съ логической неизбѣжностью вытекающія изъ развивающейся потребности мѣстнаго соціальнаго законодательства.

Тѣ писатели и общественные дѣятели, которые достаточно откровенны, рѣшительны и смѣлы, не скрываютъ того, что ведутъ

выраженіе: «акты мѣстнаго соціальнаго законодательства» здѣсь и ниже имѣетъ въ виду не юридическую сторону, а существо дѣла, обозначая дѣйствія мѣстной власти въ области отношеній, регулируемыхъ соціальнымъ законодательствомъ, направленныя на достиженіе тѣхъ же цѣлей, которыя этимъ законодательствомъ преслѣдуются.

войну противъ муниципализаціи, именно какъ противники соціальнаго законодательства. Очень характерна въ этомъ смыслѣ интересная во многихъ отношеніяхъ книга, посвященная жестокой критикѣ итальянскаго закона (29 марта 1908 г.) о муниципализаціи. Перечисливъ тѣ «современныя привилегіи», которыя нынѣшнее соціальное законодательство, будто бы, создаетъ для трудовой части населенія, авторъ продолжаетъ: рабочіе получаютъ за пониженную цѣну, а то и совсѣмъ даромъ, тѣ услуги и тѣ блага, за которыя другіе классы должны платить, и часто довольно дорого; таковы льготы, предоставляемыя имъ нѣкоторыми желѣзными дорогами и трамваями, даровое кормленіе дѣтей въ школахъ, полное освобожденіе въ нѣкоторыхъ странахъ не только отъ заставныхъ пошлинъ, взимаемыхъ съ пищевыхъ продуктовъ и предметовъ потребленія, но и отъ налоговъ, которые должны бы падать на дома, въ которыхъ обитаютъ рабочіе, на средства перевозки (повозки, тачки), которыя употребляются рабочими и крестьянами и т. д. Эти льготы, эти современныя привилегіи имѣютъ точь въ точь то же самое назначеніе, что и старыя, а именно—предоставить однимъ, даромъ, выгоды, за которыя заплатятъ тѣ, которые ими не пользуются. И въ самомъ дѣлѣ, какъ при старомъ порядкѣ низшіе классы несли на себѣ тяжесть привилегій, которыми пользовались дворянство и духовенство, такъ нынѣ рабочимъ удѣляется исключительное вниманіе: имъ предоставлены льготы, свобода отъ налоговъ, особые трибуналы, страхованіе отъ всѣхъ бѣдъ—не только тѣхъ, причина которыхъ случайность или неосторожность (несчастья при работѣ), но и другихъ, которыми природа одинаково караетъ всѣхъ людей (болѣзнь, старость),—и высшіе классы выплачиваютъ большую часть необходимыхъ на это расходовъ. Существующія нынѣ привилегіи, словомъ, отличаются тѣми же тенденціями, тѣмъ же тираническимъ духомъ, тѣмъ же эгоизмомъ; только пользуются ими теперь не тѣ, что прежде» [1]).

Вотъ что значитъ быть незыблемо вѣрнымъ принципу равенства! Да здравствуетъ равенство!—и потому... нельзя спасать утопающаго, такъ какъ это значитъ давать ему привилегію, которою не пользуются остальные, благополучно обрѣтающіеся на сушѣ; нельзя лечить больного, ибо это значило бы снабжать его привилегіей, которою не пользуются здоровые; нельзя, наконецъ, накормить голоднаго, потому что это значило бы оказать ему преимущество передъ сытыми. Конечно, такъ понимая начало равенства

1) *Duca di Gualtieri*, «Sulla municipalizzazione. Studio economico-sociale». (Неаполь, 1904, стр. 11—13).

и такъ слѣдуя ему, можно быть заранѣе увѣреннымъ, что утопающій утонетъ, больной умретъ, скоро за нимъ послѣдуетъ и голодный,— но огорчаться тутъ нечѣмъ, ибо принципъ прежде всего... А такъ какъ муниципализація, именно, одинъ изъ тѣхъ путей, которые ведутъ къ этимъ «современнымъ привилегіямъ», то... долой муниципализацію!...

Оригинальную аргументацію итальянскаго автора, зиждущуюся на двухъ извращеніяхъ—понятія привилегіи и началъ равенства и соціальной справедливости, — аргументацію эту было бы ошибкою трактовать какъ курьезъ, которому не стоитъ удѣлять серьезнаго вниманія. Она требуетъ опроверженія какъ довольно опасный тактическій пріемъ, при помощи котораго противникамъ муниципализаціи удается пополнять свои ряды не малымъ количествомъ людей искреннихъ и хорошо настроенныхъ, но не привыкшихъ серьезно мыслить и разбираться въ логическихъ тонкостяхъ. Она обнаруживаетъ наиболѣе ясно подоплеку той борьбы, которая ведется противъ муниципализаціи, и дѣлаетъ понятнымъ, почему противники послѣдней иногда такъ охотно принимаютъ ее и содѣйствуютъ ей, если... удается лишить ее соціальныхъ функцій. Вѣдь муниципализировать какое-либо предпріятіе, значитъ, вмѣсто той единственной цѣли— извлеченія наибольшей прибыли,—которой оно служитъ въ рукахъ частнаго предпринимателя, поставить *ему цѣли и задачи соціальныя и обратить его въ орудіе соціальной справедливости,* придавъ производству такую *общественную* форму, которая въ наибольшей степени гарантировала бы выполненіе имъ его новаго назначенія.

Такова муниципализація промышленныхъ предпріятій, какою она должна быть по существу своихъ цѣлей и задачъ, такова она въ *идеалѣ.* Что живая конкретная дѣйствительность еще весьма и весьма далека отъ него—противъ этого никто не станетъ спорить. Но что она все-таки—быть можетъ, черезчуръ медленно, но неуклонно—стремится къ идеалу и постепенно, шагъ за шагомъ, къ нему приближается—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія для всякаго, кто слѣдитъ за тѣмъ, что происходитъ въ интересующей насъ области. Намѣтивъ тѣ требованія, которымъ муниципализація промышленныхъ предпріятій должна удовлетворять съ точки зрѣнія идеала, мы получили вполнѣ надежный критерій для сужденія о ея желательности и допустимости каждый разъ, когда передъ нами имѣется опредѣленный конкретный случай. Если та или другая стоящая на очереди муниципализація такова, что ведетъ въ сторону отъ намѣченнаго идеала или даже противорѣчитъ ему, если, вмѣсто того, чтобы служить дѣлу соціальной справедливости, содѣйствуя

уничтоженію привилегій меньшинства и улучшенію условій существованія трудовыхъ массъ, она, *по роду даннаго производства*, или *по существу своей организаціи*, или *по особымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ* оказывается предназначенной служить, интересамъ привилегированнаго меньшинства, игнорируя трудовыя массы и даже абсолютно или относительно еще болѣе отягощая ихъ положеніе (какъ производителей или какъ потребителей — все равно), то муниципализація эта не настоящая, а фальсифицированная, и противъ нея слѣдуетъ возставать всѣми силами. Если, наоборотъ, муниципализація такова, что она, хотя бы въ малой мѣрѣ удовлетворяетъ своему назначенію съ точки зрѣнія обязательныхъ для нея соціальныхъ цѣлей и задачъ, то она заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія и всяческой поддержки, какъ бы ея осуществленіе ни отразилось на интересахъ, нуждахъ и потребностяхъ частной предпріимчивости.

Если мы отъ принципіальныхъ возраженій перейдемъ къ практическимъ, то здѣсь мы прежде всего встрѣтимся съ указаніемъ на то, что современныя мѣстныя общественныя управленія не располагаютъ достаточными силами для успѣшной муниципализаціи промышленныхъ предпріятій. Таковъ аргументъ, въ первую голову выдвигаемый Леббокомъ. «Функціи и обязанности, возложенныя на муниципальныя администраціи закономъ,—говоритъ онъ,—уже достаточны, если даже не болѣе, чѣмъ достаточны, чтобы поглотить всю ихъ энергію и все ихъ время... Въ какой бы мѣрѣ умѣлыми и дѣятельными ни были муниципальные совѣтники, они все же только люди и не могутъ выполнить больше опредѣленнаго количества работы, удовлетворительное выполненіе которой требуетъ времени и вниманія» [1]). Въ результатѣ, съ увеличеніемъ падающихъ на муниципалитеты задачъ, въ составѣ муниципальныхъ совѣтовъ «становится съ каждымъ днемъ все труднѣе находить людей способныхъ и пригодныхъ (для данной работы), и выполненіе работъ все болѣе концентрируется въ рукахъ служащихъ», т. е., не выборнаго, а профессіональнаго, наемнаго элемента. Что фактически Леббокъ въ значительной степени правъ,—противъ этого трудно спорить, но въ такой же степени несомнѣнно, что выставлять этотъ фактъ, какъ аргументъ противъ муниципализаціи, можно только въ силу явной логической аберраціи.

Отмѣчаемая Леббокомъ чрезмѣрная обремененность работой органовъ мѣстнаго управленія для насъ не новость. Много раньше

---

[1]) Lord Averbury. „Le industrie dello Stato e dei Municipi", перев. съ англ. А. Гейссера (Римъ 1908, стр. 28). Versione dell'inglese con note ed aggiunte di Alberto Geisser. Roma, 1908, page 28.

тоже явленіе, и даже въ еще болѣе острой формѣ, констатировано было мною въ области русскаго городского общественнаго управленія. Уже болѣе девяти лѣтъ тому назадъ я обращалъ вниманіе читателей на ту гигантскую работу, которую приходится выполнять нашимъ городскимъ гласнымъ, «когда у нихъ есть доброе желаніе работать, принимая активное, прямое и непосредственное участіе въ веденіи городского хозяйства». Имъ въ такомъ случаѣ, «приходится взваливать на себя столько обязанностей, сколько едва ли можетъ быть по силамъ людямъ, имѣющимъ не мало своихъ собственныхъ дѣлъ и *не получающимъ никакого* вознагражденія за свой муниципальный трудъ» [1]). Точно также и въ отношеніи городского исполнительнаго органа мнѣ тогда же пришлось указать, что «въ огромномъ количествѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ, выборный составъ городскихъ управъ едва успѣваетъ совладать съ одной только бюрократической кабинетной управской работой, нести же, такъ сказать, наружную службу, фактически на мѣстѣ распоряжаться, наблюдать и контролировать можетъ только урывками, да и то при исключительномъ рѣдко встрѣчающемся усердіи. Центръ тяжести муниципальной исполнительной дѣятельности все болѣе перемѣщается въ сторону вольнонаемныхъ служащихъ, фактически «на мѣстѣ» вѣдающихъ городское хозяйство». Во Франціи положеніе вещей еще хуже. Здѣсь совсѣмъ не существуетъ коллективнаго исполнительнаго органа: имъ является единолично мэръ, а помощники его, гдѣ они имѣются, не образуютъ коллегіи и служатъ только исполнителями его воли, а городскіе совѣты лишены даже права образовывать исполнительныя комиссіи. И сравнительно слабое развитіе французскаго муниципальнаго хозяйства, въ особенности слабое развитіе муниципализаціи, должно быть въ значительной мѣрѣ отнесено не только на счетъ административныхъ тормазовъ, но и на счетъ этого существеннаго дефекта французскаго муниципальнаго строя. Изъ всего этого, однако, нельзя дѣлать того вывода, къ которому приходитъ Леббокъ. Если у мѣстнаго общественнаго управленія не хватаетъ выборныхъ силъ для вполнѣ удовлетворительнаго выполненія задачъ, налагаемыхъ на него естественнымъ ходомъ развитія городского хозяйства то выводъ отсюда можетъ быть только одинъ: мѣстное самоуправленіе должно быть реорганизовано такъ, чтобы этихъ силъ хватало. Если мѣстное самоуправленіе съ трудомъ справляется съ огромной работой, налагаемою на него муниципализаціей промышленныхъ предпріятій, то это значитъ, что потребности муниципальнаго хозяйства переросли данный

[1]) *І. И. Шрейдеръ*: «Наше городское общественное управленіе» (СПБ., 1902, стр. 174).

муниципальный строй; обстоятельство это является аргументомъ не *противъ муниципализаціи*, а *въ пользу мѣстной реформы*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ виду роста и развитія мѣстнаго хозяйства такая реформа становится уже въ настоящее время необходимой даже въ Англіи, муниципальный строй который можно считать до сихъ поръ самымъ совершеннымъ въ Европѣ. Объ остальныхъ странахъ, въ особенности же о Россіи, и говорить нечего. Но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли отсюда, что впредь до реформы нужно отказаться отъ всякихъ улучшеній въ мѣстномъ хозяйствѣ, вообще, и отъ муниципализаціи въ особенности? Конечно, нѣтъ. Невыборныя профессіональныя силы— совсѣмъ не такой минусъ, какъ то кажется Леббоку, если только онѣ поставлены въ раціональное отношеніе къ выборному элементу; лучшее тому доказательство даетъ какъ разъ англійская, а затѣмъ въ еще большей мѣрѣ прусская муниципальная практика. Затѣмъ и при наличныхъ (даже русскихъ) порядкахъ есть возможность значительно расширить участіе общественныхъ силъ въ активномъ веденіи мѣстнаго хозяйства путемъ организаціи исполнительныхъ комиссій не только изъ среды коммунальныхъ совѣтниковъ, но и изъ среды избирателей, привлекая къ дѣлу все что есть наиболѣе пригоднаго и способнаго, по крайней мѣрѣ *въ той части населенія, которая пользуется избирательными правами*.

Этимъ курсивомъ я имѣю въ виду подчеркнуть то обстоятельство, что въ вопросѣ о муниципализаціи нельзя не считаться съ даннымъ муниципальнымъ строемъ; но только сводить съ нимъ счеты нужно совсѣмъ не съ того конца, съ какого ихъ сводитъ лордъ Averbury. Не муниципализація, должна быть принесена въ жертву незыблемости муниципальнаго строя, а какъ разъ наоборотъ — отжившій свое время строй долженъ быть замѣненъ другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ тѣмъ высшимъ интересамъ, которымъ призвана служить муниципализація. Однако, безспорно и то, что въ рукахъ современнаго общественнаго мѣстнаго управленія муниципализація часто оказывается очень дурно поставленной, — только не въ томъ смыслѣ и не по тѣмъ причинамъ, о какихъ говоритъ англійскій ученый и государственный дѣятель. Бѣда не въ томъ, что эти управленія теперь чрезмѣрно обременены работой— противъ этого, какъ мы видѣли, и въ настоящее время имѣются достаточныя средства; бѣда въ томъ, что, даже съ примѣненіемъ этихъ средствъ, мѣстныя управленія остаются все тѣми же по своему соціальному составу, опредѣляемому дѣйствующими избирательными системами, т. е. почти исключительно цензитарными (кромѣ Франціи, Бельгіи и Норвегіи); слѣдовательно, они все также большею частью остаются мало способными поставить и направить дѣло муниципа-

лизаціи такъ, чтобы оно вполнѣ удовлетворяло своему назначенію. Въ большей или меньшей степени—въ зависимости отъ болѣе или менѣе демократической организаціи мѣстныхъ учрежденій,—но пока, во всякомъ случаѣ еще, повсемѣстно наблюдается то же самое, что пришлось отмѣтить относительно Россіи: муниципальныя предпріятія служатъ массѣ городского населенія почти всегда лишь по стольку, по скольку интересы и нужды этой массы совпадаютъ съ интересами и нуждами группъ, представленныхъ въ городскомъ управленіи и распоряжающихся его судьбами. Съ того пункта, съ котораго между этими двумя категоріями интересовъ начинается болѣе или менѣе рѣзкое противорѣчіе, городскія предпріятія неизбѣжно перестаютъ служить массѣ, обслуживая главнѣйшимъ образомъ, интересы правящаго меньшинства». Въ дѣйствительности и на Западѣ, среди огромнаго количества *муниципальныхъ* предпріятій, *муниципализированныхъ* въ настоящемъ указанномъ выше смыслѣ этого слова, немного, и встрѣчаются они только тамъ, гдѣ трудовымъ классамъ населенія удалось такъ или иначе овладѣть мѣстнымъ управленіемъ. Вотъ почему каждый разъ, когда на очередь ставится вопросъ о какой-нибудь муниципализаціи, судьба его прежде всего зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ составъ даннаго мѣстнаго управленія способенъ серьезно задаваться цѣлями и ставить себѣ задачи, достиженію и разрѣшенію которыхъ должна служить муниципализація, если она является таковою не по названію, а на самомъ дѣлѣ. Было бы, конечно, безусловно ошибочно рѣшать вопросъ о такой способности какого-либо мѣстнаго управленія a priori, исходя изъ дѣйствующей избирательной системы: всегда вѣдь возможны такія особыя мѣстныя условія, въ силу которыхъ примѣненныя на дѣлѣ нормы избирательной системы даютъ совсѣмъ не тѣ конкретные результаты, или даже прямо противоположные тѣмъ, на которые эти нормы были разсчитаны. Такіе случаи неизбѣжны и наблюдаются тѣмъ чаще, чѣмъ рѣзче нормы расходятся съ переросшей ихъ жизнью. Когда расхожденіе это достигаетъ высшаго предѣла, они получаютъ характеръ массоваго явленія, ибо жизнь или должна совершенно прекратиться, или же рано или поздно, въ той или иной формѣ, но беретъ свое, сколь бы сильно ни было противодѣйствіе, искусственно ей оказываемое. Ужъ на что, казалось бы, мало удовлетворительны, можно даже сказать антисоціальны нормы дѣйствующаго у насъ городового положенія 1892 г., совершенно устранившаго отъ муниципальнаго дѣла трудовые элементы населенія—тѣмъ на менѣе и при немъ интересы этихъ элементовъ въ городскомъ управленіи не остались абсолютно беззащитными. Ни высокій избирательный цензъ, ни адми-

нистративный гнетъ не оказались въ силахъ всегда и вездѣ окончательно исключить возможность появленія въ муниципальныхъ рядахъ хотя бы небольшой, но энергичной и активной группы интеллигентныхъ дѣятелей, старающихся, по мѣрѣ силъ и возможности и не всегда безуспѣшно, внести въ муниципальное дѣло начала экономической и соціальной справедливости, защищать интересы трудовыхъ, неимущихъ и малоимущихъ классовъ городского населенія.

Судьбы муниципализированнаго предпріятія зависятъ не только отъ состава того мѣстнаго управленія, которому оно принадлежитъ и которое опредѣляетъ его организацію и задачи, но также, часто даже въ наибольшей степени, отъ качествъ и свойствъ его *служебнаго персонала*. Противники муниципализаціи пытаются увѣрить насъ, будто бы персоналъ (коммерческій и техническій) общественныхъ предпріятій стоитъ ниже персонала частныхъ предпріятій. На самомъ дѣлѣ факты свидѣтельствуютъ какъ разъ объ обратномъ: по техническимъ и профессіональнымъ качествамъ своихъ лучше оплачиваемыхъ служащихъ общественное производство почти вездѣ стоитъ выше частнаго. И все-таки персоналъ муниципальныхъ предпріятій приходится большею частью признавать весьма неудовлетворительнымъ,—только совершенно въ иномъ смыслѣ и въ другомъ отношеніи. Предпринимая организацію общественнаго производства, нельзя упускать изъ виду и не учитывать того крайне неблагопріятнаго обстоятельства, что этому производству придется пополнять кадры своихъ служащихъ изъ рядовъ профессіоналистовъ и техниковъ, *подготовленныхъ для нуждъ и потребностей частнаго производства и прошедшихъ его школу*. Такіе служащіе неизбѣжно, роковымъ образомъ, должны внести въ общественное производство навыки и пріемы, какимъ въ немъ безусловно не должно быть мѣста. Конечно, со временемъ вопросъ о пригодномъ для общественнаго производства персоналѣ разрѣшится наилучшимъ образомъ. Все болѣе возрастающія въ числѣ правильно поставленныя муниципальныя предпріятія уже сами по себѣ явятся для него широкой практической школой. Можно надѣяться, что со временемъ приложены будутъ заботы и къ тому, чтобы потребный персоналъ получилъ также надлежащую теоретическую подготовку, для чего могутъ быть учреждены спеціальныя каѳедры, особые курсы и т. п. Вѣдь видимъ же мы уже теперь спеціальные курсы для подготовки того интеллигентнаго персонала, который необходимъ рабочему движенію въ видѣ секретарей камеръ труда и т. д. Со временемъ, конечно, все это будетъ. Теперь, предпринимая какую-нибудь муниципализацію, нельзя не считаться съ отмѣченнымъ обстоятельствомъ; необходимо принимать всѣ возможныя по мѣстнымъ обстоятельствамъ мѣры къ устраненію или хотя бы

смягченію тѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствій, къ какимъ неизбѣжно долженъ вести недостатокъ спеціально (въ указанномъ смыслѣ) подготовленнаго служебнаго персонала.

Изъ другихъ аргументовъ, выдвигаемыхъ противъ муниципализаціи промышленныхъ предпріятій, однимъ изъ наиболѣе внушительныхъ по внѣшнему виду является фактъ все возростающей муниципальной задолженности. Въ Италіи, напр., цифра коммунальныхъ долговъ доходитъ уже до 1.200 милліон. лиръ, во Франціи— превышаетъ 4 милліарда фр., въ Англіи достигаетъ почти 12 милліардовъ фр. Цифры эти своими огромными размѣрами, способны поразить воображеніе и могли бы въ самомъ дѣлѣ имѣть большую доказательную, силу, если бы задолженность сама по себѣ и во всякомъ случаѣ была зломъ безусловнымъ. Но, конечно, важна не абсолютная величина задолженности, какою бы огромною она ни казалась; важно ея относительное значеніе. Исчисляется ли она въ тысячахъ или милліардахъ, — это, въ сущности, безразлично, если только она не ложится непосильной тяжестью на мѣстный бюджетъ и на плечи налогоплательщиковъ, и если обусловившіе ее займы въ достаточной мѣрѣ продуктивны, т. е. окупаются произведенной за ихъ счетъ муниципализаціей въ смыслѣ не только успѣшныхъ финансовыхъ результатовъ (прибылей), но и въ смыслѣ достаточной общественной пользы въ видѣ лучшаго удовлетворенія потребностей населенія, удешевленія продуктовъ и, въ особенности, улучшенія условій труда (сокращеніемъ рабочаго дня, увеличеніемъ заработной платы, улучшеніемъ санитарно-гигіенической обстановки производства и т. д.). Само собою разумѣется, что займы, даже самые продуктивные по своему назначенію, должны быть заключаемы съ чрезвычайной осмотрительностью, въ наилучшій по условіямъ финансоваго рынка моментъ и послѣ тщательнаго предварительнаго учета всѣхъ вѣроятныхъ прямыхъ и косвенныхъ ихъ послѣдствій. Пугаясь задолженности, избѣгать займовъ—значитъ отказаться отъ всякой болѣе или менѣе значительной муниципализаціи, ибо каждое мало-мальски серьезное общественное начинаніе въ данной области требуетъ такихъ единовременныхъ капитальныхъ затратъ, какія не могутъ быть покрыты изъ текущихъ муниципальныхъ средствъ. Заключеніе займовъ является, поэтому, фактически неизбѣжнымъ; но ихъ можно признать также и принципіально предпочтительными. Если бы въ какой нибудь мѣстной общественной кассѣ даже оказалась свободная наличность, достаточная для покрытія необходимой капитальной затраты, то и въ такомъ случаѣ представлялось бы болѣе правильнымъ совершить муниципализацію за счетъ

займа, оказавшуюся же свободную наличность—обратить на покрытіе всегда и вездѣ остающихся въ достаточномъ количествѣ неудовлетворенными текущихъ нуждъ населенія. Принципъ, который слѣдовало бы принимать къ руководству при рѣшеніи вопроса о средствахъ, за счетъ которыхъ должно произвести муниципализацію, сводится къ простому требованію справедливости, которое можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: *нельзя взваливать исключительно на плечи одного только живущаго поколѣнія тяжесть расходовъ на мѣропріятія, плодами которыхъ будутъ пользоваться также и потомки.* Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что по мѣрѣ осуществленія основныхъ капитальныхъ сооруженій или мѣропріятій, необходимыхъ въ видахъ мѣстнаго благоустройства (въ широкомъ смыслѣ), исчезаетъ дальнѣйшая надобность въ подобнаго рода крупныхъ единовременныхъ затратахъ. Будущимъ поколѣніямъ блага мѣстнаго благоустройства (по крайней мѣрѣ, въ главномъ и основномъ, въ томъ, что служитъ его базисомъ) достанутся почти даромъ; вполнѣ справедливо, поэтому, переложить на потомковъ часть расходовъ, поглощенныхъ капитальными сооруженіями, которыми обусловлены переходящія къ нимъ въ наслѣдство блага. Это, такъ сказать, наслѣдственная пошлина, которую должны, по справедливости, уплатить грядущія поколѣнія и которую къ тому же платить имъ будетъ не трудно. Представимъ себѣ, что данный городъ окончательно замощенъ; въ такомъ случаѣ становится свободной часть бюджетныхъ средствъ, въ размѣрѣ ежегодныхъ тратъ на мощеніе, и она можетъ теперь быть обращена на другую надобность. Понятно, какое значительное количество такого рода освободившихся бюджетныхъ средствъ будетъ въ распоряженіи нашихъ потомковъ, благодаря осуществленнымъ силами живущаго поколѣнія основнымъ капитальнымъ мѣропріятіямъ и сооруженіямъ. А такъ какъ послѣднія представляютъ собою, большею частью, новые и крупные источники дохода, то рессурсы, которыми будутъ располагать потомки въ области мѣстнаго хозяйства, будутъ значительно больше тѣхъ, которыми располагаетъ живущее поколѣніе. Нельзя, поэтому, сомнѣваться, что тяжесть перелагаемая на нихъ путемъ займовъ, окажется для нихъ вполнѣ по силамъ и что займы будутъ ими безъ большого труда погашены.

Само собою разумѣется, однако, что задолженность дѣйствительно страшна, если дѣло муниципализаціи поставлено неправильно, если общественное производство плохо организовано, неумѣло ведется и не даетъ тѣхъ результатовъ, на которые разсчитано. Противники муниципализаціи стараются доказать, что такъ оно и есть. Они отмѣчаютъ невысокую прибыльность муниципальныхъ мѣропріятій

въ сравненіи съ частными, обусловленную относительно большею стоимостью производства, и съ особеннымъ злорадствомъ подсчитываютъ цифры убытковъ, приносимыхъ нѣкоторыми изъ нихъ. Сторонники муниципализаціи въ свою очередь не остаются въ долгу. Они приводятъ еще болѣе многочисленныя данныя, свидѣтельствующія объ огромныхъ прибыляхъ, извлекаемыхъ муниципалитетами изъ своихъ предпріятій и о гораздо болѣе низкой стоимости общественнаго производства. Такъ, согласно даннымъ, опубликованнымъ д-ромъ Момбертомъ («Schriften des Vereins für Socialpolitik», № 118), муниципализація газа, электричества, трамваевъ, водопроводовъ, боенъ и расклейки афишъ даетъ муниципальнымъ кассамъ: Франкфурта на-Майнѣ—до 4 милліон. марокъ чистаго дохода, Кельна — до 3 милліон., Берлина — даже 18 милліоновъ. Цюрихъ получилъ, по даннымъ за 1907 годъ, отъ муниципализованныхъ газа, электричества и воды 1.855 тыс. фр. чистой прибыли. Въ 1904—1905 гг. англійскіе муниципальные трамваи дали чистой прибыли 2.216.597 фунт. стерл., что составляетъ $7^3/_4\%$ на затраченный капиталъ, тогда какъ прибыль частныхъ трамвайныхъ компаній за то же время не превысила $4^3/_4\%$. За тотъ же періодъ англійскіе муниципалитеты получили отъ своихъ газовыхъ заводовъ прибыли 2.494.208 фунт. стерл., что составитъ $6^1/_2\%$ на капиталъ, между тѣмъ какъ частныя компаніи получили только $5^3/_8\%$ прибыли. Что касается стоимости производства, то Ashmor Baker, основываясь на данныхъ, опубликованныхъ въ «The Electrical Times» исчисляетъ, что въ англійскихъ муниципализированныхъ электрическихъ заводахъ издержки въ среднемъ на кило-уатъ составляетъ 1,02 пенса, а въ частныхъ—1,52 пенса. По даннымъ за 1904—1905 гг. въ англійскихъ муниципализированныхъ газовыхъ заводахъ издержки производства составляли 73,74 % валового дохода, а въ частныхъ—75,14 %. Однако, перенеся споръ на эту почву, неправыми оказываются одинаково обѣ спорящія стороны, даже сторонники—больше противниковъ, потому что даютъ себя увлечь на почву, на которую, когда дѣло идетъ объ общественномъ производствѣ, безусловно становиться нельзя. Въ вопросѣ о прибыляхъ и убыткахъ никакого сравненія между муниципальнымъ и частнымъ хозяйствомъ быть не можетъ по той простой причинѣ, что при оцѣнкѣ ихъ въ данномъ отношеніи приходится руководствоваться совершенно различными критеріями. Принципъ, *наибольшая прибыль при наименьшихъ издержкахъ производства*, въ томъ чистомъ и безусловномъ видѣ, въ какомъ онъ примѣнимъ въ частномъ производствѣ, совершенно недопустимъ въ качествѣ начала, регулирующаго муниципальное производство. Въ приложеніи къ послѣднему онъ терпитъ существенное ограниченіе, ибо формулируется такъ: *наибольшая при-*

быль при наименьшихъ издержкахъ производства, по скольку то и другое допустимо существомъ цѣлей и задачъ муниципализаціи. Если наибольшая прибыль и наименьшія издержки производства въ данномъ случаѣ и при данныхъ условіяхъ могутъ быть достигнуты только путемъ усиленнаго выжиманія изъ рабочихъ прибавочной стоимости и возможнымъ пониженіемъ качества производимыхъ продуктовъ, то муниципализированное предпріятіе ни въ какомъ случаѣ на это идти не должно. Вотъ почему по отношенію къ такому предпріятію ни его прибыльность, ни его убыточность сами по себѣ еще ровно ничего не рѣшаютъ ни за, ни противъ. Мало того: въ противоположность частному производству тутъ какъ разъ именно высокая прибыльность можетъ оказаться продуктомъ существеннаго дефекта въ постановкѣ дѣла, между тѣмъ какъ убыточность можетъ явиться показателемъ его правильной и цѣлесообразной постановки. Это значитъ, что убыточность предпріятія въ рукахъ общества не можетъ и не должна сама по себѣ служить показателемъ противъ его муниципализаціи. Если есть на лицо серьезный общественный интересъ, которымъ она диктуется, то вопросъ можетъ быть только о томъ, имѣется ли въ условіяхъ даннаго общественнаго хозяйства фактическая, матеріальная возможность ее осуществить, т. е. способно ли это хозяйство вынести угрожающіе ему убытки, не подвергаясь серьезному разстройству. Если предстоящіе убытки легко и свободно могутъ быть покрыты, безъ нарушенія другихъ равно важныхъ общественныхъ интересовъ, то нѣтъ основаній отказываться отъ муниципализаціи; если же убытки должны оказаться для мѣстнаго хозяйства непосильными, тогда, конечно, отъ муниципализаціи, волей-неволей, приходится отказаться.

Справедливость требуетъ замѣтить, что только что установленное правило поведенія представляетъ собою не desideratum, а правило, фактически давно уже дѣйствующее въ мѣстномъ управленіи, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда... это соотвѣтствуетъ интересамъ правящихъ классовъ. Если брать доказательства изъ ближайшей къ намъ русской муниципальной практики, то достаточно будетъ напомнить хотя бы о тѣхъ крупныхъ убыткахъ, которые наши городскія управленія такъ охотно несутъ по содержанію городскихъ ассенизаціонныхъ обозовъ, въ интересахъ главнымъ, образомъ, домовладѣльцевъ, или же о тѣхъ крупныхъ доплатахъ, которыхъ почти повсемѣстно требуютъ отъ городскихъ кассъ городскіе театры. Тѣмъ менѣе основаній, думается, отвергать это правило поведенія, когда дѣло идетъ о такихъ предпріятіяхъ, муниципальная организація которыхъ требуется интересами широкихъ массъ населенія.

Само собою разумѣется, что необходимость въ нѣкоторыхъ

случаяхъ мириться съ убытками, не избавляетъ органы, вѣдающіе общественное предпріятіе, прилагать всѣ силы къ тому, чтобы убытки были сведены до возможнаго минимума. Точно также на нихъ лежитъ обязанность, въ тѣхъ случаяхъ, когда муниципализированное предпріятіе можетъ давать прибыль, позаботиться объ извлеченіи ея въ наивысшемъ размѣрѣ, какой только совмѣстимъ съ существомъ цѣлей и задачъ муниципализаціи. Нужно, однако, не упускать изъ виду, что имѣетъ значеніе, съ этой точки зрѣнія, не только то, *какъ* изъ общественнаго производства извлекаются прибыли, но и *для чего*, для какой цѣли, для какого употребленія предназначены онѣ. Организація и постановка муниципализированнаго предпріятія, способъ извлеченія изъ него прибыли, могутъ быть въ полномъ соотвѣтствіи съ его соціальнымъ назначеніемъ, но въ рѣзкомъ и непримиримомъ противорѣчіи съ нимъ можетъ оказаться то употребленіе, которое изъ этой прибыли будетъ сдѣлано. Муниципализированное предпріятіе, по своей организаціи, постановкѣ, выполненію своихъ прямыхъ соціальныхъ функцій, словомъ, само по себѣ вполнѣ удовлетворяющее принципіальнымъ требованіямъ, можетъ оказаться, косвенно, факторомъ антисоціальнымъ, вслѣдствіе антисоціальнаго характера той цѣли, на достиженіе которой обращена будетъ полученная отъ него прибыль. При настоящихъ условіяхъ часто на самомъ дѣлѣ такъ и бываетъ. Странно было бы, если бы тѣ классы, отъ которыхъ теперь главнымъ образомъ, а мѣстами даже исключительно зависятъ судьбы мѣстнаго хозяйства,—странно было бы, если бы они не воспользовались муниципализаціей преимущественно въ своихъ выгодахъ и интересахъ. И мы часто бываемъ свидѣтелями усиленнаго извлеченія прибылей изъ муниципализированныхъ предпріятій исключительно ради усиленія бюджетныхъ рессурсовъ, въ видахъ избѣжанія необходимости повысить налоги, падающіе на имущіе классы. Не рѣдки также случаи, когда производится прямое пониженіе такого рода налоговъ, именно за счетъ этихъ прибылей. А такъ какъ плата за услугу общественнаго предпріятія, въ той части, въ какой она превышаетъ дѣйствительную стоимость этой услуги, является по существу ничѣмъ инымъ, какъ косвеннымъ налогомъ, такъ какъ услугами общественныхъ предпріятій въ наибольшей мѣрѣ пользуется масса населенія, на которую они главнымъ образомъ и разсчитаны,—то такимъ употребленіемъ прибыли отъ муниципализированныхъ предпріятій достигается цѣль антисоціальная: къ своекорыстной выгодѣ правящихъ классовъ, посредствомъ замаскированнаго косвеннаго налога, тяжесть мѣстнаго бюджета незамѣтно перелагается на плечи наименѣе состоятельныхъ трудовыхъ классовъ населенія. Понятно, почему въ рядахъ современной муниципальной демокра-

тіи, постепенно все шире и все энергичнѣе завоевывающей мѣстное управленіе, въ послѣднее время все больше крѣпнетъ теченіе, направленное противъ извлеченія прибыли изъ муниципализированныхъ предпріятій и даже въ пользу совершенной безвозмездности ихъ услугъ. Во всякомъ случаѣ, если по мѣстнымъ условіямъ представляется несомнѣннымъ, что прибыли имѣющаго быть муниципализированнымъ предпріятія могутъ получить только антисоціальное назначеніе, подобное только что указанному, то возникаетъ вопросъ, стоитъ ли игра свѣчей и не лучше ли до поры до времени отказаться отъ такой муниципализаціи?..

Кромѣ перечисленныхъ возраженій, существуетъ еще нѣсколько другихъ, изъ которыхъ серьезную важность имѣетъ только одно: указаніе на то, что муниципализація вовлекаетъ муниципалитеты въ конфликты съ рабочими. Но вопросъ о положеніи рабочихъ въ муниципализированныхъ предпріятіяхъ и о тѣхъ отношеніяхъ къ труду, которыя вытекаютъ изъ установленнаго выше понятія муниципализаціи,—вопросъ этотъ слишкомъ большой и сложный, чтобы позволительно было трактовать его мимоходомъ: онъ требуетъ особой спеціальной работы. И потому мнѣ остается теперь только резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ то, что само собою вытекаетъ изъ вышесказаннаго. Не каждое муниципальное предпріятіе есть предпріятіе мувиципализированное: муниципализація является таковою въ строгомъ смыслѣ только тогда, когда она служитъ дѣлу соціальной справедливости. Когда на очереди стоитъ вопросъ о муниципализаціи какого-нибудь промышленнаго предпріятія, то установить къ нему правильное отношеніе можно только подвергнувъ его тщательному разсмотрѣнію съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Все должно быть принято во вниманіе: его непосредственныя цѣли и задачи; муниципальная обстановка, въ которой предпріятію придется функціонировать; персоналъ, который его будетъ обслуживать; наконецъ, его прямые и косвенные результаты. Если со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія муниципализація представится истинной въ указанномъ смыслѣ, то она заслуживаетъ симпатіи и посильнаго содѣйствія. Но никогда и ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ соблазняться одною только *видимостью* муниципализаціи, тою видимостью, подъ которой часто скрывается обыкновенное капиталистическое предпріятіе, ни по своей организаціи, ни по существу своихъ прямыхъ и косвенныхъ цѣлей и задачъ нисколько не отличающееся отъ любого частнаго предпріятія.

Гр. Шрейдеръ.

МАСОНЫ ВО ФРАНЦІИ.

(Письмо изъ Парижа).

Среди общественныхъ организацій, оказавшихъ значительное вліяніе на исторію современной Франціи и не потерявшихъ своего общественнаго значенія и по сей день, видное мѣсто занимаютъ франкъ-масоны. Общественное вниманіе не часто сосредоточивается на нихъ. Ихъ дѣятельность протекаетъ въ значительной степени въ тѣни. Объясняется это тѣмъ, что масонская организація есть «закрытое» общество, вступленіе въ которое затруднено требованіемъ извѣстнаго интеллектуальнаго и моральнаго ценза и связано съ обязательствомъ молчать на улицѣ о жизни ложъ. Масонству чуждъ духъ прозелитизма; оно воздерживается отъ шумной агитаціи, отъ полемики съ противниками. Но въ послѣднее время къ нему обратилось во Франціи вниманіе массъ, вслѣдствіе того, что въ соціалистической партіи возникло сильное антимасонское движеніе. Вопросъ о томъ, позволительно ли члену этой партіи принадлежать одновременно и къ организаціи вольныхъ каменщиковъ, подвергся очень углубленному обсужденію какъ на окружныхъ съѣздахъ партіи, такъ и на національномъ конгрессѣ въ Ліонѣ, въ минувшемъ февралѣ. Во время преній, по этому поводу, соціалисты франкъ-масоны не только выступили на защиту ложъ, но и дали подробную характеристику ихъ цѣлей, ихъ дѣятельности и значенія. Изъ этой характеристики, равно какъ изъ наблюденія французской дѣйствительности и изъ знакомства съ масонской литературой, для меня выяснилось, какую крупную роль играетъ масонство въ жизни современной Франціи. Познакомиться съ нею будетъ, вѣроятно, не безъинтересно и для русскаго читателя.

Какъ всякое живое общественное цѣлое, франкъ-масонство эволюціонировало въ теченіе своего двухсотлѣтняго существованія, и современное масонство, отчасти по своимъ формамъ, но въ гораздо большой степени по духу и содержанію своему, значительно отличается отъ первоначальнаго. Но въ то же время оно органически связано съ нимъ, представляетъ собою только одну изъ стадій его развитія, хранитъ многія его традиціи, и наиболѣе основные его принципы. И такъ какъ вообще трудно правильно понять современность, если разсматривать ее оторванною отъ ея историческаго корня, то

вы позволите мнѣ начать мое изложеніе съ коротенькаго историческаго очерка.

Масонскія ложи современнаго типа — иначе общества людей, связанныхъ между собой какъ ритуаломъ, то есть извѣстнымъ обрядомъ, такъ и общностью моральныхъ стремленій и руководящихъ идей,—возникли впервые въ Англіи въ половинѣ семнадцатаго вѣка, на развалинахъ строительныхъ цеховъ. Средневѣковыя общества каменщиковъ, строительныхъ рабочихъ, были ассоціаціями строго профессіональнаго характера, связанными единствомъ профессіональныхъ интересовъ. Эти профессіональные интересы заставляли ихъ хранить и оберегать отъ постороннихъ «тайны» строительнаго искусства, заботиться о своихъ сочленахъ, приходить къ нимъ на помощь въ болѣзняхъ, несчастіяхъ и т. п. Согласно духу времени, эти общества самообороны и взаимопомощи усвоили себѣ извѣстный ритуалъ, составлявшій внѣшнюю форму ихъ взаимныхъ отношеній и ихъ общественныхъ дѣйствій. Реформація, убившая въ значительной части западной Европы грандіозное церковное строительство — съ одной стороны; постепенная, связанная съ ростомъ и болѣе широкимъ распространеніемъ техническихъ знаній «вульгаризація» строительнаго искусства—съ другой, и, наконецъ, «духъ новаго времени»—подорвали и разложили ассоціаціи вольныхъ каменщиковъ, возводившихъ храмы и замки изъ камня и кирпича. Въ Англіи, гдѣ традиціи вообще прочны, ассоціаціи каменщиковъ продолжали, однако, существовать и въ XVII-мъ вѣкѣ, но преимущественно какъ общества самопомощи, утерявъ свой строго профессіональный характеръ. Въ ихъ составъ входили въ это время не только «посвященные» (въ тайны ремесла) каменщики, но и люди различныхъ другихъ профессій и общественныхъ положеній—такъ называемые «допущенные» каменщики. Относительное число послѣднихъ все возрастало, и вмѣстѣ съ тѣмъ франкъ-масонскія организаціи теряли всякій опредѣленный характеръ. Сохранялась старая форма, лишенная стараго содержанія и не сумѣвшая создать себѣ новаго.

Таково было положеніе дѣлъ въ концѣ XVII-го и въ началѣ XVIII-го столѣтія въ Англіи, когда на Западѣ создавались идейныя основы новаго общества, и мысли о духовной свободѣ, вѣротерпимости, верховенствѣ разума подсказывались самымъ ходомъ вещей. Это новое вино нашло себѣ удобную форму въ старыхъ мѣхахъ стараго франкъ-масонства, превратившагося, такимъ образомъ, изъ maçonerie opérative въ maçonerie spéculative; матеріальное строительство стало строительствомъ идейнымъ, возведеніемъ храма новой мысли и новой жизни.

Первая ложа новаго масонства возникла въ Лондонѣ въ 1717 г., и въ 1723 году ею былъ принятъ и утвержденъ первый

уставъ, представлявшій переработку, соотвѣтственно новымъ задачамъ, регламента стараго вольнаго каменщичества. Въ 1738-мъ году уставъ этотъ, а равно и исторія общества, были изложены въ книгѣ Дус. Андерсона, составляющей главный источникъ для ознакомленія съ цѣлями, духомъ и идеями основателей новаго масонства. И въ Англіи, и еще въ большей мѣрѣ на континентѣ Европы, освобождавшейся отъ гнета религіозной нетерпимости и преслѣдованій за вѣру, масонскія ложи стали быстро распространяться и наполняться. Въ нихъ «свободные мыслители» находили свою общественную среду, взаимную общественную поддержку, атмосферу, укрѣплявшую строй ихъ индивидуальныхъ идей и позволявшую имъ развиваться.

Идеи эти были идеями широкой терпимости, гуманитаризма, соціальнаго равенства, высокаго личнаго достоинства. Согласно духу вѣка, типичное масонское міросозерцаніе было проникнуто деизмомъ, что и нашло выраженіе въ ихъ уставѣ, первый пунктъ котораго говорилъ о «великомъ Архитекторѣ вселенной». «Масонъ»,—читаемъ мы въ этомъ уставѣ,—обязанъ по силѣ своего обѣта слѣдовать закону нравственности; и если онъ искусенъ въ своемъ дѣлѣ, онъ никогда не превратится ни въ безсмысленнаго атеиста, ни въ свободнаго отъ религіи безпутника». Въ религіи масоны цѣнили, однако, лишь общее, вѣчное, одинаково пріемлемое для всѣхъ: ея мораль. «Достаточно, если масоны будутъ добрыми и лояльными людьми, людьми чести и достоинства, независимо отъ раздѣляющихъ ихъ религіозныхъ убѣжденій». «Пусть ваши личныя ссоры и разногласія никогда не переходятъ порога ложи,—читаемъ мы дальше. Еще болѣе избѣгайте религіозной, національной и политической вражды, въ виду того, что въ качествѣ масоновъ мы исповѣдуемъ одну лишь религію человѣчества. Мы принадлежимъ ко всѣмъ націямъ, ко всѣмъ языкамъ и расамъ»...

Этотъ строй идей имѣлъ для своего времени громадное значеніе. Въ немъ нашла свое выраженіе та революція духа, которая всегда предшествуетъ великимъ соціальнымъ переворотамъ. Нарождавшаяся новая Европа разрывала узы, связывавшія ч е л о в ѣ к а. На мѣсто догмы она ставила разумъ и свободную критику, на мѣсто церковной, формальной морали—мораль, основанную на живомъ стремленіи къ добру; разрушая перегородки національнаго, расоваго и сословнаго характера, она создавала основы всемірнаго братства масоновъ и, одновременно, основы гражданскаго и человѣческаго равенства свободныхъ людей,—того равенства, которое нашло затѣмъ свое выраженіе въ «декларацiи правъ человѣка и гражданина».

Эти идеи созрѣли впервые въ среднихъ слояхъ общества; первые масоны принадлежали къ буржуазіи, къ тому общественному

классу, который въ XVIII-мъ вѣкѣ стоялъ во главѣ общечеловѣческаго развитія и являлся носителемъ и творцомъ новыхъ идей и новаго общества. Первые «великіе мастера» англійскаго масонства были людьми «незамѣтными». Первый великій мастеръ, Антонъ Сойеръ, былъ очень небогатъ и не занималъ виднаго общественнаго положенія; его преемникъ, Джоржъ Пэнъ былъ зажиточный буржуа, третій, Жанъ Дезагювэ — типичный интеллигентъ своего времени; докторъ философіи и права, членъ Королевскаго ученаго общества. Только пятый по счету Grand-Maître англійскаго масонства принадлежалъ къ аристократіи. Это былъ герцогъ Монтегю, избраніе котораго сдѣлало масонство популярнымъ въ высшихъ общественныхъ слояхъ. Съ этихъ поръ принадлежать къ масонскому братству стало считаться дѣломъ хорошаго тона: идеи гуманитарной и эгалитарной буржуазіи просачивались такимъ образомъ и пропитывали слой своихъ соціальныхъ противниковъ.

Очень скоро, почти сразу, масонство стало духовнымъ центромъ прогрессивныхъ и мыслящихъ элементовъ общества. Привлекали ихъ взгляды, отвѣчавшіе настоятельной потребности положить конецъ изувѣрству и догматизму; очаровывала таинственность ихъ собраній и дѣйствій, внушалъ уваженіе серьезный и возвышенный характеръ ихъ настроенія. Число ложъ и ихъ адептовъ начало съ громадной быстротой рости въ Соединенномъ Королевствѣ. Ихъ было четыре въ 1717-мъ году; двѣнадцать въ 1721-мъ, двадцать къ концу того же года, сорокъ девять въ 1725 г. Скоро Англія, Шотландія и Ирландія покрылись сѣтью ложъ, и масонство перебросилось на континентъ.

Во Франціи первыя «правильныя» ложи, афиліированныя Великой Англійской Ложей, возникли, судя по преданіямъ, въ 1721 г., судя по документальнымъ даннымъ—въ 1725-мъ, и точно такъ же какъ въ Англіи начали быстро множиться. Точно такъ же, какъ въ Англіи, масонство захватило буржуазію (les gens du commun)—съ одной стороны, высшее общество—съ другой. Пока большинство адептовъ состояло изъ иностранцевъ-англичанъ, или изъ представителей аристократіи, правительство спокойно смотрѣло на ростъ масонства. Но когда усилился наплывъ въ ложи «простолюдиновъ», и въ смѣшанномъ, безсословномъ обществѣ «братьевъ» обнаружился тотъ духъ равенства, который и составлялъ политически существенную сторону масонства,—правительство Людовика XV-го встревожилось. Начались репрессіи. Арестовывали масоновъ; закрывали рестораны, въ которыхъ они, по англійской традиціи, собирались на свои засѣданія; запрещали слѣдовавшіе за ними братскіе банкеты; организовали надъ ложами дѣятельный полицейскій надзоръ. Мѣры эти,

однако, послужили лишь рекламой масонству. Старый режимъ отмиралъ, терялъ кредитъ и уваженіе, и его преслѣдованія обращали къ масонству общественное вниманіе и сочувствіе. Правда, съ увеличеніемъ численности масоновъ, понизилось ихъ качество; въ ложахъ великосвѣтскихъ занимались больше банкетами и веселымъ времяпровожденіемъ, чѣмъ культомъ идей; въ другихъ—на первое мѣсто выдвинулась форма, заслонивъ содержаніе, и «братское общеніе» ограничилось почти исключительно обрядовой стороной. Но и въ обрядовой сторонѣ масонской жизни все имѣло символическій смыслъ, дѣйствовавшій на умы въ извѣстномъ, строго опредѣленномъ направленіи. «Если ты сторонникъ различій между людьми, уйди отсюда: здѣсь не признаютъ этихъ различій», — читалъ «профанъ», вступавшій въ ложу, перейдя черезъ порогъ «кабинета размышленій». Введенный въ ложу, онъ слышалъ объясненіе, которое преподавалъ ему «ораторъ». Онъ узнавалъ, что цѣль масонства—уничтоженіе различій, обусловленныхъ расой, общественнымъ положеніемъ, богатствомъ, національностью, уничтоженіе фанатизма и національной ненависти. Построить жизнь на началахъ равенства, свободы, терпимости и братства—вотъ что понимается подъ аллегоріей «Нематеріальнаго Храма, возведеннаго въ честь и въ славу великаго архитектора вселенной мудрецами всѣхъ народовъ». «Столбы этого храма—мудрость и сила. Ихъ покрываетъ и вѣнчаетъ дружба и доброта».

Можетъ быть было бы лучше, если бы масонская золотая молодежь не заливала эти возвышенныя объясненія шампанскимъ; тѣмъ не менѣе завоеванія, дѣлаемыя идеями среди людей легкомысленнаго образа жизни, имѣли положительное значеніе. Но на ряду съ ложами ритуальными и увеселительными существовали ложи, придававшія первенствующее значеніе умственной культурѣ. Туда проникали, тамъ изучались, дебатировались и такимъ образомъ дѣлались общественнымъ достояніемъ идеи энциклопедистовъ, философовъ, подготовившихъ умы къ великой революціи. Напечатанныя въ книгахъ, идеи эти становились индивидуальнымъ достояніемъ читателей; обсуждаемыя въ союзахъ, онѣ создавали извѣстную общественную атмосферу; проникнувъ въ ложи, онѣ становились принципами, руководившими дѣятельностью *организованныхъ* общественныхъ силъ.

До начала 70-хъ годовъ XVIII-го вѣка масонская армія была организована плохо,—вѣрнѣе, была дезорганизована. Ложи возникали самочинно, безъ достаточной связи между собой, держались различныхъ обрядовъ, расходились во взглядахъ. Въ семидесятыхъ годахъ началась въ ихъ средѣ энергичная организаціонная работа

и въ результатѣ ея возникла независимая французская національная ложа, le Grand Orient de France, объединившая въ себѣ громадное большинство масонскихъ организацій. Согласно уставу «Великаго Востока», выработанному на съѣздѣ представителей всѣхъ объединившихся ложъ, руководители ложъ должны были выбираться на годовой срокъ. Верховная, объединяющая роль была предоставлена совѣту тоже выборныхъ представителей ложъ. Такимъ образомъ въ нѣдрахъ авторитарнаго государства образовалось маленькое масонское государство, основанное на принципѣ представительства, въ которомъ законъ являлся выраженіемъ общей воли. Это «масонское государство» не занималось непосредственно политикой; тѣмъ не менѣе внутренній строй его организаціи, такъ глубоко противорѣчившій принципамъ и организаціи абсолютнаго государства, долженъ былъ имѣть и имѣлъ косвенное политическое вліяніе. То же можно сказать и обо всемъ строѣ масонскихъ идей.

Послѣднія пятнадцать лѣтъ, предшествовавшія великой революціи, были временемъ наибольшаго расцвѣта французскаго масонства въ XVIII-мъ столѣтіи; въ ложахъ числился весь цвѣтъ французской интеллигенціи; шла оживленная умственная работа; годъ образованія «Великаго Востока» ознаменовался вступленіемъ въ масонство Вольтера; въ 1778 г., во время тріумфальнаго посѣщенія имъ Парижа его ввели въ ложу Франклинъ и Куртъ-де-Гибеленъ. Предсѣдательствовалъ на засѣданіи Лаландъ. Среди вліятельныхъ масоновъ второй половины XVIII вѣка можно отмѣтить Даламбера, Гельвеція, Мирабо, Балльи, Гара, Бриссо, Камилла Демулена, Кондорсэ, Шанфора, Дантона, Рабо-Сентъ-Этьенна. При ихъ участіи въ ложахъ были выработаны «Права человѣка и гражданина»—хартія новой государственности. Масонствомъ былъ принятъ въ качествѣ девиза лозунгъ, ставшій затѣмъ оффиціальнымъ лозунгомъ республики: свобода, равенство и братство.

Конечно, носителемъ и яркимъ выразителемъ освободительныхъ идей масонство явилось въ предреволюціонную эпоху потому, что таково было требованіе времени. Освободительныя идеи не были произвольно выдуманы въ ложахъ или за ихъ порогомъ; онѣ являлись выраженіемъ духовныхъ, матеріальныхъ и соціальныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ соціальномъ организмѣ, и ихъ усваивали и раздѣляли всѣ умственно живые и чуткіе элементы общества. Внѣ ихъ круга, очевидно, не могли остаться и люди, во главу угла поставившіе свободную критику.

Послѣ революціи для масонства во Франціи настали тяжелые дни. Наполеонъ I, знакомый съ его историческою ролью и вообще опасавшійся свободныхъ общественныхъ организацій, предполагалъ

одно время закрыть всѣ ложи. Ему указали, что такой способъ дѣйствій можетъ дать результатъ, совершенно противоположный желательному: открыто существующія ложи превратятся въ тайныя общества, гораздо болѣе опасныя и вредныя. Наполеонъ согласился съ этими доводами, и чтобы все-таки обезопасить себя отъ масоновъ, не уничтожая ихъ, прибѣгнулъ къ оригинальному пріему: онъ назначилъ брата своего, Жозефа, «Великимъ Мастеромъ» Ордена, и приказалъ своимъ генераламъ и приближеннымъ вступить въ ложи. Масонство превратилось, такимъ образомъ, въ полуоффиціальное учрежденіе, долженствовавшее поддерживать и распространять имперіалистскую идею. Подъ этимъ условіемъ Наполеонъ смотрѣлъ на него благосклоннымъ взглядомъ и оказывалъ ему матеріальную помощь. Французское масонство достигло большого видимаго процвѣтанія, число ложъ чрезвычайно возросло, достигнувъ небывалой цифры 905; но моральное вліяніе ихъ и внутреннее достоинство упали въ такой же степени. Только проникая вмѣстѣ съ французскими войсками за границу, онѣ становятся тамъ очагами французскихъ, т. е. по существу революціонныхъ идей. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что подчинилось масонство имперіалистскому гнету не безъ протеста. Республиканская идея глубоко вкоренилась среди вольныхъ каменщиковъ, и была лишь задавлена наплывомъ имперіалистскихъ элементовъ, свернувшихъ дѣятельность ложъ съ нормальнаго пути, заставлявшихъ Орденъ рекламировать и одобрять имперію, играть активную политическую роль, вмѣсто того, чтобы служить центрами умственной и духовной культуры.

Именно потому, что масонство временъ Наполеона носило опредѣленно имперіалистскій характеръ, оно подверглось при реставраціи глубокимъ униженіямъ и ожесточенному гоненію. Бурбоны преслѣдовали Орденъ за его былую преданность Наполеону; другіе монархи—вообще за его «революціонный» характеръ; папы—за враждебность къ католицизму. Большинство ложъ «уснуло», и малочисленное масонство вело подспудную жизнь. Революціонные элементы вышли изъ ложъ, чтобы сконцентрироваться въ «вентахъ» карбонаріевъ. Охватившее передовую жизнь французскаго общества увлеченіе идеями С.-Симона и Фурье не нашло отзвука въ ложахъ, оставшихся въ сторонѣ и отъ широкаго потока соціальной и философской мысли, и отъ вліянія на жизнь. На короткое время масонство ожило послѣ февральской революціи, но Наполеонъ III, слѣдуя примѣру дяди, наложилъ на него свою руку, назначивъ одного изъ своихъ генераловъ Великимъ Мастеромъ Великаго Востока. Рука маленькаго Наполеона была, однако, легче руки Наполеона Великаго; понемногу масонство эмансипировалось отъ правительствен-

наго давленія; число членовъ его росло, и ко времени провозглашенія третьей республики оно во Франціи вновь представляло крупную общественную силу. И эта сила не только всецѣло перешла на сторону республики, но и поставила одною изъ своихъ цѣлей защиту демократическихъ учрежденій и борьбу съ реакціей и клерикализмомъ.

Такъ образовался современный французскій типъ франкъ-масонства, который можно назвать политическимъ, въ отличіе отъ англійскаго, по преимуществу занятаго благотворительностью, и нѣмецкаго—философскаго. Называя французское масонство политическимъ, я не хочу сказать, что политика во Франціи поглощаетъ всю дѣятельность ложъ. Такое утвержденіе, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, не соотвѣтствовало бы дѣйствительному положенію вещей. Я хочу лишь указать на то, что французское масонство, соединяя въ себѣ всѣ характерныя черты масонства всемірнаго, обладаетъ еще одной добавочной чертой: оно вполнѣ установило свою политическую физіономію и стало опредѣленно на сторону демократической и свѣтской республики. Основаній для этого у него достаточно, и объясненіе факта надо искать не въ масонствѣ собственно говоря, а въ условіяхъ общефранцузской жизни. Въ Англіи, напр., нѣтъ мѣста для антиклерикализма, такъ какъ тамъ нѣтъ клерикализма. Въ странахъ съ прочнымъ политическимъ режимомъ, тѣмъ болѣе—съ режимомъ строго конституціоннымъ, обезпечивающимъ гражданину и человѣку пользованіе всей суммой гражданскихъ и политическихъ правъ,—вопросы политическіе отпадаютъ въ масонствѣ сами собою: но во Франціи, являющейся въ теченіе вѣка съ четвертью ареной борьбы династій и четырехъ формъ правленія, нѣтъ возможности исключить политическіе вопросы изъ области интересовъ и дѣйствій масонства. Роялистская реставрація была бы для масонства синонимомъ преслѣдованій, имперіалистская—синонимомъ рабства; только республика обезпечиваетъ масонству, какъ и всякой другой общественной организаціи, остающейся въ предѣлахъ закона, спокойное существованіе.

Какъ только масонство перешло на сторону республики, такъ немедленно оно стало однимъ изъ центровъ притяженія всѣхъ республиканскихъ элементовъ страны, и съ необходимостью естественнаго процесса втянулось въ борьбу съ объединенными силами реакціи и клерикализма. Очень скоро въ любомъ городѣ Франціи, въ любомъ округѣ образовались два центра: реакціонный, католическій, и республиканскій, масонскій. Первый агитировалъ подъ всевозможными формами противъ республики, всячески боролся съ нею; второй защищалъ ее, поддерживалъ республиканскіе элементы на мѣстахъ

и республиканское правительство въ Парижѣ. Эту же боевую позицію масонство занимаетъ во Франціи и по сей день.

Итакъ, масонство во Франціи стало политической организаціей, своего рода партіей? Нѣтъ. Пересмотрѣвъ въ 1877-мъ году на конвентѣ (съѣздѣ представителей ложъ) свою конституцію, «Великій Востокъ» такъ формулировалъ природу масонства: «Масонство—организація филантропическая, философская и прогрессивная; оно имѣетъ цѣлью отысканіе истины, моральное усовершенствованіе и развитіе общественности. Оно работаетъ надъ матеріальнымъ, моральнымъ, интеллектуальнымъ и соціальнымъ усовершенствованіемъ человѣчества. «Принципами его являются взаимная терпимость, уваженіе къ другимъ и къ самому себѣ, абсолютная свобода совѣсти. Считая всякія метафизическія концепціи дѣломъ личнаго убѣжденія, оно отказывается отъ какихъ-либо догматическихъ утвержденій».

Конечно, организація, объединенная лишь общимъ стремленіемъ къ усовершенствованію человѣчества и его жизни и признающая абсолютную свободу совѣсти и мысли, не можетъ быть организаціей политической, такъ какъ политическія партіи всегда представляютъ или строго опредѣленные интересы, или строго опредѣленные взгляды. Вмѣстѣ съ тѣмъ политическія партіи—всегда организаціи дѣйствія. На своихъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ онѣ, разсмотрѣвъ вопросы, предложенные ихъ вниманію, постановляютъ рѣшенія, обязательныя для партіи и для ея членовъ, создаютъ обязательную программу дѣйствій. Въ противоположность этому, масонство во всѣхъ вопросахъ научнаго, философскаго, религіознаго и политическаго порядка, привлекающихъ вниманіе членовъ той или другой ложи или всего ордена въ цѣломъ, ограничивается только обсужденіемъ. Никакихъ рѣшеній оно не постановляетъ, не вотируетъ никакихъ резолюцій. Оно формально воспрещаетъ ложамъ, какъ организаціямъ, внѣшнія политическія выступленія. Да они и невозможны въ большинствѣ случаевъ, такъ какъ въ составъ ложъ входятъ члены разныхъ партій, разныхъ политическихъ группъ, диктующихъ имъ тотъ или другой образъ дѣйствій. Въ настоящее время, напр., въ масонскихъ ложахъ, мы встрѣчаемъ бокъ-о-бокъ, республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ, отъ умѣренныхъ до радикаловъ-соціалистовъ, чистыхъ соціалистовъ, и даже анархистовъ. Извѣстный Себастіанъ Форъ, крупнѣйшій изъ французскихъ анархистовъ—масонъ. Малатто—масонъ. Бесѣдасъ ними по всей вѣроятности интересна и полезна для уясненія общественныхъ вопросовъ—но поли-

тическая совмѣстная дѣятельность съ ними членовъ буржуазныхъ партій, ихъ собратьевъ по ложамъ, конечно, немыслима.

Но если масонскія ложи не занимаются активными политическими выступленіями, не принимаютъ рѣшеній по вопросамъ практическій жизни, не вотируютъ постановленій, отсюда не слѣдуетъ еще заключать, что это—собранія лицъ, занимающихся академическимъ обсужденіемъ интересныхъ вопросовъ. Напротивъ: за послѣднія сорокъ лѣтъ масонскія ложи находились въ самой гущѣ общественной жизни, и все, чѣмъ жила и интересовалась страна, дѣятельно дебатировалось въ нихъ, съ цѣлью найти наилучшее рѣшеніе, соотвѣтствующее «матеріальному, моральному, соціальному и политическому прогрессу общества». Но такое рѣшеніе не было формально обязательно для членовъ ложи. Если оно складывалось, если ложа, или группа ложъ, или, наконецъ, весь орденъ приходилъ въ концѣ дебатовъ къ какому-либо опредѣленному выводу или взгляду на тотъ или иной предметъ, сила этого вывода заключалась въ его правильности, въ его соотвѣтствіи безспорнымъ и общимъ всему масонству принципамъ, и ни въ чемъ иномъ. И такъ какъ масонское общество въ извѣстной степени однородно, такъ какъ всякій масонъ—прежде всего свободный мыслитель и врагъ всѣхъ формъ моральнаго, идейнаго, соціальнаго и политическаго угнетенія, то область вопросовъ, по которымъ въ ложахъ можетъ устанавливаться и устанавливается единогласіе, далеко не ничтожна. За время существованія третьей республики масонамъ не разъ удавалось приходить къ взглядамъ, становившимся достояніемъ громаднаго ихъ большинства и оказывавшимъ вліяніе на мысль всей республиканской Франціи и на политику республиканскаго правительства. Le cléricalisme—voilà l'ennemi!—формула, окрасившая собою цѣлый періодъ жизни третьей республики, созрѣла въ масонскихъ ложахъ. Цѣлый рядъ реформъ глубокаго соціальнаго значенія, прежде чѣмъ стать вопросами дня для страны и дебатироваться въ парламентѣ, обсуждался и изучался долго и пристально въ масонскихъ ложахъ. Черезъ нихъ предварительно прошли и отдѣленіе церкви отъ государства, и сокращеніе срока военной службы, и подоходный налогъ, и страхованіе рабочихъ. Реформы эти не вотировались въ ложахъ; ими занимались, ихъ изучали, обсуждали долго, со всѣхъ сторонъ, спокойно, въ пестромъ соціальномъ и политическомъ составѣ. Въ результатѣ этого изученія и обсужденія въ масонствѣ сложилось благопріятное означеннымъ реформамъ «масонское общественное мнѣніе», не остающееся безъ вліянія на республиканскую массу, на партіи, на правительство. На республиканскую массу оно дѣйствуетъ потому, что масоны — люди, къ мнѣніямъ кото-

рыхъ вообще привыкли прислушиваться. Вѣдь въ масонскія ложи вступаетъ, вообще говоря, только отборъ республиканской демократіи—люди умственно-живые, преданные интеллектуальнымъ и общественнымъ интересамъ, одушевленные тѣми идеями, которыя составляютъ сущность современнаго франкъ-масонства. Въ ложи они вступаютъ потому, что тамъ они находятъ сродную общественную среду, моральную и умственную поддержку, благопріятныя условія для дальнѣйшаго своего развитія и самообразованія. Эти «лучшіе люди республиканской демократіи» и помимо ложъ пользуются вліяніемъ въ обществѣ, а принадлежа къ партіямъ—занимаютъ въ нихъ первые ряды. Они-то и переносятъ въ широкіе общественные круги и въ открытыя массовыя организаціи взгляды и идеи, разработанныя, обстоятельно обдуманныя и мотивированныя въ тишинѣ закрытыхъ ложъ. Къ этимъ взглядамъ не можетъ не прислушиваться правительство, опирающееся на общественное мнѣніе, на партіи, на республиканскія организаціи,—тѣмъ болѣе, что масонство, какъ одна изъ крупнѣйшихъ организованныхъ интеллектуальныхъ силъ страны, является чрезвычайно цѣннымъ союзникомъ и чрезвычайно опаснымъ противникомъ.

Масонство, такимъ образомъ—не политическая партія, не дѣйственная организація, а интеллектуальный центръ или, вѣрнѣе, одинъ изъ интеллектуальныхъ центровъ націи, стимулирующихъ и организующихъ ея дѣйствія. Руководящая общественная мысль создается въ партіяхъ, въ экономическихъ организаціяхъ, въ томъ безконечномъ количествѣ союзовъ и ассоціацій, изъ которыхъ слагается современное общество, въ школахъ и университетахъ, въ печати, въ кабинетахъ ученыхъ, мыслителей и публицистовъ. Но въ ряду этихъ разнообразныхъ интеллектуальныхъ центровъ, масонство занимаетъ особое мѣсто, играетъ особую роль, на которую нельзя не обратить вниманія. Эта особая роль вытекаетъ изъ внѣпартійнаго, внѣклассоваго и внѣпрофессіональнаго состава ложъ. Ложи являются мѣстомъ встрѣчи партійныхъ, классовыхъ и профессіональныхъ взглядовъ и интересовъ. Конечно, они встрѣчаются и въ жизни, но тамъ это очень часто встрѣчи враждебныя. Во время выборовъ, на агитаціонныхъ собраніяхъ, въ процессѣ экономической борьбы классовъ, между людьми различныхъ общественныхъ группъ идетъ ожесточенная полемика, разгораются страсти настолько, что иногда даже простое взаимное пониманіе становится невозможнымъ. Затѣмъ, вся жизнь современнаго человѣка, будь онъ даже найвліятельнѣйшій общественный дѣятель, проходитъ, обыкновенно, въ очень замкнутой средѣ единомышленниковъ. Депутатъ такъ занятъ, что читаетъ, большею частью, только *свои* газеты,

а въ *чужихъ* ищетъ только то, что послужитъ матеріаломъ для полемики. Радикалъ не посѣщаетъ собранія соціалистовъ; членъ профессіональнаго союза знаетъ только свой синдикатъ и биржу труда; предприниматель думаетъ о барышѣ, рабочій—объ увеличеніи заработной платы. Каждый смотритъ на жизнь съ своей собственной колокольни, подъ собственнымъ угломъ зрѣнія. Сложившіяся программы, господствующіе въ данной корпораціи взгляды, наконецъ, соціальныя рамки, въ которыхъ поневолѣ вращается человѣкъ—все это шоры на его глазахъ, до чрезвычайности суживающіе его поле зрѣнія. Въ современномъ культурномъ обществѣ повидимому разрушены почти всѣ границы и перегородки, дѣлившія его когда-то на замкнутые кружки; но, въ сущности, именно современная культурная жизнь въ такой степени сложна, и люди такъ фактически разобщены и разъединены, что *общее* мнѣніе—съ одной стороны, взгляды, соотвѣтствующіе *національнымъ* интересамъ—съ другой, складываются съ величайшимъ трудомъ.

Однимъ изъ коррективовъ этой групповой разобщенности современнаго общества является масонство. Оно сводитъ вмѣстѣ и сближаетъ въ рамкахъ братскаго союза фабриканта и рабочаго, буржуа и соціалиста, ученаго и практическаго дѣятеля, людей разной степени образованія, разнаго жизненнаго опыта, различныхъ житейскихъ интересовъ и научныхъ взглядовъ—но объединенныхъ, въ то-же время, на почвѣ основныхъ масонскихъ принциповъ. При такомъ сложномъ и разнородномъ составѣ ложа работаетъ надъ изученіемъ и разрѣшеніемъ какъ теоретическихъ вопросовъ мысли, такъ и практическихъ вопросовъ жизни, въ цѣляхъ прогресса человѣчества, собственнаго усовершенствованія и отысканія истины. Опытъ показалъ, что въ той атмосферѣ, которая царствуетъ въ ложахъ, работа эта далеко не безплодна; люди разныхъ партій, взглядовъ и профессій научаются понимать другъ друга, идеи теряютъ свою исключительность, мнѣнія—свои острые углы; различные порядки идей сближаются, взаимно проникаютъ другъ друга. Участники этихъ обсужденій несомнѣнно много выигрываютъ: ихъ пониманіе расширяется и углубляется.

Таково культурно-образовательное значеніе масонства. Его практическое значеніе не менѣе велико. Его участники, въ громадномъ большинствѣ, люди жизни, люди практической общественной работы; и въ ложахъ они теряютъ ту узкость, ту исключительность мысли, которая въ практическомъ дѣятелѣ составляетъ величайшій недостатокъ.

Отличительной особенностью масонства является наличность сложной символики и до мелочей разработаннаго обряда. Нѣтъ ли въ этомъ противорѣчія, по крайней мѣрѣ внутренняго? Едва ли я ошибусь, если скажу, что русская прогрессивная мысль относится крайне отрицательно ко всякой обязательной, «казенной» символикѣ и склонна видѣть въ гипертрофіи обрядности показатель духовного и идейнаго упадка. Между тѣмъ, масоны строго держатся традиціоннаго ритуала, и хотя во Франціи и упростили его въ нѣкоторой, не очень значительной степени, тѣмъ не менѣе пріемъ новыхъ членовъ, засѣданія ложъ и общеніе членовъ между собою протекаютъ обыкновенно и нынѣ въ традиціонныхъ формахъ. Кромѣ масоновъ, нѣтъ, кажется, ни одной свѣтской ассоціаціи, обладающей обязательнымъ ритуаломъ, притомъ несомнѣнно средневѣковаго—чтобы не уходить еще дальше въ тьму временъ—происхожденія. Демократическая простота и безцеремонность царствуетъ въ нашн дни въ союзахъ, организаціяхъ, обществахъ; символовъ мало или вовсе нѣтъ; іерархія отсутствуетъ. И это естественно; мы живемъ въ дѣловое, трезвое, демократическое время, символизмъ же пахнетъ мистикой, іерархія—аристократизмомъ, обрядъ—формализмомъ, да и представляетъ простую трату времени. Казалось бы, что именно общества «свободныхъ мыслителей», отрицающихъ догму, терпимыхъ, искреннихъ адептовъ личной свободы и общечеловѣческаго равенства, должны устранить изъ своей коллективной жизни и наивную символику мечей, свѣтильниковъ, молотковъ, эккеровъ, и безконечную цѣпь іерархическихъ степеней (шотландскій уставъ, напр., создаетъ 33 степени), и старомодный ритуалъ въ засѣданіяхъ ложъ. Казалось бы, масонство ничего бы не потеряло, если бы превратилось въ общество, преслѣдующее культурныя цѣли и признающее только одно правило—благопристойнаго, вѣжливаго обращенія и поведенія.

Стремленіе упростить обрядовую сторону дѣйствительно и сказалось во многихъ французскихъ ложахъ въ послѣднее время. Нѣкоторыя ложи требовали полнаго упраздненія ритуала, стоящаго въ дисгармоніи съ вкусами и взглядами нашей эпохи. Въ 1886-мъ году особый комптетъ, вѣдающій вопросы ритуала—le Grand Collège des Rites du Grand Orient de France,—выработалъ упрощенный ритуалъ. Но новый церемоніалъ не всѣми масонами и не всѣми ложами былъ встрѣченъ одинаково доброжелательно. Многіе изъ нихъ нашли его лишеннымъ всякаго эзотерическаго значенія и потому безцѣльнымъ. Поднялась агитація противъ модернизированнаго и тривіализированнаго ритуала, и привела къ тому, что часть ложъ вернулась къ старымъ, строгимъ формамъ или осталась вѣрна имъ.

часть отбросила всякій ритуалъ. Получилась, такимъ образомъ, значительная пестрота внѣшнихъ формъ, безпокоющая многихъ—именно тѣхъ, кто видитъ въ единствѣ традиціоннаго ритуала моментъ связывающій современное масонство съ его прошлымъ и съ масонскими организаціями другихъ странъ, т. е. сохраняющій за нимъ характеръ всемірнаго братства.

— Взгляните,—говорилъ мнѣ одинъ изъ моихъ знакомыхъ масоновъ, — на наше прошлое. Какую тяжелую борьбу за существованіе пришлось намъ выдерживать. Сколько разъ то упадокъ общественнаго интереса къ высокимъ цѣлямъ масонства, то торжество реакціи и внѣшнее давленіе ставили нашъ орденъ на край гибели. Тѣмъ не менѣе онъ пережилъ всѣ тяжелые дни и существуетъ до сихъ поръ. Въ то же время громадное число обществъ, союзовъ, организацій съ болѣе однороднымъ составомъ и болѣе точно опредѣленнымъ содержаніемъ дѣятельности погибло безслѣдно. Почему? Потому что все безформенное мало прочно, потому что соотвѣтствующая идеѣ форма придаетъ жизненность и идеѣ. Форма—я сравнилъ бы ее съ сосудомъ, въ которомъ хранится извѣстное идейное содержаніе. Выплесните это содержаніе сегодня,—завтра вы вновь, наполните имъ сосудъ. Такъ было и съ нашимъ орденомъ. Не разъ замирала его жизнь и его культурная дѣятельность, но форма оставалась, сохранялся ритуалъ собраній, пріемовъ, оставалась вся символика, и, благодаря этому, при первомъ удобномъ случаѣ она одухотворялась, и форма наполнялась вновь соотвѣтствующимъ ей идейнымъ содержаніемъ.

— Связь съ прошлымъ обязываетъ. У насъ, у масоновъ,—говорилъ мнѣ другой «братъ»,—славное прошлое. Двѣсти лѣтъ тому назадъ мы подняли знамя борьбы за свободу совѣсти, за права разума, за человѣческое достоинство. Сколько битвъ мы выдержали и сколько завоеваній совершили! Это славное прошлое мы должны помнить; намъ выгодно чувствовать его *своимъ*. Но для этого мы должны сохранять традиціи, оставаться именно масонами,—а масонство всегда, съ первыхъ дней своего существованія, отличалось прежде всего своими особыми обычаями и формами. Откиньте ихъ—мы останемся, конечно, свободными мыслителями, но перестанемъ быть тѣмъ братствомъ, принадлежностью къ которому и заслугами котораго мы гордимся, моральную и общественную традицію котораго мы хранимъ.

А вотъ мнѣніе доктора Blatin, бывшаго президента «Великаго Востока» и чрезвычайно уважаемаго въ свое время масона:

— Франкъ-масоны никогда не должны забывать одного: если они тѣсно связаны между собой и представляютъ дѣйствительно всемірное братство, то это только благодаря ихъ обрядамъ и ихъ симво-

ламъ. Исторія и наука показываютъ, что единственная связь, способная сохранить тѣсный и братскій союзъ между людьми, часто глубоко отличающимися другъ отъ друга своимъ воспитаніемъ, нравами, образованностью, національностью, языкомъ,—состоитъ въ слѣдованіи однимъ и тѣмъ же обычаямъ.

Это соображеніе не лишено силы,—особенно потому, что масонскій ритуалъ не произволенъ, не случаенъ, а цѣлесообразно символизируетъ масонскія идеи и настроенія.

— Конечно, нашъ ритуалъ немножко старомоденъ, и можетъ показаться излишнимъ профану, — говорилъ мнѣ одинъ старый масонъ.—Но я думаю, что онъ служитъ намъ добрую службу. Возьмемъ, напр., засѣданія нашихъ ложъ. Они происходятъ по ритуалу, и le vénérable—предсѣдатель ложи—строго слѣдитъ за его выполненіемъ. Ритуалъ этотъ требуетъ, чтобы, обращаясь къ своимъ товарищамъ по ложѣ, масонъ называлъ ихъ «братьями»; чтобы говорить въ ложѣ онъ могъ только, испросивъ черезъ своего Surveillant,—надзирателя,—разрѣшеніе vénérable'я; чтобы, говоря, онъ держалъ правую руку на груди въ положеніи, которое носитъ названіе «эккера», то есть прямоугольника. Вы думаете, что безъ всего этого можно обойтись? Но вы знаете, какъ легко во всевозможныхъ обществахъ, въ которыхъ обсуждаются жгучіе вопросы, пренія обостряются, вырождаются въ споры, обыкновенно безплодные, часто грубые. Теперь примите во вниманіе, что въ ложахъ встрѣчаются лица самыхъ различныхъ, иногда противоположныхъ воззрѣній. Я очень умѣренный человѣкъ; рядомъ со мной соціалистъ, а тамъ, пожалуй, и анархистъ. Намъ въ этомъ пестромъ составѣ надо вдумчиво и серьезно обсудить вопросъ. Этого можно достигнуть только при большой сдержанности, при внимательномъ и полномъ уваженія отношеніи къ мнѣніямъ противниковъ, въ дружелюбной и сердечной бесѣдѣ. И все это достигается благодаря ритуалу. Если я ворвусь въ бесѣду со своими возраженіями внѣ данной мнѣ очереди, я услышу призывъ: «mon frère, à l'ordre!» Если сниму руку съ груди и начну ею жестикулировать, le vénérable мнѣ напомнитъ: «mon frère, à l'ordre!» Я, такимъ образомъ, долженъ все время слѣдить за собой, за своей рукой, воздерживаться отъ жестовъ, а слѣдовательно отъ увлеченій, отъ порывовъ чувствъ. А названіе: «братъ»? Оно также не лишнее. Оно даетъ тонъ бесѣдѣ. Опытъ убѣдилъ насъ, что масонская дисциплина помогаетъ намъ продуктивно бесѣдовать и предохраняетъ насъ въ ложахъ отъ пылкихъ споровъ, мѣшающихъ выясненію истины и портящихъ отношенія между братьями.

Итакъ, ритуалъ объединяетъ масоновъ, поддерживаетъ среди нихъ добрую традицію и связь съ прошлымъ, дисциплинируетъ

отношенія внутри ложъ, и такимъ образомъ даетъ жизненность ордену. Это—достаточныя основанія для сохраненія ритуала. Все-таки, подчиняясь духу времени, онъ понемногу упрощается, и такимъ образомъ ослабляется противорѣчіе между неподвижностью обрядовой формы и свободой анализирующей и творящей мысли.

Нападки на франкъ-масонство слышатся во Франціи съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, клерикалы не жалѣютъ для него черныхъ красокъ. Папы въ буллахъ и энцикликахъ предаютъ его проклятію; духовенство ведетъ съ нимъ непрекращающуюся войну; издается даже особый журналъ «La Revue Antimaçonique», посвященный полемикѣ съ духомъ «масонскаго лжеученія и безвѣрія». Это вполнѣ естественно, такъ какъ клерикализмъ и масонство—наслѣдственные и непримиримые враги. Изъ всѣхъ идей, выношенныхъ или воспринятыхъ масонствомъ, основная—идея религіозной терпимости. Вѣдь масонство и возникло какъ протестъ противъ религіозныхъ преслѣдованій, противъ союза церкви съ государствомъ, позволявшаго первой пользоваться средствами свѣтской власти для религіозныхъ гоненій и освящавшаго церковнымъ авторитетомъ гоненія политическія. И мы видимъ, что на всемъ протяженіи масонской исторіи борьба ордена съ изувѣрствомъ, съ преслѣдованіями свободы совѣсти, съ пережитками теократическаго государственнаго уклада не ослабѣваетъ. Le cléricalisme—voilà l'ennemi! Естественно, что и церковь выкинула знамя: la franc-maçonerie—voilà l'ennemi.

Такъ какъ во Франціи католичество является цементомъ, объединяющимъ всѣ реакціонныя и консервативныя силы страны, то столь же естественно, что и эти послѣднія настроены враждебно по отношенію къ братству вольныхъ каменщиковъ. Тѣмъ болѣе — въ наши дни, когда во Франціи союзъ масонства съ республикой закрѣпился прочно, и поддержка республики, защита ея интересовъ и ея авторитета стала для масоновъ дѣломъ столь же насущнымъ и близкимъ, какъ защита права вѣрить по указаніямъ совѣсти и думать по указаніямъ освобожденнаго разума.

Второй принципіальный противникъ возникъ недавно, на крайней лѣвой современнаго общества,—именно въ гедистской фракціи соціалистической партіи. Ее встревожило то обстоятельство, что многіе соціалисты работаютъ въ ложахъ вмѣстѣ съ представителями буржуазныхъ партій. Такое сотрудничество, по мнѣнію французскихъ соціалъ-демократовъ, является несовмѣстимымъ съ принципомъ классовой борьбы, на которомъ, по ихъ мнѣнію, должна строиться вся дѣятельность послѣдовательнаго соціалиста. Въ то же

время участіе въ ложахъ признается растратой силъ, которыя могли бы продуктивнѣе быть отданы на работу въ партіи. На парижскомъ областномъ и на ліонскомъ національномъ конгрессахъ соціалистической партіи гедисты, подкрѣпляя внесенное ими предложеніе о воспрещеніи членамъ партіи состоять членами масонскихъ ложъ, пытались представить масонство въ видѣ *буржуазной* организаціи, защищающей *буржуазную* республику и, въ частности, отдающей свой моральный авторитетъ на поддержку радикальной, т. е. правительственной партіи. Всѣ эти указанія и обвиненія были опровергнуты соціалистами-масонами. Вмѣшательство масонскихъ ложъ въ выборы не наблюдается. Масоны, конечно, участвуютъ въ выборной агитаціи, но не въ качествѣ членовъ ордена, а въ качествѣ гражданъ; ничто не мѣшаетъ масону-радикалу проводить одного кандидата, а масону-соціалисту — поддерживать другого. Нельзя указать ни одного случая, когда бы рѣшенія, принятыя въ глубинѣ ложъ, стѣсняли свободу дѣйствій масоновъ внѣ ложъ, въ сферѣ публичной жизни. Такъ какъ это обвиненіе само собою отпадаетъ, то въ силѣ остается только общее и принципіальное обвиненіе въ «сотрудничествѣ съ буржуазными партіями». Его, конечно, отрицать нельзя. Оно дѣйствительно происходитъ въ ложахъ, хотя и ограничивается совмѣстнымъ изученіемъ и обсужденіемъ философскихъ, моральныхъ, соціальныхъ и политическихъ проблемъ. Соціалисты-масоны доказывали на съѣздѣ полезность совмѣстной работы съ точки зрѣнія интересовъ партіи. Въ ложахъ, —говорили они,—происходитъ чрезвычайно серьезная и добросовѣстная умственная работа; недавно, напримѣръ, въ нихъ очень основательно изучались соціалистическія теоріи, — гораздо основательнѣе и глубже, чѣмъ въ соціалистическихъ собраніяхъ. Работа эта, конечно, можетъ совершаться и безъ участія соціалистовъ, но отъ этого проиграютъ прежде всего они сами, такъ какъ лишатся вдумчивой и въ то же время общественно-вліятельной аудиторіи.

Помимо этой точки зрѣнія, партійной и, такъ сказать, пропагандистской, существуютъ, на мой взглядъ, соображенія, которыя позволяютъ считать тѣсное внѣклассовое и внѣпартійное общеніе прогрессивныхъ элементовъ, ограничивающееся хотя бы одной интеллектуальной областью, общественно - полезнымъ. Оно сближаетъ людей различныхъ общественныхъ группъ, способствуетъ эволюціи общественныхъ идей, и если происходитъ въ средѣ, гдѣ царствуютъ не одни интересы, но и разумъ, и стремленіе къ истинѣ, приводитъ обыкновенно къ соціально-правильнымъ рѣшеніямъ. Это сближеніе въ области идей мѣшаетъ классамъ и партіямъ превращаться въ секты,—а нѣтъ ничего болѣе опаснаго для прогрессив-

наго развитія коллектива, чѣмъ появленіе въ немъ духа сектантской исключительности, доктринерства и мелочности. Сотрудничество соціалистовъ съ представителями другихъ общественныхъ группъ въ масонствѣ не прошло для послѣдняго безслѣдно. Именно благодаря ему французское масонство обратило большое вниманіе на соціальный вопросъ, и поскольку взгляды его отразились въ масонской литературѣ, должно признать, что обвиненіе масонства въ буржуазности ни на чемъ не основано. Я уже говорилъ, что въ свое время ложи высказались и за подоходный налогъ, и за рабочія пенсіи. По вопросу о правѣ стачки для рабочихъ предпріятій общественнаго значенія, поднятому послѣ всеобщей желѣзнодорожной забастовки 1900-го года, ложи, если бы въ нихъ царствовалъ «буржуазный духъ», высказались бы отрицательно. Между тѣмъ, въ оффиціальномъ масонскомъ органѣ «Асасіа», мы находимъ въ теченіе 1911 года двѣ статьи въ пользу неограниченнаго права стачки.

Ліонскій соціалистическій конгрессъ большинствомъ двухъ третей голосовъ отвергъ внесенное гедистами предложеніе. Такимъ образомъ франкъ-масонство попрежнему останется открытымъ и одинаково доступнымъ для всей прогрессивной демократіи, играя роль объединителя—съ одной стороны, одного изъ духовныхъ центровъ національной жизни—съ другой.

Бѣлоруссовъ.

ТУБЕРКУЛЕЗЪ И СОВРЕМЕННАЯ БОЛЬНИЦА.

За послѣднее время борьба съ туберкулезомъ становится модньмъ дѣломъ и у насъ. Медленно поспѣшая за Западомъ, мы, въ подражаніе ему, тоже вооружились противъ чахотки особой «Лигой», которая должна дать отпоръ ненасытному страшилищу, причемъ позаимствовали не только идею, но, къ сожалѣнію, и самое наименованіе. «Лига», «лигёръ»—по-русски это звучитъ какимъ-то молодечествомъ, какою-то удалью, совершенно не свойственною въ настоящее время намъ, россійскимъ обывателямъ, и особенно почтеннымъ людямъ науки, стоящимъ во главѣ борьбы. Не соотвѣтствуетъ это наименованіе и печальной сущности всего дѣла. Гдѣ чахотка — тамъ нужда и слезы, тамъ отчаяніе и смерть, тамъ поистинѣ отверзлись врата ада.

Годъ назадъ мы отпраздновали—не знаю, какъ правильнѣе сказать: туберкулезный или противотуберкулезный день—шумно, весело, съ легкимъ налетомъ политиканства, неловко сообщенными ему подхватившей это начинаніе прессой. Праздникъ великолѣпно удался. Были собраны большія деньги. Всѣ остались довольны—и жертвовавшіе, и собиравшіе пожертвованія. Плохо чувствовали себя въ этотъ день можетъ быть одни только обреченные — сотни тысячъ туберкулезныхъ, которымъ всѣ эти радостныя надежды здоровыхъ людей на будущую проблематическую побѣду должны были казаться горькой насмѣшкой.

Впрочемъ—обреченные... Развѣ настоящее, съ его докучными, требующими немедленнаго разрѣшенія задачами не меркнетъ всегда и вездѣ предъ красивыми миражами далекаго будущаго?..

При теперешнемъ состояніи врачебной науки противотуберкулезное движеніе, какъ бы мощно оно ни было, не въ силахъ атаковать чахотку съ фронта. Борьба съ нею ведется обходами, маневрами, хитростью. Мы можемъ вытѣснить ее изъ занятыхъ позицій, только дѣлая ихъ понемногу неудобными для нея. Улучшить условія труда, жилища и питанія неимущаго люда—это путь очень тяжелый, очень дорогой и очень долгій, особенно въ Россіи... И до той поры, пока благія стремленія антитуберкулезнаго движенія скажутся въ чемъ-нибудь реальномъ, милліоны несчастныхъ успѣютъ еще сойти въ могилу, такъ сказать—на старыхъ основаніяхъ.

Вотъ объ этихъ-то «несчастныхъ» и «обреченныхъ» и о положительно преступныхъ «старыхъ основаніяхъ» и будетъ итти рѣчь въ дальнѣйшемъ.

* * *

Мы прекрасно знаемъ, что всѣхъ туберкулезныхъ нельзя спасти, и должны, скрѣпя сердце, мириться съ этимъ. Но столь же хорошо извѣстно, что соотвѣтственное леченіе, особенно начатое во время, можетъ очень многихъ снова поставить на ноги и очень надолго. Не невозможны даже случаи полнаго излеченія. Достигается ли это въ больницѣ? Даетъ ли она то, что должна дать, то, чего въ правѣ ожидать отъ нея больной? Это вопросъ громаднѣйшей важности, такъ какъ только $^1/_5$ часть туберкулезныхъ принадлежитъ къ состоятельнымъ классамъ и въ состояніи лечиться дома или въ разныхъ санаторіяхъ. Остальныя $^4/_5$ — люди неимущіе, и всѣмъ имъ приходится рано или поздно стучаться въ больницу: единственный доступный широкимъ массамъ рессурсъ для леченія. Какъ живется въ ней туберкулезному? Какъ относятся къ нему тамъ? Какъ смотрятъ на него? Какъ его лечатъ? Каковы результаты леченія? Раз-

смотрѣніе этихъ вопросовъ выяснитъ положеніе, занимаемое современной больницей въ борьбѣ съ туберкулезомъ.

Величайшая услуга, которую врачъ можетъ оказать туберкулезному—это распознать его болѣзнь въ первомъ періодѣ ея (и, понятно, осторожно открыть больному истину). Тогда еще не все потеряно, и больной имѣетъ возможность выздоровѣть. Но такой діагнозъ чрезвычайно труденъ. Начальныя измѣненія ткани легкаго (я имѣю въ виду главнымъ образомъ легочный туберкулезъ, наиболѣе частый) почти неуловимы, и нуженъ большой клиническій опытъ, чтобы подмѣтить ихъ. Съ другой стороны, туберкулезъ долго ничѣмъ не даетъ знать о себѣ: человѣкъ немного покашливаетъ, чуть-чуть худѣетъ или слабѣетъ, но, въ общемъ, не чувствуетъ себя больнымъ. Зачѣмъ же ему обращаться къ врачу? Въ результатѣ туберкулезъ діагностицируется во-время только въ исключительныхъ случаяхъ: тотъ, кто въ состояніи заботиться о своемъ здоровьи, приступаетъ сейчасъ же къ леченію. Но такихъ, понятно, меньшинство.

Неимущая масса начинаетъ думать о себѣ только тогда, когда болѣзненный процессъ въ полномъ ходу. Иногда плевритъ открываетъ больному глаза на серьезность его положенія, иногда кровохарканье, иногда кашель, лихорадки, исхуданіе, слабость. Мало-по-малу онъ замѣчаетъ, что становится инвалидомъ, и тоже начинаетъ лечиться. Съ поистинѣ трогательной вѣрой въ могущество медицины и искусство врачей обращается онъ, пока еще носятъ ноги (и не переставая работать), въ разныя безплатныя или дешевыя амбулаторіи и, теряя драгоцѣнные рабочіе дни, иногда истративъ послѣднія деньги, уноситъ оттуда бутылочку съ лекарствомъ или какіе-нибудь порошки. Изрѣдка случается, что осматривавшій его врачъ не заваленъ работой; тогда больной получаетъ въ придачу нѣсколько прекрасныхъ, но совершенно невыполнимыхъ совѣтовъ, касающихся питанія, воздуха и т. п. Если судьбѣ угодно, чтобы процессъ въ легкихъ остановился, туберкулезный начинаетъ поправляться и выздоравливаетъ—временно или совершенно. Если же болѣзнь идетъ обычнымъ путемъ, ему становится все хуже и, наконецъ, онъ вынужденъ искать помощи въ больницѣ.

Съ перваго же момента, съ первыхъ шаговъ бѣдняка, порядки современной больницы даютъ ему себя почувствовать. Попасть въ больницу—едва ли я ошибусь, если скажу: въ любую больницу земного шара—дѣло совсѣмъ не легкое. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ д-ръ Léon Petit мытарства туберкулезнаго во Франціи передъ поступленіемъ въ больницу. «Рабочій, заболѣвшій туберкулезомъ, не имѣетъ ни свободнаго времени, ни средствъ, чтобы начать леченіе

во-время. Когда онъ не въ состояніи больше работать и совершенно истратился, онъ является въ больницу. Но больница, при ея теперешней организаціи, не можетъ открыть дверей туберкулезному, который еще держится на ногахъ. Въ иные дни до сорока больныхъ добиваются пріема въ отдѣленіе, и изъ нихъ половина туберкулезныхъ. Врачъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи не болѣе 5—6 свободныхъ кроватей, не можетъ отдать ихъ хроникамъ; преимущество имѣютъ острыя заболѣванія. И вотъ, бѣдный туберкулезный начинаетъ свое хожденіе по мукамъ. Онъ блуждаетъ изъ больницы въ больницу и получаетъ повсюду отказъ: выплевываемыя имъ мокроты сѣютъ заразу во всѣхъ концахъ города, и когда онъ вечеромъ возвращается въ свое жилище, то заражаетъ тѣснящуюся въ немъ семью. Наконецъ, онъ доходитъ до такой слабости, что ему нельзя отвѣтить: «нѣтъ мѣста»; онъ можетъ умереть на улицѣ. Его упорство вознаграждается—онъ въ больницѣ. Но ему открыли больничныя двери только изъ жалости и то тогда, когда болѣзнь дошла до послѣдней степени и стала неизлѣчимой» [1]).

И это въ культурнѣйшей странѣ міра!..

Но такъ или иначе—нашъ туберкулезный въ больницѣ. Онъ является въ палату, получаетъ больничную одежду и койку. Листъ его заполняется постепенно—конторой, фельдшеромъ или сестрой, младшимъ врачемъ, ординаторомъ палаты. Его осматриваютъ иногда поверхностно, иногда основательно, назначаютъ что-нибудь, и на другой день, надлежаще зарегистрованный и занумерованный, онъ уже равноправный членъ этого страннаго общества, согнаннаго сюда нищетой и человѣческими болѣзнями. Общія условія, въ которыя онъ попадаетъ, чрезвычайно тяжелы. На человѣка, который не совершенно одинокъ въ жизни, который имѣетъ свой «домъ» и окруженъ семьею, страдающею вмѣстѣ съ нимъ, ожидающею его выздоровленія съ такимъ же боязливо-радостнымъ нетерпѣніемъ, какъ и онъ самъ, внезапный переходъ въ больничную обстановку долженъ дѣйствовать угнетающимъ образомъ. Еще наканунѣ онъ чувствовалъ себя свободнымъ человѣкомъ (конечно, въ предѣлахъ, положенныхъ болѣзнью и соціальнымъ положеніемъ). Въ больницѣ все сразу мѣняется: здѣсь каждый шагъ регламентированъ, каждый моментъ имѣетъ свое назначеніе, какъ въ тюрьмѣ. Въ опредѣленные дни выдаютъ чистую одежду, въ другіе разрѣшены свиданія съ родными; въ такіе-то часы нужно ѣсть, въ такіе-то пить, въ такіе-то спать. Человѣческая жизнь, насильно втиснутая въ разъ навсегда заготовленныя неизмѣнныя формы, должна покорно проте-

[1]) Léon Petit, «Le Phtisique», стр. 235—236.

кать въ нихъ, какъ вольная ключевая вода, перехваченная гдѣ-нибудь и вынужденная катиться по трубамъ до послѣднихъ ихъ развѣтвленій. Здѣсь требуется полное подчиненіе, здѣсь невозможенъ протестъ. Больной долженъ быть доволенъ всѣмъ—пищей, уходомъ, обращеніемъ, леченіемъ; онъ долженъ умѣть ладить съ больничнымъ персоналомъ, начиная съ послѣдняго служителя, потому что при всякомъ конфликтѣ, вызванномъ имъ, всегда и неизмѣнно виновнымъ окажется онъ, и никто другой. Онъ долженъ научиться страдать молча, безъ жалобъ; какіе бы страхи ни жили въ его душѣ, онъ долженъ скрывать ихъ. Онъ долженъ быть тихимъ, покорнымъ, терпѣливымъ. Стоитъ ему заявить о какомъ-нибудь своемъ неудовольствіи, даже самомъ законномъ—и онъ тотчасъ же становится непріятнымъ, лишнимъ. Если онъ настаиваетъ, его обходятъ, избѣгаютъ или же попросту выпроваживаютъ изъ больницы. Больной женщинѣ, оказавшейся повинною въ томъ же, даютъ кличку «истеричная», и тогда она перестаетъ существовать для всѣхъ (такъ сказать на научномъ основаніи: «истеричныя лгутъ»). Ей не вѣрятъ, и чѣмъ ей тяжелѣе, тѣмъ меньше прислушиваются къ ея словамъ; въ концѣ концовъ отъ нея также избавляются какимъ-нибудь путемъ. Тяжелое колесо больничной жизни должно катиться гладко, безъ вздрагиваній; всякій камешекъ, всякій сучекъ заботливо убирается съ его пути. Оно давитъ индивидуальность человѣка, дѣлаетъ его бездушнымъ и безвольнымъ клише, носителемъ больного органа и матеріаломъ для научной работы. Отсюда—тысячи униженій, тысячи ненужныхъ жестокостей и вполнѣ понятная нелестная репутація больницы.

Въ какой степени отражаются описанные порядки на качествѣ и результатахъ больничнаго леченія? Это — вопросъ первостепенной важности, такъ какъ онъ затрагиваетъ самый raison d'être больницы. Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности говорить здѣсь о немъ въ полномъ его объемѣ; я долженъ ограничиться тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ туберкулезу.

Антитуберкулезныхъ specifica, испытанныхъ и надежныхъ, у насъ нѣтъ [1]). Средства, предлагаемыя отъ времени до времени, дѣлаютъ чудеса только у тѣхъ, кѣмъ онѣ были найдены. Въ чужихъ рукахъ онѣ превращаются изъ золота въ глиняные черепки. Излѣчить туберкулезнаго, я повторяю, мы не можемъ. Все, что мы въ силахъ сдѣлать—это пытаться съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ укрѣпить его организмъ и облегчить тѣ или иные мучительные

1) Новѣйшія туберкулиновыя инъекціи тоже не могутъ быть названы этимъ именемъ.

симптомы его болѣзни. Дальнѣйшее зависитъ отъ счастливой звѣзды больного. Но даже то, что поддается нашему воздѣйствію, требуетъ, кромѣ особенно благопріятныхъ матеріальныхъ условій, еще большого вниманія и терпѣнія со стороны тѣхъ, кому больной довѣрилъ заботы о своемъ здоровьѣ: «нужно привлечь всѣ факторы, которые въ состояніи удерживать жизненные процессы въ ихъ физіологическомъ теченіи, нужно возмѣстить всѣ потери организма, нужно осторожно и послѣдовательно предохранять больного отъ малѣйшаго поврежденія, которое не въ состояніи оказать вліянія на здороваго человѣка, но можетъ погубить туберкулезнаго. Никакой лечебный факторъ, взятый въ отдѣльности—ни воздухъ, ни питаніе, ни гидротерапія, ни лекарства—не обѣщаютъ намъ успѣха. Только комбинированное удовлетвореніе всѣхъ, даже ничтожнѣйшихъ физіологическихъ и гигіеническихъ жизненныхъ потребностей даетъ намъ надежду» [2]). Тамъ же, нѣсколько ниже, мы читаемъ: «Врачъ, который ограничивается назначеніемъ питанія, покоя и лекарствъ, какъ бы точны, ясны и превосходны ни были эти назначенія, никогда не достигнетъ такихъ результатовъ, какъ тотъ, кто дастъ себѣ трудъ сродниться душой со своимъ больнымъ. Причины лежатъ отчасти въ продолжительности болѣзни, отчасти въ измѣненіи психики туберкулезнаго. Энергія послѣдняго ослаблена, онъ нуждается въ крѣпкой опорѣ и долженъ чувствовать ее во врачѣ; онъ долженъ относиться къ врачу со слѣпымъ довѣріемъ. Врачъ добьется этого довѣрія ясностью и опредѣленностью назначеній, непреклонностью въ требованіи того, что разъ признано правильнымъ, и душевнымъ участіемъ, состраданіемъ къ больному, который борется за свою жизнь». Слѣдовательно, для леченія туберкулезнаго одной только медицины, въ смыслѣ спеціальнаго опыта и знанія, недостаточно; необходимо еще серьезно-заботливое, почти любовное отношеніе къ больному. Но послѣднее естественно только со стороны его близкихъ, и никакое внутреннее чувство, никакой долгъ не обязываетъ къ нему чужого человѣка, хотя бы и врача. Его можетъ вызвать только какой-нибудь постоянно дѣйствующій стимулъ. Къ несчастью, въ больничной практикѣ такого стимула нѣтъ. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ заставить врача, состоящаго на общественной службѣ, отдавать больнымъ не только свои знанія, свою голову, но и свою душу? Любовь къ наукѣ? Но ей въ этомъ вопросѣ нечего дѣлать. Человѣчность, сердечная доброта? Но эти чувства, способныя вызвать, отъ времени до времени, отдѣльные ге-

[1]) Cornet, «Die Tuberculose», стр. 477 и 478 (H. Nothnagel, «Specielle Pathologie und Therapie», т. XIV, 2, отд. II).

роическіе поступки, безсильны побудить кого-либо къ вѣчному безкорыстному самопожертвованію. Ангельскія натуры встрѣчаются только въ книгахъ. Какая-либо отвѣтственность? Но передъ кѣмъ? Развѣ кто-нибудь интересуется сущностью всего этого дѣла? Была бы только въ порядкѣ казовая сторона его, сходились бы точка въ точку итоги да балансы...

Впрочемъ, я считаю излишнимъ настаивать на этотъ пунктѣ. Я не предполагаю своего читателя болѣе невѣрующимъ, чѣмъ Ѳома; мнѣ незачѣмъ всовывать его руки до локтей въ рану, чтобы онъ убѣдился въ ея существованіи. Она видна издали. Туберкулезный, какъ и всякій другой больной, наталкивается въ больницѣ на полнѣйшее равнодушіе, и о Cornet'овской духовной опорѣ и состраданіи здѣсь смѣшно и говорить.

Но для него это почти равносильно смертному приговору. Леченіе, предлагаемое современной больницей туберкулезному, чрезвычайно далеко отъ того, которое считается въ наше время необходимымъ, и только постоянная неусыпная забота о больномъ могла бы въ нѣкоторой мѣрѣ компенсировать этотъ недостатокъ. Больничный шаблонъ даетъ ему на короткое время (въ среднемъ 8—10 недѣль) койку, чрезвычайно плохо кормитъ его и заставляетъ дышать зараженнымъ воздухомъ палатъ. Щедрѣе всего онъ на то, что наименѣе нужно—на лекарства. Но двухмѣсячное леченіе, даже найлучшее, даже самое тщательное, не въ состояніи принести какой-либо дѣйствительной пользы туберкулезному, потому что въ сущности оно должно длиться до полнаго или относительнаго выздоровленія больного, иногда цѣлые годы—или же до самой смерти. Только при ничѣмъ неограниченной продолжительности леченія можно разсчитывать на нѣкоторую стойкость полученныхъ улучшеній. Затѣмъ—питаніе. Это—лечебный факторъ первостепенной важности. Туберкулезный долженъ много ѣсть его пища всегда должна быть разнообразна, лучшаго качества и хорошо изготовлена. Съ этимъ больница совершенно не считается. Больничный пищевой режимъ въ состояніи отбить охоту къ ѣдѣ даже у вполнѣ здороваго человѣка и исключаетъ всякую возможность возмѣщенія потерь больного организма. Во всемъ соблюдается экономія, доходящая до скупости; на первомъ планѣ не столько качество, сколько дешевизна. На питаніе больного отпускается разъ навсегда положенная ничтожная сумма (у насъ она колеблется около 20 коп. на день), причемъ не забыли очень тщательно усчитать отвращеніе къ пищѣ одной части больныхъ. Но допустимъ даже, что туберкулезный получалъ бы въ больницѣ вдоволь всего—яицъ, масла, молока, мяса и т. д.; развѣ отъ этого что-нибудь измѣнилось бы? Онъ обыкновенно лишенъ аппетита и однимъ

совѣтомъ: «ѣшьте побольше» ничего нельзя добиться. Если ухаживающіе за нимъ не приложатъ всѣхъ усилій, чтобы заставить его ѣсть, онъ будетъ умирать отъ истощенія, не прикасаясь къ пищѣ. Врачъ долженъ проявить особую изобрѣтательность и настойчивость, чтобы достигнуть желаемаго. Тутъ-то и необходимо Cornet'овское состраданіе, потому что это дѣло трудное, хлопотливое, требующее выдержки, терпѣнія и времени, которымъ врачъ не располагаетъ для своего больничнаго паціента. Daremberg разсказываетъ объ одной больной, которая въ началѣ леченія довольствовалась въ продолженіи цѣлаго дня 2—3 ломтиками хлѣба съ мясомъ и двумя стаканами сильно разбавленнаго вина. Подъ его вліяніемъ она преодолѣла свое отвращеніе къ пищѣ и начала ѣсть нѣсколько больше. Организмъ ея сталъ крѣпнуть и аппетитъ понемногу вернулся самъ собой. По истеченіи года она ежедневно съѣдала 3 яйца, 100 граммовъ сырого мяса и выпивала 4 столовыя ложки рыбьяго жира, $^1/_2$ литра молока и $^1/_2$ литра англійскаго пива,—что нисколько не мѣшало ей плотно обѣдать два раза въ день, какъ совершенно здоровому человѣку. Добрая воля можетъ здѣсь дѣлать чудеса. Но больная Daremberg'а, причинившая ему, вѣроятно, не мало хлопотъ, лечилась у себя на дому. Кто въ *больницѣ* согласился бы взять на себя подобный трудъ?

Далѣе. Не менѣе питанія важна, такъ называемая Luftcur (cure d'air у французовъ). Для туберкулезнаго необходимо проводить большую часть времени на свободѣ, на свѣжемъ воздухѣ. Замурованный въ больничной палатѣ, онъ лишенъ этого драгоцѣннѣйшаго рессурса терапіи, можетъ быть единственнаго шанса на спасеніе, не говоря уже о томъ, что этимъ самымъ вводится чрезвычайно опасный элементъ для другихъ больныхъ... Результатовъ, которые можетъ дать леченіе воздухомъ, мы не въ состояніи достигнуть никакими лекарствами: одни совершенно недѣйствительны, другія ненадежны; есть и такія, о которыхъ трудно сказать, чего приносятъ они больше — пользы или вреда. Это извѣстно каждому въ достаточной степени, и, тѣмъ не менѣе, все остается безъ измѣненія, хотя въ смыслѣ матеріальныхъ затратъ нѣтъ ничего легче организаціи Luftcur: при каждой больницѣ есть обширные дворы въ которыхъ нетрудно отыскать защищенное отъ вѣтра, хорошо расположенное мѣсто, а кресла для больныхъ и устройство Liegehalle стоятъ гроши, которые охотно пожертвуютъ добрые люди, если ихъ не найдется въ кассѣ больницы. Почему же этого повсюду не дѣлаютъ? По той простой причинѣ, что Luftcur усложнила бы уходъ и надзоръ за больными, т. е. потребовала бы лишнихъ хлопотъ, лишняго труда со стороны больничнаго персонала. У меня жива въ

памяти картина, которую мнѣ приходилось видѣть ежедневно въ продолженіи долгаго времени: большой больничный дворъ, недурной садъ, просторная Liegehalle вѣчно *пустая*, а рядомъ въ двухъ шагахъ, въ закрытомъ каменномъ зданіи, на своихъ койкахъ задыхались туберкулезные...

Остальные, менѣе важные факторы терапіи туберкулеза (гидротерапію, массажъ и т. п.) я могу сбойти молчаніемъ. Въ больницѣ всѣмъ этимъ некому заниматься... Надѣюсь, что и изъ уже сказаннаго ясно, что положеніе туберкулезнаго въ больницѣ *должно* быть очень печальнымъ. Наша больница ничего не можетъ, вѣрнѣе—ничего не хочетъ сдѣлать для него. Туберкулезный—лишній грузъ, балластъ, всѣмъ мѣшающій, всѣмъ надоѣвшій. Въ немъ, еще живомъ, уже чувствуютъ мертвеца. Леченіе, въ безполезности котораго увѣрены рѣшительно всѣ, кромѣ самого больного, ведется вяло, спустя рукава, часто только по формѣ. Проживетъ ли туберкулезный мѣсяцемъ больше или мѣсяцемъ меньше—это всѣмъ кажется безразличнымъ. Человѣкъ, страдающій порокомъ сердца, брайтовой болѣзнью или какимъ-нибудь злокачественнымъ новообразованіемъ, осужденъ также безвозвратно, какъ и туберкулезный. Но какъ бы ни былъ близокъ къ смерти такой больной, врачъ счелъ бы преступленіемъ оставить его безъ помощи. Врачъ примѣняетъ всѣ находящіяся въ его рукахъ средства и борется до самого конца, хотя прекрасно понимаетъ, что не въ состояніи дать своему паціенту ни новаго сердца, ни здоровыхъ почекъ, что оперируемый можетъ скончаться тутъ же, подъ ножемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и туберкулезный, при такомъ же заботливомъ отношеніи къ нему, могъ бы, не говорю спастись (хотя бываетъ и это), но прожить дольше и спокойнѣе умереть. Но, повторяю, для этого ничего не дѣлается.

Больничная борьба съ туберкулезомъ находится теперь въ той же стадіи, въ какой была хирургія въ архаическое до-листеровское время, когда еще и не подозрѣвали страшной важности чистоты, анти-и асептики, въ то наивное время, когда руки мылись не до, а послѣ операціи, когда для операціи одѣвалось не самое чистое, а самое старое, изношенное платье, кровяными пятнами котораго хирургъ парадировалъ на большихъ пріемахъ (Нелатонъ при дворѣ Наполеона III), и когда ничтожнѣйшее хирургическое вмѣшательство могло убить больного. Но прежніе врачи многаго еще не знали, и ихъ не въ чемъ винить. Какъ только были заложены основы современнаго знанія, хирургія стала измѣняться, точно по волшебству: исчезла старая рутина, давно сложившіяся привычки быстро уступали мѣсто все болѣе совершенствовавшейся техникѣ, на

все, что оказывалось нужнымъ, своевременно находились средства, и въ настоящее время большіе города прямо щеголяютъ дворцами, въ которыхъ оказывается операціонная помощь бѣдному люду. Значеніе соціальнаго фактора въ хирургіи свелось къ минимуму, и операція обставляется одинаковымъ образомъ, кто бы ни былъ больной—мастеровой ли, пострадавшій отъ несчастнаго случая, или баричъ, разбившійся на великосвѣтскихъ скачкахъ.

Туберкулезные оказались менѣе счастливыми. Безчисленныя спеціальныя работы ученыхъ всего міра прошли мимо нихъ точно куда-то въ пустое пространство и почти не отразились на положеніи чахоточнаго въ больницѣ. Это сознается всѣми и констатируется при случаѣ спокойно и хладнокровно, какъ нѣчто естественное, само собою понятное. Если и слышна иногда нота жалости, состраданія, то она звучитъ какъ-то застѣнчиво. Говорящій словно боится обвиненій въ сентиментальности. «Больница не приспособлена для туберкулезныхъ, и, если послѣдніе мрутъ въ ней, какъ мухи, то въ этомъ никто не виноватъ. О чемъ же лить слезы?»—вотъ господствующій тонъ.

«Больница не приспособлена для туберкулезныхъ». Эта маленькая фраза все объясняетъ и все извиняетъ. Каждое отдѣльное слово въ ней такъ невинно, такъ безобидно и покрываетъ такой гладкой чешуей скрытую въ ней мысль, что ей удается проскользнуть и укрѣпиться въ сознаніи большинства, не возбуждая недоразумѣній или сомнѣній. Существующій больничный режимъ начинаетъ казаться такимъ же несокрушимымъ и незыблемымъ, какъ Гималаи. Скудость средствъ, постоянно выставляемая, какъ щитъ, противъ всѣхъ нападокъ на больницу, въ устахъ защитниковъ ея является факторомъ всемогущимъ, дѣйствующимъ съ постоянствомъ и непреоборимостью силы природы. Забывается, что созданное человѣческими руками, этими же руками можетъ быть измѣнено, что средства должны найтись, такъ какъ общество владѣетъ ими въ достаточномъ количествѣ, что теперешняя больница, какъ все на землѣ, росла, измѣнялась, приспособлялась, а не вышла изъ рукъ Создателя въ совершенно законченномъ видѣ, со всѣми ея особенностями. Сколько бы у нея ни было недостатковъ, она все же стоитъ неизмѣримо выше старинной больницы XVII—XVIII вѣка, описанія которой до того ужасны, что кажутся теперь неправдоподобными. Но развѣ въ то далекое время люди не могли бы утверждать, что ихъ больницы, въ общемъ, недурны, хотя и имѣютъ недостатки, что на устраненіе послѣднихъ нужно слишкомъ много денегъ, и что, слѣдовательно, никто ни въ чемъ не виноватъ, т. е. говорить буквально то же, что можно слышать и теперь? И все-таки, какъ это ни

казалось невозможнымъ, больничное дѣло гигантски шагнуло впередъ. И все-таки, какъ это не кажется теперь невозможнымъ, оно пойдетъ и дальше.

* * *

Результаты описаннаго мною отношенія къ туберкулезнымъ, или, иными словами, участіе больницы въ противотуберкулезной борьбѣ выражаются слѣдующими (приблизительными) цифрами: $^4/_5$ общаго числа туберкулезныхъ не имѣютъ возможности лечиться на собственный счетъ. Больница даетъ пріютъ только небольшой части ихъ, отъ 20 до 25%. Половина поступившихъ въ больницу умираютъ въ ней, и для этой категоріи она является чѣмъ-то вродѣ большой общественной усыпальницы. Другая половина возвращается домой—одни «съ улучшеніемъ», т. е. уходятъ на своихъ ногахъ, другіе «безъ улучшенія»—сдаются на руки роднымъ. Но констатированное на больничныхъ листахъ «улучшеніе» бумажно, эфемерно; въ старой обстановкѣ все снова начинаетъ итти по старому, и недавно выпущенный туберкулезный слишкомъ часто вынужденъ снова хлопотать о поступленіи въ больницу. Такимъ больнымъ больница даетъ коротенькую передышку, во время которой кладетъ легонькую заплату на болѣзнь. Вотъ и весь активъ ея. Другимъ, впрочемъ, онъ не можетъ и быть.

Жестокая современная больница, висящая кошмаромъ надъ населеніемъ, давно уже заслуживаетъ удара, который разрушилъ бы самыя основанія ея строя. Часъ этотъ, однако, еще не пробилъ. Еще не мало воды утечетъ, прежде чѣмъ ея кліентъ теперь забитый и загнанный почувствуетъ себя въ ней тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть—хозяиномъ. Но когда-нибудь придется же сдѣлать первый шагъ, первую попытку внести за больничную ограду хоть нѣкоторое подобіе соціальной справедливости. Хорошо оріентированное противотуберкулезное движеніе имѣетъ возможность добраго почина: пусть оно возьметъ подъ свою защиту и охрану толпы туберкулезныхъ—кормильцевъ семействъ и матерей, такъ безконечно томящихся и такъ жалко гибнущихъ въ настоящее время въ больницахъ. Право, эти люди столь же интересны и заслуживаютъ такого же вниманія, какъ и тѣ, которымъ еще только грозитъ опасность когда-нибудь заболѣть туберкулезомъ—можетъ быть, даже еще и не родившіеся.

И вотъ, г.г. лигеры, причастные къ дѣлу—профессора, шефы клиникъ, старшіе врачи, ординаторы,—вамъ начинать...

Д-ръ Мих. Юшкевичъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ФРЕЙСИНЭ.

C. de Freycinet. Souvenirs. 1848—1878. Парижъ, 1912.

Ученый теоретикъ и въ то же время замѣчательный практикъ, математикъ и горный инженеръ, знатокъ желѣзнодорожнаго дѣла, ближайшій сотрудникъ Гамбетты въ дѣлѣ организаціи народной обороны 1870—1871 годовъ, позднѣе неоднократно министръ и глава кабинета, Фрейсинэ принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ и оригинальныхъ личностей, выдвинутыхъ современною французскою республикою. Онъ сдѣлался политическимъ дѣятелемъ послѣ паденія имперіи и игралъ видную роль въ жизни своей страны, не будучи ни ораторомъ, ни публицистомъ; онъ не искалъ извѣстности, скромно работалъ за кулисами и рѣдко выступалъ передъ публикою, но фактически пользовался заслуженнымъ и прочнымъ авторитетомъ среди различныхъ республиканскихъ группъ. Въ его воспоминаніяхъ, написанныхъ точнымъ и сжатымъ языкомъ, сообщается много любопытныхъ подробностей о событіяхъ, въ которыхъ ему пришлось участвовать прямо или косвенно; нѣкоторые факты и эпизоды обрисовываются имъ съ новыхъ сторонъ.

Фрейсинэ былъ воспитанникомъ политехнической школы, когда вспыхнула февральская революція. Утромъ 24-го февраля 1848-го года, узнавъ о происшедшемъ наканунѣ вечеромъ кровавомъ столкновеніи у дома министерства иностранныхъ дѣлъ, политехники собрались на сходку и рѣшили взять на себя роль посредниковъ между толпою и войсками въ извѣстныхъ пунктахъ города, для избѣжанія кровопролитія. Въ качествѣ выборнаго старосты второго курса, Фрейсинэ выступалъ докладчикомъ на этой сходкѣ, причемъ горячо доказывалъ необходимость дѣйствовать для достиженія перемиріа, согласно традиціямъ политехнической школы. Воспитанники, въ мундирахъ и при шпагахъ, распредѣлились на отряды и направились отдѣльными группами по улицамъ, гдѣ происходили наибольшія волненія; толпа повсюду разступалась предъ ними, начальники войскъ вступали съ ними въ переговоры, инсургенты пропускали ихъ черезъ баррикады, и кое-гдѣ политехникамъ удавалось добиться положительнаго успѣха. Такъ, въ одномъ мѣстѣ передъ казармою масса народа напирала на рѣшетку, за которою стоялъ полкъ солдатъ; толпа требовала выдачи оружія, въ чемъ получила отказъ. Возбужденіе грозило перейти въ общую свалку, когда явились политехники; они быстро добрались

до полковника и уговорили его увести полкъ за предѣлы города, подъ контролемъ представителей инсургентовъ. Этимъ рѣшеніемъ толпа удовлетворилась; рядомъ съ командиромъ, по его просьбѣ, шли во главѣ полка политехники, пока не достигли городской заставы. Группа воспитанниковъ, вмѣстѣ съ Фрейсинэ, добралась до зданія городской ратуши, площадь была полна народомъ; Фрейсинэ былъ притиснутъ къ стѣнѣ, очутился около какой-то двери, вошелъ въ нее, поднялся по узкой лѣстницѣ и былъ рѣзко остановленъ внушительною фигурою, загородившею ему дорогу. Фрейсинэ самоувѣренно заявилъ, что, какъ политехникъ, онъ имѣетъ порученіе и пришелъ по дѣлу; его тотчасъ пропустили. Пройдя переднюю онъ попалъ въ небольшую, плохо освѣщенную комнату, гдѣ находилось около двадцати человѣкъ. Изъ нихъ семь или восемь сидѣло вокругъ маленькаго стола, близъ окна; другіе стояли на нѣкоторомъ разстояніи въ почтительныхъ позахъ. Сидѣвшіе тихо и быстро разговаривали, и изъ отдѣльныхъ фразъ можно было понять, что это было то временное правительство, о которомъ уже толковали въ Парижѣ. Составъ этого правительства устанавливался почти на глазахъ Фрейсинэ; тутъ были Дюпонъ, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Араго, Кремье, Мари и Гарнье-Пажѣсъ, а также назначенные первоначально секретарями Луи-Бланъ и Арманъ Маррà. Юный политехникъ, прислонившійся у двери, готовился уже выйти, когда Мари обратился къ нему съ вопросомъ, не могутъ ли его товарищи по школѣ взять на себя обязанности адъютантовъ при членахъ правительства; Фрейсинэ отвѣтилъ утвердительно и тотчасъ же, по предложенію Мари, записалъ шестнадцать именъ, въ томъ числѣ и свое собственное; этотъ списокъ, съ разрѣшеніемъ повсемѣстнаго пропуска, за подписью Дюпона и Кремьё, былъ выданъ ему на руки. Мари высказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ пожеланіе, чтобы всѣ вообще политехники постарались уговорить революціонеровъ разобрать баррикады и вернуться къ нормальному порядку вещей, въ виду образованія новаго, республиканскаго правительства. Фрейсинэ и его товарищи усердно взялись исполнить порученіе и цѣлую ночь провели на улицахъ; на слѣдующій день имъ предложено было оказать содѣйствіе водворенію новыхъ министровъ въ предназначенныхъ имъ казенныхъ зданіяхъ, причемъ на долю Фрейсинэ выпало сопутствовать военному министру, генералу Сюберви.

Въ критическій день 25-го февраля, одинъ изъ членовъ временнаго правительства просилъ Фрейсинэ разыскать представителя рабочихъ, Альбера, отсутствіе котораго въ городской ратушѣ могло быть истолковано въ смыслѣ недовѣрія рабочаго класса къ новому режиму. Фрейсинэ отправился на поиски, въ сопровожденіи двухъ

солдатъ національной гвардіи, которые помогали ему пробираться черезъ толпу. Онъ нашелъ Альбера въ кафе за столикомъ, вмѣстѣ съ двумя товарищами. Альберъ спокойно выслушалъ его и переглянулся съ сосѣдями, которые видимо были противъ его ухода. Фрейсинэ воодушевился и сказалъ ему громко, чтобы и другіе слышали: «Господинъ Альберъ, вамъ слѣдуетъ рѣшиться. Пока вы здѣсь, временное правительство подвергается опасности въ городской ратушѣ. Вы сочтете долгомъ чести раздѣлить эту опасность, а не увеличивать ее своимъ отсутствіемъ». Альберъ согласился, что это было бы трусостью; онъ всталъ и пошелъ вслѣдъ за Фрейсинэ. Встрѣченный крайне сочувственно своими коллегами, онъ съ тѣхъ поръ сдѣлался самымъ аккуратнымъ участникомъ ихъ засѣданій. Появленіе его въ составѣ временнаго правительства было тѣмъ болѣе кстати, что тогда какъ разъ ожидалась организованная манифестація рабочихъ въ пользу провозглашенія «соціальной республики» и принятія краснаго знамени взамѣнъ трехцвѣтнаго. Около четырехъ часовъ приблизились къ зданію Hôtel de ville первые ряды безконечнаго народнаго шествія, оглашавшаго воздухъ криками въ честь краснаго флага. Изъ толпы выдѣлилась группа вооруженныхъ людей и ворвалась въ залъ засѣданій; они безцеремонно помѣстились предъ растерявшимися членами временнаго правительства, постукивая своими ружьями. Фрейсинэ былъ очевидцемъ этого эпизода. Одинъ изъ делегатовъ, молодой рабочій съ интеллигентнымъ лицомъ, въ краткихъ и ясныхъ словахъ изложилъ сущность ихъ требованій. Указавъ краснорѣчивымъ жестомъ на тысячи вооруженныхъ товарищей, онъ объяснилъ, что рабочій классъ не желаетъ допустить, чтобы революція опять прошла для него безплодно. «Намъ нужно доказательство,—заявилъ онъ,—что вы заодно съ нами. Вы дадите намъ это доказательство, подписавъ декретъ о красномъ знамени». Послѣ нѣкотораго молчанія выступилъ Ламартинъ и произнесъ «чудесную импровизацію», которая, однако, не удовлетворила рабочихъ. Ихъ предводитель прервалъ знаменитаго оратора словами: «Намъ нужны не красивыя слова, а формальныя обязательства. Хотите ли вы принять красное знамя? Народъ съ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта». Тогда Ламартинъ возъимѣлъ геніальную мысль предложить этотъ важный вопросъ на судъ народа. Онъ направился къ дверямъ; за нимъ послѣдовали его коллеги. Делегаты рабочихъ невольно дали имъ дорогу. Выйдя на площадь, члены временнаго правительства остановились. Невысокій ростомъ Луи-Бланъ, котораго подозрѣвали въ солидарности съ революціонерами, взобрался на плечи здороваго національнаго гвардейца, для того чтобы всѣ могли видѣть его рядомъ съ другими оффиціальными представителями рес-

публики. Политехники, въ числѣ до тридцати человѣкъ, стояли кругомъ съ обнаженными саблями. Товарищъ Фрейсинэ, Ле-Франсуа, предупредилъ его шепотомъ, что онъ не довѣряетъ Луи-Блану и рѣшилъ убить его при первой попыткѣ дать сигналъ къ возстанію. Страстное возбужденіе огромной толпы дѣйствовало заразительно на всѣхъ; но шумъ улегся сразу, когда Ламартинъ сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить. Его сильный голосъ раздавался на всемъ пространствѣ площади, и «заключительная фраза его изумительнаго обращенія звучитъ еще въ ушахъ» Фрейсинэ. Авторъ воспоминаній записалъ эти слова въ тотъ же вечеръ, и онъ считаетъ свою запись болѣе точною, чѣмъ свидѣтельство самого Ламартина. «Граждане, — воскликнулъ Ламартинъ, — трехцвѣтное знамя обошло весь міръ съ нашими свободами и съ нашей славою, тогда какъ красное знамя обошло только Марсово поле, омоченное потоками крови народа. Вы его отвергнете вмѣстѣ со мною». Эти слова произвели какой-то волшебный переворотъ въ умахъ толпы. Напоминаніе о славныхъ подвигахъ революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ радикально измѣнило настроеніе слушателей и вызвало восторженные возгласы въ честь трехцвѣтнаго знамени. Сами рабочіе должны были присоединиться къ этой неожиданной манифестаціи. Красные флаги исчезли, и грозныя толпы демонстрантовъ разошлись.

Фрейсинэ съ товарищами исполнилъ еще нѣсколько серьезныхъ порученій Кремье, Луи-Блана и Ледрю-Роллена; онъ былъ разъ по дѣлу у Ламартина, когда тотъ былъ занятъ составленіемъ знаменитой циркулярной ноты къ представителямъ Франціи за границею. Ламартинъ объяснилъ ему важное значеніе этой ноты, изъ которой прочелъ ему одно краснорѣчивое мѣсто, и просилъ передать остальнымъ членамъ правительства, чтобы его не безпокоили, пока онъ не окончитъ работы. Однажды Луи-Бланъ поручилъ Фрейсинэ сопровождать въ провинцію комиссара, назначеннаго смѣнить префекта по рекомендаціи мѣстнаго комитета. Нѣкоторая возбужденность этого кандидата въ разговорахъ внушила Луи-Блану опасеніе насчетъ разумности его дѣйствій въ новой должности, и Фрейсинэ съ товарищемъ получили на всякій случай письменное полномочіе остановить исполненіе его распоряженій и даже принять необходимыя мѣры противъ него лично. Уже въ дорогѣ обнаружились явные признаки умственной ненормальности комиссара; онъ громко высказывалъ желаніе разстрѣлять враговъ республики и особенно бывшихъ чиновниковъ Луи-Филиппа. Къ моменту прибытія на мѣсто это состояніе его настолько обострилось, что молодые спутники его вынуждены были заблаговременно дать знать прокурору, который тотчасъ же задержалъ комиссара, какъ опаснаго помѣшаннаго. Луи-Бланъ и Флокопъ были чрезвычайно до-

вольны удачнымъ результатомъ поѣздки Фрейсинэ, ибо тѣмъ временемъ они узнали, что назначенный ими комиссаръ, будучи человѣкомъ вообще почтеннымъ и уважаемымъ, выпущенъ недавно изъ лечебницы для душевно-больныхъ, гдѣ его ошибочно признали выздоровѣвшимъ; политическія событія вновь разстроили его умъ, и его опять помѣстили въ домъ умалишенныхъ.

Въ концѣ марта, послѣ того какъ республика установилась, Фрейсинэ вернулся къ научнымъ занятіямъ въ политехнической школѣ, откуда перешелъ въ горное училище. Онъ съ интересомъ слѣдилъ за дальнѣйшими событіями, но уже не принималъ въ нихъ активнаго участія. Онъ вкратцѣ отмѣчаетъ роковыя ошибки тогдашнихъ республиканскихъ дѣятелей, подготовившія почву для успѣховъ осторожнаго и тактичнаго принца Луи-Наполеона. Фрейсинэ опровергаетъ легенду, будто государственный переворотъ 1851-го года былъ устроенъ главнымъ образомъ приближенными принца, Морни и Персиньи, и что самъ принцъ-президентъ относился къ ихъ приготовленіямъ болѣе или менѣе пассивно. Авторъ сохранилъ у себя документъ, доказывающій нѣчто другое: это—коротенькое письмо, написанное собственноручно Луи-Наполеономъ 1-го декабря 1851-го года и адресованное министру торговли, съ цѣлью извѣстить объ его смѣщеніи и о назначенномъ на завтра роспускѣ національнаго собранія. На конвертѣ адресъ написанъ также рукою принца, равно какъ и подчеркнутыя слова: «ему одному», «отъ президента республики» и «спѣшное». Почеркъ—твердый и ясный, безъ всякихъ слѣдовъ колебанія. По мнѣнію Фрейсинэ, человѣкъ, посылавшій въ такой день подобныя письма, былъ очевидно истиннымъ организаторомъ и руководителемъ переворота, и отвѣтственность за совершившееся лежитъ всецѣло на Луи-Наполеонѣ.

Во время имперіи Фрейсинэ, разочарованный въ людяхъ и учрежденіяхъ, пересталъ интересоваться политикою и углубился въ свою спеціальность горнаго инженера. Научно-практическія служебныя занятія дали ему случай основательно изучить технику желѣзнодорожнаго дѣла. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ получилъ видное мѣсто начальника эксплуатаціи южныхъ желѣзныхъ дорогъ. Во главѣ компаніи стояли тогда два замѣчательныхъ человѣка, изъ которыхъ особенно одинъ былъ выдающимся и даже геніальнымъ организаторомъ. «Благодаря пріобрѣтенному отъ нихъ опыту,—замѣчаетъ авторъ,—я могъ безъ большого страха принять на себя отвѣтственное положеніе, которое предложилъ мнѣ Гамбетта въ 1870-мъ году». Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Фрейсинэ получилъ отъ министерства публичныхъ работъ командировку въ Англію для изученія принятыхъ тамъ мѣръ по оздоровленію фабрикъ и промышленныхъ

центровъ. Составленные имъ обстоятельные отчеты и собранные имъ матеріалы по этимъ предметамъ были напечатаны въ 1869-мъ году въ двухъ томахъ. Въ Англіи онъ заинтересовался вопросомъ о децентрализаціи и самоуправленіи, примѣнительно къ французскимъ условіямъ; онъ предлагалъ министрамъ проекты административной реформы въ этомъ духѣ, обсуждалъ ихъ съ Эмилемъ Олливье и въ началѣ 1870-го года былъ назначенъ членомъ вновь организованной для подготовки даннаго вопроса комиссіи, состоявшей изъ наиболѣе извѣстныхъ дѣятелей того времени, подъ предсѣдательствомъ Одилона Барро.

Вскорѣ всѣ эти мирные преобразовательные планы рушились, и великолѣпный императорскій режимъ разлетѣлся, какъ карточный домикъ подъ грозными ударами военныхъ пораженій. Фрейсинэ тотчасъ рѣшилъ предложить свои услуги правительству народной обороны, въ качествѣ инженера. Онъ обратился къ Гамбеттѣ и былъ принятъ имъ послѣ предварительнаго разговора съ его секретаремъ Спюллеромъ. Гамбетта прямо назначилъ его префектомъ въ Монтобанъ, не смотря на его возраженія, и совѣтовалъ уѣхать въ тотъ же вечеръ. Случайно Фрейсинэ встрѣтилъ на улицѣ своего пріятеля, который, какъ оказалось, также собирался въ Монтобанъ на ту же должность префекта. Справились въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и недоразумѣніе разъяснилось: пріятель былъ назначенъ обычнымъ канцелярскимъ путемъ, а Фрейсинэ—непосредственно министромъ. Послѣднему способу дано было предпочтеніе, и Фрейсинэ отправился въ Монтобанъ, но вскорѣ, съ разрѣшенія министра переѣхалъ въ Туръ, чтобы участвовать въ комиссіи по вооруженіямъ. Роль его въ турской делегаціи входитъ уже въ исторію; она доставила ему громкое историческое имя. На первыхъ порахъ, во главѣ делегаціи стоялъ Кремье, совмѣщавшій въ себѣ всѣ министерскія функціи; въ началѣ октября онъ, какъ временный военный министръ, предложилъ Фрейсинэ функціи помощника или делегата по военному вѣдомству. Въ это время пришло поразившее всѣхъ извѣстіе о прибытіи Гамбетты изъ Парижа на воздушномъ шарѣ, и Кремье предоставилъ бремя военныхъ заботъ своему молодому и предпріимчивому коллегѣ. Гамбетта явился, снабженный чрезвычайными полномочіями, въ двойномъ званіи министра внутреннихъ дѣлъ и военнаго. Фрейсинэ отправился къ нему, и тотъ, безъ дальнихъ околичностей, выразилъ желаніе оставить его при себѣ въ качествѣ ближайшаго сотрудника и замѣстителя по военнымъ дѣламъ. Тутъ же составленъ былъ объ этомъ проектъ декрета для напечатанія въ оффиціальной газетѣ. Съ этимъ назначеніемъ опять случился анекдотъ: передъ тѣмъ должность министерскаго помощ-

ника или делегата въ военномъ вѣдомствѣ была замѣщена другимъ лицомъ, и хотя Гамбетта пытался разграничить функціи обоихъ, но долженъ былъ согласиться, что такая двойственность можетъ оказаться неудобною на практикѣ. Въ результатѣ было рѣшено, что останется одинъ Фрейсинэ, такъ какъ конкуррентъ его отрекся отъ своей кандидатуры, признавъ его болѣе компетентнымъ и болѣе полезнымъ для дѣла. Съ Гамбеттой установились сразу самыя довѣрчивыя и корректныя отношенія. Послѣ того какъ удалился со службы генералъ, занимавшій постъ генеральнаго секретаря военнаго министерства, Фрейсинэ сталъ настоящимъ фактическимъ главою военнаго вѣдомства при правительствѣ народной обороны. Подъ его ближайшимъ руководствомъ работали, между прочимъ, племянникъ его де-Сельвъ, впослѣдствіи неудачный министръ иностранныхъ дѣлъ, Сади-Карно, бывшій потомъ президентомъ республики, и извѣстный химикъ, депутатъ Накѐ.

Дальнѣйшее содержаніе книги касается уже фактовъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, освѣщая ихъ только новыми подробностями. Въ общемъ можно сказать, что въ обширной литературѣ мемуаровъ рѣдко попадаются сочиненія столь интересныя и содержательныя, какъ воспоминанія 82-лѣтняго Фрейсинэ.

Л. Слонимскій.

СТАТЬЯ 175 УСТАВА О ЦЕНЗУРѢ И ПЕЧАТИ.

Манифестъ 17-го октября 1905 г. между прочимъ предписывалъ правительству выполненіе непреклонной Высочайшей воли: даровать населенію дѣйствительную свободу слова. Казалось, для выполненія этой воли былъ путь одинъ—поставить крестъ надъ всѣми 320-ю статьями дѣйствовавшаго устава о цензурѣ и печати и издать новый законъ, построенный на провозглашенныхъ манифестомъ новыхъ началахъ. Рушились основанія, на которыхъ въ теченіе трехъ четвертей вѣка (съ 1823 года) воздвигались или, правильнѣе, нагромождались одна надъ другой причудливыя постройки устава о цензурѣ и печати. Принципы, которыми былъ проникнутъ этотъ уставъ, находились въ явномъ и коренномъ противорѣчіи съ провозглашеннымъ принципомъ свободы. Исключить этотъ уставъ изъ числа источниковъ дѣйствующаго права — вотъ единственное, что можно было

сдѣлать. Случилось совсѣмъ иное: были обнародованы двѣ новеллы: временныя правила 24 ноября 1905 г. о повременныхъ изданіяхъ и временныя правила 26 апрѣля 1906 г. для неповременной печати— и эти два новыхъ закона были механически вкраплены въ устарѣвшій цензурный уставъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какой чудовищный, съ точки зрѣнія юридической архитектоники, получился составленный такимъ образомъ кодексъ. Но наряду съ кодификаціонными несообразностями неправильно выбранный путь имѣлъ и другія послѣдствія. Среди статей стараго цензурнаго устава остались въ силѣ многія такія, которыя послѣ манифеста 17 октября несомнѣнно являются анахронизмомъ и по духу своему прямо противорѣчатъ реформамъ 1905—6 гг. Къ числу такихъ, вопреки ожиданію, уцѣлѣвшихъ статей цензурнаго устава принадлежитъ роковая 175-ая статья, такъ опостылѣвшая всѣмъ работникамъ по насажденію частныхъ библіотекъ. Это—рѣдко-совершенный образчикъ того типа законодательныхъ нормъ, которыя на мѣсто опредѣленнаго мѣрила допустимости ставятъ одно лишь безконтрольное усмотрѣніе. Послѣднее изданіе Устава о цен. и печ. воспроизводитъ ст. 175 въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была до 1905-го года. «Заводить книжные магазины, лавки, кабинеты для чтенія предоставляется частнымъ лицамъ, равно какъ и акціонернымъ компаніямъ или товариществамъ тѣмъ же порядкомъ, который опредѣленъ для открытія типографій, литографій и т. п. заведеній»—а этотъ порядокъ заключается въ томъ, что всякій, желающій завести подобное заведеніе, долженъ получить на то дозволеніе: отъ губернатора или равнаго ему должностного лица. Не надо никакихъ указаній на то, при какихъ условіяхъ администрація должна выдавать разрѣшеніе, при какихъ—отказывать; администраціи присвапвается въ этомъ случаѣ дискреціонная власть въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова. Практика доказала, что этой дискреціонною властью администрація пользуется очень широко. Намъ извѣстны губерніи, гдѣ изъ ста ходатайствъ объ открытіи библіотекъ, удовлетворялись, можетъ быть, два или три, безъ всякихъ указаній въ другихъ случаяхъ причинъ отказа. Никакихъ способовъ обжалованія такого образа дѣйствій не существуетъ.

Когда и при какихъ условіяхъ попала въ нашъ цензурный уставъ эта губительная статья? Историки цензуры совершенно не касаются этого вопроса; для выясненія его приходится обратиться къ первоисточникамъ. Какъ это ни странно, эта ультра-полицейская статья беретъ свое начало... отъ великихъ реформъ 60-хъ годовъ. Чтобы выяснить, какъ это случилось, надо нѣсколько остановиться на исторіи законодательной регламентаціи торговли книгами, такъ

какъ наше законодательство разсматриваетъ содержаніе библіотеки частнымъ лицомъ или частнымъ обществомъ какъ одинъ изъ видовъ книжной торговли [1]).

Въ цензурномъ уставѣ, какимъ онъ былъ до 1865 г., нѣтъ никакихъ спеціальныхъ правилъ, касающихся порядка открытія книжныхъ лавокъ; очевидно, не существовало никакихъ запретовъ для свободнаго открытія такой торговли. Этому на первый взглядъ какъ бы противорѣчитъ ст. 1318 Уложенія о наказаніяхъ 1845 г.; слѣдующаго содержанія: «За открытіе безъ дозволенія правительства книжной лавки и продажи въ оной хотя и позволенныхъ книгъ, виновный подвергается взысканію, опредѣленному ст. 1541-ой за торговлю безъ свидѣтельства». Это противорѣчіе, однако, только кажущееся. На самомъ дѣлѣ 1318-я статья, является совершенно лишней, такъ какъ она только повторяетъ то, что говорится уже въ уставѣ торговомъ о всякаго рода торговлѣ. Спеціальную оговорку относительно торговли книгами можно понимать только какъ проявленіе опасенія, какъ бы торговлю книгами не считали видомъ торговли, освобожденнымъ отъ выборки торговаго свидѣтельства. Дальше этого регламентація не шла. «Дозволеніе правительства», о которомъ говорится въ цитируемой статьѣ, есть, очевидно, не что иное, какъ то дозволеніе, о которомъ говорится въ ст. 187 закона 14 ноября 1824 г. объ устройствѣ гильдій и о торговлѣ прочихъ состояній: «никакія торговыя заведенія или лавки въ городѣ не могутъ существовать безъ дозволенія Думы и безъ взятія установленныхъ свидѣтельствъ и билетовъ на оныхъ». Такъ обстояло дѣло, когда приступила къ своимъ занятіямъ учрежденная 3 марта 1862 г. при министерствѣ народнаго просвѣщенія комиссія для пересмотра, измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія. Къ несчастію, комиссія эта сочла необходимымъ отсутствіе запрещенія замѣнить положительнымъ постановленіемъ о правѣ каждаго открывать книжную лавку или библіотеку. Въ выработанный ею проектъ устава о книгопечатаніи она внесла статью 64-ую, гласящую: «заводить въ городахъ книжныя лавки и кабинеты для чтенія предоставляется всѣмъ лицамъ безъ различія, также акціонернымъ компаніямъ и товариществамъ, взявшимъ, на основаніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ, узаконенныя гильдейскія свидѣтельства на право торговли», при чемъ вмѣнялось только въ обязанность (въ слѣдующей

[1]) Въ одномъ изъ многочисленныхъ проектовъ цензурнаго устава (комиссіи 1862 г.) имѣется даже особая статья (63-я), въ которой книжная торговля такъ и опредѣлялась: книжную торговлю составляютъ... продажа книгъ въ книжныхъ магазинахъ, или лавкахъ, и отпускъ книгъ на прокатъ изъ кабинетовъ или библіотекъ для чтенія.

статьѣ 65) заявлять, гдѣ будутъ находиться магазины и кабинеты, и кто будетъ считаться отвѣтственнымъ лицомъ. Въ мотивахъ къ проекту имѣются слѣдующія замѣчанія: «сюда включено только то, что можетъ дать дѣйствительныя средства наблюдать за произведеніями печати, прекращать во-время ея уклоненія отъ законнаго пути и преслѣдовать ея злоупотребленія; все же, не ведущее къ этой цѣли и могущее безъ всякой пользы лишь стѣснить типографскую или книгопродавческую дѣятельность, не нашло здѣсь мѣста. Стѣснительныя и ограничивающія мѣры справедливо употреблять только тамъ, гдѣ обнаружится дѣйствительное зло: но ни въ какомъ случаѣ онѣ не должны падать преждевременно всею тяжестью на такихъ лицъ, которыя не подали къ этому еще повода. Нарушеніе этого условія подорвало бы въ самомъ основаніи книгопродавческую и типографскую дѣятельность, вообще еще у насъ мало развитую... Для развитія нашей книжной торговли нужны: усиленіе издательской дѣятельности, облегченіе средствъ къ распространенію книгъ по всей Имперіи и возбужденіе большей любознательности черезъ распространеніе образованія въ массѣ народа... При отсутствіи разныхъ стѣснительныхъ условій, которыми сопровождаются... въ прусскомъ и особенно французскомъ законодательствѣ разрѣшенія на право книжной торговли, постановленныя здѣсь требованія комиссія находитъ удобоисполнимыми и не противорѣчащими существующимъ у насъ законамъ о книжной торговлѣ»...

Результаты благого намѣренія комиссіи замѣнить отсутствіе запрещеній положительнымъ признаніемъ явочнаго порядка открытія книжныхъ лавокъ и библіотекъ получились самые неожиданные. Выработанный комиссіей 1862 г. проектъ былъ подвергнутъ пересмотру въ новой комиссіи, учрежденной 14 января 1863 г. уже при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, «для ближайшаго соображенія проекта, предварительно внесенія въ Государственный Совѣтъ, съ видами и потребностями подлежащихъ вѣдомствъ». Когда вторая комиссія занялась обсужденіемъ тѣхъ параграфовъ первоначальнаго проекта, которые касаются книжной торговли, одинъ изъ ея девяти членовъ, коллежскій ассесоръ Фуксъ, остался при особомъ мнѣніи, изложенномъ имъ слѣдующимъ образомъ: «Если открытіе книжныхъ лавокъ и кабинетовъ для чтенія не требуетъ того ограниченія, которое установлено для устройства типографій и тому подобныхъ заведеній, а также для розничной продажи книгъ, то тѣмъ не менѣе это отсутствіе ограниченія не можетъ быть допущено безъ всякихъ изъятій. Основаніе отсутствія ограниченій открытія книжныхъ лавокъ и кабинетовъ для чтенія заключается не въ томъ, что эти заведенія не имѣютъ той же способности нарушать законы, какъ типографіи и литографіи, но въ

томъ, что у нихъ эта способность значительно умалена установленіемъ строгаго надзора за заведеніями, производящими товаръ, который обращается въ книжныхъ лавкахъ и кабинетахъ для чтенія, т. е. за типографіями, литографіями и редакціями повременныхъ изданій. При такомъ положеніи дѣла, спеціальный мѣстный полицейскій надзоръ за книжными лавками и кабинетами для чтенія, всегда имѣющими свой товаръ на лицо и, слѣдовательно, подъ легко доступнымъ контролемъ мѣстной власти, представляется вполнѣ достаточнымъ, но не вездѣ, а лишь только тамъ, гдѣ мѣстная власть имѣетъ возможность производить таковой надзоръ, т. е. въ столицахъ и губернскихъ городахъ, но не въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ. Посему представляется возможнымъ допустить отсутствіе ограниченія въ открытіи книжныхъ лавокъ и кабинетовъ для чтенія лишь въ столицахъ и губернскихъ городахъ; открытіе же въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ должно подлежать тому же порядку, какъ и открытіе типографій, литографій и т. п. заведеній. Такое ограниченіе касаясь мѣстностей, въ которыхъ лавокъ и кабинетовъ для чтенія почти не существуетъ, не можетъ быть особенно тяжело». Въ соотвѣтствіи съ этимъ г. Фуксъ предложилъ измѣнить редакцію ст. 64-й проекта [1]).

Итакъ, за явочный порядокъ стояли, и правительственная комиссія 1862 г., и большинство правительственной комиссіи 1863 г.; за концессіонный порядокъ—одинъ лишь коллежскій ассесоръ Фуксъ. Закономъ сдѣлалось, однако, особое мнѣніе одного. Почему-то проектъ, разсмотрѣнный въ двухъ комиссіяхъ, изъ которыхъ вторая была образована именно для «окончательной обработки проекта», пошелъ еще на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, и на обсужденіе Государственнаго Совѣта былъ внесенъ проектъ не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ комиссіи, а съ тѣми измѣненіями, которыя въ немъ угодно было сдѣлать министру. Въ числѣ этихъ измѣненій была и замѣна рѣшенія большинства особымъ мнѣніемъ одного члена. Любопытенъ и самый способъ, какимъ это особое мнѣніе было внесено въ законопроектъ. Мы ви-

1) Въ окончательномъ видѣ эта статья редактирована была Фуксомъ такъ: «Заводить въ столицахъ и губернскихъ городахъ книжныя лавки и кабинеты для чтенія предоставляется всѣмъ лицамъ безъ различія, а также акціонернымъ компаніямъ и товариществамъ, взявшимъ, на основаніи дѣйствующихъ нынѣ законовъ, узаконенное свидѣтельство на право торговли. Заводить же книжныя лавки и кабинеты для чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ предоставляется частнымъ лицамъ, акціонернымъ компаніямъ и товариществамъ тѣмъ же порядкомъ, который опредѣленъ въ пар. 43 и 44 сего устава для открытія типографій, литографій и тому подобныхъ заведеній».

дѣли, что г. Фуксъ требовалъ концессіоннаго порядка открытія книжныхъ магазиновъ и библіотекъ только для уѣздныхъ городовъ и селеній, признавая, что нѣтъ основаній цѣликомъ приравнивать ограниченія для открытія книжныхъ лавокъ къ ограниченіямъ, установленнымъ для устройства типографій. Министръ внутреннихъ дѣлъ, ссылаясь именно на эти соображенія Фукса, въ представленномъ имъ проектѣ излагаетъ интересующую насъ статью почти дословно въ томъ видѣ, въ какомъ она дѣйствуетъ нынѣ: «заводить книжныя лавки и кабинеты для чтенія предоставляется частнымъ лицамъ, акціонернымъ компаніямъ и товариществамъ тѣмъ же порядкомъ, который опредѣленъ для открытія типографій, литографій и тому подобныхъ заведеній». Здѣсь очевидно несоотвѣтствіе между содержаніемъ статьи закона и тѣми соображеніями, которыя приведены въ видѣ ея мотива. Въ Государственномъ Совѣтѣ, насколько можно судить по напечатаннымъ журналамъ, эта статья не вызвала ни съ чьей стороны, вниманія и въ обнародованныхъ 6 апрѣля 1865 г. новыхъ законахъ, вошедшихъ въ циклъ великихъ реформъ, оказалась статья не только не носившая характера реформы, но, наоборотъ, создавшая тяжелое стѣсненіе, ранѣе нашему законодательству не извѣстное.

Эта историческая справка, столь характерная для законодательной системы того времени, убѣждаетъ насъ, что нынѣ дѣйствующая ст. 175 Устава о цензурѣ и печати—весьма случайнаго и крайне сомнительнаго происхожденія. Новое ограниченіе, въ моментъ стремленія къ уничтоженію старыхъ; мнѣніе, отвергнутое тѣми, кому поручено было его обсуждать и однако перешедшее въ законъ; мѣра, изъ частичной (для селеній и уѣздныхъ городовъ) какимъ-то образомъ ставшая всеобщей—можетъ ли претендовать на долговѣчность законъ, появившійся на свѣтъ при столь ненормальныхъ условіяхъ?

Концессіонный порядокъ открытія библіотекъ признавался несоотвѣтствующимъ требованіямъ времени даже при первыхъ шагахъ, сдѣланныхъ на пути освобожденія печати. Главноуправляющій II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, статсъ-секретарь баронъ Корфъ, въ своемъ отзывѣ отъ 7 февраля 1864 г. по поводу проекта устава о печати говоритъ: «Заключеніе комиссіи (о достаточности простого заявленія) кажется мнѣ болѣе (чѣмъ особое мнѣніе Фукса) согласнымъ съ характеромъ настоящей переходной мѣры, (т. е. законопроектовъ 1865 г.), долженствующей быть ступенью къ устраненію всякихъ предупредительно-полицейскихъ ограниченій въ отношеніи печати и къ обузданію впредь злоупотребленій и излишествъ ея единственно силой карательнаго закона». Въ какой же степени не-

нормальнымъ надо признать этотъ порядокъ теперь, послѣ манифеста 17-го октября, который долженъ быть понимаемъ не только какъ слѣдующая «ступень къ устраненію всякихъ предупредительно-полицейскихъ ограниченій въ отношеніи печати», а какъ полная ликвидація этихъ ограниченій? Отмѣнена предварительная цензура, отмѣнено предварительное разрѣшеніе на изданіе газеты или журнала; чѣмъ, какъ не пережиткомъ, должны мы при такихъ условіяхъ считать законъ, по которому для открытія библіотеки все еще требуется предварительное разрѣшеніе губернатора?

Намъ кажется, что необходимо настаивать на отмѣнѣ 175-ой статьи. Открытіе книжной торговли и библіотеки должно быть предоставлено каждому частному лицу и каждому частному обществу. Спеціально библіотечныя общества должны открываться въ томъ же порядкѣ, какъ всякое другое просвѣтительное общество. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы замѣчаемъ самую разнообразную административную практику. Мы видимъ цѣлый рядъ библіотечныхъ уставовъ, зарегистрированныхъ въ порядкѣ закона 4 марта 1906 г., и въ то же время намъ попадались уставы такихъ библіотечныхъ обществъ, на которыхъ по старому значится «утверждаю» (губернаторъ такой). Въ одной губерніи представленный къ регистраціи уставъ общественной библіотеки былъ возвращенъ обратно на томъ основаніи, что «регистраціи по правиламъ 4 марта подлежатъ лишь общества указанныхъ въ этомъ законѣ категорій, а не уставы отдѣльныхъ учрежденій, на открытіе коихъ существуютъ особыя правила». Такая разнообразная практика находитъ объясненіе, между прочимъ, именно въ томъ, что ст. 175 исходитъ изъ совершенно другихъ правовыхъ условій, чѣмъ тѣ, которыя установились у насъ послѣ реформъ 1905—1906 гг. И это только лишній разъ доказываетъ, въ какой степени необходима скорѣйшая отмѣна этой статьи. Можно положительно утверждать, что если эта статья еще долго останется въ силѣ, наше библіотечное дѣло будетъ находиться въ такихъ стѣснительныхъ условіяхъ, при которыхъ невозможно ожидать умноженія количества библіотекъ, отвѣчающаго дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Не забудемъ, что и у насъ, и на Западѣ, библіотеки—одна изъ популярнѣйшихъ формъ частной иниціативы въ дѣлѣ просвѣщенія. Тормозить, въ этомъ отношеніи, частную иниціативу—значитъ тормозить культурную работу въ одной изъ самыхъ важныхъ ея функцій.

С. Каменецкій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Занесенные снѣгомъ хутора.—Отношеніе общинниковъ-крестьянъ къ хуторянамъ-малороссамъ.—Неудачи хуторянъ.—Крѣпкая ткань стараго общиннаго быта.—Тревога населенія передъ близящейся весной.—Путаница съ помощью для обсѣмененія полей.—Призракъ новой будущей голодовки.

Лихо мчалъ меня ямщикъ по снѣжнымъ полямъ Сызранскаго уѣзда. Поскрипывая, плавно катились санки по накатанной дорогѣ. Отфыркиваясь бѣлымъ паромъ, позвякивая бубенцами, бойко сѣменили мохнатыми ногами деревенскія лошаденки.

— Эй! Эй! Старайтесь!—ласковымъ теноркомъ покрикивалъ ямщикъ, съ небрежной прочностью сидѣвшій бокомъ на облучкѣ. На веревочной перевязи накинутъ былъ у него черезъ плечо длинный кнутъ, который извивающейся змѣей бѣжалъ позади санокъ. И, нагибаясь временами, ямщикъ ловко охлестывалъ вытянувшихся гусемъ лошадей, стараясь не столько причинить имъ боль, сколько подбодрить звонкимъ щелканьемъ въ воздухѣ.

И вдругъ санки остановились.

— Тпру! Стой!—озабоченно бормоталъ ямщикъ, сдерживая лошадей и вглядываясь куда-то въ сторону. Бѣлая, волнистая пелена уходила далеко вдаль, а на горизонтѣ темнѣлась полоска лѣса.

— Вотъ ужъ не знай,—нерѣшительно, какъ бы про себя говорилъ ямщикъ,—верстъ на семь тутъ ближе, прямикомъ-то. Не знай, проѣдемъ ли.

Онъ пытливо вглядывался въ бѣлое снѣжное поле.

— Слѣдокъ быдто есть,—подбадривалъ онъ самъ себя,—можа, проѣдемъ, а?—вопросительно повернулъ онъ ко мнѣ молодое, худое лицо въ желтой бородкѣ, запудренной морозомъ.

— А ужъ не знаю,—уклончиво отвѣчалъ я.

— Надо быть, проѣдемъ,—съ увѣренностью сказалъ онъ;—тамъ подальше хуторяне живутъ, на отрубахъ; проторили, чай, дорогу.

И, щелкая длиннымъ кнутомъ, онъ своротилъ лошадей съ наѣзженной дороги. Спотыкаясь, проваливаясь, лошаденки послушно побѣжали по снѣжному полю. Еле видный слѣдъ одинокихъ полозьевъ блѣдно вился передъ нами.

Долго ѣхали пустыннымъ полемъ. Добрались до пологихъ холмовъ, укрытыхъ темной щетиной малорослаго лѣса. Спустились въ

оврагъ и ѣхали долгое время между молчаливыми стѣнами неподвижнаго, завороженнаго морозомъ лѣса. Тишина. Не только не встрѣчается людей, но хоть бы звѣркоъ перебѣжалъ черезъ дорогу, хоть бы птица трепыхнулась въ вѣтвяхъ... Ни звука, ни шороха. Пустынная тишь. Проѣхали сквозь лѣсокъ, и снова снѣжная равнина, безъ конца во всѣ стороны, волнисто-однообразная, безлюдная, бездорожная. Чувствуешь оторванность этого края, и начинаетъ казаться, что давно уже ѣдешь мертвенными мѣстами, безконечно далеко отъ гула и плеска городской жизни... И когда ямщикъ внезапно говоритъ, указывая кнутовищемъ: «А вотъ и хуторяне!..»— и когда, взглянувъ въ сторону, видишь на снѣжной пустынѣ, тамъ и сямъ, на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, темныя пятна какихъ-то крохотныхъ строеній, занесенныхъ по самую крышу сугробами снѣга,—невольная жалость щиплетъ сердце. «Какихъ горемычныхъ и откуда, — думаешь, — выбросила судьба въ такую глушь?»

— Хохлы живутъ,—поясняетъ ямщикъ и сострадательно качаетъ головой.

Оба мы молча смотримъ на избушки, затонувшія въ снѣгу.

Одна, другая, третья... Разбросаны на полверсты одна отъ другой. Около каждой темнѣютъ изъ-подъ снѣга уголки крышъ хлѣвушковъ или овиновъ. Но не видно ни изгородей, ни дорогъ, не видно ни людей, ни скота. Выморочная тишина.

— Ну, ужъ! Не дай Богъ! — крякаетъ ямщикъ, — пригнали, разселили, живи какъ знаешь!..

Въ голосѣ его звучитъ и сочувствіе хохламъ, и неодобреніе кому-то.

— Плохо развѣ живутъ?

— Чего ужъ! Воды нѣтъ, выгона нѣтъ. Корову на колышкѣ держатъ. Привяжетъ на веревку и пасетъ. А самъ карауль. Чего ужъ. Куръ завести боятся: кабы къ шабру не забѣжала. Рази ужъ это жисть? Колотятся страсть.

И, подумавъ, неодобрительно, какъ бы про себя, добавилъ:

— Корову паси, за овцой гляди, а работать некогда.

Видимо, въ немъ, какъ въ общинникѣ, привыкшемъ жить въ тѣсной деревенской улицѣ бокъ-о-бокъ съ сосѣдями, привыкшемъ къ голосистымъ сходкамъ, къ общему пользованію выгономъ, привыкшемъ вообще жить «въ міру»,—въ немъ поднималось недоумѣніе и раздраженіе при видѣ этихъ странныхъ, одинокихъ, разбросанныхъ, оголенныхъ поселковъ.

Обернувшись, мы снова смотримъ на остающіеся позади хутора. И, дѣйствительно, печалью, заброшенностью вѣетъ отъ нихъ.

Идеализаторы хуторовъ представляютъ ихъ себѣ въ лѣтнемъ видѣ: веселая зелень вокругъ, ширь, солнце, садочки. И конечно, украинскіе хуторки, съ вишневыми садами, огородами, кудрявыми рощицами деревьемъ—милое и утѣшительное зрѣлище. Но каково тѣмъ же малороссамъ, выброшеннымъ вотъ сюда, на голую равнину, каково имъ въ долгія зимы вдали отъ селъ и городовъ, среди вьюгъ, морозовъ, снѣговъ?..

Съ невольной тяжестью на душѣ ѣдешь дальше; длинной, безконечной кажется безлюдная, снѣжная равнина. Но вотъ вдали изъза холмовъ выплываетъ село съ длинными рядами улицъ, съ высокой, стройной церковью посреди. И чувствуешь, что ямщикъ встряхнулся, повеселѣлъ, защелкалъ кнутомъ; лошади бойчѣе зазвенѣли бубенцами. Чувствуешь смутное довольство ямщика и невольно раздѣляешь его. Да, когда-нибудь, можетъ быть, хутора заживутъ хорошо, но сейчасъ отъ ихъ жуткаго одиночества отрадно подъѣзжать къ большому селу съ привычной, налаженной жизнью. Старый бытъ, — хоть онъ и порасшатанный, вѣковѣчно-бѣдный, а теперь даже и обнищалый,—но еще много въ немъ прочности и тепла. Не даромъ же съ безсознательнымъ довольствомъ крякаетъ ямщикъ при видѣ села и зачѣмъ-то все подгоняетъ и подгоняетъ лошадей!..

Мнѣ жаль было, что моя главная задача (объѣздъ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей) не позволяла мнѣ заняться обслѣдованіемъ на мѣстѣ быта хуторянъ. Это было заманчиво и увлекательно, но, конечно, въ этомъ заключалась новая, отдѣльная и большая задача, а смотрѣть два-три случайныхъ хуторскихъ хозяйства мнѣ не хотѣлось, такъ какъ это могло толкнуть на поверхностные, односторонніе выводы. Пришлось осуществить лишь маленькую часть этой задачи: во всѣхъ селахъ я подробно разспрашивалъ о жизни новообразованныхъ хуторянъ, и такимъ образомъ, съ одной стороны, косвенно выяснялся ихъ бытъ, а съ другой—довольно полно обрисовывалось отношеніе къ хуторянамъ со стороны крестьянъ, живущихъ въ условіяхъ стараго общиннаго строя.

Въ с. Реньевкѣ, когда я бесѣдовалъ съ крестьянами, съ фельдшеромъ, съ писаремъ и со старостой, разговоръ естественнымъ образомъ перешелъ на хуторянъ.

— Раньше много засѣвали,—разсказывалъ писарь,—а теперь хохлы выжали. На отруба пріѣхали—изъ Черниговской, Полтавской, Кіевской, изъ Херсонской губерніи. Да эстонцы еще. Заняли бывшую помѣщичью землю. Раньше мы ее арендовали, у помѣщиковъ изъ полу брали. Хохлы заняли. До 300 семействъ ихъ, хохловъ, пришло.

— Портятъ только землю,—сумрачно сказалъ староста.—Пріѣхали эти хохлы... Работать не умѣютъ. Въ прошломъ году подсѣвали мы хлѣбъ рѣшетомъ. «Какъ ловко вы это дѣлаете!»—говорятъ.—А вы какъ же?—«А мы съ лопаты на лопату». По вѣтру, значитъ, добро пущаютъ!

— Давно они здѣсь?

— Которы два года, которы годъ, которы только что. Которы уѣзжаютъ назадъ—не понравилось.

Помолчавъ, староста смѣнилъ сумрачный, недоброжелательный тонъ на болѣе мягкій, жалѣющій:

— Участки плохіе достались, безводные, воды не добьются. Колодцы, а зимой совсѣмъ вода пропадаетъ. Снѣгъ таяли. Хуже здѣшнихъ живутъ. Рази разживутся, Богъ дастъ. Не знай, не знай. Не уродилось вотъ: топить нечѣмъ [1]).

— Хохлы—мелкаго скота у нихъ нѣтъ,—такимъ же сожалительнымъ тономъ разсказывалъ другой крестьянинъ.—Коровенки есть—на привязкѣ. Съѣстъ на одномъ мѣстѣ, перебиваютъ колышекъ на другое мѣсто. Бѣда.

— Мелкаго скота не будутъ разводить,—подтвердилъ писарь;—негдѣ. Со свиньями они интересно управляются: выроетъ яму и спуститъ ее на веревкѣ, корму даетъ, потомъ, ежели колоть, вытаскиваетъ.

— Можетъ быть,—сказалъ я,—это для того, чтобы жирѣли лучше?

— Не изъ-за этого, а помѣщенья нѣтъ. Выпустить—она зайдетъ куда-нибудь, штрафъ надо платить.

— Можа, изъ-за того неважно живутъ,—задумчиво сказалъ староста,—въ плохомъ году пріѣхали. Только еще обстраиваются, привыкаютъ. Строятся хорошо, огнеупорныя все постройки, крыши желѣзныя. Помогаютъ имъ,—сдержанно прибавилъ онъ,—ссуды выдаютъ по 200, по 300 рублей.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ, мѣшая сочувствіе съ насмѣшкой, снова ищутъ причинъ неудачной жизни хохловъ-хуторянъ на новой землѣ.

— Должно быть, у хохловъ-то грунты тамъ другіе. Тамъ рыхлые, а здѣсь грунты крѣпкіе. У нихъ вонъ одинъ за узду ведетъ, одинъ погоняетъ, одинъ плугъ держитъ—трое. А у насъ все дѣло одинъ дѣлаетъ. Сами говорятъ, что земля другая: у нихъ рыхлая, пухлая, у насъ суглинокъ. Привыкать имъ надо.

---

[1]) Въ здѣшнихъ мѣстахъ лѣса мало, поэтому печи топятъ соломой, а также дѣлаютъ изъ навоза кизяки.

— Ну, а какъ здѣшніе крестьяне, — поинтересовался я, — не ссорятся съ хуторянами?

— Нѣтъ, чего же,—спокойно сказалъ староста,—ссоръ не было.

— Они сердитѣе, конечно, здѣшнихъ, хохлы-то, — улыбаясь, произнесъ писарь, — по взгляду, по характеру видѣть можно. Недавно хохолъ съ эстонцемъ разругались. Тотъ скотину, что ли, прогналъ черезъ его участокъ, а хохолъ ему вдогонку выстрѣлилъ. Ранилъ, кажись, немного, въ пятки угодилъ. Одинъ изъ Репьевки тоже недавно хохлу заѣхалъ по физіономіи. Разругались изъ-за земли. «Нашу, говоритъ, землю заграбастали». Ударилъ его на дворѣ у ликвидатора.

А потомъ собесѣдники стали припоминать факты мирнаго характера:

— Роднятся все-таки съ нашими: выдаютъ замужъ, берутъ у русскихъ.

Они называли имена и улыбались съ лукавымъ добродушіемъ. Въ общемъ чувствовалось у нихъ спутанное отношеніе къ хохламъ. Они наблюдали ихъ пока съ недоумѣніемъ и сомнѣніемъ. Но не чувствовалось и особой вражды. Даже наоборотъ: неудачи хохловъ вызывали въ русскомъ населеніи сожалѣніе и сочувствіе. Общая и понятная бѣда, въ родѣ неурожая прошлаго года, вызывала не разъединеніе, а сближеніе. Не вполнѣ отрицательно относятся здѣшніе крестьяне и къ хуторскимъ опытамъ. Они, отрицая пользу хуторовъ, все же присматриваются, ждутъ, вдумываются. Нѣкоторые недостатки общиннаго хозяйства для нихъ самихъ явны. Они говорятъ, напримѣръ:

— Надо бы, конечно, удобрять землю. Ну, у насъ не удобряютъ. Дѣлятъ землю: нынче удобрилъ, а завтра другой попользуется. Потомъ въ мелкихъ полосахъ она.

Но, если спросишь: «Отчего же на отруба не выходятъ у васъ?» Отвѣчаютъ подробно и доказательно:

— Земля не ровна, не уровнять ее никакъ. Нельзя выдѣляться. Тоже безводность. Тоже еще насчетъ выгона: корова на привязкѣ, овца на привязкѣ—неудобно.

Перечисляютъ мелкія и крупныя неудобства хуторского хозяйства, качаютъ въ сомнѣніи головой и съ рѣшительностью говорятъ:

— Никто не выселился изъ здѣшнихъ мужиковъ. Не сподручно. Въ деревнѣ Озаровкѣ двое выдѣлились,—ну, они землепашествомъ не занимаются: продали. Вотъ этотъ, какъ его, Микита выдѣлился: онъ сроду не занимался. Продалъ. Въ Обуховкѣ домовъ во-

семь отрѣзались. Тоже не занимаются. Живутъ въ городѣ. По настоящему выселяться—никто не выселялся.

И не столько изъ этихъ доказательствъ, сколько изъ упрямаго выраженія лицъ говорившихъ крестьянъ-общинниковъ видно было, съ какимъ упорствомъ пятятся они отъ подносимой имъ хуторской реформы. Привычка ли такъ властна надъ ними, или въ старомъ укладѣ много еще здоровыхъ устоевъ, но знаменательна стойкость, съ которой все мѣстное крестьянское населеніе поголовно и единодушно держится за общинное хозяйство.

Въ селѣ Канадеѣ пришли ко мнѣ на взъѣзжую квартиру нѣсколько крестьянъ, и мы за самоваромъ пробесѣдовали весь вечеръ. И тутъ разговоръ самъ собою коснулся хуторянъ-хохловъ.

— Плохо, плохо,—говорилъ объ урожаѣ старикъ-крестьянинъ, бывшій солдатъ, а теперь предсѣдатель волостного суда, человѣкъ, видимо, бывалый, разговорчивый и въ селѣ уважаемый,—плохо. Только просо немножко на мочежинныхъ [1]) мѣстахъ, а то—начисто, ничего не собрали. Ну, отчасти тоже и по своей глупости. Въ землѣ нехватка, а шихобаловскій участокъ мимо рукъ пропустили. Снимали его, а теперь—хохлы, четыре хутора. Крестьянскій банкъ ихъ поселяетъ.

— А мы на тридцаткѣ сидимъ,—подтвердилъ другой крестьянинъ-старикъ,—да только слава: саженъ пятнадцать въ полѣ-то, не болѣ.

— То-то и оно!—вразумительно сказалъ первый старикъ. И онъ длинно и образно разсказалъ запутанную исторію о шихобаловскомъ участкѣ, который онъ, будучи старостой, всячески предлагалъ крестьянамъ поскорѣе купить. Но его не послушались, заподозрили даже въ подкупѣ и дождались того, что «проморгали» участокъ: его отвели пришлымъ хохламъ. Потомъ заговорили о хуторянахъ.

— Второй годъ у насъ хохлы,—разсказывалъ говорливый старикъ.—Незавидно живутъ. Угодили не къ годамъ: неурожай постигъ. Къ землѣ нашей непривычны. Мы знаемъ въ своемъ полѣ, гдѣ что сѣять. Въ Золотой Маръ не поѣдешь вонъ сѣять пшеницу.

— А хуторянъ разселяютъ для примѣра крестьянамъ,—сказалъ я.—Надѣются, что у нихъ хозяйство лучше пойдетъ.

— Думаю, что едва,—сдержанно сказалъ старикъ.—Можетъ быть и ошибаюсь, но по моему мнѣнію, думаю: едва. Какой онъ житель? И скотина, и бѣлье помыть—гдѣ вода? Только что буреные колодцы. Поживутъ, поживутъ—другое мѣсто будутъ искать. Не устоять. И земля не вытерпитъ, если два-три года хохлы кряду бу-

1) Мочежинныхъ—мокрыхъ.

дутъ сѣять. Лежала она лѣтъ пять степью—на нашей памяти. Не вытернитъ.

— Всѣ по міру пойдутъ,—съ убѣжденіемъ сказалъ другой старикъ.

— Какіе это хуторяне,—продолжалъ первый старикъ.—400, 500 десятинъ—вотъ это хуторянинъ. А на 12-ти десятинахъ—куда? Чего тутъ сдѣлаешь? Пастуха нельзя нанять. Не знай, не знай.

— Онъ яровое, я озимое, а рядомъ: какъ онъ будетъ скотину пускать?—горячо поддержалъ другой старикъ.

— Ссуду имъ большую дали, а то разбѣжались бы давно,—презрительно сказалъ молодой крестьянинъ съ темнорусой бородкой и ясными, карими глазами.

— И разбѣгутся еще,—поддакнули два-три голоса.

— Грунту не знаютъ,—говорили дальше, разгораясь нѣкоторымъ злорадствомъ при перечисленіи неудачъ хуторянъ.—Пшеница и не взошла. Потому что она высохла, а земля легкая!

— Спервоначалу, какъ пріѣхали они,—доброжелательно сказалъ старикъ-солдатъ,—я еще позавидовалъ: говорятъ вѣжливо, учливо, одежка чистенькая. Вотъ, думаю, супротивъ нашихъ-то! Ну, нѣтъ, не пошло дѣло. Теперь ужъ и одеженкой пообносились. Пошли всякія ссоры, свары. Въ судъ безперечь подаютъ одинъ на одного. Изо всякой пустяковины: у того курица забѣжала, у другого теленокъ пучекъ травы съѣлъ. Ругаются, судятся. Конечно, бѣдность. Какъ говорится въ крестьянской пословицѣ: «Гдѣ корму много, тамъ и скотина не пыряется». Такъ и они. Шутъ ихъ знаетъ: замучили своими дѣлами въ волостномъ судѣ.

— Вотъ они раскрашиваютъ въ книжкахъ,—саркастически заговорилъ одинъ изъ молодыхъ крестьянъ, имѣя въ виду, очевидно, тѣ брошюрки, въ которыхъ восхваляется хуторское хозяйство,—и мы эдакъ-то раскрасимъ! Тамъ у нихъ и арбузы, и картошка, и все, что хошь. Этакъ-то ежели бы—всѣ пошли, жители бы были. А чего сдѣлаешь на двухъ десятинахъ? Выдѣляйся—не выдѣляйся. Вырѣжь у насъ вонъ ихъ. Только домъ выстроишь, а сѣять-то погоди, не на чемъ.

— Мы знаемъ свои-то мѣста, вырѣжь-ка ихъ!

— Вырѣзаютъ только такіе, которые не занимаются земледѣліемъ. Ни одинъ такой, который при землѣ, не вырѣзалъ.

— Мы скотинкой ихъ сожмемъ,—съ неожиданной воинственностью воскликнулъ молодой крестьянинъ,—пусть-ка на выселки выселяются!

— Вырѣзалъ вонъ одинъ пьянчужка душу, продалъ за 50 рублей. Семейство безо всего. Дѣти на птичьихъ правахъ.

Въ такихъ тонахъ шелъ весь вечеръ разговоръ о хуторянахъ и хуторскомъ хозяйствѣ. Недовѣріе, насмѣшки, раздраженіе чередовались съ недоумѣньемъ и жалостью надъ участью пришельцевъ-малороссовъ, переживающихъ на чужой сторонѣ невеселые дни.

Широкихъ, большихъ выводовъ, разумѣется, изъ этихъ впечатлѣній не слѣдуетъ дѣлать. Но все же ясно, что, съ одной стороны, хуторской реформѣ не легко проникать въ жизнь, и что, съ другой стороны, ткань стараго быта съ общиннымъ хозяйствомъ, если не вездѣ, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, еще крѣпка и неподатлива.

Хотя стояли крѣпкіе, морозные дни, когда объѣзжалъ я уголъ Симбирской губерніи, но среди дня иной разъ солнце свѣтило съ такой яркостью, что напоминало уже о близости весны. Это ли обстоятельство будило въ населеніи особую, смутную тревогу, или мѣста, по которымъ я здѣсь проѣхалъ, не были захвачены острой голодовкой, но крестьяне съ особеннымъ волненіемъ говорили не о продовольствіи, а о предстоящемъ засѣвѣ полей.

— Что же, неужли не будутъ выдавать на обсѣмененіе?— спрашивали меня въ каждомъ селѣ, и глаза смотрѣли съ испугомъ, съ тревогой.

Много смущенья вноспла въ населеніе и та путаница, которая завязалась въ земствахъ отъ общественныхъ работъ. Наиболѣе толковыхъ людей въ селахъ пугали универсальныя надежды, которыя возлагались правительствомъ на общественныя работы.

— Неужели они будутъ осуществлять до конца свою выдумку?— говорили и спрашивали интеллигентные обыватели деревни.—Они надумали такъ: на обсѣмененье не выдавать сѣменами, а пусть, дескать, крестьяне заработаютъ на общественныхъ работахъ, и заработокъ пойдетъ у нихъ на обсѣмененье. Понимаете, какая нелѣпость! Во-первыхъ, весна уже близко, пора думать о посѣвахъ, о закупкѣ зерна, а общественныхъ работъ еще не возобновили. Во-вторыхъ, ежели заработанныя деньги будутъ задерживать, какъ же крестьяне станутъ существовать, чѣмъ кормиться? А если деньги будутъ имъ выдавать, то, конечно, они ихъ пропьютъ. Въ третьихъ, крестьянамъ нужно думать о пашнѣ и готовиться къ ней, а ихъ начнутъ весной выгонять на работы. Какъ ни поверни, несуразно. Конечно, самое благоразумное—закупить поскорѣе сѣмена и раздать ихъ населенію. Но страхъ беретъ, что и это поздно спохватятся дѣлать. Было ужъ у насъ такъ: выдавали сѣмена въ апрѣлѣ, когда и пашня, и сѣвъ были пропущены.

А на мѣстахъ ярко и болѣзненно чувствуютъ, какая новая ужасная бѣда можетъ произойти отъ всѣхъ этихъ промаховъ. Го-

лодная зима вымела изъ деревень всѣ запасы зерна, повалила или ослабила скотъ. Поля во многихъ деревняхъ могутъ оказаться пустыми или дурно и не во время засѣянными, если не придетъ энергичная, умѣлая и своевременная помощь со стороны земства и правительства. И, слѣдовательно, впереди черный призракъ новой голодовки, болѣе, можетъ быть, ужасной, такъ какъ населеніе подвергнется ей, уже ослабленное нынѣшней голодовкой.

И вотъ, солнце сіяло, предвѣщая близкую весну, а крестьяне со страхомъ всматривались въ смутную мглу будущаго. Что-то будетъ, что-то будетъ...

И. Жилкинъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Литературное наслѣдіе Л. Н. Толстого кажется неисчерпаемымъ. Послѣ третьяго тома Чертковскаго изданія съ превосходной повѣстью «Хаджи-Муратъ», въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Богатства» появились отрывки начатыхъ Толстымъ «Посмертныхъ записокъ старца Ѳедора Кузьмича», а въ недалекомъ будущемъ мы получимъ дневники великаго писателя за послѣдніе годы его жизни. Кромѣ того огромный матеріалъ, намъ пока совершенно невѣдомый, хранится въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ и ждетъ того момента, когда настанетъ всѣмъ міромъ съ нетерпѣніемъ ожидаемый конецъ прискорбнѣйшей розни, раздирающей семейство покойнаго писателя. Да смягчитъ Небо сердца враждующихъ, и да не становятся они между словомъ почившаго генія и міромъ, къ которому это слово было обращено. Не довольно ли уже и того, не чрезмѣрно ли и не ужасно ли уже и то, что между Толстымъ и его соотечественниками стала безсмысленная, ни передъ чѣмъ благоговѣйно не разступающаяся стѣна чиновничьяго страха передъ словомъ? Не оскорбленіе ли это всему русскому народу, что русскій человѣкъ долженъ уѣхать за рубежъ Россіи, чтобы даже художественныя произведенія своего роднаго писателя, своей гордости и славы, прочесть въ томъ видѣ, въ какомъ они были созданы? Вѣдь въ Россіи «Хаджи-Мурата» можно было издать, только вырѣзавъ цѣлыя страницы,—и какія страницы!—а за напечатаніе «Посмертныхъ записокъ старца Ѳедора Кузьмича», хотя тоже съ купюрами, руково-

дитель «Русскаго Богатства», одинъ изъ самыхъ благородныхъ, чистыхъ и уважаемыхъ представителей русской литературы и русской совѣсти, Владиміръ Галактіоновичъ Короленко, привлекается на скамью подсудимыхъ и рискуетъ новымъ изгнаніемъ въ сибирскую тайгу или заключеніемъ въ смрадный каменный мѣшокъ. Но развѣ тѣ, кто посягаетъ на Льва Толстого, поймутъ что передъ именемъ Короленка съ почтеніемъ обнажаетъ голову всякій, въ комъ еще не потухло окончательно уваженіе къ человѣку и человѣчности?

Вырѣзки въ «Хаджи-Муратѣ» существеннымъ образомъ нарушаютъ архитектуру повѣсти, какъ идейную, такъ и художественную. Въ сжатой формѣ Толстой уложилъ тутъ огромную концепцію, по широтѣ захвата напоминающую «Войну и Миръ». Развертывается картина, обнимающая два міра во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Отъ хаты крѣпостного мужика, черезъ бытъ заброшенныхъ на Кавказъ солдатъ и офицеровъ, мы поднимаемся въ чертоги свѣтлѣйшаго намѣстника и наконецъ въ Зимній дворецъ,—и съ такой же всесторонней полнотой входимъ въ жизнь горцевъ. Немногими, но выразительными и точными мазками даны десятки фигуръ во всей ихъ индивидуальной неповторяемости и содержательности, явлены скрытые рычаги ихъ повседневной жизни и ослѣпительные просвѣты въ вѣчную стихію высшей правды. Идетъ историческая, безпощадная борьба горцевъ и русскихъ, но не она плѣняетъ и вдохновляетъ автора. Онъ совлекаетъ съ нея привычной рукой всѣ традиціонные героическіе покровы, обнажаетъ ея ненужность и жестокость и вперяетъ взоръ въ правду индивидуальныхъ переживаній, такихъ простыхъ и незамѣтныхъ для обычнаго взгляда, такихъ огромныхъ и многозначительныхъ подъ пристальнымъ взоромъ мудраго наблюдателя. Все это мы наблюдали въ прежнихъ картинахъ, возсозданныхъ Толстымъ на фонѣ кавказскихъ войнъ и Наполеоновской эпопеи. Только теперь это все стало у Толстого болѣе сконцентрированнымъ и потому болѣе выпуклымъ въ смыслѣ художественномъ, болѣе прямолинейнымъ и суровымъ въ смыслѣ идейномъ. Если прежде онъ, влюбленный въ простоту, правдивость и яркость жизни, протекающей близко къ природѣ, рѣдко находилъ нѣчто правдивое и цѣнное въ такъ называемой культурной средѣ, но все-таки находилъ, то теперь прогрессія развивается у него съ непреклонной, нетерпящей колебаній или изъятій правильностью: чѣмъ дальше отъ первобытности и природы, чѣмъ больше «культурности», достатка и власти, тѣмъ меньше правды, тѣмъ ничтожнѣе жизнь, тѣмъ безнадежнѣе паденіе души человѣческой. И вотъ, со всего этого построенія цензурныя соображенія безапелляціонно срываютъ вершину, куполъ, ни мало не считаясь съ тѣмъ, сколь необходимо

съ художественной точки зрѣнія имѣть, въ параллель съ Шамилемъ въ Гунибѣ, Николая Павловича въ Петербургѣ.

Меня мало интересуетъ въ данный моментъ историческая и соціальная достовѣрность приговоровъ Толстого. Конечно, Наполеонъ Сореля совсѣмъ не тотъ, что Наполеонъ «Войны и Мира». Можно даже согласиться, что художественное воплощеніе того типа, которымъ былъ историческій Наполеонъ, представляло бы огромный интересъ и имѣло бы великое значеніе. Но это нисколько не умаляетъ *художественной* значительности и психологической правдивости лица, созданнаго Толстымъ. Это не Наполеонъ, но это яркій, внутренно цѣльный, законченный типъ человѣческой природы. Пусть и Раскольниковъ столь же неправильно мыслилъ о Наполеонѣ, но это не помѣшало ему поставить вопросъ міровой важности. Съ этой точки зрѣнія фигуры, созданныя Толстымъ въ «Хаджи-Муратѣ», и законны, и правдивы, и значительны. Полная и спокойная оцѣнка этого произведенія, конечно, впереди. Но и теперь уже съ увѣренностью можно сказать, что не обманчивъ восторгъ, вызываемый по крайней мѣрѣ нѣкоторыми страницами повѣсти. Смерть подстрѣленнаго въ бою солдатика, все, что связано съ нимъ въ деревнѣ, послѣдній бой Хаджи-Мурата (какъ онъ напоминаетъ эпизодъ въ концѣ «Казаковъ»!) и многое другое — плоды необычайнаго, чарующаго мастерства. И можетъ быть еще прекраснѣе та рамка, въ которую вставлена вся повѣсть: Толстой, идущій по полю съ охапкой цвѣтовъ на рукахъ—и упрямый, дорого продающій свою жизнь репейникъ. Тутъ глубочайшій, истинный символизмъ, тутъ непосредственное, молитвенное созерцаніе стихіи, такой невыразимой и такой внятной для души.

«Посмертныя записки Ѳедора Кузьмича», котораго Толстой, вѣря весьма распространенной и живучей легендѣ, отожествилъ съ императоромъ Александромъ I, я бы затруднился отнести къ удачнымъ опытамъ Толстого и охотно вѣрю искренности его замѣтокъ въ дневникахъ. Начавъ эту работу въ концѣ 1905-го года, Толстой двукратно записалъ, что она движется у него «плохо, неохотно», и затѣмъ, оставивъ этотъ сюжетъ, больше къ нему уже не возвращался. Не трудно, кажется, понять, отчего такъ случилось: легенда заинтересовала Толстого, но, принявшись за ея обработку, онъ увидѣлъ, что, въ сущности, только повторяетъ то, что уже вылилось у него въ повѣсти объ о. Сергіи. Не то тутъ было важно, что Толстой отошелъ отъ легенды или отъ исторической правды, а то, что онъ сталъ сбиваться на повтореніе, на схему, которая еще только создавалась и, слѣдовательно, жила для него, когда онъ писалъ Сергія, и стала уже мертвой, когда онъ принялся за Ѳедора Кузьмича. Не-

погрѣшительный художественный инстинктъ подсказалъ великому мастеру, что на мертвомъ каркасѣ не вырастаетъ живыхъ эстетическихъ цѣнностей,—и онъ бросилъ работу въ самой зачаточной стадіи.

Изъ огромной массы того, что написано за послѣднее время о Толстомъ, выдѣляется изданный московской фирмой «Путь» сборникъ статей, «О религіи Льва Толстого». Тутъ напечатаны статьи С. Н. Булгакова, кн. Евг. Трубецкого, Андрея Бѣлаго, Бердяева и другихъ. Особенно интереснымъ представляется мнѣ то, что написалъ Андрей Бѣлый. На нѣсколькихъ страницахъ дано оригинальное и волнующее пониманіе Толстого и какъ художника, и и какъ религіознаго мыслителя, и какъ человѣка. Бѣлый категорически отрицаетъ возможность отдѣлить въ Толстомъ геніальнаго художника отъ проповѣдника. Толстой—единъ; онъ всю жизнь стремился къ выполненію одной и той же задачи и мучился отъ невозможности ее выполнить. Ему надо было познать и выразить то громадное содержаніе, которое жило въ его душѣ, отрицало весь міръ, какимъ онъ сложился, и требовало властно иного міра, иной жизни, болѣе согласованной съ абсолютной правдой, неисторжимо живущей въ глубинахъ нашего духа, нашей совѣсти. Но именно по громадности своей это содержаніе не могло найти техническихъ средствъ выраженія. Несмотря на исключительную мощь дарованія Толстого, какъ художника, онъ не могъ въ художественной формѣ высказаться весь до конца. Съ геніальной широтой, съ безподобнымъ совершенствомъ всѣхъ частностей ставитъ онъ задачу хотя бы въ «Войнѣ и Мирѣ». «Всѣ разнообразные ручьи толстовскаго творчества текутъ здѣсь къ одному пункту: все здѣсь—*одно къ одному*; и вы ждете пересѣченія многообразія средствъ въ единой конечной цѣли. И вдругъ конечная цѣль самочинно врывается въ геніальный романъ въ видѣ нарочитой статьи о войнѣ... Нравоучительныя разсужденія—какъ бы они ни были глубоки, они—не искусство... А ручьи-средства, души героевъ, неожиданно отъ всѣхъ скрываются... Неужели боренія духа Пьера Безухова, мысли о террористическомъ актѣ надъ Наполеономъ, плѣненіе, опрощеніе—все это свелось къ тому, чтобы Пьеръ нашелъ покой и разрѣшеніе всѣхъ смятеній подъ башмакомъ у своей жены, нѣкогда одухотворенной Наташи, а потомъ огрубѣвшей и потолстѣвшей Натальи Ильиничны? Неужели задача Толстого заключалась въ томъ, чтобы великія человѣческія страсти завершались мѣщанскимъ успокоеніемъ? И судьба всѣхъ Безухихъ—байбачество, и судьба всѣхъ Наташъ—отправленіе органически животныхъ функцій: соединенія, размноженія, питанія? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ: великій тайновидецъ

души человѣческой замолчалъ тутъ передъ собой, замолчалъ отъ неумѣнія высказаться, а не отъ того, что высказался до конца». Эта невозможность высказаться до конца въ художественныхъ формахъ и толкала Толстого уже съ первыхъ дней на стезю проповѣдничества, а во вторую половину его жизни и совсѣмъ увела на эту стезю. Но и тутъ ждало его разочарованіе: «сперва онъ не успѣлъ высказать свою правду, какъ художникъ; потомъ не съумѣлъ ее возвѣстить міру проповѣдью». Можно бы еще было воплотить ее въ жизни, хотя бы личной, но и въ этой сферѣ «техника» далеко отстала отъ того, что искало воплощенія, и лишь высокой правдой ухода впервые подлинно заговорилъ съ нами Левъ Толстой.

Можно во многомъ не согласиться съ Андреемъ Бѣлымъ, можно видѣть необходимость большихъ поправокъ во всемъ его построеніи, но его статья блещетъ такой мѣткостью и проникновенностью частичныхъ наблюденій, такимъ энтузіазмомъ, такой трепетностью переживаній, что прочесть ее—значитъ испытать большое наслажденіе, толчекъ для работы собственной мысли и неожиданный весьма цѣнный новый матеріалъ для этой работы.

Обращаюсь къ явленіямъ текущей литературы. Въ шестой книгѣ разсказовъ З. Н. Гиппіусъ: «Лунные муравьи» первый разсказъ, передавшій свое заглавіе всему сборнику и, слѣдовательно, выражающій его сущность, трактуетъ все ту же модную тему о самоубійствахъ. Авторъ бродитъ по городу и разыскиваетъ человѣческій матеріалъ, который могъ бы ему объяснить психологію самоубійцъ и причины ихъ ухода изъ жизни. Результатъ изслѣдованія оказался самый плачевный: причинъ никакихъ нѣтъ, а просто россійскіе люди уподобились муравьеподобнымъ обитателямъ луны, о которыхъ разсказываетъ Уэлсъ въ одномъ изъ своихъ романовъ. «Эти муравьи необыкновенно слабы и хрупки. Чуть тронешь—вѣточкой, пальцемъ—онъ уже подвернулся и готовъ. Мало того, муравей, едва самъ задѣнетъ за что-нибудь—треснулъ; ножки неловко одна за другую скрутятся—повалился, духъ вонъ. Вотъ въ этакихъ муравьевъ и начали тихо превращаться люди. Точно воздухъ насытилъ кто-то незамѣтными парами, таящими силу превращенія; и дышатъ ими всѣ, отъ Петербурга до Казани и Саратова,—вездѣ, всѣ; и слабѣютъ, и хрупнутъ, и валятся на смерть. Валятся, на человѣческій взоръ, почти безъ всякой причины. Онъ и самъ, муравей, не думаетъ, не ожидаетъ... зацѣпились ножки случайно, онъ уже и завалился, и хрустнулъ, и уже мертвый, къ собственному удивленію». Кончается дѣло тѣмъ, что и самъ наблюдатель оказывается лунным муравьемъ, каковой выводъ онъ и принимаетъ съ полнымъ спокойствіемъ, а

посему заготовляетъ себѣ на всякій случай облаточку съ ядомъ. Онъ къ смерти не готовится, но заранѣе отлично знаетъ, что будетъ: «подуетъ гнилой вѣтеръ съ гнилого моря, захлюпаетъ коричневая петербургская грязь подъ моими муравьиными ножками,— и онѣ заплетутся, и я упаду и хрустну»...

Вотъ какая неутѣшительная картина. Герой разсказа, конечно, сильно хватаетъ черезъ край, утверждая, что столь безнадежно отравлены «всѣ и вездѣ». Но, дѣйствительно, процентъ нежизнеспособныхъ сильно повысился за послѣднее время. Не всѣ, попавшіе въ этотъ процентъ, физически приканчиваютъ съ собой; громадное большинство духовно опускается на дно и либо примиряется съ самымъ слякотнымъ существованіемъ, либо взвинчиваетъ себя разными наркотиками, матеріальными и духовными. Въ послѣдней категоріи встрѣчаются даже люди болѣе или менѣе талантливые, но не всегда достаточно зрячіе или добросовѣстные. Въ такихъ случаяхъ они бываютъ склонны, одни—искренно, другіе—неискренно, ради побочныхъ цѣлей, выставлять свою муравьиную психологію какъ высшую ступень человѣческаго развитія, а выростающую изъ этой психологіи идеологію—какъ высшую и абсолютную мудрость. Мало ли, въ самомъ дѣлѣ, видѣли мы за послѣднее время живыхъ мертвецовъ, взгромождавшихся на трибуну учителей жизни, и мало ли успѣховъ—обыкновенно очень непрочныхъ,—выпало на ихъ долю? Вѣдь сознаніе жуткаго одиночества есть, быть можетъ, основная причина, заставляющая людей уходить добровольно изъ жизни или опускаться на дно. А сколько красивыхъ гимновъ пропѣто одиночеству, какъ удѣлу избранной души, сколь возвеличенъ типъ, якобы гордый и свободный, ни къ кому и ни къ чему непривязанный, органически даже неспособный ни къ какой устойчивой привязанности, видящій высокую красоту, силу и правду именно въ своей обособленности и отъ людей, и отъ міра! И многіе повѣрили этому. Забылось на время, что, какъ міръ тѣлесный живетъ обмѣномъ веществъ, такъ міръ душевный живетъ обмѣномъ духовнымъ, совершающимся черезъ тайну любовной сліянности,— съ другимъ ли человѣкомъ, съ листомъ ли на деревѣ, съ лучемъ ли солнечнымъ, все равно съ чѣмъ, лишь бы любить, лишь бы жаждать, упиваться чѣмъ-то живымъ и конкретнымъ, внѣ меня сущимъ, но ощущаемымъ какъ свое, родное и безконечно милое. Забылось это—и одинокая жизнь обезсилѣла, поугрюмѣла, запуталась безнадежно. А тутъ еще несчастная русская дѣйствительность, попавшая въ руки неразсчетливыхъ хозяевъ, которые боятся всякаго единенія между людьми, всѣми способами стараются ихъ распылить, торопятся съ корнемъ вырвать и растоптать всякую ячейку объ-

единенности, всякій намекъ на дружную, одушевленную, самодѣятельную работу. А пожалуй, и не такъ ужъ неразсчетливы хозяева: сами они неживые, обреченные и знаютъ, что когда поднимется настоящая, живая жизнь, то пробьетъ ихъ послѣдній часъ,—и вотъ, мѣшаютъ людямъ быть живыми, предпочитаютъ властвовать надъ покорными трупами и зорко слѣдятъ, какъ бы мертвые не зашевелились. Вотъ на чью мельницу льютъ воду наши пѣвцы одиночества. Неужели они этого не сознаютъ? Или и имъ, какъ и хозяевамъ нашей дѣйствительности, все—все равно, лишь бы покрасоваться да повеличаться, хоть сегодня, а завтра хоть трава не расти, хоть потопъ вздымайся?.. Да, тлетворная создалась атмосфера, будто какая-то эпидемія катится по лицу земли русской. Слабые организмы безсильны съ нею бороться и выбываютъ изъ строя, такъ или иначе.

Но не поголовно же у насъ слабосильная команда, пассивно и безвольно отдающаяся во власть заразы и покорно сидящая на мѣстѣ, съ ядовитой облаткой въ карманѣ, въ ожиданіи минуты, когда «ножки заплетутся». Другіе, повинуясь здоровому инстинкту, бѣгутъ, пока еще не «заплелись ножки» окончательно, изъ зараженной атмосферы, умѣютъ найти животворный воздухъ, и, вдыхая его полной грудью, спасаются и намъ несутъ благую, бодрую вѣсть—не вѣсть наивнаго оптимизма, что все дескать обстоитъ благополучно, а вѣсть о томъ, что есть еще у человѣка сила любить жизнь, несмотря на всѣ ея уродства, ибо дано человѣку прозрѣвать въ мірѣ неизсякаемую, вѣчно творящую стихію и ощущать свое родство съ этой стихіей.

Вотъ удивительная книжка разсказовъ Михаила Пришвина. Три года тому назадъ онъ въ другой книжкѣ: «У стѣнъ града невидимаго», разсказалъ намъ, какъ онъ странствовалъ по заволжскимъ лѣсамъ, распрашивая керженскихъ сектантовъ про ихъ вѣру. Теперь повѣствуетъ онъ про свои скитанія по киргизскимъ степямъ и по берегамъ студенаго моря, среди поморовъ и лопарей, да еще передаетъ нѣсколько не то былей, не то легендъ средней полосы Россіи. У него и на были лежитъ печать легенды, и легенда разсказывается съ такой вѣрой, что кажется былью. Но о чемъ бы ни заговорилъ Пришвинъ, всегда читателю черезъ своеобразный, на рѣдкость выразительный стиль передается своеобразное и ярко интенсивное міровоспріятіе автора. Въ основѣ этого міровоспріятія лежитъ необычайное чувство природы. Какъ будто никакой нѣтъ грани между душой Пришвина и стихіей—такъ свободно и полно входитъ стихія въ эту душу, такъ покоряетъ ее, такъ растворяетъ въ себѣ—но, удивительное дѣло, не уничтожаетъ, а наоборотъ, усиливаетъ, обостряетъ индивидуальное самоощущеніе. «Иду все впередъ и впередъ.

Тишина лѣса, и бѣснованіе Нивы, и ожиданіе взлета птицъ, похожихъ на лапландскихъ чародѣевъ.—все это придумано для меня. Отъ всего этого во мнѣ будто натягивается струна, выше и выше, и вотъ уже нѣтъ звуковъ: ноги и тѣло, вѣроятно, идутъ, но самъ я гдѣ-то порхаю. *Каждую частицу себя ощущаю*, но самъ не знаю, гдѣ. Поймать бы, уловить, описать это разбросанное въ лѣсу существо человѣка! Но это невозможно». Это, конечно, то самое состояніе души, которое поэтъ когда-то охарактеризовалъ словами:

Все во мнѣ, и я во всемъ.

«Мое «я» цѣликомъ уходитъ въ глубину природы», — говоритъ Пришвинъ въ другомъ мѣстѣ. «Это—переселеніе внутрь природы, внутрь того міра, о которомъ культурный человѣкъ стонетъ и плачетъ»,—свидѣтельствуетъ онъ далѣе. Въ этомъ таинственномъ общеніи съ природой «цѣлый потокъ огромныхъ исцѣляющихъ силъ», откровеніе «такой свѣтлой, чистой правды». И не только свѣтлой, чистой, но и вѣчной, всеобщей. Учуялъ въ душѣ своей человѣкъ ту первооснову, которою все живо и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, все безъ изъятія—и природа, и звѣрь, и человѣкъ, и то, что пріемлемъ мы какъ добро, и чего ужасаемся, какъ зла. Пугаетъ и ласкаетъ природа, грозитъ и радуетъ, даетъ тоску и восторгъ, и во всѣхъ этихъ перебояхъ и переливахъ—правда и жизнь, не придуманная, не отвлеченная, а настоящая, безспорная, самодовлѣющая. И, окунувшись въ эти переживанія, инымъ окомъ глядитъ человѣкъ на міръ, умудреннымъ и умиротвореннымъ. Какъ Антей, прикоснувшійся къ землѣ, обрѣтаетъ онъ новую силу, новую устойчивость, любовную чуткость ко всему, что попадетъ въ его поле зрѣнія, новое знаніе о томъ, что̀ есть истинная правда, и что̀ — только «сѣренькія мысли, какъ маленькіе хвостатые звѣрьки»... Но я чувствую, что для того, кто этого не переживалъ самъ, никакія мои слова ничего не объяснятъ. Если хотите это узнать, то бросьте хотя бы на время неволю душнаго города и идите съ котомкой за плечами въ степь, въ лѣсъ, въ горы, къ снѣговымъ вершинамъ и прозрачнымъ озерамъ. А если вы такъ несчастны, что не можете этого сдѣлать, то возьмите книжечку Пришвина, и чародѣй-художникъ введетъ васъ хотя бы въ преддверіе восторга, взволнуетъ, хотя бы и смутно, вашу душу тѣмъ, чѣмъ должна хоть изрѣдка взволноваться всякая живая душа.

Тѣмъ же ощущеніемъ стихіи, проникновеніемъ въ связь жизни человѣка съ ея жизнью и умѣньемъ внятно, съ заражающей художественностью повѣдать о томъ, силенъ и Сергѣевъ-Ценскій,

который все болѣе и болѣе укрѣпляется на почвѣ хорошаго, здороваго и сочнаго реализма, не утрачивая при этомъ ни іоты въ томъ сильномъ лирическомъ воспріятіи міра явленій, которое когда-то нарушало у него равновѣсіе художественной формы. Два послѣднихъ его разсказа превосходны. «Неторопливое солнце» въ «Современномъ Мірѣ» ярко развертываетъ знойную панораму южнаго берега Крыма и на ея фонѣ рядъ человѣческихъ фигуръ, органически выросшихъ изъ этой природы, такихъ же солнечныхъ, свѣтлыхъ, лѣнивыхъ. Тутъ есть и грязь, и лохмотья, и водка,—но это ничему не мѣшаетъ: солнце все озолотило и со всѣмъ примирило. Проза жизни, переплетаясь съ солнечной сказкой, становится милой и ласковой, немного смѣшной. Но если и смѣхъ, то мягкій, добродушный; ни тѣни въ немъ злобы или отвращенія. И каждую минуту готовность погрузиться въ животворящее, умиротворяющее созерцаніе. «Есть какая-то на землѣ своя солнечная правда,—человѣку этого не дано знать,—человѣкъ только чувствуетъ это смутно, когда вдругъ возьметъ да повѣритъ сказкѣ о томъ, напримѣръ, что никогда не разлюбитъ, никогда не состарится, никогда не умретъ. Сядьте здѣсь, на большой высотѣ надъ моремъ, избочите голову, какъ это дѣлаютъ птицы, тогда все вамъ покажется новымъ; забудьте, что влѣво верстъ за сто такой-то городъ, вправо верстъ за сто такой-то: пусть будетъ только свѣтлое яркое море передъ вами и вы, и на морѣ вонъ одинъ, вонъ другой, вонъ третій, точно въ другомъ мірѣ—тамъ далеко, какъ лебеди бѣлые, бѣлѣютъ баркасы-парусники. Крикните имъ вдругъ: «Эй, кораблики!»...—Громче кричите: «Эй, кораблики! Вы куда это плывете, кораблики?» Пусть они выплыли изъ какой-нибудь зачарованной страны, пусть плывутъ они въ страны неслыханныя, пусть паруса у нихъ вѣчные, мачты вѣчныя, матросы вѣчные... Пусть не будетъ хотя бы для нихъ однихъ такъ обидно мала земля... Эй, кораблики!»

А въ другомъ разсказѣ: «Медвѣженокъ» («Сборникъ первый издательскаго товарищества писателей») мы уже въ суровой сибирской тайгѣ и въ городкѣ, заброшенномъ среди нея. Густыя, грузныя, неуклюжія краски и фигуры,—и прочитавъ всего нѣсколько строкъ, вы уже, дѣйствительно, видите и чувствуете тайгу и таежныхъ обитателей, съ ихъ жизнью, незамысловатой, примитивной, органически выросшей изъ тайги и, какъ сама тайга, полной непочатыхъ силъ, несокрушимой. Пріѣдетъ въ городишко новый полковой командиръ изъ гвардейцевъ, презрительно и возмущенно усмѣхнется надъ этой жизнью, а нѣсколько лѣтъ спустя и самъ незамѣтно подчинится тайгѣ и заживетъ таежной жизнью. Налетитъ грозой штабный генералъ, сокрушитъ таежнаго полкового командира, посадитъ новаго,—а бу-

детъ все то же. И полкъ сгинетъ, и штабный генералъ, и всѣ отдѣльные таежные люди и звѣри, а тайга все будетъ стоять, и таежная жизнь все будетъ катиться своей полноводной и неторопливой волной, пока не выполнитъ какого-то таинственнаго дѣла, предназначеннаго ей стихійнымъ закономъ.

Я склоненъ видѣть утѣшительный симптомъ въ этомъ обращеніи къ стихіи, въ этомъ умѣньи побѣждать общеніемъ съ природой немощную отвлеченность, произвольную фантастику, всю хаотическую, обезсиливающую путаницу современной психики. Заблудившійся, потерявшій-было себя человѣкъ, начинаетъ чуять, гдѣ онъ можетъ снова себя найти. Надо уйти на время отъ калейдоскопа привычной обыденной сутолоки и сосредоточиться, но не въ пустотѣ и мракѣ собственной самозамкнутости, а тамъ, гдѣ могуче ощущаются зовы стихіи. Въ этой цѣлительной атмосферѣ все приходитъ въ порядокъ, отпадаетъ прочь, какъ ненужная кора, все бременящее душу, яснымъ становится человѣку міръ, ясными истинные зовы его души.

Возьмите героя послѣдней повѣсти гр. А. Н. Толстого «Хромой баринъ», напечатанной въ томъ же сборникѣ, что и «Медвѣженокъ» Сергѣева-Ценскаго. Онъ сильно напоминаетъ прежнихъ, несуразныхъ и безпомощныхъ героевъ этого писателя. Брошенный въ круговоротъ столичной жизни, онъ, такъ же какъ и они, сбитъ съ толку, затянутъ въ какую-то трясину, въ которой ничего разобрать не можетъ, запутывается безнадежно самъ, запутываетъ и тѣхъ, съ кѣмъ соприкасается его жизнь. Но если къ прежнимъ ископаемымъ героямъ А. Н. Толстого судьба была безпощадна до конца, то этого князя она въ концѣ-концовъ милуетъ: она выталкиваетъ его изъ безнадежнаго хаотическаго круговорота на берегъ Волги и заставляетъ никому невѣдомымъ, оборваннымъ и обтрепаннымъ странникомъ пройти не одну сотню верстъ. И вотъ, въ этомъ странствіи, долго оставаясь лицомъ къ лицу съ природой, загнанный былою жизнью князь вновь находитъ свою внутреннюю правду. Теперь ему ясно, какъ день, становится, кого онъ на самомъ дѣлѣ любитъ, что ему дѣлать и какъ строить свою жизнь. И смятенная безтолочь смѣняется тихимъ, радостнымъ пристанищемъ, крѣпкимъ союзомъ съ истинно любимой. Я не понимаю только, зачѣмъ А. Н. Толстому понадобилось на послѣдней страницѣ превратить своихъ героя и героиню въ революціонеровъ. Всѣмъ предыдущимъ теченіемъ романа такая метаморфоза не только не подготовлена, но совершенно ясно показано діаметрально противоположное: для такихъ типовъ, какъ хромой князь и его жена, участіе въ революціи можетъ быть только новымъ недоразумѣніемъ, и я не сомнѣваюсь, что если бы талантливый авторъ попробовалъ не намѣтить эту программу въ

пяти строкахъ эпилога, а развернуть въ живое художественное повѣствованіе, то онъ самъ убѣдился бы въ полной ея неосновательности. Но если бы оторвать эту послѣднюю, ненужную страничку, да еще ослабить утрировку многихъ деталей (всегдашній грѣхъ А. Н. Толстого), то повѣсть Толстого оказалась бы совсѣмъ хорошимъ и стройнымъ литературнымъ произведеніемъ. Во всякомъ случаѣ, «Хромой баринъ»—шагъ впередъ въ развитіи молодого писателя.

С. Адріановъ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ФРАНЦІИ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.

— Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. 3-е дополненное изданія (1912). Цѣна 3 рубля.

Въ этой книгѣ изображается экономическій и политическій строй Франціи наканунѣ великой революція. Вопросы, поднятые и рѣшаемые въ настоящемъ сочиненіи, разрабатываются за послѣднее время нѣсколькими русскими учеными: Карѣевымъ, Лучицкимъ, Тарле, Ону, Афанасьевымъ. Изслѣдованія автора названной выше книги и только что указанныхъ лицъ, извлекавшихъ изъ архивовъ новые, неизвѣстные французскимъ ученымъ матеріалы, внесли весьма цѣнный вкладъ въ дѣло изученія стараго порядка и революціи, особенно въ ихъ экономической сторонѣ. Это признано и самими французами. Выраженіе «русская историческая школа» пріобрѣло право гражданства въ книгахъ и статьяхъ французскихъ ученыхъ.

Бо́льшая часть книги посвящена изслѣдованію экономическаго состоянія Франціи наканунѣ революціи. Рѣчь идетъ о соціальномъ положеніи общественныхъ классовъ—дворянства, духовенства, буржуазіи, крестьянъ, рабочихъ—о распредѣленіи землевладѣнія и землепользованія, о состояніи сельскаго хозяйства, промышленности обрабатывающей и торговой, о цеховомъ устройствѣ и зарожденіи свободы труда, о государственныхъ и мѣстныхъ налогахъ. При чтеніи книги сами собою — и съ большой ясностью, опредѣленностью—возникаютъ въ воображеніи представленія о значительномъ сходствѣ экономическаго состоянія Франціи наканунѣ

революціи съ современнымъ экономическимъ положеніемъ Россіи. Въ виду этого книга читается не только съ захватывающимъ интересомъ, но является также поучительной, имѣетъ немалое практическое значеніе.

Франція XVIII вѣка—страна по преимуществу земледѣльческая. Промышленные классы составляли восьмую или девятую часть населенія. Земельная собственность сосредоточивалась, главнымъ образомъ, въ рукахъ дворянства, землевладѣльцевъ изъ буржуазіи, епископій и аббатствъ. Землевладѣльцы большею частью не вели сами хозяйства; обработка ихъ земли велась крестьянами. На трехъ четвертяхъ годной подъ культуру земли велось крестьянское хозяйство, слабыми экономическими силами котораго обусловливалось плохое состояніе земледѣльческой промышленности. Многіе ли изъ снимавшихъ землю крестьянъ имѣли и собственную землю—вопросъ этотъ остается спорнымъ. Авторъ разсматриваемой книги приходитъ, на основаніи массы данныхъ, къ выводу, что у большинства снимавшихъ землю она находилась лишь въ фактическомъ владѣніи, на началахъ наслѣдственной аренды (чинша), а также срочной съемки. Но и крестьяне-собственники, вслѣдствіе незначительности ихъ владѣнія, вынуждены были прибѣгать къ съемкѣ земли.

Экономическое положеніе крестьянства было тяжкое. Какъ общее правило, крестьянинъ платитъ землевладѣльцу, церкви и государству такъ много, что арендная плата, десятина и налогъ отнимаютъ у него три четверти его дохода. Говоря о жилищахъ и пищѣ крестьянъ, оффиціальные отчеты большинства приходовъ упоминаютъ о хижинахъ, покрытыхъ соломою, о черномъ хлѣбѣ, изготовляемомъ изъ ржи съ примѣсью картофеля и ячменя. О мясѣ заходитъ рѣчь только на Пасху, въ храмовой праздникъ, при началѣ уборки на земляхъ сеньора, да еще по случаю свадьбъ и другихъ семейныхъ торжествъ. Бремя государственныхъ налоговъ несъ по преимуществу крестьянскій людъ. Въ прогрессивной части литературы того времени настойчиво указывалось, что никакое улучшеніе въ области земледѣлія немыслимо при сохраненіи дѣйствовавшей податной системы. Экономическое положеніе сельской массы ухудшалось, сравнительно съ прежнимъ временемъ, и вслѣдствіе сокращенія раіона общинныхъ угодій. По закону землевладѣльцамъ разрѣшался выдѣлъ въ ихъ исключительную собственность трети общинныхъ угодій. Но злоупотребленія и захваты во многомъ расширили этотъ раіонъ. Своими захватами общинныхъ земель—читаемъ мы въ наказахъ,—сеньоры отнимаютъ у крестьянъ одну изъ важнѣйшихъ статей дохода, лишаютъ ихъ возможности содержать нужный для хозяйства скотъ, удобрять и обрабатывать свои земли. Отовсюду

идутъ жалобы крестьянъ на недостатокъ рабочаго скота, вызванный сокращеніемъ общинныхъ угодій и успѣшными попытками помѣщиковъ упразднить свободный прогонъ стадъ по землямъ, состоящимъ въ ихъ личномъ завѣдываніи. Отсюда скудость сѣнокосовъ, недостаточное удобреніе, плохіе урожаи, самъ—пятъ, не болѣе. Земледѣліе, выражаясь языкомъ энциклопедистовъ XVIII вѣка и составителей наказовъ, становится все болѣе нищенскимъ, т. е. даетъ все меньшіе урожаи, по крайней мѣрѣ на поляхъ, обрабатываемыхъ крестьянами.

Сокращеніе раіона общинныхъ угодій усиливало нужду крестьянъ въ землѣ, особенно въ пастбищахъ и сѣнокосахъ, вслѣдствіе чего происходилъ ростъ арендныхъ цѣнъ. На сѣверѣ страны, напримѣръ, земля, сдававшаяся въ 1747 г. за 475 ливровъ, отдавалась въ 1774 г. уже за тысячу ливровъ. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ времени революціи, тѣмъ сильнѣе ростъ арендныхъ цѣнъ и, въ то же время, тѣмъ больше накопляются недоимки по платежамъ помѣщикамъ и государству. Недоимщики лишаются земли; растетъ число безземельныхъ. Передъ революціей безземелье и малоземелье даетъ себя чувствовать настолько сильно, что депутатскіе наказы 1789 г. поднимаютъ рѣчь о томъ, чтобы правительство для ослабленія ихъ приступило къ отчужденію казенныхъ земель или къ сдачѣ ихъ, по меньшей мѣрѣ, въ аренду небольшими участками.

Въ то время какъ поселянинъ, по выраженію наказовъ, «обнищалъ подъ бременемъ поборовъ въ пользу собственника», сами собственники, взятые въ массѣ, жили также въ бѣдности. Классъ собственниковъ-землевладѣльцевъ составлялся изъ дворянъ, высшаго духовенства и скупавшей землю буржуазіи. Въ численномъ отношеніи главная масса собственниковъ были дворяне. Высшее дворянство, владѣя въ большинствѣ случаевъ крупными имѣніями, извлекало изъ своихъ помѣстій большіе доходы. Средніе землевладѣльцы-дворяне жили сносно. Самая же значительная числомъ часть дворянства—мелкопомѣстные владѣльцы—находилась въ крайне стѣснительномъ матеріальномъ положеніи. Чудовищныя богатства высшихъ представителей свѣтской и церковной іерархіи—и, рядомъ съ ними, скудные бюджеты захудалыхъ помѣщиковъ, сидѣвшихъ тысячами въ своихъ полуразвалившихся усадьбахъ. Авторъ приводитъ слова Булье, что «съ 1614 г., т. е. со времени созыва послѣднихъ генеральныхъ штатовъ, дворянство пережило большія перемѣны. Оно не только потеряло прежнее величіе и блескъ, но и пришло въ совершенное разложеніе, пророчившее ему близкую гибель. Какъ при дворѣ, такъ и въ провинціяхъ имѣется нѣсколько фамилій съ громкимъ прошлымъ, еще владѣющихъ наслѣдственными землями. Есть и такія, которыя

съ помощью выгодныхъ браковъ съ плебейками возстановили прежнее благосостояніе. Но большинство дворянства прозябаетъ въ бѣдности. Значительное число обширныхъ помѣстій сдѣлалось достояніемъ финансистовъ, купцовъ и ихъ потомства. Феодальныя имѣнія сосредоточились, какъ общее правило, въ рукахъ городской буржуазіи». Многіе изъ современниковъ свидѣтельствуютъ, что матеріальное благосостояніе родовой аристократіи было поколеблено; богатство и вліяніе стали уходить изъ ея рукъ къ разбогатѣвшимъ членамъ средняго сословія. Въ документахъ того времени указывается, что въ Руэргѣ немало дворянъ, годовой бюджетъ которыхъ— 50 и даже 25 лун, т. е. 1000 или 500 франковъ, что приблизительно равняется доходу приходскаго священника. Въ Лимузенѣ изъ нѣсколькихъ тысячъ дворянъ нельзя набрать пятнадцать съ 20.000 франковъ ренты. Въ Бретани многіе владѣютъ не болѣе какъ одною фермою, живутъ по-мужицки, что не мѣшаетъ имъ держать голубятни, какъ признакъ благороднаго характера ихъ собственности; они лишены всего необходимаго—и все же не хотятъ работать. Такія же свидѣтельства имѣются для большинства мѣстностей тогдашней Франціи.

Наказы сельскихъ общинъ говорятъ о бѣдственномъ положеніи крестьянства; однохарактерны заявленія церковныхъ наказовъ касательно матеріальнаго положенія приходскихъ кюре. Средній доходъ приходскаго кюре составлялъ приблизительно 620 франковъ въ годъ. Бѣдность, въ какой наканунѣ революціи находилось большинство приходскаго священства, сближало его положеніе съ тѣмъ, на какое была обречена его паства. Кюре и его викарій жили одной жизнью съ мужиками, заодно съ ними нуждались и пьянствовали, заодно унижались передъ старшими, уступая почтительно дорогу проѣзжему помѣщику и довольствуясь обѣдомъ въ людской епископа. Ихъ соединяли общее горе и общая ненависть. Въ глазахъ церковной аристократіи сельскій кюре былъ такимъ же «отдающимъ навозомъ смердомъ», какимъ для помѣщика являлся крестьянинъ. Священникъ зналъ это не хуже крестьянина; онъ зналъ также, куда идутъ накопленныя церковныя богатства и съ упованіемъ взиралъ на подготовлявшіяся событія. Когда въ 1789 г. начались поджоги и разоренія замковъ, убійства помѣщиковъ, сельское духовенство съ сочувствіемъ отнеслось къ этимъ проявленіямъ народной ненависти.

Характерной чертой народнаго хозяйства Франціи XVIII вѣка является развалъ тѣхъ порядковъ, которые присущи были феодальному строю, безъ замѣны ихъ новой связной организаціей. Мы уже знаемъ, что земельная собственность сосредоточивалась по преимуществу въ рукахъ свѣтскихъ владѣльцевъ, епископій и аббатствъ

Вслѣдствіе этого, вплоть до революціи продолжала сохраняться система крестьянскаго хозяйства на чужой землѣ. Господствующимъ типомъ пользованія крестьяниномъ чужой землей были наслѣдственная рента и шампаръ. Первая платилась деньгами; шампаръ былъ вознагражденіемъ собственника натурою изъ части годовыхъ урожаевъ. Эти порядки землепользованія возникли въ феодальную эпоху и имѣли своимъ источникомъ какъ экономическія, такъ и политическія причины. Существенное отличіе феодальныхъ порядковъ отъ позднѣйшихъ состояло въ томъ, что въ феодальномъ строѣ, рядомъ съ экономической зависимостью, между собственниками и землевладѣльцами существовала еще зависимость личная. Эта личная зависимость и давала смыслъ и значеніе системѣ, при которой собственникъ извлекалъ изъ своихъ земель далеко не весь возможный доходъ, а пользующійся землею крестьянинъ находилъ обезпеченнымъ свой промыслъ и пропитаніе. Собственникъ далеко не извлекаетъ весь возможный доходъ, но за то трудъ ему обезпеченъ; онъ знаетъ, что изъ года въ годъ его земли своевременно будутъ вспаханы и засѣяны, его луга скошены, его нивы убраны и урожай съ нихъ свезенъ въ клуню. Правда, чтобы добиться этого онъ долженъ ограничить сферу личной эксплоатаціи какой-нибудь третью своихъ удобныхъ земель и обратить остальныя двѣ въ крестьянскіе надѣлы. Простой эгоизмъ заставлялъ его наблюдать, чтобы въ пользованіи крестьянъ находилось такое количество земли, какое было необходимо для правильнаго хода промысла. Помѣщикъ вынужденъ былъ самой организаціей хозяйства допускать рабочій скотъ крестьянъ на пустошь и мириться со всѣми неудобствами, какія для его хозяйства представляло право свободнаго прогона и общиннаго выпаса. Но все это было необходимо для того, чтобы крестьянское хозяйство не падало и крестьянинъ могъ выполнить свои обязательства предъ помѣщикомъ. Въ этомъ отношеніи крестьянинъ былъ для него не чужой человѣкъ. Для помѣщика, поля котораго обрабатываются барщиной, не безразлично, владѣетъ ли крестьянинъ нужнымъ для хозяйства скотомъ. Въ свою очередь крестьянинъ знаетъ, что ему нечего бояться ни безработицы, ни потери рабочаго скота, ни продажи имущества за недоимку. Съ точки зрѣнія личной свободы, крѣпостное состояніе—великое зло; но въ экономическомъ отношеніи оно давало устойчивость и обезпеченность хозяйству. Такая устойчивость хозяйства возможна до тѣхъ поръ, пока помѣщикъ остается не только собственникомъ, но и патрономъ, а крестьянинъ—не только владѣльцемъ чужой земли, но и кліентомъ того, кому она принадлежитъ. Когда изъ двухъ элементовъ, изъ которыхъ слагалась фео-

дальная зависимость—имущественнаго и личнаго, послѣдній исчезъ, тогда сталъ рушиться и весь строй сельско-хозяйственной промышленности. Сеньоръ вырождался въ земельнаго монополиста, крестьянинъ—въ мало пригоднаго для правильнаго веденія хозяйства арендатора. Получая отъ крестьянина, вмѣсто всякихъ другихъ выгодъ, періодическій платежъ деньгами или продуктами, сеньоръ не заинтересованъ болѣе въ томъ, чтобы его вѣчно-наслѣдственный арендаторъ всегда имѣлъ въ своемъ распоряженіи количество скота, необходимое для успѣшности его хозяйства. Онъ слѣдитъ только за тѣмъ, чтобы рента была уплачена ему во время; если со стороны крестьянина послѣдуютъ просрочки и упущенія, сеньоръ не замедлитъ воспользоваться своимъ правомъ и удалить его съ занимаемаго имъ надѣла. Неизмѣнность оброка, его независимость отъ увеличивающагося, съ ростомъ населенія, спроса на землю, заставляетъ сеньора смотрѣть неблагопріятно на систему наслѣдственной крестьянской аренды, которая, въ конечномъ результатѣ, лишаетъ его тѣхъ выгодъ, какія связаны съ постояннымъ ростомъ земельной ренты. Онъ спѣшитъ, поэтому, восполнить свои убытки поднятіемъ цѣнъ за помолъ муки на его мельницѣ, за пользованіе его прессомъ, и сдачей краткосрочнымъ арендаторамъ общинныхъ угодій. Сокращеніе пространства земли у крестьянства, уменьшеніе количества скота, вмѣстѣ съ возросшими поборами въ пользу собственника и государства, подрываетъ имущественное положеніе крестьянской массы, понижаетъ сельско-хозяйственную производительность и, при возрастающихъ недоимкахъ, выбрасываетъ крестьянъ изъ усадьбъ, въ которыхъ вѣками жили ихъ предки. «Мы имѣемъ основаніе жалѣть,—слышались голоса крестьянъ,—что исчезло старинное крѣпостничество. Тогда на господъ падала, по крайней мѣрѣ, обязанность кормить своихъ сервовъ и спѣшить имъ на помощь въ случаѣ болѣзни. Мнимая же свобода навлекла на насъ массу налоговъ, подъ бременемъ которыхъ мы и изнываемъ».

Въ средѣ просвѣщенной части общества сознавали, что никакой прогрессъ въ области земледѣлія немыслимъ при сохраненіи господствовавшей системы сельско-хозяйственной промышленности. Вліятельная въ то время экономическая школа физіократовъ указывала на англійскіе порядки, какъ на образецъ того, въ какомъ направленіи должны совершаться перемѣны въ области земледѣлія. Въ Англіи еще въ XVI-мъ столѣтія произошла замѣна средневѣковой системы наслѣдственной аренды фермерскимъ хозяйствомъ на широкую ногу, съ значительной затратой капитала на сельско-хозяйственныя улучшенія. Она подняла земледѣльческую культуру, но, въ то же время, была бѣдственна для народа.

Какъ это ни странно, но физіократы совершенно игнорировали оборотную сторону совершившагося въ англійскомъ земледѣліи переворота, получившаго названіе «аграрной революціи». Они ничего не говорили о томъ, какія страданія переживалъ народъ въ теченіе всего того времени—около полутора вѣка,—когда совершался указанный переворотъ въ земледѣльческой промышленности. Результатомъ его было полное обезземеленіе народной массы. И только знаменитымъ закономъ 1907 г., установившимъ принудительное отчужденіе земли для развитія мелкой сельско-хозяйственной промышленности, положено въ Англіи начало націонализаціи земли.

Солидарно съ физіократами высказывались и сельскохозяйственныя общества. Не ограничиваясь пропагандой, они ходатайствовали предъ правительствомъ о законодательной отмѣнѣ господствовавшей въ области земледѣлія системы. Они указывали, что въ Англіи квадратная миля даетъ среднимъ числомъ 40,000 ливровъ въ годъ, во Франціи—всего 18,000. Переходъ къ крупному фермерскому хозяйству началъ совершаться въ дѣйствительности, особенно въ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи. Этому много способствовало допущеніе, незадолго до революціи, свободнаго вывоза хлѣба за-границу.

Къ счастью для французскаго народа, жизнь пошла не тѣмъ путемъ, на какой указывали физіократы, и какой сталъ уже практиковаться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Послѣ 1789-го года были отмѣнены закономъ всѣ сеньеральныя права; господствовавшая въ области земледѣлія система рухнула, пользованіе землей на началѣ наслѣдственной аренды было обращено въ крестьянскую собственность, изъ проданныхъ государствомъ земель духовенства и конфискованныхъ у дворянства часть пріобрѣтена крестьянствомъ, и, такимъ путемъ, землевладѣніе крестьянской массы расширилось. Правительство старалось использовать продажу національныхъ имуществъ, значительная часть которыхъ составилась изъ земель духовенства и конфискованныхъ у дворянства, не для однихъ только фискальныхъ цѣлей, но и для демократизаціи земельной собственности. Для облегченія этой операціи оно допустило расплату не частямъ и не одной лишь звонкой монетой, но и быстро падавшими въ своемъ курсѣ ассигнаціями.

Послѣдствія этихъ мѣропріятій правительства были поразительны. Всѣ свидѣтельства сходятся въ признаніи, что въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за пережитымъ Франціей переворотомъ, состояніе французскаго земледѣлія сразу поднялось. Извѣстный агрономъ Артуръ Юнгъ, объѣздившій Францію до революціи, описывалъ состояніе земледѣлія въ ней въ самыхъ

мрачныхъ краскахъ. Посѣтивъ снова Францію послѣ переворота, онъ писалъ о значительномъ улучшеніи сельскаго хозяйства и судьбы мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Крестьяне, освободившись отъ платежей въ пользу бывшихъ собственниковъ и платя меньшій размѣръ налоговъ, вслѣдствіе болѣе равномѣрнаго ихъ распредѣленія между всѣми классами, получили возможность производить сельско-хозяйственныя улучшенія. Налоговый комитетъ Учредительнаго Собранія, жалуясь на упадокъ всѣхъ другихъ сторонъ народнаго хозяйства, отмѣчаетъ въ то же время цвѣтущее состояніе земледѣлія. О высокомъ уровнѣ земледѣлія въ эпоху Директоріи, т. е. на разстояніи не болѣе семи лѣтъ со времени совершившагося переворота, говоритъ въ своихъ донесеніяхъ англійскому министру иностранныхъ дѣлъ извѣстный лордъ Мальмсбери. Онъ проѣхалъ тотъ же путь, какого девять лѣтъ ранѣе держался Артуръ Юнгъ и который свидѣтельствовалъ тогда о полномъ запустѣніи въ земледѣліи. Вся страна, начиная отъ Кале,—пишетъ Мальмсбери,—представляетъ признаки высокой сельско-хозяйственной культуры.

Пользуясь трудомъ проф. Ковалевскаго, мы указали характерныя черты земледѣльческихъ порядковъ Франціи наканунѣ революціи. Большое сходство ихъ съ современными русскими порядками бросается въ глаза. Франція того времени, какъ и современная Россія,—страны по преимуществу земледѣльческія. Какъ тамъ, такъ и у насъ, кромѣ собственнаго крестьянскаго хозяйства, это послѣднее ведется также и на большей части помѣщичьей земли, и слабыми экономическими его силами обусловливается плохое состояніе земледѣлія. Далѣе общими являются: нужда крестьянъ въ землѣ, особенно въ сѣнокосахъ и пастбищахъ; высокая арендная плата за землю и постоянный ростъ ея; недостаточное количество скота и удобренія; скудные урожаи; чрезмѣрное обложеніе крестьянъ налогами и неравномѣрное распредѣленіе ихъ между общественными классами; ростъ недоимокъ; убогія жилища, скудное питаніе, мясо какъ рѣдкость; обѣдненіе дворянства, ростъ богатства и соціальнаго значенія промышленныхъ классовъ; приниженное положеніе сельскаго духовенства. Какъ во Франціи, всѣ эти темныя стороны земледѣльческаго промысла были результатомъ остатковъ феодальнаго строя, такъ и у насъ онѣ являются отголоскомъ крѣпостнаго права. Крѣпостное право рухнуло, но пока, главнымъ образомъ, въ области юридическихъ отношеній; сельско-хозяйственные порядки, по существу дѣла, остались прежніе, до-реформенные, при чемъ они потеряли свое основаніе, утратили, какъ и въ до-революціонной Франціи, тѣ именно черты, которыя придавали имъ характеръ внутренней связности, которыя дѣлали возможнымъ устойчивое существо-

ваніе земледѣльческаго промысла. Какъ во Франціи полагали найти выходъ изъ сельско-хозяйственныхъ недуговъ въ разрушеніи общиннаго землевладѣнія и развитіи фермерства, такъ и у насъ правительственная политика въ послѣдніе годы стала на этотъ путь. Здѣсь не мѣсто обсужденію вопроса о разумности этой политики и о вѣроятныхъ ея результатахъ. Франція вышла изъ тяжелаго экономическаго положенія другимъ путемъ. Она, посредствомъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія и уравненія въ правовомъ отношеніи крестьянъ съ другими общественными классами, подняла благосостояніе народа и сельско-хозяйственную культуру.

Изобразивъ экономическое положеніе землевладѣльческихъ классовъ и состояніе сельскаго хозяйства, авторъ разсматриваемой книги переходитъ къ строю французской промышленности наканунѣ революціи.

Франція XVIII вѣка продолжала оставаться страною мелкой промышленности. Мелкая промышленность не только въ селахъ, но и въ городахъ продолжала играть выдающуюся роль. Существовавшія формы промышленныхъ предпріятій можно классифицировать такъ: цехи, свободныя ремесла, домашняя промышленность и мануфактура.

Цеховое устройство, въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ его наканунѣ революціи, настолько же уклонилось отъ своего первоначальнаго образца, насколько сеньеріальное право являлось вырожденіемъ права феодальнаго. Въ эпоху цвѣтущаго состоянія цеховъ существовала солидарность между мастерами (предпринимателями) и подмастерьями (рабочими). Переходъ изъ рядовъ подмастерьевъ въ классъ мастеровъ былъ легокъ. Съ теченіемъ времени мастера захватили себѣ монополію производства; разными способами они затруднили переходъ подмастерьевъ въ мастера; въ то же время они ухудшили условія труда какъ въ отношеніи продолжительности рабочаго дня, такъ и въ отношеніи величины заработной платы. Вѣками существовавшая солидарность смѣнилась враждой рабочихъ къ предпринимателямъ. Въ 1783 г. мастера Тулузы, жалуясь на ассоціаціи рабочихъ, слѣдующимъ образомъ описываютъ дѣйствія ихъ членовъ: «Они бродятъ по городамъ, сходятся въ числѣ ста и болѣе человѣкъ, пренебрегаютъ запретами мастеровъ, собираются въ монастырскихъ часовняхъ и здѣсь принимаютъ мѣры, клонящіяся къ установленію величины заработной платы, числа рабочихъ часовъ, количества и качества пищи и т. п. Они стараются отнять рабочихъ у хозяевъ, заслужившихъ ихъ нерасположеніе, и съ этой цѣлью нерѣдко толпою покидаютъ городъ, оставляя немногихъ уполномоченныхъ, которымъ и поручается разогнать всѣхъ,

кто явится на работу». Цехи, превратившись въ монопольныя предпріятія, вызывали вражду къ себѣ не только со стороны рабочихъ, ремесленниковъ, но также и со стороны потребителей. А потому понятно, что большинство депутатскихъ наказовъ 1789 г. требовали отмѣны цеховъ, что и было вскорѣ выполнено.

На вымираніе цехового устройства въ теченіе XVIII вѣка указывало и то, что многіе виды ремеслъ были освобождены правительствомъ отъ подчиненія цеховымъ уставамъ. Не получаютъ цехового устройства и признаются свободными двалцать двѣ профессіи, напримѣръ ткачи, чесальщики, рогожники, веревочники и мн. др., большею частью представители такихъ промысловъ, которые не требуютъ долгой технической подготовки.

Едва ли не самой распространенной формой промышленности во Франціи XVIII вѣка была кустарная промышленность. Занималось ею, по преимуществу, сельское населеніе. Она представляла собою три разновидности: самостоятельное производство съ продажей самимъ кустаремъ на городскомъ рынкѣ приготовленныхъ издѣлій, посредничество предпринимателя между производителемъ и рынкомъ при собственномъ сырьѣ производителя, и то же съ сырьемъ отъ предпринимателя. Главными отраслями кустарной промышленности были: текстильная, обработка дерева, кожевенное дѣло, желѣзодѣлательное, фаянсовое, перчаточное, шляпное.

Съ XVI-го вѣка стали развиваться во Франціи мануфактуры; тѣмъ не менѣе и черезъ два съ половиною столѣтія крупныхъ мануфактуръ, собирающихъ подъ руководство предпринимателя сотни и болѣе рабочихъ, было немного. Наиболѣе крупныя мануфактуры были въ выдѣлкѣ хлопчато-бумажныхъ тканей и въ шелковомъ производствѣ. Изъ всѣхъ разнообразныхъ видовъ мануфактуръ однѣ шелковыя обходились безъ содѣйствія кустарной промышленности. Большія массы кустарей, по преимуществу сельчанъ, работали у себя на дому изъ сырья, полученнаго отъ прикащиковъ мануфактуриста и по его заказу. Здѣсь производство носитъ, такимъ образомъ, характеръ не столько кустарнаго, сколько домашней формы крупной промышленности, такъ какъ снабжается капиталомъ отъ мануфактуриста. Подобно нашимъ современнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ, мануфактуристы жалуются на трудность имѣть постоянный контингентъ подготовленныхъ работниковъ. Причина тому лежала въ отсутствіи обособленнаго, въ значительныхъ размѣрахъ, класса батраковъ или, иначе, безземельнаго пролетаріата. Хотя начавшійся во Франціи съ середины XVIII вѣка упадокъ земледѣльческаго хозяйства постепенно выбрасывалъ въ городъ часть сельскаго населенія, но этотъ классъ, какъ образовавшійся изъ элементовъ, не вполнѣ по-

рвавшихъ съ прежнимъ земледѣльческимъ бытомъ, мало обезпечивалъ мануфактуристу достаточное число всегда свободныхъ и, притомъ, хорошо подготовленныхъ рукъ. Это было одною изъ причинъ отсталости французской техники. Та революція въ области техники, которая произошла въ Англіи въ третьей четверти XVIII столѣтія и прежде всего въ текстильной промышленности, стала отражаться въ французской мануфактурѣ лишь въ самые ближайшіе къ революціи годы.

Несмотря на господствовавшій мелкій характеръ промышленности, промышленная и торговая дѣятельность обогощала верхніе слои городского населенія. Въ то же время, въ рукахъ финансистовъ откупщиковъ, крупныхъ негоціантовъ, крупныхъ мануфактуристовъ скоплялись большія состоянія, и буржуазія являлась обладательницей самыхъ значительныхъ капиталовъ страны. О богатствѣ отдѣльныхъ членовъ финансовой буржуазіи можно судить по тому, что состояніе тѣхъ пяти банкировъ, которые за послѣднія два царствованія носили титулъ королевскихъ, исчисляемо было въ двѣсти милліоновъ. Мерсье говоритъ о людяхъ изъ буржуазіи, живущихъ въ Парижѣ съ капиталомъ въ 160 милліоновъ. «Два, три милліона—продолжаетъ онъ,—перестали слыть чѣмъ-то выходящимъ изъ ряду вонъ». По словамъ современниковъ, благодаря своимъ богатствамъ, эти лица образовывали какъ бы аристократическое сословіе сближавшееся, путемъ частыхъ браковъ, съ родовитымъ дворянствомъ. Дворянство открывало свои салоны всякому разбогатѣвшему разночинцу.

«Многіе изъ нашихъ Тюркарэ,—говоритъ одинъ изъ видныхъ современниковъ, — тести герцоговъ и перовъ королевства; мнѣ извѣстна герцогиня, допускаемая къ частнымъ пріемамъ королевы, дядя которой не болѣе какъ придворный лакей. Когда въ государствѣ деньги становятся источникомъ высшаго общественнаго положенія, слугамъ не мудрено сдѣлаться господами».

Послѣдняя глава разсматриваемой книги изображаетъ политическій строй Франціи наканунѣ революціи. Въ ней авторъ разрушаетъ обычное въ широкихъ кругахъ публики представленіе, что Франція со времени Людовика XIII была неограниченной монархіей. Генеральные штаты своимъ трехсотлѣтнимъ существованіемъ произвели глубокое впечатлѣніе на умы; всѣ выдающіеся политическіе писатели Франціи сходились въ признаніи, что въ дѣлѣ налоговаго обложенія король не абсолютенъ и связанъ согласіемъ сословій. Это положеніе получило характеръ аксіомы настолько неоспоримой, что никакіе захваты власти, никакіе акты единоличнаго обложенія неспособны были подорвать довѣріе къ ней вплоть до па-

денія монархіи. Людовику XVI-му пришлось выслушать изъ устъ наиболѣе авторитетнаго толкователя органическихъ законовъ королевства—президента парижскаго парламента,—слѣдующую отповѣдь: «основнымъ принципомъ французской монархіи надо признать, что согласіе на налоги дается тѣми, кто долженъ нести ихъ; въ сердцѣ благожелательнаго короля не можетъ зародиться намѣренія отмѣнить это начало, установленное еще первыми законами государства, тѣми законами, на которыхъ зиждется авторитетъ монарха и повиновеніе подданныхъ». Чѣмъ ближе мы подходимъ къ началу революціи, тѣмъ энергичнѣе становится оппозиція какъ парижскаго, такъ равно и провинціальныхъ парламентовъ бюрократическому управленію государственными дѣлами. Средніе классы и народъ сочувственно относились къ парламентской оппозиціи, пока парламенты являлись въ роли защитниковъ народа отъ налоговыхъ поборовъ. Но отношеніе къ парламентамъ измѣнилось, когда они выступили съ широкой политической программой, въ которой явились солидарными съ аристократическими вожделѣніями высшихъ сословій. На очереди стоялъ вопросъ о формѣ созыва и о составѣ генеральныхъ штатовъ. Парижскій парламентъ, а за нимъ и другіе, высказались въ пользу соблюденія правительствомъ тѣхъ порядковъ, какіе дѣйствовали на штатахъ 1614 г. Это значило, что парламенты желаютъ обособленнаго представительства каждаго изъ трехъ сословій: дворянства, духовенства и средняго сословія, противятся увеличенію числа депутатовъ средняго сословія, совмѣстному засѣданію сословій и поголовному счету голосовъ. Точно также парламенты, вмѣстѣ съ нотаблями — представителями высшихъ классовъ,—стояли за возстановленіе господства аристократіи и въ мѣстной провинціальной жизни, за возстановленіе тѣхъ основъ, на которыхъ нѣкогда была построена французская монархія. Все несогласное съ ними считалось опаснымъ новшествомъ, неразумнымъ подражаніемъ иностранцамъ. Чтобы не потерять самобытность, необходимо было, въ ихъ глазахъ, сохранить историческую традицію, не порывать наслѣдственной связи съ прошлымъ. Только этимъ путемъ, по ихъ мнѣнію, могъ быть созданъ оплотъ противъ разрушительнаго вліянія демократическихъ вѣяній и противъ не менѣе опаснаго произвола министровъ, всегда готовыхъ стоять за централизацію и правительственную опеку.

Таковъ былъ политическій идеалъ защитниковъ стараго порядка. Чего желали ихъ противники? Объ этомъ будетъ идти рѣчь во второмъ томѣ, посвященномъ, главнымъ образомъ, политической жизни Франціи.

И. Иванюковъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ II. Съ 3-мя портретами. Спб., 1912. стр. 560. Ц. 3 р.

Второй томъ «архива» М. М. Стасюлевича столь же богатъ содержаніемъ, какъ и первый. Письма Костомарова, Кавелина, Спасовича, Вл. Стасова, Алексѣя Толстого, Вал. Ѳ. Корша и другихъ заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній и указаній относительно литературно-общественной дѣятельности ихъ авторовъ, касаясь въ то же время, прямо или косвенно, политическихъ обстоятельствъ и условій русской жизни, начиная съ эпохи шестидесятыхъ годовъ.

Наибольшій интересъ представляютъ, безъ сомнѣнія, двѣ обширныя группы писемъ—К. Д. Кавелина и гр. Алексѣя Толстого; нѣсколько яркихъ страницъ попадается и въ письмахъ Вл. Д. Спасовича, большая часть которыхъ относится, впрочемъ, къ послѣднему періоду его пребыванія въ Варшавѣ, когда онъ страдалъ отъ разныхъ болѣзней, вскорѣ сведшихъ его въ могилу. Политическія и соціальныя идеи В. Д. Спасовича были всегда болѣе или менѣе консервативны по существу, и даже въ области польскаго вопроса онѣ не выходили за предѣлы весьма скромнаго либеральнаго компромисса. «Свобода вѣроисповѣданія и новѣйшій указъ о западныхъ девяти губерніяхъ,—пишетъ онъ въ маѣ 1905-го года,—два громаднѣйшія событія, до какихъ я и не надѣялся дожить. Для Варшавы и Царства Польскаго, не смотря на всѣ безтактности моихъ земляковъ, придется получить многое и крупное, чего они на первыхъ порахъ не сумѣютъ и переварить. Мы въѣхали въ область невѣроятности, совершенной небывальщины; не смотря на тяжесть положенія вслѣдствіе его невообразимой запутанности, я полонъ надеждъ и ожиданій. Самое дорогое для меня—то сближеніе русскаго и польскаго обществъ, которое теперь совершается на моихъ глазахъ». Мѣсяцемъ позже авторъ уже признаетъ, что онъ и его единомышленники, какъ легальные и умѣренные люди, должны были стушеваться и «сданы какъ-будто бы въ отставку». Послѣ московскаго вооруженнаго возстанія онъ вѣритъ еще въ «возможность совладать съ революціонными элементами при содѣйствіи умѣрен-

ныхъ либеральныхъ людей», хотя это содѣйствіе либераловъ едва ли нужно было побѣдителямъ; онъ считаетъ «нелѣпостью» требованіе всеобщей подачи голосовъ и высказывается противъ термина «автономія», которымъ злоупотребляютъ его земляки. «Это черное пятно—остроумно замѣчаетъ онъ,—служитъ имъ вмѣсто отверстія, изъ котораго они вытаскиваютъ по возможности побольше историческаго старья съ тѣмъ, чтобы его реставрировать». Когда была выработана программа партіи демократическихъ реформъ, онъ подвергъ ее довольно рѣзкой критикѣ въ длинномъ письмѣ къ Мих. М-чу. Онъ осуждалъ оппозицію въ первой Думѣ за то, что она «подзадоривала правительство и вызывала его на насильственную катастрофу»; но и представителей правительства онъ признавалъ «мало образованными и не казистыми». Однако онъ находилъ спектакль разыгравшейся борьбы весьма интереснымъ. «Есть цвѣточки,—писалъ онъ,—будутъ и ягодки; порою попадаются между ними и весьма кислыя; тѣмъ не менѣе я счастливъ, что дожилъ до нашего тревожнаго времени, и не мирюсь съ пессимистическимъ взглядомъ на настоящее».

Замѣчательною искренностью и задушевностью тона отличаются письма Кавелина; иногда это цѣлыя разсужденія по разнымъ поводамъ, или живыя описанія деревенскихъ впечатлѣній, или мѣткія характеристики литературныхъ и общественныхъ дѣятелей. Говоря о бѣдственномъ состояніи крестьянъ въ 1876-мъ году, онъ удивляется увлеченію многихъ русскихъ людей турецкими дѣлами. Видя, какъ тяжело живется всѣмъ въ доступномъ его наблюденію районѣ, онъ «потерялъ всякій интересъ къ балканскимъ христіанамъ и ихъ бѣдствіямъ». «Думаю и даже имѣю наглость быть убѣжденнымъ,—замѣчаетъ онъ,—что прежде чѣмъ создавать счастіе и благоденствіе другихъ народовъ, слѣдуетъ устроить счастіе и благоденствіе своихъ. Положимъ, правительство, защищая международное положеніе Россіи, выставляетъ бѣдствіе балканскихъ христіанъ лишь предлогомъ или, какъ говорятъ мужики, «для близиру». Но мы то, мы,—изъ чего мы кипятимся о счастіи балканцевъ? У насъ столько около себя не только не счастливыхъ, но полудикихъ и голодныхъ. Сущіе мы азіаты—вотъ что!» Въ 1883-мъ году, въ отвѣтъ на сообщеніе объ извѣстной исторіи съ избраніемъ Мих. М-ча товарищемъ городского головы, Кавелинъ пишетъ ему: «...Вы обыкновенно отъ всего отшучиваетесь, но на этотъ разъ, видно, возмутительная и вопіющая несправедливость, совершенная надъ вами, и васъ проняла до живого мяса. Эхъ, Михаилъ Матвѣевичъ! Мало вы жили! Скажу вамъ, какъ Монтезума своему министру, когда испанцы жарили ихъ обоихъ на угляхъ и послѣдній потерялъ мужество: «а развѣ я (въ настоя-

щемъ случаѣ мы) сплю (спимъ) на розахъ»? ...Всѣ мы—compagnons d'infortune, и пора къ этому привыкнуть. Я по крайней мѣрѣ въ глубинѣ души сжился съ мыслью, что съ нашими взглядами и идеалами, какъ бы они ни расходились въ подробностяхъ,—одинъ исходъ: насъ будутъ всегда держать на Руси въ черномъ тѣлѣ, въ крайнемъ и лучшемъ случаѣ терпѣть и позволять, съ большими ограниченіями, заявлять о своемъ существованіи перомъ. Мы—тюремные сидѣльцы, которымъ, въ видѣ милости, позволяютъ иногда отвести душу вздохомъ, да и то не слишкомъ громкимъ, чтобы не потревожить сна тѣхъ, кому наши вздохи могутъ быть непріятны». Въ іюлѣ 1884-го года онъ съ радостнымъ чувствомъ сообщаетъ объ окончательномъ приготовленіи къ печати «Задачъ этики»: «Радуюсь, какъ школьникъ, чуть чуть не прыгаю, и если бъ вы были здѣсь, затормошилъ бы васъ совсѣмъ». Отдыхая въ деревнѣ послѣ этой крупной работы, онъ готовился уже приняться за новый большой трудъ—составленіе энциклопедіи основныхъ началъ и понятій изъ области соціальныхъ наукъ, съ вступительнымъ очеркомъ постепеннаго развитія человѣческаго общества отъ бродячаго быта до современнаго «концерта народовъ». «Вотъ о чемъ я еще осмѣливаюсь мечтать на старости лѣтъ,—писалъ онъ тогда Мих. М-чу,—точно собираюсь прожить еще лѣтъ двадцать! Но за послѣднее время я выучился работать, и надѣюсь года въ три-четыре совладать съ этимъ трудомъ». Кавелину было тогда 66 лѣтъ, и онъ уже не успѣлъ воспользоваться тѣмъ, что «выучился работать»: черезъ годъ онъ умеръ.

Истиннымъ украшеніемъ книги служатъ письма гр. Ал. Толстого, блещущія остроуміемъ и часто снабженныя юмористическими стихотвореніями. Авторъ откровенно критикуетъ содержаніе книгъ «Вѣстника Европы» и съ особенною ядовитостью высмѣиваетъ романъ Ауэрбаха «Дача на Рейнѣ»; онъ рѣзко отдѣлываетъ В. В. Стасова и потомъ раскаивается въ этомъ по прочтеніи его заключительной статьи о происхожденіи русскихъ былинъ. «Дѣло въ томъ,—говоритъ онъ,—что я писалъ сгоряча и, стало быть, сплеча. Я живу въ такомъ уединеніи, что сдѣлался подобенъ зельтерской водѣ, закупоренной въ бутылкѣ. Вынешь пробку, и вся вода выбѣжитъ». Поразительна авторская скромность Алексѣя Толстого. Онъ предполагаетъ, что Мих. М-чъ принялъ его «Царя Бориса» до прочтенія рукописи и могъ раздумать, прочитавъ ее. «Если оно такъ,—пишетъ онъ,—то я не только не обижусь, но почту знакомъ уваженія и довѣрія отъ васъ, если вы почтете наши условія comme non avenus... Однимъ словомъ, ради Бога, не стѣсняйтесь со мною изъ деликатности, да и не почтите меня обидчивымъ человѣкомъ. Я

очень строгъ къ другимъ, и почитаю совершенно справедливымъ, чтобы были строги и ко мнѣ». Въ другомъ письмѣ, упомянувъ о полученіи возвращенныхъ ему редакціей стихотвореній, онъ проситъ откровенно сказать ему, не сдѣлалось ли его имя неудобнымъ для журнала послѣ напечатанія его «Потока» въ «Русскомъ Вѣстникѣ». «Надѣюсь,—прибавляетъ онъ,—что вы не полагаете, что я обижусь, если вы мнѣ это скажете прямо, и что такое признаніе можетъ малѣйше охладить наши дружественныя отношенія». Успокоенный, повидимому, отвѣтомъ Мих. М-ча, онъ вновь посылаетъ ему «два стихотворенія, совершенно нейтральныхъ», съ слѣдующей оговоркой: «...если они вамъ не понравятся со стороны эстетической, то я васъ прошу отослать ихъ мнѣ безъ церемоніи, ибо откровенность въ нашихъ отношеніяхъ есть ихъ лучшая сторона и самая, для меня по крайней мѣрѣ, привлекательная». Затѣмъ, въ силу той же откровенности, онъ пускается въ подробный споръ по поводу возраженій Мих. М-ча противъ односторонней тенденціозности его «Потока».

Въ книгѣ напечатаны также письма и записочки Ал. Толстого къ Костомарову, написанныя забавнымъ лѣтописно-славянскимъ языкомъ. Интересныя черты для характеристики газетнаго дѣла въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ содержатся въ перепискѣ В. Ѳ. Корша съ Мих. М-чемъ (стр. 473—539), причемъ выясняется давнишнее стремленіе послѣдняго къ основанію или пріобрѣтенію собственнаго ежедневнаго органа печати,—стремленіе, встрѣчавшее всякія безсмысленныя препоны и завершившееся въ началѣ 1882 г. вынужденнымъ закрытіемъ такой образцово-корректной и осторожной газеты, какъ «Порядокъ».

Л. Слонимскій.

— Н. П. Кашинъ. Этюды объ Островскомъ. М. 1912.

Авторъ «Этюдовъ» сообщаетъ, что ему, если не считать одной журнальной статьи, «первому пришлось приступить къ обстоятельному изученію драгоцѣннаго матеріала, представляемаго рукописями нашего великаго драматурга», что и повело къ появленію предлагаемой нынѣ читателямъ книги. Большинство составляющихъ ее статей посвящено вопросу объ источникахъ произведеній Островскаго. Разсмотрѣны не всѣ пьесы Островскаго, и притомъ не всѣ-изъ разсмотрѣнныхъ пьесъ—произведенія выдающіяся. Въ отношеніи бытовыхъ пьесъ авторъ стремится установить фактъ вліянія на Островскаго пьесъ, разныхъ авторовъ репертуара сороковыхъ годовъ, а въ отношеніи историческихъ пьесъ—тѣсную зависимость

Островскаго отъ историческихъ и юридическихъ актовъ и памятниковъ старинной письменности. Характеръ вліянія на Островскаго формулированъ, однако, нѣсколько странно. «Вліяніе это — пишетъ г. Кашинъ въ своихъ «общихъ выводахъ» изъ этюдовъ,— сводилось къ тому, что чужія произведенія наводили Островскаго на мысль изобразить то или другое явленіе окружающей жизни, подсказывали ему тѣ или другіе характеры, сцены, положенія, мотивы. Но въ обработкѣ всего этого нашъ драматургъ оставался вполнѣ самобытнымъ писателемъ: краски для тѣхъ или другихъ характеровъ, содержаніе его произведеній взяты изъ окружающей его дѣйствительности». Съ большимъ усердіемъ авторъ разыскиваетъ, руководясь случайными упоминаніями у Островскаго, ту или другую старинную пьесу и тщательно выслѣживаетъ совпаденія и контрасты между Островскимъ и авторомъ данной древности, какой-нибудь ничтожной «Жизни игрока» или «Двумужницы». Иногда эти совпаденія дѣйствительно любопытны и показываютъ, что когда Островскій писалъ ту или иную вещь, въ его творческомъ процессѣ иногда преображались реминесценціи хорошо ему извѣстнаго по впечатлѣніямъ молодости стариннаго репертуара. Но совершенно невозможно думать, чтобъ въ дѣйствительности дѣло было такъ, какъ представляется г. Кашину: чтобы Островскій *исходилъ* въ своемъ творчествѣ отъ чужихъ пьесъ такъ, какъ бы онѣ лежали предъ нимъ на столѣ и случайно привлекли къ себѣ его вниманіе. Конечно, не «Ябеда» и не «Горе отъ ума» сами по себѣ побудили его написать «Доходное мѣсто», пьесу 1856-го года, всю обвѣянную надеждами перваго расцвѣта эпохи реформъ, и не шериданова «Школа злословія» сама по себѣ вдохновила его на изображеніе Глумова въ комедіи 1868-го года: «На всякаго мудреца довольно простоты», то есть на изображеніе того беззастѣнчиваго пройдошества и циничной погони за карьерою, которыя развернулись въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ незавершенныхъ и неудавшихся, какъ бы слѣдовало, реформъ. *Первоначальный* толчокъ творчеству былъ явно данъ здѣсь непосредственно жизнью. Полное извращеніе перспективы творчества Островскаго возникло у г. Кашина вслѣдствіе того, что онъ систематически устраняетъ изъ своего поля зрѣнія рѣшительно все, кромѣ текстовъ Островскаго и текстовъ старинныхъ пьесъ. Онъ какъ будто не подозрѣваетъ сравнительной скудости собственно архитектурныхъ сюжетовъ комедіи и драмы, скудости, которая даетъ возможность дѣлать сравненія и сопоставленія существенно различныхъ произведеній, часто составляющія совершенно безплодную формальную игру. Этой игры и натянутыхъ сближеній въ этюдахъ г. Кашина до крайности много. Сопоставляя пьесу Островскаго «Правда хорошо, а

счастье лучше» и водевиль «Наполеоновскій инвалидъ», онъ, напр., пишетъ, что въ «Инвалидѣ» есть сцена, когда приносятъ письмо; письмо фигурируетъ и въ комедіи нашего драматурга. Это — заимствованіе! Какъ будто письмо въ качествѣ двигателя интриги не есть одинъ изъ самыхъ избитыхъ драматическихъ пріемовъ. Не случайнымъ здѣсь же кажется г. Кашину и то, что первое дѣйствіе водевиля происходитъ въ трактирномъ саду, а первое дѣйствіе у Островскаго также въ саду, хотя и не трактирномъ, и т. п. Можно пожалѣть, что авторомъ такъ сухо и односторонне принятъ самъ по себѣ плодотворный методъ сравнительнаго изученія. Его этюды даютъ лишь нѣкоторый матеріалъ для будущихъ изслѣдователей Островскаго. Относительно историческихъ пьесъ Островскаго г. Кашинъ сообщаетъ, по рукописямъ Островскаго, точныя свѣдѣнія о тѣхъ матеріалахъ, изъ которыхъ строилъ Островскій, напр., «Минина». Въ приложеніи данъ впервые гедеоновскій текстъ «Василисы Мелентьевой», показывающій, какъ сильно передѣлалъ Островскій блѣдный и мелодраматическій замыселъ Гедеонова, взявъ изъ его текста лишь немногіе стихи.—Къ сожалѣнію, Островскаго изучаютъ у насъ мало, и поэтому нельзя не оцѣнить любовнаго вниманія автора къ Островскому.

— Письма А. П. Чехова. Томъ I (1876—1887). Съ иллюстраціями. Изданіе М. П. Чеховой. Москва, 1912. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вскорѣ по кончинѣ Чехова его письма, какъ необыкновенно живой матеріалъ для его характеристики и біографіи, стали предметомъ вниманія не только писавшихъ о Чеховѣ и читателей, но и спекулянтовъ-компиляторовъ, издававшихъ эти письма въ случайномъ наборѣ, съ пропусками, искаженіями и ошибочными комментаріями. Въ настоящее время изданіе писемъ взяла на себя семья покойнаго писателя, при чемъ задачею изданія поставлено исчерпать по возможности всю сохранившуюся переписку А. П. и снабдить ея текстъ необходимыми объясненіями. Первый томъ заключаетъ въ себѣ письма 1876—1887 гг. Письмамъ предпосланъ біографическій очеркъ (1860—1887 гг.), написанный М. П. Чеховымъ и дающій внѣшнюю руководящую нить при чтеніи писемъ. Въ вышедшемъ первомъ томѣ много новаго. Письма даны большею частью по подлинникамъ и перемежаются массой портретовъ Чехова и его родни. Блещутъ и искрятся юморомъ всѣ письма студенческихъ лѣтъ и первыхъ лѣтъ литературной работы Чехова въ юмористическихъ изданіяхъ. Письма къ Н. А. Лейкину, редактору «Оскол-

ковъ», гдѣ Чеховъ не только набивалъ руку, но далъ также и рядъ очерковъ, доставившихъ ему, по выходѣ сборника «Пестрыхъ разсказовъ», значительную литературную извѣстность,—интересны со стороны той борьбы, какую пришлось вести писателю, отстаивавшему свою литературную индивидуальность. Отъ него ждутъ непремѣнно «юмористическихъ» вещей, и онъ, напр., въ такихъ выраженіяхъ робко оправдывается предъ Лейкинымъ: «Вы à propos замѣчаете, что моя «Верба и воръ» нѣсколько серьезна для «Осколковъ». Пожалуй, но я не посылалъ бы вамъ не смѣхотворныхъ вещицъ, если бы не руководствовался при посылкѣ кое-какими соображеніями. Мнѣ думается, что серьезная вещица, маленькая, строкъ примѣрно въ сто, не будетъ сильно рѣзать глазъ, тѣмъ болѣе, что въ заголовкѣ «Осколковъ» нѣтъ словъ «юмористическій и сатирическій», нѣтъ рамокъ въ пользу безусловнаго юмора. Вещичка (не моя, а вообще) легонькая, въ духѣ журнала, содержащая въ себѣ фабулу и подобающій протестъ, насколько я успѣлъ подмѣтить, читается охотно, сирѣчь не дѣлаетъ суши». Въ скобкахъ Чеховъ замѣчаетъ далѣе, видимо тяготясь уже необходимостью давать только смѣшное (письмо писано въ мартѣ 1884 г.): «да и правду сказать, трудно за юморомъ гоняться. Иной разъ погонишься за юморомъ да такую штуку сморозишь, что самому тошно станетъ!» Другія письма очень интересны, какъ стенографическая запись впечатлѣній, послужившихъ потомъ сюжетами нѣкоторыхъ разсказовъ. Напр., въ письмѣ тому же Лейкину отъ 27 іюня 1884-го года находимъ разсказъ о вскрытіи Чеховымъ, въ качествѣ врача, мертваго тѣла. Здѣсь рисуется «встревоженная деревушка, понятые, десятскій съ бляшкой, баба-вдова, голосящая въ 200 шагахъ отъ мѣста вскрытія, и два мужика въ роли кустодіевъ около трупа... Около молчащихъ кустодіевъ тухнетъ маленькій костеръ»... И такихъ сценокъ въ письмахъ мелькаетъ довольно много. Участвуя въ «Осколкахъ» присылкой набросковъ, Чеховъ, какъ видно изъ писемъ, принимаетъ въ дѣлахъ журнала живое участіе, между прочимъ—давая темы рисовальщикамъ журнала и сочиняя подписи къ рисункамъ. Такъ, въ письмѣ 22 марта 1885 года, по поводу празднествъ въ память Кирилла и Меѳодія, проводится параллель между IX и XIX вѣками... «Нарисуйте чистенькую избушку съ вывѣской «школа». Вокругъ одѣтые и сытые мужики... Это IX вѣкъ... Рядомъ съ нимъ XIX вѣкъ: та же избушка, но уже похилившаяся и поросшая крапивой»... Это—время мелкой затяжной работы, въ которую молодой писатель пытался, но кажется—тщетно, внести больше осмысленности. Оплачивалась работа плохо, какъ видно изъ многихъ писемъ. Нуженъ былъ огромный запасъ и таланта, и нравственной энергіи, чтобы

выбиться изъ этихъ задворковъ литературы въ ея широкое русло. Извѣстно письмо Чехова 1886-го года, въ которомъ молодой писатель горячо благодаритъ престарѣлаго Д. В. Григоровича за товарищескій привѣтъ. Въ рамкѣ прочихъ одновременныхъ писемъ Чехова, посвященныхъ мелочамъ, письмо это производитъ сильное впечатлѣніе; становится яснымъ, что оно составило виднѣйшее событіе тогдашней жизни Чехова. Отнынѣ онъ глубже и серьезнѣе смотритъ на литературу. Для характеристики его взглядовъ любопытно большое письмо къ М. В. Киселевой (14 янв. 1887 г.) по поводу разсказа «Тина». Корреспондентка Чехова упрекала его за скользкій сюжетъ разсказа. «Я, такъ же какъ и вы, не люблю литературы того направленія, о которомъ у насъ съ вами идетъ рѣчь»,—пишетъ Чеховъ; но онъ отстаиваетъ право литературы обращаться къ тому матеріалу, которымъ другіе пользуются ради порнографіи. «Думать, что на обязанности литературы лежитъ выкапывать изъ кучи негодяевъ «зерно»—значитъ отрицать самую литературу. Художественная литература потому и называется художественной, что рисуетъ жизнь такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ. Ея назначеніе — правда, безусловная и честная. Съуживать ея функціи такою спеціальностью, какъ добываніе «зеренъ», такъ же для нея смертельно, какъ если бы вы заставили Левитана рисовать дерево, приказавъ ему не трогать грязной коры и пожелтѣвшей листвы. Я согласенъ, «зерно» хорошая штука, но вѣдь литераторъ не кондитеръ, не косметикъ, не увеселитель; онъ человѣкъ обязанный, законтрактованный сознаніемъ своего долга и совѣстью; взявшись за гужъ, онъ не долженъ говорить, что не дюжъ, и какъ ему не жутко, онъ обязанъ бороть свою брезгливость, марать свое воображеніе грязью жизни... Литераторъ долженъ быть такъ же объективенъ, какъ химикъ; онъ долженъ отрѣшиться отъ житейской субъективности и знать, что навозныя кучи въ пейзажѣ играютъ очень почтенную роль, а злыя страсти такъ же присущи жизни, какъ и добрыя»... Въ отношеніи же возможныхъ злоупотребленій и уклоновъ при неизбѣжномъ воспроизведеніи «навозныхъ кучъ», «какъ ни думайте, лучшей полиціи не изобрѣтете для литературы, какъ критика и собственная совѣсть авторовъ».—Въ это время критика уже серьезно считалась съ Чеховымъ. Въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Богатства»—сообщаетъ онъ въ томъ же письмѣ,—«гдѣ печатается Левъ Толстой, есть статья Оболенскаго (два печатныхъ листа) подъ заглавіемъ «Чеховъ и Короленко». Малый восторгается мной и доказываетъ, что я больше художникъ, чѣмъ Короленко... Вѣроятно, онъ вретъ, но все-таки я начинаю чувствовать за собой одну заслугу: я единственный, не печатавшій въ толстыхъ журналахъ, писавшій газетную дрянь, завоевалъ вниманіе вислоухихъ

критиковъ—такого примѣра еще не было!..» Всего въ первый томъ вошло 147 хронологически расположенныхъ писемъ, кончая 1887 г., то есть временемъ постановки «Иванова» и сближеніемъ Чехова съ большими журналами. Жизнь Чехова развертывается въ новомъ изданіи его писемъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, и это, пока что, лучшая его біографія, рисующая смѣну настроеній, мыслей и мелочей жизни Чехова въ ихъ увлекающей простотѣ, со всею задушевной мягкостью и сердечностью его натуры.

Ч. В—скій.

— А. Кипенъ. Разсказы. Т. I, Москва, 1911 г.

Простота является отличительной чертой какъ замысла, такъ и изложенія этихъ разсказовъ. Отсюда и ихъ неоспоримыя достоинства, и нѣкоторые недостатки. Авторъ не задается головоломными задачами; онъ всегда вѣренъ своему тону повѣствователя. Область его—только наблюденія. Онъ относится къ нимъ вдумчиво, серьезно и правдиво передаетъ ихъ, иногда въ нѣсколько сыромъ видѣ. Въ послѣднемъ—главный дефектъ творчества г. Кипена; въ немъ нѣтъ полета, онъ слишкомъ на землѣ, весь во власти видѣннаго и слышаннаго, того, что дѣйствительно было. Даже попытка типизировать явленія и образы ему не удается. Разсказъ: «Бирючій островъ», съ горьковскими героями, гдѣ авторъ больше всего склоненъ къ такому типизированію, производитъ наиболѣе слабое впечатлѣніе. Чѣмъ менѣе сложенъ сюжетъ, тѣмъ лучше онъ удается г. Кипену. Разсказъ: «Метеорологическая станція» почти анекдотиченъ по простотѣ и конкретности—но это хорошій анекдотъ, онъ такъ разсказанъ, что захватываетъ и трогаетъ. Фигура чудака Акима Даниловича, кропотливо добросовѣстнаго «наблюдателя» на метеорологической станціи, пришедшаго въ отчаяніе отъ того, что въ обсерваторіи не замѣтили его маленькой небрежности, нарисована съ лирическимъ юморомъ и съ большимъ идеализмомъ. Этотъ коротенькій разсказъ показываетъ, что «крылатость» вообще не совсѣмъ чужда творчеству г. Кипена, а просто, можетъ быть, не успѣла еще въ немъ проявиться. Крылья могутъ у него еще вырости: вѣдь онъ относится къ тому, что описываетъ, любовно и проникновенно.

Бо́льшая часть разсказовъ посвящена изображенію провинціи. Горькій смѣхъ, а иногда и злоба, сквозитъ у автора въ его повѣствованіи. И правда, не красна провинція у г. Кипена (да и гдѣ она красна?): запуганная, трусливая и жалкая, невѣжественная, лѣнивая, раболѣпствующая предъ всякимъ чиномъ и титуломъ, презирающая трудъ и инициативу. Въ разсказѣ «Шпіонъ» описывается, какъ до-

сужіе обыватели провинціальнаго (университетскаго!) города устроили кружокъ для чтенія Шекспира, окруживъ себя конспираціей, и когда къ нимъ попалъ мало знакомый человѣкъ, немедленно заподозрили его въ шпіонствѣ. Полна комизма та ночная сцена, когда сконфуженный хозяинъ дома, обнаруживъ свою ошибку, тотчасъ отправился съ двумя пріятелями къ обиженному, чтобы извиниться. Тотъ былъ такъ пораженъ, что, игнорируя свою обиду, воскликнулъ: «Но чего же вы испугались, однако? Неужели же, чортъ возьми, вы такъ запуганы, что Шекспира читать боитесь?» Одинъ изъ гостей нерѣшительно забормоталъ:—«наша интеллигенція, дѣйствительно... того... она запугана! Что вы хотите? Она запугана!» Возможно, что наблюденія автора относятся къ до-революціонному періоду; въ революціонные дни провинція проявляла иногда даже слишкомъ много храбрости, какъ будто ее кто-нибудь подмѣнилъ. Но въ основѣ, она—все та же и въ наши дни. Въ очеркѣ: «Аграрный вопросъ» разсказано, какъ ученый земскій агрономъ не могъ въ собраніи дочитать своего доклада и былъ безцеремонно не дослушанъ, потому что вниманіемъ овладѣлъ болѣе почетный посѣтитель, графъ. Въ разсказахъ «Ливерантъ» и «Иже еси на небеси» тонко и съ юморомъ выставлено юдофобство провинціи, вымещающей свою запуганность на еще болѣе запуганныхъ и приниженныхъ.

По манерѣ письма г. Кипена слѣдуетъ отнести къ повѣствователямъ-реалистамъ. Но на его реализмѣ—покровъ свѣжести и новаторства. Онъ умѣетъ заинтересовать, подойти къ предмету своеобразно. Его повѣствованіе, несмотря на непринужденную свободу и простоту, отличается образностью. Къ сожалѣнію, не всѣ его разсказы обладаютъ этими достоинствами въ одинаковой мѣрѣ. Среди нихъ попадаются скучноватые, слабые.

Е. Колтоновская.

— Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя, подъ редакціей Н. И. Коробки. Томъ I. Юношескіе опыты и «Вечера на хуторѣ».

Редактированное покойнымъ Н. С. Тихонравовымъ десятое изданіе сочиненій Гоголя считается работой «канонической», образцовой. Дѣйствительно, тихонравовская редакція отличается большими достоинствами; но она не лишена и погрѣшностей, которыя, какъ видно изъ приведенныхъ г. Коробкой краснорѣчивыхъ примѣровъ, произошли отъ недостаточнаго выясненія основныхъ редакціонныхъ пріемовъ и выразились удержаніемъ въ текстѣ не-гоголевскихъ поправокъ и измѣненій, вставкой отброшенныхъ Гоголемъ мѣстъ, возвращеніемъ къ черновымъ варіантамъ и непослѣдовательнымъ ихъ изученіемъ.

Новый редакторъ поставилъ себѣ задачей «освобожденіе гоголевскаго текста отъ всякихъ поправокъ и установленіе послѣдней гоголевской редакціи текста», надъ которымъ еще при жизни Гоголя хозяйничали Н. Прокоповичъ, Плетневъ, Шевыревъ. Поэтому въ основу своей работы г. Коробка кладетъ собственноручныя рукописи Гоголя или исправленныя и такимъ образомъ авторизованныя имъ рукописныя копіи, а гдѣ такихъ не оказывается—послѣдній печатный текстъ, вышедшій подъ наблюденіемъ автора, и принимаетъ всѣ поправки, несомнѣнно принадлежащія Гоголю. Изданіе разсчитано на девять томовъ; начало его передъ нами. Каждому отдѣлу редакторъ предпосылаетъ небольшую вступительную статью, сообщаетъ варіанты и даетъ примѣчанія къ каждому отдѣльному произведенію. Первый томъ снабженъ вдумчивымъ и изящнымъ очеркомъ личности, жизни и творчества Гоголя (въ біографическомъ отношеніи, впрочемъ, бѣднымъ и черезчуръ бѣглымъ), краткой библіографіей литературы о Гоголѣ (къ сожалѣнію, слишкомъ ужъ краткой) и хронологическими таблицами, въ которыя занесены главные факты жизни писателя и выдающіяся общественныя явленія его эпохи. Исправимъ двѣ-три ошибки. Подъ 1823 г. г. Коробка отмѣчаетъ появленіе первыхъ главъ «Евгенія Онѣгина»; это невѣрно—первая глава вышла въ февралѣ 1825 г. Не въ 1824 г., какъ думаетъ г. Коробка, слѣдуя явно ошибочной датѣ письма, а въ 1825 г. Гоголь просилъ отца прислать ему «Онѣгина». Появленіе «философическаго письма» Чаадаева и закрытіе «Телескопа» надо датировать не началомъ 1836-го года, а октябремъ. Напрасно также приписываетъ г. Коробка Валерію Брюсову честь раскрытія гоголевскаго гиперболизма. Взглядъ Брюсова не оригиналенъ: его давно уже высказывали А. А. Потебня и Н. А. Котляревскій.

По строгости и самостоятельности принциповъ редакціи, новое изданіе сочиненій Гоголя представляетъ собою большой шагъ впередъ. Найбольшія трудности редакціонной работы—впереди, и мы можемъ только пожелать редактору, чтобы послѣ его работы текстъ произведеній Гоголя можно было назвать вполнѣ выясненнымъ и незыблемо установленнымъ.

Н. Л.

— Б. А. Тураевъ, проф. Спб. Университета. Исторія древняго Востока Часть II. С.-Петербургъ. 1912 г.

Намъ уже приходилось на страницахъ «Вѣстника Европы» отмѣчать выдающіяся достоинства первой части курса исторіи древняго Востока проф. Тураева. Появившаяся въ настоящее время вторая

часть заканчиваетъ этотъ цѣнный оригинальный трудъ. Какъ и въ ранѣе вышедшемъ первомъ, такъ и въ настоящемъ томѣ на каждомъ шагу даетъ себя знать обширная и глубокая эрудиція автора; каждое его положеніе, каждый выводъ покоятся на первоисточникахъ, обширныя выдержки изъ которыхъ украшаютъ и оживляютъ изложеніе.

Открываетъ второй томъ обширный отдѣлъ, посвященный эпохѣ преобладанія Ассиріи. Здѣсь, на ряду съ прекраснымъ очеркомъ ассирійской культуры и ассирійскихъ завоеваній, особенно слѣдуетъ отмѣтить главу, трактующую о финикіянахъ: проф. Тураевъ остроумно разбирается въ спорныхъ и сложныхъ вопросахъ исторіи Финикіи, подвергаетъ любопытнѣйшему и подробнѣйшему анализу религіозныя вѣрованія народа-мореплавателя. Для русскаго читателя большой интересъ представляетъ глава о Ванскомъ царствѣ, обширномъ и мощномъ государствѣ, захватывавшемъ и наше Закавказье и во многомъ открытомъ теперь спеціальными экспедиціями и изслѣдованіями Московскаго Археологическаго Общества (экспедиціи М. В. Никольскаго и А. А. Ивановскаго, публикація добытыхъ матеріаловъ въ «Матеріалахъ по археологіи Кавказа»). Замыкаетъ отдѣлъ съ подъемомъ написанная глава о пророческомъ движеніи въ древнемъ Израилѣ. Слѣдующій отдѣлъ второго тома описываетъ событія Мидо-Халдейскаго преобладанія; авторъ ярко рисуетъ паденіе Ассиріи, подъемъ Мидіи, краткое и эфемерное существованіе ново-вавилонскаго царства (время халдейской династіи въ Вавилонѣ) и, наконецъ Египетъ въ Саисскую эпоху—причудливый и своеобразный періодъ реставраціи и египетскаго ренессанса. Подробно и обстоятельно изложена въ курсѣ персидская эпоха, занимающая послѣдній и наиболѣе обширный отдѣлъ тома (стр. 136—286). Въ рядѣ главъ дается всесторонняя и детальная исторія Персидскаго царства и персидской культуры. Особенное вниманіе въ послѣднемъ отдѣлѣ обращаетъ на себя глава о Напатѣ и Мероэ; здѣсь проф. Тураевъ, пользуясь новѣйшими археологическими открытіями, даетъ яркую характеристику этого оригинальнаго царства нубійскихъ чернокожихъ, цѣплявшихся за крохи египетской цивилизаціи. Эта глава тѣмъ болѣе интересна, что въ русской ученой литературѣ почти ничего не имѣется по поводу мероитской культуры и послѣднихъ раскопокъ въ Нубіи. Въ заключительныхъ главахъ курса проф. Тураевъ слѣдитъ за первыми проявленіями эллинизма, за побѣдоносными движеніями Запада на Востокъ, кульминаціоннымъ внѣшнимъ пунктомъ этого движенія («Александръ на Востокѣ») и окончательнымъ паденіемъ Вавилона.

И. Бороздинъ.

— Генри-Чарльсъ Ли. Исторія инквизиціи въ средніе вѣка. Переводъ съ франц. А. В. Башкирова подъ редакціей С. Г. Лозинскаго. Т. I и II Съ иллюстраціями. Спб., 1911—12. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ.

Сочиненіе Ли принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя соединяютъ въ себѣ достоинства объективнаго научнаго изслѣдованія съ необыкновенною занимательностью содержанія и увлекательною живостью изложенія. Это не просто обстоятельный историческій трактатъ, основанный на исчерпывающемъ изученіи архивныхъ и книжныхъ матеріаловъ, а рядъ яркихъ и поучительныхъ картинъ, изображающихъ идейную жизнь, нравы и понятія значительной части культурнаго человѣчества въ продолженіе такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заключая въ себѣ огромную массу фактическихъ свѣдѣній, книга Ли детально знакомитъ читателя съ послѣдовательнымъ ходомъ внутренней исторіи различныхъ странъ и народовъ отъ XII-го столѣтія до новыхъ временъ.

Въ концѣ своего обширнаго труда авторъ вкратцѣ резюмируетъ тѣ выводы, къ какимъ приводитъ изученіе мрачныхъ дѣлъ инквизиціи. «Инквизиція,—говоритъ онъ,—это чудовищное порожденіе ложнаго рвенія, служа эгоистичной алчности и жаждѣ власти, была направлена на подавленіе самыхъ высокихъ стремленій человѣчества и на возбужденіе самыхъ низкихъ его инстинктовъ. Тѣмъ не менѣе развитіе человѣчества идетъ, хотя и медленно, впередъ,—и сравнивая между собою эпохи, раздѣленныя долгими промежутками времени, мы можемъ судить о томъ, какъ много пройдено нами». Изученіе безумій и преступленій нашихъ предковъ—поясняетъ Ли—«открыло предъ нами драму почти безпрерывнаго ужаса. Мы видѣли, какъ плохо вдохновленная человѣческая воля, бродившая ощупью въ потемкахъ и побуждаемая самыми похвальными стремленіями, сдѣлалась причиною бѣдствія и отчаянія, думая, что она служитъ Богу; мы видѣли, какъ честолюбивые и безсовѣстные люди сыграли на добрыхъ инстинктахъ своихъ ближнихъ, чтобы удовлетворить свою жажду къ деньгамъ и къ господству. Однако, если хорошо вникнуть, то этотъ очеркъ даетъ намъ надежду и ободряетъ насъ. Въ интересахъ современнаго общества, когда ищутъ немедленнаго излеченія отъ множества золъ, гнетущихъ человѣчество, когда нетерпѣливые умы горятъ желаніемъ ниспровергнуть соціальное зданіе, въ надеждѣ создать новую организацію, въ которой будетъ неизвѣстно неизбѣжное зло, полезно бросить взглядъ назадъ, приподнять покровъ, скрывающій страсти и страданія прошлыхъ поколѣній, и оцѣнить по достоинству уже осуществившійся прогрессъ». Конечно, опытъ прошлаго скорѣе подтвер-

ждастъ, чѣмъ опровергаетъ необходимость сознательныхъ перемѣнъ и улучшеній въ условіяхъ жизни человѣчества, и исторія инквизиціи всего менѣе даетъ намъ матеріалъ для оптимизма въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сочиненіе Ли украшено массою превосходно исполненныхъ иллюстрацій и издано вообще роскошно; русскій переводъ сдѣланъ по французскому изданію, редактированному извѣстнымъ археологомъ Соломономъ Рейнакомъ, и отличается, насколько намъ удалось провѣрить, безукоризненною точностью.

Л. С.

— Проф. А. Филиппсонъ. Средиземье (область Средиземнаго моря). Его географическая и культурная характеристика. Съ 10 табл. (ландшафтами), 10 картами и 9 чертежами въ текстѣ. Переводъ со 2-го нѣм. изданія П. А. Бѣльскаго, подъ редакціей проф. Д. Н. Анучина. Москва. 1911. Ц. 1 руб. 50 к.

Учебники географіи для среднихъ учебныхъ заведеній отличаются обыкновенно сухостью, загромождаясь перечнями названій, необходимыхъ для заучиванья; руководства же для высшихъ учебныхъ заведеній являются въ большинствѣ случаевъ слишкомъ пространными и недоступными для широкаго круга читателей. Между тѣмъ, какъ среди учащихся, такъ и въ широкой публикѣ всегда имѣется интересъ къ географіи, о чемъ свидѣтельствуетъ большой успѣхъ переводовъ всѣхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ иностранныхъ путешествій. Въ послѣднее время у насъ увеличивается и спросъ на популярно изложенныя, но далекія отъ учебнаго шаблона сочиненія научнаго характера, касающіяся описанія отдѣльныхъ странъ. Къ числу такихъ книгъ принадлежитъ интересный и полезный трудъ нѣмецкаго профессора Филиппсона, возникшій изъ ряда лекцій, прочитанныхъ для учительницъ впервые въ 1910 г. Уже это обстоятельство показываетъ общедоступность книги и въ то же время научность ея. Трудно найти географическую область, которая представляла бы такой спеціальный интересъ для жителей сѣвера, какъ область Средиземнаго моря, куда ежегодно отправляется масса русскихъ туристовъ; однако на русскомъ языкѣ почти нѣтъ доступныхъ для не-спеціалиста научныхъ книгъ, посвященныхъ этой области во всемъ ея объемѣ. Въ книгѣ Филиппсона мы имѣемъ попытку представить обзоръ всѣхъ странъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, какъ одно географическое цѣлое, единое «по исторіи своего возникновенія, по своимъ физическимъ свойствамъ и по своему органическому

міру», и являющееся въ то же время колыбелью европейской культуры. Поэтому, кромѣ чисто географическаго описанія авторъ даетъ также общій обзоръ исторической роли Средиземноморья, какъ звена между древней азіатской культурой и современной — сѣверноевропейской. Послѣ подробнаго геологическаго и географическаго описанія Средиземья, его гидрографіи и добываемыхъ въ морѣ продуктовъ, авторъ детально останавливается на характеристикѣ его береговой линіи, какъ могущественнаго фактора въ развитіи культуры Средиземныхъ странъ. Въ отдѣлѣ о климатѣ, почвѣ, фаунѣ и флорѣ обращаютъ на себя вниманіе цѣнныя подробности о культурныхъ растеніяхъ и системахъ земледѣлія. Наиболѣе интересными являются послѣднія главы—о человѣкѣ, дающія возможность оріентироваться въ безконечномъ разнообразіи культуръ и національныхъ особенностей жителей Средиземья. Мы находимъ тутъ и краткіе историческіе обзоры образованія современныхъ государствъ. Любопытна глава о соціальномъ строѣ и объ обычаяхъ жителей Средиземья, въ противоположность жизни сѣверянъ. Здѣсь авторъ подчеркиваетъ разницу между «нами, сѣверянами» и южанами—разницу, происходящую прежде всего отъ климатическихъ условій «солнечныхъ береговъ» Средиземья. Такъ какъ условія жизни обывателя сѣверной Россіи сходны съ условіями сѣв. Германіи, то параллели эти не лишены интереса и для русскаго читателя. Книга заканчивается описаніемъ промышленности, торговли, путей сообщенія Средиземья и историческимъ обзоромъ всѣхъ важныхъ портовъ и городовъ его. Къ числу недостатковъ книги нужно отнести нѣкоторую односторонность въ подборѣ приложенныхъ (очень хорошо исполненныхъ) фотографій. Повидимому это снимки только тѣхъ мѣстъ, гдѣ лично бывалъ авторъ, такъ какъ изъ 13 фотографій 11 касаются Греціи и Малой Азіи; поэтому фотографіи, въ противоположность тексту, совершенно не даютъ понятія о разнообразіи Средиземья, а между тѣмъ онѣ увеличиваютъ стоимость книги. Въ русскомъ изданіи нѣкоторыя карты воспроизведены въ уменьшенномъ масштабѣ. Жаль, что къ ихъ числу отнесена наиболѣе интересная въ практическомъ отношеніи карта путей сообщенія Средиз. моря, тогда какъ, напр., карта распредѣленія дождей оставлена въ большомъ масштабѣ. Переводъ и изданіе книги не оставляютъ желать ничего лучшаго.

А. Щ.

— Н. Н. Полянскій. Статьи по уголовному праву. М. 1912 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Центральной частью сборника статей г. Полянскаго является догматическій очеркъ: «Русское уголовное законодательство о стач-

кахъ». Это—извлеченіе изъ обширнаго изслѣдованія автора: «Коалиціи рабочихъ и предпринимателей съ точки зрѣнія уголовнаго права», напечатаннаго въ 35-мъ выпускѣ «Ученыхъ записокъ Императорскаго Московскаго Университета» и не поступившаго въ отдѣльную продажу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, названная статья составляетъ дополненіе къ болѣе ранней работѣ г. Полянскаго: «Стачки рабочихъ и уголовный законъ». Нельзя не привѣтствовать мысль г. Полянскаго сдѣлать доступнымъ читателю, и въ частности—судебному практику, этотъ свой трудъ, содержащій весьма тщательный, часто мастерской анализъ постановленій нашего дѣйствующаго законодательства о стачкахъ. Въ этой области авторъ по справедливости долженъ быть признанъ піонеромъ. Законодательный матеріалъ распредѣленъ имъ слѣдующимъ образомъ: 1) наказуемыя забастовки (рабочія и служебныя); 2) подстрекательство и возбужденіе къ забастовкѣ и участіе въ сообществѣ, направившемъ свою дѣятельность на возбужденіе къ забастовкѣ; 3) поврежденіе имущества участниками забастовки; 4) принужденіе къ забастовкѣ или къ участію въ ней; 5) анализъ ст. 269[1] Улож. о нак., направленной противъ возникновенія стачекъ среди сельскихъ рабочихъ. Авторъ пользуется сравнительнымъ методомъ и сообщаетъ попутно много интересныхъ свѣдѣній изъ области регламентаціи стачекъ въ законодательствахъ Зап. Европы и Америки.

Къ числу статей, посвященныхъ догматической разработкѣ матеріальнаго уголовнаго права, относятся; далѣе: «Государственныя преступленія по Уголовному Уложенію»—докладъ, прочитанный въ собраніи русской группы Международнаго Союза Криминалистовъ (1909 г.), «Ростовщичество» и «По поводу проекта отмѣны ст. 51[4] уст. о нак.» Вопросы процессуальные разсматриваются, между прочимъ, въ статьяхъ: «Защита и обвиненіе по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ», «Право обществъ на уголовный искъ». Въ послѣдней статьѣ авторъ даетъ обстоятельный обзоръ положенія частныхъ обществъ въ дѣлѣ преслѣдованія преступленій по англо-американскому законодательству и знакомитъ съ движеніемъ въ пользу признанія этого права за обществами во Франціи—движеніемъ, встрѣчающимъ рѣшительное противодѣйствіе со стороны приверженцевъ обвинительной монополіи прокуратуры. Авторъ полагаетъ, что разсматриваемая мѣра имѣла бы значеніе и у насъ, впрочемъ—болѣе принципіальное, чѣмъ практическое; этой мѣрой «принципъ участія общества въ отправленіи правосудія, уже получившій примѣненіе къ наиболѣе важному моменту уголовнаго процесса—къ постановкѣ приговора (вердиктъ присяжныхъ) былъ бы распространенъ и на другой моментъ процесса: обвиненіе въ преступленіи». Практически этимъ правомъ у насъ могли бы съ успѣ-

хомъ воспользоваться общества защиты женщинъ и попеченія о дѣтяхъ.

Особое мѣсто занимаютъ въ сборникѣ статьи, излагающія взгляды автора на объемъ и задачи уголовнаго права и процесса, какъ научныхъ дисциплинъ («Къ вопросу объ объемѣ науки уголовнаго права», «Уголовный процессъ и антропологическая школа», «Взаимное отношеніе уголовнаго права и соціальной политики»). Всѣ эти статьи читаются съ живѣйшимъ интересомъ. Являясь сторонникомъ соціологическаго направленія въ уголовномъ правѣ, горячо и убѣдительно доказывая связь уголовной политики и политики соціальной, авторъ, однако, придаетъ большое значеніе и догматической разработкѣ права. Такая разработка, по справедливому замѣчанію г. Полянскаго, «не есть платоническое упражненіе юридической мысли, чѣмъ ее готовы считать тамъ, гдѣ она достигаетъ гипертрофическаго развитія, но есть работа, непосредственно отвѣчающая запросамъ практической жизни. Юристъ-догматикъ принимаетъ участіе въ изготовленіи арсенала тѣхъ средствъ, которыми юристы-практики пользуются для борьбы за право въ жизни».

Отмѣченными статьями не исчерпывается содержаніе сборника статей талантливаго криминалиста. Заслуживаетъ вниманія и характеристика покойнаго профессора М. В. Духовскаго, которому, какъ видно изъ предисловія, авторъ обязанъ привлеченіемъ къ научной работѣ въ области уголовнаго права. Въ статьѣ «Парламентскій иммунитетъ» отчетливо выясняется природа такъ наз. «уголовнаго иммунитета», вопросъ о которомъ получилъ такое неожиданное направленіе въ нашей конституціонной практикѣ. Сборникъ посвященъ памяти С. А. Муромцева.

Ал. Маклецовъ.

— О. Шрейнеръ. Женщина и трудъ. Переводъ съ англійскаго Э. А. Серебрякова. Съ предисловіемъ Н. В. Чайковскаго. Москва, 1912.

Отношеніе русскаго общества къ так. наз. женскому вопросу, когда-то вызывавшему горячіе споры и имѣющему обширную литературу, настолько опредѣлилось, что уже почти не появляется новыхъ книгъ и статей, предназначенныхъ для теоретической защиты права женщины наравнѣ съ мужчиною принимать участіе въ общественной жизни. Изъ сказаннаго, однако, не слѣдуетъ, что всякая новая книга по женскому вопросу не привлечетъ къ себѣ вниманія нашего общества. Развитіе или углубленіе стараго понятія по столь важному

предмету не можетъ не быть интересно и само по себѣ, и по тому вліянію, какое оно въ состояніи оказать женскому дѣлу въ борьбѣ съ консервативной тенденціей, стоящей на пути практическаго осуществленія всякой новой задачи. Указанная въ заголовкѣ этой замѣтки книга имѣетъ именно такое значеніе. Нельзя сказать, чтобы она вносила въ толкованіе женскаго вопроса совершенно новыя точки зрѣнія; но она углубляетъ и расширяетъ содержаніе нѣкоторыхъ уже высказывавшихся идей. Книга «Женщина и трудъ» написана женщиной и представляетъ воспроизведеніе по памяти одной изъ главъ большого сочиненія, погибшаго во время англо-бурской войны. Глава эта посвящена вопросу о женскомъ паразитизмѣ, но въ книгѣ высказываются и другіе, болѣе общіе взгляды по женскому вопросу.

Основную причину женскаго движенія авторъ видитъ въ постепенномъ упраздненіи той почвы, на которой покоилось соціальное значеніе женщины. Въ прежнія времена на женщинѣ лежало обширное домашнее хозяйство, составлявшее необходимую принадлежность хозяйственнаго строя народа, и рожденіе и воспитаніе новыхъ гражданъ въ возможно большемъ числѣ, для пополненія большой убыли народа вслѣдствіе частыхъ войнъ и высокой смертности отъ болѣзней, для усиленія производительныхъ рессурсовъ общества, а также при слабомъ развитіи техники зависѣвшихъ главнымъ образомъ отъ массы мускульнаго труда, находившагося въ его распоряженіи. Новѣйшія измѣненія хозяйственнаго строя, какъ слѣдствіе огромнаго развитія машинизма, съуживаютъ болѣе и болѣе область домашней дѣятельности женщины, какъ хозяйки и воспитательницы молодого поколѣнія; а замѣна мускульной силы механическими двигателями и пониженіе смертности отъ войнъ и болѣзней уменьшаютъ запросъ общества на новый человѣческій матеріалъ и освобождаютъ женщину отъ усиленнаго дѣторожденія. Такое направленіе цивилизаціи, лишающее женщину «наиболѣе цѣнныхъ областей производительнаго и общественно необходимаго труда», должно было совершенно измѣнить прежній укладъ женскаго существованія и заставить женщину искать приложенія своихъ силъ внѣ домашняго очага и бороться за расширеніе своего участія въ общественной жизни странѣ. Женщина побуждается къ этому и матеріальнымъ расчетомъ, и мотивами моральнаго характера. Тѣ же самыя побужденія лежатъ въ основаніи и так. наз. рабочаго (мужского) движенія и, казалось бы, нужно считать правильнымъ мнѣніе, что женскій вопросъ составляетъ часть вопроса рабочаго, и вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ послѣдняго будетъ разрѣшаться и первый. Г жа Шрейнеръ не согласна, однако, съ этимъ мнѣніемъ. «Мужчина, благодаря измѣненіямъ современной цивилизаціи утратившій прежнее поле своего труда, можетъ выбирать лишь

одно изъ двухъ: найти новое поле дѣятельности или умереть». А такъ какъ умирать онъ не захочетъ, то болѣе и болѣе крѣпнущія рабочія организаціи съумѣютъ удовлетворительно разрѣшить вопросъ о правѣ мужчины на трудъ. Положеніе женщины иное; отсутствіе труда не равносильно для нея приговору къ голодной смерти: она можетъ найти средства къ жизни, взявъ на себя удовлетвореніе половыхъ потребностей и прихотей мужчины; ей грозитъ, поэтому, судьба полнаго пассивнаго половаго «паразитизма», отъ которой она не будетъ избавлена даже при удовлетворительномъ разрѣшеніи мужского рабочаго вопроса. Въ прежнія времена, когда источникомъ богатства служилъ малопроизводительный, мускульный трудъ человѣка, паразитическое существованіе было доступно лишь для женщины высшихъ классовъ. Но то направленіе лучшаго обезпеченія трудящагося мужчины, въ какомъ естественно движется цивилизація, открываетъ возможность содержать паразита-женщину и мужчинѣ средняго достатка. Поэтому—заключаетъ авторъ—«измѣненіе положенія рабочаго мужчины, если это поведетъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію богатствъ, установило бы какъ разъ тѣ условія жизни, при которыхъ сдѣлался бы возможнымъ паразитизмъ милліоновъ женщинъ, которыя въ настоящее время ведутъ здоровый и дѣятельный образъ жизни». Такимъ образомъ, борьба женщины за право труда ведется во имя не только ея матеріальнаго благосостоянія, но и моральнаго ея достоинства. Если принять во вниманіе, что паразитическое существованіе женщины ведетъ къ физическому и моральному ея вырожденію, а вырождающаяся мать и воспитательница новыхъ поколѣній будетъ давать обществу и вырождающихся гражданъ, то нельзя, кажется, избѣжать логическаго заключенія, что женскій вопросъ есть вопросъ всего общества и что въ интересахъ послѣдняго—идти на встрѣчу женскому движенію и полнѣе обезпечить женщинѣ возможность участія, наряду съ мужчинами, во всѣхъ областяхъ интеллектуальнаго историческаго труда.

Мы не можемъ остановиться здѣсь на другихъ частяхъ разсматриваемаго труда. Но это представляется, пожалуй, и излишнимъ, потому что книга О. Шрейнеръ—мы въ томъ увѣрены—прочтется съ большимъ интересомъ защитниками, и противниками женской эмансипаціи.

— Ежегодникъ газеты «Рѣчь». СПБ., 1912.
— Обзоръ главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли за 1910 г. СПБ., 1911.

Наши большія газеты усвоили себѣ хорошій обычай обозрѣнія главнѣйшихъ событій въ различныхъ областяхъ жизни за истек-

шій годъ. Обозрѣніе это помѣщается въ новогоднемъ номерѣ газеты, наряду съ обычными сообщеніями о текущихъ событіяхъ, и этимъ какъ бы приравнивается по значенію къ обыкновенному газетному матеріалу и раздѣляетъ обычную судьбу газетнаго номера—быть затеряну или уничтожену послѣ прочтенія. Между тѣмъ, по объему и характеру, годовыя обозрѣнія постепенно все болѣе и болѣе отличаются отъ обыкновеннаго газетнаго матеріала и заслуживаютъ болѣе внимательнаго къ себѣ отношенія и лучшей судьбы: обзоры газеты «Рѣчь», напр., по объему могли составить книгу въ 15 листовъ убористой печати. Такой объемъ врядъ ли соотвѣтствуетъ характеру и назначенію ежедневнаго періодическаго изданія, и читателю газеты естественно желать, чтобы годовые обзоры давались ему въ рамкахъ газетнаго чтенія, заключая оцѣнку событій, а не фактическій, справочный матеріалъ. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ, однако, выводить заключеніе о томъ, что современные газетные обзоры излишни. Совершенно обратно: при постоянномъ усложненіи народной жизни и растущемъ пріобщеніи общества къ активному участію въ политической жизни читатель газеты нерѣдко чувствуетъ надобность въ болѣе детальномъ знакомствѣ съ событіями прошлыхъ лѣтъ, и систематическое изложеніе этихъ событій представляется, поэтому, весьма желательнымъ. Это значитъ, что наряду съ газетными — краткими и имѣющими по преимуществу характеръ оцѣнки—были бы полезны періодическіе обзоры прошлаго, болѣе подробные и дополненные свѣдѣніями справочнаго характера.

Названное въ заголовкѣ этой замѣтки изданіе газеты «Рѣчь» является опытомъ такого обзора, выпущеннаго, правда не въ дополненіе, а на замѣну газетныхъ статей, но уже своимъ объемомъ—15 листовъ убористой печати—свидѣтельствующаго о томъ, что оно представляетъ нѣчто самостоятельное. И дѣйствительно, редакція Ежегодника задалась цѣлью дать «въ руки читателя, рядомъ съ освѣщеніемъ событій истекшаго года, болѣе или менѣе полный фактическій перечень ихъ». Эта задача справочника подчеркивается тѣмъ, что помимо текстового матеріала (по болѣе разработанной программѣ сравнительно съ газетными статьями) въ Ежегодникѣ помѣщенъ поденный перечень главнѣйшихъ событій русской жизни за 1911 г. (было бы раціональнѣе группировать ихъ по предметамъ) и даны цифровыя свѣдѣнія о важнѣйшихъ факторахъ и явленіяхъ въ хозяйственной жизни Россіи и другихъ цивилизованныхъ государствъ. Какъ первый опытъ изданія—къ тому же смѣшивающаго двѣ различныя задачи,—Ежегодникъ газеты «Рѣчь» имѣетъ немало признаваемыхъ самой редакціей недочетовъ. Но лиха бѣда—начало, и издатели выражаютъ надежду, что при совмѣстныхъ усиліяхъ чи-

тателей и редакціи, удастся выработать наиболѣе цѣлесообразный опытъ Ежегодника и освободить его отъ имѣющихся въ данномъ изданіи недостатковъ.

Вторая изъ указанныхъ въ заголовкѣ книгъ — будучи новшествомъ, какъ отдѣльное изданіе,—является перепечаткой обзоровъ 1910-го года, помѣщавшихся въ «Вѣстникѣ Финансовъ, Промышленности и Торговли» за 1911 г. Соотвѣтственно характеру названнаго журнала, какъ спеціальнаго, изданные имъ обзоры имѣютъ статистическій характеръ. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что не всѣ составляющія его статьи приводятъ указанныя свѣдѣнія за одинаковое число лѣтъ и не всѣ охватываютъ періодъ достаточный для того, чтобы уловить истинный характеръ эволюціи даннаго явленія. На стр. 119-ой, напр., на основаніи свѣдѣній за три года высказывается заключеніе, что птицеводство «дѣлаетъ съ каждымъ годомъ серьезные шаги въ смыслѣ расширенія отпуска своихъ продуктовъ главнымъ образомъ за границу»; а на стр. 4-ой сообщается, что «въ послѣдніе годы экспортъ яицъ колеблется въ довольно узкихъ предѣлахъ». И къ такому же почти заключенію, просмотрѣвъ данныя за рядъ лѣтъ, читатель пришелъ бы и относительно живой птицы. Статьи разсматриваемаго изданія различаются и по объему, и по вниманію, обращаемому на причины описываемаго явленія и на соотвѣтствующіе факты иностранной жизни. Это различіе мы не считаемъ недостаткомъ изданія, если послѣднее во всѣхъ статьяхъ отвѣчаетъ опредѣленному минимуму требованій, въ томъ числѣ и требованію (не всегда, какъ мы видѣли, выполняемому) оцѣнивать эволюцію разсматриваемой отрасли труда не за нѣсколько послѣднихъ, быть можетъ случайныхъ лѣтъ, а за періодъ времени, достаточный для того, чтобы опредѣлить настоящій ея характеръ. Отдѣльнымъ изданіемъ обзоровъ экономической жизни за истекшій годъ редакція «Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли» идетъ на встрѣчу указанной выше, болѣе и болѣе выясняющейся потребности общества въ справочномъ матеріалѣ по различнымъ областямъ русской жизни.

В. В.

— А. Чаяновъ. Ленъ и другія культуры въ организаціонномъ планѣ крестьянскаго хозяйства нечерноземной полосы. Томъ I и таблицы. Вып. I. Волоколамскій у. (семинарій проф. А. Ѳ. Фортунатова при Моск. сельско хозяйственномъ институтѣ). Москва, 1912. Ц. 3 руб.

Книга А. В. Чаянова представляетъ собой начало капитальнаго труда, имѣющаго цѣлью всестороннее изученіе льноводства въ крестьянскомъ хозяйствѣ нечерноземной полосы и выясненіе его экономическаго значенія для крестьянскаго, а затѣмъ и народнаго хо-

зяйства Россіи. Авторъ предполагаетъ разсмотрѣть крестьянское льноводство въ тѣсной связи съ организаціонннымъ планомъ крестьянскихъ хозяйствъ и на его основѣ. Этотъ организаціонный планъ можетъ быть изученъ лишь на основаніи бюджетныхъ матеріаловъ. Отсюда ясно, какое огромное значеніе имѣетъ для автора крестьянскій бюджетъ. И дѣйствительно, основаніемъ его изслѣдованія служатъ спеціально для этой цѣли собранные (при содѣйствіи Всерос. о-ва льнопромышленниковъ) и разработанные подъ руководствомъ автора бюджетные матеріалы Волоколамскаго у. Моск. губ. (25 бюджетовъ), Смоленской губ. (110 бюджетовъ), Владим. губ. (30 бюджетовъ) и Новгородской губ. (20 бюджетовъ).

Опубликованный первый выпускъ посвященъ Волоколамскому уѣзду. Изъ 198 страницъ таблицъ 189 заняты бюджетными свѣдѣніями, текстовое же введеніе (LXXV стр.) представляетъ собою очеркъ бюджетной методологіи. Особенно тщательно разработанъ производительный бюджетъ; потребительный бюджетъ изслѣдуется хотя и очень подробно, но далеко не исчерпывающе, уступая по полнотѣ не только производившимся въ послѣднее время (1909—11 г.) и неопубликованнымъ еще изслѣдованіямъ костромскихъ, московскихъ, полтавскихъ бюджетовъ, но даже и сравнительно болѣе раннимъ вологодскимъ. Наоборотъ, производительный бюджетъ отличается исключительной полнотой. Выдающуюся заслугу автора составляетъ *широко проведенный учетъ труда* въ крестьянскомъ хозяйствѣ по *отдѣльнымъ мѣсяцамъ* бюджетнаго года. Интересна и форма обработки бюджетнаго матеріала по принципу двойного счетоводства, т. е. расположеніе матеріала по отдѣльнымъ счетамъ отраслей хозяйства. Словомъ, опубликованныя таблицы имѣютъ очень большое самостоятельное значеніе и вѣроятно послужатъ матеріаломъ не для одного только даннаго изслѣдованія.

По справедливому замѣчанію автора, теорія и методологія бюджетныхъ изслѣдованій представляетъ собой едва ли не самую запутанную и неразработанную часть статистической науки. Мы вполнѣ привѣтствуемъ, поэтому, попытку автора хоть въ самыхъ общихъ чертахъ «указать точное мѣсто бюджетныхъ работъ». Это вообще чрезвычайно важно, въ частности же необходимо для изслѣдователя, цѣликомъ строющаго свою работу на бюджетныхъ данныхъ. Но осуществленіе этой попытки мы не можемъ назвать вполнѣ удачнымъ. И здѣсь авторъ особенно внимателенъ лишь къ производительному бюджету, касающіяся послѣдняго страницы заключаютъ въ себѣ много интереснаго; но его соображенія по общей бюджетной методологіи очень кратки и не всегда ясны. На самомъ

основномъ вопросѣ—о типичности хозяйствъ—онъ останавливается очень мало: онъ совершенно не касается вопроса о такъ назыв. «бюджетной» типичности [1])—вопроса, выдвигаемаго главнымъ образомъ А. А. Кауфманомъ и отчасти В. К. Дмитріевымъ. Не говоритъ онъ ничего и о «типическомъ» времени для производства бюджетнаго изслѣдованія, о связи между крестьянскимъ бюджетомъ и высотой урожая, ограничиваясь замѣчаніемъ, что въ производственномъ бюджетѣ нельзя ограничиться годичнымъ срокомъ учета, съ полнымъ основаніемъ принятымъ для потребительнаго бюджета.

Заслугой автора слѣдуетъ признать то, что онъ хоть немного говоритъ о переводѣ натуральныхъ частей бюджета въ денежныя (самый запутанный вопросъ, о которомъ статистики обыкновенно умалчиваютъ). Онъ глубоко правъ, когда говоритъ, что нельзя пользоваться здѣсь рыночными цѣнами, что надо подойти къ «хозяйственной цѣнности»; но въ концѣ-концовъ, послѣ ряда размышленій онъ рѣшается оцѣнить эти продукты по трехлѣтней или пятилѣтней средней рыночной цѣнѣ. Къ сожалѣнію, эти размышленія онъ не сообщаетъ читателямъ. Отмѣтимъ, въ заключеніе, основной, какъ намъ кажется, недостатокъ интереснаго труда. Авторъ слишкомъ переноситъ центръ тяжести на производительный бюджетъ, иногда даже противополагаетъ его потребительному. Между тѣмъ, онъ самъ, слѣдуя за А. Ѳ. Фортунатовымъ, неоднократно говоритъ, что крестьянское хозяйство есть хозяйство потребительское. Отсюда ясно, что производительный бюджетъ можетъ быть правильно понятъ лишь на основаніи тщательнаго изученія потребительнаго бюджета, къ которому авторъ относится не всегда достаточно внимательно.

С. Первушинъ.

— «Статистико-экономическое изслѣдованіе грунтовыхъ дорогъ Тверской губерніи». Издано подъ редакціей К. Я. Воробьева тверскимъ губернскимъ земствомъ. Тверь, 1911 г. Цѣна 2 р.

Земская статистика все болѣе раздвигаетъ рамки своихъ изслѣдованій, все ближе ставитъ свои работы къ насущнымъ задачамъ и потребностямъ земскаго хозяйства. Она коснулась, наконецъ, и земскаго дорожнаго дѣла, въ особенности грунтовыхъ путей, требующихъ, въ виду природныхъ и культурныхъ особенностей нашей страны, особливой заботливости. Еще въ концѣ 70-хъ годовъ по порученію полтавскаго земства было составлено весьма обстоятельное

1) Т. е. типичности хозяйства не только въ смыслѣ соотвѣтствія «среднему» бюджету района.

описаніе дорогъ губерніи (если не ошибаюсь — Н. Г. Кулябко-Корецкимъ); во второй половинѣ 90-хъ годовъ надъ этимъ трудились въ Московской, Тамбовской и Саратовской губерніяхъ, въ послѣдніе годы—въ губерніяхъ Херсонской, Самарской и Нижегородской. Чѣмъ ближе эти изслѣдованія къ нашему времени, тѣмъ болѣе совершенны методы, по которымъ они велись. Особенно выдѣляется съ этой точки зрѣнія изслѣдованіе дорогъ Тверской губерніи, произведенное подъ руководствомъ опытнаго статистика, К. Я. Воробьева, въ 1908—10 гг. Задачей тверскаго изслѣдованія было выяснить наиболѣе важныя въ экономическомъ отношеніи грунтовыя дороги въ губерніи и установить степень грузонапряженности каждой изъ нихъ. Сообразно съ этимъ былъ составленъ планъ изслѣдованія; въ каждомъ изъ уѣздовъ опредѣлены были торговые и промышленные центры, установлены раіоны, къ нимъ тяготѣющіе, и намѣчены пути, связывающіе отдѣльныя мѣстности съ этими центрами. Такимъ образомъ была установлена сѣть дорогъ. Затѣмъ выясненъ характеръ движенія по каждой дорогѣ и примѣрные размѣры грузового по нимъ движенія. Наиболѣе трудной и сложной частью работы было выясненіе размѣровъ грузового движенія, для чего были обслѣдованы всѣ населенныя мѣста, какъ пункты сбыта, такъ и пункты назначенія. Экспедиціонный способъ, заключающійся въ собираніи свѣдѣній на мѣстахъ черезъ спеціально командируемыхъ изслѣдователей, какъ весьма дорогой и болѣе примѣнимый въ мѣстностяхъ, гдѣ число населенныхъ пунктовъ сравнительно съ площадью не велико и населеніе живетъ крупными поселками (въ черноземныхъ и степныхъ губерніяхъ), былъ отвергнутъ; для Тверской губерніи, съ ея болѣе чѣмъ 10-ью тысячами крестьянскихъ селеній, этотъ способъ оказался черезчуръ дорогимъ. Примѣненъ былъ способъ разсылки бланокъ мѣстнымъ жителямъ, самими же статистиками обслѣдованы были только крупные и типичные центры (города, станціи желѣзныхъ дорогъ и т. п.).

Такъ какъ основу грузового движенія по грунтовымъ дорогамъ Тверской губерніи составляютъ крестьянскіе грузы: съ одной стороны—продукты крестьянскаго хозяйства, идущіе на рынокъ, съ другой—продукты массоваго потребленія и домашняго обихода крестьянина, то для опредѣленія этого товарообмѣна и связаннаго съ нимъ грузооборота были произведены краткія бюджетныя изслѣдованія 709 крестьянскихъ хозяйствъ и опредѣлены нормы грузовъ (по отпуску и полученію, не считая дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ на крестьянскій дворъ: 190 пудовъ—въ льноводческихъ мѣстностяхъ (Ржевскій и Зубцовскій уѣзды), 160, 140, 120 и 100 пудовъ (для глухого Замоложья въ Весьегонскомъ уѣздѣ). Разработаны были и

оффиціальныя данныя о движеніи грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ, а также данныя фабричной инспекціи, акцизнаго управленія и мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета. Всего описано 212 трактовъ и 146 проселочныхъ дорогъ (длиною въ 8.773½ версты), имѣющихъ уѣздное значеніе. Въ поуѣздныхъ очеркахъ попутно описаны и наиболѣе важные мосты (всего 147 мостовъ). Такъ какъ для губернскаго земства необходимо было выяснить дороги, имѣющія междууѣздное значеніе, обслуживающія два, а иногда и болѣе смежныхъ уѣзда, то описаніе ихъ было выдѣлено въ особый очеркъ. Такихъ дорогъ оказалось 43, длиною въ 1.011½ верстъ; онѣ тоже описаны и ихъ значеніе охарактеризовано съ точки зрѣнія междууѣздныхъ интересовъ. Не коснулось изслѣдованіе только технической стороны дорожнаго дѣла, хотя и для нея оно дало немало матеріала. Кромѣ описанія дорогъ, снабженнаго рядомъ таблицъ, въ книгѣ помѣщены принятыя при производствѣ изслѣдованія программы, а въ обширномъ предисловіи подробно описанъ методъ самой работы.

Р. Д.

— Статистическій ежегодникъ Финляндіи 1911 г. Изданіе центральнаго статистическаго бюро. Гельсингфорсъ, 1911.

Издаваемые съ большой тщательностью подъ редакціей г. Авг. Ельта статистическіе сборники Финляндіи даютъ очень много интересныхъ данныхъ о жизни края, о которомъ у насъ очень мало знаютъ даже считающіе себя призванными рѣшать судьбу Финляндіи.

Къ концу 1909 г. въ краѣ было 3.059.324 жит. (1.520.810 м. и 1.538.514 ж.). За 9 лѣтъ населеніе увеличилось на 346.762 чел. На 1 кв. килом. приходится 9,2 чел. По плотности населенія Финляндія приближается къ Швеціи и Норвегіи. Финляндія—преимущественно сельская страна: всего 14,74% населенія живетъ въ городахъ. По переписи 1900 г. на финскомъ языкѣ говорило 2.352.990 чел., на шведскомъ—349.733. Лицъ съ образованіемъ выше начальнаго — 905.025 или 40,7%, умѣющихъ только читать — 1.289.404 или 58,1%, не умѣющихъ читать въ возрастѣ старше 15 лѣтъ только 26.261 или 1,2%. Послѣдняя группа почти цѣликомъ приходится на долю сельскаго населенія.

Всего родилось въ краѣ въ 1909 г. 95.005 чел., умерло 50.557 чел.; коэффиціентъ смертности былъ 16,5, что ставитъ Финляндію въ первые ряды культурныхъ государствъ (въ Имперіи въ 1909 г. коэффиціентъ смертности 28,9).

Большой интересъ представляютъ таблицы, посвященныя статистикѣ путей сообщенія. Желѣзнодорожная сѣть постепенно расширяется: въ 1862 г. длина желѣзнодорожнаго пути равнялась 107 килом., въ 1909 г.—3553 килом., изъ которыхъ 301 килом. принадлежали частнымъ лицамъ, остальные—казнѣ. Доходъ казенныхъ дорогъ въ отчетномъ году составилъ 41.880.123 фин. марками, расходъ—36.020.683 марк., прибыль—5.859.440 марокъ. По каналамъ въ 1910 г. прошло 47.435 судовъ, дохода отъ этого способа передвиженія получено 1.062.666 мар., расходъ—810.994, чистая прибыль—251.672 марокъ.

Въ 1909 г. въ Финляндіи было 66 лицеевъ, (соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ), правительственныхъ и частныхъ, финскихъ и шведскихъ, въ которыхъ училось 14.371 чел. обоего пола. Затѣмъ, кромѣ элементарныхъ и реальныхъ училищъ, дополнительныхъ курсовъ, и фабричныхъ школъ, семинарій для народныхъ учителей, коммерческихъ училищъ, высшихъ и низшихъ ремесленныхъ школъ, школъ ручного труда, сельско-хозяйственныхъ и т. д., училось въ народныхъ школахъ въ городахъ—36.455 чел., въ сельскихъ общинахъ—121.353 чел. Высшія учебныя заведенія—университетъ и политехническій институтъ.

— Изъ географіи и статистики подмосковныхъ губерній. Составилъ А. Ѳ. Фортунатовъ, проф., М. С.-Х. Института. Москва, 1912 г. Цѣна 15 коп.

Счастливая мысль проф. А. Ѳ. Фортунатова—изложить въ краткой (62 стр.) и общедоступной формѣ главнѣйшія данныя изъ области географіи и статистики средней Россіи—заслуживаетъ вниманія и подражанія. Къ подмосковнымъ губерніямъ, кромѣ Московской, отнесены Смоленская, Тверская, Владимірская, Рязанская, Тульская и Калужская. Въ брошюрѣ даны свѣдѣнія о величинѣ и размѣщеніи губерній, водахъ, нѣдрахъ земли, почвѣ, климатѣ, растеніяхъ и животныхъ, а также о численности, густотѣ и размѣщеніи населенія, о составѣ населенія по различнымъ признакамъ, о движеніи населенія. Имѣются также свѣдѣнія о землевладѣніи и сельскомъ хозяйствѣ, объ обрабатывающей промышленности, путяхъ сообщенія и торговлѣ, о грамотности и образованіи. Брошюра прекрасно написана и читается съ большимъ интересомъ.

— Статистика по казенной продажѣ питей 1904 г. Изданіе главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. С.-Петербургъ, 1911 г.

Отчетъ констатируетъ, что отмѣчаемое въ «монопольныхъ» губерніяхъ паденіе потребленія вина продолжалось и въ 1909-мъ году,

при чемъ потребленіе падаетъ и абсолютно, и относительно. Общее количество выпитаго въ этихъ губерніяхъ вина, (въ милліонахъ ведеръ 40°, 85,8, душевое потребленіе—0,55 ведра. Въ 1906 г. приходилось на душу—0,60, въ 1907 г.—0,59, въ 1908—0,57. Это пониженіе наблюдается, за ничтожными исключеніями, повсемѣстно, и тѣмъ болѣе, обращаетъ на себя вниманіе, что отчетный годъ въ отношеніи урожая можетъ быть отнесенъ къ числу весьма удовлетворительныхъ. Отчетъ объясняетъ уменьшеніе расхода вина исключительно успокоеніемъ страны, наступившимъ послѣ событій 1905 и 1906 г.г. Врядъ ли такое объясненіе можно считать правильнымъ: наружное успокоеніе едва ли принадлежитъ къ тѣмъ факторамъ, которые должны были отрезвляющимъ образомъ подѣйствовать на населеніе. Съ наступленіемъ «успокоенія» въ странѣ замѣтно повысилась волна самоубійствъ, что, конечно, не служитъ признакомъ душевнаго равновѣсія.

Въ «монопольныхъ» губерніяхъ въ 1909 г. было 49.473 мѣста раздробительной продажи казенныхъ питей (46.655 въ Европейской Россіи и 2.818—въ Сибири). Казенныхъ лавокъ въ Европейской Россіи—25.266, въ Сибири—1.705. По сравненіи съ 1908 г. число казенныхъ лавокъ въ Европейской Россіи уменьшилось на 425, а число частныхъ мѣстъ продажи увеличилось на 1.518. Уменьшеніе числа казенныхъ лавокъ произошло отъ закрытія ихъ частью по незначительной доходности, частью по приговорамъ сельскихъ обществъ, признанныхъ уважительными. Всего по приговорамъ сельскихъ обществъ въ 1909 г. закрыто 172 казенныхъ лавки, при чемъ на нѣкоторыя губерніи приходится по 10, 13, 14 лавокъ, а на Владимірскую—даже 19. Нельзя не пожалѣть о томъ, что отчетъ не считаетъ нужнымъ указать, по какимъ соображеніямъ признавались незаслуживающими уваженія приговоры сельскихъ обществъ о закрытіи лавокъ.

В. Б—ъ.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Айзманъ, Д. А. Собраніе сочиненій. Т. Ш. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Алексѣевъ, Н. Н. Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимоотношеніи ихъ методовъ. Часть I. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Амфитеатровъ, А. В. Собраніе сочиненій. Т. XIV. Славные мертвецы. Т. XV. Мутные дни. Спб., 1912 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

Аленичъ Александръ. Обитаема ли луна? Москва, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Аскольдовъ, С. А. А. А. Козловъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Барановъ, В. О. Основныя начала общественнаго устройства. Спб. 1912 г. Цѣна 15 коп.

Бачинскій, І. А. Дѣятельность М. В. Ломоносова и значеніе его трудовъ. Москва, 1912 г. Цѣна 40 коп.

— Старое и новое въ физикѣ. Москва. 1912 г. Цѣна 25 коп.

Бирбаумъ, Отто Юліусъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Принцъ кукушка. Часть I и II. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Брусянинъ В. В. Леонидъ Андреевъ. Жизнь и творчество. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Булгаковъ Сергѣй. Философія хозяйства. Часть I. Міръ, какъ хозяйство. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Вагнеръ, Рихардъ. Моя жизнь и мемуары. Т. III. Подъ ред. А. Л. Волынскаго. Спб., 1911 г.

Ветштейнъ, Р. Руководство по систематикѣ растеній. Т. II. Часть II. Высшія растенія. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. С. И. Ростовцева. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р. 60 коп.

Волконскій кн., Сергѣй. Разговоры. Спб., 1912 г.

Гартенбергъ, П. Физіономія и характеръ. Опытъ научной физіономистики. Одесса, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гиппіусъ, З. Н. Лунные муравьи. Шестая книга разсказовъ. Москва. 1912 г. Цѣна 1 р.

Грейденбергъ, Б. С. Чувства и ихъ взаимныя соотношенія съ точки зрѣнія воспитанія. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Грибовскій, В. М. Государственное устройство и управленіе Россійской имперіи. Одесса, 1912 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Гушанскій, Д. А. Нѣсколько наблюденій приведеннаго въ состояніе слышанія мыслей. Ровно, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Гюисмансъ, Ж. К. Въ пути. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 10 коп.

Дюркгеймъ, Э. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Пер. съ франц. А. Н. Ильинскаго, подъ ред. В. А. Базарова, съ пред. Г. И. Гордона Спб., 1912 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Dubois, Р. Воображеніе, какъ причина болѣзни. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Евграфовъ, К. Р. Подсознательная сфера и художественное творчество. Пенза, 1912 г. Цѣна 1 р.

Закржевскій, Александръ. Карамазовщина. Психологическія параллели. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 1 р.

Закъ Л. С. Формы экономической самопомощи въ области ремесленнаго труда. Съ приложеніемъ очерка Н. Л. Ароновича. Спб., 1912 г. Цѣна 75 коп.

Звѣздинъ, А. П. О Болдинскомъ имѣніи А. С. Пушкина въ Нижегородской губ. и о пребываніи въ немъ поэта въ 1830-хъ годахъ. Нижній-Новгородъ, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Златоратскій, Н. Н. Собраніе сочиненій. Т. I и II. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.

Игорь-Сѣверянинъ. Качалка грезэркн. Поэзы. Т. IV. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Ковальковскій, А. К. Обзоръ агрономическихъ мѣропріятій въ Костромской губ. за 1910—11 годъ. Кострома, 1912 г.

Кони, А. Ѳ. На жизненномъ пути. Томъ первый. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Кроммелинкъ, Ф. Ваятель масокъ. Трагическій символъ въ 1-мъ дѣйствіи. Пер. съ франц. К. Бальмонта. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Кузьминскій, К. С. Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ и его печатные руды.

Лаврецкій, А. Онъ ушелъ... Вильна, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Лебедь-Юрчикъ, Х. М. Распредѣленіе дохода въ сахарной промышленности. Ямполь, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Лондонъ, Джекъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Морской волкъ. Цѣна 1 р. 25 коп. Т. Ш. Вѣра въ человѣка. Цѣна 1 р. Спб., 1912 г.

Львовъ, Т. Въ монастырѣ. Поэма. Москва, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Любовичъ, Н. Н. Наполеонъ въ Варшавѣ въ 1812 году. Варшава, 1912 г.

Лэвенфельдъ, А. О глупости. Обзоръ области человѣческой ограниченности. Одесса, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мачтетъ, Г. А. Полное собраніе сочиненій. Т. VIII. Спб., 1912 г. Цѣна 1 руб.

Медвѣдковъ, А. П. Краткая исторія педагогики. Спб., 1912 г. Цѣна въ пер. 1 р. 20 коп.

Мелкихъ, А. М. Изъ экономической жизни западной Сибири. Мос 1912 г.

Мишеевъ, Н. Очерки по исторіи всеобщей литературы. Часть III. Спб. 1912 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Мозетигъ-Мооргофъ, Р. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Спб., 1912 г. Цѣна 70 коп.

Никифоровъ, Н. Н. Сеньеральныя повинности по наказамъ третьяго сословія этампскаго бальяжа въ 1789 году. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Олимповъ, Константинъ. Аэропланныя поэмы. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Острогорскій, С. С. Разсказы. Спб., 1912 г. Цѣна 75 коп.

Педашенко, А. Д. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1909 годъ. Спб., 1912 г.

Планіоль, Марсель. Курсъ французскаго гражданскаго права. Часть I и II. Вып. 1—6. Пер. съ франц. В. Ю. Гартмана. Петроковъ, 1911 г.

Пришвинъ, Михаилъ. Разсказы. Т. I. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Прокоповичъ, С. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Рабиновичъ, С. Л. Водопользованіе въ Крыму по закону 23 декабря 1910 г. Ялта, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Радимовъ, Павелъ. Полевые псалмы. Казань, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Рейснеръ, М. А. Государство. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Рибо, Т. О страстяхъ. Психологическій этюдъ. Одесса, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Рукавишниковъ, Иванъ. Проклятый родъ. I. Семья желѣзнаго старика. II. Макаровичи. III. На путяхъ смерти. Спб., 1912 г. Цѣна за три части 3 р. 25 коп.

Рудичъ, Вѣра. Четвертый сборникъ стиховъ Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Савченко, А. Вѣстникъ Манчжурской арміи. Варшава, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Сахаровъ, А. Б. Ариѳметика. Изд. 3-ое. Спб., 1912 г. Цѣна 70 коп.

Sa—We. Банкротъ. Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ. Спб., 1912 г. Цѣна 65 коп.

Сикорскій, И. А. Антропологическая и психологическая генеалогія Пушкина. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Соколовъ, Г. А. А. С. Пушкинъ и его значеніе для нашего времени. Астрахань, 1912 г.

Соловьевъ, Влад. Серг. Собраніе сочиненій. Подъ ред. С. М. Соловьева и Э. П. Радлова. Изд. 2-ое. Т. 4-ый Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Спекторскій, Е. Бѣлинскій и западничество. Варшава, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Столица, Любовь. Лада. Пѣсенникъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Съверова, Н. Б. Къ идеаламъ. Повѣсть съ иллюстраціями И. Е. Рѣпина. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Поваренная книга для голодающихъ. Спб., 1911 г.

Тихоновъ, Владиміръ. Карьера. Романъ въ 2-хъ частяхъ Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Троицкій, И. В. Гигіена дѣтскаго возраста. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 40 коп.

Шмелевъ, Ив. Разсказы. Т. II. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Фельцманъ, О. Вспомогательныя школы для психически отсталыхъ людей. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Фоминъ, П. И. О синдикатахъ и трестахъ. Харьковъ, 1912 г.

Фридманъ, В. Г. Учебникъ теоретической ариѳметики. Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Цвѣтаева, Марина. Волшебный фонарь. Вторая книга стиховъ. Москва, 1912 г.

Черный, Эмилій. Новая научная система русской стенографіи. По основнымъ началамъ Ф. Габельсбергера. Часть I, II и III Москва, 1912 г. Цѣна за три части 4 р.

Чернышевъ, В. Русское удареніе. Пособіе къ его изученій и употребленію. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Чумаченко Ада. Стихи. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Шульговскій, Н. Лучи и грезы. Спб, 1912 г. Цѣна 2 р.

Ѳедоровъ, А. М. Собраніе сочиненій. Т. Ш. Судьба. Романъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Эфронъ, Сергѣй. Дѣтство. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р.

Библіографическій указатель. Вып. I. Подъ ред. П. В. Владиславлева. Систематическій указатель литературы за 1911 годъ. Москва, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Вопросы колонизаціи. Періодическій сборникъ подъ ред. І. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова, № 10. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Доклады Костромской губ. земской управы по агрономическому отдѣленію. Кострома, 1912 г.

Ежегодникъ экспериментальной педагогики. IV. 1911 г. Подъ редакціей А. П. Нечаева. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Изданія министерства торговли и промышленности. I. Статистика бумагопрядильнаго и ткацкаго производства за 1900—1910 года. II. Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за 1909 г. Спб., 1912 г.

Земская торговля желѣзомъ и сельско-хозяйственными машинами и орудіями въ 1901—1909 гг. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 3 р.

Календарь и записная книжка земскаго корреспондента Московской губерніи на 1912 годъ. Москва, 1912 г.

К. Леонтьевъ о Владимірѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни. (По двумъ письмамъ)—Москва, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Левъ Толстой и голодъ. Сборникъ подъ ред. Ч. Вѣтринскаго. Нижній-Новгородъ, 1912 г. Цѣна 1 р.

Логосъ. Книга II и III. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Матеріалы по текущей статистикѣ Тульской губ. за 1909 г. Тула, 1910 г.

То же за 1910 г. Тула, 1912 г.

Московскіе педагогическіе курсы, 1872—1912 г. Москва, 1912 г.

Новости дѣтской литературы. № 6. Москва, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Открытое письмо къ обществу (Письмо матери). Москва, 1912 г.

Отчетъ общества устройства и благоустройства поселка «Самопомощь» въ г. Одессѣ за 1911 г. Одесса, 1912 г.

Отчеты о дѣятельности Екатеринославскаго научнаго общества въ 1910—11 году. Екатеринославъ, 1912 г.

Разсказы очевидцевъ о двѣнадцатомъ годѣ, собранные Т. Толычевой (Е. В. Новосильцевой). Изд. 2-ое. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Рѣшетка. Литературно-художественный альманахъ. Книга I. Спб. 1912 г. Цѣна 80 коп.

Современное состояніе льноводства въ 25-ти губерніяхъ Европейской Россіи. (По отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ отдѣломъ сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики Г. У. З. и З. Спб., 1912 г.

Справочныя библіотеки по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія. Вып. I. Земскія библіотеки. Составилъ Б. Б. Веселовскій. Спб., 1912 г. Цѣна 80 коп.

Труды съѣзда представителей земствъ и городовъ по вопросамъ земскаго и городского строительства въ г. Ярославлѣ, 17—21 апр. 1911 г. Вып. II. Ярославль, 1912 г.

Украинская Жизнь. № 2. Москва, 1912 г.

Чума и голодъ. Уральскъ, 1912 г.

Энциклопедическій Словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранатъ, и К°». Томъ X. Вехъ—Воздухъ. Москва, 1912 г.

Движение на търговлята на България съ чуждитѣ държави прѣзъ второто тримѣсечне отъ 1911 година. София, 1912. Цѣна 1,50 леви.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Забастовка рабочихъ и ея послѣдствія въ Англіи.—Билль о минимальной платѣ въ парламентѣ.—Митинги и аресты.—Политика на ближнемъ Востокѣ. — Итальянскія дѣла.—Министерскія перемѣны въ Германіи.

Рабочій кризисъ въ Англіи пріобрѣтаетъ на этотъ разъ огромное принципіальное значеніе. Грозная перспектива остановки главнѣйшихъ движущихъ пружинъ британской промышленности побудила либеральное правительство Асквита предпринять шагъ, послѣдствія котораго неисчислимы. Впервые формально признается и примѣняется на практикѣ совершенно новый для англійскаго либерализма взглядъ на отношенія между капиталомъ и трудомъ. До сихъ поръ считалось непоколебимой аксіомой, что эти отношенія регулируются свободнымъ договоромъ между хозяевами и рабочими и не могутъ подлежать никакому принудительному вмѣшательству государственной власти. Это была одна изъ непреложныхъ «истинъ» либеральной политической экономіи. Теперь, подъ давленіемъ обстоятельствъ, либеральная партія въ Англіи торжественно отказалась отъ этой «аксіомы» и усвоила прямо противоположную точку зрѣнія.

Министерство Асквита внесло въ парламентъ билль объ установленіи минимальнаго размѣра заработной платы для извѣстныхъ категорій рабочихъ, независимо отъ доброй воли хозяевъ, по рѣшенію смѣшанныхъ комиссій изъ представителей обѣихъ сторонъ, подъ руководствомъ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ. Такъ какъ каменноугольные рабочіе именно и добивались обезпеченія для нихъ болѣе справедливой минимальной нормы вознагражденія, то предполагалось, что новый законъ удовлетворитъ ихъ, устранивъ противодѣйствіе хозяевъ. Кабинетъ принялъ эту мѣру только какъ крайній способъ положить конецъ разорительной забастовкѣ, нисколько не задаваясь цѣлью внести новый регулирующій принципъ въ отношенія между рабочими и капиталистами; но въ дѣйствительности предъ нашими глазами совершается нѣчто чрезвычайно важное въ области рабочаго вопроса. Замѣчательнѣе всего то, что сторонники и противники билля, какъ въ парламентѣ, такъ и въ печати, разсматриваютъ его исключительно съ точки зрѣнія цѣлесообразности, оставляя въ сторонѣ его идейную сущность; никто не

заботится о томъ, назовутъ ли этотъ законъ соціалистическимъ или нѣтъ, и будутъ ли обвинять авторовъ его въ нарушеніи священнаго начала частной собственности или въ чемъ-либо другомъ подобномъ. Споры вращались только около вопроса о томъ, соотвѣтствуетъ ли предложенная мѣра государственнымъ и общественнымъ интересамъ и достигнетъ ли она желаннаго результата.

Въ засѣданіи палаты общинъ 19 (6)-го марта премьеръ Асквитъ подробно изложилъ мотивы и содержаніе законопроекта. Правительство, по его словамъ, употребляло всевозможныя усилія для мирнаго прекращенія разгорѣвшейся борьбы, отъ которой страдаютъ не только сами воюющіе, но и всѣ другіе классы населенія; но, убѣдившись въ безполезности этихъ усилій, оно по неволѣ пришло къ выводу, что «парламентъ долженъ вмѣшаться, и что если стороны не могутъ придти къ соглашенію, то это соглашеніе должно быть устроено государствомъ». Министерство, впрочемъ, предлагаетъ свою мѣру только въ видѣ временнаго опыта, на три года.

Законопроектъ вызвалъ въ палатѣ оживленныя пренія. Лидеръ оппозиціи, Бонаръ Лау, высказался рѣшительно противъ билля, который, по его мнѣнію, заставитъ всѣхъ вообще рабочихъ сплотиться въ такія же могущественныя организаціи, какъ каменноугольная, чтобы добиться тѣхъ же преимуществъ. Онъ находитъ, что можно было объявить забастовку незаконною до рѣшенія спора третейскимъ судомъ и затѣмъ пользоваться всѣми силами и средствами власти для огражденія рабочихъ, желающихъ продолжать работу. Предводитель парламентской рабочей партіи, Рамзей Макдональдъ, отмѣтилъ прежде всего неопредѣленность заявленій уніонистскаго оратора. «Серьезно ли онъ рекомендуетъ ввести систему обязательнаго третейскаго суда или же онъ хотѣлъ бы прибѣгнуть къ русскимъ способамъ дѣйствія?» Макдональдъ сожалѣетъ о необходимости билля, онъ предпочелъ бы добровольное соглашеніе между владѣльцами копей и рабочими. Его партія желаетъ, чтобы слова о минимальной платѣ были выражены въ цифрахъ и чтобы мѣстныя смѣшанныя комиссіи не имѣли права понижать существующіе размѣры вознагражденія за трудъ. Лордъ Робертъ Сесиль видитъ причины промышленныхъ замѣшательствъ въ классовой враждѣ, въ возростающей дороговизнѣ жизни и въ рѣчахъ канцлера казначейства. «Политика, воплощенная въ биллѣ,—замѣчаетъ онъ,—способна лишь воспламенить и усилить распрю. Только привлеченіе рабочихъ къ участію въ доходахъ предпріятій могло бы содѣйствовать установленію мира». Канцлеръ казначейства, Ллойдъ-Джорджъ, горячо опровергалъ воззрѣнія оппозиціи, указывая на ихъ практическую безцѣльность. Законопроектъ былъ затѣмъ принятъ палатою въ первомъ чтеніи.

Въ засѣданіи 21-го марта выступилъ отъ имени оппозиціи бывшій ея лидеръ Бальфуръ. Подвергнувъ правительственный билль обстоятельной критикѣ, онъ далъ, однако, понять, что оппозиція не будетъ противиться принятію закона, если большинство палаты одобритъ его; изъ этого можно было заключить, что въ такомъ случаѣ билль не встрѣтитъ преграды и въ палатѣ лордовъ. Премьеръ Асквитъ вновь развилъ свои доводы въ пользу законодательнаго вмѣшательства въ опасный кризисъ, котораго нельзя разрѣшить другими средствами. При голосованіи билль былъ принятъ и во второмъ чтеніи 348 голосами противъ 225, т. е. большинствомъ 123 голосовъ. Горячіе споры возникли на слѣдующій день по поводу предложенія Кинга включить въ законъ постановленіе о размѣрѣ минимальной платы въ пять шиллинговъ для взрослыхъ рабочихъ и въ два шиллинга для несовершеннолѣтнихъ до семнадцати лѣтъ. Асквитъ категорически отклонилъ эту поправку, хотя и призналъ предложенныя нормы справедливыми и соотвѣтствующими обстоятельствамъ. Парламентъ, по его объясненію, не можетъ опредѣлять размѣры заработной платы, такъ какъ онъ не имѣетъ для этого никакихъ данныхъ; условія работы различны въ разныхъ мѣстахъ, и соотвѣтственно этому мѣняются самыя требованія рабочихъ; притомъ установленіе платы закономъ создало бы стремленіе держаться объявленныхъ нормъ и не превышать ихъ, такъ что на практикѣ минимальная норма превратилась бы въ максимальную; наконецъ, принятіе этого предложенія послужило бы основаніемъ для однородныхъ требованій рабочихъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности. Вообще въ текстъ закона не включаются никакія цифры, имѣющія по существу временное и мѣстное значеніе, и на этомъ весьма убѣдительно настаивалъ Асквитъ. Президентъ федераціи каменноугольныхъ рабочихъ, Эдвардсъ, выразилъ сожалѣніе, что отказъ правительства не позволитъ рабочимъ удовлетвориться содержаніемъ билля и прекратить забастовку; въ томъ же смыслѣ высказался и Рамзей Макдональдъ. Повидимому для рабочихъ, отъ имени которыхъ говорили ихъ представители въ парламентѣ, было важно обезпечить для себя реальный минимумъ заработной платы, а не довольствоваться признаніемъ теоретическаго принципа, хотя и чрезвычайно серьезнаго и существеннаго. Поправка была отвергнута 367 голосами противъ 55. Сэръ Эдуардъ Грей и Асквитъ заявили, что требованія рабочей партіи составятъ предметъ дальнѣйшихъ совѣщаній между представителями хозяевъ и рабочихъ, въ виду возможности компромисса, и что поэтому дальнѣйшее обсужденіе билля откладывается на нѣкоторое время. Однако совѣщанія не имѣли успѣха; правительству не удалось склонить противниковъ

къ уступчивости, и вожди рабочихъ стали отрицательно относиться къ законопроекту, выражая въ то же время увѣренность, что включеніе въ него требуемыхъ рабочими цифръ сразу привело бы къ прекращенію забастовки. При окончательномъ голосованіи 27-го марта рабочая партія подавала уже голоса противъ билля, и послѣдній принятъ всего 213 голосами противъ 48. Рабочія организаціи находили возможнымъ возобновленіе работъ только послѣ того какъ минимальная плата будетъ на дѣлѣ установлена смѣшанными комиссіями, согласно постановленіямъ билля.

Такимъ образомъ законопроектъ Асквита не достигъ своей непосредственной цѣли, и забастовка продолжалась съ чисто-британскимъ упорствомъ и единодушіемъ. Между тѣмъ положеніе рабочихъ ухудшается съ каждымъ днемъ; средства рабочихъ кассъ истощаются, и до 20-го марта (нов. стиля) ими израсходовано уже около восьмисотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, (приблизительно около восьми милліоновъ рублей). Число безработныхъ постепенно увеличивается, захватывая все болѣе значительный кругъ производствъ, нуждающихся въ углѣ. Около двухъ милліоновъ рабочихъ остается безъ занятій, и далеко не всѣ они пользуются правомъ получать правильную матеріальную поддержку отъ своихъ профессіональныхъ организацій. Возростающая дороговизна необходимыхъ предметовъ потребленія даетъ себя чувствовать во всѣхъ классахъ населенія. Тѣмъ не менѣе тяжелый кризисъ проходитъ сравнительно спокойно, безъ крупныхъ столкновеній и замѣшательствъ; принудительныя полицейскія мѣры примѣняются рѣдко и многочисленные митинги рабочихъ не подвергаются никакимъ стѣсненіямъ. Но дѣйствительныя нарушенія законовъ преслѣдуются безъ всякихъ колебаній, и виновные привлекаются къ отвѣтственности органами судебной власти; такъ, журналистъ Бауманъ и два типографщика осуждены на нѣсколько мѣсяцевъ тюремнаго заключенія за напечатаніе въ газетѣ «Syndicalist» воззванія къ англійскимъ солдатамъ, побуждающаго ихъ отказывать въ повиновеніи начальникамъ, когда будетъ дано приказаніе дѣйствовать оружіемъ противъ забастовщиковъ. Употребленіе военной силы предвидится въ тѣхъ случаяхъ, когда часть рабочихъ пожелаетъ вернуться къ работѣ и этимъ вызоветъ противъ себя насилія непримиримыхъ.

Одинъ изъ популярныхъ руководителей англійскаго рабочаго движенія, Томъ Маннъ, заявилъ въ своей рѣчи на многолюдномъ митингѣ въ Сальфордѣ, что онъ вполнѣ солидаренъ съ содержаніемъ статьи въ «Syndicalist», что онъ беретъ на себя отвѣтственность за призывъ къ неповиновенію солдатъ при конфликтахъ съ рабочими и предоставляетъ полиціи арестовать его за это во всякое время. Этотъ

конецъ его рѣчи возбудилъ энтузіазмъ въ собраніи, и оратору была сдѣлана восторженная овація; но мѣстная власть нашла нужнымъ отдать его подъ судъ за возбужденіе къ бунту, и онъ былъ арестованъ. Въ парламентѣ члены рабочей партіи обратились къ правительству съ вопросомъ о причинахъ ареста; генеральный атторней объяснилъ, что Томъ Маннъ подлежитъ преслѣдованію не какъ президентъ синдикалистской лиги образованія, подъ наблюденіемъ которой издается «Syndicalist», а какъ частное лицо, нарушившее законъ своими публичными призывами къ возстанію, по свидѣтельству очевидцевъ. Членъ палаты Лэнсбери громко спросилъ атторнея, уполномочены ли полицейскія власти дѣлать различіе между гражданами, нарушающими законы, и по какой причинѣ не были приняты мѣры для наказанія лицъ, сговорившихся помѣшать первому лорду адмиралтейства, Уинстому Черчиллю, произнести рѣчь въ Бельфастѣ. Въ этихъ незаконныхъ дѣйствіяхъ участвовали, правда, члены тайнаго совѣта, а не скромные работники; но если генеральный атторней обязанъ удерживать обывателей отъ нарушенія закона, то не долженъ ли онъ поступать такъ же точно относительно тайныхъ совѣтниковъ? На этотъ вопросъ атторней не отвѣчалъ, не смотря на настойчивые возгласы представителей рабочихъ. Дѣло въ томъ, что въ январѣ комитетъ уніонистовъ въ Ульстерѣ, подъ предсѣдательствомъ лорда Лондондерри, протестовалъ противъ намѣренія Черчилля говорить о гомрулѣ на митингѣ «въ центрѣ лояльнаго города Бельфаста» и рѣшилъ «принять мѣры для противодѣйствія устройству этого митинга»; министръ вынужденъ былъ назначить митингъ въ другомъ помѣщеніи, внѣ протестантскаго «лояльнаго» квартала, и, конечно, никому не приходило въ голову пустить въ ходъ судейскія полномочія противъ знатныхъ и вліятельныхъ противниковъ ирландской автономіи, ибо эти лица не взывали къ нарушенію законовъ, а только угрожали правительственному оратору демонстраціями, которыя предполагаются законными. Эти протестанты были болѣе осторожны въ своихъ заявленіяхъ и угрозахъ, чѣмъ Маннъ, и потому послѣдній навлекъ на себя судебное преслѣдованіе, котораго избѣгнулъ лордъ Лондондерри. Томъ Маннъ—человѣкъ весьма почтенный, имѣющій большія заслуги предъ рабочимъ классомъ; съ 1881 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ развитіи трэдъ-юніоновъ и съ 1885 г. считается однимъ изъ лидеровъ англійскихъ соціалистовъ. Лѣтъ десять тому назадъ онъ уѣхалъ въ Австралію, гдѣ способствовалъ организаціи рабочей партіи, и пробылъ болѣе восьми лѣтъ, послѣ чего вернулся на родину; въ настоящее время ему 56 лѣтъ. Возбужденный противъ него процессъ естественно служитъ предметомъ различныхъ толковъ въ печати и на митингахъ, но не даетъ повода

къ какимъ бы то ни было сомнѣніямъ въ формальной законности дѣйствій судебной власти; въ Англіи судъ не разсматривается какъ орудіе правительственной политики, и потому пользуется уваженіемъ даже среди соціалистовъ. Арестъ Тома Манна не мѣшаетъ его единомышленникамъ систематически продолжать пропаганду идеи неповиновенія въ арміи, безъ прямыхъ воззваній, предусмотрѣнныхъ закономъ; особеннымъ усердіемъ въ этомъ отношеніи отличается Викторъ Грейсонъ, который въ своихъ рѣчахъ постоянно доказываетъ, что англійскіе солдаты сами по себѣ неспособны стрѣлять въ своихъ согражданъ-рабочихъ и что они вовсе не нуждаются для этого въ незаконныхъ постороннихъ призывахъ. «Въ моихъ рукахъ,—говорилъ онъ на одномъ митингѣ—находится не менѣе сотни писемъ отъ членовъ британской арміи, подтверждающихъ безусловный отказъ отъ стрѣльбы въ рабочихъ, если бы имъ было предложено это дѣлать». Въ другомъ собраніи, упомянувъ о заключеніи Манна въ тюрьму по распоряженію правительства, Грейсонъ замѣтилъ, между прочимъ, что «говоря за себя лично, если бы во время забастовки ему приказано было стрѣлять въ толпу рабочихъ, защищающихъ свои права, онъ въ крайнемъ случаѣ предпочелъ бы стрѣлять въ тѣхъ, кто далъ приказаніе». Не было бы никакой надобности въ кровопролитіи—говорилъ онъ далѣе,—«если бы распорядители правильно употребляли свои мозги. Я утверждаю и буду повторять,—хотя бы за это меня заперли въ крѣпость или въ смирительный домъ,—что человѣкъ, въ этой странѣ стрѣляющій въ своихъ братьевъ во время забастовки, не исполняетъ тѣхъ обязанностей, за которыя онъ получаетъ жалованье. Я говорю и буду говорить, опять и опять: «не стрѣляйте, и если вы непремѣнно должны стрѣлять, стрѣляйте вверхъ, и вы попадете въ какой-нибудь аэропланъ». Викторъ Грейсонъ не привлекается къ суду за эти рѣчи—вѣроятно потому, что онѣ обращены къ слушателямъ, между которыми не было представителей арміи, или самая форма этихъ рѣчей не подходитъ подъ понятіе воззванія къ бунту. Очень можетъ быть, что всѣ эти разсужденія о стрѣльбѣ окажутся совершенно напрасными и что развязка рабочаго кризиса обойдется безъ тѣхъ печальныхъ инцидентовъ, которыми обыкновенно сопровождается рабочее движеніе въ другихъ странахъ.

Въ области международной политики замѣчается въ послѣднее время нѣкоторое оживленіе по отношенію къ дѣламъ ближняго Востока. Въ связи съ этимъ возникли и распространялись какіе-то загадочные слухи о внѣшнихъ замѣшательствахъ, угрожающихъ

намъ войною, при чемъ биржевая спекуляція играла, конечно, руководящую роль. Благодарною темою для разныхъ предположеній и выводовъ послужила внезапная отставка русскаго дипломатическаго представителя въ Константинополѣ, Н. В. Чарыкова. Въ нашихъ газетахъ отъ 28-го февраля появилось лишь краткое оффиціальное сообщеніе о томъ, что «чрезвычайному и полномочному послу при его величествѣ султанѣ, гофмейстеру Чарыкову, всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ правительствующемъ сенатѣ, съ оставленіемъ гофмейстеромъ». Само собою разумѣется, что дипломаты, и притомъ такіе видные, какъ Н. В. Чарыковъ, вовсе не нужны сенату, и что назначеніе «чрезвычайнаго и полномочнаго посла» въ скромный чиновничій сенатъ равносильно сдачѣ въ архивъ съ пониженіемъ ранга. Чѣмъ вызвана эта демонстративная отставка, объясняется ли она политическими или иными причинами—никто въ точности сказать не можетъ; но повсюду въ Европѣ она произвела впечатлѣніе серьезнаго дипломатическаго шага, внутренній смыслъ котораго остается неяснымъ. На мѣсто Н. В. Чарыкова назначенъ посломъ въ Константинополѣ бывшій посланникъ въ Румыніи, М. Н. Гирсъ, сынъ покойнаго Николая Карловича Гирса, долго стоявшаго во главѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ послѣ князя Горчакова. Братъ новаго нашего представителя въ Турціи занимаетъ постъ посла въ Вѣнѣ. Состоявшееся назначеніе свидѣтельствуетъ какъ бы о нѣкоторомъ родственномъ сближеніи нашей восточной политики съ австрійскою.

Говорятъ, что Н. В. Чарыковъ былъ слишкомъ близокъ съ младотурками, что онъ склоненъ былъ дѣйствовать черезчуръ самостоятельно и не всегда угадывалъ намѣренія руководителей нашей дипломатіи; но его служба въ Константинополѣ совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ, когда наше центральное дипломатическое вѣдомство само не знало чего держаться, при отсутствіи и продолжительной болѣзни министра, и когда временные замѣстители послѣдняго проводили свою собственную политику, которой по неволѣ должны были слѣдовать ближайшіе органы министерства за границей. Въ сущности и теперь у насъ нѣтъ опредѣленной международной программы, за которую отвѣчало бы опредѣленное лицо, занимающее постъ министра; взгляды и лица мѣняются въ зависимости отъ разныхъ случайныхъ причинъ и закулисныхъ вліяній. Нынѣшній министръ С. Д. Сазоновъ, быть можетъ, обладаетъ большими достоинствами, но его положеніе не считается прочнымъ, и освѣдомленныя газеты называютъ уже имена кандидатовъ на его мѣсто. Надо полагать, что при всякомъ министрѣ русская внѣшняя политика должна быть миролюбивою и что поэтому поддерживать хоро-

шія отношенія съ господствующими въ нынѣшней Турціи младотурками обязательно для нашихъ представителей въ Константинополѣ; но нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что въ данный моментъ существуетъ у насъ противоположная точка зрѣнія. Наши интересы сталкиваются съ турецкими не только на Балканскомъ полуостровѣ и въ вопросѣ о проливахъ, но и въ Азіи, въ сѣверной Персіи, гдѣ турецкія войска заняли часть пограничныхъ земель, близъ области, входящей несомнѣнно въ сферу русскаго вліянія. Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что мы должны воевать съ Турціею: напротивъ, надо стараться быть съ нею въ дружбѣ и пользоваться въ ея глазахъ авторитетомъ, чтобы достигать нужныхъ результатовъ мирными средствами, какъ это отлично умѣетъ устраивать Германія.

Наша дипломатія, къ сожалѣнію, мало заботится о цѣлесообразности и успѣшности предпринимаемыхъ ею шаговъ; иногда даже кажется, что она намѣренно пускаетъ въ ходъ проекты, которые заранѣе разсчитаны на неудачу. Такова была шумная кампанія въ пользу ненужнаго намъ открытія Дарданеллъ для военныхъ судовъ,—кампанія, въ которой невольная роль соучастника выпала на долю Н. В. Чарыкова; такова была и недавняя попытка коллективнаго посредничества между Турціею и Италіею. Такъ какъ Италія уже объявила объ окончательномъ присоединеніи сѣверо-африканскихъ турецкихъ провинцій, отъ которыхъ Турція не хочетъ и не можетъ формально отречься, то тутъ, очевидно, нѣтъ почвы для прямого соглашенія, и безполезно было обращаться къ воюющимъ сторонамъ съ предложеніемъ услугъ для подготовки мира, основы котораго еще не придуманы. Нельзя отрицать, что Турція имѣетъ право разсчитывать на какую-нибудь компенсацію за потерю своихъ сѣверо-африканскихъ владѣній, и она могла признать для себя оскорбительною мысль о добровольномъ подтвержденіи этой потери безъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Въ свою очередь и Италія не допускаетъ даже намека на уступчивость въ своемъ правѣ захвата чужой территоріи; поэтому она устраняетъ и вопросъ о компенсаціи, который, впрочемъ, никѣмъ не возбуждался. Въ своемъ отвѣтѣ великимъ державамъ итальянское правительство формулируетъ свои требованія и уступки въ такомъ тонѣ, что дипломаты, взявшіе на себя неблагодарную миссію посредниковъ, затруднялись даже сообщить ихъ въ Константинополѣ. Въ предисловіи указывается категорически на то, что отвѣтственность за войну лежитъ на Турціи, вслѣдствіе ея упорнаго игнорированія итальянскихъ жалобъ и претензій. Соглашеніе могло бы быть достигнуто только въ такомъ случаѣ, если бы Турція признала

созданное Италіею фактическое положеніе и державы подтвердили бы правильность итальянской точки зрѣнія; сверхъ того Турція должна отозвать своихъ офицеровъ и солдатъ изъ Триполи и Киренаики. Взаимныя обязательства сторонъ выражены, затѣмъ, въ семи пунктахъ, которые въ сущности говорятъ только о правахъ Италіи и взамѣнъ не предлагаютъ Турціи ничего реальнаго. «Италія признаетъ религіозный авторитетъ калифовъ, насколько имъ не затрагиваются юридическіе, административные и политическіе вопросы», т. е. въ такой лишь духовной сферѣ, которая и безъ того находится внѣ всякаго вліянія и воздѣйствія итальянскихъ завоевателей. «Италія обезпечиваетъ мусульманскому населенію свободу религіи, правовъ и обычаевъ», т. е. гарантируетъ то, чего касаться не можетъ. «Италія отказывается отъ наказанія туземцевъ, которые послѣ объявленія аннексіи продолжали непріязненныя дѣйствія», т. е. отказывается отъ явнаго и возмутительнаго злоупотребленія, въ силу котораго туземные обитатели произвольно объявлены подданными чужого государства ранѣе фактическаго завоеванія ихъ страны. «Италія гарантируетъ кредиторамъ Турціи ту часть турецкаго государственнаго долга, которая обезпечена таможенными доходами Триполи и Киренаики», — обязательство вполнѣ безразличное для должника. «Италія покупаетъ недвижимыя имущества турецкаго государства въ Триполи и Киренаикѣ», подобно тому какъ это сдѣлала Австро-Венгрія въ Босніи и Герцеговинѣ. «Турція возстановляетъ итальянскія почтовыя учрежденія, школы и таможенныя условія въ томъ видѣ, какъ они существовали до войны»; съ своей стороны Италія обязывается отмѣнить привилегіи своихъ подданныхъ въ Турціи, основанныя на капитуляціяхъ,—если то же самое будетъ сдѣлано другими державами. Особенно интересенъ заключительный пунктъ: «Италія выражаетъ готовность принять участіе въ переговорахъ съ державами для установленія дѣйствительныхъ гарантій цѣлости и неприкосновенности Турціи». Говорить объ обезпеченіи неприкосновенности Турціи въ то самое время, когда у нея отбираютъ двѣ африканскія провинціи—это уже имѣетъ видъ издѣвательства надъ турками и турецкимъ правительствомъ. Цѣлость и неприкосновенность Турціи гарантировались державами много разъ, до и послѣ берлинскаго конгресса,—и чѣмъ больше говорилось объ этихъ гарантіяхъ, тѣмъ сильнѣе и крупнѣе были попытки постепеннаго раздѣла турецкихъ земель между другими націями. Правительство, поставившее себѣ задачей завоеваніе Триполи и не встрѣтившее на этомъ пути никакихъ дипломатическихъ препятствій, не должно было бы

напоминать туркамъ о мнимыхъ гарантіяхъ неприкосновенности ихъ территоріи.

Всѣ притязанія итальянской дипломатіи,—если они вѣрно изложены въ отвѣтной нотѣ, сущность которой впервые опубликована въ миланскомъ «Corriere della sera» [1])—свидѣтельствуютъ о такомъ повышенномъ настроеніи итальянцевъ, которое исключаетъ мысль о миролюбіи. Это повышенное настроеніе поощряется и усиливается еще разными посторонними обстоятельствами. На жизнь короля Виктора-Эммануила произведено было 14 (1)-го марта покушеніе при проѣздѣ его по одной изъ римскихъ улицъ къ Пантеону на молебствіе въ память его отца, короля Гумберта, по случаю годовщины дня его рожденія. Преступникъ сдѣлалъ три выстрѣла изъ револьвера и однимъ изъ нихъ ранилъ конвойнаго офицера; король и королева остались невредимы. Задержанный субъектъ, по имени Антоніо Дальба, совсѣмъ молодой, безъ постоянныхъ занятій, объявилъ на допросѣ, что въ качествѣ анархиста-индивидуалиста онъ хотѣлъ выразить свой протестъ противъ современной организаціи общества.

На первыхъ порахъ итальянцы заподозрили, что виновникъ покушенія подосланъ младотурками или триполійскими арабами,—до того невѣроятнымъ казалось нападеніе какого-нибудь итальянскаго обывателя, хотя бы крайняго анархиста, на добродушнѣйшаго и популярнѣйшаго изъ монарховъ. Ничѣмъ не мотивированное нелѣпое покушеніе вызвало въ Италіи такія единодушныя монархическія манифестаціи, какихъ не ожидали и вѣрнѣйшіе друзья и поклонники королевской фамиліи. Сочувственныя заявленія иностранныхъ правительствъ значительно способствовали общему патріотическому подъему итальянской націи. Слѣды недавнихъ неудовольствій и пререканій, вызванныхъ толками о посредничествѣ, исчезли сами собою, и общественное мнѣніе придавало большую важность предстоявшему визиту германскаго императора въ Венеціи. Вильгельмъ II посѣтилъ престарѣлаго Франца-Іосифа въ Вѣнѣ, 23 (10)-го марта, и оттуда отправился въ Венецію, гдѣ видѣлся 26-го числа съ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ. Итальянскіе патріоты почему-то увѣрены, что эти свиданія и переговоры должны обезпечить свободу дѣйствій Италіи въ дальнѣйшей войнѣ противъ Турціи,—хотя эта односторонняя свобода дѣйствій едва ли можетъ быть желательна для Германіи и Австро-Венгріи, не говоря уже о

---

1) Мы заимствовали эти свѣдѣнія изъ вѣнской «Neue Freie Presse» отъ 17-го марта.

другихъ державахъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи мира и спокойствія на ближнемъ Востокѣ.

Въ Германіи часто возникаютъ и усердно обсуждаются въ газетахъ разнообразные слухи о перемѣнахъ въ составѣ высшихъ правительственныхъ лицъ, безъ видимыхъ къ тому причинъ. Недавно еще канцлеръ Бетманнъ-Гольвегъ твердо заявилъ въ парламентѣ, что положеніе правительства не зависитъ отъ парламентскихъ партій, а теперь оказывается, что оно можетъ быть поколеблено случайными вліяніями отдѣльныхъ лицъ. Бетманнъ-Гольвегъ и Кидерленъ-Вехтеръ расходятся съ морскимъ министромъ фонъ-Тирпицемъ во взглядахъ на англо-германскія отношенія; канцлеръ и статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ расположены къ мирному компромиссу съ Англіею, съ цѣлью поставить извѣстные предѣлы дальнѣйшему взаимному соперничеству въ постройкѣ новыхъ броненосцевъ, а морской министръ настаиваетъ на необходимости вооруженій для обезпеченія успѣха въ будущей борьбѣ съ англичанами изъ-за владычества на моряхъ. Вильгельмъ II долго раздѣлялъ идеи своего канцлера, но мало-по-малу спеціально-военные доводы пересилили обычныя соображенія здраваго смысла, и императоръ сталъ склоняться на сторону адмирала фонъ-Тирпица, какъ человѣка болѣе близкаго къ нему лично. Говорили, что фонъ-Тирпицъ имѣетъ шансы занять мѣсто Бетманна-Гольвега и что Кидерлена-Вехтера можетъ замѣнить графъ Бернсторфъ или Штуммъ. Въ обществѣ и въ печати установились вообще вполнѣ миролюбивыя воззрѣнія, а между тѣмъ при дворѣ поддерживались воинственныя идеи, благодаря особому закулисному авторитету человѣка, извѣстнаго своимъ отличнымъ знаніемъ морского дѣла, но совсѣмъ несвѣдущаго въ политикѣ. Даже умѣренныя берлинскія газеты заявляютъ, что замѣна Бетманна-Гольвега фонъ-Тирпицемъ была бы «національнымъ несчастьемъ».

Общественное мнѣніе недовольно нынѣшнимъ канцлеромъ, но предпочитаетъ сохранить его для избѣжанія худшаго зла. Бетманнъ-Гольвегъ возстановилъ противъ себя всѣ партіи своею безпринципностью или, вѣрнѣе, своимъ философскимъ безразличіемъ. Онъ отрекся отъ проекта налога съ наслѣдствъ, подъ давленіемъ партіи центра и аграріевъ,—послѣ чего долженъ былъ удалиться въ отставку статсъ-секретарь имперскихъ финансовъ Вермутъ, который ранѣе категорически доказывалъ необходимость даннаго налога для покрытія новыхъ расходовъ по военному вѣдомству. Оттолкнувъ отъ себя либераловъ, канцлеръ вновь очутился въ зависимости отъ «чернаго блока» и долженъ подчиняться указаніямъ такихъ

реакціонеровъ, какъ баронъ фонъ-Гертлингъ, представитель центра, нынѣ баварскій министръ-президентъ, или какъ вождь прусскаго юнкерства, фонъ-Гейдебрандъ. Своимъ способомъ дѣйствій Бетманнъ-Гольвегъ не пріобрѣлъ довѣрія консерваторовъ, а кредитъ его у Вильгельма II отчасти подорванъ фонъ-Тирпицемъ. Тѣмъ не менѣе канцлерскій кризисъ считается еще пока преждевременнымъ. Императоръ опять настроенъ миролюбиво и не нашелъ ничего угрожающаго въ парламентской рѣчи, произнесенной 18-го марта первымъ лордомъ британскаго адмиралтейства, Черчиллемъ, по поводу смѣты морского министерства, хотя въ этой рѣчи откровенно указывалось на Германію, какъ на главную виновницу усиленныхъ вооруженій Англіи. При пріемѣ новаго президіума имперскаго сейма, въ составѣ Кемпфа, Пааше и Дове, Вильгельмъ II весьма благодушно и примирительно отзывался о рѣчи Черчилля; въ то же время онъ въ шуточномъ тонѣ выражалъ свое сочувствіе либераламъ, которымъ онъ будто бы помогъ одержать побѣду, въ лицѣ Кемпфа, на выборахъ въ «своемъ округѣ». Наконецъ, онъ наглядно и краснорѣчиво подтвердилъ свое миролюбіе, проведя вечеръ (19-го марта), у французскаго посла Камбона, гдѣ онъ очень любезно разговаривалъ съ парижскими артистками и съ извѣстнымъ публицистомъ, главнымъ редакторомъ «Revue des deux Mondes», Шармомъ. Одна изъ французскихъ артистокъ, въ отвѣтъ на его любезности по адресу Франціи, спросила его съ наивнымъ видомъ, почему же онъ въ такомъ случаѣ постоянно готовится къ войнѣ съ французами. Вильгельмъ. II съ улыбкою отвѣтилъ: «ничего подобнаго; напротивъ, при соперничествѣ обоихъ народовъ въ области крупныхъ и важныхъ интересовъ, онъ всегда серьезно и искренно думаетъ о мирѣ». Публика внимательно слѣдитъ за подобными мимолетными заявленіями и происшествіями, усматривая въ нихъ симптомы мира,—ибо въ вопросахъ мира и войны личный режимъ господствуетъ еще безраздѣльно въ Германіи.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Пренія о Холмщинѣ въ Государственной Думѣ.—Запросъ о преподаваніи Закона Божія инославнымъ учащимся въ начальныхъ школахъ.—Запросы, относящіеся къ дѣятельности министра народнаго просвѣщенія. — Законопроектъ о мѣстномъ судѣ въ Государственномъ Совѣтѣ.—Съѣздъ объединеннаго дворянства.—П. Н. Лебедевъ и А. П. Философова †.

Печально было зрѣлище, которое, съ самаго вступленія своего въ жизнь—за исключеніемъ рѣдкихъ, очень рѣдкихъ моментовъ,—представляла третья Государственная Дума; особенно печально оно теперь, когда приближается конецъ ея полномочій. Чего стоитъ одинъ холмскій вопросъ, которому она посвятила такъ много времени и съ которымъ все еще никакъ не можетъ покончить! Весьма характерно было уже то, что она извлекла его изъ множества другихъ законопроектовъ, несравненно болѣе важныхъ и спѣшныхъ—извлекла именно тогда, когда необходимо было дорожить каждымъ днемъ, каждымъ часомъ, и погрузила его въ пучину нескончаемыхъ преній, прерываемыхъ, опять возобновляемыхъ, утомительныхъ, не нужныхъ, сѣющихъ раздраженіе и злобу. Допустимъ, что они приведутъ къ намѣченной цѣли, желанной, въ сущности, для весьма немногихъ; что же получится въ результатѣ? Пародируя извѣстныя слова графа д'Артуа: rien n'est changé — il n'y a qu'un français de plus—можно будетъ сказать: ничего не измѣнилось—увеличилось только число губерній. Вмѣсто хлѣба для всѣхъ—какимъ могла бы служить, напримѣръ, правильно огражденная неприкосновенность личности,—будетъ данъ камень немногимъ: нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ составятъ новую административную единицу, оставаясь при томъ же минимумѣ правъ и благосостоянія, какъ и прежде, и еще дальше, чѣмъ прежде, отъ внутренняго согласія и мира. Высоко поднявшіяся волны національныхъ и религіозныхъ антипатій не выбросили и не выбросятъ на берегъ ни одной жемчужины.

Характеру основной темы холмскихъ дебатовъ соотвѣтствовали многіе отдѣльные ихъ эпизоды. Одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ связанъ съ голосованіями, происходившими въ засѣданіяхъ 15 и 16 февраля. Послѣ продолжительныхъ преній, довольно внушительнымъ большинствомъ голосовъ (151 противъ 105) рѣшено было исключить изъ законопроекта слова о выдѣленіи вновь образуемой губерніи изъ состава губерній

Царства Польскаго—слова, которыя даже въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ числа правыхъ октябристовъ являлись ненужнымъ оскорбленіемъ національнаго чувства поляковъ. Затѣмъ былъ сдѣланъ еще одинъ шагъ въ ту же сторону: большинство, правда—менѣе значительное (первоначально 138 противъ 126, послѣ выхода въ двери—139 противъ 135) исключило изъ законопроекта слова: «вновь образуемую Холмскую губернію подчинить въ общемъ порядкѣ управленія министру внутреннихъ дѣлъ». Другими словами—какъ это и было тотчасъ же подчеркнуто предсѣдательствующимъ—рѣшено было оставить новую губернію, наравнѣ съ другими, входящими въ составъ Царства польскаго, въ вѣдѣніи варшавскаго генералъ-губернатора. Рушилась, такимъ образомъ, главная основа законопроекта; падало раздѣленіе того, что въ настоящее время является такъ или иначе соединеннымъ. Такъ говорила логика—но не то подсказывала страсть, доведенная до бѣлаго каленія.

На другой день докладчикъ (націоналистъ), поддерживаемый крайнимъ правымъ, предложилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, приступить къ обсужденію статьи, подробно опредѣлявшей отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ новой губерніи. Ему возражали, что незачѣмъ говорить о подробностяхъ, когда отклоненъ самый принципъ; но тенденціозные защитники законопроекта продолжали стоять на своемъ, одни—прибѣгая къ хитросплетенной аргументаціи, другіе—откровенно отвергая вчерашнее голосованіе, какъ «случайное». И на сторонѣ послѣднихъ оказалось большинство, сначала рѣшившее обсуждать спорную статью, потомъ высказавшееся за ея сохраненіе. Получилось противорѣчіе, устранить которое придется при третьемъ чтеніи.

Несмотря на всю свою тенденціозность, законопроектъ оставляетъ въ силѣ для Холмской губерніи гражданскіе законы, дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ, т. е. главнымъ образомъ кодексъ Наполеона. Это, конечно, не нравилось «истинно-русскимъ» людямъ, и они настаивали на необходимости оговорить в р е м е н н о й характеръ данной мѣры. Утѣшить и успокоить ихъ взялся товарищъ министра юстиціи. Онъ «счелъ нужнымъ» заявить, что «въ самое послѣднее время министерство юстиціи имѣло поводъ, въ связи съ работами по подготовленію къ внесенію на законодательное разсмотрѣніе проекта гражданскаго уложенія, обсудить общій вопросъ о распространеніи единаго гражданскаго кодекса на всѣ части имперіи—вопросъ, имѣющій несомнѣнно первостепенное государственное значеніе... Необходимость единаго гражданскаго кодекса вызывается настоятельнѣйшими потребностями жизни. Съ другой стороны, и политическое единство имперіи указываетъ на необходимость скорѣй-

шаго объединенія гражданскаго законодательства, на почвѣ котораго наиболѣе полно можетъ быть осуществлено дѣйствительное сліяніе разноплеменныхъ, входящихъ въ составъ имперіи народностей, съ ихъ бытовыми и культурными особенностями». Въ принципѣ объединеніе гражданскаго законодательства предрѣшено, и министерство юстиціи уже приступило къ исполненію Высочайшихъ по этому предмету предначертаній. Отсюда ясно,—такъ заключилъ свои объясненія товарищъ министра юстиціи,—«что предположенное сохраненіе въ Холмской губерніи особыхъ гражданскихъ узаконеній явится мѣрою во всякомъ случаѣ лишь временною».

Если бы мы не знали, съ какими затрудненіями сопряжено изданіе новаго гражданскаго уложенія, съ какою медленностью оно обычно двигается впередъ даже при условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ существующія у насъ въ настоящее время, рѣчь товарища министра юстиціи навела бы насъ на весьма печальныя мысли. Новый гражданскій кодексъ—дѣло чрезвычайно серьезное и важное: успѣшно провести его въ жизнь можно только въ моментъ подъема народныхъ силъ или, по меньшей мѣрѣ при рѣшительномъ преобладаніи прогрессивныхъ теченій. Кодексъ Наполеона былъ подготовленъ въ эпоху разрыва съ прошлымъ, осуществленъ—въ эпоху подведенія первыхъ итоговъ громадной преобразовательной работы; кодексы общегерманскій и итальянскій созданы вслѣдъ за торжествомъ новаго порядка, принесшаго за собою не только національное единство, но и небывалую до тѣхъ поръ гражданскую и политическую свободу. Не таково современное положеніе Россіи; перевѣсъ силы и власти находится всецѣло на сторонѣ элементовъ, менѣе всего расположенныхъ къ обновленію общественныхъ и бытовыхъ нормъ. Требованіями «политическаго единства», о которомъ не случайно упомянулъ товарищъ министра юстиціи, были бы мотивированы постановленія, направленныя къ искусственному устраненію національныхъ особенностей, освященныхъ временемъ и привычкой; «настоятельнѣйшими потребностями жизни» были бы признаны тѣ, въ удовлетвореніи которыхъ заинтересованы привиллегированные классы населенія. Достаточно ясное понятіе о томъ, къ чему могла бы привести несвоевременно предпринятая кодификація, даетъ судьба законопроекта о наслѣдственныхъ правахъ женщинъ, недавно разсмотрѣннаго въ Государственномъ Совѣтѣ. Мы знаемъ, чѣмъ руководствовалось большинство верхней палаты, кореннымъ образомъ искажая справедливую, давно назрѣвшую реформу. Аналогичныя явленія повторялись бы на каждомъ шагу, если бы на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій, при нынѣшнемъ способѣ ихъ образованія, былъ внесенъ проектъ общеимперскаго гражданскаго уложенія. Осо-

бенно чувствительныя потери пришлось бы претерпѣть окраинамъ государства—и эти потери едва ли были бы уравновѣшены тѣми выгодами, которыя могло бы принести съ собою объединеніе гражданскихъ правовыхъ нормъ.

Нѣсколько дней спустя на очереди стояли тѣ статьи Холмскаго законопроекта, которыми предполагалось подчинить начальную и среднюю школу въ Холмской губерніи общеимперскому школьному режиму, т. е. отмѣнить особыя права, до сихъ поръ принадлежавшія въ данной мѣстности польскому языку. Группа октябристовъ, съ Е. П. Ковалевскимъ во главѣ, предложила значительное смягченіе этой мѣры, находя, что новый порядокъ не долженъ имѣть послѣдствіемъ обездоленіе части населенія. Противъ этого предложенія возсталъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія—возсталъ не только во имя «простой элементарной логики», требующей полнаго торжества русскаго дѣла въ новой губерніи, но и во имя... чествовавшейся въ тѣ дни памяти «великаго святителя земли русской», патріарха Гермогена! Не помогло, однако, и это героическое средство; большинство согласилось съ предложеніемъ Е. П. Ковалевскаго. Такая же неудача постигла, вслѣдъ затѣмъ, представителя министерства юстиціи. Думская комиссія, идя въ разрѣзъ съ правительственнымъ проектомъ, полагала допустить въ мировыхъ и гминныхъ установленіяхъ Холмской губерніи заявленіе словесныхъ просьбъ и жалобъ и представленіе словесныхъ объясненій на мѣстномъ языкѣ. Товарищъ министра юстиціи настаивалъ на исключеніи этого пункта, равно какъ и другого, которымъ предрѣшалось введеніе въ Холмской губерніи суда присяжныхъ. По обоимъ вопросамъ большинство оказалось не на сторонѣ правительства. А между тѣмъ, въ пользу мнѣнія правительственнаго оратора были пущены въ ходъ, съ правой стороны, самые рѣшительные, можно даже сказать—слишкомъ рѣшительные доводы. «Судъ присяжныхъ,—воскликнулъ деп. Шечковъ,—возможенъ только тамъ, гдѣ есть единая совѣсть въ населеніи, гдѣ всѣ одинаково понимаютъ, что такое должное, недозволенное и т. д. А что общаго между совѣстью православнаго человѣка и совѣстью, положимъ, іезуитской, въ которой воспитывается католическое населеніе; что общаго между христіанскою совѣстью православныхъ и католиковъ и совѣстью талмуда, совѣстью еврейскаго народа, въ которой воспитывается совѣсть еврейскаго населенія?..» Если бы условіемъ существованія суда присяжныхъ было полное единодушіе въ опредѣленіи должнаго и дозволеннаго, онъ былъ бы одинаково невозможенъ вездѣ, потому что вездѣ на этотъ счетъ даются самые различные отвѣты. Не подводитъ ихъ подъ одинъ знаменатель ни общность происхожденія, ни

общность вѣроисповѣданія. Совѣсть—достояніе лица, а не народа; степень ея чуткости и отзывчивости зависитъ отъ безконечнаго множества причинъ, и если нѣтъ такого вѣроученія, которое гарантировало бы безошибочность ея рѣшеній, то нѣтъ и такого, которое неизбѣжно вело бы къ ихъ извращенію. Нужно потерять всякое чувство мѣры, чтобы называть католическое воспитаніе — іезуитскимъ, и говорить о «совѣсти талмуда», забывая о совѣсти отдѣльныхъ католиковъ и евреевъ. И какъ мало правды въ словахъ депутата Шечкова — достаточнымъ доказательствомъ этому служитъ многолѣтнее функціонированіе суда присяжныхъ въ Западномъ краѣ, съ населеніемъ столь же разноплеменнымъ и разновѣрнымъ, какъ и населеніе будущей Холмской губерніи... Слова крайне-праваго депутата могли бы быть оставлены безъ вниманія, если бы они не соприкасались такъ близко съ аргументаціей товарища министра юстиціи, отодвигающаго въ неопредѣленную даль торжество правосудія не въ одной только Холмской губерніи, но и во всемъ Царствѣ Польскомъ.

Небольшія, частичныя—и притомъ, быть можетъ, непрочныя—поправки, внесенныя въ холмскій законопроектъ, не измѣняютъ, конечно, его общаго значенія; онъ остается по прежнему ненужнымъ, опаснымъ и несправедливымъ. Весьма возможно, что это если не сознается, то чувствуется думскимъ большинствомъ, откладывающимъ со дня на день послѣднее, рѣшающее слово. Дума разошлась на пасхальныя вакаціи, не покончивъ съ выдѣленіемъ Холмщины, не дойдя до третьяго чтенія холмскаго законопроекта—и навлекла на себя, тѣмъ самымъ, негодованіе ультра-націоналистовъ. Особенное значеніе они придаютъ тому, что эта отсрочка совпала съ признаніемъ спѣшности запроса о языкѣ преподаванія Закона Божія въ начальныхъ школахъ Западнаго края. «Съ тѣмъ, что нужно для русскихъ,—восклицаетъ «Новое Время»,—можно и подождать, хотя бы эта русская нужда была заявлена давно и выяснена до очевидности, Съ тѣмъ, что нужно для поляковъ, нельзя ждать ни минуты, хотя бы такое дѣло требовало разъясненій и самымъ очевиднымъ образомъ затрагивало русскіе интересы». На самомъ дѣлѣ для негодованія не было и нѣтъ ни малѣйшаго повода. Выдѣленіе Холмщины—задача трудная, сложная, возбуждающая множество сомнѣній, разрѣшеніе ея требуетъ, во всякомъ случаѣ, много времени; съ признаніемъ спѣшности и допустимости запроса можно покончить весьма скоро, такъ какъ обсужденіе его по существу ничто не мѣшаетъ отложить до полученія оффиціальнаго отвѣта. А заинтересованными въ данномъ запросѣ являлись, наравнѣ съ поляками, всѣ, кому дорого уваженіе къ чужимъ вѣрованіямъ, дорого проведеніе въ

жизнь истинной вѣротерпимости. Основаніе для запроса было просто и ясно. Одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ Виленской губерніи, ссылаясь на вовсе не относящійся къ данному вопросу циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, потребовалъ немедленнаго принятія мѣръ къ преподаванію закона Божія учащимся римско-католическаго исповѣданія *на русскомъ языкѣ*. Въ запросѣ было указано на явное несогласіе этого требованія съ п. 14 именного Высочайшаго указа 17-го апрѣля 1905-го года, по которому преподаваніе закона Божія учащимся инославныхъ исповѣданій должно быть производимо на ихъ *родномъ языкѣ*, опредѣляемомъ письменнымъ заявленіемъ ихъ родителей или опекуновъ. По точному смыслу этого указа, языкъ преподаванія обусловливается не усмотрѣніемъ начальства, а желаніемъ родителей, о которомъ въ предписаніи инспектора не было и рѣчи. Во время преній было выяснено, что вмѣшательство властей въ независящее отъ нихъ дѣло составляетъ въ Западномъ краѣ явленіе далеко не исключительное; болѣе ста школъ въ одной епархіи остаются, изъ-за него, безъ законоучителей, и возстановленіе законнаго порядка не должно и не можетъ быть откладываемо въ долгій ящикъ. Объ этотъ очевидный фактъ разбились всѣ попытки правыхъ и націоналистовъ сначала затормозить движеніе запроса, потомъ отклонить его совершенно: въ засѣданіи 12-го марта была признана спѣшность запроса, а на другой день состоялось его принятіе. Ничего этимъ не предрѣшено, ничьи интересы не нарушены. Если бы на самомъ дѣлѣ, паче чаянія, оказалось, что преподаванія закона Божія на русскомъ языкѣ католикамъ-учащимся въ начальныхъ школахъ дисненскаго уѣзда требуютъ ихъ родители или опекуны, то даже въ такомъ случаѣ распоряженіе инспектора не могло бы быть признано правильнымъ, потому что исполненіе его не было поставлено въ зависимость отъ воли тѣхъ, кому законодатель предоставилъ всецѣло, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, рѣшеніе даннаго вопроса... Въ вину Думѣ можетъ и должно быть поставлено не вниманіе къ запросу о дѣйствіяхъ виленской инспекціи, а невниманіе ея ко многимъ другимъ запросамъ, не менѣе или еще болѣе настоятельнымъ и важнымъ. Достаточно указать, въ видѣ примѣра, на запросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ спб. градоначальника по отношенію къ петербургскому обществу рабочихъ по металлу. Дума не только отклонила спѣшность этого запроса, но отказалась назначить комиссіи срокъ для представленія о немъ доклада, хотя въ пользу ускоренія дѣла были представлены съ лѣвой стороны самые убѣдительные доводы.

Поразительна медленность, съ которою Дума разсматриваетъ запросы, касающіеся дѣятельности министра народнаго просвѣ-

щенія. Рѣчь министра въ отвѣтъ на эти запросы была произнесена 8-го февраля—а пренія, ею возбужденныя, до сихъ поръ не окончены. Вмѣсто того, чтобы посвятить имъ нѣсколько вечеровъ сряду, сохраняя цѣльность впечатлѣнія и не отодвигая въ неопредѣленную даль отвѣтъ, настоятельно требуемый обстоятельствами, Дума отводитъ имъ по два, по три часа въ недѣлю, обращая ихъ въ пустую, никому не нужную формальность. Этого мало: когда къ прежнимъ поводамъ сомнѣваться въ правильности и законности дѣйствій министра народнаго просвѣщенія присоединяются новые, Дума отказывается включить ихъ въ рамки общаго вопроса, очень хорошо зная, что отсрочка, въ виду приближающагося конца думскихъ полномочій, можетъ оказаться равносильной полному устраненію. Такъ поступила Дума, въ засѣданіи 10-го марта, съ запросомъ относительно циркуляра, которымъ министръ народнаго просвѣщенія призналъ недопустимымъ чтеніе приватъ-доцентами курсовъ, совпадающихъ по предмету съ курсами профессоровъ. Не смотря на очевидную связь этого запроса съ другими, касающимися того же вѣдомства, Дума отклонила его спѣшность—и тѣмъ самымъ сдѣлала крайне невѣроятнымъ его разсмотрѣніе. А между тѣмъ, оно могло бы бросить особенно яркій свѣтъ на отношеніе министерства къ закону и къ истиннымъ интересамъ высшей школы. Въ самомъ текстѣ запроса были приведены выписки изъ соображеній, положенныхъ въ основаніе университетскаго устава 1884-го года—соображеній, устраняющихъ всякое сомнѣніе въ существованіи права, отрицаемаго министромъ народнаго просвѣщенія. «Министерство,—такъ разсуждалъ въ 1884 г. Государственный Совѣтъ,—установляя свободу преподаванія, желаетъ возбуждать и поддерживать въ профессорахъ энергію и стремленіе двинуть науку впередъ, создавая для профессоровъ конкурренцію по преподаваемымъ ими предметамъ въ лицѣ приватъ-доцентовъ и другихъ преподавателей». Осуществленіе приватъ-доцентами этого права Госуд. Совѣтъ находилъ нужнымъ оградить отъ вмѣшательства факультетовъ, опасаясь, что иначе отъ чтенія курсовъ можетъ быть устраненъ преподаватель, «представляющій серьезнаго конкуррента тому или другому профессору», и этимъ путемъ «будетъ въ корнѣ подорванъ весьма важный по своей благой цѣли институтъ приватъ-доцентовъ, какъ разсадникъ профессоровъ и искусъ для всѣхъ желающихъ достигнуть каѳедры». И въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ девизовъ университетской реформы 1884-го года была «свобода преподаванія», у насъ въ Россіи, при сравнительно небольшомъ числѣ профессоровъ, мыслимая только подъ условіемъ широкаго развитія приватъ-доцентуры и ничѣмъ не стѣсненнаго права слушателей выбирать между нѣсколькими преподавателями одного и того же пред-

мета. Этимъ правомъ студенты пользовались даже въ самые мрачные періоды университетской жизни—и это право отнимаетъ у нихъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, озабоченнаго тѣмъ, чтобы обезпечить за назначенными имъ профессорами достаточное число слушателей, хотя бы и подневольныхъ. Замѣтимъ, что именно теперь ограниченіе правъ приватъ-доцентовъ представляется особенно несправедливымъ и особенно вреднымъ: особенно несправедливымъ—потому что въ средѣ приватъ-доцентовъ насчитывается немало заслуженныхъ, извѣстныхъ ученыхъ, закончившихъ свою профессорскую службу, но сохраняющихъ и способность, и желаніе работать на пользу молодого поколѣнія; особенно вреднымъ, потому что въ переживаемое нами тревожное время слѣдуетъ избѣгать поводовъ къ волненіямъ среди молодежи, а не создавать ихъ искусственно, загоняя ее въ аудиторіи ставленниковъ администраціи. Въ петербургскомъ университетѣ ближайшимъ результатомъ министерскаго распоряженія была полная дезорганизація прекрасно налаженнаго преподаванія такихъ важныхъ предметовъ, какъ гражданское право и финансовое право... Печальнымъ и характернымъ «признакомъ времени» является то обстоятельство, что инициативу ограниченія свободы преподаванія взялъ на себя, еще до министерскаго циркуляра... юридическій факультетъ московскаго университета! Годъ тому назадъ такой фактъ былъ бы невозможенъ; почву для него создало извѣстное увольненіе трехъ профессоровъ, за которымъ послѣдовала добровольная отставка многихъ другихъ. Политика министерства нагромождаетъ одно препятствіе за другимъ на трудномъ и тернистомъ пути русскаго просвѣщенія—а Государственная Дума откладываетъ sine die произнесеніе того слова, которое могло бы послужить хоть нѣкоторой сдержкой все превозмогающаго реакціоннаго усердія.

Когда въ обыденной жизни хотятъ смягчить грозящее кому-нибудь осужденіе, способомъ къ достиженію этой цѣли избирается иногда сравненіе обвиняемаго съ кѣмъ-нибудь еще болѣе виновнымъ. Конечно,—восклицаютъ въ подобныхъ случаяхъ,—такой-то неправъ; но вѣдь еще хуже поступилъ или поступаетъ другой, на котораго и слѣдуетъ обратить негодующее вниманіе. По отношенію къ третьей Думѣ роль этого другого играетъ обычно Государственный Совѣтъ. И дѣйствительно, на пути отстаиванья отжившихъ идей и учрежденій, на пути противодѣйствія необходимымъ реформамъ верхняя палата идетъ еще дальше, чѣмъ нижняя. Подробно доказывать это намъ нѣтъ надобности, въ виду нашихъ послѣднихъ обозрѣній и статьи М. М. Ковалевскаго, напечатанной выше; достаточно напомнить, чѣмъ кон-

чилось обсужденіе въ Госуд. Совѣтѣ законопроекта о мѣстномъ судѣ. Поправка П. Н. Дурново, открывающая доступъ въ мировые судьи для лицъ не имѣющихъ даже средняго образованія, но обладающихъ полнымъ имущественнымъ цензомъ, принята, вопреки даже мнѣнію министра юстиціи, большинствомъ 87 голосовъ противъ 46. Еще болѣе значительнымъ большинствомъ, не очень далекимъ отъ единогласія, принята поправка кн. Лобанова-Ростовскаго, закрывающая для евреевъ [1]) доступъ въ мировые судьи. Когда противъ этой поправки говорилъ М. М. Ковалевскій, ссылаясь на «азбучное понятіе, по которому въ государствѣ, основанномъ на правѣ, всѣ граждане и подданные равны передъ лицомъ закона», въ сдержанномъ обыкновенно собраніи поднялся ропотъ, вызвавшій суровое замѣчаніе предсѣдателя. «Господа члены Государственнаго Совѣта,—воскликнулъ М. Г. Акимовъ,—такимъ образомъ наше собраніе обратится Богъ знаетъ во что. Если по поводу высказаннаго съ разныхъ скамей будутъ выражаться какіе-то звуки, то чѣмъ же это кончится?». Чѣмъ объяснить рѣзкое нарушеніе декорума, столь естественнаго при возрастномъ и соціальномъ составѣ Госуд. Совѣта? Какимъ образомъ простое напоминаніе о всѣмъ извѣстной истинѣ могло поколебать уравновѣшенность, оказывавшуюся устойчивою въ гораздо болѣе критическіе моменты? Находили ли члены «высокаго собранія», что равенство передъ закономъ вовсе не вытекаетъ само собою изъ представленія о правовомъ государствѣ? Въ такомъ случаѣ имъ слѣдовало мотивировать свое несогласіе съ общепринятымъ взглядомъ чѣмъ-нибудь болѣе вѣскимъ, чѣмъ «какими-то звуками». Или, можетъ быть, источникомъ «звуковъ» послужила болъ оть упрека, звучавшаго въ словахъ оратора, хотя прямо имъ и не выраженнаго? Въ такомъ случаѣ это было невольнымъ признаніемъ правоты оратора... Чтобы оцѣнить вполнѣ значеніе рѣшенія, принятаго большинствомъ Госуд. Совѣта, достаточно вспомнить, что оно ограничиваетъ свободу дѣйствій избирателей, ограничиваетъ ее именно въ томъ направленіи, въ какомъ менѣе всего вѣроятнымъ представлялось злоупотребленіе ею. Въ тѣхъ сферахъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть избраніе мировыхъ судей, предубѣжденіе противъ евреевъ

[1]) Первоначально въ поправкѣ шла рѣчь о «лицахъ іудейскаго вѣроисповѣданія», но министръ юстиціи, горячо поддержавшій поправку, предложилъ замѣнить это выраженіе словомъ «еврей», съ чѣмъ кн. Лобановъ-Ростовскій и согласился. Ужъ не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ начало пріуроченія ограниченій, до сихъ поръ обусловленныхъ религіей, къ происхожденію, т. е. распространенія ихъ на евреевъ принявшихъ христіанство? И если это такъ, то на сколько же поколѣній будетъ наложена печать обездоливающаго «еврейства»?

распространено на столько сильно, что упасть на еврея выборъ могъ бы только въ исключительныхъ случаяхъ, при исключительныхъ заслугахъ избираемаго и исключительномъ къ нему довѣріи. И если для министра юстиціи ясна абсолютная неспособность еврея, какъ бы высоко ни цѣнили его избиратели, къ исполненію обязанностей мирового судьи, то почему онъ не включилъ соотвѣтствующую статью въ составленный имъ законопроектъ о мѣстномъ судѣ, а предоставилъ честь возбужденія этого вопроса случайной иниціативѣ одного изъ членовъ Государственнаго Совѣта?

Современная русская жизнь такъ богата элементами застоя и регресса, что крайнимъ олицетвореніемъ ихъ служитъ не Государственный Совѣтъ. Ту роль reproussoir, которую онъ играетъ по отношенію къ третьей Думѣ, по отношенію къ нему самому играетъ съѣздъ объединеннаго дворянства. Въ самомъ дѣлѣ, сословные и всякіе другіе предразсудки, низменныя выгоды, невысокаго сорта чувства, пренебреженіе къ народному благу, воздыханія о недавнемъ и стремленіе вернуть еще болѣе отдаленное прошлое—все это обнаруживается здѣсь во всей своей наготѣ, безъ умолчаній и стѣсненій, почти не встрѣчая противорѣчія и противодѣйствія. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, дворянскій съѣздъ, не можетъ считаться безполезнымъ; онъ снимаетъ покровы, разсѣиваетъ иллюзіи, доказываетъ наглядно, что реставраціонные и ультра-реставраціонные замыслы находятъ почву не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ цѣлыхъ корпораціяхъ, не только въ шутовскихъ выходкахъ политическихъ паяцовъ, но и въ обдуманныхъ постановленіяхъ такъ называемыхъ серьезныхъ людей. Особенно благопріятнымъ для Государственнаго Совѣта сопоставленіе его съ дворянскимъ съѣздомъ является въ виду діаметральной противоположности ихъ заключеній по вопросу о земскихъ начальникахъ. Большинство Госуд. Совѣта высказалось, вслѣдъ за министерствомъ и за Госуд. Думой, въ пользу упраздненія судебной власти земскихъ начальниковъ; на дворянскомъ съѣздѣ былъ поднятъ вопросъ о возбужденіи, черезъ особую депутацію, всеподданнѣйшаго ходатайства о сохраненіи за ними этой власти, и хотя это было признано неудобнымъ, но все же рѣшено довести до свѣдѣнія Государя, при докладѣ о трудахъ съѣзда, возраженія дворянства противъ уничтоженія судебныхъ функцій земскихъ начальниковъ — т. е. противъ мѣры, одобренной Госуд. Думой и Госуд. Совѣтомъ. Учрежденіе, невѣдомое закону, представляющее собою даже не интересы, а мелкія страсти дворянскаго меньшинства, пытается стать между монархомъ и законодательными палатами, помѣшать проведенію реформы, необходимость которой давно уже перестала возбуждать серьезныя сомнѣнія. Дворянскому

съѣзду мало того, что дворянство имѣетъ своихъ оффиціальныхъ представителей въ верхней палатѣ, что солидарно съ ними, въ настоящую минуту, огромное большинство представителей земскихъ учрежденій, что въ Думѣ, правилами 3-го іюня, помѣстному дворянству отведена роль, совершенно не соотвѣтствующая его дѣйствительному значенію: ему нужны еще другіе ходы, другіе способы отстаивать вожделѣнія, остріе которыхъ прямо или косвенно направлено противъ народа. И въ ту самую минуту, когда объединенное дворянство такъ ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ неумѣло раскрыло свои карты, обнаружило всю безмѣрность и всю безцеремонность своихъ претензій, къ нему рѣшило примкнуть петербургское дворянство — одно изъ тѣхъ немногихъ, которыя до сихъ поръ держались отъ него въ сторонѣ. Это, конечно, признакъ времени — по отнюдь не предвѣстіе торжества дворянскихъ стремленій. Они производятъ впечатлѣніе своею смѣлостью—но производятъ его только на тѣхъ, кто не вооруженъ противъ нихъ ни знаніемъ прошедшаго, ни чувствомъ солидарности съ народной массой. Въ послѣднемъ счетѣ для великаго цѣлаго неопасны центробѣжныя потуги частицъ, ничтожныхъ и количественно, и качественно—но добавочнымъ тормозомъ безъ того уже заторможеннаго движенія они, къ несчастію, на время являться могутъ. Закулисный, эфемерный успѣхъ тѣхъ или другихъ дворянскихъ ходатайствъ возможенъ даже не смотря на недостатокъ единенія, замѣчаемый въ объединенномъ дворянствѣ. Усилія съѣзда удержать своего прежняго предсѣдателя, гр. А. А. Бобринскаго, или пріобрѣсти новаго, въ лицѣ А. Д. Самарина, оказались тщетными; онъ такъ и остался безъ настоящаго главы, обязанности котораго раздѣлены между двумя товарищами предсѣдателя. Личныхъ силъ у объединеннаго дворянства очевидно немного, но много точекъ соприкосновенія съ правящими сферами—и этого, пока, довольно, чтобы сохранить за нимъ видимость, а можетъ быть и реальность вліянія... Если дворянскій съѣздъ не остановился передъ пересмотромъ вопроса, рѣшеннаго Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ, то нечего удивляться его попыткѣ воздѣйствовать на верхнюю палату въ дѣлѣ, ею еще не обсуждавшемся—въ дѣлѣ о волостномъ земствѣ. Почти единогласно съѣздъ высказался противъ реформы, столь важной и цѣнной въ глазахъ народа—и никого не введетъ въ заблужденіе рекомендуемый имъ палліативъ: принятіе на счетъ казны и земства расхода на содержаніе волостныхъ правленій. Всѣ знаютъ, что не только на покрытіе этого расхода идутъ мірскіе сборы, столь обременительные для крестьянства; всѣ знаютъ, что главной задачей волостного земства должно быть расширеніе и углубленіе заботы о благосостояніи крестьянъ и приближеніе ея къ деревнѣ, какъ необ-

ходимое условіе ея успѣха. Именно этого и не хотятъ крайніе и некрайніе правые, соглашаясь, для отвода глазъ, на ту подачку, за которую высказывается и дворянскій съѣздъ. Волостное земство, правильно поставленное и организованное — это паденіе стѣны между крестьянствомъ и привилегированными классами, это начало того глубокаго переворота въ народной жизни, котораго такъ боятся сторонники «властной руки», апологеты «добраго стараго времени». Весьма возможно, что въ ближайшемъ будущемъ побѣда останется за ними на этомъ пунктѣ, какъ и на многихъ другихъ; весьма возможно, что камень преткновенія на пути къ волостному земству будетъ положенъ Государственнымъ Совѣтомъ—но положеніе дѣлъ на мѣстахъ слишкомъ ненормально, чтобы быть продолжительнымъ. Несостоявшіяся своевременно уступки всегда влекутъ за собою увеличеніе и обостреніе требованій.

Почти одновременно на дворянскомъ съѣздѣ и въ Государственной Думѣ г. Пуришкевичъ произнесъ длинныя рѣчи, рисовавшія въ самомъ мрачномъ свѣтѣ положеніе русской печати, громившія лѣвую прессу, оплакивавшія бѣдственную судьбу правыхъ органовъ и открыто требовавшія для послѣднихъ матеріальной правительственной поддержки. Не касаясь существа этихъ рѣчей, подчеркнемъ только одно: безнадежное testimonium paupertatis, которое онѣ выдаютъ правой печати. Вездѣ существуютъ или могутъ существовать оффиціальные и оффиціозные органы, но нигдѣ они не пользуются значеніемъ и вліяніемъ, нигдѣ не задаютъ тонъ общественному мнѣнію. Субсидія—всегда источникъ слабости, а не силы. Авторитетна только та печать, которая находитъ точки опоры въ средѣ общества; широко распространена только та, которая располагаетъ талантами, литературными и публицистическими. Если у насъ въ Россіи въ настоящее время такъ мало, сравнительно, газетъ праваго направленія и такъ ничтожна ихъ роль, то именно потому, что имъ не достаетъ обоихъ указанныхъ нами условій. Пускай на нихъ посыплются, какъ изъ рога изобилія, правительственные дары — ничто отъ этого не перемѣнится, никакихъ завоеваній имъ не удастся сдѣлать, пока остается неизмѣннымъ настроеніе широкихъ общественныхъ круговъ и народныхъ массъ. Голосъ г. Пуришкевича звучитъ не съ высоты, откуда ясно видна даль и лучше распознаются надвигающіяся тучи или пробивающіеся сквозь нихъ солнечные лучи; онъ раздается въ темной и душной низинѣ, гдѣ смутны впечатлѣнія дѣйствительности и назойливы призраки, создаваемые испугомъ. Все ярче и ярче, съ каждымъ новымъ его выступленіемъ, вырисовывается только собственная его фигура. Есть французская поговорка: dis moi qui tu hantes, je te

dirai qui tu es. Примѣняясь къ ней, можно воскликнуть: «скажите мнѣ, какъ относится та или другая группа къ г. Пуришкевичу—и я безошибочно опредѣлю характеръ этой группы». Вотъ почему мы считаемъ излишнимъ говорить о происходившемъ недавно первомъ съѣздѣ «академистовъ»; для его оцѣнки достаточно указать, что въ товарищи предсѣдателя его былъ выбранъ, вмѣстѣ съ г. Замысловскимъ, г. Пуришкевичъ.

Безвременная кончина П. Н. Лебедева, одного изъ первыхъ физиковъ нашего времени, напомнила еще разъ о прошлогоднемъ разгромѣ московскаго университета, отразившемся, между прочимъ, на судьбѣ покойнаго профессора. Мы, конечно, не утверждаемъ, что между обоими событіями существуетъ причинная связь; но невольную скорбь внушаетъ мысль, что послѣдній годъ жизни великаго ученаго прошелъ внѣ родныхъ ему университетскихъ стѣнъ, вдали отъ привычныхъ условій его работы. Намъ кажется, что его смерть должна служить новымъ напоминаніемъ о томъ, какъ бережно слѣдуетъ обходиться съ научными силами, особенно у насъ въ Россіи, какъ ничтожно значеніе служебной дисциплины, сплошь и рядомъ худо понимаемой, въ сравненіи съ интересами высшей школы, какъ разсадника знаній и источника свѣта.

Не мало преградъ встрѣчала на своемъ жизненномъ пути А. П. Философова; но ей была дана долгота дней. Она участвовала, полвѣка тому назадъ, въ первыхъ шагахъ женскаго движенія, способствовала медленнымъ, трудно пріобрѣтавшимся его успѣхамъ и дожила если не до торжества его на всѣхъ пунктахъ, то до признанія его въ принципѣ. Въ его исторіи имя ея займетъ почетное мѣсто, рядомъ съ именами Н. В. Стасовой, М. В. Трубниковой, Н. П. Сусловой, Е. О. Лихачевой.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Къ предстоящимъ выборамъ.—Характерный показатель общественнаго настроенія.—День «колоса ржи».—Правая и лѣвая половины русской общественности передъ выборами.—Воззваніе націоналистовъ.—Новая конституціонно-консервативная партія.—Выборные лозунги прогрессивныхъ избирателей.—Что можетъ и должно быть положено въ основу объединенія?—Партійные блоки.

Хотя третья Дума не только съ прежнимъ, но даже съ повышеннымъ «усердіемъ» все еще продолжаетъ «законодательствовать», ежедневно встрѣчая аплодисментами, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, безотвѣтственное передъ нею правительство; хотя время роспуска «представителей народа», большинство которыхъ получило это званіе по волѣ блока крупныхъ землевладѣльцевъ съ губернаторами и съ бывшимъ вершителемъ выборныхъ судебъ, г. Крыжановскимъ,—пока еще неизвѣстно; хотя въ теченіе долгихъ пяти лѣтъ Дума и Государственный Совѣтъ, конкуррируя между собою, дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее для того, чтобы страна окончательно извѣрилась въ русскую конституцію,— все-таки, однако, главный интересъ момента составляютъ предстоящіе выборы.

Правыя партіи уже формально открыли предвыборную кампанію. Для истинно-русскихъ союзниковъ кампанія началась не особенно удачно—взаимными пересудами насчетъ «темныхъ денегъ» и дракою въ русскомъ собраніи между гг. Никольскимъ и Марковымъ. Въ Курскѣ тоже летали—не то подсвѣчники, не то чернильницы. Но гдѣ союзники, тамъ не можетъ не быть грубыхъ и пошлыхъ скандаловъ. И скандалы привлекаютъ къ нимъ вниманіе, заставляя о нихъ говорить и помнить. Одинаково не могутъ похвастаться удачей первыхъ шаговъ націоналисты. Гр. В. Бобринскій и г. Половцевъ, разъѣзжающіе по разнымъ городамъ для проповѣди антисемитизма и борьбы съ «жидо-масонами» и «жидо-кадетами», бури восторговъ въ слушателяхъ не встрѣчаютъ. Да и ходятъ ихъ слушать, судя по газетнымъ извѣстіямъ, избиратели особаго рода: преимущественно губернскіе чиновники, съ губернаторами во главѣ. Впрочемъ, націоналисты вѣдь только видъ дѣлаютъ, что добиваются общественнаго успѣха. Они отлично знаютъ, что его не получатъ. И на что имъ общественный успѣхъ,—когда къ

ихъ услугамъ и росписаніе числа выборщиковъ по куріямъ, и право министра внутреннихъ дѣлъ дѣлить избирателей, и «разъясненія»? Въ газетахъ, въ январѣ, была напечатана слѣдующая телеграмма изъ Воронежа: «Губернаторомъ затребованы отъ городской управы и членовъ юбилейной комиссіи объясненія по поводу отказа въ отводѣ мѣста представителямъ національнаго клуба при открытіи 16-го октября минувшаго года памятника Никитину». Подобный успѣхъ и подобное «общественное» содѣйствіе—для націоналистовъ реальный и вѣрный фактъ. А предвыборная пропаганда писаній г. Меньшикова—пустое занятіе. Предшественники нынѣшнихъ націоналистовъ—правые земцы до-конституціоннаго времени—также только для виду спорили въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, а дѣла дѣлали въ тиши губернаторскихъ кабинетовъ или подъ шумъ предводительскихъ обѣдовъ и завтраковъ.

У октябристовъ 4 марта, въ Москвѣ, происходило предвыборное засѣданіе центральнаго комитета и затѣмъ былъ политическій банкетъ по случаю открытія покровскаго отдѣла октябристскаго клуба. На банкетѣ товарищъ предсѣдателя центральнаго комитета, г. Линдеманъ, «сдѣлалъ обзоръ дѣятельности третьей Думы, передъ которой—по его словамъ—съ глубокой благодарностью должна склониться вся Россія», ибо «исторія признаетъ, что третьей Думѣ Россія обязана всѣмъ своимъ будущимъ». Закончилъ г. Линдеманъ пожеланіемъ «дальнѣйшей энергіи въ работѣ» А. И. Гучкову. Думскій лидеръ октябристовъ, очевидно, почувствовалъ необходимость хоть какъ-нибудь пояснить болѣе чѣмъ рискованную ссылку на исторію—и вспомнилъ о своемъ прадѣдѣ, «крѣпостномъ человѣкѣ». О своемъ прадѣдѣ А. И. Гучковъ вспоминалъ уже многократно. На московскомъ банкетѣ это былъ ораторскій пріемъ, который далъ ему возможность связать себя, октябристовъ и третью Думу съ крестьянствомъ и закончить тостомъ «за русскія крестьянскія массы». «Сознаніе,—говорилъ А. И. Гучковъ,—что онъ происходитъ изъ трудовыхъ рабочихъ классовъ, было для него всегда путеводнымъ указаніемъ, почему онъ во главѣ угла ставитъ крестьянскій классъ, необходимость вести его къ свѣту, труду и къ экономическому благосостоянію». Конечно, среди «своихъ» А. И. Гучковъ не могъ встрѣтить ни возраженій, ни явно обнаруженнаго изумленія. Но думаемъ, что и тѣ, кто чокался съ нимъ за крестьянскія массы, въ душѣ ощущали неловкость... Словомъ, и у октябристовъ—несмотря на «бодрые» возгласы, среди которыхъ раздавалось: «да здравствуетъ партія, насаждающая великую правду»!—первая попытка нащупать предвыборную почву была далеко не блестяща.

«Дума въ Питерѣ сидитъ,
Важно засѣдаетъ;
Про мужицкія нужды
Ничего не знаетъ.
Депутатъ у насъ хорошъ,
Только толку ни на грошъ:
Засѣдаетъ третій годъ,
Только дѣло плохо претъ.
Какъ Гучковъ-атъ молодецъ—
Богачу родной отецъ,
До бѣдняги мужика
Ему нужда не велика».

Такъ поетъ про третью Думу, про депутатовъ и про Гучкова крестьянская деревня, не разгадавшая того «путеводнаго указанія» руководителя думскаго большинства, которое онъ ставилъ «во главу дѣла», способствуя насильственному разрушенію общины и безпримѣрному выкачиванію народныхъ денегъ на крѣпости, пушки и на амурскую желѣзную дорогу...

Опредѣлилось ли общественное настроеніе, въ атмосферѣ котораго будутъ проходить выборы? При дѣйствующей избирательной системѣ, разлитое въ странѣ настроеніе прямого вліянія на выборы, въ смыслѣ образованія большинства въ четвертой Думѣ, оказать не можетъ. Но и курскіе «зубры» все же люди. И они живутъ въ атмосферѣ, которой дышатъ и не ощущать которую не могутъ. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, какъ ни много наплодилось въ «обновленномъ» строѣ землевладѣльцевъ типа гг. Марковыхъ или Крупенскихъ, «зубры» все-таки—порода рѣдкая и вымирающая; общій тонъ землевладѣльческой средѣ даютъ не они, а та масса, которая всегда и во всемъ—въ политикѣ же особенно—поддается и подчиняется вліянію атмосферы. Эта масса голосовала въ 1907-мъ году въ атмосферѣ страха и утомленія. Будетъ она голосовать и теперь въ атмосферѣ общественнаго настроенія момента. Но какого?—Вопросъ стоитъ сейчасъ и передъ правительствомъ, и передъ политическими партіями, и передъ печатью, и передъ заурядными обывателями, которымъ предстоитъ на мигъ сдѣлаться гражданами. Для разрѣшенія его прямыхъ данныхъ нѣтъ, и приходится обращаться къ косвеннымъ показателямъ. Ибо при однобокой свободѣ слова, печати и собраній учитывать общественное настроеніе по митингамъ черносотенцевъ, націоналистовъ и октябристовъ, или по резолюціямъ объединенныхъ дворянъ, или по заявленіямъ правой прессы, можетъ только тотъ, кто желаетъ намѣренно обмануть себя и другихъ.

Однимъ изъ такихъ показателей были дни «колоса ржи». Въ

Петербургѣ, гдѣ былъ сдѣланъ первый опытъ, иниціаторамъ сбора успѣха не предвѣщали. Указывали на пассивность и апатію, наблюдаемыя во всѣхъ слояхъ городского населенія. Отмѣчали отсутствіе громкой общественной реакціи на голодъ минувшаго и нынѣшняго годовъ. Выражали опасеніе, что сборъ не дойдетъ до той суммы, которую, въ виду новизны дѣла, далъ прошлой весной день «бѣлаго цвѣтка»—на борьбу съ туберкулезомъ. Дѣйствительность опрокинула всѣ пессимистическія предсказанія и далеко превзошла ожиданія самыхъ неисправимыхъ оптимистовъ. День «бѣлаго цвѣтка» далъ 50 тыс. рублей. День «колоса ржи»—болѣе 180 тысячъ. Съ одинаковой готовностью опускали въ кружки пятачки, двугривенные и рубли люди всѣхъ профессій и достатковъ. Безъ значка и колоса на груди 22-го февраля на улицахъ Петербурга почти нельзя было встрѣтить человѣка. По отзыву сборщиковъ и сборщицъ, отказы пожертвовать были рѣдкими исключеніями. Со значками попадались извощики, скалывавшіе ледъ чернорабочіе, околоточные и городовые. Ломовики и легковые извощики, привозившіе вечеромъ въ зданіе городской думы горки кружекъ, не брали платы. Фабричные и заводскіе рабочіе вносили деньги поголовно. Сборы въ чайныхъ и трактирахъ низшаго разряда шли такъ же успѣшно, какъ въ фешенебельныхъ ресторанахъ. «Весь Петербургъ», словомъ, горячо откликнулся на призывъ. И въ этой горячности люди, близко стоявшіе къ дѣлу, ясно чувствовали тѣ самыя ноты глухого и сдержаннаго, но весьма краснорѣчиваго протеста, которыя такъ хорошо и уже такъ давно знакомы наблюдателямъ нашей общественности.

180 тыс. рублей, собранные въ день «колоса ржи», были сложнымъ и многограннымъ отвѣтомъ. Ими чиновники, купечество, рабочіе, публика театровъ и ресторановъ, не говоря уже о главныхъ участникахъ дѣла, которымъ оно обязано успѣхомъ,—о студенческой молодежи,—ясно отвѣтили на закрытіе столовыхъ для голодающихъ, на крестьянскія общественныя работы въ зимнее время и на устраненіе свободной самодѣятельности общества отъ его святого долга. Тутъ былъ отвѣтъ на «успокоительныя» опроверженія губернаторовъ и на требованіе, отъ котораго правящая власть отказалась не сразу и не вполнѣ: или вносить пожертвованія въ распоряженіе Краснаго Креста, или не дѣлать ихъ вовсе. Петербуржцы отвѣтили 22 февраля градоначальнику, который одновременно не нашелъ формальныхъ препятствій для приведенія въ исполненіе постановленія городской думы о пожертвованіи 25 тыс. руб. на памятникъ П. А. Столыпину—и опротестовалъ постановленіе о пожертвованіи 100 тыс. руб. на помощь голодающимъ.

Правительство имѣло полную возможность если не устранить,

то, во всякомъ случаѣ, сгладить политическое и симптоматическое значеніе дня «колоса ржи». Но оно не только этой возможностью не воспользовалось, а, напротивъ, сдѣлало все, чтобы показать, насколько изолированное положеніе оно занимаетъ, и тѣмъ подчеркнуть ноты общественнаго протеста. Говорятъ, предсѣдатель совѣта министровъ былъ увѣренъ въ томъ, что, при наступившемъ и глубоко всюду проникшемъ «успокоеніи», сборъ не будетъ имѣть шумнаго успѣха. Если это вѣрно и если этимъ объясняется пассивное сопротивленіе, оказанное министерствомъ имъ самимъ разрѣшенному дѣлу, то, слѣдовательно, имѣло мѣсто повтореніе стародавней ошибки нашей бюрократіи, которая органически лишена дара объективнаго предвидѣнія. Въ результатѣ министерству пришлось увидѣть такія картины, видѣть которыя ему было нелегко.

День «колоса ржи» засвидѣтельствовалъ, что и отъ чиновничества кабинетъ изолированъ. Въ департаменты и вообще въ присутственныя мѣста входъ сборщикамъ былъ воспрещенъ, и они должны были стоять у подъѣздовъ. Но не только частныя лица—и всѣ чиновники, входившіе въ подъѣздъ и выходившіе изъ него, опускали въ кружки монеты. Въ одномъ учебномъ заведеніи начальникъ, получивъ телеграмму о недопущеніи сбора, положилъ ее въ карманъ и ушелъ гулять. Онъ гулялъ... пока сборъ не былъ оконченъ.

Торжествующіе «націоналисты» не могли не понять политическаго значенія, которое, независимо отъ воли и намѣреній устроителей, получилъ день «колоса ржи». Успѣхъ дня не могъ не подѣйствовать на нихъ удручающе. Но они не были бы упоенными торжествомъ «націоналистами», если бы промолчали или вообще отнеслись къ печальному для нихъ факту хоть внѣшне прилично. Всѣхъ превзошелъ въ стремленіи клеветой и инсинуаціями парализовать впечатлѣніе, оставленное неоспоримымъ фактомъ, само собою разумѣется, нововременскій іудушка. Средній сборъ, падающій на единицу населенія Петербурга, т. е. не исключая грудныхъ дѣтей, въ 9 коп., г. Меньшиковъ объявилъ результатомъ «довольно жалкимъ». Петербуржцевъ,—конечно, взрослыхъ и имѣющихъ въ распоряженіи деньги,—приглашали удѣлить по пяти копѣекъ. Они пожертвовали столько, что пришлось на единицу населенія по девяти коп. Въ какой мѣрѣ надо быть подавленнымъ результатомъ, чтобы называть его «довольно жалкимъ?» Расшаркиваясь передъ казенной благотворительностью и обрушиваясь на частную, г. Меньшиковъ, по его собственному признанію, никогда не пожертвовавшій ни копѣйки даже литературному фонду, писалъ: «когда является къ вамъ, напримѣръ, се-

кретарь «ея превосходительства, начальницы губерніи» съ подписнымъ листомъ, то вы, скрѣпя сердце, вносите свою лепту, зная лично и секретаря, и губернаторшу, и комитетъ по сбору пожертвованій. Все это не миоъ для васъ. Тонкимъ вымогательствомъ является здѣсь только публичная подписка. Въ колосѣ же ржи или въ бѣломъ подснѣжникѣ васъ атакуютъ совершенно невѣдомые вамъ люди. Они атакуютъ васъ съ травкой въ рукѣ или съ кусочкомъ соломы, и вы опускаете ваши деньги въ чей-то карманъ безъ всякаго учета, кромѣ предполагаемой добросовѣстности этихъ милыхъ барышень и молодыхъ людей».

Этихъ гнусныхъ намековъ не стоило бы отмѣчать, если бы они не свидѣтельствовали о томъ, гдѣ люди, подобные г. Меньшикову, черпаютъ матеріалъ для наблюденій. Да, съ частной благотворительностью, имѣющей отношеніе къ политикѣ—въ особенности, дѣло у насъ обстоитъ нехорошо, но только не тамъ, куда изъ правой печати направляются стрѣлы. Ни для кого не секретъ, что скетингъ-рингъ на Марсовомъ полѣ, выстроенный вопреки закону и протесту городской думы, принадлежитъ только по имени благотворительному обществу изъ типа тѣхъ, во главѣ коихъ стоятъ «ихъ превосходительства», и что въ дѣйствительности хозяиномъ предпріятія является нѣкій оборотливый итальянецъ, откупившій у общества превосходительно-благотворительную фирму. На послѣднемъ процессѣ чиновъ главнаго интендантскаго управленія оффиціально установлены еще болѣе любопытные факты. Въ Варшавѣ есть домъ трудолюбія—учрежденіе, созданное католическимъ духовенствомъ и энергично покровительствуемое властями. Въ виду благой цѣли учрежденія, ему преимущественно передъ подрядчиками предоставлялось изготовленіе военнаго обмундированія. Когда же у главнаго интенданта, генерала Шуваева, возникли сомнѣнія о приспособленности мастерскихъ дома и когда было произведено разслѣдованіе, то оказалось, что фактически домъ трудолюбія есть никто другой, какъ еврей Марксонъ, уплачивавшій администраціи дома за фирму по пяти копѣекъ съ комплекта обмундированія. То же самое продѣлывалъ въ Кіевѣ «союзъ Михаила Архангела», подъ фирмою котораго поставлялъ сапоги еврей Лукашевичъ. И пуришкевичевскій даже антисемитизмъ не устоялъ передъ продажей еврею права торговать именемъ созданнаго на страхъ еврейству союза.

Какъ вѣтеръ, если закрыто окно, ворвется въ дверь, такъ и общественное настроеніе всегда дастъ о себѣ знать.

Что, кромѣ настроенія, понесетъ съ собою на выборы лѣвая половина русской общественности и что понесетъ правая? Могутъ ли и обязаны ли обѣ половины идти къ урнамъ съ законченными политическими программами? Для лѣвой половины активной политической жизни нѣтъ. Пять послѣднихъ лѣтъ вернули ее въ то положеніе, въ которомъ до 17 октября 1905 г. находилась вся русская общественность безраздѣльно. Слѣдовательно, чего-либо другого, сверхъ общихъ лозунговъ и указаній отрицательнаго характера, она дать не можетъ. И требовать отъ нея детально формулированныхъ положительныхъ тезисовъ было бы, въ данный политическій моментъ, даже странно. Дѣйствительно, могутъ ли имѣть цѣну на предстоящихъ выборахъ разсужденія объ охранѣ труда, о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, о прямомъ или непрямомъ всеобщемъ избирательномъ правѣ, объ отмѣнѣ смертной казни, о принудительномъ отчужденіи земли и т. д.? Все это казалось и близкимъ, и реальнымъ при первыхъ и вторыхъ выборахъ. При четвертыхъ — ушло въ безграничную даль.

Но для правой половины русской общественности придти на выборы въ четвертую Думу и сказать, что она намѣрена созидать, стало долгомъ. Правая половина, «легализованная», всѣ пять лѣтъ имѣла полную возможность жить политической жизнью. Она стоитъ у власти, и она обязана сознавать свою отвѣтственность. Предъявлять подобныя требованія къ «союзу русскаго народа», конечно, нельзя, ибо союзъ—единеніе революціонное (съ правой стороны). Націоналисты же заявляютъ, что они признаютъ «народное представительство величайшимъ и необходимымъ благомъ». А потому на нихъ лежитъ прямая обязанность объявить избирателямъ, какъ и чѣмъ используютъ это «величайшее и необходимое дѣло» «представители, вѣрные церкви православной, царю самодержцу и своему русскому отечеству». Такъ наименовали себя націоналисты въ воззваніи, составленномъ «совѣтомъ всероссійскаго національнаго союза» во исполненіе «постановленія перваго съѣзда представителей мѣстныхъ національныхъ организацій».

Первая часть воззванія имѣетъ полемическій характеръ и перечисляетъ «руководимыхъ евреями» и «поддерживаемыхъ поляками и другими инородческими группами» враговъ «русскаго народа и всероссійской государственности»: «прогрессистовъ, скрывающихъ подъ этой кличкой кадетскія домоганія, безвольныхъ мирнообновленцевъ, идущихъ на поводу у тѣхъ же кадетъ, наконецъ, самихъ кадетъ, достаточно извѣстныхъ, а также и явно революціонныя партіи». А вторая—заключаетъ въ себѣ оригинальную смѣсь общихъ фразъ и отнюдь не вытекающихъ изъ нихъ конкретныхъ заявленій.

Руководящими началами своей дѣятельности въ четвертой Думѣ націоналисты провозглашаютъ величіе и достоинство господствующей православной церкви, всемѣрное содѣйствіе росту боевой мощи, національно-патріотическое и религіозное направленіе народнаго образованія и недопущеніе какого бы то ни было расширенія правъ евреевъ.

При чемъ, по отношенію къ этимъ «руководящимъ началамъ», «величайшее и необходимое благо»—«народное представительство»? Когда въ до-конституціонную эпоху былъ моментъ, чтобы тѣ же самыя начала не являлись руководящими въ направленіи русской внутренней политики? И, однако, и въ православной церкви оказалась разруха, и всемѣрное содѣйствіе росту боевой мощи привело къ Мукдену и Цусимѣ, и долгія десятилѣтія насажденія національно-патріотическаго и религіознаго направленія народнаго образованія привели къ тому, что его собираются насаждать при помощи «потѣшныхъ» и учителей изъ запасныхъ унтеръ-офицеровъ. Когда въ до-конституціонную эпоху былъ моментъ, чтобы надъ евреями не тяготѣли ограниченія? Правда, тогда все-таки былъ стыдъ и, по крайней мѣрѣ открыто, антисемитизмъ, какъ руководящее начало, не выставляли. И въ этомъ вопросѣ связь между «величайшимъ и необходимымъ благомъ», какъ оно привилось пока на нашей почвѣ, съ одной стороны, и обѣщаемымъ націоналистами дальнѣйшимъ «обновленіемъ» русской жизни, съ другой,—дѣйствительно существуетъ, какъ существуетъ она въ вопросахъ, финляндскомъ и холмскомъ. Но неужели только для «борьбы съ еврействомъ» или для отнятія отъ Финляндіи двухъ приходовъ и отъ царства Польскаго — Холмщины нужно было Россіи и «даровано» ей народное представительство?

Въ ряду конкретныхъ заявленій націоналисты ставятъ на первое мѣсто обѣщаніе обезпечить духовенство «вполнѣ достаточнымъ государственнымъ содержаніемъ». Далѣе слѣдуетъ содѣйствіе развитію низшаго профессіональнаго образованія, мелкаго и крупнаго кредита за счетъ государственнаго банка и обезпеченіе интересовъ торговли и промышленности. Въ заключеніе, воззваніе намѣчаетъ: «пересмотръ законовъ въ цѣляхъ болѣе дѣйствительной борьбы съ еврействомъ». И это все. Зоологическій характеръ націонализма «всероссійскаго національнаго союза» сказался въ воззваніи во всей своей красѣ.

О мѣрахъ созданія гражданственности, безъ чего «величайшее и необходимое благо», казалось бы, есть пустая скорлупа,—въ воззваніи нѣтъ ни звука. Зачѣмъ націоналистамъ неприкосновенность личности, когда ихъ не хватаютъ и не ссылаютъ? Зачѣмъ имъ

законодательное обезпеченіе свободы слова, печати, собраній и союзовъ? Развѣ и при существующихъ порядкахъ они этого лишены? О крестьянахъ, о ихъ нуждахъ и бѣдахъ—въ воззваніи тоже ни звука. Правда, крестьянъ 80 милліоновъ; правда, дворянамъ-землевладѣльцамъ приходится съ ними жить бокъ-о-бокъ. Но развѣ не позаботился законъ 3 іюня, чтобы крестьянскіе голоса не имѣли на выборахъ рѣшающаго значенія? Православное духовенство — другое дѣло. Оно влито въ землевладѣльческія куріи — и ему дается обѣщаніе «достаточнаго государственнаго содержанія». Въ землевладѣльческихъ куріяхъ вмѣстѣ съ дворянами голосуютъ крупные собственники торгово-промышленнаго класса — и они также не забыты: имъ обѣщана ненарушимость покровительственной системы. Для себя націоналисты имѣютъ достаточное число высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и кадетскихъ корпусовъ. Въ томъ, чтобы въ странѣ вообще поднимался уровень образованія, они потребности не ощущаютъ. Но сапожники, портные и сельскохозяйственные прикащики имъ нужны. А потому о низшемъ профессіональномъ образованіи въ воззваніи говорится совершенно опредѣленно.

Неужели не ясно, что только въ твердомъ разсчетѣ на губернаторовъ и исправниковъ можетъ идти на выборы съ такой программой торжествующая и правящая политическая партія? Циркулируютъ слухи, что при В. Н. Коковцовѣ красные дни для націоналистовъ миновали. Кое-что свидѣтельствуетъ, что въ этомъ есть доля истины. Но отголоски столыпинскаго времени, и весьма реальные, во всякомъ случаѣ не исчезли. По поводу увольненія волынскаго губернатора, гр. Кутайсова, кн. Мещерскій писалъ: «фактъ, о которомъ говорятъ со смущеніемъ въ городѣ, это—уходъ графа Кутайсова съ мѣста волынскаго губернатора, вслѣдствіе того, что ему предложено было переселиться губернаторомъ въ Привислинскій край; а предложено было ему уйти съ Волыни по требованію націоналистовъ. Если это вѣрно, то это уже du Столыпинъ tout pur, то-есть подчиненіе министерства внутреннихъ дѣлъ шайкѣ націоналистовъ». Изъ другихъ источниковъ добавляютъ, что гр. Кутайсову былъ поставленъ вопросъ: можетъ ли онъ дать ручательство, что отъ волынской губерніи будутъ выбраны въ четвертую Думу націоналисты? Гр. Кутайсовъ отвѣтилъ отрицательно. Тогда ему сказали, что человѣкъ сомнѣвающійся на посту губернатора быть не долженъ.

Основное горе нашихъ правыхъ нереволюціонныхъ партій— націоналистовъ и октябристовъ, хотя и подъ «истинно-русскимъ» угломъ зрѣнія самодержавно-представительнаго строя, но все же за-

являющихъ, что они признаютъ въ представительствѣ «величайшее и необходимое благо»,—заключается въ томъ, что для консервативнаго конституціонализма время въ Россіи, несмотря на пять лѣтъ практики «обновленнаго» строя, еще не настало. Пока приходится ставить въ кавычки и слова «конституція», и слова «обновленіе», до тѣхъ поръ конституціонализмъ можетъ быть только требующій и протестующій, но никакъ не консервативный. Ибо для охраны нуженъ объектъ, а когда его нѣтъ, то нечего и охранять. Отсюда проистекаетъ неизбѣжная внутренняя ложь идущихъ справа программныхъ заявленій. Отсюда же идетъ неудовлетворенность правыхъ элементовъ общества существующими легализованными партіями и стремленіе къ созданію новыхъ партій,—благо внѣшнихъ препятствій для того не имѣется. Передъ нами проектъ программы нарождающейся партіи «независимыхъ консерваторовъ», «набросанный», по его выраженію, графомъ Перовскимъ-Петрово-Соловово.

Эпиграфомъ взяты слова Бисмарка: «Революціи опасны не столько сами по себѣ, сколько по заложенному въ нихъ и оставшемуся въ свое время неудовлетвореннымъ минимуму разумныхъ требованій». Какой же минимумъ «разумныхъ требованій» выставляютъ «независимые консерваторы»? Что они намѣрены охранять и отъ охраны чего не отказываются? Существующіе пріемы «пресѣченія» революціи, «до смертной казни въ нѣкоторыхъ случаяхъ включительно», они считаютъ неприкосновенными. Незыблемость права собственности, въ его современномъ пониманіи, по ихъ мнѣнію стоитъ также внѣ возможности уступокъ. Въ отношеніи порядка избранія въ Думу, независимые консерваторы «не видятъ въ настоящее время рѣшительно никакой нужды въ сколько-нибудь существенномъ расширеніи нынѣшней системы политическаго избирательнаго права въ смыслѣ приближенія его къ всеобщему». По боевому вопросу минуты «объ отношеніи къ различнымъ населяющимъ Россію народностямъ», партія желаетъ стоять «на почвѣ искреннѣйшаго доброжелательства», но подъ условіемъ, чтобы «эти народности» были обязаны «оказывать государству всяческую поддержку и безпрекословно уважать права господствующей въ имперіи народности—великорусской». Расширеніе и развитіе правъ, принадлежащихъ законодательнымъ учрежденіямъ, партія считаетъ желательнымъ. Однако, тутъ же прибавляетъ уничтожающую тезисъ оговорку: «въ согласіи съ правительствомъ»,—т. е. по волѣ исполнительной власти.

Такимъ образомъ, даже законъ 3 іюня нарождающаяся консервативная «конституціонная» партія относитъ къ объектамъ своей «независимой» охраны. Что же остается внутри минимума «разум-

ныхъ требованій»? Во-первыхъ, религіозная свобода; во-вторыхъ — «свобода критики»; въ-третьихъ—свобода личности и равенство всѣхъ передъ закономъ; въ-четвертыхъ—свобода собраній и союзовъ. Конечно, и этого было бы достаточно, чтобы, по нынѣшнимъ временамъ, привѣтствовать новую партію. Но, поясняя понятіе гражданской свободы, программа вливаетъ въ его элементы такое содержаніе, которое ничѣмъ ни отличаетъ существующую «свободу» отъ намѣчаемой по бисмарковскому рецепту. Исключеніе составляетъ только вопросъ о свободѣ религіозной. Подъ свободой критики программа разумѣетъ свободу слова и печати. «Свобода критики»—говорятъ независимые консерваторы—является «драгоцѣннымъ достояніемъ современнаго общества, однимъ изъ важнѣйшихъ залоговъ правильности хода государственной машины, однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ къ пресѣченію и раскрытію злоупотребленій, и, въ довершеніе всего, однимъ изъ безобиднѣйшихъ—сравнительно—исходовъ для накопившагося общественнаго недовольства, могущаго иначе найти иныя, менѣе безвредныя формы». Но партія понимаетъ, что суть вопроса не въ общихъ фразахъ, а въ опредѣленіи границъ «свободы критики». И она «полагаетъ, что онѣ тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ прославленіемъ преступныхъ, закономъ запрещенныхъ дѣяній; съ призывомъ къ учиненію таковыхъ; съ систематическимъ возбужденіемъ вражды и ненависти между отдѣльными народностями или классами общества; съ оглашеніемъ въ печати обстоятельствъ, отъ сохраненія коихъ въ тайнѣ зависитъ безопасность государства, и т. д.», т. е. дается перечень, не совпадающій буквально съ границами дѣйствующихъ законовъ о печати и обязательныхъ постановленій только потому, что онъ не законченъ. Правда, «внѣ рѣдчайшихъ, совершенно исключительныхъ случаевъ», независимые консерваторы отвергаютъ административное воздѣйствіе. Но лѣвая печать уже достаточно, думаемъ, познала сладость воздѣйствія судебнаго, когда такъ опредѣляются границы «свободы критики». Годъ и полтора года крѣпости съ пожизненнымъ лишеніемъ политическихъ правъ стали нормой кары для писателей. Но есть уже примѣры дальнѣйшаго развитія въ томъ же направленіи упорядочивающихъ «свободу критики» воздѣйствій. Такъ, редакторъ газеты «Баку» недавно приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе. Въ административномъ порядкѣ людей, по крайней мѣрѣ, нельзя лишать правъ состоянія.

Однородно «набросаны» въ программѣ границы свободы личности, собраній и союзовъ. И, какъ итогъ, нѣтъ не только рѣзкаго, но и вообще ясно уловимаго отличія политической физіономіи независимыхъ консерваторовъ отъ физіономіи націоналистовъ,—если

не считать изувѣрскаго и бесмысленнаго антисемитизма послѣднихъ Въ устахъ независимыхъ консерваторовъ какъ и въ устахъ націоналистовъ, фальшиво звучатъ завѣренія о преданности идеѣ конституціонализма. Ибо они ставятъ своей задачей охрану того, что лишь по внѣшнему облику соотвѣтствуетъ конституціонному государственному строю, а по содержанію представляется совершенно другимъ. Если независимые консерваторы выступятъ на предстоящихъ выборахъ, то имъ также придется разсчитывать, вмѣсто общественнаго содѣйствія, на содѣйствіе губернаторовъ.

Въ хроникѣ прогрессивныхъ столичныхъ газетъ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ, въ началѣ марта, было напечатано слѣдующее извѣщеніе:

«Въ связи съ предстоящими выборами въ IV Государственную Думу, въ цѣляхъ согласованія дѣйствій въ теченіе избирательной кампаніи, возникаетъ организація для безпартійнаго объединенія прогрессивныхъ элементовъ. Пока идутъ подготовительныя работы. Платформой объединенія является осуществленіе идей манифеста 17-го октября, проведеніе реформы мѣстнаго самоуправленія, защита народно-хозяйственныхъ интересовъ, борьба съ лженаціонализмомъ, защита правъ и достоинства народнаго представительства.

«Мысль о необходимости подобнаго объединенія прогрессивныхъ элементовъ возникла уже давно. Болѣе рельефно она проявилась на совѣщаніяхъ, происходившихъ во время общеземскаго съѣзда въ августѣ прошлаго года. Иниціатива дѣла принадлежитъ группѣ прогрессистовъ Государственной Думы, къ которой уже примкнули въ этомъ отношеніи нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта, а также земскіе, городскіе и общественные дѣятели».

Объединеніе прогрессивныхъ элементовъ стало, въ сущности, потребностью лѣвой половины русской общественности съ того самаго момента, когда опредѣлилось торжество реакціи въ учрежденіи, олицетворяющемъ конституціонный строй,—т. е. съ первыхъ дней жизни третьей Думы. Но пережитки недавнихъ въ то время надеждъ, создавшихъ партійное дробленіе, были настолько сильны, что понадобились долгіе годы, дабы потребность получила широкое признаніе. Теперь такое признаніе есть. И задача минуты—найти для него выраженіе. Удастся ли это организаціи, возникшей по иниціативѣ группы прогрессистовъ Государственной Думы,—вопросъ другой. Удастся ли ей, путемъ объединенія, достигнуть успѣха на предстоящихъ выборахъ, сказать еще труднѣе, ибо рамки закона

3 іюня и правительственное споспѣшествованіе побѣдѣ черной сотни, націоналистовъ и «послушныхъ» октябристовъ—такія стѣны, пробить которыя для общественнаго настроенія едва ли будетъ по силамъ. Но основной выборный лозунгъ слѣва во всякомъ случаѣ намѣченъ вѣрно.

Не торжество той или иной партіи должно одушевлять сейчасъ лѣвую половину общественности. Политическая жизнь страны—даже не въ тупикѣ, въ какомъ она была передъ манифестомъ 17 октября. Послѣ-конституціонная реакція нашла рельсы и по нимъ безудержно катится. И поскольку этими рельсами частью самостоятельно являются, частью посредственно служатъ охваченные реакціею Государственная Дума и Совѣтъ,—готовые всегда не только «слушаться», но и брать на себя починъ боевыхъ реакціонныхъ мѣропріятій,—постольку патріотическій долгъ каждаго русскаго гражданина, обладающаго избирательными правами, обязываетъ его къ активности въ періодъ открывающейся выборной кампаніи. Говорятъ, что если выборы дадутъ оппозиціонное большинство, то четвертая Дума будетъ немедленно распущена. Пусть даже такъ! Страна, все-таки тогда скажетъ, что она мыслитъ и, если не что желаетъ — то чего *не* желаетъ.

Послѣ-конституціонная реакція, въ отношеніи господствующихъ намѣреній и тенденцій, отбросила политическую жизнь по ту сторону эпохи великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Конечно, то, чего требуютъ объединенные дворяне и другія черносотенныя организаціи, никогда въ мысляхъ черносотенцевъ не умирало, — какъ никогда не умирало само черносотенство. Но все это до «конституціи» таилось. Теперь же — кричитъ, и кричитъ властно. О подтасовкѣ и подмѣнѣ общественнаго мнѣнія, путемъ субсидированія правыхъ газетъ сейчасъ говорятъ прямо и безъ обиняковъ. О двухъ мѣркахъ свободы—тоже. Московскіе «міряне», съ губернскимъ предводителемъ дворянства, г. Самаринымъ, во главѣ, обращаясь по адресу членовъ синода, послѣ увольненія еп. Гермогена, спрашивали: «Не поддались ли они въ данномъ случаѣ незамѣтно для себя настроенію нашихъ правящихъ и высшихъ общественныхъ круговъ, гдѣ неохотно допускаютъ свободное выраженіе мысли, идущей въ разрѣзъ съ такъ называемыми общепринятыми взглядами, и всегда готовы заставить молчать человѣка, который высказываетъ и отстаиваетъ свои убѣжденія съ необычною у насъ смѣлостью и твердостью»? Чуть ихъ коснулось дѣло,—правые возмущены. А какъ они относятся къ тѣмъ лѣвымъ, которые съ твердостью и смѣлостью высказываютъ и отстаиваютъ свои убѣжденія,—объ этомъ, полагаемъ, достаточно свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что

приведенныя слова были напечатаны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Но всего ярче принципъ, на которомъ построенъ прошедшій черезъ Думу проектъ новаго устава о воинской повинности. Составители проекта не только не считали первымъ условіемъ всякаго закона «возможно полное охраненіе интересовъ населенія», но главнымъ мотивомъ отмѣны устава 1874 г. выставляли ни что другое, какъ именно заботу объ охраненіи этихъ интересовъ, которою, якобы во вредъ интересамъ войска, милютинскій уставъ проникнутъ. И это отрицаніе права населенія на охраненіе закономъ его интересовъ никого изъ «господъ положенія» не коробитъ.

При такихъ условіяхъ, содержаніе того, что можетъ и должно быть положено въ основу объединенія, слѣва намѣчается безъ труда и само собой. Если слова «народное представительство» и «народные представители» въ приложеніи къ тому тону, который пять лѣтъ господствовалъ въ третьей Думѣ, вызываютъ улыбку, то, слѣдовательно, вся прогрессивная часть русскаго общества, независимо отъ партійныхъ программъ, не можетъ не стремиться къ устраненію этого тона въ четвертой Думѣ. Если причина, почему слова «народное представительство» вызываютъ улыбку, коренится въ избирательномъ законѣ 3-го іюня, то слѣва не можетъ быть ни сомнѣній, ни споровъ о необходимости реорганизовать избирательную систему. Если за пять лѣтъ ни сдѣлано ни малѣйшаго шага для развитія вширь и вглубь идеи мѣстнаго самоуправленія; если система административной опеки надъ земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ остается въ полной неприкосновенности по закону, а на практикѣ еще съ большей рѣзкостью, чѣмъ до «конституціи», даетъ себя чувствовать; если отправленіе правосудія еще дальше отошло отъ началъ судебной реформы; если сенатскія «разъясненія» безошибочно стали предугадываться и юристы ихъ только регистрируютъ, какъ курьезы; если незыблемость института земскихъ начальниковъ снова готова сдѣлаться догматомъ государственной мудрости,—если такъ, то дробленіе прогрессивныхъ элементовъ потеряло всякій смыслъ и всякое оправданіе.

Въ глазахъ реакціи всѣ лѣвыя партіи—одинаково «преступныя сообщества», различаемыя лишь степенью преступности и размѣромъ карательнаго воздѣйствія. Въ глазахъ торжествующаго націонализма всѣ инородцы если не равно ненавистны, то равно должны быть подъ сомнѣніемъ. Къ инородцамъ причисляются и русскіе по рожденію и православные по вѣрѣ, если они не охвачены ненавистью и завистью къ всѣмъ, исповѣдующимъ иную вѣру и рожденнымъ не отъ великороссовъ. Высшее сословіе—дворяне—не допускаетъ мысли о необходимости поступиться сословными при-

вилегіями. Дѣленіе на людей «бѣлой» и «черной» кости и охрана этого дѣленія снова возведены въ принципъ. Въ Думѣ при обсужденіи устава о воинской повинности, когда депутаты-крестьяне говорили о томъ, что для крестьянства закрыты пути къ офицерской службѣ, съ крайней правой ихъ голоса были встрѣчены грубыми окриками, а въ центрѣ—не менѣе краснорѣчивымъ молчаніемъ. Вся лѣвая печать безразлично трактуется какъ зло, терпимое только по своей неизбѣжности. Собранія и митинги не разрѣшаются ни соціалъ-демократамъ, ни кадетамъ, ни профессіональнымъ союзамъ, ни обществамъ врачей.

А съ другой стороны—двадцать губерній голодаютъ. Первый же неурожай—и экономическое безсиліе крестьянской деревни опять выросло передъ общественнымъ сознаніемъ во всемъ своемъ трагизмѣ. Деревню опять понадобилось кормить. Голодъ воочію показалъ, что хутора и отруба земельнаго вопроса не разрѣшаютъ и разрѣшить не могутъ. Правовое положеніе деревни послѣ «конституціи» стало еще хуже. Безправіе снова воцарилось и въ крестьянской семьѣ, и въ волостномъ судѣ, и въ становой квартирѣ, и въ камерѣ земскаго начальника. Стародавнія крѣпостническія формы проявленія деревенскаго безправія, которыя одно время какъ-будто уходили въ прошлое, возродились. Далѣе, людей вѣшаютъ—меньше въ числѣ, но такъ же систематично и такъ же по буквѣ закона, стоящей въ противорѣчіи съ его разумомъ. Въ тюрьмахъ издѣваются, бьютъ и сѣкутъ... Нужно ли продолжать? Нужны ли еще аргументы для доказательства реальной и болѣзненной необходимости объединенія прогрессивныхъ элементовъ общественности?

Должно ли объединеніе быть безпартійнымъ въ собственномъ смыслѣ слова, или блокомъ партій? Мы далеки отъ мысли, чтобы объединяющіеся для выборовъ избиратели лѣваго образа мыслей должны были отказаться отъ партійной принадлежности. Но нельзя забывать, что партійная принадлежность къ лѣвымъ группамъ стала у насъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, номинальной. Партійной жизнью живутъ думскія фракціи и, отчасти — центральные комитеты. Для массъ партійной жизни не существуетъ. А потому предвыборные блоки слѣва были бы блоками не партій въ цѣломъ, а лишь руководящихъ органовъ. Вотъ почему не блоки партій въ данный моментъ могутъ имѣть мѣсто при степенныхъ выборахъ въ губерніяхъ и уѣздахъ, а именно безпартійное или, точнѣе, внѣпартійное объединеніе.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.—АПРѢЛЬ.

СТРАН.

I. СУХОДОЛЪ.—**Ив. Бунина** 3
II. ТРИ ДНЯ.—**М. Горькаго** 61
III. СВОБОДА. (Изъ воспоминаній бывшаго шлиссельбуржца). — **М. Фроленко** 91
IV. ВЪ ДВОРЯНСКОЙ БЕРЛОГѢ.—Очерки съ эпилогомъ.——(Окончаніе).— **Н. Тимковскаго.** 123
V. I.—ПОЗАБЫТЫЕ БОГИ.—(Изъ Іосифа Маріа де-Хередіа).—II.—ИЗЪ «РЕКВІЕМА».—(Драммора). — Стихотворенія. — **Анатолія Доброхотова.** 181
VI. КЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ МАТЕРІАЛАМЪ О ПОКОЙНОМЪ П. А. СТОЛЫПИНѢ.—**П. А. Тверского** 183
VII. ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ХАСИНТО БЕНАВЕНТЕ.—1. Взятіе Бастиліи.—2. Пѣвецъ Нищеты.—Перев. съ испанск. **Л. Б. Хавкиной** 202
VIII. НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ. (Der Wetterwart). — Продолженіе.—Переводъ съ нѣмецкаго **З. Журавской** 206
IX. ПАМЯТИ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.—**Д. Овсянико-Куликовскаго** . . . 247
X. ФРЕЙДЪ И ФРЕЙДИСТЫ.—**Н. Костылева** 253
XI. Хроника.—НАИВНЫЙ ЦИНИЗМЪ.—**Максима Ковалевскаго.** . . 279
XII. МУНИЦИПАЛИЗАЦІЯ И ЕЯ ПРОТИВНИКИ.—**Гр. Шрейдера** 285
XIII. МАСОНЫ ВО ФРАНЦІИ. — Письмо изъ Парижа.—**Бѣлоруссова** . . . 305
XIV. ТУБЕРКУЛЕЗЪ И СОВРЕМЕННАЯ БОЛЬНИЦА.—**Д-ра Мих. Юшкевича** 322
XV. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ФРЕЙСИНЭ.—**Л. Слонимскаго** 333
XVI. СТАТЬЯ 175 УСТАВА О ЦЕНЗУРѢ И ПЕЧАТИ.—**С. Каменецкаго.** . . 339
XVII. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Занесенные снѣгомъ хутора.—Отношеніе общинниковъ-крестьянъ къ хуторянамъ-малороссамъ.—Неудачи хуторянъ.—Крѣпкая ткань стараго общиннаго быта.—Тревога населенія передъ близящейся весной —Путаница съ помощью для обсѣмененія полей.—Призракъ новой будущей голодовки.—**И. Жилкина.** 346
XVIII. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. Адріанова** 355
XIX. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ФРАНЦІИ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.—**И. Иванюкова** 364
XX. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ II. Съ 3-мя портретами.—**Л. Слонимскаго.**—Н. П. Кашинъ. Этюды объ Островскомъ.—Письма А. П. Чехова. Томъ I (1876—1887). Съ иллюстраціями. Изда-

стр.

ніе М. П. Чеховой.Ч. В—скій.—А. Кипенъ. Разсказы Т. I.—Е. Колтоновская.—Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя, подъ редакціей П. П. Коробки. Томъ I. Юношескіе опыты и «Вечера на хуторѣ». — Н. Л.—Б. А. Тураевъ, проф. Спб. Университета.—Исторія древняго Востока. Часть II.—И. Бороздинъ.—Генри-Чарльсъ Ли. Исторія инквизиціи въ средніе вѣка. Переводъ съ франц. А. В. Башкирова подъ редакціей С. Г. Лозинскаго. Т. I и II. Съ иллюстраціями.—Л. С.—Проф. А. Филиппсонъ. Средиземье (область Средиземнаго моря). Его географическая и культурная характеристика. Съ 10 табл. (ландшафтами), 10 картами и 9 чертежами въ текстѣ. Переводъ со 2-го нѣм. изданія П. А. Вѣльскаго, подъ редакціей проф. Д. Н. Анучина.—А. Щ.—Н. Н. Полянскій. Статьи по уголовному праву.—Ал. Маклецова.—О. Шрейнеръ. Женщина и трудъ. Переводъ съ англійскаго Э. А. Серебрякова. Съ предисловіемъ П. В. Чайковскаго.—Ежегодникъ газеты «Рѣчь».—Обзоръ главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли за 1910 г.—В. В.—А. Чаяновъ. Ленъ и другія культуры въ организаціонномъ планѣ крестьянскаго хозяйства нечерноземной полосы. Томъ I и таблицы. Вып. I. Волоколамскій уѣздъ (семинарій проф. А. О. Фортунатова при Моск. сельско-хозяйственномъ институтѣ).—С. Первушина.—Статистико-экономическое изслѣдованіе грунтовыхъ дорогъ Тверской губерніи». Изданіе подъ редакціей К. Я. Воробьева тверскимъ губернскимъ земствомъ.—Д. Р.—Статистическій ежегодникъ Финляндіи. 1911 г. Изданіе центральнаго статистическаго бюро.—Изъ географіи и статистики подмосковныхъ губерній. Составилъ А. О. Фортунатовъ, проф. М. С.-Х. Института.—Статистика по казенной продажѣ питей 1904 г. Изданіе главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. В. Б—ъ.—Новыя книги и брошюры. 376

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Забастовка рабочихъ и ея послѣдствія въ Англіи.—Билль о минимальной платѣ въ парламентѣ.—Митинги и аресты.—Политика на ближнемъ Востокѣ.—Итальянскія дѣла.—Министерскія перемѣны въ Германіи. 407

XXII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Пренія о Холмщинѣ въ Государственной Думѣ.—Запросъ о преподаваніи Закона Божія инославнымъ учащимся въ начальныхъ школахъ.—Запросы, относящіеся къ дѣятельности министра народнаго просвѣщенія.—Законопроектъ о мѣстномъ судѣ въ Государственномъ Совѣтѣ.—Съѣздъ объединеннаго дворянства.—П. Н. Лебедевъ и А. Н. Философова † 419

XXIII. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—Къ предстоящимъ выборамъ.—Характерный показатель общественнаго настроенія.—День «колоса ржи».—Правая и лѣвая половины русской общественности передъ выборами.—Воззваніе націоналистовъ.—Новая конституціонно-консервативная партія.—Выборные лозунги прогрессивныхъ избирателей.—Что можетъ и должно быть положено въ основу объединенія?—Партійные блоки . . 432

XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 449

XXV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

НИКОЛАЕВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ
БИБЛИОТЕКА

AP
50
V5
g.47
kn.4

Vîèstnik Evropy

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY